ЦЕНТР НАУЧНЫХ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ (ЦНИОП)

ISSN 2225-756X

LITTERA SCRIPTA MANET

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

WEB OF SCIENCE

EMERGING SOURCES CITATION INDEX

Clarivate Analytics

ERIH PLUS

EBSCOhost

ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY

MIAR

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА LIBRARY.RU

РОССИЙСКИЙ ИНДЕКС НАУЧНОГО ЦИТИРОВАНИЯ Science Index

OCLC WorldCat

ZDB ZEITSCHRIFTEN DATENBANK

ВЫСШАЯ АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)

Перечень рецензируемых научных изданий

ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

Научный диалог

Том 11, выпуск 4, 2022

Nauchnyi Dialog

Volume 11, Issue 4, 2022

ISSN 2225-756X

Научный диалог

Том 11, выпуск 4, 2022

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011 г., Роскомнадзор
Год основания	2012
Периодичность	10 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	• WoS <Emerging Sources Citation Index> • DOAJ • ERIH PLUS • Global Serials Directory Ulrichs Web • EBSCO • Российский индекс научного цитирования – РИНЦ • КиберЛенинка
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
Телефон редакции	8(343)3458984
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	cniop@bk.ru

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

Тематика	Исторические науки Литературоведение Языкознание	
География авторов выпуска	Владивосток Волгоград Вологда Екатеринбург Елабуга Казань Красноярск Нижний Новгород Омск	Пенза Пермь Самара Санкт-Петербург Симферополь Томск Тюмень Хабаровск Челябинск Якутск
Авторы, имеющие ученую степень	86 %	

Дата выхода в свет 16.05.2022

ISSN 2225-756X

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

Volume 11, Issue 4, 2022

ISSN	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications)	PI № FS 77-47018 of 18.10.2011
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Publication Frequency	10 issues per year
Publicher	Centr naučnyh i obrazovatel′nyh proektov, 620135, Yekaterinburg, Kosmonavtov Ave., 43, fl. 57
Presence in Citation Bases, indexation	• WoS <Emerging Sources Citation Index> • DOAJ • ERIH PLUS • Global Serials Directory Ulrichs Web • Science Index (Rus) • CyberLeninka
Text Presentation Form	• EBSCO • RSCI — All published articles are publicly available for reading and citing on the journal’s website and in the National E-Library • CyberLeninka
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed

Тематика журнала «Научный диалог»: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Главный редактор
Татьяна Валерьевна Леонтьева, доктор филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия
Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)
Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)
Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Татьяна Владимировна Гусейнова, доктор педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Языкознание. Медиакоммуникации. Журналистика
Александр Константинович Киклевич, доктор филологических наук, профессор (Польша, Ольштын)
Андреана Борисова Ефтимова, доктор наук, профессор (Болгария, София)
Арто Мустайоки, доктор философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)
Биляна Марич, доктор филологических наук, доцент (Сербия, Белград)
Евгения Викторовна Терехова, доктор филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)
Нина Марковна Разинкина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Москва)
Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Ренате Ратмайр, доктор филологических наук, профессор (Австрия, Вена)
Татьяна Геннадьевна Никитина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Псков)
Тимур Беньяминович Радбиль, доктор филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Литературоведение. Фольклористика
Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Александр Самуилович Кацев, доктор филологических наук, профессор (Кыргызская Республика, Бишкек)
Алексей Валериевич Юдин, кандидат филологических наук, профессор (Бельгия, Гент)
Иво Поспишил, доктор наук (Чешская Республика, Брно)
Ирина Леонардовна Савкина, доктор философии (Финляндия, Тампере)
Ольга Юрьевна Осьмухина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)
Татьяна Алексеевна Савоськина, кандидат филологических наук, доцент (Украина, Измаил)
Татьяна Васильевна Володина, доктор наук, доцент (Беларусь, Минск)

Исторические науки
Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)
Альбина Советовна Жанбосинова, доктор исторических наук, профессор (Казахстан, Нур-Султан)
Иван Иванович Думиика, доктор исторических наук (Молдова, Кишинев)
Ирина Ромуальдовна Чикалова, доктор исторических наук, профессор (Беларусь, Минск)
Юрий Дмитриевич Анчабадзе, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Английский перевод аннотаций: Ирина Волгина

Editor-in-Chief:
Tatyana Valeryevna Leontyeva, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)

EDITORIAL BOARD
Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr Gennadiyevich Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Anna Viktorovna Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)
Marija Kirilova Kitanova-Markova, Doctor of Philology, associate professor (Bulgaria, Sofia)
Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Sergey Nikolayevich Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Tatyana Vladimirovna Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

EDITORIAL COUNCIL

LINGUISTICS. MEDIA COMMUNICATIONS. JOURNALISM
Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)
Andreana Borisova Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)
Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)
Evgeniya Viktorovna Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)
Marija Kirilova Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Nina Markovna Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)
Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)
Tatyana Gennadyevna Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)
Timur Benyuminovich Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)

LITERARY STUDIES. FOLKLORE
Sergey Nikolayevich Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Aleksandr Samuilovich Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)
Aleksey Valerievich Yudin, Ph.D. in Philology, professor (Belgium, Ghent)
Irina Leonardovna Savkina, Doctor of Philosophy, professor (Finland, Tampere)
Ivo Pospíšil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno)
Olga Yurevna Osmukhina, Doctor of Philology, professor (Russia, Saransk)
Tatyana Alekseyevna Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)
Tatsiana Vasilyevna Valodzina, Doctor of Philology, associate professor (Belarus, Minsk)

HISTORY
Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr Gennadiyevich Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Albina Sovetovna Zhanbosinova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Nur-Sultan)
Ivan Ivanovich Duminica, Doctor of History (Moldova, Kishinev)
Irina Romualdovna Chikalova Doctor of History, professor (Belarus, Minsk)
Yuri Dmitrievich Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Содержание

Языкознание

Баженова Я. Г. Художественные функции моделей манипулятивного речевого взаимодействия в диалогах героев Ф. М. Достоевского 9

Завьялов В. Н., Ли Ляньмэй. Морфолого-синтаксические свойства союза ХОТЬ… ХОТЬ… и его семантика 29

Иванян Е. П., Клюшина А. М. Последний vs крайний в онтологическом освещении 46

Ильина Е. Н. КИНО в языковой картине мира сельских жителей Русского Севера..... 68

Лабунец Н. В., Эртнер Д. Е., Андреева Я. Е. Этнолингвистические лакуны в переводе на китайский язык романа Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза» 85

Мельничук О. А., Павлов С. С. «Северность», «воображаемое Севера» или «концептосфера арктического дискурса»?..... 106

Старостина Ю. С. Лингвоаксиологическая речежанровая модель и ее актуализация в англоязычном драматургическом дискурсе 131

Стрельцова А. В., Петухова Т. И., Хомякова Е. Г. Конструирование нарратива о соцреализме в англоязычном искусствоведческом дискурсе (на материале текстов Мэтью Бауна)..... 153

Шереметьева Е. С., Цао Сяоминь. Формально-смысловая структура контекстов текстовой скрепы И ПОТОМ..... 172

Медиакоммуникации и журналистика

Абросимова Е. А., Кравченко Ю. Д. Книга стихов в интернет-пространстве : интермедиальный аспект 187

Данкова Н. С., Крехтунова Е. В. Речевое воздействие в политическом дискурсе в контексте пандемии COVID-19 (на примере выступлений Б. Джонсона и Д. Байдена).... 203

Кушнерук С. Л. Реальность российского промышленного региона в американских СМИ : аспекты фреймирования 218

Ребрина Л. Н. Интернет-мемы как актуальный феномен политической интернет-коммуникации в Германии : тематическая группа «Большая коалиция» 239

Хустенко А. А. Специфика семиотической организации интернет-мемов профессионального сообщества юристов в социальных сетях..... 258

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

Богданова О. В., Власова Е. А. Ностальгический подтекст в «Осеннем крике ястреба» И. Бродского 284

Лалетина О. С., Хворостьянова Е. В. Нетождественная строфика В. В. Набокова в контексте русского стиха XIX—XX веков 300

Подюков И. А. Христианские реминисценции в живой речи (на материале старообрядческих говоров Прикамья) 318

Шастина Е. М., Казакова Ю. К. Нарративная стратегия скепсиса в романе Н. Гштрайна «Британец» 335

Исторические науки

Анкушева К. А. Крестьянское переселение в Сибирь в начале XX века : по материалам журнала «Сибирские вопросы» 357

Архипова Н. Е. «Приходская революция» 1917 года в Нижегородской епархии 378

Бородина Е. В. «Случайные жертвы» суда и следствия : к проблеме содержания подозреваемых и ответчиков в Российской империи в 1725—1741 годы 397

Бурнашева Н. И. Деятельность Арктической комиссии при Совете народных комиссаров СССР в 1928—1930 годах : от задач научного исследования к планам хозяйственного развития 419

Кондаков Ю. Е., Федотьев Д. С. Поездка Б. П. Мансурова на Восток в 1856—1857 годах 433

Красникова Ю. Н. Эволюция делопроизводства в государственных учреждениях Российской империи в первой половине XIX века (на примере Департамента уделов) 451

Непомнящий А. А. Деятельность Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины в Крыму в 1909—1917 470

Пьянков С. А. Ульяновский автомобильный завод в годы Великой Отечественной войны : проблема кадров и ее решение 489

Федорова В. И. Социальная мобильность сельского населения Енисейской губернии в конце XIX — начале XX веков 510

АВТОРАМ 529

CONTENTS 535

ЯЗЫКОЗНАНИЕ
LINGUISTICS

Алёна Михайловна Клюшина, канд. филол. наук (Самара)
Виктор Николаевич Завьялов, д-р филол. наук (Хабаровск)
Дарья Евгеньевна Эртнер, канд. филол. наук (Тюмень)
Елена Николаевна Ильина, д-р филол. наук (Вологда)
Елена Павловна Иванян, д-р филол. наук (Самара)
Елена Сергеевна Шереметьева, д-р филол. наук (Владивосток)
Ли Ляньмэй, аспирант (Хабаровск)
Наталья Вадимовна Лабунец, д-р филол. наук (Тюмень)
Ольга Алексеевна Мельничук, д-р филол. наук (Якутск)
Степан Степанович Павлов, младший научный сотрудник (Якутск)
Цао Сяоминь, аспирант (Владивосток)
Юлия Сергеевна Старостина, канд. филол. наук (Самара)
Яна Георгиевна Баженова, преподаватель (Нижний Новгород)
Яна Евгеньевна Андреева, ассистент (Тюмень)

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Баженова Я. Г. Художественные функции моделей манипулятивного речевого взаимодействия в диалогах героев Ф. М. Достоевского / Я. Г. Баженова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 4. — С. 9—28. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-9-28.

Bazhenova, Ya. G. (2022). Artistic functions of Models of Manipulative Speech Interaction in Dialogues of Heroes by F. M. Dostoevsky. *Nauchnyi dialog, 11(4):* 9-28. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-9-28. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU EBSCOhost

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-9-28

Художественные функции моделей манипулятивного речевого взаимодействия в диалогах героев Ф. М. Достоевского

Баженова Яна Георгиевна
orcid.org/0000-0003-0123-5904
соискатель по кафедре теоретической и прикладной лингвистики,
преподаватель кафедры зарубежной лингвистики Института филологии и журналистики
nusya-777@mail.ru

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия)

Artistic functions of Models of Manipulative Speech Interaction in Dialogues of Heroes by F. M. Dostoevsky

Yana G. Bazhenova
orcid.org/0000-0003-0123-5904
Postgraduate student,
Department of Theoretical and Applied Linguistics,
Lecturer, Department of Foreign Linguistics,
Institute of Philology and Journalism
nusya-777@mail.ru

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

© Баженова Я. Г., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Освещаются модели манипулятивной коммуникации в диалогах героев Ф. М. Достоевского в плане их художественных функций в повествовании. Материалом для исследования являются тексты романов Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток» и «Братья Карамазовы». Особое внимание уделяется сюжетообразующим и характерообразующим функциям. Установлено, что сюжетообразующие функции диалогов с элементами манипулятивной коммуникации заключаются в том, что они психологически подготавливают будущие повороты сюжета или выступают в качестве непосредственного толчка к изменению той или сюжетной ситуации, воплощая установку повествования на недоговоренность, умолчание, сокрытие «больных мест» в сознании персонажей. Анализ выявил, что характерообразующие функции диалогов с элементами манипулятивной коммуникации заключаются в художественном воплощении драматичных взаимоотношений между героями, часто в поворотные мгновения их жизни, когда сложная и напряженная внутренняя жизнь персонажа внезапно приоткрывается перед читателями. Показано, что не всегда использование адресатом тех или иных манипулятивных техник ведет к нарушению постулатов кооперативного общения или принципа вежливости: в ряде случаев манипуляция в зоне адресата может иметь целью как раз соблюдение постулата тактичности. Делается вывод, что использование проанализированных манипулятивных стратегий служит художественным средством раскрытия характера героя в речи, когда персонаж, незаметно для себя, приоткрывает свой внутренний мир для читателя. Они играют существенную роль в самораскрытии характера героя через его речь, а иногда — и в его саморазоблачении.

Ключевые слова:

художественный диалог; Достоевский; манипулятивная коммуникация; диалогический дискурс.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The models of manipulative communication in the dialogues of the characters of F. M. Dostoevsky are highlighted in terms of their artistic functions in the narrative. The material for the research is the texts of the novels by F. M. Dostoevsky “Crime and Punishment”, “The Idiot”, “Demons”, “Teenager” and “The Brothers Karamazov”. Particular attention is paid to plot-forming and character-forming functions. It has been established that the plot-forming functions of dialogues with elements of manipulative communication lie in the fact that they psychologically prepare future plot twists or act as a direct impetus to change a particular plot situation, embodying the narrative setting for reticence, silence, hiding “sore spots” in the minds of characters. The analysis revealed that the character-forming functions of dialogues with elements of manipulative communication lie in the artistic embodiment of dramatic relationships between the characters, often at turning points in their lives, when the complex and intense inner life of the character is suddenly revealed to readers. It is shown that the use of certain manipulative techniques by the addressee does not always lead to a violation of the postulates of cooperative communication or the principle of politeness: in a number of cases, manipulation in the addressee's zone may have the goal of just observing the postulate of tact. It is concluded that the use of the analyzed manipulative strategies serves as an artistic means of revealing the character of the hero in speech, when the character, imperceptibly for himself, reveals his inner world to the reader.

Key words:

artistic dialogue; Dostoevsky; manipulative communication; dialogical discourse.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 811.161.1’42+ 821.161.1Достоевский.08

Художественные функции моделей манипулятивного речевого взаимодействия в диалогах героев Ф. М. Достоевского

© Баженова Я. Г., 2022

1. Введение = Introduction

В современном отечественном лингвистическом диалоговедении утверждается понимание речевого взаимодействия как дискурса особого типа — диалогического дискурса [Макаров, 2003; Борисова, 2009]. В соответствии с основополагающими нормами общения между людьми, развертывание диалогического дискурса должно осуществляться с учетом принципов коммуникативного сотрудничества. Однако в этой области нередко встречаются и разнообразные нарушения, неосознанные или осознанные, что превращает диалогический дискурс из кооперативного в конфликтный или манипулятивный.

Модели манипулятивной коммуникации, основанные на разного рода девиациях в употреблении языка [Чернявская, 2006; Радбиль, 2007], которые, как правило, не осознаются реципиентом сообщения, сегодня значительно расширяют свою представленность, они проникают во все разновидности дискурсивных практик современного общества, задействуя разнообразные активные процессы и инновационные тенденции в языке [Радбиль и др., 2021]. Особенно ярко их действие проявляется в диалогической коммуникации как исходной, основной форме существования языка [Иссерс, 1999; Иссерс, 2020; Русское повседневное общение, 2018]. Поэтому рассмотрение речевых стратегий, приемов и средств языкового манипулирования в диалоге представляется в наши дни особенно важным в связи с усилением информационного воздействия на общество в целом и его отдельных представителей в современную эпоху.

Одной из значимых проблем в современном диалоговедении издавна является соотношение первичной, естественно-языковой диалогической коммуникации и ее вторичных разновидностей, в ряду которых особое место занимает диалог художественный, имеющий свою специфику [Лагутин, 1991]. Для нашего исследования важно, что художественный диалог в каком-то смысле моделирует все, что происходит в диалоге естественно-языковом, и зачастую делает это более ярко, выпукло, наглядно, так как является продуктом тщательного отбора языковых средств, подчиненного художественной задаче писателя. Это в полной мере относится и к инте-

CC BY

ресующим нас моделям манипулятивной диалогической коммуникации, которые в художественной речи писателей, в системе других элементов поэтики, служат средством воплощения проблематики произведения, выполняют сюжетообразующие и характерообразующие функции.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Своеобразие коммуникативной и языковой организации художественного диалога максимально ярко проявляется в художественной речи писателя, романы которого пронизаны диалогичностью. Речь идет о Ф. М. Достоевском, «художественная диалогика» которого является основой «полифонизма» как базовой черты его художественного мира [Бахтин, 1979].

Особая роль диалога в художественном мире Ф. М. Достоевского подчеркивается практически всеми исследователями творчества писателя, прежде всего литературоведами и критиками [Бахтин, 1979; Хоц, 1994; Достоевский, 1997; Касаткина, 2004; Бадалова, 2017 и др.], но также и философами, психологами, культурологами и антропологами [Карасев, 1994; Сараскина, 1996; Дуров, 2000 и др.]. Непосредственно диалог Достоевского как объект литературоведческого исследования рассматривается, например, в монографии К. А. Степаняна [Степанян, 2010]; диссертации О. Ю. Рождественской [Рождественская, 2018], в статье Е. А. Гаричевой [Гаричева, 2002] и др. Несколько позже эта проблема стала объектом исследовательского внимания лингвистов, в котором основополагающую роль сыграли, в частности, работы Е. А. Иванчиковой [Иванчикова, 1994] и Н. Д. Арутюновой [Арутюнова, 1999], известный сборник, подготовленный учеными Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН [Слово Достоевского, 2001], а также лексикографический проект, начатый Ю. Н. Карауловым [Словарь языка Достоевского, 2001—2003]. Из последних лингвистических работ следует также отметить монографию Н. Т. Ашимбаевой [Ашимбаева, 2014], работу И. В. Ружицкого [Ружицкий, 2013], диссертацию Е. В. Шараповой [Шарапова, 2018]. Постепенно появляются и исследования, посвященные лингвистическому анализу разных аспектов диалога у Ф. М. Достоевского, например, работа [Романова и др., 2018].

Несмотря на значительные научные результаты по заявленной нами проблематике, в интересующем нас ракурсе изучение моделей манипулятивной коммуникации в художественном диалоге именно на материале диалогов героев Ф. М. Достоевского с точки зрения реализации тех или иных художественных функций еще не проводилось.

Указанные соображения позволяют сформулировать ***цель*** предпринятого исследования — осуществить анализ сюжетообразующих и характе-

CC BY

рообразующих функций моделей манипулятивной коммуникации в диалогах персонажей романов Ф. М. Достоевского.

Под ***сюжетообразующими функциями*** в данной работе мы условно понимаем случаи использования манипулятивных схем в диалогах героев Ф. М. Достоевского, в которых предваряются будущие или комментируются уже произошедшие ключевые события, эпизоды, сюжетные ситуации в жизни героев, влияющие на развитие действия в произведении. В интересующих нас примерах это осуществляется в режиме иносказаний, недоговоренностей, намеков, умолчаний и пр. [Степанян, 2010; Рождественская, 2018; Романова и др., 2018]. Как пишет О. Меерсон, «автор вступает в диалог с читателем посредством диалога героев, соприкасающихся больными местами — то есть часто диалога *умолчаний* героев» [Меерсон, 2009, с. 218]. Основная смысловая нагрузка в диалогах героев Достоевского часто лежит на том, что не сказано, на том, что скрыто. А подобного рода коммуникативная организация диалога по умолчанию предполагает использование говорящими разного рода манипулятивных стратегий и тактик с самыми разными целями.

Под ***характерообразующими функциями*** в данной работе мы условно понимаем случаи реализации моделей манипулятивной коммуникации в диалогическом взаимодействии персонажей в целях выявления особенностей характера героя, его внутреннего мира через его речь посредством самораскрытия или саморазоблачения, когда персонаж, незаметно для себя, приоткрывает свой внутренний мир для читателя: «Диалог — одна из форм существования героев» [Романова и др., 2018, с. 68]. Очень часто манипулятивные схемы употребляются в диалоге героев как инструмент самоутверждения за счет собеседника, его манипулятивного убеждения, непрямого унижения, уничижения, как механизм «самооправдания», к которому прибегают герои-манипуляторы в произведениях Ф. М. Достоевского, чтобы скрыть какой-то неблаговидный поступок. Диалог в романах писателя также выступает как средство защиты подчас шаткой или спорной позиции говорящего (причем с возможностью впоследствии отказаться от сказанного), как способ подольститься, выведать секреты собеседника, чтобы использовать потом в своих целях и пр. [Сараскина, 1996; Гаричева, 2002; Степанян, 2010].

Также необходимо отметить, что в наших предыдущих работах [Баженова, 2021] обосновано расширенное понимание манипулятивной коммуникации как использования любых средств непрямого речевого воздействия, направленного на сокрытие от адресата истинной цели говорящего, но не обязательно в плане получения им выгоды. Именно такого рода манипулятивные «в хорошем смысле» приемы используются в педагоги-

CC BY

ческом дискурсе, в общении доктора и пациента, в некоторых разновидностях правовой или научной коммуникации. В этих случаях использование манипулятивных техник не идет вразрез с соблюдением принципов коммуникативного сотрудничества или постулатов вежливости и тактичности. Но ряд квалификационных признаков, позволяющих считать и эти речевые приемы манипулятивными, все же, на наш взгляд, сохраняется. Это, например, инициатива говорящего в вольном обращении с фактами («избирательность в подаче информации» [Иссерс, 1999]), это его коммуникативное доминирование (он берет на себя право решать, как должен думать или чувствовать собеседник, определять, что в интересах собеседника, а что нет — пусть и в «благих целях»), это, наконец, направленность на сокрытие истинной цели высказывания, на неосознанность адресатом самого факта речевого воздействия.

В работе использованы методы структурно-семантического описания, функционального анализа, коммуникативно-прагматического анализа, дискурс-анализа, лингвостилистического анализа художественного текста.

Материал исследования — тексты романов Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток» и «Братья Карамазовы» [ССД, т. V, VI, VII, VIII, IX, XI, XII]. Выбор в качестве материала художественной речи Ф. М. Достоевского обусловлен важностью диалогической коммуникации именно в романах этого писателя. «В центре художественного мира Достоевского должен находиться диалог, притом диалог не как средство, а как самоцель. Диалог здесь не преддверие к действию, а само действие» [Бахтин, 1979, с. 150]. Диалогическое взаимодействие персонажей в художественном мире писателя («голосов» в терминологии М. М. Бахтина) отличается исключительным разнообразием разновидностей диалогической коммуникации, воплощенных в романах писателя, в том числе коммуникации некооперативной, конфликтной и манипулятивной.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В нашей предыдущей работе на материале Национального корпуса русского языка мы рассмотрели такие модели манипулятивной коммуникации, как речевые стратегии манипулятивного ухода от темы, которые находят выражение в речевых тактиках демонстративного ответа не по теме, манипулятивного переспрашивания, перебива и подхвата, манипулятивной перемены темы, манипулятивного отказа от коммуникации, демонстративного молчания и пр. [Баженова, 2021, с. 300—303] В настоящей работе мы покажем, как эти модели участвуют в реализации сюжетообразующих и характерообразующих функций в диалогах персонажей романов Ф. М. Достоевского.

CC BY

Специфика художественной реализации указанных выше приемов и тактик заключается в том, что они в большинстве случаев применяются в комплексе в пределах одного акта диалогического взаимодействия.

3.1. Сюжетообразующие функции манипулятивной коммуникации в художественной речи Ф. М. Достоевского

Как было сказано выше, манипулятивные диалоги в сюжетообразующей функции вполне типичны для художественного мира Достоевского, в котором, по мысли О. Меерсон, главным является не то, о чем говорят персонажи, но то, о чем они умалчивают [Меерсон, 2009]. Так, например, важное для развития действия романа «Бесы» событие — убийство Марьи Тимофеевны и Игната Лебядкиных — отражено в «диалоге умолчаний» из сцены объяснения Лизы и Николая Ставрогина в романе «Бесы», когда беседа героев крутится вокруг темы убийства Марьи Тимофеевны и Игната Лебядкиных, но никто не смеет сказать это вслух.

В этом диалоге совмещены речевые тактики ухода от темы (перемены темы), манипулятивного переспрашивания, подхвата, манипулятивной перемены темы («выхода на метауровень»). Когда Ставрогин в своей взволнованной речи говорит, что «*жизнью заплатил*» за «*новую надежду*», которую Лиза у него «*отнимает сегодня*», Лиза в режиме манипулятивного подхвата восклицает: — ***Своею или чужой?*** В ответ на уточняющий вопрос Ставрогина: «*Что это значит?*», Лиза в режиме манипулятивного переспрашивания уточняет: — ***Своею или моею жизнью заплатили****, вот что я хотела спросить. Или вы совсем теперь понимать перестали?* Ведь Ставрогин слово «чужой» понял как ‘жизнями убитых’. Также в последнем риторическом вопросе мы видим «выход на метауровень», когда разговор переводится в плоскость обсуждения иллокутивных сил и пропозициональных установок собеседника. Важно в этом плане и указание Лизы на изменение внешнего вида Ставрогина в заключительной фразе реплики: *Господи, как вы бледнеете!* А в ответной реплике Ставрогина мы видим типичное для Достоевского умолчание как пример сокрытия «больных мест» в сознании героя [Меерсон, 2009], которое выглядит как перемена темы («*не о том говорил*»): *— Если ты что-нибудь знаешь, Лиза, то клянусь, я не знаю… и вовсе* ***не о том*** *сейчас говорил, говоря, что жизнью заплатил…* Примечательно, что и Лиза также не вполне искренна в вербализованной части ответной реплики: *— Я вас совсем не понимаю, — проговорила она, боязливо запинаясь*. На самом деле имеется в виду — ‘боюсь вас понять’ [ССД-VIII, с. 304].

Данный диалог примечателен тем, что некоторые приемы манипулятивной коммуникации в нем не используются в неблаговидных целях нанесения коммуникативного вреда собеседнику или извлечения из мани-

CC BY

пуляции какого-либо преимущества, см. [Баженова, 2021]. Здесь, скорее, речь может идти об умалчивании неких сведений или об избегании неких тем для разговора — с целью оберечь внутренний мир собеседника, не сообщить ему информации, которая будет тому неудобна, неприятна или свяжет какими-то обязательствами.

Ярким примером подобного диалога, в рамках которого коммуниканты не ставят себе цели намеренного нанесения партнеру коммуникативного вреда, является фрагмент беседы князя Мышкина и Парфена Рогожина, когда в романе «Идиот» впервые возникает значимая деталь — «садовый ножик», которым впоследствии будет зарезана Настасья Филипповна: «*Видя, что князь обращает особенное внимание на то, что у него два раза вырывают из рук этот нож, Рогожин с злобною досадой схватил его, заложил в книгу и швырнул книгу на другой стол*». Важно в сюжетном отношении, что в этом диалоге при использовании манипулятивной стратегии умышленной перемены темы, реализованной тактиками переспрашивания, подхвата и перебива, в зоне умолчания явственно присутствует предвестие убийства Настасьи Филипповны Рогожиным.

На серию рассеянных вопросов князя: «*Ты листы, что ли, им разрезаешь?», «Это ведь садовый нож?»* в режиме подхвата идет «листы», «садовый». Также неожиданно звучит, не вытекая из логики разговора, вопрос Мышкина о том, новый ли этот нож. Разговор переходит в незначащую плоскость обсуждения, почему бы этому ножу и не быть новым. При этом раздраженный тон Рогожина явно не соответствует довольно невинной, нейтральной тематике интеракции (что видно из слов автора «*в каком-то исступлении вскричал наконец Рогожин, раздражавшийся с каждым словом*»). И важно, что, как и в предыдущем примере Ставрогин, князь Мышкин в завершении беседы говорит, что «*вовсе* ***не об этом*** *и спросить-то хотел... не помню о чем»* [ССД-VI, с. 267].

Иными словами, мы видим, что в отношении важных для развития действия эпизодов герои Достоевского часто говорят «не об этом» и «не о том». ***Об этом*** или ***о том***, что их действительно волнует и тревожит, они предпочитают молчать, чему в структуре речевой организации диалогов способствуют разнообразные манипулятивные тактики.

Прием манипулятивного умолчания о значимом для участников диалога событии, важном для развития действия, может использоваться Достоевским как художественное средство воссоздания атмосферы напряженности, столь типичной для романов писателя, может маркировать наличие скрытого конфликта между героями, что является толчком к очередному повороту сюжета. Это можно видеть в фрагменте диалога генерала Епанчина и Гани Иволгина в романе «Бесы», где в зону прагматических пресуп-

CC BY

позиций опущена значимая для сюжетной динамики информация — обещание Гани жениться на Настасье Филипповне «за вознаграждение».

Весь диалог состоит из недомолвок, оборванных реплик, неоконченных фраз, в которых реализуются манипулятивные техники переспрашивания, перебива и подхвата. Генералу «не нравится смущение Гани», потому что он боится, что Ганя пойдет на попятную, особенно когда Ганя робко заявил, что еще «не решено окончательно»: — ***Так разве ты... так разве ты..*** *— испугался вдруг генерал. // —* ***Я ничего. // — Помилуй, что же ты с нами-то хочешь делать?*** *// — Я ведь* ***не отказываюсь****. Я, может быть, не так выразился... // —* ***Еще бы ты-то отказывал!*** [ССД-VI, с. 74].

В течение всего фрагмента диалога нигде не упоминается о том, от чего «не отказывается» Ганя. Также остается неясным и предмет вопроса генерала о том, «что же ты хочешь делать» и почему «с нами» (с кем — с нами?). Мы видим, как диалог словно «вертится» вокруг неудобной для обоих говорящих темы, которую они не могут вербализовать — в полном соответствии с концепцией О. Меерсон об «идиосинкразических» местах в сознании героев [Меерсон, 2009], и на фоне этого нарастает конфликтная ситуация, которая как бы «упрятана» в неословленной области диалогического взаимодействия персонажей. В свою очередь эта ситуация выступает опорной точкой для дальнейшего развития действия.

Стратегия умалчивания героями о важных в сюжетном отношении событиях и эпизодах может, напротив, заключаться в разного рода перефразированиях, переименованиях определенных событий или их действующих лиц, прямо сказать о которых или назвать которые персонажам по тем или иным причинам не представляется возможным. Иначе говоря, о «больных местах» в сознании можно не только молчать. Можно говорить о них другими, уводящими в сторону от сути словами. В научной литературе этот прием характеризуется как «наведение ложных импликатур дискурса» [Булыгина, Шмелев, 1997, с. 463], или «подведение к ложным умозаключениям» [Иссерс, 1999].

Характерно, что диалоги, построенные по указанной модели обыгрывания импликатур дискурса, могут маркировать самые ключевые эпизоды, кульминационные сцены в развитии действия произведений Достоевского. В частности, к таковым можно отнести диалог в романе «Братья «Карамазовы», когда Алеша убеждает брата Ивана Федоровича, что Иван не убивал отца. На прямой вопрос Ивана Карамазова, кто же убийца, Алеша сначала «*тихо и проникновенно*» отвечает: — *Ты сам знаешь кто* (наводится ложная импликация ‘Ивану известен убийца’, что дезавуирует иллокутивную силу предыдущего вопроса). Повторно заданный Иваном в повышенном тоне вопрос порождает реплику Алеши: — *Убил отца* ***не ты.*** В ответ на

CC BY

удивленную реакцию Ивана Алеша дублирует свое суждение: — ***Не ты*** *убил отца,* ***не ты!*** Далее Алеша в прямой форме эксплицирует свою уверенность в том, что Иван обвиняет именно себя в убийстве отца, но при этом в усиленной форме в третий раз повторяет: *Но убил* ***не ты,*** *ты ошибаешься,* ***не ты*** *убийца, слышишь меня, не ты! Меня Бог послал тебе это сказать* [ССД-XII, с. 184].

В указанных репликах Алеши *Не ты убил!* наводится умозаключение ‘не ты виноват в смерти отца’, причем это умозаключение ложное, так как из текста романа известно, что Иван, пусть косвенно, своим осознанным невмешательством, все-таки способствовал убийству отца, в глубине души желал этого убийства. Но это ложь во спасение, проникнутая высокой христианской идеей спасения души грешника, помощи падшему.

3.2. Характерообразующие функции манипулятивной коммуникации в художественной речи Ф. М. Достоевского

Модели манипулятивной коммуникации в диалогах героев Ф. М Достоевского: (1) служат для характеристики особенностей взаимоотношений между персонажами; (2) выступают в качестве средства раскрытия характера героя, в том числе и его самооправдания или саморазоблачения (намеренного или невольного).

(1) Так, в рамках тактики манипулятивного подхвата в следующем диалоге Аркадия Долгорукого и Версилова в ответной реплике последнего в скрытой форме выражен упрек главному герою в том, что он обращается к родному отцу по фамилии: — *Я вас не люблю, Версилов. //* — ***И даже «Версилов»****. Кстати, я очень сожалею, что не мог передать тебе этого имени, ибо в сущности только в этом и состоит вся вина моя, если уж есть вина, не правда ли? Но, опять-таки, не мог же я жениться на замужней, сам рассуди* [ССД-IX, с. 224].

Данный диалог отражает всю сложность взаимоотношений между сыном и отцом, которые со стороны Аркадия определяются в научной литературе о Достоевском как «любовь-ненависть» [Сарааскина, 1996; Степанян, 2010].

Аналогично — в диалоге между Настасьей Филипповной и генералом Иволгиным в романе «Идиот» — Настасья Филипповна, посредством манипулятивного перебива, вместо того чтобы выслушать собеседника, порождает косвенный речевой акт упрека в форме серии вопросов, не вытекающий из содержания реплики генерала (который просто желал объяснить ситуацию), то есть тем самым нарушающий коммуникативное согласование реплик: — *Я слышал, что сын мой... — начал было Ардалион Александрович. //* — ***Да, сын ваш! Хороши и вы тоже, папенька-то!*** *Почему вас никогда не видать у меня? Что, вы сами прячетесь, или сын вас*

CC BY

прячет? Вам-то уж можно приехать ко мне, никого не компрометируя [ССД, т. VI, с. 63].

В диалогах героев Достоевского значимым средством художественного воплощения взаимоотношений между героями часто является манипулятивная модель «выход на метауровень», когда адресат, вместо ответной вербальной или невербальной реакции в соответствии с коммуникативным намерением говорящего, переводит разговор в плоскость обсуждения взаимоотношений, интенций собеседников, выбранного тона или значений слов и выражений. Так, в сцене допроса свидетеля Григория в суде в романе «Братья Карамазовы» говорящий намеренно задает Григорию нелепые вопросы, чтобы дискредитировать свидетеля («*Который у нас теперь год?», «Сколько пальцев на руке?»*). Очевидно, что информативные ответы на подобные вопросы будут тавтологичны. И в ответной реплике Григория мы видим, как «выход на метауровень» служит для разоблачения истинных (скрытых от посторонних, по мнению отвечающего) коммуникативных намерений говорящего — инициатора диалога: *— Я человек подневольный, — вдруг громко и раздельно проговорил Григорий, —* ***коли начальству угодно надо мною надсмехаться,*** *так я снести должен* [ССД, т. XII, с. 200].

Большую роль в художественном изображении сложных взаимоотношений между персонажами играют разного рода повторы, самоповторы, интердискурсивные включения «чужого слова» в свою реплику как отражение таких манипулятивных тактик, как перебив, подхват и переспрашивание. Это можно видеть в следующем фрагменте диалога между князем Мышкиным и Аглаей: *— Послушайте, Аглая, — сказал князь, — мне кажется, вы за меня очень боитесь, чтоб я завтра не срезался... в этом обществе?* В ответной реплике Аглаи повтор-цитата слова из реплики князя маркирует «выход на метауровень», когда вместо информативного ответа собеседник обсуждает значения слов, употребленных инициатором диалога: *— И как вы можете такие слова употреблять? Что значит:* ***«срезался»?*** *Это дрянное слово, пошлое* [ССД, т. VII, с. 104].

В диалогах героев Достоевского отголоски чужой речи («слово отраженное», по М. М. Бахтину) могут неоднократно возникать в репликах беседующих персонажей, но в переогласованном виде, в разном контекстном окружении. Такое своего рода «передразнивание» является часто используемым приемом художественного выражения самых разных типов отношения персонажей друг к другу — от иронии до возмущения. Это можно видеть в примере использования тактики манипулятивного перебива в диалоге Анны Андреевны и Аркадия в романе «Подросток»: *— Мне кажется,* ***Андрей Петрович...*** *— начал было я. // —* ***Андрей Петрович****, — прервала она с горькой усмешкой, —* ***Андрей Петрович*** *на мой прямой вопрос*

CC BY

ответил мне тогда честным словом, что никогда не имел ни малейших намерений на Катерину Николаевну, чему я вполне и поверила, делая шаг мой; а между тем оказалось, что он спокоен лишь до первого известия о каком-нибудь господине Бьоринге [ССД, т. X, с. 224]. Используя данную стратегию, адресат неправомерно перехватывает инициативу разговора и навязывает инициатору диалога свое, альтернативное видение событий. Некооперативность данной модели состоит в том, что инициатор лишается возможности изложить свою позицию. Эта ситуация представляется весьма типичной для многих диалогов в романах Достоевского.

В этот ряд можно включить и тактику синонимического перефразирования чужой реплики, примером чего является фрагмент диалога между Варварой Петровной и Степаном Трофимовичем в романе «Бесы», когда она предлагает своему другу жениться на молодой воспитаннице: — *Дорогая моя! — задрожал вдруг его голос, — я... я никогда не мог вообразить, что вы решитесь* ***выдать меня... за другую... женщину!*** *// —* ***Вы не девица, Степан Трофимович; только девиц выдают, а вы сами женитесь****, — ядовито прошипела Варвара Петровна* [ССД, т. VIII, с. 239]. Здесь использование конверсивов является инструментом самоутверждения за счет собеседника, его манипулятивного убеждения, а зачастую — непрямого унижения, уничижения. Этой же цели служит и манипулятивный повтор в финале интеракции, который сопровождается описанием отношения Варвары Петровны к собеседнику в словах автора («презрительно процедила»): — *Да, я оговорился.* ***Но... это все равно,*** *— уставился он на нее с потерянным видом. //* — ***Вижу, что все равно****, — презрительно процедила она…* [Там же].

В следующем диалоге Лизаветы Прокофьевны и Гани Иволгина использование синонимических преобразований также выступает как художественное средство выражения негативного отношения героини к Гане Иволгину и всей щекотливой ситуации в целом: — ***Вы вступаете в брак****? // — В брак?.. Как?.. В какой брак?.. — бормотал ошеломленный Гаврила Ардалионович. <...> //* — ***Вы женитесь?*** *спрашиваю я, если вы только лучше любите такое выражение?* Примечательна ответная реакция героя — смесь страха и стыда («*Он ужасно смешался*»), которая выражена в его заикающейся реплике и усилена комментарием в словах автора: *— Н-нет... я... н-нет, —* ***солгал*** *Гаврила Ардалионович, и краска* ***стыда*** *залила ему лицо* [ССД, т. VI, с. 81]. Истинная цель отвечающего — уйти от неудобного вопроса, возможно, выиграть время, чтобы собраться с силами в целях подготовки нужной ему речевой реакции.

(2) Модели манипулятивной коммуникации в диалогах героев Достоевского являются значимым художественным средством раскрытия характера

CC BY

героя, изображения его внутреннего мира, особенно — скрытых, смутных и не вполне ясных самому интенций. Часто характер героя раскрывается именно в диалоге конфликтного или манипулятивного типа. Так, в диалогах героев Достоевского модели манипулятивной коммуникации (например, манипулятивный подхват) часто употребляются в зоне ответной реакции в функции «срывания маски» с инициатора диалога, чтобы высказать то, о чем инициатору по тем или иным причинам хочется умолчать, о чем свидетельствует пример диалога Гани Иволгина и его сестры в романе «Идиот»: — *Старик вор и пьяница, — желчно продолжал Ганя, — я нищий, муж сестры ростовщик, — было на что позариться Аглае! Нечего сказать, красиво! // — Этот муж сестры, ростовщик, тебя... // —* ***Кормит, что ли****? Ты не церемонься, пожалуста* [ССД, т. VII, с. 94].

Вообще в диалогах героев Достоевского такой «разоблачающий» уточняющий подхват встречается довольно часто — см. фрагмент диалога Петра Степановича Верховенского и Кириллова перед самоубийством последнего в романе «Бесы»: — *Ну, пусть я такой подлец, только в последние минуты не всё ли вам это равно, Кириллов? Ну за что мы ссоримся, скажите, пожалуйста: вы такой человек, а я такой человек, что ж из этого?* ***И оба вдобавок****... // —* ***Подлецы****. // — Да, пожалуй и* ***подлецы****. Ведь вы знаете, что это только слова. // — Я всю жизнь не хотел, чтоб это только слова. Я потому и жил, что всё не хотел. Я и теперь каждый день хочу, чтобы не слова* [ССД, т. VIII, с. 400].

В обоих приведенных выше примерах воплощен вообще характерный для поэтики Ф. М. Достоевского прием «срывания масок», который заключается в том, что герой в экстремальной ситуации своей жизни или на пике конфликтного взаимодействия с другим героем реализует установку на «называние вещей своими именами», то есть вслух озвучивает то, что, по его мнению, имел в виду собеседник, но по тем или иным причинам не высказал.

Иногда вместо подхвата в этом случае используется уже рассмотренное нами выше синонимическое перифразирование — см., например, фрагмент диалога Раскольникова с сестрой и матерью в романе «Преступление и наказание»: — *Ты, может быть, теперь не в состоянии, ты устал, — кротко сказала она* [Авдотья Романовна]. *// —* ***В бреду? Нет…*** *Ты выходишь за Лужина для меня. А я жертвы не принимаю* [ССД, т. V, с. 105]. Здесь Раскольников отказывается от предлагаемой ему сестрой эвфемистической трактовки своего внутреннего состояния, используя импликатуру дискурса ‘ты имела в виду — в бреду’. В работе Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева подобное перетолкование чужих слов в соответствии со своими исходными посылками рассматривается в качестве такого приема языковой демагогии, как использование манипулятивной речевой

CC BY

стратегии *de re* вместо кооперативной стратегии *de dicto* [Булыгина и др., 1997, с. 472].

Как было показано выше, в диалогах героев Достоевского очень часты повторы и самоповторы, герои словно возвращаются к одному и тому же слову, чтобы заново ощутить и пережить стоящее за ним явление: «Для Достоевского характерен такой приём, как повтор слова в одном контексте в разных значениях» [Ружицкий, 2013, с. 76]. Отвечающий как бы «передразнивает» инициатора, но на самом деле вкладывает в повторяющиеся фрагменты нужные ему смыслы — см., например, фрагмент диалога князя Мышкина с Парфеном Рогожиным в романе «Идиот»: *— **Я не за тем сюда ехал**, Парфен, говорю тебе, **не то у меня в уме было**... // — Это может, что **не за тем, и не то в уме было,** а только теперь оно уж наверно стало за тем, хе-хе!* [ССД, т. VI, с. 137].

Раскрытие возможно и как самораскрытие (даже саморазоблачение), когда герой в режиме недоговоренностей и недомолвок пытается высказать правду о себе. Это можно видеть в фрагменте следующего диалога Грушеньки и Мити Карамазова в романе «Братья Карамазовы»: *— О, всю жизнь за один год отдам сейчас, чтобы только не знать про эту кровь! // — Какая кровь? — в недоумении переговорила Грушенька. // **— Ничего! — проскрежетал Митя. —** Груша, ты хочешь, чтобы честно, а **я вор. Я у Катьки деньги украл… Позор, позор!*** [ССД, т. XI, с. 529]. В этом примере использована манипулятивная тактика отказа от неудобного вопроса (маркирована словом-предложением *ничего*), которая сопровождается тактикой умышленной перемены темы, в рамках которой и рождается признание героя в воровстве, саморазоблачение посредством заявления о собственной моральной нечистоплотности и выражения чувства стыда («*Позор! Позор!*»).

Саморазоблачение героя может осуществляться посредством рассмотренного выше приема синонимического варьирования — см., например, фрагмент допроса Мити Карамазова в романе «Братья Карамазовы»: *— Но у кого же вы их… **присвоили**? // — Вы хотели сказать: **«украли»?** Говорите теперь слова прямо. Да, я считаю, что я их всё равно, что **украл**, а если хотите, действительно «**присвоил**». Но по-моему **украл.** А вчера вечером так уж совсем **украл*** [ССД, т. XI, с. 587]. Здесь также реализуется установка на «называние вещей своими именами» вместо использованной инициатором диалога эвфемистической номинации.

В анализируемом выше примере речь идет о намеренном, осознанном саморазоблачении. Однако в диалогах героев Достоевского в изобилии представлены и примеры саморазоблачения невольного, когда герой, сам того не замечая, в своей речевой зоне реализует негативную самохарактеристику, как в примере диалога Лебедева и князя Мышкина (о генерале

CC BY

Иволгине) в романе «Идиот»: — *А вы ему денег не даете? // — Князь! Многоуважаемый князь! Не только деньги, но за этого человека я, так сказать,* ***даже жизнью... нет, впрочем, преувеличивать не хочу, — не жизнью, но если, так сказать, лихорадку, нарыв какой-нибудь, или даже кашель, — то ей богу готов буду перенести****, если только за очень большую нужду; ибо считаю его за великого, но погибшего человека! Вот-с; не только деньги-с!* [ССД, т. VI, с. 214]. Комический эффект, возникающий из-за использованной Лебедевым фигуры нисходящей градации (от жизни до кашля), выступает как прием обнажения низменной и мелочной души героя в его речи.

Помимо диалогов, в которых воплощаются эффекты осознанного или неосознанного саморазоблачения, модели манипулятивной коммуникации могут быть использованы, напротив, для сокрытия героем личностно значимой информации, как это, например, происходит в сцене допроса Дмитрия Карамазова: — *Мы, Дмитрий Федорович, сделали, что могли в ваших же интересах, — продолжал Николай Парфенович, — но, получив столь радикальный с вашей стороны отказ разъяснить нам насчет происхождения находившейся при вас суммы, мы, в данную минуту… // —* ***Это из чего у вас перстень?*** *— перебил вдруг Митя, как бы выходя из какой-то задумчивости и указывая пальцем на один из трех больших перстней, украшавших правую ручку Николая Парфеновича* [ССД, т. XI, с. 582]. Здесь отказ от продолжения коммуникации на неудобную для героя тему выражается посредством использования тактик умышленной перемены темы и манипулятивного перебива.

Уход от обсуждения неудобной темы может быть реализован и с помощью приема «выход на метауровень», когда собеседник в своей реплике реагирует не на иллокутивную силу и содержание реплики инициатора диалога, а на сам способ ведения диалога, как это проявляется, например, в фрагменте диалога Раскольникова и Свидригайлова в романе «Преступление и наказание»: — ***По некоторым словам и словечкам вашим*** *во время вашего рассказа я замечаю, что у вас и теперь свои виды и самые неотлагательные намерения на Дуню, разумеется подлые. // —* ***Как! У меня вырывались такие слова и словечки?*** *— пренаивно испугался вдруг Свидригайлов, не обратив ни малейшего внимания на эпитет, приданный его намерениям* («Преступление и наказание») [ССД, т. V, с. 148]. Обратим внимание, что контекст всего фрагмента диалога выглядит «разоблачающим» в духе «художественной диалогики» Достоевского: ведь Свидригайлов тем самым не отрицает, что имеет эти подлые намерения, он сомневается, что произнес слова, по которым можно его изобличить, то есть в том, что он мог как-то нечаянно проговориться.

CC BY

4. Заключение = Conclusions

В целом использование манипулятивных моделей в диалогах героев Ф. М. Достоевского целиком и полностью находится в русле «художественной диалогики» писателя, то есть подчинено художественным принципам воплощения диалогического общения персонажей в целом в качестве самостоятельного объекта эстетического изображения. Манипулятивные диалогические техники, как и другие средства художественного воплощения напряженного взаимодействия «своего» и «чужого слова» в полифоническом повествовании Ф. М. Достоевского, служат инструментом художественного познания личности, ее самораскрытия в процессе непрекращающегося диалога с другими людьми и с миром в целом.

Сюжетообразующие функции рассмотренных диалогов с элементами манипулятивной коммуникации заключаются в том, что они психологически подготавливают будущие повороты сюжета или выступают в качестве непосредственного толчка к изменению той или сюжетной ситуации. Также в этих диалогах отражается борьба точек зрений, «голосов» персонажей по поводу интерпретации уже происшедших значимых событий, что также имеет существенное значение в плане дальнейшего развития действия. Тем самым манипулятивные стратегии и тактики в диалогах героев Достоевского являются средством художественного воплощения такой основополагающей черты поэтики Достоевского, как установка на недоговоренность, умолчание, сокрытие «больных мест» в сознании персонажей.

Характерообразующие функции рассмотренных диалогов с элементами манипулятивной коммуникации заключаются в художественном воплощении драматичных взаимоотношений между героями, часто в поворотные мгновения их жизни. Указанные диалоги используются в психологическом обрамлении ключевых моментов повествования, когда сложная и напряженная внутренняя жизнь персонажа, его мучительные борения с собой, его мятущаяся душа внезапно приоткрываются перед читателями. Они играют существенную роль в самораскрытии внутреннего мира героя через его речь, а иногда — и в его саморазоблачении, когда персонаж незаметно для себя обнажает тайники своей души или, напротив, сознательно пытается скрыть от окружающих неудобную для него информацию о своих поступках.

Герои Достоевского постоянно, в напряженном противостоянии друг с другом, ищут истину, правду — о себе и о других. В столкновении разных «правд», разных «голосов», в том числе — и непосредственно в процессе их диалогического взаимодействия, и проявляется полифонизм романов Ф. М. Достоевского как базовый мирообразующий и текстообразующий принцип поэтики писателя.

CC BY

Источники и принятые сокращения

1. ССД — *Достоевский Ф. М.* Собрание сочинений : в 12 томах / Ф. М. Достоевский. — Москва : Правда, 1982. — Т. 1—12.

Литература

1. *Арутюнова Н. Д.* Стиль Достоевского в рамке русской картины мира / Н. Д. Арутюнова // Язык и мир человека. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — С. 846—870. — ISBN 5-7859-0027-0.

2. *Ашимбаева Н. Т.* Достоевский. Контексты слов / Н. Т. Ашимбаева. — Санкт-Петербург : Серебряный век, 2014. — 232 с. — ISBN 978-5-906357-15-1.

3. *Бадалова Е. Н.* Концептосфера романа Ф. М. Достоевского «Идиот» : диссертация … кандидата филологических наук : 10.01.01 / Е. Н. Бадалова. — Астрахань, 2017. — 180 с.

4. *Баженова Я. Г.* Манипулятивные речевые стратегии в диалогической коммуникации на русском языке: когнитивно-дискурсивный аспект коммуникации / Я. Г. Баженова // Когнитивные исследования языка. — 2021. — Выпуск 3 (46) : Язык и мышление в эпоху глобальных перемен. — С. 300—303.

5. *Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. — Москва : Советская Россия, 1979. — 318 с.

6. *Борисова И. Н.* Русский разговорный диалог : структура и динамика / И. Н. Борисова. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2009. — 320 с. — ISBN 978-5-397-00069-7.

7. *Булыгина Т. В.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. — Москва : Языки русской культуры, 1997. — 576 с.

8. *Гаричева Е. А.* О диалоге у Достоевского / Е. А. Гаричева // Литературоведческий журнал. — 2002. — № 16. — С. 38—44.

9. *Достоевский* : Эстетика и поэтика : Словарь-справочник / Сост. Г. К. Щенников, А .А. Алексеев ; науч. ред. Г. К. Щенников; ЧелГУ. — Челябинск : Металл, 1997. — 272 с. — ISBN 5-87324-042-6.

10. *Дуров А. А.* Концепция «большого диалога» М. М. Бахтина как методологическая основа исследования народной культуры / А. А. Дуров // Вестник Ставропольского государственного университета. — 2009. — Выпуск 60. — С. 45—51.

11. *Иванчикова Е. А.* Рассказчик в повествовательной структуре произведений Достоевского / Е. А. Иванчикова // Достоевский : материалы и исследования : сборник статей / гл. ред. Г. М. Фридлендер. — Санкт-Петербург : Наука, 1994. — Т. 11. — С. 41—50.

12. *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — Омск : Омский государственный университет, 1999. — 285 с.

13. *Иссерс О. С.* Более полувека под зонтиком коммуникативных стратегий / О. С. Иссерс // Коммуникативные исследования. — 2020. — Т. 7. — № 2. — С. 243—256. — DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(2).243-256.

14. *Карасев Л. В.* О символах Достоевского / Л. В. Карасев // Вопросы философии. — 1994. — № 10. — С. 90—111.

15. *Касаткина Т. А.* О творящей природе слова. Онтологичность слова в творчестве Ф. М. Достоевского как основа «реализма в высшем смысле» / Т. А. Касаткина. — Москва : ИМЛИ РАН, 2004. — 480 с. — ISBN 5-9208-0173-5.

16. *Лагутин В. И.* Проблемы анализа художественного диалога (к прагмалингвистической теории драмы) / В. И. Лагутин. — Кишинев : Штиница, 1991. — 98 с. — ISBN 5-376-00932-7.

17. *Макаров М. Л.* Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. — Москва : Гнозис, 2003. — 280 с. — ISBN 5-94244-005-0.

18. *Меерсон О. А.* Персонализм как поэтика : литературный мир глазами его обитателей / О. А. Меерсон. — Санкт-Петербург : Пушкинский Дом, 2009. — 432 с.

19. *Радбиль Т. Б.* Парадоксы неконвенциональности» и язык Андрея Платонова // Die Welt der Slaven : Internationale Halbjahresschrift fur Slavistik. — Jahrgang LII, Heft 2. — Munchen : Verlag Otto Sagner, 2007. — S. 281—298.

20. *Радбиль Т. Б.* Активные процессы в лексике и словообразовании русского языка эпохи коронавируса : лингвокогнитивный аспект / Т. Б. Радбиль, Л. В. Рацибурская, И. В. Палоши // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 63—79. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-63-79.

21. *Рождественская* О. Ю. Диалог : его роль и функции в творчестве Ф. М. Достоевского : диссертация … кандидата филологических наук : 10.01.08 / О. Ю. Рождественская ; МГУ им. М. В. Ломоносова. — Москва, 2018. — 164 с.

22. *Романова Г. И.* Невербальный диалог в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» / Г. И. Романова, Н. Н. Орлова // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. — 2018. — № 2. — С. 68—71.

23. *Ружицкий И. В.* О языке Достоевского / И. В. Ружицкий // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2013. — № 9. — С. 74—81.

24. *Ружицкий И. В.* Язык Достоевского : идиоглоссарий, тезаурус, эйдос : монография / И. В. Ружицкий. — Москва : ЛЕКСРУС, 2015. — 543 с. — ISBN 978-5-905532-25-2.

25. *Русское повседневное общение* : прагматика, культурология / И. Н. Борисова, С. Ю. Данилов, Т. В. Матвеева, Н. Н. Розанова, И. В. Шалина. — Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2018. — 442 с. — ISBN 978-5-7741-0328-7.

26. *Сараскина Л. И.* Фёдор Достоевский : Одоление демонов / Л. И. Сараскина. — Москва : Согласие, 1996. — 462 с. — ISBN 5-86884-048-8.

27. *Словарь языка Достоевского*. Лексический строй идиолекта / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова ; гл. ред. чл.-корр. РАН Ю. Н. Караулов. — Москва : Азбуковник, 2001—2003. — Выпуск 1—3. — ISBN 5-93786-031-4.

28. *Слово Достоевского — 2000* : сборник статей / Ред. Ю. Н. Караулов, Е .Л. Гинзбург ; Российская академия наук. Институт русского языка им В. В. Виноградова. — Москва : Азбуковник, 2001. — 595 с. — ISBN 5-88744-038-4.

29. *Степанян К. А.* Явление и диалог в романах Ф. М. Достоевского / К. А. Степанян. — Санкт-Петербург : Крига, 2010. — 400 с. — ISBN 978-5-901805-47-3.

30. *Хоц А. Н.* Структурные особенности пространства в прозе Достоевского / А. Н. Хоц // Достоевский : материалы и исследования : сборник статей : в 20 т. / гл.ред. Г. М. Фридлендер. — Санкт-Петербург : Наука, 1994. — Т. 11. — С. 51—60.

31. *Чернявская В. Е.* Дискурс власти и власть дискурса : проблемы речевого воздействия / В. Е. Чернявская. — Москва : Флинта, 2006. — 136 с.

32. *Шарапова Е. В.* Аномальная сочетаемость интенсификаторов в языке Ф. М. Достоевского : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.01 / Е. В. Шарапова. — Москва, 2018. — 229 с.

CC BY

Material resources

Dostoevsky, F. M. (1982). *Collected works: In 12 volumes.* Moscow: Pravda Publishing House. (In Russ.).

References

Arutyunova, N. D. (1999). Dostoevsky's style in the frame of the Russian picture of the world. *Language and the human world.* Moscow: Languages of Russian Culture. 846—870. ISBN 5-7859-0027-0. (In Russ.).

Ashimbayeva, N. T. (2014). *Dostoevsky. Contexts of words.* St. Petersburg: Silver Age. 232 p. ISBN 978-5-906357-15-1. (In Russ.).

Badalova, E. N. (2017). *Conceptosphere of F. M. Dostoevsky's novel "Idiot".* PhD Diss. Astrakhan. 180 p. (In Russ.).

Bakhtin, M. M. (1979). *Problems of Dostoevsky's poetics.* Moscow: Soviet Russia. 318 p. (In Russ.).

Bazhenova, Ya. G. (2021). Manipulative speech strategies in dialogic communication in Russian: cognitive-discursive aspect of communication. *Cognitive studies of language, 3 (46): Language and Thinking in the era of global change.* 300—303. (In Russ.).

Borisova, I. N. (2009). *Russian conversational dialogue: structure and dynamics.* Moscow: LIBROCOM. 320 p. ISBN 978-5-397-00069-7. (In Russ.).

Bulygina, T. V., Shmelev, A. D. (1997). *Language conceptualization of the world (based on Russian grammar)*. Moscow: Languages of Russian culture. 576 p. (In Russ.).

Chernyavskaya, V. E. (2006). *The discourse of power and the power of discourse: problems of speech influence.* Moscow: Flint. 136 p. (In Russ.).

Dostoevsky: Aesthetics and Poetics: Dictionary-reference. (1997). Chelyabinsk: Metal. 272 p. ISBN 5-87324-042-6. (In Russ.).

Dostoevsky's Dictionary of the language. Lexical structure of idiolect, 1—3. (2001—2003). Moscow: Azbukovnik. ISBN 5-93786-031-4. (In Russ.).

Durov, A. A. (2009). The concept of the "big dialogue" by M. M. Bakhtin as a methodological basis for the study of folk culture. *Bulletin of Stavropol State University, 60:* 45—51. (In Russ.).

Garicheva, E. A. (2002). About Dostoevsky's dialogue. *Literary Journal, 16:* 38—44. (In Russ.).

Issers, O. S. (1999). *Communicative strategies and tactics of Russian speech.* Omsk: Omsk State University. 285 p. (In Russ.).

Issers, O. S. (2020). More than half a century under the umbrella of communicative strategies. *Communicative research, 7 (2):* 243—256. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(2).243-256. (In Russ.).

Ivanchikova, E. A. (1994). The narrator in the narrative structure of Dostoevsky's works. *Dostoevsky: materials and research: a collection of articles, 11.* St. Petersburg: Nauka. 41—50. (In Russ.).

Karasev, L. V. (1994). About Dostoevsky's symbols. *Questions of philosophy, 10:* 90—111. (In Russ.).

Karaulov, Y. N., Ginzburg, E. L. (eds.). (2001). *Dostoevsky's Word — 2000: Collection of articles. Russian Academy of Sciences. V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language.* Moscow: Azbukovnik. 595 p. ISBN 5-88744-038-4. (In Russ.).

Kasatkina, T. A. (2004). *About the creative nature of the word. Ontology of the word in the works of F. M. Dostoevsky as the basis of "realism in the highest sense".* Moscow: IMLI RAS. 480 p. ISBN 5-9208-0173-5. (In Russ.).

CC BY

Khots, A. N. (1994). Structural features of space in Dostoevsky's prose. *Dostoevsky: materials and research: collection of articles: in 20 volumes, 11*. St. Petersburg: Nauka. 51—60. (In Russ.).

Lagutin, V. I. (1991). *Problems of analysis of artistic dialogue (to the pragmalinguistic theory of drama)*. Chisinau: Shtinitsa. 98 p. ISBN 5-376-00932-7. (In Russ.).

Makarov, M. L. (2003). *Fundamentals of the theory of discourse.* Moscow: Gnosis. 280 p. ISBN 5-94244-005-0. (In Russ.).

Meerson, O. A. (2009). *Personalism as poetics: the literary world through the eyes of its inhabitants.* St. Petersburg: Pushkin House. 432 p. (In Russ.).

Radbil, T. B. (2007). Paradoxes of unconventionality and the language of Andrei Platonov. In: *Die Welt der Slaven: Internationale Halbjahresschrift fur Slavistik. Jahrgang LII, 2.* Munchen: Verlag Otto Sagner. 281—298. (In Russ.).

Radbil, T. B., Ratsiburskaya, L. V., Paloshi, I. V. (2021). Active Processes in the Vocabulary and Word Formation of the Russian Language in the Era of Coronavirus: Linguo-Cognitive Aspect. *Nauchnyi dialog, 1:* 63—79. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-63-79. (In Russ.).

Romanova, G. I., Orlova, N. N. (2018). Nonverbal dialogue in F. M. Dostoevsky's novel "Crime and Punishment". *Bulletin of the State University of Humanities and Technology, 2:* 68—71. (In Russ.).

Rozhdestvenskaya, O. Y. (2018). *Dialogue: its role and functions in the work of F. M. Dostoevsky. PhD Diss.* Moscow. 164 p. (In Russ.).

Russian everyday communication: pragmatics, cultural studies. (2018). Yekaterinburg: Humanities University. 442 p. ISBN 978-5-7741-0328-7. (In Russ.).

Ruzhitsky, I. V. (2013). About the language of Dostoevsky. *Scientific bulletin of the Voronezh State University of architecture and civil engineering: linguistics and intercultural communication, 9*: 74–81. (In Russ.).

Ruzhitsky, I. V. (2015). *Dostoevsky's language: idioglossary, thesaurus, eidos: monograph.* Moscow: LEXRUS. 543 p. ISBN 978-5-905532-25-2. (In Russ.).

Saraskina, L. I. (1996). *Fyodor Dostoevsky: Overcoming Demons.* Moscow: Consent. 462 p. ISBN 5-86884-048-8. (In Russ.).

Sharapova, E. V. (2018). *Abnormal compatibility of intensifiers in the language of F. M. Dostoevsky.* PhD Diss. Moscow. 229 p. (In Russ.).

Stepanyan, K. A. (2010). *Phenomenon and dialogue in the novels of F. M. Dostoevsky.* St. Petersburg: Kriga. 400 p. ISBN 978-5-901805-47-3. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 09.10.2021,
одобрена после рецензирования 28.03.2022,
подготовлена к публикации 01.05.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Завьялов В. Н. Морфолого-синтаксические свойства союза ХОТЬ… ХОТЬ… и его семантика / В. Н. Завьялов, Ли Ляньмэй // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 4. — С. 29—45. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-29-45.

Zavialov, V. N., Li Lianmei. (2022). Morphological and Syntactic Properties of Conjunction KHOT'… KHOT'... and Its Semantics. *Nauchnyi dialog, 11(4):* 29-45. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-29-45. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU EBSCOhost

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-29-45

Морфолого-синтаксические свойства союза ХОТЬ… ХОТЬ… и его семантика

Завьялов Виктор Николаевич
orcid.org/0000-0001-5087-162X
доктор филологических наук,
профессор
кафедры русского языка
и издательского дела
victorzoff@list.ru

Ли Ляньмэй
orcid.org/0000-0003-0312-7923
аспирант
кафедры русского языка
и издательского дела
154965726@qq.com

Тихоокеанский
государственный университет
(Хабаровск, Россия)

Morphological and Syntactic Properties of Conjunction KHOT'… KHOT'... and Its Semantics

Victor N. Zavyalov
orcid.org/0000-0001-5087-162X
Doctor of Philology, Professor,
Departament of Russian
and Publishing
victorzoff@list.ru

Li Lianmei
orcid.org/0000-0003-0312-7923
Post-graduate student,
Departament of Russian
and Publishing
154965726@qq.com

Pacific National University
(Khabarovsk, Russia)

© Завьялов В. Н., Ли Ляньмэй, 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Объектом статьи является союз *хоть… хоть…*, а предметом — его морфолого-синтаксические свойства. Актуальность работы состоит в ее непосредственной направленности на решение проблем, связанных с описанием служебного фонда русского языка. Научная новизна обусловлена тем, что впервые в русистике семантика союза *хоть... хоть…* описана на основе его конструктивных свойств, которые характеризуются относящимися к союзу словоформами, принципами их взаимоотношения между собой, а также внешними связями с синтаксическими структурами, в которых задействованы. Теоретическая значимость заключается в предложенном алгоритме описания, который может быть использован при характеристике аналогичных средств синтаксической связи. Установлено, что семантика союза *хоть… хоть…* ориентирована на минимум, которым должны довольствоваться говорящий и слушающий, а также тесно связана с категорией желательности, обусловленной внутренней формой его структурных компонентов, этимологически восходящих к основе настоящего-будущего времени глагола *хотеть*. Исходя из этого семантику союза *хоть… хоть…* можно определить как желание говорящего осуществить самому или предоставить слушающему свободный, но при этом минимально достаточный как в верхнем, так и нижнем семантических пределах выбор из предложенных альтернатив.

Ключевые слова:
союз; конструктивные свойства; союзная конструкция; синтаксический ряд; сочинение; разделительная связь; семантика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The object of the article is the conjunction *khot'... khot'...*, and the subject is its morphological and syntactic properties. The relevance of the work lies in its direct focus on solving problems related to the description of the service fund of the Russian language. The scientific novelty is due to the fact that for the first time in Russian studies, the semantics of the conjunction *khot'... khot'...* is described on the basis of its constructive properties, which are characterized by the word forms related to the union, the principles of their relationship with each other, as well as external links with the syntactic structures in which they are involved. The theoretical significance lies in the proposed description algorithm, which can be used to characterize similar means of syntactic communication. It has been established that the semantics of the conjunction *khot'... khot'...* is focused on the minimum that the speaker and listener should be content with, and is also closely related to the category of desirability, due to the internal form of its structural components, etymologically ascending to the basis of the present-future tense of the verb *want*. Proceeding from this, the semantics of the conjunction *khot'... khot'...* can be defined as the desire of the speaker to fulfill himself or to provide the listener with a free, but at the same time minimally sufficient choice from the proposed alternatives both in the upper and lower semantic limits.

Key words:
conjunction; constructive properties; allied construction; syntax row; composition; separation bond; semantics.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 811.161.1’367.634

Морфолого-синтаксические свойства союза ХОТЬ… ХОТЬ… и его семантика

© Завьялов В. Н., Ли Ляньмэй, 2022

1. Введение = Introduction

Союз *хоть… хоть…* — сравнительно новое средство синтаксической связи в современном русском языке. Согласно данным «Национального корпуса русского языка» (далее — НКРЯ), он начал активно проникать в литературный язык на рубеже XVIII—XIX вв.:

Да, перемениться, ***хоть*** *смейся,* ***хоть*** *нет; положение твое таково, что не одну бедность, но и порицание на себя навлекаешь* (Е. Дашкова. Тоисиоков (1786)); ***Хоть*** *ты сердись,* ***хоть*** *нет, а я всегда скажу, что гораздо лучше смотреть побольше за собой, а поменьше за другими* (А. Грибоедов. Студент (1817)); *Нынешние мои обстоятельства не позволяют мне и желать ваших писем. Но жду стихов ваших* ***хоть*** *печатных,* ***хоть*** *рукописных* (А. Пушкин. Письмо Н. Гнедичу (1825)) [НКРЯ].

Этот союз указан во всех академических толковых словарях как уступительный с семантикой допущения выбора [СРЯ, с. 622; ССРЛЯ, с. 415; ТСРЯ, с. 1182]. Однако в собственно научной литературе он рассмотрен относительно мало. Информация о нем имеет в ней в целом общий характер и опирается, как правило, на данные тех же словарей, разве что речь идет о разделительном средстве синтаксической связи, а не уступительном. Так, В. Н. Перетрухин отмечает «соединительно-разделительный повторяющийся» союз *хоть… хоть…*: «*Докладывайте* ***хоть*** *Огневому,* ***хоть*** *Чадящему* (Паустовский)» [Перетрухин, 1979, с. 139]. Аналогичный подход в «Русской грамматике» [Русская грамматика, 1982, с. 480—481]. В. З. Санников включает *хоть… хоть…* в группу дизъюнктивных союзов (*ли... ли* (*ли... или); что... что; хоть... хоть; будь то... или*), «где компоненты равноценны (причем эта равноценность подчеркивается) и обратимы» [Санников, 2008, с. 42]. В. Д. Пятницкий описывает *хоть… хоть* как разделительно-пояснительный союз, служащий «для выражения семантики равноценности» [Пятницкий, 2009, с. 69]. В свою очередь, И. Н. Кручинина говорит о союзной частице *хоть*, участвующей в «выражении неопределенно-разделительного значения <…>: *Вот каковы друзья:* ***хоть*** *плачь я,* ***хоть*** *бесися, Он будет хохотать* (Грибоедов)» [Кручинина, 2009, с. 177].

Такое расхождение с академическими словарями в плане семантико-синтаксической квалификации данного союза (уступительный & раздели-

CC BY

тельный) обусловлено, очевидно, гибридностью его семантики, в которой тесно переплетены уступительные и дизъюнктивные смыслы. Исходя из этого в «Русской корпусной грамматике» было предложено компромиссное решение проблемы, где *хоть… хоть…* определяется как союз, переходный по значению между разделительными и уступительными союзами и выражающий «идею о том, что Субъект готов уступить в неважном, лишь бы имело место нечто важное» [РКГ].

Таким образом, на сегодняшний день семантико-синтаксическая сущность союза *хоть… хоть…* не представлена в русистике в достаточной мере. Причиной этому является, как мы полагаем, преобладание описательного подхода к нему. В связи с этим мы предлагаем рассмотреть этот вопрос в аспекте конструктивных, то есть морфолого-синтаксических, свойств указанного союза.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

2.1. О конструктивных свойствах союза

Под конструктивными свойствами союза понимается способность данного класса языковых единиц образовывать особые построения — союзные конструкции. Они характеризуются относящимися к тому или иному союзу словоформами, принципами их взаимоотношения между собой, а также внешними связями с синтаксическими структурами, в которых задействованы (см.: [Прияткина, 2019, с. 38—112]).

Конструктивные свойства союза проявляются на двух формальных синтаксических уровнях: морфолого-синтаксическом и собственно синтаксическом. Первый функционирует на основе морфологических связей словоформ, входящих в союзную конструкцию. Второй — опирается на различные коммуникативные средства, входящие в сферу действия союза (частицы, корреляты, конкретизаторы, модальные и дейктические слова, ритмомелодику, актуальное членение и пр.). Это разграничение применяется представителями Дальневосточной синтаксической школы при характеристике различных средств синтаксической связи (см.: [СССРЯ, 2001; Прияткина, 2007, с. 28—38; Служебные слова …, 2017].

Семантика союза проявляется, в первую очередь, на морфолого-синтаксическом уровне, в то время как на собственно синтаксическом — актуализируются его коммуникативно-прагматические свойства. Поэтому в настоящей статье мы рассмотрим именно морфолого-синтаксический уровень союза *хоть… хоть…*.

2.2. Союз *хоть… хоть…* как объект описания

Союз *хоть… хоть…* по строению является неоднословным, а по типу компонентов повторяющимся; по числу занимаемых синтаксических по-

CC BY

зиций относится к неодноместным средствам связи, а по их потенциально возможному количеству — к многоместным; входит в коммуникативно-прагматическую группу сочинительных союзов и союзных средств «равноценности компонентов» (наряду с *ли… ли…, что… что…, будь то… или*) [Санников, 2008, с. 204].

Если в качестве выбора слушающему представлены две альтернативы, сочиненные союзом *хоть… хоть…*, то между ними наличествуют антонимические отношения как общеязыкового, так и контекстуального плана:

Жду стихов ваших ***хоть*** *печатных,* ***хоть*** *рукописных* (А. Пушкин. Письмо Н. Гнедичу); *Новый закон «О лицензировании…» как раз и предоставляет такую возможность любому желающему:* ***хоть*** *кирпичи лепить,* ***хоть*** *квартиры продавать независимо от знаний и опыта* («Биржа плюс свой дом», 2002.02.11) [НКРЯ].

Антонимия может также выражаться с помощью лексического повтора с отрицанием: *Всякие девушки бывают,* ***хоть*** *москвички,* ***хоть не*** *москвички* (Интернет-форум); — *А со мной* ***хоть*** *спорь,* ***хоть не*** *спорь, я правду говорю* (М. Анчаров. Как Птица Гаруда) [НКРЯ].

Если же альтернатив более двух, то между ними устанавливается синонимическое взаимодействие спорадического характера в пределах той или иной денотативной группы лексем:

И будь ты ***хоть*** *скрипач,* ***хоть*** *флейтист,* ***хоть*** *барабанщик,* ***хоть*** *певец, чем бы ты ни занимался, на кого бы ни учился — ты еще непременно должен играть на фортепьяно* (А. Рекемчук. Мальчики) [НКРЯ].

В многокомпонентных рядах возможно смешение антонимии и синонимии:

Да вон их сколько, девок, кругом: ***хоть*** *на зуб,* ***хоть*** *на цвет,* ***хоть*** *на калибр любой подходящих,* ***хоть*** *соли их,* ***хоть*** *мочи,* ***хоть*** *на приправку,* ***хоть*** *на прикорм, на мясо,* ***хоть*** *на уху,* ***хоть*** *на ферму в колхоз, на почту, на икону, на фабрику, даже в артистки, даже в зверинец годных!* (В. Астафьев. Веселый солдат) [НКРЯ].

Во всех случаях, связанных с употреблением союза *хоть… хоть…*, имеют место ряды соположенных, то есть равноправных в морфологическом и синтаксическом плане словоформ. Вместе с тем союз *хоть… хоть…* необходимо отличать от дистрибутивных повторов присоединительного характера с частицами *хоть* и *хоть бы*:

Если бы Травкин или кто-нибудь из его людей сделали ***хоть*** *малейшее движение удивления или испуга,* ***хоть*** *малейшую попытку к нападению или защите, немцы, вероятно, подняли бы тревогу* (Э. Казакевич. Звезда); *Если бы я* ***хоть*** *прислушался к ней,* ***хоть бы*** *допустил такую возможность!..* (М. Зосимкина. Ты проснешься) [НКРЯ].

CC BY

В подобных контекстах отношения между пропозициями с *хоть* и *хоть бы* имеют лишь добавочное содержание и не могут трактоваться как равноценные в морфолого-синтаксическом плане, то есть как сочинительные.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Морфолого-синтаксическая характеристика союза ХОТЬ… ХОТЬ…

Союз *хоть… хоть…* организует два парадигматически противопоставленных типа конструкции. В первом случае он связывает непредикативные словоформы, то есть словоформы, не выражающие непосредственно грамматического значения предложения, а во втором — предикативные, являющиеся прямыми его носителями.

3.1.1. Непредикативная конструкция

При соединении непредикативных словоформ союз *хоть… хоть…* организует построение с параллельными членами типа «ряд», соподчиненными общему члену [РГ, с. 168]. Например:

Он окончил Щукинское театральное училище и ***мог сыграть хоть*** *в жизни,* ***хоть*** *на сцене без фальши любую роль* (А. Тарасов. Миллионер) [НКРЯ] (***мог сыграть*** *//* ***хоть*** *в жизни /* ***хоть*** *на сцене*).

В связи с этим морфолого-синтаксическая характеристика такого построения включает в себя анализ как собственно словоформ ряда, так и общего члена.

3.1.1.1. Характеристика словоформ ряда

В непредикативных рядах с союзом *хоть… хоть…* могут функционировать именные (1), прономинативные (2), адвербиальные (3), инфинитив (4), а также атрибутивные глагольные словоформы (5).

1. Именные словоформы:

— субстантивные: с *картофельным мешком за спиной пришел: положите, говорит, чего-нибудь в мешок* ***— хоть хлеба***, ***хоть сухарей***, *сидим голодные* («Новая газета». 2003.01.30), *Машин сейчас в автосалонах навалом, иди и покупай любую,* ***хоть «Запорожец»***, ***хоть «Крайслер»*** (А. Маринина. Светлый лик смерти), *Ей всегда было удивительно, что прямоугольную цветную бумажку можно обменять* ***хоть на ботинки***, ***хоть на колбасу…*** (В. Михальский. Река времен);

— адъективные: с *вашими документами каждый возьмет,* ***хоть грузовой***, ***хоть пассажирский*** (В. Аро. Дом прибежища), *А потом ешь ее, как хочешь —* ***хоть горячей***, ***хоть холодной*** (Г. Делеринс. Его картофельное высочество), *Можешь натянуть вместо черных* ***хоть кремовые***, ***хоть зеленые*** *штиблеты* (В. Скворцов. Сингапурский квартет);

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

— нумеративные: *Будет мне письма писать, — думала я, — а я ему не отвечу! **Хоть десять писем** в день, **хоть сто штук**! Ни за что не отвечу никогда!»* (Владимир Железников. Чучело), *И всегда она такая была. **Хоть восьмой** год, **хоть тридцать восьмой*** (И. Ратушинская. Одесситы), *А так нас сколько было впереди, так столько же и будет. **Хоть четверо**, **хоть пятеро*** (С. Самсонов. Одиннадцать) [НКРЯ].

2. Прономинативные словоформы: *Бить может любого-каждого, **хоть вас**, **хоть меня*** (Ю. Трифонов. Предварительные итоги); *Вдруг развеселившись, подумал, что это стоило бы записать… на форзаце **хоть этой**, **хоть той** — любой из книжек* (М. Вишневецкая. Вышел месяц из тумана); — *А ты не задумывался, кому ты сам по себе нужен — **хоть здесь**, **хоть там**, у себя в Москве?* (Е. Чижов. Перевод с подстрочника) [НКРЯ].

3. Адвербиальные словоформы: *Могу подтвердить это когда и где угодно, **хоть устно**, **хоть письменно*** (Е. Парнов. Третий глаз Шивы); ***Хоть праведно** живи, **хоть вразброс**, итог один — могила* (Г. Ариткулова. Контур, выжженный на асфальте); *Я бы на дуэль вызвал «автора»…, на откровенную беседу пригласил, **хоть прилюдно**, **хоть с глазу на глаз*** (В. Аграновский. Вторая древнейшая) [НКРЯ].

4. Инфинитив: *Что он скажет, то я и сделаю. **Хоть учиться**, **хоть работать** — все сделаю!..* (М. Шолохов. Поднятая целина), — *Нарочно так строят, а потом **хоть поджечь**, **хоть поломать**, никуда не годится* (А. Макаренко. Книга для родителей) [НКРЯ].

5. Атрибутивные формы глагола:

— причастие: *Черт бы взял эту Первую, где она? Ведь лодка, **хоть сложенная**, **хоть надутая**, а свой пуд весит!* (В. Голованов. Остров), *Открывается человек перед этими кремлевскими куполами, вознесшимися в небо, **хоть верующий** он, **хоть неверующий*** (Л. Карелин. Последний переулок), *А то несправедливо получается: **хоть ранен**, **хоть убит** — все равно иди в класс и работай* (С. Рябцева. Дети восьмидесятых);

— деепричастия: *Удобный и довольно большой дисплей поворачивается под любым углом, так что фотографировать можно **хоть лежа**, **хоть стоя*** («Домовой», 2002.04.04); *Он засыпал мгновенно, **хоть сидя**, **хоть стоя**: пять минут, да — твои* (Г. Бакланов. Нездешний) [НКРЯ]. И т. д.

Именные и прономинативные словоформы представлены в рассмотренных рядах в различных падежах, без предлогов и с предлогами, в единственном или множественном числе. Они могут называть предметы, процессы, признаки, отражающие как реалии окружающего мира, так и психическую и физическую деятельность человека, или указывать на них. Частотность их употребления имеет общеязыковой характер. Так, нами

CC BY

не зафиксированы факты с притяжательными именами прилагательными в структуре ряда, что объясняется, вероятно, их невысокой употребительностью. Однако лингвистический эксперимент показывает, что подобные ряды вполне могут иметь место в речи (ср.: *телефон* ***хоть*** *мамин,* ***хоть*** *папин*; *машина* ***хоть*** *отцова,* ***хоть*** *дедова*, *след* ***хоть*** *волчий,* ***хоть*** *заячий* и под.). Аналогичная ситуация с морфологической открытостью и семантическим наполнением адвербиальных, инфинитивных и атрибутивных глагольных рядов. Вместе с тем нами не зафиксировано ни одного факта употребления в составе ряда с *хоть… хоть…* деепричастий совершенного вида. При этом искусственно составленные примеры представляются неубедительными (ср.: ****хоть*** *купив,* ***хоть*** *продав*; ***хоть*** *уехав,* ***хоть*** *приехав*; ***хоть*** *найдя,* ***хоть*** *потеряв*). Данная морфолого-синтаксическая особенность союза *хоть… хоть…* требует специального объяснения (см., как и все последующие случаи, далее).

3.1.1.2. Характеристика общего члена

Общий член в непредикативных построениях с *хоть… хоть…* может быть представлен глаголами в различных формах индикатива:

Его мысль ***оформляется хоть*** *в слова,* ***хоть*** в *танцевальные периоды с одинаково исчерпывающей точностью* («Культура», 2002.04.01), — *Нашего* ***узнаешь хоть*** *в Париже,* ***хоть*** *в бане* (С. Липкин. Записки жильца); *А он — и Кирова, и дядю Ваню, и Эзопа. Уж так внимательно* ***слушал*** *режиссера —* ***хоть*** *в кино,* ***хоть*** *в театре* (Н. Мордюкова. Казачка).

При этом индикатив прошедшего времени совершенного вида зафиксирован нами только в модальном соединении:

Он окончил Щукинское театральное училище и ***мог сыграть хоть*** *в жизни,* ***хоть*** *на сцене без фальши любую роль* (А. Тарасов. Миллионер).

Употребительны формы повелительного (1), сослагательного и желательного наклонений (2):

1) ***Дай*** *ты ему* ***хоть*** *сто,* ***хоть*** *тыщу, а он не станет тебе приймать грех на душу…* (А. Чехов. Шило в мешке), *«Да* ***пусть гаснет***, ***хоть*** *в суфлерской,* ***хоть*** *на сцене, хоть во всем городе! — запальчиво ответит ей Машенька. — Я всю пьесу наизусть знаю!»* (В. Михальский. Весна в Карфагене);

2) ***Приехала бы*** *жена* ***хоть*** *на месяц,* ***хоть*** *на день, а там, если хочет, пусть уезжает назад!* (А. Чехов. В ссылке); *А сама Катя,* ***если бы*** *полюбила кого-то,* ***согласилась бы стать хоть*** *мусульманкой,* ***хоть*** *протестанткой!* (Н. Катерли. Дневник сломанной куклы); *Он был совершенный русак, ничего кавказского, так что с таким же успехом* ***мог бы назваться хоть*** *Авелем,* ***хоть*** *Тристаном* (Н. Климонтович. Последняя газета) [НКРЯ].

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Общий член может быть выражен также инфинитивом и атрибутивными глагольными словоформами:

— инфинитив: *«Лицами» нового блока должны стать политики, известные своей готовностью на определенных условиях* ***сыграть хоть*** *на скрипке,* ***хоть*** *в преферанс* («Советская Россия», 2003.01.15), *Теперь, десять лет спустя, пилоты всех команд могут уже без каких-либо рывков и усилий, сколько и как угодно* ***переключаться хоть*** *«вверх»,* ***хоть*** *«вниз»* («Формула», 2001.07.15);

— причастие: *Рувим ли, дедушка ли — закрыл дверь,* ***отгораживающую хоть*** *хлипко,* ***хоть*** *как спокойную гостиную от опасного внешнего мира* (Д. Маркиш. Конец света), *Любой год,* ***прожитый хоть*** *здесь,* ***хоть*** *там, плюсуется к общему сроку жизни* (В. Голубев. Шаг назад), *Как только читатели хотят обсудить, осудить …или поправить* ***написанное хоть*** *нами,* ***хоть*** *иными комментаторами, сразу же в ход идут замысловатые Вальдемары, Грецы и Пончики* (А. Бериашвили. Да здравствует дело Коркодела);

— деепричастие: — *Если сейчас Фуко можно читать,* ***сидя хоть*** *в Кремле,* ***хоть*** *в Урюпинске, то из этого не следует, что тот, кто все это там прочитал, хоть что-то из этого понял* («Неприкосновенный запас», 2003.09.12), *Я не видел аборигена, который,* ***заработав хоть*** *100 тысяч,* ***хоть*** *100 миллионов, сказал себе: «Стоп!»* (Е. Рубин. Пан или пропал) [НКРЯ].

В качестве общего члена возможны именные словоформы. Но при этом семантико-синтаксическая связь членов ряда с глагольными предикатами сохраняется:

Глядя в окуляр хоть *кинокамеры,* ***хоть*** *бинокля,* ***хоть*** *ТЗК, запросто можно принять за человека не только борцовую куклу, но и деревянную чушку* (А. Измайлов. Трюкач); *Из учебника ли вы* ***узнали*** *хоть что-то внятное* ***об истории хоть*** *мира,* ***хоть*** *собственной страны?* (Н. Солодников, С. Бунтман, Т. Эйдельман. Как правильно преподавать историю в школе?) [НКРЯ].

Таким образом, в функции общего члена в непредикативной конструкции с союзом *хоть…хоть...* могут выступать различные глагольные словоформы (личные, атрибутивные, инфинитив), грамматически связанные с членами ряда как напрямую, так и опосредованно (через именную словоформу). При этом употребление глаголов прошедшего времени совершенного вида является ограниченным.

3.1.2. Предикативная конструкция

В составе предикативной конструкции с союзом *хоть… хоть…* функционируют глагольные словоформы — носители грамматического значения

CC BY

предложения. Применение к ним понятия сочинительного ряда является условным, потому что в силу своего языкового статуса подобные словоформы являются независимыми предложенческими единицами. В связи с этим данный тип конструкции не предполагает наличие общего члена, являясь в минимальном структурно-семантическом выражении двучленным.

В предикативной конструкции с союзом *хоть… хоть…* зафиксированы в основном моносубъектные глагольные ряды.

Индикативы представлены в них прежде всего словоформами настоящего или будущего несовершенного времен:

— *Я* ***хоть сплю***, ***хоть пью***, *а все вижу* (В. Черкасов. Черный ящик); ***Хоть просить буду***, ***хоть бить*** *тебя* ***буду***, *не давай водки, не давай и денег* (Г. Данилевский. Беглые в Новороссии) [НКРЯ].

Ряды с глаголами прошедшего времени нами не зафиксированы, хотя функционирование в них словоформ несовершенного вида в принципе может иметь место (ср.: ***хоть*** *звонил,* ***хоть*** *писал — все без толку*). Однако вызывает сомнения сама возможность употребления в составе данного ряда (как и в случаях, рассмотренных выше) словоформ прошедшего времени совершенного вида (ср.: ****хоть*** *купил,* ***хоть*** *продал*; ***хоть*** *уехал,* ***хоть*** *приехал*; ***хоть*** *нашел,* ***хоть*** *потерял* и под.).

Не выявлены в структуре подобного ряда и глаголы в форме сослагательного наклонения. При этом его моделирование также является неубедительным (ср.: ****хоть*** *поехал бы,* ***хоть*** *приехал бы*).

Вместе с тем в предикативной конструкции имеет место высокая частотность императивных рядов:

Безопасность гарантировалась, ***хоть шляйся*** *по городу ночь напролет,* ***хоть усни*** *на скамейке в парке* (Н. Кожевникова. Колониальный стиль); — *Да по мне* ***хоть спите***, ***хоть*** *песни* ***пойте*** (Г. Владимов. Три минуты молчания); ***Хоть брось***, ***хоть подними***, *а так. И я понял, что так оно и есть* (С. Лунгин. Виденное наяву); — *Вот так, а теперь* ***хоть судите***, ***хоть принимайте***, *назад возврата нет* (П. Проскурин. Исход); *Хороший, помнится, был фильм,* ***хоть*** *пародией его* ***считай***, ***хоть*** *всерьез* ***принимай*** («Известия», 2002.02.07) [НКРЯ]. И т. д.

Для подобных рядов характерна фразеологизация — как общеязыковая, так и контекстуальная:

Ни пароходов, ни сахару; ***хоть плачь***, ***хоть смейся*** (Б. Шергин. Золоченые лбы); — *Это ведь надо, какие отравные времена настали —* ***хоть стой***, ***хоть падай*** (Л. Кабо. Ровесники Октября); *Прутья были все одинаковой толщины, длинные, как на подбор, гибкие, но прочные… —* ***Хоть*** *узлы* ***вяжи*** *из них,* ***хоть*** *кружева* ***плети***, *— радовался Фомич* (Б. Можаев. Живой) [НКРЯ].

CC BY

3.2. Анализ полученных результатов и обобщение

3.2.1. Этимологические аспекты морфолого-синтаксических свойств ХОТЬ… ХОТЬ…

Было установлено, что конструктивные свойства союза *хоть… хоть…* реализуются в довольно широких морфолого-синтаксических пределах. Ограничения касаются лишь глагольных словоформ совершенного вида, соотносящихся с планом прошедшего времени. При этом определяющим является функционирование в составе конструкции с *хоть… хоть…* словоформ настоящего-будущего времени и повелительного наклонения.

В чем причина отмеченных морфолого-синтаксических особенностей союза *хоть… хоть…*? Обратимся к этимологической составляющей проблемы, ибо, как показывают исследования, категориальные свойства союзов, как и их семантика, неотделимы от происхождения данных средств синтаксической связи (см.: [Виноградов, 2001, с. 579; Кузнецова, 1997; Николаева, 2008, с. 116—117; Собчакова, 2017] и др.).

Лексема *хоть* в современном русском языке исторически восходит к лексеме *хотя* (деепричастию от древнерусского глагола *хотети*) и к лексеме *хоти* (форме императива того же глагола), то есть в типологическом плане это две омоформы (см.: [Николаева, 2004, с. 131—133]). В современном русском языке форма *хоти* утратилась и, если употребляется, то лишь в рамках языковой игры:

— Ну и захотел, — упорствовал Валька, крутя головой, чтобы стряхнуть снег. — Ну и ***хоти****! — А ты не хочешь?* (В. Кетлинская. Мужество); *— Сознаешь, значит, свою обязанность?* ***Хоти*** *не* ***хоти****, а ехать, подруга, надобно* (Э. Шим. Ребята с нашего двора) [НКРЯ].

Какая из данных омоформ соотносится со структурными компонентами союза *хоть… хоть…*? Как отмечает Т. М. Николаева, *хотя* и *хоти* в союзной функции в древнерусском языке отличались корреляцией акциональных состояний: *хотя* соединяла «одновременные события», тогда как *хоти* — «разные по совершаемости ситуации» [Николаева, 2004, с. 131]. В современном русском языке, употребляясь как частица, *хоть* в сочетании с существительными имеет семантику минимализации и «ориентировано на ноль, на возможную опасность не получить ничего…, то есть *Дайте хоть два рубля* имеет в пресуппозиции: если у Вас плохо с деньгами, и Вы не хотите ничего давать» [Там же, с. 115—116].

Семантику минимализации частицы *хоть* можно определить и как «несовпадение между аксиологической или иной оценкой выделяемой ситуации с некоторых общих позиций (т. е. стереотипной оценкой) и ее оценкой в связи с актуальным положением вещей» [Зельдович, 1990, с. 5]. Говоря иначе, ее основной смысловой компонент в подобных употребле-

CC BY

ниях заключается в указании «на тот минимум, которым согласен довольствоваться говорящий или описываемое лицо» [Санников, 2008, с. 582].

В семантике союза *хоть… хоть…* мы видим тот же самый минимум, ориентированный на «ноль», который проявляется как согласие говорящего или слушающего, исходя из их коммуникативно-прагматических установок, с любой, даже потенциально неосуществимой, альтернативой:

«А1 независимо от того, будет ли А2 или совсем другое А3': *Звоните в любое время* [А1], ***хоть*** *днем* [А2], ***хоть*** *ночью* [А3]» [Апресян, 2015, с. 286].

Таким образом, в конструкциях с союзом *хоть… хоть…* представлены в виде вариантных пропозиций «разные по совершаемости события», являющиеся минимально достаточными как в нижнем, так и верхнем семантических пределах. В связи с этим структурные компоненты *хоть… хоть…* восходят, скорее всего, именно к форме императива глагола *хотеть — хоти* (* ***хоти*** *— днем,* ***хоти*** *— ночью*), которая в современном русском языке редуцировалась, как и в соответствующей частице, до основы настоящего-будущего времени — *хот'*. В таком случае отмеченное нами ограничение на употребление в составе конструкции глагольных словоформ совершенного вида можно объяснить в рамках теории «скрытой памяти» языка [Николаева, 2008, с. 116] прототипическим влиянием данной основы на нее.

3.2.2. Семантика ХОТЬ… ХОТЬ… и категория желательности

Семантическая и типологическая связь с глаголом *хотеть* включает организуемую союзом *хоть… хоть…* конструкцию в смысловое поле категории желательности. В ряде случаев возможна, например, замена компонентов союза на соответствующие глагольные словоформы практически без потери исходных синтаксических и коммуникативно-прагматических оттенков высказывания:

— Возьми что-нибудь, все равно что, ***хоть*** *банку,* ***хоть*** *книжку* (А. Клепаков. Опекун) [НКРЯ]. Ср.: *— Возьми что-нибудь, все равно что,* ***хочешь*** *— банку,* ***хочешь*** *— книжку.*

В свою очередь, личные формы глагола *хотеть* могут образовывать конструкции, аналогичные конструкциям с союзом *хоть… хоть…*:

1-е лицо: *—* ***Хочу*** *— убегу,* ***хочу*** *— назад приду. Всё же дом, мамка-папка, всё как у людей…* (Д. Сабитова. Где нет зимы), ***Хотим*** *— покупаем у американцев,* ***хотим*** *— приобретаем в Европе или в Азии,* ***хотим*** *— у своих. Элементная база и цифровые технологии, по сути, везде одинаковы* (О. Алексеев. Воздушная ГАИ);

2-е лицо: *— Бери-бери, Мирониха, — говорил дядя Зуй, — пользуйся.* ***Хочешь*** *ее мылом мой,* ***хочешь*** *стирай. От этой клеенки убыли не будет* (Ю. Коваль. Клеенка), ***Хотите*** *— верьте,* ***хотите*** *— нет, но только ровно*

CC BY

в семь открылась столовая, сели они за столики, выпили, закусили «беломорчиком» подымили и все разом встали (Г. Горин. Когда горит душа);

3-е лицо: *Гражданин сам волен решать, как ему гражданственно отвечать за поцелованную задницу ехавшей впереди иномарки.* ***Хочет*** *— через страховую компанию,* ***хочет*** *— через конкретную разборку с владельцем иномарки. Хозяин — барин...* («Известия», 2002.03.15), *Обществом сейчас никак не порицаются разводы, на это смотрят как на частное дело —* ***хотят*** *живут,* ***хотят*** *развелись, чего нам до того…* (Коллективный форум. Телегония) [НКРЯ].

Возможна трансформация этих употреблений в конструкции с союзом *хоть… хоть….* Ср.:

Хоть *покупаем у американцев,* ***хоть*** *приобретаем в Европе или в Азии,* ***хоть*** *у своих*; ***Хоть*** *ее мылом мой,* ***хоть*** *стирай*; ***Хоть*** *через страховую компанию,* ***хоть*** *через конкретную разборку с владельцем иномарки...* И т. д.

Непосредственно в союзе *хоть… хоть…* семантика желательности нагляднее всего проявляется в построениях с глаголами в форме императива — как в функции общего члена (1), так и позициях членов ряда (2):

1) *—* ***Приходи****.* ***Хоть*** *с молотком,* ***хоть*** *с бутылкой,* ***хоть*** *один, хоть с* ***кодлой*** *— я буду вас ждать* (Ю. Домбровский. Ручка, ножка, огуречик), *Подъехали, поставили транспорт и спокойненько* ***ступайте хоть*** *в кино,* ***хоть*** *в театр,* ***хоть*** *в магазин* («Столица», 1997.10.13); *—* ***Приезжай хоть*** *в Ревель,* ***хоть*** *в Верный — и себе приятно, и людям уважение* (В. Рыбаков. Гравилет «Цесаревич»);

2) *Обычное письмо стоит 3 рубля 15 копеек.* ***Хоть вези*** *в Москве через 2 квартала,* ***хоть доставляй*** *через всю страну* («Известия», 2002.10.04), *Хороший, помнится, был фильм,* ***хоть*** *пародией его* ***считай****,* ***хоть*** *всерьез* ***принимай*** («Известия», 2002.02.07), *— Мы свое дело сделали. Теперь ты нам не мешай, мы тебя не тронем. — Да по мне* ***хоть спите****,* ***хоть*** *песни* ***пойте*** (Г. Владимов. Три минуты молчания) [НКРЯ].

Аналогичная семантика может передаваться и грамматикализованными словоформами *пусть (пускай)* и *будь*:

Пусть хоть *жребий кидают,* ***хоть*** *сами назначают — это их дело* (Д. Каралис. Автопортрет); ***Пускай хоть*** *спит,* ***хоть*** *борщ варит — лишь бы хутор не становился порожним* (Н. Мордюкова. Казачка); ***Будь*** *ты* ***хоть*** *положительный герой,* ***хоть*** *отрицательный, не важно, стой и жди, пока он придет в себя и поднимется* («Боевое искусство планеты», 2003.12.08).

Лейтмотивом всех этих примеров является осуществление выбора по желанию говорящего или слушающего. Подобные употребления союза *хоть… хоть…*, в которых желательность превалирует над прочими се-

CC BY

мантико-синтаксическими и коммуникативно-прагматическими смыслами конструкции, можно квалифицировать как инвариантные.

4. Заключение = Conclusions

Морфолого-синтаксическая характеристика конструктивных свойств союза *хоть… хоть…* с целью описания его семантики дала следующие результаты.

В качестве членов организуемой данным союзом конструкции могут функционировать словоформы любых частей речи, называющие предметы, признаки, действия и отражающие как реалии окружающей действительности, так и проявления психической и физической деятельности человека. Частотность их употребления имеет общеязыковой характер.

Однако в конструкции ограничено употребление глагольных словоформ совершенного вида прошедшего времени. Обусловлено это, скорее всего, тем, что структурные компоненты союза *хоть… хоть…* восходят этимологически к форме императива глагола *хотеть* — *хоти*, редуцированной в современном русском языке до основы настоящего-будущего времени — *хот'*, которая, если исходить из теории «скрытой памяти» языка, налагает запрет на употребление в составе конструкции перфектных словоформ, соотносящихся с планом прошедшего времени. При этом компоненты союза в семантическом плане ориентированы на минимум, которым «согласны довольствоваться» говорящий или слушающий.

Вместе с тем в конструкции имеет место высокая частотность императивных словоформ несовершенного вида — как в функции общего члена, так и в позициях членов ряда, что можно объяснить связью морфолого-синтаксических свойств союза *хоть… хоть…* с категорией желательности, обусловленной прототипическим влиянием на них глагола *хотеть*. Возможна, например, замена компонентов союза на соответствующие личные формы этого глагола практически без потери исходных синтаксических и коммуникативно-прагматических оттенков высказывания. В свою очередь, личные формы глагола *хотеть* могут образовывать конструкции, аналогичные конструкциям с союзом *хоть… хоть…*, и, в свою очередь, допускают взаимозамену на его компоненты.

Построения с императивными словоформами являются инвариантными для данной конструкции. Именно в этих условиях семантика желательности, заключенная в каждой из сочиненных *хоть… хоть…* пропозиций, проявляется в наибольшей мере.

Исходя из этого можно заключить, что союз *хоть… хоть…* сообщает о желании говорящего осуществить самому или предоставить слушающему свободный, но при этом минимально достаточный как в верхнем,

CC BY

так и нижнем семантических пределах выбор из предложенных альтернатив.

На данные семантические особенности *хоть… хоть…*, обусловленные его конструктивными свойствами, как мы полагаем, следует обращать внимание при характеристике этого союза как в научной, так и в учебно-методической литературе, а также при подготовке лексикографических изданий.

Источники и принятые сокращения

1. НКРЯ — *Национальный* корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 25.11.2021).

2. РКГ — *Сочинительные* союзы // Русская корпусная грамматика [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://rusgram.ru (дата обращения: 21.11.2021).

3. СРЯ — *Словарь* русского языка : в 4 т. Т. 4 / под ред. А. П. Евгеньевой. — 3-е изд., стереотип. — Москва : Русский язык, 1988. — 800 с.

4. ССРЛЯ — *Словарь* современного русского литературного языка : в 17 т. Т. 17. — Москва — Ленинград : Наука, 1965. — 2127 с.

5. СССРЯ — *Словарь* служебных слов русского языка / А. Ф. Приятkина, Е. А. Стародумова (отв. ред.), Г. Н. Сергеева и др. — Владивосток: Изд-во ДВГУ, 2001. — 363 с. — ISBN 5-900274-50-0.

6. ТСРЯ — *Толковый* словарь русского языка : в 4 т. Т. 4 / под ред. Д. Н. Ушакова. — Москва : ГИ ИНС, 1940. — 1500 с.

Литература

1. *Апресян В. Ю.* Механизмы образования и взаимодействия сложных значений в языке : диссертация … доктора филологических наук : 10.02.19 / В. Ю. Апресян. — Москва, 2015. — 637 с.

2. *Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. — Москва : Русский язык, 2001. — 720 с. — ISBN 5-200-03017-X.

3. *Зельдович Г. М.* Система минимальных значений частицы «хоть» и их взаимодействие с контекстом : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.02.01 / Г. М. Зельдович. — Харьков : ХГУ, 1990. — 18 с.

4. *Кручинина И. Н.* Структура и функции сочинительной связи в русском языке / И. Н. Кручинина. — Изд. 2-е, испр. — Москва : URSS, 2009. — 209 с. — ISBN 5-02-010885-5.

5. *Кузнецова Р. Д.* Отражение путей и способов образования союзов в их строении и функционально-семантических свойствах / Р. Д. Кузнецова // Неполнозначные слова : история, семантика, функционирование. — Тверь : ТГУ, 1997. — С. 7—13.

6. *Николаева Т. М.* Некоторые наблюдения над семантикой и статусом сложных предложений с уступительными союзами / Т. М. Николаева, И. И. Фужерон // Вербальные и невербальные опоры пространства межфразовых связей. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — С. 99—133. — ISBN 5-94457-177-2.

7. *Николаева Т. М.* Непарадигматическая лингвистика : (История «блуждающих частиц») / Т. М. Николаева. — Москва : Языки славянской культуры, 2008. — 376 с. — ISBN 5-9551-0231-1.

8. *Перетрухин В. Н.* Проблемы синтаксиса однородных членов предложения в современном русском языке / В. Н. Перетрухин. — Воронеж : ВГУ, 1979. — 209 с.

9. *Прияткина А. Ф.* Формальные средства двух синтаксических уровней / А. Ф. Прияткина // Русский синтаксис в грамматическом аспекте (синтаксические связи и конструкции). Избранные работы. — Владивосток : ДВГУ, 2007. — С. 28—38. ISBN 978-5-7444-1940-0.

10. *Прияткина А. Ф.* Русский язык. Синтаксис осложненного предложения: учебное пособие / А. Ф. Прияткина. — Изд. 2-е, стер. — Москва : Флинта, 2019. — 175 с. — ISBN 978-5-9765-3995-2.

11. *Пятницкий В. Д.* Конструкции с союзами *что...что* и *хоть...хоть* в русском языке / В. Д. Пятницкий // Русский язык в школе. — 2009. — № 9. — С. 66—70.

12. *Русская* грамматика : в 2 т. Т. 2 / гл. ред. Н. Ю. Шведова. — Москва : Наука, 1982. — 710 с.

13. *Санников В. З.* Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве / В. З. Санников. — Москва : Языки славянских культур, 2008. — 624 с. — ISBN 978-5-9551-0236-8.

14. *Служебные* слова в лексикографическом аспекте : монография / Е. А. Стародумова, В. Н. Завьялов, Е. С. Шереметьева и др. — Владивосток : Дальневост. федерал. ун-т, 2017. — 377 с. — ISBN 978-5-7444-3960-6.

15. *Собчакова Н. М.* Контрастивный анализ функционального потенциала, этимологии и семантики английских временных союзов / Н. М. Собчакова // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2017. — № 1. — С. 63—67.

Material resources

NKRYa — *Russian National Corpus*. Available at: http://www.ruscorpora.ru (accessed: 25.11.2021). (In Russ.).

RKG — Coordinating conjunctions In: *Russian corpus grammar*. Available at: http://rusgram.ru (accessed: 21.11.2021). (In Russ.).

SRYa — Evgen'eva, A. P. (ed.). (1988). *Dictionary of the Russian language*. (3-th ed.). Moscow: Russkiy yazyk. 4/4. 800 p. (In Russ.).

SSRLYa — *Dictionary of the modern Russian literary language*. (1965). Moscow; Leningrad: Nauka. 17/17. 2127 p. (In Russ.).

SSSRYa — Priyatkina, A. F., Starodumova, E. A., Sergeeva, G. N. (et al.). (eds.). (2001). *Dictionary of service words of the Russian language*. Vladivostok: FEFU publishing house. 363 p. ISBN 5-900274-50-0. (In Russ.).

TSRYa — Ushakov, D. N. (ed.). (1940). *Explanatory dictionary of the Russian language*. Moscow: GI INS. 4/4. 1500 p. (In Russ.).

References

Apresyan, V. Yu. (2015). *Mechanisms for the formation and interaction of complex meanings in a language:* Doct. Diss. Moscow. 637 p. (In Russ.).

Kruchinina, I. N. (2009). *The structure and functions of the compositional connection in the Russian language*. (2-nd ed.). Moscow: URSS. 209 p. ISBN 5-02-010885-5. (In Russ.).

Kuznetsova, R. D. (1997). Reflection of ways and means of formation of unions in their structure and functional-semantic properties. In: *Ambiguous words: history, semantics, functioning*. Tver': TGU. 7—13. (In Russ.).

Nikolaeva, T. M., Fuzheron, I. I. (2004). Some observations on the semantics and status of complex sentences with concessive conjunctions. In: *Verbal and non-verbal*

CC BY

supports of the space of interphrase links. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury. 99—133. ISBN 5-94457-177-2. (In Russ.).

Nikolaeva, T. M. (2008). *Non-paradigmatic linguistics: (History of "wandering particles")*. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury. 376 p. ISBN 5-9551-0231-1. (In Russ.).

Peretrukhin, V. N. (1979). *Problems of Syntax of Homogeneous Members of a Sentence in Modern Russian*. Voronezh: VGU. 209 p. (In Russ.).

Priyatkina, A. F. (2007). Formal means of two syntactic levels. In: *Russian syntax in the grammatical aspect (syntactic links and constructions). Selected works*. Vladivostok: DVGU. 28—38. ISBN 978-5-7444-1940-0. (In Russ.).

Priyatkina, A. F. (2019). Russian language. Compound sentence syntax. (2-nd ed.). Moscow: Flinta. 175 p. ISBN 978-5-9765-3995-2. (In Russ.).

Pyatnitskiy, V. D. (2009). Constructions with conjunctions «что... что» and «хоть... хоть» in Russian. *Russian at school, 9:* 66—70. (In Russ.).

Sannikov, V. Z. (2008). *Russian Syntax in the Semantic-Pragmatic Space*. Moscow: Yazyki slavyanskikh kultur. 624 p. ISBN 978-5-9551-0236-8. (In Russ.).

Shvedova, N. Yu. (ed.). (1982). *Russian grammar*. Moscow: Nauka. 2/2. 710 p. (In Russ.).

Sobchakova, N. M. (2017). Contrastive analysis of the functional potential, etymology and semantics of English temporary conjunctions. *Bulletin of the Orenburg State University, 1*. 63—67. (In Russ.).

Starodumova, E. A., Zav'yalov, V. N., Sheremet'eva, E. S. (et al.). (2017). *Service words in the lexicographic aspect: monograph*. Vladivostok: FEFU. 377 p. ISBN 978-5-7444-3960-6. (In Russ.).

Vinogradov, V. V. (2001). *Russian language. Grammatical doctrine of the word.* Moscow: Russkiy yazyk. 720 p. ISBN 5-200-03017-X. (In Russ.).

Zeldovich, G. M. (1990). *The system of minimum values of the particle KHOT' and their interaction with the context:* author's abstract of PhD Diss. Kharkov: KhGU. 18 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 12.12.2021,
одобрена после рецензирования 04.04.2022,
подготовлена к публикации 25.04.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Иванян Е. П. Последний vs *крайний* в онтологическом освещении / Е. П. Иванян, А. М. Клюшина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 4. — С. 46—67. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-46-67.

Ivanyan, E. P., Klyushina, A. M. (2022). 'Posledniy' [Last] vs 'Krayniy' [Latest] in Ontological Presentation. *Nauchnyi dialog, 11(4):* 46-67. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-46-67. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU EBSCOhost

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-46-67

Последний vs *крайний* в онтологическом освещении

Иванян Елена Павловна
orcid.org/0000-0003-4782-0658
доктор филологических наук,
профессор
кафедры русского языка, культуры речи
и методики их преподавания
ivanyan@pgsga.ru

Клюшина Алёна Михайловна
orcid.org/0000-0003-2465-348X
кандидат филологических наук, доцент
кафедры английской филологии и
межкультурной коммуникации
klyushina@pgsga.ru

Самарский государственный социально-
педагогический университет
(Самара, Россия)

'Posledniy' [Last] vs 'Krayniy' [Latest] in Ontological Presentation

Elena P. Ivanyan
orcid.org/0000-0003-4782-0658
Doctor of Philology, Professor,
Department of the Russian Language,
Speech Culture and Teaching Methods
ivanyan@pgsga.ru

Alena M. Klyushina
orcid.org/0000-0003-2465-348X
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of English Philology
and Intercultural Communication
klyushina@pgsga.ru

Samara State University
of Social Sciences and Education
(Samara, Russia)

© Иванян Е. П., Клюшина А. М., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос о замене в синонимической паре *последний — крайний.* Уделяется внимание характеристике речевых стереотипов и видов фреймов, формирующих субституцию в синонимической паре. Представлены результаты сопоставительного анализа эвристик лингвокреативного мышления с уровнем речевой культуры коммуникантов, применяющих катахрезу в данной паре. Проводится изучение замен в онтологическом освещении, учитывающем лексико-семантический, когнитивный, генристический, экстралингвистический, лингвокультурный и ортологический аспекты. Описывается многообразие функций изучаемой синонимической пары в различных типах дискурса. Актуальность исследования обусловлена продолжающейся языковой модой на замену лексемы *последний* словом *крайний.* Авторы останавливаются на изучении мемов, касающихся синонимической замены, выявлении их функций и особенностей. Показано, что при актуализации функции художественно-образной конкретизации изображаемого проявляется миметический характер в применении данной субституции. Определены параметры социальной действительности, обусловившие замены в синонимической паре языковой моды «первой и второй волны». Предложена характеристика прагматических значений рефлексивов в газетном дискурсе в соотнесении с выполняемыми ими функциями. Показано, что субститут *крайний* становится рефлексоидом.

Ключевые слова:
субституция; эвфемизм; языковые новации; ортология; лексическая ошибка; языковая мода; синонимическая пара; крайний и последний; рефлексоид.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The question of replacement in the synonymic pair *last — latest* is considered. Attention is paid to the characteristics of speech stereotypes and types of frames that form substitution in a synonymic pair. The results of a comparative analysis of the heuristics of linguocreative thinking with the level of speech culture of communicants using catachresis in this pair are presented. The study of replacements in ontological coverage is carried out, taking into account the lexico-semantic, cognitive, generistic, extralinguistic, linguocultural and orthological aspects. The variety of functions of the studied synonymic pair in various types of discourse is described. The relevance of the study is due to the ongoing linguistic fashion to replace the lexeme *last* with the word *latest*. The authors dwell on the study of memes related to synonymous replacement, identifying their functions and features. It is shown that when the function of artistic figurative concretization of the depicted is actualized, a mimetic character is manifested in the application of this substitution. The parameters of social reality, which caused the replacements in the synonymous pair of the language fashion of the “first and second wave” are determined. A characteristic of the pragmatic meanings of reflexives in newspaper discourse is proposed in relation to the functions they perform. It is shown that the substitute *latest* becomes a reflexoid.

Key words:
substitution; euphemism; language innovations; orthology; lexical mistake; language fashion; synonymous pair; last and latest; reflexoid.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 811.161.1’373.421

Последний vs *крайний* в онтологическом освещении

© Иванян Е. П., Клюшина А. М., 2022

1. Введение = Introduction

В русском дискурсе середины XX века возникла оппозиция синонимической пары (СП) *последний — крайний в* коммуникативной ситуации необходимости занять место в очереди. В обиходном дискурсе был предложен субститут *крайний* как более вежливый. Такую вежливость филологи называли «ложной вежливостью», гиперкоррекцией, «народной политкорректностью» [Гусейнов, 2012, с. 100], связывали с «ложными представлениями о магической силе слов» [Иссерс, 2017, с. 43]. Также субституция в данной СП начала применяться в сочетании прилагательного с лексемами с семантикой времени, абстрактными существительными, обозначающими опредмеченные действия опасных сфер деятельности (*день, час, бой, поединок, полёт, поездка* и т. п.).

Актуальность исследования обусловлена продолжающейся языковой модой на употребление лексемы *крайний* вместо слова *последний.*

Рассматривая вопрос о замене в СП *последний — крайний*, считаем необходимым выполнить анализ различных аспектов изучения исследуемой СП в научной литературе (лексико-семантический, когнитивный, генристический, экстралингвистический, лингвокультурный, ортологический), уделяя особое внимание характеристике речевых стереотипов и видов фреймов, формирующих субституцию в СП.

Настоящее исследование выполнено в русле изысканий авторов статьи и продолжает цикл научных работ, посвященных функционально-семантической категории крайности, например: [Клюшина, 2020; Клюшина, 2021; Ivanyan et al., 2021].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Обзор научных работ по теме исследования позволяет отметить, что ортологический аспект СП *последний — крайний* раскрыт достаточно полно в научной и научно-популярной литературе [Головина, 2014; Колесов, 1988; Новикова и др., 2016; Успенский, 1962 и др.]. В прикладном аспекте лингвистической русистики проблема субституции в СП *последний — крайний* затронута в статье [Тудосе, 2006]. При изучении лексемы *последний в* гендерном аспекте были выявлены ассоциации,

CC BY

среди которых у женщин представлен ассоциат *очередь* [Колесникова, 2015].

В работе [Головина, 2014] предпринята попытка определить лингвистические, экстралингвистические и психолингвистические причины возникновения данной лексической ошибки, а также её возрождения во втором десятилетии XXI века. Квалификация этой речевой замены одного слова другим как ***лексической ошибки*** никак не помешала инициации второй волны популярности субституции в СП *последний — крайний*, которая сохраняется и в настоящее время.

В работе [Иссерс, 2017, с. 43] отмечено, что скорость и масштабы внедрения в дискурсивные практики современного русского языка субституции в анализируемой СП не позволяют относить данные факты к речевым ошибкам и требуют поиска иных причин, лежащих в сфере коммуникативно-прагматической и когнитивной специфики функционирования языка. О. С. Иссерс объясняет феномен «второй волны», обратившись к понятию «массовая культура русской речи» и его сущностным характеристикам, которые и указывают на возможность «вирусного распространения» ошибочных новаций в новой медиасреде.

Целью настоящей статьи является онтологическое освещение бытования СП в русском дискурсе, предполагающее её всестороннюю характеристику в лексико-семантическом, когнитивном, генристическом, экстра-лингвистическом, лингвокультурном и ортологическом аспектах с указанием многообразия функций изучаемой СП в различных типах дискурса.

Отметим, что наше исследование никоим образом не отрицает того факта, что значительное количество субституций в СП *последний — крайний* является лексической ошибкой. Целью исследования является поиск ответа на вопрос, каковы причины удивительной стойкости, возрождения и развития в современном русском дискурсе данной ошибки.

Материалом исследования явились примеры из «Национального корпуса русского языка» [НКРЯ] в количестве 97 единиц (79 примеров из газетного типа дискурса и 18 из художественного типа дискурса), авторская картотека примеров из СМИ и некоторые лингвистические мемы.

В настоящей статье представлены результаты сопоставительного анализа эвристик лингвокреативного мышления с уровнем речевой культуры коммуникантов, применяющих катахрезу в исследуемой СП; изучены замены в онтологическом освещении, учитывающем лексико-семантический, когнитивный, генристический, экстралингвистический, лингвокультурный и ортологический аспекты; описаны разнообразные функции исследуемой СП в различных типах дискурса.

CC BY

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1 Лексико-семантический аспект изучения синонимической пары *последний — крайний*

3.1.1. Возникновение субституции в СП *последний — крайний* обусловлено тем, что лексема *последний* является полисемантом. Среди её значений — ‘совсем плохой, самый худший’. Это значение создает отрицательные коннотации, влияющие и на другие семемы слова; коммуниканты, «занимающие место в очереди», применяют субституцию с целью избежать названные коннотации (явление гипервежливости).

3.1.2. Одно из значений лексемы *последний* ‘конечный в ряду чего-то’ создаёт неприятные коннотации, связанные со смертью, их стремятся избежать коммуниканты опасных сфер деятельности, обращаясь к субституции. В подобных случаях субституция в СП *последний — крайний* приводит к лексической ошибке, которую следует квалифицировать как профессионализм на основании ряда признаков: свойственна социальным группам профессий, связанных с опасной деятельностью; является просторечным эквивалентом литературного варианта; противоречит кодификации; входит в лексический комплекс, ограниченный количественно и по числу применяющих этот комплекс коммуникантов. Данный профессионализм, будучи лексической ошибкой, сохраняет эмоциональную и аргументативную привлекательность для некоторого слоя носителей русского языка, становясь предметом предпочтения в СП. При этом профессионализм в процессе бытования распространяется за пределы профессионально маркированных групп, переходя в сферу просторечия и разговорной речи литературного языка, пополняя пласт просторечия новых средств (просторечие второго временно́го периода).

3.1.3. Субституция в СП *последний — крайний* носит ограниченный характер, поскольку, согласно Л. А. Новикову, «несовпадающие дифференциальные признаки (семы) синонимов не находятся в отношении взаимоисключения, поэтому значения (семемы синонимов не отрицают, не исключают, а уточняют друг друга <…>» [Новиков, 1982, с. 183].

Анализ примеров из НКРЯ показал, что многие контексты не предполагают исключающих отношений *крайний* либо *последний*; существует значительное количество текстов, в которых данные синонимы находятся в отношениях дизъюнкции. Подобные примеры датируются и XIX, и XX веками, например:

(1) *Наконец наступил канун отъезда. Завтрашнее утро — **крайний**, **последний** срок* (В. В. Крестовский. Панургово стадо,1869) [НКРЯ];

(2) *И всю деревню надо пройти под окнами, потому что дом Григория Ивановича и Пелагеи Николаевны самый **крайний**, **последний**, с того конца* (В. А. Солоухин. Смех за левым плечом, 1989) [Там же].

CC BY

3.1.4. Примечательно, что стилистическая функция усиления в СП осуществляется в последовательности *крайний, последний* и, напротив, в последовательности *последний, крайний*, сравним:

(3) *Он молча, понимающе кивает мне головой и опускается на пол, на ковер, к моим ногам. Знает ли он, что это* ***последняя***, ***крайняя***, *самая полная наша минута?* (В. Д. Пришвина. Невидимый град, 1962) [Там же];

(4) *Драка* **— *последний***, ***крайний*** *случай. Островский, правда, говорил, что драться вообще-то можно и даже нужно, только нужно знать, кого бить и за что бить…* (Н. Коляда. Барак, 1987) [Там же].

3.1.5. Приведенные примеры демонстрируют приём усиления, нанизывания посредством СП. Исследуемая синонимическая пара применяется и в приёме градации, например:

(5) *Вот когда-то ребёнок он — незнающий, детски, ангельски — чистый; вот юноша, вот мечтатель, бросивший казённый, не удовлетворявший его университет, вот философ, затворник, мученик, истязаемый роем страстей своих, вот искатель того абсолюта, без которого мир весь ничто, вот скептик* ***последний***, ***крайний***, ***безудержный***, *вот одинокий и грязный старик, скряга, безнадёжно опускающийся в самые зловонные провалы <…>* (И. А. Новиков. Золотые кресты, 1907) [Там же].

При нанизывании синонимов и в приёме градации осуществляется функция усиления признака.

3.1.6. В нашем текстовом материале также представлен приём сопоставительно-контрастного объединения, в котором синонимы воспринимаются как антонимы, антосинонимии, согласно [Караулов, 1976, с. 116]. Синонимы употребляются в противительных конструкциях в примерах:

(6) *— Это были последние спасённые русскими? / Андрей Легошин: — Для нас они* ***крайние***, ***а не последние***. *Я думаю, ещё будут чудесные избавления. Там сейчас достаточно сил, много техники* (А. Коц. «Мы шутим даже в аду, иначе съедет крыша...» // Комсомольская правда, 2001.02.03) [НКРЯ];

(7) *А дальше… Дальше часть из нас выйдет на свой последний — именно* ***последний***, ***а не «крайний»*** *бой, и — или победим или умрём* (Филипп Артуа // ВКонтакте) [АА].

В примерах антосинонимии в СП *крайний — последний* реализуется функция противопоставления.

3.1.7. В художественном типе дискурса с субституцией в СП *крайний — последний* при изображении очереди может быть представлена функция художественно-образной конкретизации изображаемого, благодаря которой создается образ толпы, которой не чужды суеверия, например:

(8) *— Скажите, пожалуйста, кто* ***последний****? — Здесь* ***последних*** *нет, — сострила черномазенькая с задорным зубом. —* ***Крайнюю*** *ищете,*

CC BY

*гражданочка? — спросила пожилая, в голубых носочках, с седоватой мочалкой на голове. — **Крайняя** будто за мной занимала, да ушла* (И. Грекова. Дамский мастер, 1963) [НКРЯ];

(9) <…> *на Главпочте открыто окошечко для приёма телеграмм. Отсюда и можно послать весточку любимой. Так вы **последняя**? Старуха в выносившейся плюшевой жакетке подчёркнуто ответила, что она не **последняя**, **а крайняя**. И, насупившись, отвернулась. Ну что ж, очень хорошо, очень хорошо, что не **последняя**, **а** только **крайняя*** (В. М. Шапко. Синдром веселья Плуготаренко // «Волга», 2016) [Там же].

Художественно-образная конкретизация изображаемого характеризует ситуацию российской очереди в целом. Функция художественно-образной конкретизации изображаемого представлена в единичных примерах газетного типа дискурса с СП *крайний — последний*. В подобных случаях осуществляется характеризация социальной ситуации, например:

(10) *(Потому что желающих получить документы много, а окошко, из которого они выдаются, одно и маленькое, а тётенька, которая за ним сидит, толстая и медлительная. Или их двое, но у них как раз закипел чайник.) Очередь в УФМС обязательно кем-то возглавляется (далее — смотрящий). Просто подойти и спросить: «Кто тут **крайний**?» — распространенная ошибка новичков. Нужно непременно найти этого человека с замятым клочком бумаги, на котором разными почерками записаны труднопроизносимые фамилии, и добиться, чтобы тебя туда вписали, — с этого момента ты официально часть очереди, и у тебя есть право голоса, т. е. теперь ты можешь сказать свое «Вас тут не стояло!»* (Новая газета, 2017.11.01) [Там же].

В целом можно говорить, что при субституции в СП *крайний — последний* при реализации функции художественно-образной конкретизации изображаемого наблюдается миметический характер в эксплуатации названной оппозиции.

3.1.8. Намеренное употребление *крайний* вместо *последний* актуализирует функцию иронии, реализуя вторичное значение в номинации. Так, ирония содержится в названии романа В. Пелевина «Лампа Мафусаила, или Крайняя битва чекистов с масонами» (2016) [АА]. Об ироническом модусе, иронической рефлексии в данной субституции см.: [Иссерс, 2017, с. 49—50].

3.2. Когнитивный аспект изучения синонимической пары *последний — крайний*

3.2.1. Анализ примеров субституции в СП *последний — крайний* позволяет утверждать, что здесь представлено два фрейма, отвечающих за следу-

CC BY

ющие коммуникативные ситуации: 1) вопрос определения места в очереди (*Кто последний / крайний?*); 2) свободные сочетания слов типа *последний раз, последний бой, последний полёт* и т. п., «тяготеющие» к субституции членом СП. Фреймы реализуются посредством речевых стереотипов (РС). Согласно В. А. Рыжкову, это знаки вербальной фиксации подмеченных потребностей социальной группы, этноса, национально-культурного ареала [Рыжков, 1988]. РС способны существовать в качестве статической пропозиции или как динамический фрейм с участниками, ходом событий и подобное [Вилинбахова, 2015, с. 54].

3.2.2. Первый фрейм отражает РС диалога в очереди и связан с ситуацией «Очередь», это динамический фрейм. Продолжение РС развивается по двум сценариям: а) принятие вопроса (*Кто последний?*), б) отвержение вопроса с требованием замены его на вопрос (*Кто крайний?*). В случае б) участники очереди нередко начинают спорить, как правильно спрашивать. Данный фрейм представлен в двух субвариантах: с начальной фразой *Кто последний?* или с начальной фразой *Кто крайний?*. Например: (8), (10).

(11) *У стойки толпились любители выпить. — Кто* ***крайний****? — спросил Вадя слабым голосом. — Я* ***последний****, — вызывающе ответил ему интеллигентный пьяница в пенсне. — «****Крайний****» — это не по-русски. — А товарищ Тепикин говорит «****крайний****», — ровным, тихим голосом возразил Вадя. — Какой там еще Тепикин? — Если вы не знаете товарища Тепикина, значит, вы не знаете новых правил русской грамматики, — сказал Вадя, и человек в пенсне вытаращил глаза* (В. Дудинцев. Не хлебом единым, 1956) [НКРЯ].

Попутно отметим, что (11) по времени — первый пример субституции в СП *крайний — последний*, фиксируемый для художественного типа дискурса в НКРЯ.

3.2.3. Второй фрейм реализуется РС в статической пропозиции, описывающей ситуацию из опасной сферы деятельности: военные (лётчики, моряки, подводники). В дальнейшем, как показано в [Головина, 2014], субституция СП переносится и на ситуации с экстремальными видами спорта. Начиная с 2005 года фрейм, помимо ситуаций опасной сферы деятельности, реализуется применительно к сфере творческих профессий, поскольку в этой среде продуцируется множество суеверий и примет, например:

(12) *А в конце Юрий Шевчук сказал:* ***— Крайний*** *стишок из новой книги прочту вам <…>* (А. Вассар. Юрий Шевчук: — Рок музыка ставит вопрос не «спать или не спать», а «быть или не быть»… // Комсомольская правда, 2009.10.28) [НКРЯ];

(13) *Сами же музыканты легендарной трэш-металлической группы сейчас продолжают запись нового альбома.* ***Крайний*** *был выпущен еще три*

CC BY

года назад (А. Рогоза, В. Ли. Slayer порадовали фанатов коллекцией свитеров с черепами и лого группы // Комсомольская правда, 2012.11.23) [Там же].

3.2.4. Бытование РС первого фрейма в русском дискурсе на протяжении десятилетий вызвало к жизни прецедентное высказывание (ПВ) иронического характера из мультфильма «Падал прошлогодний снег» (1983): *Кто тут, к примеру, в цари крайний?* [АА]. ПВ бытует в газетном типе дискурса, например:

(14) *Михаил узнал, что Ярополк отлучился из Владимира по ростовской дороге (тот поехал в Переяславль-Залесский) и рванул на Владимир. А там какая удача! и дружины нет, все полторы тысячи ушли вместе с Ярополком. Дальше было как в известном мультике:* ***Кто тут, к примеру, в цари крайний?*** *Никого? Так я первый буду!. Возможно, именно с такими словами Михаил закрылся в городе вместе с жителями* (В. Граков. Зачем рязанцы 835 лет назад сожгли Москву // Комсомольская правда, 2012.09.28) [НКРЯ].

В художественном типе дискурса ПВ низкочастотно, например:

(15) [Олигарх Тимофей Кольцов стремится стать губернатором] *«****Кто тут в цари крайний****? — вспомнила Катерина. — Никого? Ну, тогда я первый!»* (Т. Устинова. Персональный ангел, 2002) [Там же].

3.2.5. Примеры из НКРЯ фиксируют с 40-х годов XX века новое значение для лексемы *крайний* ‘ответственный за что-либо, виноватый в чём-либо’, например:

(16) *И тогда оказывается, что мы* ***были крайними*** *на войне, то есть кто выполнял приказы,* ***оказываются крайними*** *теперь, когда приходится отвечать за все последствия войны!* (С. Алексиевич. Цинковые мальчики, 1984—1994) [Там же].

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. В. Дмитриева дано толкование: «**Крайним** называют человека, на которого перекладывают вину или ответственность за то, в чём виновны или за что должны отвечать несколько человек» [ТСРЯД, ч. 9, 2003].

Новое значение лексемы *крайний в* дискурсе нередко обыгрывается в ситуации ‘быть крайним в очереди’, например:

(17) [Персонаж отправился к киоску с мороженым] *Я видела, как он что-то спросил у девушки в белом пуховом платке. Блеснули чёрные раскосые глаза из-под заснеженного платочка. «Наверное, спросил, она ли* ***крайняя****?» — подумала я тогда. Но* ***крайней оказалась*** *я. Совсем скоро мой Валька ушёл от меня навсегда к девушке в белом пуховом платке* (Е. Маркова. Мяч, 1990—2000) [НКРЯ].

Лингвистические мемы подтверждают этот приём обыгрывания. Например, на рисунке 1 обыгрываются смысловые комплексы ‘быть крайним

CC BY

в очереди' и 'крайний — это ответственный, виноватый' и фразеологизм *стрелочник виноват* с тем же значением 'оказаться безвинно виноватым'.

Рис. 1. Пример лингвистического мема
с обыгрыванием значения 'быть крайним в очереди'

В целом описанные фреймы на базе РС в непосредственной и опосредованной коммуникациях выполняют регулятивную функцию, направленную на вербальное регулирование описываемого положения дел. Воспроизводимый в РС фрейм «Очередь» при определённом коммуникативном задании приобретает миметический характер воспроизведения очереди российской действительности.

3.3. Генристический аспект изучения синонимической пары *последний — крайний*

В исследовании [Сидоренко, 2020], посвящённом характеристике такого жанра речи, как запрет, попутно говорится и о запрете на произнесение слова *последний*. При этом А. В. Сидоренко отличает жанр собственно запрета от жанра трансляции опыта или своего рода произнесения слова *последний,* связанного с экстремальной ситуацией [Сидоренко, 2020, с. 101]. Полагаем, что генристический аспект раскрывает формирование субституции в СП *крайний — последний* как явление вербальной табуизации. Безусловно, эвфемизация того или иного слова из-за суеверия является языковой универсалией. Таким образом, при субституции в СП *крайний — последний* реализуется эвфемистическая функция, а именно — социально-медиаторная функция предотвращения коммуникативной неудачи, ср.: [Реброва, 2020].

В целом РС, реализуемый во втором фрейме субституции в СП *крайний — последний,* в речи представителей экстремальных видов деятельности выполняет психотерапевтическую функцию, замещая нечто неподвластное контролю; социализирующую функцию, ср.: [Чергинец, 2008].

CC BY

Как отмечал Ю. Бохеньский, «суеверие — это верование, которое, конечно, в высшей степени ложно, но, несмотря на это, считается несомненно истинным» [Бохеньский, 1993, с. 7]. См., как обыгрывается жанр запрета на произнесение слова *последний* в лингвистическом меме (рис. 2). Кроме того, здесь комический эффект создается столкновением сразу двух речевых оборотов (добавляется ещё и выражение *за вами*, которое может быть истолковано различно).

Рис. 2. Пример лингвистического мема с обыгрыванием жанра запрета на произнесение слова *последний*

Согласно исследованию [Иссерс, 2014, с. 49], осуществлённому на материале медиасреды, в середине второго десятилетия XXI века в массовой культуре русской речи наблюдается экспансия эвфемистического обозначения табуированного смысла, что приводит к изменению прагматического значения эвфемизма: из осознанного употребления в функции эвфемизма слово переходит в разряд речевых автоматизмов. При этом семантическое выветривание приводит к десемантизации первичного табу.

3.4. Экстралингвистический аспект изучения синонимической пары *последний — крайний*

3.4.1. При характеристике экстралингвистического аспекта следует выявить причины возникновения субституции в СП *крайний — последний* для «первой волны», которая начинается с середины и угасает к концу XX века, и «второй», начало которой определяем по примерам НКРЯ с се-

CC BY

редины первого десятилетия XXI века. Попутно отметим, что О. С. Иссерс на материале данных, полученных из компьютерной базы СМИ «Медиалогия», и собственной картотеки примеров в статье 2017-го года пишет: «В последние 5 лет мы стали свидетелями своего рода “цунами” массового речевого суеверия, стремительно обрушившегося на все сферы жизни» [Иссерс, 2017, с. 45]. Констатируем, что волна субституции в СП не спадает и в начале третьего десятилетия XXI века.

3.4.2. Среди параметров социальной действительности, обусловивших феномен субституции в СП *крайний — последний* «первой волны», следует назвать 1) гуманизацию многих сфер российской действительности, вызванную советской оттепелью, эмоциональной эйфорией советского народа, что инициировало и обострение народной рефлексии, развитие фольклорной формы анекдотов и под., 2) повсеместная распространённость в то время в России такого явления действительности, как значительное количество очередей. Приведем подтверждающий сказанное пример из газетного типа дискурса XXI века:

(18) *У нас легче организовать фестиваль добрых дел, чем разовую акцию для льготников в октябре в Нижнем Новгороде несколько дней наблюдаются прямо-таки* ***советские очереди****. Самый популярный вопрос в Нижнем: «Кто* ***крайний****?»* (Б. Бронштейн. Крайний Новгород // Новая газета, 2015.10.21) [НКРЯ];

(19) в *Перми все спокойно. «Перестройка» где-то там, а в Перми все «по-брежневу». Люди* ***покорно терпят пытку очередями****: пообедать, постричься, зарплату получить — «Кто* ***крайний****?» — и стоят, тупо читая наглядную агитацию, и час, и два…* (В. Киршин. Очерки частной жизни пермяков // «Уральская новь», 2002) [Там же].

3.4.3. Характеризуя «вторую волну» субституции начала XXI века, Э. Д. Головина говорит об апокалиптической моде на всяческие суеверия, органичные в первую очередь для такой сферы, как экстремальная деятельность [Головина, 2014, с. 61]. Для «второй волны» субституции в СП свойственны такие особенности российской социальной действительности, как 1) развитие экстремальных видов деятельности в спорте, 2) повышение роли социальной группы околомедийного пространства (людей творческих профессий, шоу-бизнеса, результат деятельности которых зависит не только от профессионализма, но и во многом от удачи).

3.4.4. О. С. Иссерс к важному параметру социальной действительности, предопределившему субституцию в СП для «второй волны», относит особенности «современных средств коммуникации — в первую очередь сетевого общения». Так, «появившись в сети и получив одобрение сетевого сообщества, языковая единица молниеносно распространяется и тира-

CC BY

жируется независимо от актуальной коммуникативной потребности пользователей» [Иссерс, 2017, с. 45]. Исследовательница пишет о феномене «вирусного распространения речевых новаций» [Иссерс, 2017, с. 43].

3.5. Лингвокультурный аспект изучения синонимической пары *последний — крайний*

3.5.1. Характеризуя особенности возникновения и развития субституции в СП *крайний — последний*, назовём их лингвокультурные причины: 1) лингвоцентричность русской культуры; 2) как следствие первой причины — повышенная аксиологичность русского дискурса [Вежбицкая, 1997]; 3) как следствие первой причины — активное развитие в начале XXI века креативных эвристик. В русский дискурс различных сфер деятельности всё больше внедряется креативное начало, см.: [Гридина, 2013].

3.5.2. Внимание носителей русского языка к субституции в СП *крайний — последний* подтверждает тот факт, что русская культура лингвоцентрична по своей сути [Левонтина, 2018]; ср. с размышлениями в [Иванян, 2019].

В статье «Почему говорят “Не последний, а крайний”? Что это, откуда?» Г. Гусейнов, размышляя о причинах «народной политкорректности», утверждает, что «одно из специфических свойств современных носителей русского языка, людей, говорящих по-русски, — это склонность к эсхрофемизмам или суеверный страх перед эсхрофемизмами» [Гусейнов, 2016]. Ученый приводит дескрипцию: «Эсхрофемизм — это принудительное вчитывание подтекста в любое словесное сообщение и одновременное обращение к низкому, или неподцензурному, стилю речи. Оба приёма естественным образом развиваются в среде, где господствуют цензура и доносительство» [Гусейнов, 2016]. Для субституции в СП *крайний — последний* ученый предлагает объяснение через понятие «эсхрофемизм», далее не разъясняя, как феномен субституции в СП, возникший в середине XX века, получивший «вторую волну» популярности в XXI веке, соотносится с чертами тоталитарного общества, «где господствуют цензура и доносительство». Полагаем, что лингвоцентричность русской культуры даёт более простое объяснение этому.

3.5.3. Лингвоцентричность русской культуры проявляется, в частности, в достаточно развитой системе единиц метаязыкового сообщения, вербальным образом осуществляющих контроль над вербализацией [Ляпон, 1986]. В примерах с субституцией в СП *крайний — последний* частотно представлены те или иные метаязыковые рефлексивы, ср.: [Иссерс, 2014].

Как показал анализ газетного типа дискурса, рефлексивы, сопровождая субституцию в СП *крайний — последний*, передают различные прагматические значения.

CC BY

1) ‘Я в тренде современной русской речи, я принадлежу к престижной речевой группе носителей русского языка’, ср.: [Борисова, 2014, с. 53; Иссерс, 2014, с. 44] — реализуются функция речевого позиционирования коммуниканта и парольная (‘я — свой’), например:

(20) ***Последний (хотя лучше скажем «крайний»)*** *раз сигналы с судна фиксировали в феврале* (Е. Проскуряков. Ах, белый теплоход, куда тебя несёт? // Комсомольская правда, 2013.03.07) [НКРЯ];

(21) *Дело в том, что их* ***последний*** *(или* ***«крайний», если хотите)*** *спектакль и фильм требует от них качественно следующего шага* (Н. Маргиева. Гришковец раскритиковал «Квартет И» // Комсомольская правда, 2011.02.01) [Там же].

2) ‘Так говорят представители такой-то сферы’ — маркировка профессионализма, реализуется дескриптивная функция, например: (6);

(22) ***Последний*** *(или* ***крайний, как говорят летчики)*** *свой полёт этот Ту-134 совершил 18 апреля 2008 года* ***—*** *борт вернулся на Минский авиаремонтный завод* (Г. Можейко. В центре Минска ржавеет VIP-самолёт Юлии Тимошенко // Комсомольская правда, 2012.06.15) [Там же];

(23) *Это была первая командировка для сына. И* ***крайняя (слово «последняя» подводники и строители подлодок стараются не использовать — плохая примета)*** *— для отца* (В. Баранец и др. Сын отдал свой противогаз отцу, а сам погиб // Комсомольская правда, 2008.11.11) [Там же].

3) ‘Мне нравится применять это слово’ — функция оценки, например:

(24) *Просто я верю в рыцарство, и для меня важно, несмотря на разрыв, сохранить человеческие отношения:* ***Крайний*** *раз (****слово “последний” я не люблю****) мы договорились с девушкой завершить наши отношения на катке, и я тогда первый раз в жизни встал на коньки* (К. Мигулина. Тимур Батрутдинов: «Хотел бы жениться раз и навсегда» // Труд-7, 2008.12.29) [Там же];

4) ‘Я играю словами’ — людическая функция, например:

(25) в *своем* ***последнем (крайнем, конечно крайнем!)*** *эфире на «Эхо Москвы» Юлия Латынина недоумевала* (А. Мельман. Юлия Латынина и раздвоение власти // Московский комсомолец, 2017.09.04) [Там же];

5) ‘Я иронизирую’ — употребление во вторичном значении, актуализируется ироническая функция, направленная на “высмеивание” лексической ошибки в СП, например: (7). В целом такая ироническая функция способна реализоваться при поддержке приёма антосинонимии, при помощи кавычек, в устной коммуникации — особой интонацией.

Субститут *крайний в* современном русском дискурсе приобретает черты рефлексоида, вызывая рефлексивные размышления коммуниканта по поводу его назначения и употребления (о рефлексоиде — [Маркова и др.,

CC BY

2017, с. 5]), применяется в качестве намеренной катахрезы в определённой коммуникативной стратегии говорящего, о чём пойдет речь ниже.

3.6. Ортологический аспект изучения синонимической пары *последний — крайний*

Ортологический аспект находится во взаимодействии с лингвокультурным, методология теории правильной речи объясняет историческую изменчивость в нормах применения языковых единиц, учитывает соотношение системы языка и узуса.

3.6.1. В ортологическом аспекте актуально рассмотреть то, что Э. Д. Головина называет «сознательной гиперкоррекцией», то есть намеренную катахрезу. РС, сформированные фреймами «Очередь» и «Опасная или творческая деятельность», привели к значительной десемантизации эвфемизма *крайний,* который, с одной стороны, стал употребляться на уровне речевой автоматизации, с другой стороны, вошёл во «вторую волну» речевой моды. В таких условиях намеренная катахреза *крайний* (вместо *последний*) начинает выполнять людическую функцию в дискурсивных практиках, организуя эвристики лингвокреативного мышления. Среди таких эвристик, называемых Т. А. Гридиной, для нас актуальными будут следующие роли коммуникантов: игрок-транслятор, игрок-стилизатор, игрок-интерпретатор [Гридина, 2013].

3.6.2. Игрок-транслятор — тип языковой личности, репродуцирующей готовый прецедентный феномен (шутку, афоризм, каламбур) [Гридина, 2013, с. 21]. Языковая игра заключается в уместности применённой шутки, ПВ, в комическом обыгрывании РС. Применительно к субституции в СП *крайний — последний* подобная эвристика представлена в (7), (8), (9), (10) и некоторых других примерах, содержащих метаоператоры.

3.6.3. Для игрока-стилизатора «доминантой игрового поведения является принцип подражания: гротескное» утрирование. Стилизация может быть не только произносительной, словообразовательной, но и семантической [Гридина, 2013, с. 21—22]. Применительно к нашему материалу таков пример создания ПВ в мультфильме перестроечного времени «Падал прошлогодний снег» *Кто тут, к примеру, в цари крайний?* — стилизуется речь из советской очереди.

3.6.4. В игровом поведении игрока-интерпретатора «выражена склонность к актуализации и переосмыслению форм и значений готовых языковых единиц на основе метафорической игры, произвольной мотивации», интерпретатор актуализирует отдалённые ассоциации [Гридина, 2013, с. 22]. Примеры таких эвристик в нашем материале — это переосмысление значения ПВ *Кто тут в цари крайний?* в (15), где при помощи пре-

CC BY

цедентного феномена характеризуются амбиции персонажа, стремящегося стать губернатором. Подчеркнём, что одно и то же высказывание в разных случаях употребления способно реализовать различные эвристики креативного мышления.

Полагаем, что намеренная катахреза эвристики игрока-интерпретатора нередко представлена в современном русском дискурсе при ироническом употреблении сочетаний *крайний муж, крайняя жена.* Такие употребления в настоящее время наращивают частотность, стремясь к закреплению в узусе. Пример О. С. Иссерс:

(26) *У 55-летнего Дмитрия Диброва в творческой биографии 4 жены. Причем две «**крайние**» — из племени младого, незнакомого* (Комсомольская правда, 13.10.2015) [Иссерс, 2017, с. 50].

Пример Э. Д. Головиной:

(27) [Признание эстрадной певицы Лолиты Милявской:] *Вообще всех тех, кто работает на сцене, а особенно цирковых артистов, приучили никогда не говорить слово "последний". Надо говорить "крайний". Поэтому Дима — моя крайняя любовь, мой **крайний** муж* (Конкурент. Киров. 2012. № 41) [Головина, 2014, с. 61].

Намеренная катахреза и эвристика игрока-интерпретатора представлена в названии романа В. Пелевина «Лампа Мафусаила, или Крайняя битва чекистов с масонами» [АА]. Попутно отметим, как высоко ценит создатель научной школы «Эффективная речь: теоретические и прикладные аспекты» А. П. Сковородников примеры языковой игры в творчестве В. Пелевина, хотя и нарушающие иногда речевую этику, но компенсирующие эстетическим противовесом в художественном слове [Сковородников, 2016, с. 320].

3.6.5. В основу рассмотрения субституции в СП *крайний — последний* О. С. Иссерс положено понятие массовой культуры русской речи с рядом признаков, предопределяющих бытование массовой культуры и причины быстрого вхождения субститута в дискурс масс-медиа. При таком подходе вопросы образования коммуниканта, типа его речевой культуры становятся неактуальными [Иссерс, 2017]. Напротив, ортологический аспект онтологического освещения *крайний* vs *последний* признаёт значимым обращение к пониманию типов речевой культуры, разработанному Е. В. Гольдиным и О. Б. Сиротининой и последователей концепции исследовательницы [Гольдин и др., 1993].

Согласно этой классификации и с учетом эвристик лингвокреативного мышления ставим задачу определить применение намеренной и ненамеренной катахрезы в СП *крайний — последний* с учётом типов речевой культуры.

Намеренную катахрезу в ненормативном использовании субститута *крайний* низкочастотно применяют представители элитарного типа рече-

CC BY

вой культуры, обращаясь к эвристике игрока-интерпретатора, например, вышеприведенное название романа В. Пелевина.

Частотно представлена намеренная катахреза в среднелитературном типе речевой культуры. Такому типу характерно поверхностное знание литературных норм, пристрастие к модным словам и необоснованным инновациям, например:

(28) *Ни один мужчина не хочет мириться с тем, что я такая яркая звезда, не хочет делить меня с другими мужчинами до сих пор. Мой* ***крайний муж*** *Сергей, с которым мы прожили 10 лет мне сказал: «Ты знаешь, у тебя ещё в 72 будут моложе, чем я и ты ещё будешь зажигалкой!» Я сказала, мол, ты что, ненормальный?* (Ю. Хожателева. Елена Кондулайнен: «Вся моя жизнь — разрушение стереотипов, комплексов и шаблонов» // Комсомольская правда, 2013.04.09) [НКРЯ].

Литературно-жаргонизирующий тип речевой культуры сформировался в среде журналистов в конце XX века как противостояние советской официальной речи, ему характерно намеренное снижение, жаргонизация речи [Сиротинина]. Так, например, в (14) намеренная катахреза с компонентом *крайний* вписывается в общий глумливый тон повествования (эвристика лингвокреативного мышления — игрок-стилизатор).

В обиходном типе речевой культуры отсутствуют сознательное отношение коммуниканта к своей речи, выбор нужной формы и стиля. Соответственно применяется только ненамеренная катахреза, эвристики лингвокреативного мышления отсутствуют, коммуникант не осознает, что совершает лексическую ошибку.

Бытование субституции в СП *крайний — последний* в современном русском дискурсе вызвало к жизни новое ПВ (*кто тут в цари крайний?*), готовит почву для лексикализации сочетаний *крайний муж, крайняя жена*, породило ненамеренную катахрезу и намеренную катахрезу, отражающую различные эвристики лингвокреативного мышления.

4. Заключение = Conclusions

Онтологический подход к изучению замен в СП *последний — крайний* позволяет сформулировать следующие результаты. «Вторая волна» языковой моды на замену в СП *последний — крайний* свидетельствует о сохранении подобных предпочтений носителей русского языка в XXI веке. В субституции *последний — крайний* выявлено два фрейма: динамический фрейм «Очередь» с субвариантами («Кто последний?» и «Кто крайний?») и фрейм в статической пропозиции «Опасная деятельность». Оба фрейма реализуются посредством РС спора носителей русского языка, какой из синонимов следует употреблять и почему.

CC BY

Замена в СП *последний — крайний* обусловлена реализацией той или иной функции: эвфемистической, гипервежливости, актуализации приема градации, приема антосинонимии, маркировки чужой речи, сигнала перехода на другой языковой субкод (сферу профессиональной речи — парольной), иронии, метаязыковой, регулятивной, речевого позиционирования, художественно-образной конкретизации. Выявлен миметический характер применения замены в СП при реализации последней функции.

Определено соответствие применения катахрезы в СП *последний — крайний* с учётом типов речевой культуры. Обнаружено, что намеренная катахреза, выполняя людическую функцию, организует эвристики лингвокреативного мышления. Так, для носителей элитарного типа речевой культуры выявлено употребление катахрезы посредством эвристики игрока-интерпретатора (низкочастотная особенность). Среднечастотная особенность представлена применением катахрезы в среднелитературном типе речевой культуры. В литературно-жаргонизирующем типе речевой культуры применение данной катахрезы актуализирует эвристику лингвокреативного мышления (игрока-стилизатора). В обиходном типе речевой культуры употребляется только ненамеренная катахреза.

В целом можно заключить, что субститут *крайний в* современном русском дискурсе приобретает черты рефлексоида.

Для дальнейшего изучения представляют интерес рассмотрение специфики бытования многообразия лингвистических мемов данной тематики, характеристика их функций, изучение эвристик креативного мышления, особенностей проявления русской лингвокультуры.

Источники и принятые сокращения

1. АА — *Архив* авторов.

2. НКРЯ — *Национальный* корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://ruscorpora.ru (дата обращения 14.10.2021).

3. ТСРЯД — *Толковый* словарь русского языка Дмитриева. Статьи на букву «К» (часть 9, «КОС»—«КРЕ») [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-dmitriev/fc/slovar-202-9.htm#zag-1975 (дата обращения 23.11.2021).

Литература

1. *Борисова Е. Г.* Мода и узус: моделирование влияния социума на речь / Е. Г. Борисова // Мода в языке и коммуникации : сб. статей / отв. ред. Л. Л. Федорова. Москва : РГГУ, 2014. — С. 47—55.

2. *Бохеньский Ю.* Сто суеверий: краткий философский словарь предрассудков / Ю. Бохеньский ; пер. с польск. М. М. Гуренко. — Москва : Издательская группа Прогресс, 1993. — 187 с.

3. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. — Москва, 1997. — 412 с.

4. *Вилинбахова Е. Л.* Материалы к курсу лекций «Лингвистическое изучение стереотипов» : учебно-методическое пособие / Е. Л. Вилинбахова. — Санкт-Петербург, 2015. — 72 с.

5. *Головина Э. Д.* Крайний или последний? / Э. Д. Головина // Русская речь. — 2014. — № 4. — С. 59—64.

6. *Гольдин В. Е.* Внутринациональные речевые культуры и их взаимодействие / В. Е. Гольдин, О. Б. Сиротинина // Вопросы стилистики : межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 25. Проблемы культуры речи. — Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1993. — С. 9—19.

7. *Гридина Т. А.* К истокам вербальной креативности: творческие эвристики детской речи / Т. А. Гридина // Лингвистика креатива-1 : коллективная моногр. / ред. Т. А. Гридина. — 2-е изд. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2013. — С. 5—58.

8. *Гусейнов Г.* Нулевые на кончике языка. Краткий путеводитель по русскому дискурсу / Г. Гусейнов. — Москва : Дело, 2012. — 240 с.

9. *Гусейнов Г.* Почему говорят «Не последний, а крайний»? Что это, откуда? [Электронный ресурс] / Г. Гусейнов // Мир тесен. — Режим доступа : https://agv.mirtesen.ru/blog/43998733371/Pochemu-govoryat-«Ne-posledniy,-a-krayniy»,-chto-eto,-otkuda (дата обращения: 10.10.2021).

10. *Иванян Е. П.* Для чего шампунь в романе «Обитель», или о мире вербального бытия / Е. П. Иванян // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2019. — Т. 10, № 4. — С. 59.

11. *Иссерс О. С.* Дай Бог не последний! (о вирусной эвфемизации в контексте массовой речевой культуры) / О. С. Иссерс // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 13. Культура русской речи. — Москва, 2017. — С. 43—52.

12. *Караулов Ю. Н.* Общая и русская идеография / Ю. В. Караулов. — Москва : Наука, 1976. — 356 с.

13. *Клюшина А. М.* Проявление семантики крайности в персоносфере В. С. Высоцкого / А. М. Клюшина // Лекантовские чтения : материалы Международной научной конференции. Москва, 20 ноября 2020 года. — Москва : Московский государственный областной университет, 2020. — С. 247—250.

14. *Клюшина А. М.* О некоторых средствах выражения семантики крайности в романе Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» / А. М. Клюшина // Libri Magistri. — 2021. — № 2 (16). — С. 36—45. — DOI 10.52172/2587-6945_2021_16_2_36.

15. *Колесникова Е. И.* Опыт выявления гендерных особенностей семантики слова *последний* / Е. И. Колесникова // Психолингвистика и лексикография : сб. науч. тр. / ред. А.В. Рудакова. — Воронеж : Истоки, 2015. — Вып. 2. — С. 193—197.

16. *Колесов В. В.* Культура речи — культура поведения / В. В. Колесов. Ленинград : Лениздат, 1988. — С. 234—235.

17. *Левонтина И. Б.* Каким стал русский язык сегодня? Часть I. [Электронный ресурс] / И. Б. Левонтина. — Режим доступа : https://foma.ru/kakim-stal-russkiy-yazyik-segodnya-chast.html (дата обращения 12.10.2021).

18. *Ляпон М. В.* Смысловая структура сложного предложения и текст : К типологии внутритекстовых отношений / М. В. Ляпон. — Москва : Наука, 1986. — 201 с.

19. *Маркова Е. М.* Роль СМИ в демократизации и креативизации современного русского языка (круглый стол) [Электронный ресурс] / Е. М. Маркова, Л. В. Рацибурская, О. С. Иссерс и др. // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). — 2017. — № 1. — Режим доступа : http://evestnikmgou.ru/en/Articles/Doc/799 (дата обращения 12.10.2021).

20. *Новиков Л. А.* Семантика русского языка : учебное пособие / Л. А. Новиков. — Москва : Высшая школа, 1982. — 272 с.

21. *Новикова Л. И.* Словесные кружева, или нормы согласования и управления / Л. И. Новикова, Е. Э. Грибанская // Образовательные технологии. — 2016. — № 3. — С. 122—135.

22. *Реброва Н. Е.* Лексикографический статус эвфемизмов как языковых средств репрезентации лингвокультурной информации (на материале английского и немецкого языков) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / Н. Е. Реброва. — Ярославль, 2020. — 23 с.

23. *Рыжков В. А.* Особенности стереотипизации, необходимо сопровождающей социализацию индивида в рамках определенной национально-культурной общности / В. А. Рыжков // Языковое сознание: стереотипы и творчество. — Москва : ИЯЗ, 1988. — С. 4—16.

24. *Сидоренко А. В.* Запрет в системе речевых и фольклорных жанров / А. В. Сидоренко // Жанры речи. — 2020. — № 2 (26). — С. 100—109.

25. *Сиротинина О. Б.* Речевая культура [Электронный ресурс] / О. Б. Сиротинина. — Режим доступа : https://studfile.net/preview/4412665/ (дата обращения 15.10.2021).

26. *Сковородников А. П.* Экология русского языка : монография / А. П. Сковородников. — Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2016. — 388 с.

27. *Тудосе В.* Особенности русской разговорной речи жителей Молдавии / В. Тудосе // Русин. — 2006. — № 2 (4). — С. 168—184.

28. *Успенский Л. В.* Слово о словах. Ты и твое имя / Л. В. Успенский. — Ленинград : Лениздат, 1962. — 636 с.

29. *Чергинец И. А.* Смыслопостроение суеверий и предрассудков в английской и русской лингвокультурах : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук / И. А. Чергинец. — Нальчик, 2008. — 24 с.

30. *Ivanyan E.* The Use of the Phraseological Units with the Semantics of Extreme in Russian Discourse / E. Ivanyan, A. Klyushina // The Discoursal Use of Phraseological Units / Edited by E. Arsenteva. — Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2021. — P. 123—145.

Material resources

AA — *Authors archive*. (In Russ.).

NKRYa — *Russian National Corpus*. Available at: https://ruscorpora.ru (accessed 14.10.2021). (In Russ.).

TSRYaD — *Dmitriev's Explanatory dictionary of the Russian. Articles starting with the letter "K"*. Available at: http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary-dmitriev/fc/slovar-202-9.htm#zag-1975 (accessed 23.11.2021). (In Russ.).

References

Bochenski, J. M. (1993). *One hundred tab. A philosophical dictionary of superstitions.* Moscow: Progress. 187 p. (In Russ.).

Borisova, E. G. (2014). Fashion and Usus: Modeling the Influence of Society on Speech. In: *Fashion in language and communication: Sat. articles*. Moscow: RGGU. 47—55. (In Russ.).

Cherginets, I. A. (2008). *Meaning building of superstitions and prejudices in English and Russian linguistic cultures: author's abstract of PhD Diss*. Nalchik. 24 p. (In Russ.).

Golovina, E. D. (2014). Last or last? *Russian speech, 4:* 59—64. (In Russ.).

CC BY

Goldin, V. E., Sirotinina, O. B. (1993). Intranational speech cultures and their interaction. In: *Questions of style: interuniversity. Sat. scientific works. Iss. 25. Problems of culture of speech*. Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta. 9—19. (In Russ.).

Gridina, T. A. (2013). To the origins of verbal creativity: creative heuristics of children's speech. In: *Linguistics of creativity-1: collective monograph*. (2nd ed.). Ekaterinburg : Ural. gos. ped. un-t. 5—58. (In Russ.).

Guseynov, G. (2012). *Zeros on the tip of the tongue. A short guide to Russian discourse.* Moscow: Delo. 240 p. (In Russ.).

Guseynov, G. Why do they say "Not the last, but the last"? What is it, where does it come from? In: *Mirtesen.* Available at: https://agv.mirtesen.ru/blog/43998733371/Pochemu-govoryat-«Ne-posledniy,-a-krayniy»,-chto-eto,-otkuda (accessed 10.10.2021). (In Russ.).

Issers, O. S. (2017). God forbid, not the last! (on viral euphemization in the context of mass speech culture). In: *Proceedings of the Institute of the Russian Language V. V. Vinogradova. Iss. 13. Culture of Russian speech.* Moscow. 43—52. (In Russ.).

Ivanyan, E. P. (2019). For what shampoo in the novel "Monastery", or about the world of verbal being. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies, 10 (4):* 59. (In Russ.).

Ivanyan, E., Klyushina, A. (2021). The Use of the Phraseological Units with the Semantics of Extreme in Russian Discourse. In: *Arsenteva, E. (ed.) The Discoursal Use of Phraseological Units*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing. 123—145.

Karaulov, Yu. N. (1976). *General and Russian ideography*. Moscow: Nauka. 356 p. (In Russ.).

Klyushina, A. M. (2020). The manifestation of the semantics of extremes in the personosphere of V. S. Vysotsky. In: *Lekant's Readings: Proceedings of the International Scientific Conference*. Moscow: Moskovskiy gosudarstvennyy oblastnoy universitet. 247—250. (In Russ.).

Klyushina, A. M. (2021). F. M. Dostoevskiy's novel "The Brothers Karamazov": some means of the semantic extreme expression. *Libri Magistri, 2 (16):* 36—45. DOI 10.52172/2587-6945_2021_16_2_36. (In Russ.).

Kolesnikova, E. I. (2015). Experience in identifying gender features of the semantics of the word last. In: *Psycholinguistics and lexicography*. Voronezh: Istoki. Iss. 2. 193—197. (In Russ.).

Kolesov, V. V. (1988). *Culture of speech — culture of behavior*. Leningrad: Lenizdat. 234—235. (In Russ.).

Levontina, I. B. *What has the Russian language become today? Iss. 1.* Available at: https://foma.ru/kakim-stal-russkiy-yazyik-segodnya-chast.html (accessed 12.10.2021). (In Russ.).

Lyapon, M. V. (1986). *The semantic structure of a complex sentence and text. On the typology of intratext relations*. Moscow: Nauka. 201 p. (In Russ.).

Markova, E. M., Ratsiburskaya, L. V., Issers, O. S. (et al.). (2017). The role of the media in the democratization and creativity of the modern Russian language (round table). *Bulletin of the Moscow State Regional University (electronic journal), 1.* Available at: http://evestnikmgou.ru/en/Articles/Doc/799 (accessed 12.10.2021). (In Russ.).

Novikov, L. A. (1982). *Semantics of the Russian language: textbook*. Moscow: Vysshaya shkola. 272 p. (In Russ.).

Novikova, L. I., Gribanskaya, E. E. (2016). Verbal lace, or norms of coordination and control. *Educational technologies, 3:* 122—135. (In Russ.).

CC BY

Rebrova, N. E. (2020). *Lexicographic Status of Euphemisms as Language Means of Representation of Linguistic and Cultural Information (Based on the Material of English and German Languages): author's abstract of PhD Diss.* Yaroslavl. 23 p. (In Russ.).

Ryzhkov, V. A. (1988). Features of stereotyping, which must accompany the socialization of an individual within a certain national-cultural community. In: *Linguistic consciousness: stereotypes and creativity*. Moscow: IYaZ. 4—16. (In Russ.).

Sidorenko, A. V. (2020). Prohibition in the system of speech and folklore genres. *Genres of speech, 2 (26):* 100—109. (In Russ.).

Sirotinina, O. B. *Speech culture*. Available at: https://studfile.net/preview/4412665/ (accessed 15.10.2021). (In Russ.).

Skovorodnikov, A. P. (2016). *Ecology of the Russian language: monograph*. Krasnoyarsk: Sib. feder. un-t. 388 p. (In Russ.).

Tudose, V. (2006). Features of Russian colloquial speech of the inhabitants of Moldova. *Rusin, 2 (4):* 168—184. (In Russ.).

Uspenskiy, L. V. (1962). *Word about words. You and your name*. Leningrad: Lenizdat. 636 p. (In Russ.).

Vezhbitskaya, A. (1997). *Language. Culture. Cognition*. Moscow. 412 p. (In Russ.).

Vilinbakhova, E. L. (2015). *Materials for the course of lectures "Linguistic study of stereotypes": teaching aid*. St. Petersburg. 72 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 10.12.2021,
одобрена после рецензирования 09.04.2022,
подготовлена к публикации 30.04.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Ильина Е. Н. КИНО в языковой картине мира сельских жителей Русского Севера / Е. Н. Ильина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 4. — С. 68—84. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-68-84.

Ilyina, E. N. (2022). CINEMA in Linguistic Worldview of Russian North Villagers. *Nauchnyi dialog, 11(4):* 68-84. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-68-84. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU EBSCOhost

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-68-84

КИНО в языковой картине мира сельских жителей Русского Севера

Ильина Елена Николаевна
orcid.org/0000-0002-1797-8959
доктор филологических наук,
профессор
filfak@list.ru

Вологодский
государственный университет
(Вологда, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФИ
(проект 20-012-00082 «Медиаобраз
локальной устной речевой культуры:
когнитивные и языковые механизмы»)

CINEMA in Linguistic Worldview of Russian North Villagers

Elena N. Ilyina
orcid.org/0000-0002-1797-8959
Doctor of Philology, Professor
filfak@list.ru

Vologda State University
(Vologda, Russia)

Acknowledgments:
The study was supported
by the Russian Foundation
for Basic Research (project
20-012-00082 “Media Image
of Local Oral Speech Culture:
Cognitive and Linguistic Mechanisms”)

© Ильина Е. Н., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучаются народные представления о киноискусстве и кинематографе. Проанализированы записи речи жителей Вологодского края, сделанные автором статьи в период с 1988 по 2021 годы, а также цитатный материал, зафиксированный в опубликованных выпусках и картотеке «Словаря вологодских говоров». Устанавливается относительно позднее вхождение кино в повседневность северной деревни (конец 60-х — 70-е годы XX века). Приоритетность биологического выживания человека в сложных природных условиях определяет отношение к кино как форме проведения свободного времени согласно с распорядком ежедневных и календарных крестьянских работ. Устройство деревенского социума служит своеобразным «фильтром» для восприятия сюжетно-тематической, персонажной и эстетической составляющих кинематографа: сельский зритель воспринимает сферу кино как яркую и привлекательную, но тем не менее избыточную для деревенской жизни и небезопасную для общественной нравственности. Ословливается только то, что входит в круг интересов крестьянина, представляет для него ценность или анти-ценность. Традиционность диалектной картины мира проявляется, с одной стороны, в стремлении вписать новую форму «городской культуры» в круг сельских развлечений, а с другой стороны, в использовании устоявшихся лексико-фразеологических средств и жанровых форм в практике обсуждения предметной, аксиологической и акциональной составляющих сферы кино.

Ключевые слова:
русская диалектология; севернорусские говоры; диалектная языковая картина мира; кинематограф.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Folk ideas about cinematic art and cinematography are studied. The recordings of the speech of the inhabitants of the Vologda Territory, made by the author of the article in the period from 1988 to 2021, as well as citation material recorded in the published issues and card file of the Dictionary of Vologda Dialects, are analyzed. A relatively late entry of cinema into the everyday life of the northern village is established (late 60s — 70s of the XX century). The priority of human biological survival in difficult natural conditions determines the attitude towards cinema as a form of spending free time in accordance with the routine of daily and calendar peasant work. The device of the village society serves as a kind of “filter” for the perception of the plot-thematic, character and aesthetic components of cinema: the rural viewer perceives the sphere of cinema as bright and attractive, but nevertheless redundant for village life and unsafe for public morality. Only that which is within the circle of interests of the peasant, that is of value or anti-value for him, is verbalized. The traditional nature of the dialectal picture of the world is manifested, on the one hand, in the desire to enter a new form of “urban culture” into the circle of rural entertainment, and on the other hand, in the use of well-established lexical and phraseological means and genre forms in the practice of discussing the subject, axiological and actional components of the cinema sphere.

Key words:
Russian dialectology; northern Russian dialects; Dialect Linguistic Worldview; cinema.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 811.161.1’282.2::791.45.073

КИНО в языковой картине мира сельских жителей Русского Севера

© Ильина Е. Н., 2022

1. Введение = Introduction

Русские народные говоры составляют специфическую часть национального языка, они формируются в относительно замкнутых языковых коллективах, существуют в устной форме и характеризуются хронологической и типологической неоднородностью. Специфика отражения в говорах представлений о мире их носителей составляет одну из проблем отечественной диалектологии примерно с середины 90-х годов XX века. Определяя *диалектную языковую картину мира* (ДЯКМ) как «вариант национального образа мира, отражённый в совокупности территориальных коммуникативных средств и в системе ценностных ориентаций» [Демидова, 2008, с. 18], диалектологи выявляют ее отличительные признаки: эклектичность, парцеллированность, приоритетность идей биологического выживания и социальной адаптации в условиях сельского бытия, утилитарность, традиционность и экспрессивность. Различия общенародной и диалектной картин мира связаны, по мнению исследователей, «с границами распространения этих вербализованных представлений о мире, а также с характером категоризации и концептуализации действительности, выделением приоритетных сфер, выбором форм и средств языковой реализации знания» [Брысина и др., 2014, с. 140]. Изучая особенности работы с региональным речевым материалом в практике реконструкции ДЯКМ, ученые акцентируют внимание на многообразии языковых средств и речевых практик репрезентации локальных представлений о мире, подчеркивая наибольшую информативность анализа лексико-фразеологического фонда русских говоров [Букринская и др., 1998; Белякова, 2005; др.], процессов диалектного словообразования [Вендина, 1998; Блинова, 2007; др.], а также перспективность изучения когнитивного потенциала диалектной языковой личности [Иванцова, 2002; Гынгазова, 2007; др.].

Записи речи жителей Вологодского края также стали основой для лексико-фразеологических штудий [Русское …, 2003; Ильина и др., 2019б; др.], исследований по диалектному словообразованию [Кирилова, 2008; Ильина и др., 2019а; др.], этнолингвистических описаний отдельных территорий [Режские тексты …, 2016; Речевая культура Белозерья …, 2021] и коммуникативно-речевых портретов сельских жителей [Зубова, 2016;

CC BY

Ганичева, 2016; Народная речь …, 2017; др.]. Описание ДЯКМ вологодского крестьянина преимущественно реализуется нами по следующей модели: во-первых, определяется ***предметный мир***, изучается круг актуальных для диалектоносителей объектов материальной и духовной культуры; во-вторых, исследуется ***аксиологическая составляющая*** картины мира: выявляется система эталонов и оценок, инвентарь средств вербализации оценки в наблюдаемом корпусе высказываний; в-третьих, рассматривается ***акциональная составляющая***: какие именно действия по отношению к изучаемой предметной сфере могут быть осуществлены на основе вербализуемой системы оценок [Речевая культура Белозерья …, 2021].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Решая проблему реконструкции ДЯКМ, мы обратили внимание, что ее отличительные свойства проявляются как в процессе ословливания традиционных сфер материальной и духовной культуры социума, так и в практике осмысления социальных новаций. Достаточно репрезентативный речевой материал, собранный нами в полевых условиях, дает возможность исследовать представления диалектоносителей о ***кино***. В данной статье мы придерживаемся широкого толкования этого слова, обобщая представления о «движущихся картинах», созданных с помощью различных технологических практик в процессе решения разных коммуникативных и эстетических задач (художественное: игровое и рисованное — кино, документальное кино, телепрограммы информационного, просветительского, развлекательного характера, телереклама, др.) и представленных зрителю с помощью различных возможностей демонстрации (кинопрокат, теле-, видео- и интернет-вещание). Это вполне обусловлено обыденными представлениями о семантике этого слова, сложившимися в среде потребителей кинопродукции, а не её создателей. Такая точка зрения отражена и в лингвистических словарях: **Кино**, нескл., ср. — 1. То же, что кинематография, киноискусство. *Немое кино*. *Звуковое кино*. 2. То же, что кинотеатр. *Ходить в кино*. 3. То же, что кинофильм. *Текут к экрану волны света, на тихих улицах темно. Сегодня в клубе сельсовета идет хорошее кино* [СРЯ, т. 2, с. 48]. Для сельских жителей, далеких от проблем кинематографа и телевещания, нюансы внутреннего членения этих сфер не особенно важны: *Мы как**и**ё к**и**на-то см**о**трим? Ну, р**а**ньше в клуб воз**и**ли карт**и**ны, т**а**мотко смотр**и**ли. Побог**а**чё ст**а**ли жить, дак тилив**и**зер куп**и**ли, на ём глядим: я б**о**льше «Огоньк**и**» да как**и**ё есть к**и**на после «Вр**е**мени» — р**а**ньше-то мне когд**а** с **э**ким огор**о**дом? Д**е**дко б**о**льше н**о**вости. А С**е**нька с планш**е**том приёзж**а**ёт, у ёго к**и**на в планш**е**те* (запись 2016 года).

CC BY

По свидетельству вологодского киноведа Т. Н. Канунovой, в 1932 году в областном центре впервые был показан звуковой фильм, в 1958 году состоялся первый показ фильма на широком экране, в 1971 году был построен первый широкоформатный кинотеатр. К концу 20-х годов в области работало более двадцати киноустановок, к началу 60-х годов их стало более тысячи. Вологодская областная контора «Кинопрокат» к 1950-м годам открыла филиалы в Вытегре, Череповце, Белозерске и других районных центрах, примерно с этого же времени формируется система кинопроката в сельских учреждениях культуры [Канунова, 2013, с. 23—30]. Вместе с тем массовый деревенский зритель, как правило, оставался вне сферы обслуживания кинопрокатными организациями [Дианова, 2021, с. 129]. Наши информанты вспоминают, что просмотр кинофильмов вошел в жизнь сельчан не ранее шестидесятых годов XX века: *Клуб-то у нас тут стоял, изба-читальня, уж после войны — да хорошо после! — кина возить стали. Денёг-то не больно было, какоё кино?* (запись 1993 года). Примерно к середине семидесятых в домах колхозников стали появляться телевизоры: *Бабы, доярки-те, путнё получели, дак тиливизеры были. У Грибовых, у Тамары, у Зои, у Надюшки Хохловой. И мы маме купили — году, пои, в семьдесят пятом — у меня Людка в садик ходила* (запись 2021 года).

Среди ведущих идеологических задач кинофикации деревни исследователи называют продвижение идеологических и социокультурных установок Советской власти, героизацию и мифологизацию субъектов и событий Великой Октябрьской Социалистической революции, Гражданской и Великой Отечественной войн; воспитание негативного отношения к традиционной народной культуре и формирование «новой культуры села» [Сидорова, 2019; Дианова, 2021 и др.]. Послевоенные десятилетия — период зрелости наших старших информантов и юности более молодых — стали временем формирования на селе новых культурных традиций: на смену традиционным формам сельского досуга, организованным, как правило, за пределами крестьянского дома, приходит культура домашнего досуга в компании родственников и соседей, вокруг каких-либо средств массовой информации: *Мама моя на гулянку хаживала, ну, вёрст за пятнадцать дак точно — и взамуж вот сюды, в Борбушино, вышла. Мы с Ольгой да с Нинкой Кашиной уж, поди, в своёй деревне, да в Плахине гулели, да, можот, когда на Горах, вон ишшо в Перхине бывали, это вот в ту сторону лесом — у меня первой-то муж, Юрка, с Перхина. А уж наши робята дак дальше клуба борбушинскоо не бывали! Павлуха вон и в клубе, пои-ко, не бывывал — всё за книжкам да у радива* (запись 2019 года). Кино, радио и пресса, с одной стороны, способствовали преодолению локальной замкнутости сельского социума, а с другой стороны, активизировали отток сельского населения в города, способство-

CC BY

вали утрате традиционной деревенской культуры, а также маргинализации бывших сельчан в условиях города [Кометчиков, 2016; Сидорова, 2019; др.]. Специалисты по истории кинофикации деревни в 1920—1950 годы обращают внимание на специфику репертуара, адресованного сельскому зрителю: «Кубанские казаки» (1950, режиссер И. Пырьев), «Кавалер Золотой Звезды» (1950, режиссер Ю. Райзман), «Свадьба с приданым» (1953, режиссеры Т. Лукашевич, Б. Ровенских) и подобные им фильмы не имели ничего общего с жизнью послевоенной деревни, кино этого времени «панически боялось неудобных тем, к числу которых относилось реальное положение голодающих сельских жителей», создавая «миф о деревне» для руководства страны [Горбачев, 2017, с. 244]. Наши информанты, прожившие большую часть жизни в северной деревне и хорошо помнящие лишения послевоенных лет, тем не менее не высказывают негативных мнений по поводу этих несоответствий: кинематограф воспринимается ими как весьма условный, «сказочный» мир, который и не должен быть близким к повседневности (*Вот был ишшо Тимур с ео командой, дак там большё про жись, но тожо, пои, сказка* (запись 1999 года). *Ну, какиё кина-те возили? Про Чапаёва, про, вон, помню, «Кубанскиё казаки», про войну — воно как лётчику обоё ноги отхайдакали!* (запись 1991 года)). Кинофильмы времен их молодости, скорее, вызывают чувство сопричастности в деталях: *«Девчата». Тоська, деушка-та самая бойкая, на ёй шапка, дак как я в школу ходила!* (запись 1998 года). *«Свинарка и пастух», помню, казали. Дак там деушка была Глаша — и посмотрить на что исятко, и роботяшшая, и всё при ёй. И мы эдак роботали, токо с тилятам, тожо родится, дак ой, упетаёссё с ими!* (запись 2021 года).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Кино, являясь частью городской культуры, «внешней» по отношению к сельчанам, воспринималось ими особым образом: создание кинопродукта практически всегда скрыто от сельских жителей; исключения составляют лишь припоминаемые ими немногочисленные натурные съемки художественных фильмов, когда-либо осуществлявшиеся в непосредственной близости от мест проживания информантов (*В Кириллове у нас кина снимали, я помню, издили сюды кина снимать, уж какиё, дак я не вспомню, а было* (запись 1994 года)), а также весьма нечастые случаи теле- и видеосъемки документального характера: *Баб наших сымать приёзжали с Вологды для кина, доярок-то, Тамаре Струничёвой даже орден тогда дали* (запись 1994 года). *Спросила Людку: чёо про Борбушино нашо кажут? А ничёо, показали, как Корягиных дом сгорел да у Репы* (запись 2019 года). Записи рассказов сельских жителей о кино в наших источниках относительно немногочисленны — преимущественно они сделаны нами

CC BY

лично в ходе изучения говора деревни Борбушина Кирилловского района Вологодской области. Но при всей ограниченности записанного нами материала представляется возможным выявить существенные особенности восприятия мира кино с точки зрения предметной, аксиологической и акциональной составляющих языковой картины мира сельских жителей Вологодского края.

3.1. Предметная составляющая сферы кино в картине мира вологодского крестьянина

Субъектный мир. Диалектоносители чрезвычайно редко упоминают в своей речи тех, чья деятельность связана собственно с созданием произведений кино- и телевидения: ситуации их упоминания связаны либо с историей места (*Вот тута повёрнуть, с километр, дак церковь Ильи-то будёт, у ёй Павлик, дед твой, повалён, а прямо, дак дачи у богатиёв понастроены, ишшо, говорят, Михалков тута сибе усадьбу заимел, рижисёр-то усатой* (запись 2017 года)), либо с семейными историями (*У Маринки девка кооперативный кончила в Вологде, дак поехала в Москву, учится на какоо-то там, не поймы что, продюссера, чёо это — ну, кина делать, чёо-то там* (запись 2014 года)). Иногда информанты называют известных в этой сфере людей по именам, либо делясь впечатлениями о просмотренном ранее аудиовизуальном контенте (*Ноне кина тожо снимают, но мне вот не больно гленётсё. Вот, помню, раньше Крючков был, ишшо этот, Бондарчук, да много хороших-то артестов-то казали. А ноне дак я и не упомню* (запись 1992 года)), либо усматривая некие параллели между этими людьми и жизнью своих близких (*Павлуха, Ольги-то муж, с молодых-то годов был красивой мужик, ну вот как Тихонов-артист. Ольга сама-то не больно баская, а девки дак обе в ихнюю породу пошли, батькины дочки!* (запись 2000 года)). Значительно чаще в речи информантов упоминаются субъекты «ближайшего круга», связанные непосредственно с демонстрацией кино-, теле- и видеопродукции: работники киносети (*Кинщик с города привозил кина-ти, прокрутят эту нидилю у нас, Толя Назаров раза два покажот, а потом дальше — пои, в Коварзино, в Чарозеро, там тожо клубы были, кина казали* (запись 1989 года)), конкретного учреждения культуры (*Клубарём-от у нас Роза Гусёва уж сколь и годов-то была, борбушинская, а киномеханик с Мысу ходил, Толя Назаров* (запись 1989 года)) или предприятия сферы услуг (*Тиливизеры все к Игорю чинить возили, он всю жисть чёо-то чинил — и приёмники, и тиливизеры, у коо чёо* (запись 1998 года)). Органично присутствуя в локальном социуме (*Тут Розы был дом, клубарихи. Мужик у ёй был путний, Толя-трактористом робят двоё — Василёй шоферит, уж, пои, на пенсии, а Надька на учительницу*

CC BY

выучилась (запись 2011 года)), эти люди тем не менее воспринимались через призму их не-деревенского, «чистого» ремесла: *Уж Роза дак не чета нам была. Мы дак чёо: навирзашь на себя чё исятко — и на двор. А она клубарём была, ёй положоно попоядошнёй-то одёвацьсё. Роза нос-то высоко дёржала, завклубом — это тибе не к коровам*! (запись 1990 года). *Нинуха-то после школы на киномеханика год училась. А чёо? Путняя работа с кинам-то, не в говне. А как замуж-то в Перхино вышла, дак какиё кина? В город уехали, робята пошли — так всю жисть кладовшшыком и отроботала* (запись 2001 года).

Объектный мир. Диалектоносители старшего поколения преимущественно в обобщенном виде вербализуют в своей речи предметный мир кинематографа. Как общие названия произведений используются существительные *кино* (*Голова-то у тя с кин-от не роспухнёт? Уж которой час сидишь у тиливизера?* (запись 1990 года)), реже *картина* (*Толюшка Назаров говорил, картину новую привезли, можот, и схожу до клуба-то* (запись 1989 года)). Дифференцируются некоторые разновидности художественного (*Чёо привезли-то, Колюшка? Пои, камедь? Или робятёшкам опеть про индейцов? Перед кином-то мультик иногда кажут, но больше всё журнал* (запись 1988 года)) и документального кино, преимущественно предваряющего в форме «киножурнала» показ кинофильма (*Толя, ты скажи в районе-то: на той нидиле с кином этот журнал приёжжал, и по-за той, и опеть, дак сколько нам ёо смотрить-то?* (запись 1988 года)). Сюжетно-тематическое содержание фильмов обычно облекается в форму бытового нарратива, обнаруживающего связь с жанрами былички и бывальщины [Букринская и др., 2014]: *В кине-то у бабы тройнички родились будто. Один-от тройничок в дому остался, а братовьёв его то ли цыганы, то ли кто выкрали и при себе воспитали, разбойниками сделали. И у них вот на этом мисте у всех родинка была, по ёй потом все и нашлисё* [СВГ, вып. 11, с. 61]. *В Череповец съехала к Маринке с Валеркой, дак он меня в салон сводил. Баушка, тебе какоё кино поставить: про войну или про любовь? А давай, — говорю, — Валерка, про любовь, на что мне про войну-то? Дак он мне, девки-матушки, чёо поставил, дак я уж на что старуха, с дедком жись прожили, робят нажили, а экого-то б…ства отродесь не видывала!* (запись 1988 года). В свёрнутом виде содержательная составляющая произведения кинематографа чаще всего выражается структурой *кино* или *картина про…*: *Баушка, тебе какоё кино поставить: про войну или про любовь?* (запись 1988 года). *Кин про богату-ту жись не люблю — откель она, така жись, возьмётсё, как исти нечёо*? (запись 2000 года) *Картину про индейцов казали, робятёшка топерь всё в их играют — дедко им лук со стрелам изладил, дак боюсё, как бы глаза-ти друг дружке не по-*

CC BY

*вы**к**ололи!* (запись 2007 года). В значительно большей мере детализируется предметный мир киноиндустрии, связанный с демонстрацией кино-, теле- и видеопродукции. Это названия помещений для демонстрации (*Вот твой до**м**ик где сто**и**т, дак и был п**е**рвой-то в н**а**шой дер**е**вне клуб. Пото**м** уж молдав**а**на н**о**вой-то пост**а**вили. Как щас п**о**мню: зах**о**дишь, т**у**та к**о**мнатка киномех**а**ника, д**а**льше зал, а пот**о**м ишш**о** к**о**мната больш**а**я, кн**и**жки сто**е**ли* (запись 1990 года). *В Чер**е**поовец съ**е**хала к Мар**и**нке с Вал**е**ркой, дак он мен**я** в сал**о**н свод**и**л* (запись 1988 года)), приспособлений, демонстрирующих визуальный контент (*У Т**о**ли-то Наз**а**рова аппар**а**т т**у**та был, в стен**е** д**ы**рочка ли две, через и**ё** каз**а**ли* (запись 1994 года). *Тилив**и**зер-то мы к Ш**у**ре ход**и**ли глядеть. Льв**о**вна у Макс**и**мовых, а Кл**а**ша с Некр**а**сихой, по**и**, и не см**а**тривали — им пошт**о**, оне стар**у**хи!* (запись 1989 года)), а также носителей информации: *Вал**е**рка, п**о**мню, с вид**ю**шником приёжж**а**л. Касс**е**ту ст**а**вит — и теб**е** что хошь!* (запись 1990 года). *Так**и**ё кр**у**глыё б**а**нки воз**и**ли с г**о**рода, т**а**мотко пл**ё**нка. Т**о**ля встав**л**еёт и кр**у**тит, вот тебе и к**и**на!* (запись 1994 года). *Как кин**о**-то привёз**у**т, дак Р**о**за объявленьё д**е**лаёт. Аф**и**шка так**а**я: одн**а** в**и**ситсё на маг**а**зине, а втор**а**я, пон**я**тно, на кл**у**бе. Как**о**ё кин**о** привёзл**и** и почём к**а**жут — д**е**тскиё б**ы**ли и взр**о**слыё бил**е**ты. А уж п**о**сле кин**а** т**а**нцы!* (запись 1994 года).

3.2. Аксиологическая составляющая сферы кино в картине мира вологодского крестьянина

Сфера кинематографа оценивается диалектоносителями как весьма яркая, привлекательная, интересная, прибыльная — но «чужая» жизненная сфера, непосредственно не связанная ни с биологическим выживанием, ни с социальной успешностью человека в сельской общине: *Т**у**та не кин**о**, т**у**та жись — только держ**и**сь!* (запись 1992 года). *Уп**е**талась с огор**о**дом, дак хоть как**у** карт**и**ну к**а**жут, дак не пойд**у** — вс**я**-то п**а**ла, вс**я**-то не мог**у**!* (запись 1994 года) *У Мар**и**нки д**е**вка ... **у**чится на как**о**о-то там, не пойм**и** что, прод**ю**сера* (запись 2014 года). Моделируемая кинематографом реальность воспринимается как развлечение (*Ох-ох-**о**й, сам плох**о**й, д**е**ти м**а**лы роб**о**тать н**е**кому! Ч**ё**-то, Ш**у**ра, т**о**шно. Дав**а**й-ко тивил**и**зер погляд**и**м* (запись 1990 года)); информанты принимают во внимание её условность: *Робят**ё**шкам фантом**а**сов каз**а**ли, инд**е**йцов, шерлокх**о**мцов вс**я**ких. Вот был ишш**о** Тим**у**р с е**о** ком**а**ндой, дак там б**о**льшё про жись, но т**о**жо, по**и**, ск**а**зка* (запись 1999 года). Степень одобрения контента зависит от того, насколько кинопродукция сюжетно-тематически и идейно понятна и близка сельским жителям: *Ну, как**и**ё к**и**на-те воз**и**ли? Про Чап**а**ёва, про, вон, п**о**мню, «Куб**а**нскиё каз**а**ки», про войн**у** — **во**но как л**ё**тчику об**о**ё н**о**ги отхайд**а**кали! Про графь**ё**в не в**а**живали, под**и**, нам графь**я** тут без надоб-*

CC BY

ности (запись 1991 года). Сюжеты некоторых кинокартин, по воспоминаниям информантов, становились предметом длительного и жаркого обсуждения: так, сохранились воспоминания об одном из первых из показанных в Советском Союзе (1988—1989 годы) латиноамериканских сериалов «Рабыня Изаура» (1976, режиссеры Э. Росану, М. Гонсальвес). В пересказе сельских жителей практически полностью исчезает бразильский колорит, при этом весьма отчетливо сохраняется суть сюжета фильма и его идея, максимально приближенные к окружающей информантов действительности: *Ну, чё смотрили? Вот, про Завру. Там они тожо были деревенскиё, токо где-то на юге, с неграм. Роботали все на этой, как иё, на фазенде, вот как мы: в полё ходили, коров доили… А старшой над ими был Леонтий — уж какой, сука, был зимогор, дак ой! А Завра деушка ишшо молодая была, порядошнаа. Дак Леонтий всё над ёй изгалялсё — ну, ндравиласё она ёму, а путнё оне ж не могут, худой он был мужик! Сколькёх истравил народу, кто к Завре сваталсё да ёй вопше помогал. Мы уж с бабам сколь ревили, как Завру-то петали — и в колхоз роботать отправлели, и запирали, и мужиков ёйных довели не одинова. А там ишшо Роза была, полюбовница этого бл…ого Леонтия, тожо сука не знать кака! Дак она пуще Леонтия Завру-то изводила. Вот, помню, налила ёй в рюмку, ну, пои, водки ли чё? Пей-ко, Завра! А чё-то оне замешкалисё, дак Роза сама эту водку-то схлёстала и сдохла* (запись 1990 года). Оценка киноконтента, как мы можем убедиться, в основном связана с представлениями сельских жителей о нормах поведения в социуме: порицается то, что противоречит национальным интересам (*Вот артист, Афоню играл* <Леонид Куравлёв — Е.И.>, *хорошой, дак нет бы тожо штирлицов-то играл, дак он фашистов — поди-ко, не больно хорошо!* (запись 2010 года)), нарушает благополучие семьи (*Пошто-то кажут всё «Ирония судьбы», что хорошой фильм, а я дак против! А непочто до свиньячьёй-то рожи напиватьсё! Всё ведь отчёо? А вино ждрать эдак нечёо! У ёо ведь своя была невеста, ёй-то, пои, как тошно! Ну, бог отвёл от алкоголика-то!* (запись 2017 года)), демонстрирует неподобающее отношение к труду (*Смотрили в клубе, картина была «Девчата»: все-то были как люди, в лесу роботали. Ну, там одна была, хвостом вертела…* <Анфиса — Е.И.>. *Баба красивая, конечно, но нероботь* (запись 1998 года), эгоизм, распутство и многие другие качества: *У Леонтия была, ну, побл…ушка, Роза. Тожо была негра, дак все в колхоз, а она с им кувыркаться* (запись 1990 года). Эстетический идеал информантов также преимущественно связан с традиционными представлениями о красоте (*Завра-то такая небольшенькая была, ладненькая деушка, фигуристая, не как ноне — доска* (запись 1990 года)), сопряженной с готовностью благополучной реализации биологической и социальной роли:

CC BY

«Свинарка и пастух», помню, казали. Дак там девушка была Глаша — и посмотрить на что исятко, и роботяшшая, и всё при ёй (запись 1998 года). В оценке, как мы можем убедиться, весьма отчётливо проявляется грубоватая экспрессивность, в целом свойственная диалектной речи: *Всю и жопу-то обтянуло, и титьки! Раньше в эком на улицу выйти страм какой был! А ноне по тиливизеру казать стали, и наши девки, смотрю, экоё накупили, брезготницы!* (запись 2019 года).

3.3. Акциональная составляющая сферы кино в картине мира вологодского крестьянина

В процессе сбора информации, тематически связанной со сферой кино, мы интервьюировали информантов двух поколений: ***родителей***, рожденных в первой четверти XX века, чье соприкосновение с системой массовой информации преимущественно было связано с устноречевой коммуникацией — радиовещанием (*По радиву-то объявили, как война-та кончилась, дак мы ревели!* (запись 1990 года)) и работой местных агитаторов (*Бабушка твоя с Шурой Чеминой агитаторам ходили* (запись 1991 года)), а также с чтением периодических изданий (*Олексеевна всё «Нову жись» выписывала да «Известия»* (запись 1995 года)), и ***детей***, рожденных в конце 30-х — начале 50-х годов XX века, юность которых приходится на время кинофикации сельских клубов, а зрелость совпадает с появлением в деревне более-менее устойчивого телевещания, рядом с которым впоследствии появляются более современные технологические практики: *Ну, я с сорок первого году, школу кончила году, пои, в пийсят семом, что ли? Потом в Кириллове на киномеханика училась. Клуб на Борбушине хороший был, к нам с Мысу, с Белоусова ходили робята, девки. Кина смотреть и на танцы <…> Бабы, доярки-то, путнё получели, дак тиливизеры были. У Грибовых, у Тамары, у Зои, у Надюшки Хохловой. И мы маме купили — году, пои, в семьдесят пятом — у меня Людка в садик ходила* (запись 2021 года). Два эти поколения диалектоносителей по-разному реагировали на присутствие в их жизни аудиовизуального контента: для старшего поколения просмотр кино- и телефильмов относился к сфере экзотических, не вполне одобряемых социумом занятий (*Тиливизер-то мы к Шуре ходили глядить. Львовна у Максимовых, а Клаша с Некрасихой, пои, и не сматривали — им пошто, оне старухи!* (запись 1989 года)), праздного времяпрепровождения (*Упеталась с огородом, дак хоть какую картину кажут, дак не пойду* (запись 1994 года)), небезопасного для общественной нравственности: *В Череповец съехала к Маринке с Валеркой, дак он меня в салон сводил. Бабушка, тебе какоё кино поставить: про войну или про любовь? А давай, — говорю, — Валерка, про любовь, на что мне про войну-то? Дак*

CC BY

*он мне, д**е**вки-м**а**тушки, чё**о** пост**а**вил, дак я уж на что стар**у**ха, с д**е**дком жись пр**о**жили, роб**я**т н**а**жили, а **э**кого-то б…ства отрод**е**сь не в**и**дывала!* (запись 1988 года). Информанты вспоминают случаи исключительно острого реагирования сельских жителей на содержание аудиовизуального контента: *Д**е**дко, расск**а**зывали, у их тилив**и**зёр уб**и**л. А чё**о**? А за б**а**бскиё прокл**а**дки* <телереклама гигиенических прокладок — Е.И.>. *Л**а**дно, говор**и**т, жись пр**о**жили, быв**а**ёт, но что**о**бы по тилив**и**зёру каз**а**ть? Да ишш**о** он**е** по н**е**бу лёт**я**т, кр**ы**льям м**а**шут! Вот взял топ**о**р и х…кнул!* (запись 1999 года). Привычка к устноречевой форме бытовой коммуникации определяет весьма личностное восприятие того, что показывают или рассказывают с экрана: *Ф**е**лька, вн**у**к-от, тилив**и**зер включ**е**ёт, т**а**мотко д**е**ушка мин**е** всё и росск**а**жот — и про пог**о**ду, и чё д**и**ётсё где* (запись 1991 года). Более молодое поколение информантов к просмотру аудиовизуального контента более лояльно (*Нам чё**о** теп**е**рь с В**е**нюшкой-то д**е**лать? Сид**и**м, дв**а**-то гриб**а**, тилив**и**зер см**о**трим* (запись 2021 года)) и воспринимает информацию более отстраненно: *Сижу вот, тренд**и**т-от, как бараб**а**нка, а я чё — сиж**у**, п**у**таю вот на иг**о**лках носк**и** д**е**дку* (запись 2021 года).

4. Заключение = Conclusions

Диалектная картина мира, в значительной мере соотносясь с общенародной, совмещающей в себе вербализации универсальных и национально-специфических представлений о мире, обнаруживает специфику с точки зрения средств и способов номинации представлений об окружающей действительности. Анализ нашего материала подтверждает сделанные ранее выводы о том, что диалектную картину мира отличают ***антропоцентричность*** (вербализуется только то, что непосредственно связано с человеком, его личной историей, историей его семьи или места проживания) и ***аксиологичность***: значимые для говорящего субъекта предметы, свойства и явления получают разнообразные и весьма подробные характеристики; ценности, эксплицируемые локальным речевым контентом, оказываются постоянно востребованными в условиях сельского социума.

Восприятие сферы кино, как мы смогли убедиться, в полной мере отражает эти черты. Вербализуются преимущественно те предметы и явления, которые близки и понятны диалектоносителю — доступный для восприятия субъектный: *клуб**а**рь*, *клубар**и**ха*, *к**и**нщик*, *киномех**а**ник* и др. — и объектный мир кинопроката и телевещания: *клуб*, *тилив**и**зер*, *карт**и**на*, *аф**и**ша*, *вид**ю**шник* и др. В памяти сохраняются наиболее яркие прецедентные имена артистов (*Крючков*, *Тихонов*, *Бондарчук*, *Михалков* и др.), имена персонажей (*Глаша*, *Тимур* и др.), в том числе в адаптированном (*З**а**вра* (*Изаура*), *Л**е**онтий* (*Леонсио Алмейра*) и др.) и обобщенном виде (*фантом**а**сов*

CC BY

*каз**а**ли… шерлокх**о**мцов* и др.), полные и сокращенные названия фильмов («*Чапаев*», «*Кубанские казаки*», «*Девчата*», «*Ирония судьбы…*» и др.), прецедентные образы и сюжеты: *в**о**но как л**ё**тчику об**о**ё н**о**ги отхайд**а**кали!* («Повесть о настоящем человеке», 1948 года, режиссер А. Столпер).

Система ценностей диалектной языковой картины мира включает в себя как универсальные ценности (*добро, счастье* и др.), витальные ценности (*жизнь, здоровье* и др.), социальные ценности (*труд, богатство, правда* и пр.), в том числе и ценности взаимодействия в коллективе (*дружба, коммуникабельность* и пр.), личные ценности (*красота, ум, храбрость* и пр.), в том числе репрезентирующие чувство патриотизма и религиозные ценности. Вербализация этих ценностей осуществляется с помощью широкого арсенала доступных лексико-фразеологических средств и синтаксических конструкций с положительными (*д**е**ушка бойк**а**я*, *робот**я**шшая*, *посмотр**е**ть на что **и**сятко, всё при **ё**й, пор**я**дошнаа*, *л**а**дненькая, фиг**у**ристая, б**ы**ли как л**ю**ди*) и отрицательными коннотациями: *зимог**о**р*, *н**е**роботь*, *побл…**у**шка*, *брезг**о**тницы, алког**о**лик*, *худ**о**й*, *с**у**ка не знать как**а**, хвост**о**м верт**е**ла*, *до свин**я**чьёй-то р**о**жи напив**а**тьсё*, *не б**о**льно гл**е**нётсё*, *не люб**лю**, нам… тут без над**о**бности, бог отв**ё**л, стр**а**м как**о**й! **э**кого-то б…ства отрод**е**сь не в**и**дывала!* Сфера кинематографа при всей своей привлекательности (*п**у**тняя роб**о**та с к**и**нам-то, не в говн**е***) воспринимается диалектоносителями как нечто избыточное для сельского социума, необязательное, не гарантирующее устойчивого благосостояния: ***у**чится на как**оо**-то там, не пойм**и** что, прод**ю**сера.* Ценностная деятельность отражает потребности и интересы людей, специфику общественных отношений, сложившихся в локальном социокультурном сообществе, транслирует стереотипы поведения и эталоны нравственности — ярким примером тому можно назвать припоминаемый информантами факт крайне негативного восприятия «рекламного бума» девяностых годов XX века: *Д**е**дко, расск**а**зывали, у их тилив**и**зёр уб**и**л. А чё**о**? А за б**а**бскиё прокл**а**дки… Вот взял топ**о**р и х…кнул!*

Восприятие киноконтента с точки зрения реальности / ирреальности выражается в речи диалектоносителей с помощью разнообразных языковых средств, эксплицирующих ирреальную модальность: *б**о**льшё про жись, но т**о**жо, п**о**и*, *ск**а**зка*; *в кин**е**-то у б**а**бы тройничк**и** род**и**лись б**у**дто, т**у**та не кин**о**, т**у**та жись — только держ**и**сь!* Рассказы диалектоносителей о кино оформляются как бытовой монолог с вкраплениями различных жанровых форм бытовой несказочной прозы. Такие рассказы ориентированы одновременно и на достоверность, и на мифологичность повествования, им присуща композиционная сложность и многоплановость, яркая экспрессивность и эстетизация, допускающая привнесение в повествование доли вымысла, а также присутствие в тексте весьма отчетливо вы-

CC BY

раженного авторского взгляда на ситуацию, стремления передать слушателю свой жизненный опыт, желания чему-либо научить или от чего-либо предостеречь. Этот синтез форм весьма причудливо обнаруживает связь традиционной речевой культуры сельских жителей и «новой», городской культуры, идеи и ценности которой транслируются посредством кинематографа и аудиовизуальных медиа.

Источники и принятые сокращения

1. СВГ — *Словарь* вологодских говоров / под ред. Т. Г. Паникаровской, Л. Ю. Зориной. — Вологда : ВГПИ ; ВГПУ, 1983—2007. — Вып. 1—12.

2. СРЯ — *Словарь* русского языка : в 4 томах / под ред. А. П. Евгеньевой. — Москва : Русский язык, 1985—1988.

Литература

1. *Белякова С. М.* Образ времени в диалектной картине мира (на материале лексики и фразеологии русских старожильческих говоров юга Тюменской области) : диссертация … доктора филологических наук / С. М. Белякова. — Екатеринбург : Уральский государственный университет им. М. Горького, 2005. — 354 с.

2. *Блинова О. И.* Мотивационно связанные слова как объект диалектной мотивологии / О. И. Блинова // Диалектное словообразование, морфемика и морфонология. — Санкт-Петербург : Наука ; Вологда : ВГПУ, 2007. — С. 78—117.

3. *Брысина Е. В.* Признаки и свойства диалектной картины мира (на материале донских говоров) / Е. В. Брысина, Т. И. Морозова // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования). — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2014. — С. 140—154.

4. *Букринская И. А.* Из опыта исследования монологической диалектной речи: фольклорные и бытовые тексты / И. А. Букринская, О. Е. Кармакова // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования). — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2014. — С. 155—164.

5. *Букринская И. А.* Лексика диалектов как отражение народной картины мира / И. А. Букринская, О. Е. Кармакова // Язык: изменчивость и постоянство. К 70-летию Л. Л. Касаткина. — Москва : Институт русского языка РАН, 1998. — С. 5—14.

6. *Вендина Т. И.* Русская языковая картина мира через призму словообразования (макрокосм) / Т. И. Вендина. — Москва : Индрик, 1998. — 240 с.

7. *Ганичева С. А.* Опыт словаря языковой личности уроженца Кирилловского района Вологодской области, 2016 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.vologda-uni.ru/slovar_yaz_lichnosti/index.htm (дата обращения: 20.03.2022).

8. *Горбачев О. В.* Кино для деревни: советский художественный кинематограф и крестьянский зритель в 1920-е — начале 1950-х гг. / О. В. Горбачев // Документ. Архив. История. Современность. — 2017. — № 17. — С. 230—244.

9. *Гынгазова Л. Г.* Интерпретация мира языковой личностью диалектоносителя и ее реинтерпретация исследователем / Л. Г. Гынгазова // Филологические науки. — 2007. — № 1. — С. 15—19.

10. *Демидова К. И.* Диалектная языковая картина мира и особенности её репрезентации в частных диалектных системах (на материале русских говоров Урала) / К. И. Демидова // Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования. — Санкт-Петербург : Наука, 2008. — С. 68—76.

11. *Дианова Е. В.* Кино для деревни: репертуар сельских кинопередвижек 1920-х гг. / Е. В. Дианова // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России : материалы XII Всероссийской научной конференции с международным участием. — Санкт-Петербург : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2021. — Выпуск 12. — С. 129—133.

12. *Зубова Н. Н.* Языковая личность жительницы Русского Севера: опыт вербально-семантического, лингвокогнитивного и прагматического описания : диссертация … кандидата филологических наук / Н. Н. Зубова. — Вологда : ВоГУ, 2017. — 206 с.

13. *Иванцова Е. В.* Феномен диалектной языковой личности: монография / Е. В. Иванцова. — Томск : Издательство Томского университета, 2002. — 312 с.

14. *Ильина Е. Н.* Языковая картина мира вологодского крестьянина : монография / Е. Н. Ильина, Т. Г. Комиссарова. — Вологда : ВоГУ, 2019а. — Часть II. Детство. — 176 с.

15. *Ильина Е. Н.* Языковая картина мира вологодского крестьянина : монография / Е. Н. Ильина, Л. В. Сабурова, С. А. Ганичева. — Вологда : ВоГУ, 2019б. — Часть I. Домашние и дикие животные. — 178 с.

16. *Канунова Т. Н.* Кино Вологодчины / Т. Н. Канунова. — Вологда : Вологодский областной информационный центр, 2013. — 269 с.

17. *Кирилова Е. А.* Структура сложных слов в современных вологодских говорах : диссертация … кандидата филологических наук / Е. А. Кирилова. — Вологда : ВГПУ, 2008. — 203 с.

18. *Кометчиков И. В.* Культура досуга центрального Нечерноземья в 1945 — начале 1960-х гг. : традиции и новации / И. В. Кометчиков // Научные труды Калужского государственного университета имени К. Э. Циолковского. — Калуга : Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского, 2016. — С. 59—63.

19. *Народная* речь Вологодского края : опыт мужского речевого портрета : монография / Н. А. Волкова, С. А. Ганичева, А. В. Загуменнов, Е. Н. Ильина, М. Г. Мельникова. — Вологда : ВоГУ; Череповец : ЧГУ, 2017. — 232 с.

20. *Режские* тексты как источник этнолингвистического описания севернорусского диалекта : монография / Е. П. Андреева, Е. Н. Варникова и др. — Вологда, 2016. — 216 с.

21. *Речевая* культура Белозерья в фокусе говора одной деревни : монография / Е. Н. Ильина, С. А. Ганичева, Ю. Н. Драчева, Е. А. Кирилова, И. Е. Колесова, Н. Г. Мельникова. — Вологда : ВоГУ, 2021. — 684 с.

22. *Сидорова Г. П.* «Преодоление различий между городом и деревней», или советская городская повседневность против сельской / Г. П. Сидорова // Культура и искусство. — 2019. — № 2. — С. 28—36. — DOI: 10.7256/2454-0625.2019.2.28762.

Material resources

SRYA — Evgenieva, A. P. (ed.). (1985—1988). *Dictionary of the Russian language, 4*. Moscow: Russian language. (In Russ.).

SVG — Panikarovskaya, T. G., Zorina, L. Yu. (eds.). (1983—2007). *Dictionary of Vologda dialects, 1—12*. Vologda: VGPI; VSPU. (In Russ.).

References

Andreeva, E. P., Varnikova, E. N. (et al.). (2016). *Rezh texts as a source of ethnolinguistic description of the North Russian dialect: monograph*. Vologda. 216 p. (In Russ.).

Belyakova, S. M. (2005). *The image of time in the dialectal picture of the world (based on the vocabulary and phraseology of Russian old-timer dialects in the south*

CC BY

of the Tyumen region): Doct. Diss. Yekaterinburg: Ural State University M. Gorky. 354 p. (In Russ.).

Blinova, O. I. (2007). Motivational related words as an object of dialect motivation. In: *Dialect word formation, morphemics and morphonology*. St. Petersburg: Science; Vologda: VSPU. 78—117. (In Russ.).

Brysina, E. V., Morozova, T. I. (2014). Signs and properties of the dialect picture of the world (based on the Don dialects). In: *Lexical atlas of Russian folk dialects (materials and research)*. St. Petersburg: Nestor-History. 140—154. (In Russ.).

Bukrinskaya, I. A., Karmakova, O. E. (1998). Vocabulary of dialects as a reflection of the folk picture of the world. In: *Language: variability and constancy. To the 70th anniversary of L. L. Kasatkin*. Moscow: Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences. 5—14. (In Russ.).

Bukrinskaya, I. A., Karmakova, O. E. (2014). From the experience of studying monological dialect speech: folklore and everyday texts. In: *Lexical atlas of Russian folk dialects (materials and research)*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 155—164. (In Russ.).

Demidova, K. I. (2008). Dialect linguistic picture of the world and features of its representation in particular dialect systems (based on the Russian dialects of the Urals). In: *Lexical atlas of Russian folk dialects: materials and research*. St. Petersburg: Nauka. 68—76. (In Russ.).

Dianova, E. V. (2021). Cinema for the village: the repertoire of rural cinemas of the 1920s. In: *The capital and the provinces: the relationship between the center and regions in the history of Russia: materials of the XII All-Russian Scientific Conference with International Participation*, *12*. St. Petersburg: Leningrad State University. A. S. Pushkin. 129—133. (In Russ.).

Ganicheva, S. A. (2016). *Experience of the dictionary of the linguistic personality of a native of the Kirillovsky district of the Vologda region*. Available at: http://www.vologda-uni.ru/slovar_yaz_lichnosti/index.htm (accessed: 03.20.2022). (In Russ.).

Gorbachev, O. V. (2017). Cinema for the village: Soviet art cinema and the peasant audience in the 1920s — early 1950s. *Document. Archive. Story. Modernity, 17:* 230—244. (In Russ.).

Gyngazova, L. G. (2007). Interpretation of the world by the linguistic personality of the dialect carrier and its reinterpretation by the researcher. *Philological Sciences, 1:* 15—19. (In Russ.).

Ilyina, E. N., Ganicheva, S. A., Dracheva, Yu. N., Kirilova, E. A., Kolesova, I. E., Melnikova, N. G. (2021). *Speech culture of Belozerye in the focus of the dialect of one village: monograph*. Vologda: VSU. 684 p. (In Russ.).

Ilyina, E. N., Komissarova, T. G. (2019a). *Linguistic picture of the world of the Vologda peasant: monograph, 2. Childhood.* Vologda: VSU. 176 p. (In Russ.).

Ilyina, E. N., Saburova, L. V., Ganicheva, S. A. (2019b). *Linguistic picture of the world of the Vologda peasant: monograph, 1. Domestic and wild animals.* Vologda: VSU. 178 p. (In Russ.).

Ivantsova, E. V. (2002). *Phenomenon of dialect linguistic personality*: *monograph*. Tomsk: Tomsk University Publishing House. 312 p. (In Russ.).

Kanunova, T. N. (2013). *Cinema of the Vologda region*. Vologda: Vologda Regional Information Center. 269 p. (In Russ.).

Kirilova, E. A. (2008.). *The structure of compound words in modern Vologda dialects:* PhD Diss. Vologda: VSPU. 203 p. (In Russ.).

CC BY

Kometchikov, I. V. (2016). Leisure culture of the central Non-Chernozem region in 1945 — early 1960s: traditions and innovations. In: *Scientific works of the Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky.* Kaluga: Kaluga State University. K. E. Tsiolkovsky. 59—63. (In Russ.).

Sidorova, G. P. (2019). "Overcoming the differences between the city and the countryside", or Soviet urban versus rural everyday life. *Culture and Art, 2:* 28—36. DOI: 10.7256/2454-0625.2019.2.28762. (In Russ.).

Vendina, T. I. (1998). *Russian language picture of the world through the prism of word formation (macrocosm)*. Moscow: Indrik. 240 p. (In Russ.).

Volkova, N. A., Ganicheva, S. A., Zagumennov, A. V., Ilyina, E. N., Melnikova, M. G. (2017). *Folk speech of the Vologda region: experience of a male speech portrait: monograph.* Vologda: VSU; Cherepovets: ChSU. 232 p. (In Russ.).

Zubova, N. N. (2017). *Linguistic personality of a resident of the Russian North: the experience of verbal-semantic, linguo-cognitive and pragmatic description:* PhD Diss. Vologda: VSU. 206 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 26.01.2022,
одобрена после рецензирования 19.04.2022,
подготовлена к публикации 03.05.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Лабунец Н. В. Этнолингвистические лакуны в переводе на китайский язык романа Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза» / Н. В. Лабунец, Д. Е. Эртнер, Я. Е. Андреева // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 4. — С. 85—105. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-85-105.

Labunets, N. V., Ertner, D. E., Andreeva, Ya. E. (2022). Ethnolinguistic Lacunae in Translation into Chinese of Novel by G. Sh. Yakhina "Zuleikha Opens Her Eyes". *Nauchnyi dialog, 11(4):* 85-105. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-85-105. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU EBSCOhost

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-85-105

Этнолингвистические лакуны в переводе на китайский язык романа Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза»

Лабунец Наталья Вадимовна
orcid.org/0000-0002-0999-5070
доктор филологических наук,
профессор кафедры русского языка
и общего языкознания
n.v.labunec@utmn.ru

Эртнер Дарья Евгеньевна
orcid.org/0000-0002-6600-4237
кандидат филологических наук, доцент
кафедры английской филологии
и перевода
d.e.ertner@utmn.ru

Андреева Яна Евгеньевна
orcid.org/ 0000-0001-6362-5428
ассистент центра иностранных языков
и коммуникативных технологий
y.e.andreeva@utmn.ru

Тюменский
государственный университет
(Тюмень, Россия)

Ethnolinguistic Lacunae in Translation into Chinese of Novel by G. Sh. Yakhina "Zuleikha Opens Her Eyes"

Natalia V. Labunets
orcid.org/0000-0002-0999-5070
Doctor of Philology, Professor,
Department of Russian Language
and General Linguistics
n.v.labunec@utmn.ru

Daria E. Ertner
orcid.org/0000-0002-6600-4237
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of English Philology
and Translation
d.e.ertner@utmn.ru

Yana E. Andreeva
orcid.org/ 0000-0001-6362-5428
Assistant, Center for Foreign Languages
and Communication Technologies
y.e.andreeva@utmn.ru

University of Tyumen
(Tyumen, Russia)

© Лабунец Н. В., Эртнер Д. Е., Андреева Я. Е., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается проблема лингвокультурной лакунарности в художественном переводе. Новизна исследования заключается в том, что впервые этнолингвистические лакуны, репрезентированные тюркскими этнографизмами, исследуются в тексте оригинала романа Г. Ш. Яхиной (2015) и его перевода на китайский язык, выполненного Чжан Цзе и Се Юньцай (2017). Материалом послужили тюркизмы романа Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза», прокомментированные автором в приложении «Словарь татарских слов и выражений». В статье обсуждается этнолингвистический подход к изучению тюркизмов (*албасты*, *каплау, шурале* и др.), который включает анализ этимологии слова, его лингвоэтнического статуса, функциональной специфики, фоновой информации. Доказывается, что этнолингвистическая лакунарность проявляется не только через экстралингвистический компонент слова и его национально-культурную маркированность. Обосновывается положение о том, что лакунарной является сопряженность лингвокультурного татарско-русского контактирования, которое «прочитывается» в тексте оригинала, но не в его переводе. Доказывается, что основным способом элиминирования лакун является компенсация, позволяющая наиболее полно воссоздать этнолингвистическую специфику реалии. Устанавливается, что частотными являются приемы экспликации и генерализации, способствующие сохранению этнолингвистической самобытности произведения.

Ключевые слова:
русская и китайская лингвокультуры; русско-китайский перевод; сопоставительный анализ; элиминирование лакун; этнолингвистическая лакуна; Яхина; Зулейха открывает глаза.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The problem of linguocultural lacunarity in literary translation is considered. The novelty of the study lies in the fact that for the first time ethnolinguistic lacunae, represented by Turkic ethnographisms, are studied in the text of the original novel by G. Sh. Yakhina (2015) and its translation into Chinese by Zhang Jie and Xie Yuncai (2017). The material was the Turkisms of the novel by G. Sh. Yakhina "Zuleikha opens her eyes", commented by the author in the appendix "Dictionary of Tatar words and expressions". The article discusses the ethno-linguistic approach to the study of Turkisms (*Albasty, Kaplau, Shurale*, etc.), which includes: analysis of the etymology of the word, its linguo-ethnic status, functional specificity, background information. It is proved that ethnolinguistic lacunarity is manifested not only through the extralinguistic component of the word and its national and cultural marking. The proposition is substantiated that the conjugation of the linguocultural Tatar-Russian contact is lacunar, which is "read" in the original text, but not in its translation. It is proved that the main way to eliminate lacunae is compensation, which allows to most fully recreate the ethnolinguistic specificity of reality. It is established that the methods of explication and generalization are frequent, which contribute to the preservation of the ethnolinguistic originality of the work.

Key words:
Russian and Chinese linguistic cultures; Russian-Chinese translation; comparative analysis; elimination of lacunae; ethnolinguistic lacuna; Yakhina; Zuleikha Opens Her Eyes.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 81’255.2[811.161.1+811.581]+821.161.1Яхина.07

Этнолингвистические лакуны в переводе на китайский язык романа Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза»

© Лабунец Н. В., Эртнер Д. Е., Андреева Я. Е., 2022

1. Введение = Introduction

В современной лингвистике — как в отечественной, так и в зарубежной — возрос интерес к лингвокультурологическим исследованиям, в том числе в аспекте теории и практики переводоведения. Наиболее ярко вопросы взаимодействия языка и культуры отражаются в переводе художественных текстов, когда чужая культура «прочитывается» сквозь призму культуры принимающей. В активно разрабатываемой в последнее время области русско-китайской межкультурной коммуникации учеными исследуется интердисциплинарный подход к вопросам теории перевода, в частности, принципам сопоставительного анализа текстов оригинала и перевода в их лингвокультурных проекциях.

Перевод русских художественных текстов играл и продолжает играть значительную роль в знакомстве китайского народа с русской, российской культурой в ее национальных измерениях. Переводы русской классической и современной литературы становятся частью китайской культурной традиции, поэтому важным является рассмотрение проблем интерпретации текста оригинала в его переводческих решениях. В этой связи актуальными, требующими своего разрешения на конкретном материале художественного произведения, продолжают оставаться проблемы лингвокультурной лакунарности в переводном тексте.

Проблемы интерпретации перевода художественной литературы с русского языка на китайский остаются в числе приоритетных и для российских, и для китайских лингвистов. Как известно, параметры рассмотрения переводческих аспектов модифицируются в зависимости от смены исследовательских парадигм. Наглядно это прослеживается на примере произведений русских и советских писателей, переводы которых, иногда через языки-посредники, были выполнены в Китае еще в первой половине XX века.

Если изначально переводческая мысль сосредоточивалась на проблемах «верности» передачи общих социально-культурных факторов эпохи, идейных воззрений автора, стилевых доминант произведения, то в последние десятилетия, когда появились новые переводы «старых» текстов, получила новый импульс к развитию теория перевода в китайской науке, стало очевидным смещение исследовательских интересов в области со-

CC BY

поставительной лингвистики: конкретизировалось обсуждение вопросов переводческих трансформаций и связанных с этим переводческих решений. Значительное внимание стало уделяться явлениям лингвокультурной лакунарности в переводном тексте.

Приведем лишь некоторые примеры. Так, в последнее время при сопоставительном изучении переводов произведений М. А. Шолохова обсуждаются не только стилевая специфика его текстов, но и воплощения живой народно-разговорной речи донского казачества [Цыценко, 2015, с. 30—31], анализируются модификации безэквивалентной лексики, переводческие интерпретации донских этнографизмов, лакунарность в обозначении реалий казачьего быта и др. [Чжан Цзе, 2017]. Аналогичная ситуация складывается и в сопоставительном изучении поэтического языка. С лингвокультурологических позиций в поэзии С. А. Есенина рассматриваются в качестве лакунарных диалектные, этномаркированные лексемы и их элиминирование в переводе [Со Цян, 2021].

Лингвокультурные лакуны, которые анализируются через призму «преодоления непереводимости в переводе» [Чжу Инли, 2017], продолжают исследоваться не только в текстах русской классической литературы (А. С. Пушкин, А. П. Чехов, И. С. Тургенев и др.), но и в произведениях современных авторов (В. П. Астафьев, В. О. Пелевин, Г. Е. Распутин и др.), демонстрирующих особенности переводческой интерпретации инонационального бытия.

В ряде работ внимание исследователей сосредоточено на трудностях перевода, связанных с тем, что перевод языка оригинала осложняется другим языком — языком описываемой в произведении культуры, например, монгольской в романе В. Г. Яна «Чингисхан» [У Айжун, 2021].

В последнее время в исследовании лингвистических аспектов перевода художественных текстов с русского языка на китайский достигнуты значительные успехи, разработаны множественные подходы к решению задач сравнительно-сопоставительного языкознания, теории и практики переводоведения. Нельзя не учитывать, подчеркивают китайские исследователи, специфичность систем сопоставляемых языков «и вызванные ею мыслительные и культурные различия, влияющие на переводческий эффект, поэтому ученые должны проводить подробное сравнительное исследование, чтобы решить ряд соответствующих проблем» [Юе Жуйин, 2017, с. 27].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Настоящая статья представляет собой опыт обращения к ***этнолингвистическим*** лакунам в аспекте перевода текста русского художественного произведения, включающего многочисленные тюркизмы, на китайский язык.

CC BY

Цель статьи — проанализировать специфику этнолингвистических лакун и способы их элиминирования в переводе на китайский язык романа Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза».

Источником данного исследования послужили тексты оригинала произведения [Яхина, 2015] и его китайского перевода [Чжан Цзе, Се Юньцай, 2017], общий объем текстов — 1003 страницы. В ряде случаев с сопоставительной целью привлекался перевод произведения на английский язык, выполненный Лизой Хейден (Lisa Hayden) [Yakhina G. Zuleikha, 2019].

Предметом исследования стали этнолингвистические лакуны, манифестируемые татарскими / тюркскими этнографизмами, которые представлены в лексикографическом приложении к роману. В своем «Словаре татарских слов и выражений» Г. Ш. Яхина дала трактовку 56 тюркских этнографизмов, функционирующих в тексте произведения «Зулейха открывает глаза».

Материалом для изучения стали контекстные употребления указанных единиц в русском оригинале романа и его китайском переводе. Общий объем русских и китайских контекстов, объективирующих этнолингвистические лакуны, составил около 200 фрагментов.

Полиаспектное рассмотрение поставленной лингвокультурологической проблемы предопределило выбор следующих методов исследования: сопоставительного, этимологического, контекстуального анализа, лингвокультурологического комментирования.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Лингвокультурология в российском и китайском измерении

Исследования, направленные на выявление взаимосвязей русского языка и культуры, получили свое отражение в ряде работ уже в XIX веке. Так, в фундаментальном труде А. А. Потебни «Мысль и язык» (1892) отчетливо прослеживаются идеи взаимосвязи языка и народной культуры, социокультурных функций языка и способов идентификации национального сознания, форм культурно-исторического развития языка и самобытности этноса. В XX веке стало возможным говорить о формировании самостоятельной отрасли отечественного языкознания — лингвокультурологии, «изучающей проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе» [Красных, 2002, с. 12]. Предметом исследования лингвокультурологии становятся, прежде всего, лакуны, безэквивалентная лексика, фразеологический фонд, стилистический уклад языка, мифологемы, символы, речевое поведение [Тимко, 2021].

В российской лингвистической традиции «лингвокультура», важнейшее понятие данной отрасли знания, рассматривается с позиций отраже-

CC BY

ния в языке сведений о культуре, менталитете народа, говорящем на этом языке, исследуется «как воплощение культуры в языке с помощью языковых знаков» [Волков, 2019, с. 58]. В рамках лингвокультурологии разрабатываются отдельные направления, например, лингвоконцептология, этносемантика, исследуются этноаксиологические установки, этностереотипы, на основе контрастивных, сопоставительных исследований устанавливаются лингвоспецифичные явления.

В китайской лингвистической традиции, по мнению ряда ученых [У Гохуа, 1996], изучение вопросов лингвокультурологии начинается с середины XX века, когда была опубликована работа Ло Чанпей «Язык и культура». В последнее время, отмечает Лю Чаоцзе, китайские лингвисты Син Фуйи, Чжао Айго, Чжао Миншань рассматривают лингвокультурологию как науку, раскрывающую сущность китайской национальной культуры через ее отражение в слове, характеризуют внутренние и внешние факторы ее развития, которые проявляются в коммуникации, «через общение». «Лингвокультурология фокусируется не только на интерпретации культурной семантики лингвистических символов, но и концентрируется на механизме формирования системы знаний коммуникаторов» [Лю Чаоцзе, 2018, с. 67]. Анализируя работы Пэн Вэнчжао, Сунь Юйхуа, Лю Чаоцзе приходит к выводу о том, что лингвокультурологические исследования направлены на установление через язык, лексикон, тезаурус, прагматикон лингвоспецифичности национального сознания, ментальности, «ощущений», в которых так или иначе проявляется традиционная культура Китая «в совокупности достижений человечества». В круг актуальных задач лингвокультурологии китайские лингвисты включают необходимость дальнейшей разработки методологических, теоретических, лексикографических проблем, а также сопоставительных русско-китайских, китайско-русских исследований [Лю Чаоцзе, 2018, с. 68].

Сопоставительное изучение национальных лингвокультур может проводиться по разным основаниям, однако наиболее продуктивным такое исследование становится, если оно основывается на художественных текстах оригинала и его перевода, соотносящихся с одним и тем же синхроническим срезом. Именно переводчик не только обнаруживает лакунарные явления одной лингвокультуры на фоне другой, но и ищет способы их элиминирования: «… любому переводчику известно, что тексты переводятся обычно совсем не так, как подсказывает словарь» [Павлова, 2015, с. 208].

3.2. Перевод художественного текста в аспекте русско-китайской межкультурной коммуникации

Как показывают исследования последних лет, при лингвокультурологическом подходе художественный перевод воспринимается как межкуль-

CC BY

турное посредничество. В процессе передачи содержания текста в направлении от языка исходного к языку перевода обнаруживаются расхождения между контактирующими культурами, изучаются этапы трансляции художественного текста в новое лингвокультурное пространство. В переводческой деятельности оригинальное литературное произведение подвергается воздействию другой культурной модели, подстраивается под закономерности художественных текстов принимающей лингвокультуры, что и приводит к его изменениям. В связи с этим интерпретация инокультурных элементов становится центральной проблемой переводоведения.

Описывая процессы обработки информации, осуществляемые в переводческой деятельности, исследователи отмечают, что переводчик неизбежно сталкивается с лакунами различных видов. В работах Л. К. Байрамовой, Г. В. Быковой, Ю. А. Сорокина, И. Ю. Марковиной, И. А. Стернина и др. представлены различные классификации лакунарных единиц. Среди лакунарных явлений выделяются две основные группы — культурологические и лингвистические. Культурологические связаны с культурой (этнографические, ассоциативные, поведенческие, эмотивные, аксиологические и др.), лингвистические — с языком (грамматические, лексические, стилистические и др.).

В последнее время актуализируется исследование вопросов теории и практики переводоведения как в России, так и за рубежом [Волков, 2019; Волкова, 2017; Моргун, 2020]. Большой интерес к переводческим проблемам проявляют китайские исследователи [Лу Юнчан, 2007; Чжао Миньшань, 1994, Юань Линьлинь, 2018], хотя, как показали работы Ван Мэняо, в Китае продолжаются дискуссии по теоретическим и практическим вопросам переводоведческой науки. С одной стороны, доказывается необходимость создания теории переводоведения, «опирающейся на традиционную концепцию “верности” (феномен 心(xīn) с кит. «вера, надежность, сердце»)», с другой — обосновывается академический подход, в соответствии с которым развитие китайского переводоведения должно осуществляться в русле общих, универсальных, мировых тенденций развития науки о переводе [Ван Мэняо, 2014, с. 64—65].

Одним из аргументов сторонников «китайской школы» является справедливый тезис о том, что не может существовать единая теория перевода, одинаково приемлемая для всех языков мира, поэтому необходимо в каждом конкретном случае говорить о «переводе с китайской национальной спецификой». Но, как справедливо отмечает Ван Мэняо, и «традиционалисты», и «универсалисты» так или иначе пытаются решить один вопрос: «как правильно перевести оригинал», учитывая тот факт, что перевод должен осуществляться «верно, понятно, лояльно» [Ван Мэняо, 2014, с. 67].

CC BY

Наибольшие трудности для перевода на китайский язык представляют лакунарные явления, которые связаны с национальными культурами, традициями, религией, историей народов, населяющих Россию. В отечественной лакунологии такие лингвокультурные лакуны традиционно, вслед за А. В. Федоровым, называют ***реалиями*** [Фененко, 2001]. Подчеркнем, что типология лингвокультурных лакун в последнее время активно разрабатывается: ассоциативные, идиостилистические лакуны и др. [Глазачева, 2006; Данильченко, 2014; Ду Синь, Чулкина, 2021; Ма Хунъюй, 2003].

В контексте предпринятого нами исследования используется термин ***этнолингвистические лакуны***. Понятийное содержание термина соответствует пониманию этнолингвистики в традициях этнолингвистической школы Н. И. и С. М. Толстых, М. Э. Рут, Е. Л. Березович, Т. В. Леонтьевой и др. [Толстой и др., 2013; Рут и др., 2000; Березович, 2010; Леонтьева, 2014 и др.]. Этнолингвистические лакуны чаще репрезентированы этнографизмами, выражающими не только лакунарные предметы, явления народного быта, но и элементы народной культуры, имплицитно представленной в слове / словосочетании. Этнографизмы свидетельствуют об уникальности лингвокультуры, имеют особое фонетическое оформление, поэтому их выявление не вызывает затруднений.

3.3. Этнолингвистическое пространство романа Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза»

Пространство романа Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза» насыщено экстралингвистической реальностью, воплощенной в татарской и русской повседневной культуре. Неудивительно, что и для современного русского читателя многие татарские этнографические реалии первой четверти XX века оказываются лакунарными. Именно поэтому автор включает в текст словарь тюркских слов, который можно рассматривать как затекстовый лингвокультурный комментарий, вводимый с целью элиминирования этнолингвистических лакун, лексических этнографизмов.

В переводоведении «лакуна» трактуется достаточно широко: как «несовпадение, возникающее при сопоставлении понятийных, языковых, эмоциональных и других категорий двух или нескольких лингвокультурных общностей» [Данильченко, 2014, с. 52]. Такое понимание лакуны неотделимо от представлений о системности языка и его обусловленности спецификой мышления и культуры.

В аспекте изучения художественного перевода закономерно вычленить «лингвокультурные лакуны», которые можно интерпретировать не только как пробелы в системе языка, но и как несовпадения в образах, символах, знаках выражения одной культуры при сопоставлении с другой. Подчер-

CC BY

кнем, что лингвокультурная лакуна возникает в тот момент, когда «трансфер элемента из одной культуры в другую оказывается невозможным или только частично возможным» [Глазачева, 2006, с. 245].

Типология лингвокультурных лакун связана, прежде всего, с экстралингвистической реальностью, по-разному «прочитываемой» этносами. В связи с этим закономерно вычленить *этнолингвистические лакуны*, содержащие национально-специфическую информацию, которая требует от переводчика применения фоновых знаний для элиминирования указанных явлений.

Укажем, что выбор материала исследования не случаен. Творчество Г. Яхиной характеризуется слиянием этносов и культур в тексте произведения, раскрывается в аспекте полиэтничности советских реалий, что придает многомерность повседневному миру романа, а переводу на китайский язык, выполненному Чжан Цзе, Се Юньцай, — дополнительную сложность в трансляции лингвокультуры.

Роман воплощает в своем содержании три пласта информации. Первый — повествовательный, нацелен на рассказ о трагической судьбе татарской женщины. Второй — этнографический, ориентирован на описание быта, традиций, этнокультуры татар. Третий — исторический, обращен к изображению политической ситуации в советском государстве, в центре которой — раскулачивание и ссылка крестьян.

Анализ информационного содержания в сопряжении со структурной композицией романа показал, что повествовательный и исторический пласты одинаково ярко прослеживаются во всех четырех частях текста произведения — «Мокрая курица», «Куда?», «Жить», «Возвращение». Это объясняется тем, что повседневная жизнь главной героини и исторические события, происходящие в стране, неразрывно взаимосвязаны. В последней части произведения повествовательный и исторический пласты вновь совмещаются: все внимание автора сосредоточивается на взаимоотношениях Зулейхи и её взрослого сына на фоне войны. Второй, этнографический пласт наиболее отчетливо прослеживается в первой части романа («Мокрая курица»), где рассказывается о жизни Зулейхи в ее родной татарской деревне Юлбаш. В последующих частях романа этнокультурная, этнографическая информация сокращается, вытесняется социокультурной: реалии народного быта, татарской культуры все более отдаляются от Зулейхи в связи с новой советской реальностью, раскулачиванием и жизнью в спецпоселении Семрук.

Лингвисты не раз отмечали, что перевод художественных произведений должен проходить с учетом культурологического, лингвокультурного контекста, при этом переводчику необходимо стремиться к минимальным потерям при адаптации текста. Качественный художественный перевод

CC BY

способен сохранить нюансы авторского стиля и замысла, но остаться при этом понятным для реципиента перевода.

Исследование лингвокультурных лакун романа Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза» осложняется тем, что текст включает не только русский, но и татарский материал, а также заимствования из западноевропейских, турецкого, арабского языков. Многочисленную иноязычную (по отношению к русскому языку) группу слов составляют татаризмы / тюркизмы. Подобная этнокультурная маркированность произведения определяется этнической принадлежностью самого автора, его фоновыми знаниями.

3.4. Этнографизмы в оригинале и переводе на китайский язык романа Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза»

Как было отмечено выше, тюркские этнографизмы наиболее последовательно представлены в первой части произведения. Отметим, что такие лексемы являются лакунарными не только для китайского, но и для русского читателя, хотя произведение написано на русском языке. В связи с этим с интерпретационной целью автор романа создает своеобразный лексикографический раздел произведения — двуязычный татарско-русский словарь, «Словарь татарских слов и выражений», в котором представлен не только перевод слова на русский язык, но и его лингвокультурная трактовка, лексикографические дефиниции.

Всего в своем авторском «Словаре татарских слов и выражений» Г. Ш. Яхина представила трактовку 56 тюркских этнографизмов, которые можно объединить в 8 тематических групп. Количественное соотношение лексем представлено на рисунке (рис. 1).

Рис. 1. Тематические группы этнографизмов в романе «Зулейха открывает глаза»

CC BY

Приведем примеры тюркизмов / экзотизмов, относящихся к анализируемым тематическим группам, и их китайских переводных эквивалентов, встречающихся в тексте перевода романа:

1) названия предметов быта (14 единиц, 25 %): *каплау* — покрывало / 罩单 (досл. «накидка, покрывало»), *табан* — стол, место приема пищи / 用餐的小桌 (досл. «маленький стол для еды»), *сяке* — большая лавка, широкие нары / 板铺大床 (досл. «дощатая большая кровать»);

2) фольклорные персонажи (13 единиц, 23 %): *албасты* — женский демонический персонаж в мифологии / 女魔鬼 (досл. «женский демон»), *дэв* — злой дух, антропоморфный великан / 类人巨猿 (досл. «человекоподобный гигант»), *жалмавыз* — мифологическая старуха-великанша, обжора и людоедка / 吸血鬼 (досл. «вампир, кровосос»);

3) обращения (8 единиц, 14 %): *жаным* (ласковое обращение) — душа моя / 亲爱的 (досл. «дорогой»), *хазрэт* (почтенный) — уважительное обращения к духовному лицу / — (нет китайского эквивалента в переводе романа / пропуск);

4) национальные праздники и традиции (7 единиц, 13 %): *кыз-куу* («догони девушку») — конная игра / 骑马追姑娘游戏 (досл. «игра верхом на лошади в погоне за девушкой»), *Ураза (Ураза-байрам)* — мусульманский праздник в честь окончания поста Ураза / 守斋节 (досл. «праздник придерживания поста»), *Курбан (Курбан-байрам)* — мусульманский праздник жертвоприношения / 宰牲节 (досл. «праздник жертвоприношения»);

5) религия (6 единиц, 11 %): *ляухэ* («хранимая скрижаль») — настенный коврик с изречением из Корана / 挂毯 (досл. «настенный ковер»);

6) предметы одежды и обуви (3 единицы, 5 %): *кульмэк* — «платье, рубаха» / 长袍 (досл. «длинный халат»), *кота* — «короткие домашние валенки» / 毡靴 (досл. «валенки»);

7) названия титулов, профессий, слоев населения (3 единицы, 5 %): *ошкеруче* — родовые жрецы, знахари, целители / 祖传巫师 (досл. «потомственный шаман»), *абыстай* — супруга духовного лица / 阿訇的妻子 (досл. «жена имама»);

8) национальные блюда (2 единицы, 4 %): *кош-теле* — «мучная сладость» / 甜面食 (досл. «сладкая мучная еда»), *кызылык* — конская колбаса / 香肠 (досл. «колбаса»).

Сопоставление трактовки этнографизмов, репрезентирующих этнолингвистические лакуны в лексикографическом разделе оригинала произведения, и их интерпретации в переводе свидетельствуют об уменьшении национально-культурной составляющей в китайском варианте текста.

Проиллюстрируем контекстное употребление татарских этнографизмов в русском оригинале и китайском переводе романа «Зулейха откры-

CC BY

вает глаза». В сопоставительных целях используется дословный перевод с опорой на словарь [БАРКМС, 2008]:

лэукэ

«*Забирается на самую высокую лэукэ, ложится на ней лицом в потолок, закрывает глаза, — отмокать*» [Яхина, 2015, с. 32] /

«爬上蒸浴床的最高层，仰面躺在上面，闭上眼睛，“用浴帚给我抽吧» [祖列依哈睁开了眼睛, 2017, с. 25] (досл. «Забирается на самый высокий уровень *полки в парилке*, ложится на спину, закрывает глаза, «попарьте меня веником»);

ошкеруче

«*Зулейха побаивалась — все-таки она простая женщина, не ошкеруче*» [Яхина, 2015, с. 25] /

«祖列依哈不敢直接跟墓地神说话 — 她是一个普通的女人，不是祖传巫师» [祖列依哈睁开了眼睛, 2017, с. 18] (досл. «Зулейха не осмеливалась говорить прямо с богом кладбища — она была обычной женщиной, а не *родовой волшебницей*»);

фэрэштэ

«*Мы с Муртазой в доме останемся, а за тобой прилетят три огненных фэрэштэ и унесут прямиком в ад*» [Яхина, 2015, с. 36] /

«我和穆尔塔扎将会待在家里，而三个天使将飞来找你，直接把你带进地狱» [祖列依哈睁开了眼睛, 2017, с. 29] (досл. «Муртаза и я останемся дома, пока к тебе не прилетят три *ангела* и не унесут тебя прямо в ад»).

3.5. Этнолингвистические лакуны и способы их элиминирования в романе Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза»

Тюркские этнографизмы, представленные в тексте романа Г. Ш. Яхиной, в этнолингвистическом аспекте представляют лексическую группу, которую целесообразно исследовать с позиций:

— происхождения слова;

— лингвоэтнического статуса слова;

— фоновой (текстовой) информации, содержащейся в слове.

Лексемы *лэукэ, ошкеруче, фэрэштэ,* использующиеся Г. Ш. Яхиной для описания татарского быта, религиозных верований народа и прокомментированные автором в словарном приложении к роману, этимологически неоднородны.

Так, *лэуке* восходит к русскому «лавка», об этом свидетельствуют фонетический облик слова (по-видимому, диалектный), его актуальный смысл: «*лэукэ — полка в бане*» [Яхина, 2015, с. 506]. Ср. в татарском языке со значением «лавка» используются / использовались *ян сакэ, уша, зур ска-*

CC BY

мья [РТС, 1956, II, с. 134], со значением «полка» — *шүрлек, киштә, урын, полка* [РТС, 1958, III, с. 168].

Слово *ошкеруче* в значении «родовые жрецы, знахари, целители» [Яхина, 2015, с. 506], судя по данным тюркской лексикографии, относится к исконной лексике. Ср.: татарское *өшкерүче* «знахарь, заклинатель», *өшкер-үү (өшкөр-),* «нашептывать заговоры и дунуть с брызгами слюны», а также ногайское, уйгурское, киргизское, туркменское, алтайское *ускир-, үшкүр-* «пищать, шумно дышать, плевать» [ТТЭС, 2015, т. II, с. 98].

Лексема *фәрәштә* в значении «ангел» [Яхина, 2015, с. 507] является также заимствованием, но соотносится с языками народов Ирана и Средней Азии. Считается, что в мусульманской традиции для обозначения «ангела» используется каноническая арабская номинация «малаика» [ИЭС, 1991, с. 181]. Татарское *фәрәштә*, диал. *фирештә*, *пәрештә* соотносится с согдийским, фарси / персидским *färištä, färišti (Bryšty)* «ангел» [ДС, 1969, с. 193], авестийским *fra ashta, fra ishta* «помощник посла» [ТТЭС, 2015, т. II, с. 2015]. Отсюда — использование в тексте произведения именно этого термина в его «языческом окружении».

Лингвоэтнический статус всех трех рассматриваемых слов для русскоязычного читателя является очевидным, прозрачна и сопряженность с языковым контактированием, отразившим и диахронические, и синхронические взаимодействия народов и культур. И в этой связи обусловлен и лингвокультурный, этнолингвистический потенциал слов, когда «прочитывается» текстовая, фоновая информация. Для носителей и русского, и татарского языков понятно, что слова *ошкеруче, фәрәштә* совмещают и образы языческих верований, и мусульманские традиции, хотя Г. Ш. Яхина в своем словарном приложении к роману для *фәрәштә* дает только одно значение «ангел», которое китайскими переводчиками, судя по контексту, возможно, было осмыслено иначе, в другом смысле — в традициях христианской культуры.

Подчеркнем, что для Зулейхи и других жителей деревни Юлбаш татарские номинации обладают сакральным смыслом. Крах привычной повседневности, последовавший за сменой общественно-политической обстановки в стране в 30-е годы XX века, начал образовывать новые правила взаимодействия человека с окружающим миром. Общественные потрясения первой половины XX века вынуждают персонажа «прятаться» в повседневной ритуальности, создавать знакомую для себя обыденность, поэтому в тексте перевода неизбежен сдвиг в интерпретации подобных лексем. Лингвокультурный колорит этнографического пласта текста не исчезает, но переходит на второй план, уступая место историческому, социокультурному пласту романа и затемняя национальную самобытность героини.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Этнолингвистическая лакунарность при сопоставлении романа Г. Ш. Яхиной и его перевода на китайский язык выражается в том, что сосуществующие в произведении русское и татарское лингвокультурные поля не воспринимаются китайским читателем, тогда как автор оригинальных текстов тем самым постоянно подчеркивает этническую принадлежность героини. Для переводчиков задача состояла в двойном транскодировании лакун (татарский → русский → китайский) с минимальными смысловыми потерями. Модель лингвокультурной адаптации татарских реалий в китайском переводе романа «Зулейха открывает глаза» представлена на рисунке (рис. 2).

Рис. 2. Модель лингвокультурной адаптации татарских этнографизмов в переводе романа «Зулейха открывает глаза» на китайский язык

Способы элиминирования этнолингвистических лакун в тексте перевода произведения Г. Ш. Яхиной на китайский язык, как показало исследование, связаны компенсацией этнолингвистических лакун. Основной проблемой при переводе становится необходимость передать семантику реалии, чаще бытовой, ее национальный колорит, стилистическую функцию номинатива в тексте произведения. При этом «выбор переводческого решения может осуществляться с обязательным учетом указанных составляющих, с опорой на контекст» [Фененко, 2001, с. 49].

Анализ исследуемого материала продемонстрировал частотность применения таких приемов ***компенсации*** этнолингвистических лакун, как экспликация (*табан* / 用餐的小桌 — маленький стол для еды; *абыстай* / 阿訇的妻子 — жена имама и др.) и генерализация (*кызылык* / 香肠 — колбаса; *кота* / 毡靴 — валенки и др.). Экспликация дает возможность полностью воссоздать семантику слов, а значит, номинировать этнолингвистический денотат без смысловых потерь.

Лакуны, компенсированные генерализацией, как правило, не осознаются китайским читателем и не отвлекают его от линии повествования. Данные трансформации связаны с тем, что художественные тексты, как

CC BY

билингвальные, так и те, что характеризуются точечными иноязычными вкраплениями, обладают высокой степенью непереводимости.

Полная передача национального, этнолингвистического своеобразия оригинала стала невозможной в связи с насыщенностью текста этнографизмами, поэтому в переводе некоторых фрагментов произведения экзотизмы вовсе опускаются. Подобную тенденцию наблюдаем в следующем примере: «*Сам мулла-хазрэт приходил посмотреть, потом заказал для себя такую же*» [Яхина, 2015, с. 28] / «阿訇前来参观一下，也给自己定制了同样的产品» [祖列依哈睁开了眼睛, 2017, с. 21] (досл. «Приходил *имам* и заказал такую же вещь для себя»). Как мы видим, в переводе отсутствует передача лексемы *хазрэт* как культурно-маркированного уважительного обращения к духовному лицу.

Прием экспликации интерпретирует значение лакуны свободным словосочетанием в языке перевода. Например, *абыстай* в значении «супруга духовного лица» переводится словосочетанием *жена имама.* Ср.: *«Мне абыстай рассказывала, а ей — ее бабка»* [Яхина, 2015, с. 20], / «阿訇的妻子告诉我的，你妈妈是他的产婆啊» [祖列依哈睁开了眼睛, 2017, с. 13] (досл. «*Жена имама* рассказала мне, а ей — ее бабка»).

С целью выявления специфики китайского перевода этнографизмов был проведен сопоставительный анализ исследуемого поля с аналогичными материалами, вычлененными из текста перевода романа на английский язык.

Сопоставление показало, что в переводе романа «Зулейха открывает глаза» на английский язык, выполненном Лизой Хейден [Yakhina, 2019], используются различные виды элиминирования лакун в рамках межъязыковой и межкультурной коммуникации. Как и в китайском переводе, в английском тексте отсутствует словарь-приложение из 56 татарских слов и выражений, при переводческих трансформациях на английский язык более частотным становится способ уподобления и дескрипции при передаче этнографизмов, например: *кома / little felt boots, чаршау / printed cotton curtain, шаровары / baggy wide pants, яга / coat, кульмэк / a smock.*

Однако в отличие от китайского перевода в англоязычном варианте некоторые татарские лексемы воспроизводятся с помощью транслитерации. Так же, как и Г. Ш. Яхина в оригинале, Лиза Хейден в переводе дополняет непонятные читателю элементы другой лингвокультуры добавочной информацией. Приведем примеры: «*“Убырлы карчык”* — Упыриха» [Яхина, 2015, с. 11] / *«“Ubyrly Karchyk* — the Vampire Hag» [Yakhina, 2019, с. 5]. «*Мокрой курицей — жебегян тавык* — ее впервые назвала Упыриха» [Яхина, 2015, с. 16] / «It was *the Vampire Hag* who first called her zhebegyan tavyk — pitiful hen» [Yakhina, 2019, с. 5].

CC BY

Таким образом, номинации *«убырлы карчык» / «ubyrly karchyk», «жебегян тавык» / «zhebegyan tavyk»,* а также некоторые антропометрические татарские лексемы *эни / eni* (мама), *улым / ulym* (сын) в их транслитерационном оформлении целенаправленно сохраняются английским переводчиком для создания аутентичной атмосферы. Однако в китайском переводе, в отличие от английского, прием транскрибирования не используется в связи с особенностями китайского иероглифического письма, а также ориентацией на китайскую аудиторию с учетом ее ожиданий и ментальности.

4. Заключение = Conclusions

В результате сопоставительного исследования можно говорить об исторических, культурных причинах наличия / отсутствия этнолингвистических лакун, репрезентированных этнографизмами, для обозначения определенных явлений, лингвоэтнических контактов и др.

Художественный текст в его лингвокультурных измерениях наглядно демонстрирует лакунарные явления, которые по-разному «прочитываются» в языке оригинала и его перевода.

В романе Г. Ш. Яхиной сосуществуют и русское, и татарское лингвокультурные поля. Для переводчиков задача состояла в двойном транскодировании лакун (татарский → русский → китайский) с минимальными смысловыми потерями. На этапе первого транскодирования «татарский → русский» в романе «Зулейха открывает глаза» трактовка этнографизмов выносится в отдельный лексикографический раздел. В рамках второго этапа транскодирования переводчики вынуждены были использовать прием компенсации и заменять неконгруэнтные фрагменты лингвокультуры оригинального текста тождественными, создающими аналогичный эффект воздействия на реципиента перевода.

Роман Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза» как билингвальное произведение в первой своей части и характеризующееся точечными иноязычными вкраплениями в последующих частях обладает высокой степенью непереводимости. Но переводчики Чжан Цзе и Се Юньцай используют разные приемы формального и семантического характера, позволяющие им адекватно передать необходимую информацию. Результатом речевой деятельности переводчиков, связанной с пространством взаимодействующих русского, татарского и китайского языков, стали переводческие модификации, которые в целом сохраняют информацию текста оригинала, необходимую для передачи на другой язык.

Трудности передачи лексических этнографизмов с русского языка на китайский обусловлены тем, что в китайском языке отсутствует обо-

CC BY

значаемый объект / референт / реалия. В связи с этим при передаче этнокультурных лакун, связанных с особенностями быта татар, переводчики прибегают к общеупотребительным словам нейтральной коннотации, хотя использование вместо этнографизмов нейтральных слов «стирает» национально-культурный колорит произведения.

Источники и принятые сокращения

1. БАРКМС — 英俄汉通用大词典 / 王乃文等主编. — 北京 : 学苑出版社, 2008. — 2886页. — ISBN 978-7-5077-3012-8. Большой англо-русско-китайский многофункциональный словарь / отв. ред. Ван Найвэнь. — Пекин : Издательство Сюеюэн, 2008. — 2886 с.

2. ДС — *Древнетюркский* словарь / Ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. — Ленинград : Наука, 1969. — 676 с.

3. ИЭС — *Ислам :* Энциклопедический словарь / Г. В. Милославский, Ю. А. Петросян, М. Б. Пиотровский, С. М. Прозоров. — Москва : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. — 315 с. — ISBN 5-02-016941-2.

4. ТТЭС — *Әхмәтьянов Р. Г.* Татар теленең этимологик сүзлеге / Р. Г. Әхмәтьянов. — Ике томда. — II том (М—Я). — Казан : Мәгариф — Вакыт, 2015. — 567 б.

5. *Яхина Г. Ш.* Зулейха открывает глаза / Г. Ш. Яхина ; предисл. Л. Улицкой, ред. Елены Шубиной. — Москва : АСТ, 2015. — 508 с. — ISBN 978-5-17-090436-5.

6. 祖列依哈睁开了眼睛 / (俄罗斯) 古泽尔 雅辛娜著 ; 张杰, 谢云才译. 北京 : 人民文学出版 社, 2017. — 495页. 21世纪年度最佳外国小说. Зулейха открыла глаза / (рус.). Гузель Яхина в переводе Чжан Цзе и Се Юньцай. — Пекин : Издательство народной литературы, 2017. — 495 с. — (Лучшие зарубежные романы XXI века).

7. *Yakhina G.* Zuleikha. Transl. from the Russian by Lisa Hayden / G. Yakhina. — London : Oneworld Publ, 2019. — 484 p.

Литература

1. *Березович Е. Л.* Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте : Мифопоэтический образ пространства / Е. Л. Березович. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Москва : КомКнига, 2010. — 240 с. — ISBN 978-5-484-01166-7.

2. *Ван Мэняо.* Современная наука о переводе в Китае : история становления и тенденции развития : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.20 / Ван Мэняо. — Москва, 2014. — 158 с.

3. *Волков К. В.* Лингвокультурологический аспект китайско-русского перевода / К. В. Волков, Т. Л. Гурулева // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2019. — № 5 (92). — С. 56—66. — DOI: 10.23859/1994–0637-2019-5-92-4.

4. *Волкова Т. А.* Модели и стратегии перевода в российском и китайском переводоведении : опыт сопоставительного анализа [Электронный ресурс] / Т. А. Волкова // Политическая лингвистика. — 2017. — № 6 (66). — С. 158—165.

5. *Глазачева Н. Л.* Модель лакунизации в современном переводоведении [Электронный ресурс] / Н. Л. Глазачева // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия : Гуманитарные науки. — 2006. — Выпуск 2 (42). — С. 244—246.

6. *Данильченко Т. Ю.* Понятие и сущность лакун / Т. Ю. Данильченко // Наука. Искусство. Культура. — 2014. — № 3. — С. 51—57.

7. *Ду Синь.* Лакунарность в художественном тексте в аспекте перевода с русского языка на китайский (на примере повести А. П. Чехова «Человек в футляре») / Ду Синь //

CC BY

Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2022. — Том 15. — № 2. — С. 593—597.

8. *Ду Синь.* Научное содержание термина «лакуна» в российской и китайской теории перевода в сопоставительном аспекте / Ду Синь, Н. Л. Чулкина // Современная наука : актуальные проблемы теории и практики. — Серия : Гуманитарные науки. — 2021. — № 8. — С. 147–149.

9. *Красных В. В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология / В. В. Красных. — Москва : Гнозис, 2002. — 284 с. — ISBN 5-94244-009-3.

10. *Леонтьева Т. В.* Обычай в русском языке : слово и понятие : монография / Т. В. Леонтьева. — Москва : ФЛИНТА, 2015. — 200 с. — ISBN 978-5-9765-2090-5.

11. *Ли Синьмэй.* Современная русская литература в Китае : обзор исследований / Ли Синьмэй // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. — 2020. — № 4 (69). — С. 103—130. — DOI: 10.37724/RSU.2020.69.4.012.

12. *Лю Чаоцзе.* Исследование лингвокультурологии в современном Китае / Лю Чаоцзе // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2018. — № 1 (82). — С. 65—71. — DOI: 10.23859/1994-0637-2018-1-82-9.

13. *Ма Сяоди.* Восприятие и изучение творчества В. Г. Распутина в Китае / Ма Сяоди // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 6—2 (36). — С. 133—138.

14. *Ма Хунъюй.* Этнографические лакуны как сигналы национальной специфики культуры народа / Ма Хунъюй // Лакуны в языке и речи : Сборник научных трудов / Под ред. Ю. А. Сорокина, Г. В. Быковой. — Благовещенск : Издательство БГПУ, 2003. — Выпуск 1. — С. 113—115.

15. *Моргун В. Г.* «Национальное» и «универсальное» в теории перевода Китая / В. Г. Моргун // Казанская наука. — 2020. — № 4. — С. 90—97.

16. *Павлова А. В.* Лингвокультурология в России : «за» и «против» / А. В. Павлова // Przegląd Wschodnioeuropejski. — 2015. — № VI/2. — Pp. 201—221.

17. *Рут М. Э.* Ономасиологический портрет реалии как жанр лингвокультурологического описания / М. Э. Рут, Е. Л. Березович // Известия Уральского государственного университета. — 2000. — № 17. — С. 33—38.

18. *Со Цян.* Особенности перевода русских поэтических текстов на китайский язык (на материале поэзии с. Есенина) : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.20 / Со Цян. — Уфа, 2021. — 149 с.

19. *Тимко Н. В.* Современные диссертационные исследования лингвокультурологических факторов в теории и практике перевода : подходы, лакуны, перспективы / Н. В. Тимко // Научный диалог. — 2021. — № 3. — С. 121—138. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-121-13.8.

20. *Толстой Н. И.* Славянская этнолингвистика : вопросы теории / Н. И. Толстой, С. М. Толстая. — Москва : Институт славяноведения РАН, 2013. — 240 с.

21. *У Айжун.* Трудности перевода названий объектов и явлений материальной культуры народов Центральной Азии (на примере перевода с русского языка на китайский романа В. Г. Яна «Чингисхан») / У Айжун, Лю Кунь // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. — 2021. — Том 13. — № 1. — С. 19—31. — DOI: 10.21638/spbu13.2021.102.

22. *Фененко Н. А.* Язык реалий и реалии языка / Н. А. Фененко ; под ред. профессора А. А. Кретова. — Воронеж : Воронежский государственный университет, 2001. — 140 с. — ISBN 5-9273-0178-9.

23. *Цыценко И. И.* «Тихий Дон» М. А. Шолохова : Эволюции осмысления произведения китайской критикой / И. И. Цыценко, Сун Хэцзя // Известия Южного федерального университета. — 2015. — № 4. — С. 26—35. — DOI: 10.18522/1995-0640-2015-4-26-35.

24. *Чжан Цзе.* Об одном из казачьих этнографизмов М. А. Шолохова / Чжан Цзе // Текст. Структура и семантика. Доклады Международной научной конференции «Русский язык в исследованиях отечественных ученых : история и современность». Москва, 02—03 декабря 2016 г. — Москва : [б. и.], 2017. — С. 227—231.

25. *Чжу Инли.* Непереводимость в процессе художественного перевода с русского языка на китайский / Чжан Инли // Языки. Культуры. Перевод. — 2017. — № 1. — С. 211—219.

26. *Юань Линьлинь.* Проблема классификации лексических лакун в лингвокультурологическом аспекте (на примере китайского и русского языков) / Юань Линьлинь // Балтийский гуманитарный журнал. — 2018. — Т. 7. — № 4 (25). — С. 144—147.

27. *Юе Жуйин.* Интерпретативная теория перевода в китайской науке о переводе / Юе Жуйин // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. — 2017. — № 1. — С. 20—32.

28. 赵敏善. 俄汉语对比研究. 上海 : 译文出 版社, 1994. — 297页. *Чжао Миньшань.* Сопоставление культурной информации в русском и китайском языках / Чжао Миньшань. — Шанхай : И Вэнь, 1994. — 297 с.

29. 陆永昌. 俄汉文学翻译概论, 上海, 上海外语教育出版社, 2007. 319 页(in Chinese). *Лу Юнчан.* Общий курс художественного перевода с русского языка на китайский / Лу Юнчан. — Шанхай : Шанхай вайюй цзяоюе чубаньшэ, 2007. — 319 с.

30. 吴国华. 文化词汇学. 哈尔滨 : 黑龙江人民出 版社. 1996. 330 页. *У Гохуа.* Культурная лексикология / У Гохуа. — Харбин : Хэйлунзянское народное издательство, 1996. — 330 с.

Material resources

Akhmatyanov, R. G. (2015). *Tatar telenen etymologik suzlege. Ike tomda, II (M—I).* Kazan: Magarif — Vakyt. 567 b. (In Tatar.).

Ancient Turkic Dictionary. (1969). Leningrad: Nauka. 676 p. (In Russ.).

Islam: An Encyclopedic dictionary. (1991). Moscow: Nauka. The main editorial office of Oriental literature. 315 p. ISBN 5-02-016941-2. (In Russ.).

Large English-Russian-Chinese multifunctional dictionary. (2008). Beijing: Xueyueng Publishing House. 2886 p. (In Russ.).

Yakhina, G. Sh. (2015). *Zuleikha opens her eyes.* Moscow: AST. 508 c. ISBN 978-5-17-090436-5. (In Russ.).

Zuleikha opened her eyes / (rus.). Guzel Yahina translated by Zhang Jie and Xie Yuncai. (2017). Beijing: Publishing House of Folk Literature. 495 p. (In Chine.).

References

Berezovich, E. L. (2010). *Russian toponymy in ethnolinguistic aspect: Mythopoetic image of space.* Moscow: KomKniga. 240 p. ISBN 978-5-484-01166-7. (In Russ.).

Danilchenko, T. Yu. (2014). The concept and essence of lacunae. *Science. Art. Culture, 3:* 51—57. (In Russ.).

Du Xin. (2022). Lacunarity in a literary text in the aspect of translation from Russian into Chinese (on the example of A. P. Chekhov's novel "The Man in the Case"). *Philological sciences. Questions of theory and practice, 15 (2):* 593—597. (In Russ.).

Du Xin., Chulkina, N. L. (2021). The scientific content of the term “lacuna” in the Russian and Chinese translation theory in a comparative aspect. *Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities, 8:* 147—149. (In Russ.).

Fenenko, N. A. (2001). *The language of realities and the realities of language.* Voronezh: Voronezh State University. 140 p. ISBN 5-9273-0178-9. (In Russ.).

Glazacheva, N. L. (2006). Model of lacunization in modern translation studies. *Bulletin of Tambov State University. Series: Humanities, 2 (42):* 244—246. (In Russ.).

Krasnykh, V. V. (2002). *Ethnopsycholinguistics and linguoculturology.* Moscow: Gnosis. 284 p. ISBN 5-94244-009-3. (In Russ.).

Leontyeva, T. V. (2015). *Custom in the Russian language: Word and concept: monograph.* Moscow: FLINTA. 200 p. ISBN 978-5-9765-2090-5. (In Russ.).

Liu Chaojie. (2018). The study of linguoculturology in modern China. *Bulletin of Cherepovets State University, 1 (82):* 65—71. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-1-82-9. (In Russ.).

Li Xinmei. (2020). Modern Russian Literature in China: A Review of Research. *Bulletin of Ryazan State University named after S. A. Yesenin, 4 (69):* 103—130. DOI: 10.37724/RSU.2020.69.4.012. (In Russ.).

Lu Yongchang. (2007). *General course of literary translation from Russian into Chinese.* Shanghai: Shanghai weiyu jiaoyue chubanshe. 319 p. (In Chine.).

Ma Hongyu. (2003). Ethnographic lacunae as signals of the national specificity of the culture of the people. In: *Lacunae in language and speech: Collection of scientific papers, 1.* Blagoveshchensk: BSPU Publishing House. 113—115. ISBN 5-8331-0058-5. (In Russ.).

Ma Xiaodi. (2014). Perception and study of V. G. Rasputin’s creativity in China. *Philological Sciences. Questions of theory and practice, 6—2 (36):* 133—138. (In Russ.).

Morgun, V. G. (2020). “National” and “universal” in the theory of translation of China. *Kazan Science, 4:* 90—97. (In Russ.).

Pavlova, A. V. (2015). Linguoculturology in Russia: “for” and “against”. *Przegląd Wschodnioeuropejski, VI / 2:* 201—221. (In Russ.).

Ruth, M. E., Berezovich, E. L. (2000). Onomasiological portrait of reality as a genre of linguoculturological description. *Bulletin Ural State University, 17:* 33—38. (In Russ.).

So Qiang. (2021). *Features of the translation of Russian poetic texts into Chinese (based on the material of poetry S. Yesenina).* PhD Diss. Ufa. 149 p. (In Russ.).

Timko, N. V. (2021). Modern Thesis Research of Linguoculturological Factors in the Theory and Practice of Translation: Approaches, Gaps, Prospects. *Nauchnyi dialog, 3:* 121—138. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-121-138. (In Russ.).

Tolstoy, N. I., Tolstaya, S. M. (2013). *Slavic ethnolinguistics: questions of theory*. Moscow: Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2013. 240 p. (In Russ.).

Tsytsenko, I. I., Song Hejia. (2015). “The Quiet Don” by M. A. Sholokhov: The evolution of the comprehension of the work by Chinese criticism. *Proceedings of the Southern Federal University, 4:* 26—35. DOI: 10.18522/1995-0640-2015-4-26-35. (In Russ.).

Volkov, K. V., Guruleva, T. L. (2019). Linguoculturological aspect of the Chinese-Russian translation. *Bulletin of Cherepovets State University, 5 (92):* 56—66. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-5-92-4. (In Russ.).

Volkova, T. A. (2017). Models and strategies of translation in Russian and Chinese Translation studies: experience of comparative analysis. *Political Linguistics, 6 (66):* 158—165. (In Russ.).

CC BY

Wang Menyao. (2014). *Modern science of translation in China: the history of formation and development trends.* PhD Diss. Moscow. 158 p. (In Russ.).

Wu Aizhun., Liu Kun. (2021). Difficulties in translating the names of objects and phenomena of material culture of the peoples of Central Asia (by the example of the translation from Russian into Chinese of V. G. Yang's novel "Genghis Khan"). *Bulletin of St. Petersburg University. Oriental and African studies, 13 (1):* 19—31. DOI: 10.21638/spbu13.2021.102. (In Russ.).

Wu Guohua. (1996). *Cultural Lexicology.* Harbin: Heilongjiang People's Publishing House. 330 p. (In Chine.).

Yuan Linlin. (2018). The problem of classification of lexical lacunae in the linguoculturological aspect (on the example of Chinese and Russian languages). *Baltic Humanitarian Journal, 7 / 4 (25):* 144—147. (In Russ.).

Yue Ruyin. (2017). Interpretive Theory of Translation in Chinese Translation Science. *Bulletin of the Moscow University. Episode 22. Translation theory, 1:* 20—32. (In Russ.).

Yuan Linlin. (2018). The problem of classification of lexical lacunae in the linguoculturological aspect (on the example of Chinese and Russian languages). *Baltic Humanitarian Journal, 7 / 4 (25):* 144—147. (In Russ.).

Yue Ruyin. (2017). Interpretive Theory of Translation in Chinese Translation Science. *Bulletin of the Moscow University. Episode 22. Translation theory, 1:* 20—32. (In Russ.).

Zhang Jie. (2017). About one of the Cossack ethnographisms of M. A. Sholokhov. In: *Text. Structure and semantics. Reports of the International Scientific Conference "The Russian language in the research of Russian scientists: history and modernity". Moscow, 02—03 December 2016.* Moscow: [b. i.]. 227—231. (In Russ.).

Zhu Yingli. (2017). Untranslatability in the process of literary translation from Russian into Chinese. *Languages. Culture. Translation, 1:* 211—219. (In Russ.).

Zhao Minshan. (1994). *Comparison of cultural information in Russian and Chinese.* Shanghai: Yi Wen. 297 p. (In Chine.).

Статья поступила в редакцию 04.02.2022,
одобрена после рецензирования 09.03.2022,
подготовлена к публикации 05.05.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Мельничук О. А. «Северность», «воображаемое Севера» или «концептосфера арктического дискурса»? / О. А. Мельничук, С. С. Павлов // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 4. — С. 106—130. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-106-130.

Melnichuk, O. A., Pavlov, S. S. (2022). 'Nordicity', 'Imagined North' or 'Concept Sphere of Arctic Discourse'? *Nauchnyi dialog, 11(4):* 106-130. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-106-130. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU EBSCOhost

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-106-130

«Северность», «воображаемое Севера» или «концептосфера арктического дискурса»?

Мельничук Ольга Алексеевна
orcid.org/0000-0002-5864-3434
доктор филологических наук, профессор,
кафедра французской филологии
Института зарубежной филологии
и регионоведения
madrid03@mail.ru

Павлов Степан Степанович
orcid.org/0000-0002-0800-8846
младший научный сотрудник,
Международная научно-исследовательская
лаборатория «Лингвистическая
экология Арктики»
sts.pavlov@s-vfu.ru

Северо-Восточный федеральный
университет им. М. К. Аммосова
(Якутск, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено в рамках научного проекта «Сохранение языкового и культурного многообразия и устойчивое развитие Арктики и Субарктики Российской Федерации» (грант Правительства РФ, соглашение № 075-15-2021-616)

'Nordicity', 'Imagined North' or 'Concept Sphere of Arctic Discourse'?

Olga A. Melnichuk
orcid.org/0000-0002-5864-3434
Doctor of Philology, Professor
Department of French Philology,
Institute of Foreign Philology
and Regional Studies
madrid03@mail.ru

Stepan S. Pavlov
orcid.org/0000-0002-0800-8846
Junior Researcher,
International Research Laboratory
"Linguistic Ecology of the Arctic"
sts.pavlov@s-vfu.ru

M. K. Ammosov North-Eastern
Federal University
(Yakutsk, Russia)

Acknowledgments:
The study was carried out within the framework of the scientific project "Preservation of linguistic and cultural diversity and sustainable development of the Arctic and Subarctic regions of the Russian Federation" (grant of the Government of the Russian Federation, agreement №075-15-2021-616)

© Мельничук О. А., Павлов С. С., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Актуальность исследования обусловлена тем, что Арктика является уникальной северной территорией земного шара, интерес к которой в последнее время усиливается из-за геополитических причин, её природных богатств и культурного разнообразия населяющих её народов. В данной работе поднимается вопрос о содержании терминов *северность*, *воображаемое / воображение Севера* в трудах зарубежных и российских ученых-гуманитариев. Выявлено, что с данными терминами соотносится ансамбль концептов и дискурсов, объединенных тематикой Севера и Арктики, объективированных в текстах культуры: как вербальных, так и невербальных. В статье обосновывается гипотеза о том, что данные термины по содержанию и структуре эквивалентны термину *концептосфера дискурса*, принятому в отечественной лингвистике. Новизна исследования видится в том, что предлагается определение терминов *арктический дискурс* и *концептосфера арктического дискурса*. *Арктический дискурс* определен как комплексный дискурс, представляющий совокупность текстов культуры, объединенных как арктической, так и более широкой, северной тематикой; его знаковыми коррелятами могут выступать различные социально-культурные практики. Под *концептосферой арктического дискурс*а понимается совокупность концептов и образов в комплексном арктическом дискурсе, посвященном репрезентации Арктики как геополитического и геокультурного пространства.

Ключевые слова:
Север; Арктика; северность; воображаемое Севера; концепт; концептосфера; арктический дискурс.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The relevance of the study is due to the fact that the Arctic is a unique northern territory of the globe, interest in which has recently increased due to geopolitical reasons, its natural resources and the cultural diversity of the peoples inhabiting it. The question of the content of the terms ‘Nordicity’, ‘imagined / imagination of the North’ in the works of foreign and Russian scientists in the humanities is raised in the article. It is revealed that these terms are associated with an ensemble of concepts and discourses united by the themes of the North and the Arctic, objectified in cultural texts: both verbal and non-verbal. The hypothesis that these terms are equivalent in content and structure to the term ‘concept sphere of discourse’, adopted in Russian linguistics is substantiated in the article. The novelty of the study is seen in the fact that the definition of the terms ‘Arctic discourse’ and ‘the concept sphere of the Arctic discourse’ is proposed. ‘The Arctic discourse’ is defined as a complex discourse representing a set of cultural texts united both by the Arctic and by a broader northern theme; its sign correlates can be various socio-cultural practices. ‘The concept sphere of Arctic discourse’ is understood as a set of concepts and images in a complex Arctic discourse dedicated to the representation of the Arctic as a geopolitical and geocultural space.

Key words:
North; Arctic; nordicity; imagined North; concept; concept sphere; arctic discourse.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 81’42+81’37(1-17)

«Северность», «воображаемое Севера» или «концептосфера арктического дискурса»?

© Мельничук О. А., Павлов С. С., 2022

1. Введение = Introduction

Интерес к Северу, в частности к Арктике, существует уже давно, о чем свидетельствуют многочисленные экспедиции по освоению северных земель начиная с XI века. В последнее время интерес к Арктике возрастает в силу геополитических причин, ее природных богатств и самобытной культуры населяющих её народов.

Крайний Север — это значительная по размерам территория, включающая районы арктической полярной зоны, тундры, лесотундры и частично северной тайги. Для этого региона характерны длительная зима с экстремально низкими температурами и короткое лето. Такое климатическое своеобразие повлияло как на образ жизни и культуру жителей Севера, так и на их мировоззрение.

Север и Арктика вызывают большой научный интерес среди ученых как технических, так и гуманитарных отраслей. Такая высокая заинтересованность обусловлена множеством причин, среди которых можно выделить уникальные этнокультурные образования, природные ресурсы [Стыров и др., 2015]. Многочисленные исследования, посвященные Северу и Арктике, касаются политических, социальных, культурных, лингвистических, исторических и других аспектов. Таким образом, учеными реализуется плюридисциплинарный подход в изучении этого региона и представлений о нем.

В данном исследовании Север и Арктика понимаются как единое геокультурное пространство, поэтому мы не видим необходимости строго разграничивать термины *Север* и *Арктика*. Большой толковый словарь русского языка сообщает, что слово *Арктика* происходит от греческого *ἀρκτικός*, что в переводе означает «северный» [БТСРЯ, с. 46]. Тем не менее ответить на вопрос, где находится Арктика, представляется возможным, если ссылаться на правовые документы о границах этого региона. Но однозначного ответа на вопрос о границах Севера мы не получим, поскольку Север представляет собой как «культурную конструкцию, так и пространство, которое произведено людьми и их практиками» [Ingold, 2000, p. 11]. Север относится к вернакулярным районам, под которыми понимается «двуединство реального географического пространства и субъективного образа, как результата восприятия и интерпретации этого пространства носителями культуры» [Его-

CC BY

рова, 2010, с. 7]. Таким образом, границы Севера шире границ Арктической зоны, но географически Арктическая зона входит в зону Севера.

«Север — это пространство, которое, на протяжении веков, воображали и представляли себе художники и писатели западного мира, что с течением времени привело к последовательному наложению слоев дискурсов, в независимости от того, является ли этот Север севером Скандинавии, России, Крайним Севером» [Шартье, 2016, с. 20].

С развитием дискурсивно-когнитивной парадигмы в гуманитарных науках (см., например: [Кубрякова, 2004; Котлярова, 2017]) и антропоцентризма как особого принципа в системе гуманитарного знания появились исследования ментальных репрезентаций Севера и Арктики через призму опосредованной картины мира (языковой и художественной). Под опосредованной картиной мира понимается «результат фиксации концептосферы вторичными знаковыми системами, которые материализуют, овнешняют существующую в сознании непосредственную когнитивную картину мира» [Попова и др., 2007, с. 37].

Подобные исследования позволяют выявить особенности мировосприятия и миропонимания народов, населяющих Арктику, как коренных, так и приезжих. Игнорирование культурных и гуманитарных аспектов, а также акцентирование внимания лишь на основных характеристиках (пустота, белизна, необъятность) могут привести к искажению и раздвоению реальной картины Севера. Под раздвоением здесь имеется в виду расхождение представлений и знаний извне и изнутри [Chartier, 2004; Chartier, 2013; Borm et al., 2018 и др.].

Канадские ученые Луи-Эдмон Амлен и Даниэль Шартье предложили изучать Север в междисциплинарной перспективе. Их исследования посвящены Канаде и, в частности, провинции Квебек, северные районы которой относятся к арктической зоне. Квебек определяет себя в первую очередь как синтез североамериканской культуры и французского языка, в его образе прослеживаются северные и зимние составляющие [Chartier, 2008, p. 89]. Эти «составляющие» не всегда явно выражены, но, тем не менее, активно проявляются в литературе, кино, визуальном искусстве и т. д. Север сейчас является главным достоянием страны и символом национальной идентичности канадцев, но так было не всегда. Процесс становления Севера как национального достояния имеет довольно богатую и сложную историю. Во времена колонизации отношение к северной части страны было крайне негативным из-за непригодных для проживания условий и поэтому северные территории воспринимались «как отдельная часть страны» [Павлов, 2016, с. 126]. Север был признан канадцами только в 1970-х годах после начала масштабного хозяйственного освоения данной

CC BY

территории. Долгое игнорирование этой северной части страны привело к созданию в воображении канадцев и путешественников ее искаженного, негативного образа. В настоящее время Канада позиционирует себя как исключительно «северная страна», о чем свидетельствует отрывок из национального гимна страны «The True North strong and free!» (Истинный Север, сильный и свободный) [Акимов, 2012, с. 198].

В 1999 году в Канаде, в городе Квебек состоялся международный симпозиум, где Л.-Э. Амлен официально ввел в научный оборот термин *nordicité* (досл. *северность*), который он использовал в своих трудах еще с 1965 года. Помимо этого, Амлен предложил ряд неологизмов, описывающих особые состояния и признаки, характерные для холодных областей земного шара, например: *glaciel* (дрейфующие льды, айсберги), *froidure* (состояние холода), *nordologie* (наука о Севере) и др. Данные термины были предложены для обозначения особых состояний всего того, что связано с холодом. *Северность*, согласно Амлену, предполагает образ жизни, полностью адаптированный под северные условия. Ученый обозначает этим термином комплекс реально существующих или воображаемых природных и человеческих факторов в условиях холода [Hamelin, 1976, p. 632].

Термин *nordicité* (англ. *nordicity*), введенный Л.-Э. Амленом, прочно внедрился в жизнь канадцев и используется для «определения степени *северности* той или иной канадской территории, что необходимо для планирования экономического развития государства, решения проблем в сфере защиты окружающей среды, совершенствования инфраструктуры и т. д.» [Лютянский, 2011, с. 162]. *Северность* может также выступать как фактор самоидентификации северных народов [Акимов, 2012, с. 1].

Даниэль Шартье, директор и научный руководитель международной лаборатории исследований воображаемого о Севере, зиме и Арктике при университете Квебека г. Монреаль (Канада), основываясь на идеях Амлена, вводит, в свою очередь, термин *l'imaginaire du Nord* (воображаемое Севера), под которым он понимает совокупность дискурсов о Севере, зиме и Арктике, созданных разными культурами и в разных формах, накопленных на протяжении веков. *Воображаемое Севера* складывается из представлений (репрезентаций) или образов Севера [Chartier, 2016, p. 2]. Во французском языке слово *imaginaire* может употребляться как в качестве прилагательного (воображаемый), так и в качестве существительного *l'imaginaire* (воображаемое). Наличие артикля относит слово *imaginaire* к существительным. Под *l'imaginaire* понимается область воображения, связанная с реальностью, то есть то воображаемое, которое связано с реальными явлениями [Larousse, p. 2916]. Таким образом, в нашем исследовании мы переводим термин *l'imaginaire du Nord* как *Воображаемое Севера*.

CC BY

Д. Шартье указывает на необходимость применения в исследованиях о Севере / Арктике подхода, включающего как культурные, так и гуманитарные аспекты. Данные аспекты, согласно точке зрения ученого, должны быть учтены в любых проектах и правовых документах, разрабатываемых для этой территории [Шартье, 2016].

Все вышесказанное определяет актуальность данного исследования, цели которого — определить соотношение терминов *северность*, *воображаемое Севера*, *концепт СЕВЕР (Арктика)* и *концептосфера арктического дискурса* и предложить дефиницию термина *концептосфера арктического дискурса*.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом исследования послужили научные тексты (статьи, авторефераты диссертаций), относящиеся к разным областям гуманитарного знания, содержащие термины *северность*, *воображаемое Севера*, концепт СЕВЕР / NORTH, *арктический дискурс*, *концептосфера дискурса*, *западный дискурс* и *евразийский дискурс*, отобранные методом сплошной выборки в поисковой системе Google, в НЭБ КиберЛенинка и eLibrary.Ru. Для достижения поставленной цели мы воспользуемся методом сопоставления дефиниций вышеназванных терминов, а также методом структурно-семантического анализа, то есть выявим и сравним структуру и содержание объектов исследования, составляющих план содержания данных терминов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Соотношение терминов *северность*, *воображаемое Севера*, *концепт СЕВЕР / NORTH*

Термин обозначает специальное понятие (определенной теории или концепции) в рамках некоторой области знания или деятельности. Понятие включает в себя все значения, приписываемые термину, а в определенном контексте понятие преобразуется в значение [Володина, 2017; Анисимова, 2021, с. 140; Лантюхова, 2013; Кулешова, 2020, с. 844; Стожок, 2011, с. 79 и др.]. Термины, как правило, имеют дефиницию, то есть определение понятия, но «по содержанию дефиниция не является равной научному понятию, которое она дефинирует, а лишь приближается к нему» [Гришечкина, 2010, с. 120].

В научной сфере, особенно гуманитарной, функционирует много терминов, связанных отношениями тождества. Такие термины называют синонимами или терминологическими дублетами [Макарихина, 2015; Сарангова, 2015; Носович, 2020; Иванова, 2011, с. 199—200]. Мы не будем вдаваться в дискуссию о проблемах синонимичности, или дублетности терминов, приведем только два важных для нашего исследования мнения.

CC BY

Во-первых, лингвисты, изучающие проблемы терминологической синонимии, отмечают, что для ее решения необходимо определить степень эквивалентности значений терминов-синонимов, выявить доминантную лексему в синонимическом ряду, определить степень взаимозаменяемости терминов-синонимов [Носович, 2020, с. 25] и учесть сферу их функционирования [Куликова, 2018]. Во-вторых, трактуя синонимию терминов как условную эквивалентность терминов, исследователи считают, что «синонимы никогда не являются абсолютно тождественными — это семантически и функционально близкие единицы, и эквивалентность их всегда частична» [Иванова, 2011, с. 199—200].

Таким образом, в данной части статьи мы попытаемся установить соотношение терминов *северность*, *воображаемое Севера*, *концепт СЕВЕР*, *концепт СЕВЕРНОСТЬ* с точки зрения их эквивалентности.

В своих научных статьях Д. Шартье определяет «Север» и «Зиму», прежде всего, как дискурсивную систему (système discursif), содержащую в себе определенные «формы, фигуры, лексику, нарративные схемы» [Chartier, 2008]. Определяя *Воображаемое Севера*, Шартье изучает такие тексты культуры, как кино, музыка, живопись, реклама и архитектура, где дискурс Севера и Зимы объективируется такими компонентами, как темнота, снег, лед, безмолвие, звуки Севера, культурные и религиозные явления, белизна, голубизна, изолированность людей, изоляция зданий, депрессия и мн. др. [Chartier, 2008; Bernier, 2008; Dumontet, 2008].

В визуальном искусстве «воображаемое Севера» и «северность» передаются посредством использования художниками специфичной нордической системы образов. Образ «мрачной и суровой» северной зимы прочно закрепился в воображении людей по той причине, что зима в арктических регионах длится дольше, чем лето. Исследования текстов культуры, которые провел Шартье, показали, что такой образ оправдывает себя не в полной мере. В представлениях художников северных регионов зима на Севере не только холодная, но также и «сияющая пора».

В последнее время термины *северность* и *воображаемый Север* начинают использоваться в трудах российских ученых.

Термин *l'imaginaire du Nord* переводится на русский язык либо как «воображаемый Север» [Шартье, 2016], либо как «воображение Севера» [Геокультуры Арктики, 2017; Сухова, 2020] или находит отражение в культурологических и географических исследованиях российских ученых как «воображаемое пространство» Севера, где термин определяется как «продукт коллективных представлений о территории, отражённых в определённом географическом образе, сочетающем пространственные и временные характеристики» [Бодрова, 2016, с. 42—51] или как геопоэтика Севера,

CC BY

различные архаичные пространственные коды, образы-топосы [Данилова, 2019]. В том и другом случае также выделяются признаки, репрезентирующие понятия «северность» и «воображаемое Севера»: непригодность Севера для обитания и путешествий (безжизненный, марсианский пейзаж, гиблые горы, пустынная, мрачная тундра, жестокие арктические ветра); этнокультурный компонент (стереотипы восприятия поморской культуры, — фигура «архангельского мужика» М. В. Ломоносова, переселенцы-старообрядцы, книжный «поморский» орнамент и «поморское литьё»: латунные иконки и кресты, шаманизм у саамов) и т. д. [Бодрова, 2016, с. 51]. Н. К. Данилова, исследуя «пейзажное мышление» известных художников Якутии, выделяет образы природы (горы, холмы, сопки, тундра, лес), образ человека (судьба, деятельность, ментальность), символическое мифопоэтическое пространство (солнце как солярный символ, река — символ течения жизни и времени), бинарные оппозиции — свое / чужое, священное / индустриальное и т. д. [Данилова, 2019]. В сборнике стихотворений эвенского поэта М. Колесова «Мне снилось, я был снег» образы, связанные со снегом и Севером, являются идеообразующими. Примечательно, что в одноименном стихотворении поэт приводит сравнение этапов жизни человека с «жизнью» снега, выделяя три стадии: рождение (первый снег), юность (сияние снега) и смерть (таяние снега) [Колесов, 2016 с. 30].

Этнографы используют также термин *концепт*, исследуя ментальные представления северных народов. Так, в концепте СЕВЕР в мифоритуальной и языковой картине мира жителей северных регионов Якутии (северных якутов) признак «Север как сторона света» имеет негативную оценку из-за образа Северного Ледовитого океана как мира мертвых и нижнего мира злых демонов. Однако в ядре концепта СЕВЕР находится мифологема «Гора», имеющая сакральный смысл, значение которой может варьироваться от негативного к положительному в зависимости от степени освоенности территории. У долган (представителей коренного населения севера Якутии) ядро концепта СЕВЕР представляет компонент «Тундра», имеющий признаки «бескрайний», «белый», «светлый», «открытый», «хорошо обозримый» [Данилова, 2015].

В лингвистических исследованиях «Северность» предстает как концепт СЕВЕРНОСТЬ или концепт СЕВЕР (NORTH, ХОТУ). Концепт СЕВЕРНОСТЬ — «важнейшая составляющая канадской идентичности» [Доржиева, 2008, с. 145], он исследуется Г. С. Доржиевой на материале региональных топонимов Квебека, содержит в своей структуре такие компоненты или дифференциальные признаки, как пространственная локализация северных географических объектов; природные признаки зимы; сезонная деятельность человека: а) лесозаготовки; б) природные и культурные цен-

CC BY

ности Севера (жилье, пища, одежда и др.); в) календарные зимние праздники; г) охотничий промысел, рыболовство; д) зимние виды спорта, досуг [Там же, с. 146]. Исследуя при помощи ассоциативного эксперимента представления носителей якутского языка о Севере (як. Хоту), Ф. С. Андросова выделяет в ядре ассоциативного поля наиболее часто встречающиеся ассоциации, такие как *холод, олень, снег, северное сияние, дальняя земля* [Андросова, 2018]. На материале «Северных рассказов» Джека Лондона в разных слоях концепта NORTH В. М. Лютянский выделяет микроконцепты NORTHERN PEOPLE, NORTHERN NATURE, NORTHERN FAUNA, NORTHERN PART OR TERRITORY, LIFE CONDITION» и другие, которые объективируются многочисленными когнитивными признаками, такими, например, как «activities», «snow», «frost», «ice», «wind», «silence», «unique northern phenomena» и др. [Лютянский, 2011а].

Термин *концепт* вызывает много дискуссий в силу того, что различные научные школы используют разные подходы и методологии в исследованиях. Не вдаваясь в эту дискуссию, мы, вслед за З. Д. Поповой и И. А. Стерниным, понимаем под концептом базовую единицу мыслительного кода человека, результат когнитивной деятельности личности и общества. Концепт обладает относительно упорядоченной внутренней структурой, он несет «комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова и др., 2007, с. 226].

Структура концепта и даже составляющие его типы единиц определяются в зависимости от выбранной автором исследования методики анализа концепта. Так, концепт СЕВЕРНОСТЬ в статье Г. С. Доржиевой представлен состоящим из компонентов и дифференциальных признаков; концепт ХОТУ в статье Ф. С. Андросовой состоит из ассоциативных полей и ассоциаций; в структуру концепта NORTH в исследованиях В. М. Лютянского входят микроконцепты, объективированные когнитивными признаками; модель концепта СЕВЕР / THE NORTH в диссертации Н. А. Егоровой имеет фреймо-слотовую структуру [Егорова, 2010] и т. д.

Дифференциальные когнитивные признаки (ассоциативные поля, слоты) далее разложимы на концепты или микроконцепты, например, концепт ХОЛОД [Плотников, 2017: Романова, 2019 и др.], концепт ЗИМА [Чоудхури, 2010: Кузьмина, 2018; и др.], концепт СНЕГ [Любимова, 2018; Сивцева-Максимова, 2015] и т. д., образующие совокупность концептов арктического дискурса, то есть, концептосферу.

В исследованиях Д. Шартье и российских ученых о *воображаемом Севера*, а также в изучении концептов СЕВЕРНОСТЬ и СЕВЕР совпадает

CC BY

структура объекта исследования (компонент или концепт, репрезентированный отдельными признаками в текстах об Арктике / Севере). Кроме того, *воображаемое Севера*, по определению Д. Шартье, складывается из представлений (репрезентаций) или образов Севера [Chartier, 2016, p. 2], а представление, под которым понимается обобщенный чувственно-наглядный образ предмета или явления, является одним из видов концепта [Попова и др., 2007, с. 81]. Однако содержание терминов *северность* и *воображаемое Севера* шире, чем содержание термина *концепт СЕВЕР / СЕВЕРНОСТЬ*. Совпадение наблюдается только на уровне компонентов *воображаемого Севера*. Поэтому вряд ли можно говорить об эквивалентности терминов *воображаемое Севера* и *концепта СЕВЕР*. Мы предполагаем, что термин *воображаемое Севера* соотносится с существующим в российской филологии термином *концептосфера дискурса*, поэтому нецелесообразно вводить его в филологические исследования. Мы предлагаем рассматривать оба термина (*северность* и *воображаемое Севера*) как эквиваленты термина *концептосфера арктического дискурса*, о котором пойдет речь ниже.

3.2. Арктический дискурс

В определении термина *дискурс* мы придерживаемся мнения В. Е. Чернявской, понимающей под *дискурсом* «совокупность тематически общих текстов, каждый из которых воспринимается и идентифицируется как языковой коррелят определенной социально-культурной практики» [Чернявская, 2014, с. 58].

Термин *арктический дискурс* начал использоваться в трудах зарубежных ученых, где он трактуется как совокупность различных текстов об Арктике [Ryall et al., 2010], [Shelly, 2011]. В исследованиях российских политологов и журналистов вошел в оборот термин *арктический медиадискурс* [Булатова, 2016; Авдонина и др., 2019, с. 735; Долгобородова и др., 2019, с. 77], где он определяется как речемыслительная деятельность в масс-медийном пространстве, тематически сфокусированная на вопросах освоения Арктики [Булатова, 2016, с. 88], или интерпретация «в общественном сознании информации об Арктическом регионе, его освоении и развитии» [Авдонина и др., 2018, с. 180], а также «наделение этого феномена смыслами при непосредственном участии масс-медиа» [Там же]. Представляется, что тип дискурса — медиадискурс — сужает проблематику арктического дискурса, концентрируя внимание только на вопросах освоения и развития Арктики.

По нашему мнению, *арктический дискурс* — это дискурс, выделяемый по геокультурному и цивилизационному параметру. Арктическая цивилизация характеризуется своеобразным отношением коренных народов к природе и искусственно созданной человеком природной среде; к другим

CC BY

людям, к социальным сообществам, к духовному миру, в котором аккумулируются как индивидуальный опыт человека, так и общественная история, опыт поколений [Винокурова, 2014, с. 162].

В качестве примера цивилизационного дискурса можно назвать западный дискурс. Термин *западный дискурс* используется в гуманитарных исследованиях, но не получил пока четкого определения. Анализ образцов его употребления позволяет сделать вывод, что под ним понимается дискурс представителей западной цивилизации, который противопоставляется дискурсу представителей других цивилизаций. Например: в статье Л. Н. Низамовой «Российский и западный дискурсы мультикультурализма: общее и особенное» осуществляется «сопоставительный анализ дискурсов мультикультурализма в современной России и ведущих западных странах» [Низамова, 2010, с. 12], в статье Я. Г. Шемякина «Дискурс взаимодействия и взаимодействие дискурсов: Россия — Латинская Америка — Запад» в качестве западноевропейского дискурса приводится, в частности, дискурс французских философов [Шемякин, 2011]. В работах, посвященных критическому осмыслению западного дискурса, носителями этого дискурса представлены западноевропейские и североамериканские политики [Боженкова и др., 2016; Потапова, 2015 и др.], социологи [Пасти, 2004], западноевропейские психологи [Ситнова, 2015], философы и т. д.

По мнению И. Т. Касавина, производитель (или носитель) дискурса во многих случаях определяет его природу [Касавин, 2006, с. 12]. В отличие от западного дискурса, производителями которого являются представители западноевропейской и северо-американской цивилизаций, субъектом арктического дискурса может быть не только тот, кто имеет отношение к арктической цивилизации, но и представитель любой другой культуры, высказывающийся по поводу каких-либо аспектов, касающихся Арктики и Севера. Подобно тому, как в продуцировании политического или медицинского дискурса принимают участие как профессионалы (политики, медики), так и не профессионалы (обычные граждане, обсуждающие политические или медицинские темы), арктический дискурс создается как «своими» (коренными народами, а также другими народами, проживающими на Севере), так и «чужими» (путешественниками, политиками, журналистами, промышленниками и обычными людьми, не проживающими там), незнакомыми с арктической цивилизацией. В представлениях «чужих» иногда можно встретить ошибочные суждения, как, например, причисление к северной фауне пингвинов [Закирова, 2011].

Представляется, что *арктический дискурс* ближе к евразийскому дискурсу, определение которого мы нашли в статье И. В. Лихоманова: «комплекс различных по форме и разнесенных во времени высказываний, от-

CC BY

носящихся к проблематике этнокультурного и социокультурного синтеза восточнославянского, финно-угорского и тюрко-монгольского культурного мира на просторах степной, лесостепной и таежной зон северной части Евразии» [Лихоманов, 2020, с. 197]. Если носители западного дискурса четко определены — это представители западноевропейской цивилизации, то содержание данного дискурса может быть разным в силу разнообразия проблематики: культурное многообразие [Низамова, 2010], коммуникативные стратегии и тактики [Потапова, 2015], используемые в том числе и для формирования имиджа современной России [Боженкова и др., 2016], вопросы профессионализма [Пасти, 2004], фашизм как психологический феномен [Ситнова, 2015] и т. д. Производителем евразийского дискурса может быть любой субъект, но содержание этого типа дискурса объединяет евразийская идея, теория евразийской цивилизации; см.: [Шпилькин, 2010; Анискин, 2013; Попков и др., 2013 и др.].

Подобно другим цивилизационным дискурсам, *арктический дискурс* является комплексным типом дискурса, он может сочетаться с другими дискурсивными типами, например: *арктический политический / экономический / медийный / художественный дискурс*.

Таким образом, мы предлагаем понимать под *арктическим дискурсом* совокупность текстов культуры (не только вербальных, но и невербальных), объединенных как арктической, так и более широкой, северной тематикой; его знаковыми коррелятами могут выступать различные социально-культурные практики. Текст культуры — это текст в широком понимании, то есть «объединенная смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и цельность» [ЯБЭС, с. 505]. Подобные тексты представляют собой совокупность «культурных феноменов», таких как литература, музыка, живопись, кино, танцы, реклама, обряды, ритуалы.

Арктический дискурс — это комплексный тип дискурса, метахтоном (то есть ведущей концепт-идеей, образующей имя дискурса [Приходько, 2013]) которого выступает концепт АРКТИКА.

Концепт СЕВЕР, на наш взгляд, является полидискурсивным концептом, объективируемым в рамках того или иного дискурса: политического, медицинского, спортивного и др. Например, в политическом дискурсе концепт СЕВЕР в привязке с концептом ХОЛОД может обозначать образ места / пространства с низкими температурами (северные районы).

3.3. Концептосфера арктического дискурса

Термин *концептосфера* вызывает меньше дискуссий, чем термин *концепт*, тем не менее существует три подхода к исследованию концептосфе-

CC BY

ры: 1) По мнению А. Н. Приходько, в одной лингвокультуре речь может идти только об одной концептосфере как совокупности национально маркированных ментальных единиц лингвокультуры (концептов) и использование термина во множественном числе некорректно [Приходько, 2013]; 2) З. Д. Попова и И. А. Стернин считают, что концептосферой как информационной базой когнитивного сознания обладает как народ, то есть лингвокультура в целом, так и отдельная личность [Попова и др., 2007]. Таким образом, различаются национальная концептосфера и идиоконцептосфера; см., например: [Карелова, 2009]. Идиоконцептосферы могут быть различными (авторская концептосфера, концептосфера языковой личности персонажей, концептосфера политика и др.); 3) В последнее время появились исследования, где концептосфера изучается на разном фактическом материале «через описание отдельных ее разновидностей» [Зыкова, 2015, с. 18] или как «фиксация национального лингвокультурного опыта в определенной сфере» [Прохорова и др., 2014]. То есть в этом случае исследуется какой-то определенный фрагмент концептосферы лингвокультуры, например: концептосфера эмоций в диссертации Р. Н. Рыкунова, где изучается фрагмент концептосферы, организующий «концепты эмоций в англоязычной культуре» [Рыкунов, 2008, с. 4], или эмоциональная концептосфера языка, под которой в диссертационном исследовании Т. В. Першиной понимается совокупность эмоциональных концептов [Першина, 2011, с. 9]. Изучается также концептосфера единиц языка и речи, например, концептосфера глаголов *take* и *give* [Смакотина, 2006], достаточно много исследований концептосферы текста [Абышева, 2008; Огнева, 2013 и др.] и различных типов дискурса: политического [Газинская, 2009; Левенкова, 2009 и др.], медийного [Ларионова, 2017; Кувычко и др., 2018], спортивного [Грамма и др., 2019], художественного [Капранова и др., 2019; Тарасенко, 2017 и др.]; мемуарно-автобиографического [Минец, 2012], рекламного [Киреев, 2008; и др.].

В этих случаях речь идет об «отдельных составляющих концептосферы», функционирующих в «основных областях общественного сознания, частично совпадающих с типами дискурса: политическим, педагогическим, научным, религиозным и другими» [Левенкова, 2009, с. 226; Нерсесян, 2019], о «фрагменте национальной концептосферы», состоящем из концептов и «отражающем определенную область функционирования языка» [Кувычко и др., 2018, с. 136], об «аксиологически значимых тематических концептосферах лингвокультуры» [Минец, 2012, с. 8]. Поскольку концептосфера дискурса объективно как феномен существует, о чем свидетельствуют многочисленные исследования, мы считаем, что под *концептосферой арктического дискурса* можно понимать совокупность концеп-

CC BY

тов, понятий и образов, составляющих фрагмент концептосферы как лингвокультуры, так и отдельной личности, отраженный в когнитивно-семантическом и социально-культурном пространстве арктического дискурса.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, как Д. Шартье и его коллеги по лаборатории, так и российские гуманитарии (культурологи, искусствоведы, географы и др.) выделяют в *воображаемом Севера* определенные компоненты или образы (зима, холод, образы природы, символы и т. д.) и определяют репрезентирующие их признаки (темнота, снег, лед, безмолвие, безжизненность пейзажа, стереотипы восприятия культуры и др.), объективированные как вербальными средствами в различных типах текстов, так и иконическими — в произведениях искусства. Российские лингвисты исследуют концепты СЕВЕРНОСТЬ и СЕВЕР / NORTH / ХОТУ, выделяя элементы их структуры в соответствии с избранными методами анализа (микроконцепты и когнитивные признаки, объективирующие данный концепт; ассоциативные поля и ассоциации, слоты и фреймы). Компоненты *воображаемого Севера* и концепты в общем плане структурированы идентично.

Учитывая этот факт и то, что термины *северность* и *воображаемое Севера* представляют собой постоянно эволюционирующую и прогрессирующую совокупность концептов и дискурсов, мы предлагаем в филологических исследованиях считать их эквивалентными термину *концептосфера арктического дискурса*, который мы определили как совокупность концептов и образов в арктическом дискурсе, посвященном репрезентации Арктики как геополитического и геокультурного пространства. Доминантными лексемами, объединяющими данные термины, являются слова *Север* и *Арктика*. Анализ научной литературы показал, что термин *воображаемое Севера* функционирует преимущественно в гуманитарных исследованиях (как зарубежных, так и российских авторов), посвященных вопросам экономики, социологии, культурологии, этнографии, географии, в то время как российские филологи предпочитают термин *концепт*. Однако, разумеется, границы функционирования терминов не являются строгими, и термины *концепт* и *концептосфера* также используются российскими гуманитариями-нефилологами.

Здесь возникают вопросы, которые предстоит еще решить в ходе дальнейших исследований. Например, различаются ли содержания концептов СЕВЕРНОСТЬ и СЕВЕР и, если различия есть, то в чем они проявляются? Будет ли один из них макроконцептом, содержащим микроконцепты, такие как ЗИМА, ХОЛОД, ЖИТЕЛИ СЕВЕРА и др., или же перечисленные микроконцепты являются его когнитивными признаками? Понятия, связанные с политикой, экономикой, экологией, индустриализацией (в зави-

CC BY

симости от типа дискурса — арктический политический, экономический / экологический дискурс) будут входить в макроконцепт или выделятся в отдельные концепты? Эти вопросы связаны с иерархической структурой концептов и самой концептосферы. Кроме того, предстоит еще выявить характеристики, признаки, особенности и функции арктического дискурса как особого типа дискурса.

Изучение концептосферы арктического дискурса на материале российских текстов культуры, которое только начинается, представляется перспективным и актуальным.

Источники и принятые сокращения

1. БТСРЯ, 2000 — *Большой* толковый словарь русского языка / С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : «Норинт», 2000. — 1536 с.

2. ЯБЭС, 1998 — *Языкознание.* Большой энциклопедический словарь / Гл.ред. В. Н. Ярцева. — Москва : Большая Российская энциклопедия, 1998. — 685 с. — ISBN 5-85270-307-9.

3. Larousse — *Louis Guilbert, René Lagane, Georges Niobey, Larousse.* Grand Larousse de la langue française en six volumes / Les éditions françaises INC., Tome troisième, 1973. — 2916 p.

Литература

1. *Абышева Е. М.* Концептосфера чудесного в сказках Л. Кэрролла Alice's Adventures in Wonderland and Through The Looking-Glass / Е. М. Абышева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». — 2018. — № 2. — С. 5—10. — DOI: 10.14529/ling180201.

2. *Авдонина Н. С.* Освещение геополитической проблематики в контексте темы освоения Арктики в американском медиадискурсе (на примере материалов газеты «The New York Times») / Н. С. Авдонина, С. О. Долгобородова // Арктика и Север. — 2018. — № 33. — С. 178—191. — DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.33.178.

3. *Авдонина Н. С.* Проблема освоения Арктики в государственном медиадискурсе России : на примере «Российской газеты», официального издания Правительства РФ / Н. С. Авдонина, С. О. Долгобородова // Theoretical and Practical Issues of ournalism. — 2019. — Т. 8. — № 4. — С. 735—746. — DOI: 10.17150/2308-6203.2019.8(4).735-746.

4. *Акимов Ю. Г.* «Истинный север, сильный и свободный» : фактор северности в формировании канадской идентичности / Ю. Г. Акимов // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). — 2012. — Выпуск 1. — С. 197—201.

5. *Андросова Ф. С.* Языковая репрезентация концепта "хоту" в языковом сознании носителей якутского языка / Ф. С. Андросова // Мир науки, культуры, образования. — 2018. — № 6 (73). — С. 449—451.

6. *Анисимова А. Г.* Функционирование авторских терминов социальных наук в профессиональном дискурсе / А. Г. Анисимова, А. А. Косарина, А. Е. Федотова // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. — 2021. — Т. 27. — № 1. — С. 136—141. — DOI: 10.18287/2542-0445-2021-27-1-136-141.

7. *Анискин А. А.* Евразийский дискурс российской внешней политики : концептуальные ценностно — правовые составляющие / А. А. Анискин // Управленческое консультирование. — 2013. — № 10. — С. 54—62.

8. *Бодрова О. А.* Кольский арктический Север как воображаемое пространство / О. А. Бодрова // Полярные чтения на ледоколе «КРАСИН» 2016. Материалы научной

CC BY

конференции «Культурное наследие в Арктике : вопросы изучения, сохранения и популяризации». — Москва : Издательство «Паулсен», 2017. — С. 42—51. — ISBN 978-5-98797-158-1.

9. *Боженкова Н. А.* Обвинительные речевые тактики в западном политическом дискурсе как способ формирования имиджа современной России Язык и межкультурная коммуникация в современном информационном пространстве / Н. А. Боженкова, К. Э. Дудников // Материалы VII Всероссийской научной конференции школьников, студентов и аспирантов — Юго-Западный государственный университет. — Курск : [б. и.], 2016. — С. 17—24. — ISBN 978-5-7681-1121-2.

10. *Булатова Е. И.* Средства вербальной агрессии как инструмент информационных войн (на примере арктического медиадискурса) / Е. И. Булатова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2016. — № 8—1 (62). — С. 88—91.

11. *Винокурова У. А.* Геокультурные особенности Арктической циркумполярной цивилизации / У. А. Винокурова // Культура Арктики : коллективная монография [под общ. ред. д-ра социол. наук У. А. Винокуровой ; идея проекта А. С. Борисов]. — Якутск : ИД СВФУ, 2014. — Выпуск 1. — С. 162—171.

12. *Володина М. Н.* О стихийном и системном характере терминологической номинации / М. Н. Володина // Stephanos. — 2017. — № 6 (26). — С. 24—36. — DOI: 10.24249/2309-9917-2017-26-6-24-36.

13. *Газинская Ю. В.* Концептосфера современного политического дискурса (на материале русскоязычных газет Украины и России) / Ю. В. Газинская // Гуманитарный вектор. — 2009. — № 4. — С. 29—34.

14. *Грамма Д. В.* Концептуальная основа спортивного дискурса на материале англоязычных газетных статей / Д. В. Грамма, Н. Ю. Филистова // Litera. — 2019. — № 1. — С. 49—60. — DOI: 10.25136/2409-8698.2019.1.28789.

15. *Гришечкина Г. Ю.* Виды дефиниций терминов в научно-популярном тексте / Ю. Г. Гришечкина // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия : Гуманитарные и социальные науки. — 2010. — № 1. — С. 120—127.

16. *Данилова Н. К.* “Воображаемое пространство” : геопоэтика северных территорий / Н. К. Данилова // Общество : философия, история, культура. — 2019. — № 1 (57). — С. 145—149. — DOI: 10.24158/fik.2019.1.26.

17. *Данилова Н. К.* Концепт «Север/хоту» в представлениях народа саха и долган / Н. К. Данилова // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. — 2015. — № 2 (5). — С. 121—126.

18. *Долгобородова С. О.* Репрезентация арктической темы в медиадискурсе : интерпретационный анализ / С. О. Долгобородова, Н. С. Авдонина // ВЕСТНИК СВФУ. — 2019. — № 5 (73). — С. 77—92. — DOI: 10.25587/SVFU.2019.73.39435.

19. *Доржиева Г. С.* Концепт «СЕВЕРНОСТЬ» в региональной топонимии Квебека / Г. С. Доржиева // Вестник МГУ. Лингвистика и межкультурная коммуникация. Серия 19. — 2008. — № 1. — С. 145—156.

20. *Егорова Н. А.* Концепты «СЕВЕР/THE NORTH» и «ЮГ/THE SOUTH» в американской и русской картинах мира : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Н. А. Егорова. — Москва, 2010. — 27 с.

21. *Закирова Д. Ф.* Концепт «СЕВЕР» в русской женской концептосфере / Д. Ф. Закирова // Вестник Челябинского ГУ. — 2011. — № 17 (232). — С. 50—54.

22. *Замятин Д. Н.* Геокультуры Арктики : методология анализа и прикладные исследования / Д. Н. Замятин, Е. Н. Романова. — Москва : Канон+, 2017. — 500 с. — ISBN 978-5-88373-511-9.

CC BY

23. *Зыкова И. В.* Концептосфера культуры» как базисная единица метаязыка лингвокультурологии / И. В. Зыкова // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2015. — № 2 (043). — С. 13—24.

24. *Иванова Г. А.* Синонимы в терминологической системе метаязыка лингвистики / Г. А. Иванова // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2011. — № 6 (2). — С. 199—203.

25. *Капранова И. П.* Авторская концептосфера художественного дискурса Оскара Уайльда / И. П. Капранова, В. Н. Коробчак // Вестник АГУ. — 2019. — Выпуск 4 (247). — С. 48—55.

26. *Карелова И. И.* Национальная концептосфера и идиоконцептосфера (на материале произвдеений Л. Е. Улицкой) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / И. И. Карелова. — Волгоград, 2009. — С. 20.

27. *Касавин И. Т.* Дискурс-анализ как междисциплинарный метод гуманитарных наук / И. Т. Касавин // Epistemology & Philosophy of Science. — 2006. — Т. 10. — № 4. — С. 5—16.

28. *Киреев С. И.* Дискурс и концептосфера социальной рекламы : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.19 / С. И. Киреев. — Волгоград, 2008. — С. 21.

29. *Колесов М. П.* Мне снилось : я был снег… : стихотворения / М. П. Колесов. — Якутск : Бичик, 2016. — 78 с. — ISBN 978-5-7696-5080-2.

30. *Котлярова В. В.* Дискурсивно-когнитивная парадигма лингвофилософии в контексте философии и методологии гуманитарных наук / В. В. Котлярова, А. М. Руденко, Н. В. Сербиновская // Гуманитарные и социальные науки. — 2017. — № 1. — С. 11—19. — DOI: 10.18522/2070-1403-2017-60-1-6-11.

31. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание / Е. С. Кубрякова. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 560 с. — ISBN 5-94457-174-8.

32. *Кувычко А. А.* Концептосфера медиадискурса материнства в российских и датских печатных СМИ / А. А. Кувычко, А. Г. Чафонова, В. В. Богуславская // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2018. — Т. 17. — № 4. — С. 135—145. — DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.12.

33. *Кузьмина Р. П.* Концепт «ЗИМА» в языковой картине мира эвенов / Р. П. Кузьмина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 10 (88). — С. 305—308. — DOI: 10.30853/filnauki.2018-10-2.18.

34. *Кулешова В. О.* Когнитивный подход к комплексному анализу терминосистем (на материале терминологии фотонных кристаллов) / О. В. Кулешова // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2020. — № 22 (3). — С. 841—848. — DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-3-841-848.

35. *Куликова И. С.* Дискурсивный vs дискурсный. Очерк второй : от вариантности и синонимии до концептуального различия / И. С. Куликова, Д. В. Салмина // Sciences of Europe. — 2018. — № 27. — С. 44—51.

36. *Лантюхова Н. Н.* Термин : определение понятия и его сущностные признаки / Н. Н. Лантюхова, О. В. Загоровская, Т. А. Литвинова // Вестник Воронежского института ГПС МЧС России. — 2013. — № 1 (6). — С. 42—45.

37. *Ларионова М. В.* Испанский медийный дискурс : quid novum? / М. В. Ларионова // Иберoамериканские тетради. — 2017. — № 1 (15). — С. 97—103.

38. *Левенкова Е. Р.* Концептосфера политического дискурса Великобритании на рубеже XX—XXI веков / Е. Р. Левенкова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2009. — Т. 11. — №4. — С. 226—231.

CC BY

39. *Лихоманов И. В.* Славянофилы в перспективе евразийского дискурса / И. В. Лихоманов // Идеи и идеалы. — 2020. — Т. 12. — № 2 (1). — С. 197—213. — DOI: 10.17212/2075-0862-2018-3.2-152-168.

40. *Любимова Г. В.* Эмоции, рожденные снегом (о восприятии снега и связанных с ним практик в традиционной культуре русских Сибири) / Г. В. Любимова // Кунсткамера. — 2018. — № 2. — С. 104—110.

41. *Лютянский В. М.* Имя концепта «СЕВЕР» : критерии отбора (на материале цикла «Северных рассказов» Дж. Лондона) / В. М. Лютянский // Вестник СПбГУ. Серия 9. — 2011. — № 2. — С. 159—165.

42. *Лютянский В. М.* Концепт «NORTH» в «Северных рассказах» Джека Лондона : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.04 / В. М. Лютянский. — Белгород, 2011. — 206 с.

43. *Макарихина О. А.* Социально — исторические общности : семиотический анализ терминов / О. А. Макарихина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, Серия : Социальные науки. — 2015. — № 4 (40). — С. 82—87.

44. *Минец Д. В.* Гендерная концептосфера женского мемуарно-автобиографического дискурса : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Д. В. Минец. — Вологда, 2012. — 22 с.

45. *Нерсесян Г. Р.* Концептосфера современного англоязычного педагогического дискурса / Г. Р. Нерсесян // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. — 2019. — № 3 (31). — С. 94—103. — DOI: https://doi.org/10.29025/2079-6021-2020-1-69-74.

46. *Низамова Л. Р.* Российский и западный дискурсы мультикультурализма: общее и особенное / Л. Р. Низамова // Социально-гуманитарные знания. — 2010. — № 5. — С. 1—13.

47. *Носович Я. Ф.* Синонимия в отраслевых терминологиях : особенности проявления в языках медицины и лингвистики / Я. Ф. Носович, Э. А. Сорокина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Лингвистика. — 2020. — № 2. — С. 22—33. — DOI: 10.18384/2310-712X-2020-2-22-33.

48. *Огнева Е. А.* Когнитивное моделирование концептосферы художественного текста. 2-е изд. дополн. / Е. А. Огнева. — Москва : Эдитус, 2013. — 282 с. — ISBN 978-5-906162-82-3.

49. *Павлов С. С.* Понятие «северность» для жителей Якутии и Канады как фактор самоидентификации / С. С. Павлов // Приоритетные направления развития науки и образования : материалы XI Международной научно–практической конференции. — Чебоксары : ЦНС «Интерактив плюс», 2016. — С. 128—131.

50. *Пасти С.* Российский журналист в контексте перемен : медиа Санкт-Петербурга / С. Пасти. — Tampere : Tampere univ. press, cop., 2004. — 292 с. — ISBN 951-44-5975-X.

51. *Першина Т. В.* Эмоциональная концептосфера военного романа : на материале сопоставительного анализа текстов произведений М. Булгакова «Белая гвардия» и Э. Хемингуэя «Прощай, оружие!» : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.20 / Т. В. Першина. — Тюмень, 2011. — 25 с.

52. *Плотников И. В.* Концепт «ХОЛОД» в поэтическом цикле И. Бродского «Часть речи» / И. В. Плотникова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 6 (72) : в 3-х ч. — Ч. 1. — С. 31—34.

53. *Попков Ю. В.* Феномен евразийства / Ю. В. Попков, Е. А. Тюгашев // Евразийство и мир. — 2013. — № 2. — С. 4—18.

CC BY

54. *Попова З. Д.* Когнитивная лингвистика. Учебное издание / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Москва : АСТ : «Восток — Запад», 2007. — 226 с. — ISBN 978-5-17-045103-6, 978-5-478-00346-3.

55. *Потапова Н. М.* Типичные коммуникативные стратегии в западном неолиберальном дискурсе / Н. М. Потапова // Национальная ассоциация ученых. — 2015. — № VI (11). — С. 90—93.

56. *Приходько А. Н.* Концепты и концептосистемы / А. Н. Приходько. — Днепропетровск : Белая Е. А., 2013. — 307 с. — ISBN 978-617-645-094-8.

57. *Прохорова О. Н.* Теоретические предпосылки исследования концептосферы / О. Н. Прохорова, С. Б. Смирнова // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. — 2014. — № 6 (177). — С. 98—102.

58. *Романова Е. Н.* Антропология холода: методология, концепты, образы (на примере культурных традиций коренных народов Севера и Арктики / Е. Н. Романова, О. Э. Добжанская // Вестник Томского государственного университета, Культурология и искусствоведение. — 2019. — № 35. — С. 255—263. — DOI: 10.17223/22220836/35/23.

59. *Рыкунов Р. Н.* Концептосфера эмоций и особенности ее выражения в лексике английского языка : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.04 / Р. Н. Рыкунов. — Санкт-Петербург, 2008. — 17 с.

60. *Сарангова Т. А.* Синонимия терминов INVESTOR RELATIONS в русском и английском языках / Т. А. Сарангова // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал), Modern Research of Social Problems. — 2015. — № 3 (47). — С. 333—341.

61. *Сивцева-Максимова П. В.* Концепты национальной культуры в лирике Семена Данилова / П. В. Сивцева-Максимова // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. — 2015. — Выпуск 10 (1). — С. 230—236.

62. *Ситнова И. В.* Наследие фашизма : западный психологический дискурс / И. В. Ситнова // XX в. Власть. — 2015. — № 23 (4). — С. 93—98.

63. *Смакотина Н. А.* Акиуализация концептосферы глаголов TAKE и GIVE во фразеологических единицах, построенных на их основе (когнитивный аспект) / Н. А. Смакотина // Вестник НГУ. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2006. — Выпуск 1. — Том 4. — С. 32—37.

64. *Спиридонова В. И.* Западный дискурс «стандарта цивилизации» и его эволюция / В. И. Спиридонова // Проблемы цивилизационного развития. — 2019. — № 1. — С. 91—107. — DOI: 10.21146/2713-1483-2019-1-1-91-107.

65. *Стыров М. М.* Особенности инвестиционно-инновационной системы северных регионов России / М. М. Стыров, Д. В. Колечков // Россия : тенденции и перспективы развития. — 2015. — № 10(3). — С. 682—686.

66. *Сухова Н. В.* Динамизм и междисциплинарность концептуальной системы Севера (рец. на : Zamyatin D., Romanova E., Dobjanskaya O., Lavrenova O. Géocultures : méthodologies russes sur l'Arctique / Dir. D. Chartier. Montréal : Imaginaire / Nord, 2020. 100 p.) / Н. В. Сухова // Этнографическое обозрение. — 2021. — № 5. — С. 168—172. — DOI: 10.31857/S086954150017422-4.

67. *Тарасенко Т. П.* Религиозная концептосфера художественного дискурса В. И. Даля / Т. П. Тарасенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 5 (71) : в 3-х ч. — Ч. 1. — С. 154—158.

68. *Чернявская В. Е.* Фантомы и синдромы дискурсивной парадигмы / В. Е. Чернявская // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2014. — № 1 (038). — С. 58—59.

69. *Чоудхури О. Л.* Номинативное поле концепта «ЗИМА» как предмет обучения русскому языку финских студентов : диссертация … кандидата педагогических наук : 13.00.02 / О. Л. Чоудхури. — Санкт-Петербург, 2010. — 24 с.

70. *Шартье Д.* Что такое «Воображаемый Север» / Д. Шартье // Этнографическое обозрение : Геокультурное пространство Арктики : генезис, формирование и развитие (отв. ред. - Д. Н. Замятин, Е. Н. Романова). — 2016. — № 4. — С. 20—29.

71. *Шемякин Я. Г.* Дискурс взаимодействия и взаимодействие дискурсов : Россия — Латинская Америка — Запад / Я. Г. Шемякин // Общественные науки и современность. — 2011. — № 3. — С. 79—96.

72. *Шпилькин Ю. И.* Евразийский дискурс философии (учебное пособие) / Ю. И. Шпилькин // Успехи современного естествознания. — 2010. — № 2. — С. 138—140.

73. *Bernier V.* Aspects visuels de la nordicité : l'usage des couleurs et la luminosité dans les œuvres d'artistes canadiens et scandinaves au début du XXe siècle, dans D. Chartier et M. Walecka-Garbalinska (dir.) / V. Bernier // Couleurs et lumières du Nord, Stockholm. — 2008. — Pp. 322—332.

74. *Borm Jan.* Introduction. Le froid comme objet de savoir. Dans Le froid. Adaptation, production, effets, représentations / J. Borm, D. Chartier // Presses de l'Université du Québec. — 2018. — Pp. 1—15.

75. *Chartier D*. Qu'est-ce que l'imaginaire du Nord? Principes éthiques / D. Chartier // Montréal et Harstad (Norvège), Imaginaire Nord et Arctic Arts Summit, coll. "Isberg". — 2018. — Pp. 157—160.

76. *Chartier D.* Au Nord et au large. Représentation du Nord et formes narratives. AmélieNadeau; Joë Bouchard; Daniel Chartier. Problématiques de l'imaginaire du Nord en littérature, cinéma et arts visuels / D. Chartier // UNIVERSITÉ DU QUÉBEC À MONTRÉAL. — 2004. — Pp. 9—26.

77. *Chartier D.* Du silence et des bruits : le Nord est silencieux / D. Chartier // Les Cahiers de la Société québécoise de recherche en musique. — 2013. — Vol. 14. — № 1. — Pp. 27—35.

77. *Dumontet D.* « Entre le Nord rêvé et le Nord réel. La confrontation des écrivains du Sud avec la réalité du Nord », Daniel Chartier [dir.] / D. Dumontet // Le(s) Nord(s) imaginaire(s), Montréal, Imaginaire / Nord, coll. «Droit au pôle». — 2008. — Pp. 255—280.

78. *Hamelin L. E.* Discours du Nord / L. E. Hamelin // Collection Recherche 35, Bibliotheque nationale du Quebec. — 2002. — Pp. 24—45.

79. *Hamelin L. E.* Écho des pays froids / L. E. Hame lin // Sainte-Foy : Les Presses de l'Université Laval. — 1996. — Pp. 86—95.

80. *Hamelin L. E.* Nordicité canadienne / L. E. Hamelin // In : Norois. — 1976. — Pp. 632—634. — ISBN 9782890453142.

81. *Ingold T*. The Perception of the Environment / T. Ingold. — London: 2000. — 189 p. — ISBN 0-203-77426-4.

82. *Ryall A.* ARCTIC DISCOURSES / A. Ryall, J. Schimanski, H. Wærp. — Cambridge Scholars Publishing, 2010. — 360 p. — ISBN (13) 978-1-4438-1959-6.

83. *Sommer Sh.* Arctic Discourses / Sh. Sommer // Arctic, Antarctic, and Alpine Research. — 2010. — № 43 (4). — Pp. 661—662.

Material resources

A large explanatory dictionary of the Russian language. (2000). St. Petersburg: "Norint". 1536 p. (In Russ.).

Louis Guilbert, René Lagane, Georges Niobey, Larousse. (1973). *Grand Larousse de la langue française en six volumes. Les éditions françaises*. INC., Tome troisième. 2916 p. (In Franc.).
Yartseva, V. N. (ed.). (1998). *Linguistics. The Great Encyclopedic Dictionary.* Moscow: The Great Russian Encyclopedia. 685 p. ISBN 5-85270-307-9. (In Russ.).

References

Abysheva, E. M. (2018). The concept sphere of the miraculous in L. Carroll's fairy tales Alice's Adventures in Wonderland and Through The Looking-Glass. *Bulletin of SUSU. The series 'Linguistics', 2:* 5—10. DOI: 10.14529/ling180201. (In Russ.).
Akimov, Yu. G. (2012). "The true North, strong and free": the factor of the North in the formation of Canadian identity. *Society. Wednesday. Development (Terra Humana), 1:* 197—201. (In Russ.).
Androsova, F. S. (2018). Linguistic representation of the concept of "hotu" in the linguistic consciousness of native speakers of the Yakut language. *The world of science, culture, education, 6 (73):* 449—451. (In Russ.).
Anisimova, A. G., Kosarina, A. A., Fedotova, A. E. (2021). Functioning of the author's terms of social sciences in professional discourse. *Bulletin of Samara University. History, pedagogy, philology, 27 (1):* 136—141. DOI: 10.18287/2542-0445-2021-27-1-136-141. (In Russ.).
Aniskin, A. A. (2013). Eurasian discourse of Russian foreign policy: conceptual value—legal components. *Managerial consulting, 10:* 54—62. (In Russ.).
Avdonina, N. S., Dolgoborodova, S. O. (2018). Coverage of geopolitical issues in the context of the topic of Arctic exploration in the American media discourse (on the example of the materials of the newspaper "The New York Times"). *Arctic and North, 33:* 178—191. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.33.178. (In Russ.).
Avdonina, N. S. (2019). The problem of Arctic development in the state media discourse of Russia: on the example of the "Rossiyskaya Gazeta", the official publication of the Government of the Russian Federation. *Theoretical and Practical Issues of ournalism, 8 (4):* 735—746. DOI: 10.17150/2308-6203.2019.8(4). (In Russ.).
Bernier, V. (2008). Aspects visuels de la nordicité: l'usage des couleurs et la luminosité dans les œuvres d'artistes canadiens et scandinaves au début du XXe siècle, dans D. Chartier et M. Walecka-Garbalinska (dir.). *Couleurs et lumières du Nord, Stockholm.* 322—332. (In Franc.).
Bodrova, O. A. (2017). The Kola Arctic North as an imaginary space. In: *Polar readings on the icebreaker "KRASIN" 2016. Materials of the scientific conference "Cultural heritage in the Arctic: issues of study, conservation and popularization".* Moscow: Paulsen Publishing House. 42—51. ISBN 978-5-98797-158-1. (In Russ.).
Borm, Jan., Chartier, D. (2018). Introduction. Le froid comme objet de savoir. Dans Le froid. Adaptation, production, effets, representations. *Presses de l'Université du Québec.* 1—15. (In Franc.).
Bozhenkova, N. A., Dudnikov, K. E. (2016). Accusatory speech tactics in Western political discourse as a way of forming the image of modern Russia Language and intercultural communication in the modern information space. In: *Materials of the VII All—Russian Scientific Conference of schoolchildren, students and postgraduates — Southwest State University.* Kursk: [b. i.]. 17—24. ISBN 978-5-7681-1121-2. (In Russ.).
Bulatova, E. I. (2016). Means of verbal aggression as an instrument of information wars (on the example of the Arctic media discourse). *Philological sciences. Questions of theory and practice, 8—1 (62):* 88—91. (In Russ.).

CC BY

Chartier, D., Nadeau, A.; Bouchard, J. (2004). Au Nord et au large. Représentation du Nord et formes narratives. In: *Problématiques de l'imaginaire du Nord en littérature, cinéma et arts visuels. UNIVERSITÉ DU QUÉBEC À MONTRÉAL.* 9—26. (In Franc.).

Chartier, D. (2013). Du silence et des bruits: le Nord est silencieux. *Les Cahiers de la Société québécoise de recherche en musique, 14 (1):* 27—35. (In Franc.).

Chartier, D. (2016). What is the "Imaginary North". *Ethnographic review: Geocultural space of the Arctic: genesis, formation and development, 4:* 20—29. (In Russ.).

Chartier, D. (2018). Qu'est-ce que l'imaginaire du Nord? Principes éthiques. In: *Montréal et Harstad (Norvège), Imaginaire Nord et Arctic Arts Summit, coll. "Isberg".* 157—160. (In Franc.).

Chernyavskaya, V. E. (2014). Phantoms and syndromes of the discursive paradigm. *Questions of cognitive linguistics, 1 (038):* 58—59. (In Russ.).

Choudhury, O. L. (2010). *Nominative field of the concept "WINTER" as a subject of teaching Russian to Finnish students.* PhD Diss. St. Petersburg. 24 p. (In Russ.).

Danilova, N. K. (2015). The concept of "North/ Hotu" in the representations of the Sakha and Dolgan people. *Arctic XXI century. Humanities, 2 (5):* 121—126. (In Russ.).

Danilova, N. K. (2019). "Imaginary space": geopoetics of the northern territories. *Society: philosophy, history, culture, 1 (57):* 145—149. DOI: 10.24158/fik.2019.1.26. (In Russ.).

Dolgoborodova, S. O., Avdonina, N. S. (2019). Representation of the Arctic theme in media discourse: interpretative analysis. *BULLETIN OF NEFU, 5 (73):* 77—92. DOI: 10.25587/SVFU.2019.73.39435. (In Russ.).

Dorzhieva, G. S. (2008). The concept of "NORTHERNNESS" in the regional toponymy of Quebec. *Bulletin of Moscow State University. Linguistics and intercultural communication. Series 19, 1:* 145—156. (In Russ.).

Dumontet, D. (2008). «Entre le Nord rêvé et le Nord réel. La confrontation des écrivains du Sud avec la réalité du Nord », Daniel Chartier [dir.]. In: *Le(s) Nord(s) imaginaire(s), Montréal, Imaginaire. Nord, coll. «Droit au pôle».* 255—280. (In Franc.).

Egorova, N. A. (2010). *Concepts "NORTH/THE NORTH" and "SOUTH/THE SOUTH" in American and Russian pictures of the world.* PhD Diss. Moscow. 27 p. (In Russ.).

Gazinskaya, Yu. V. (2009). Conceptosphere of modern political discourse (based on the material of Russian-language newspapers of Ukraine and Russia). *Humanitarian Vector, 4:* 29—34. (In Russ.).

Gramma, D. V., Filistova, N. Y. (2019). Conceptual basis of sports discourse based on the material of English-language newspaper articles. *Litera, 1:* 49—60. DOI: 10.25136/2409-8698.2019.1.28789. (In Russ.).

Grishechkina, G. Yu. (2010). Types of definitions of terms in the popular science text. *Scientific notes of the Oryol State University. Series: Humanities and Social Sciences, 1:* 120—127. (In Russ.).

Hamelin, L. E. (1976). Nordicité Canadienne. In: *Norois.* 632—634. ISBN 9782890453142. (In Franc.).

Hamelin, L. E. (1996). Écho des pays froids. In: *Sainte-Foy: Les Presses de l'Université Laval.* Pp. 86—95. (In Franc.).

Hamelin, L. E. (2002). Discours du Nord. In: *Collection Recherche 35, Bibliotheque nationale du Quebec.* 24—45. (In Franc.).

Ingold, T. (2000). *The Perception of the Environment.* London. 189 p. ISBN 0-203-77426-4. (In Franc.).

CC BY

Ivanova, G. A. (2011). Synonyms in the terminological system of the metalanguage of linguistics. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky, 6 (2):* 199—203. (In Russ.).

Kapranova, I. P., Korobchak, V. N. (2019). The author's conceptosphere of Oscar Wilde's artistic discourse. *Bulletin of ASU, 4 (247):* 48—55. (In Russ.).

Karelova, I. I. (2009). *National conceptosphere and idioconceptosphere (based on the material of L. E. Ulitskaya's works).* PhD Diss. Volgograd. 20 p. (In Russ.).

Kasavin, I. T. (2006). Discourse analysis as an interdisciplinary method of the humanities. *Epistemology & Philosophy of Science, 10 (4):* 5—16. (In Russ.).

Kireev, S. I. (2008). *Discourse and the conceptosphere of social advertising.* PhD Diss. Volgograd. 21 p. (In Russ.).

Kolesov, M. P. (2016). *I dreamed: I was snow ...: poems.* Yakutsk: Bichik. 78 p. ISBN 978-5-7696-5080-2. (In Russ.).

Kotlyarova, V. V., Rudenko, A. M., Serbinovskaya, N. V. (2017). Discursive-cognitive paradigm of linguophilosophy in the context of philosophy and methodology of the humanities. *Humanities and Social Sciences, 1:* 11—19. DOI: 10.18522/2070-1403-2017-60-1-6-11. (In Russ.).

Kubryakova, E. S. (2004). *Language and knowledge.* Moscow: Languages of Slavic Culture. 560 p. ISBN 5-94457-174-8. (In Russ.).

Kuleshova, V. O. (2020). Cognitive approach to the complex analysis of terminosystems (based on the terminology of photonic crystals). *Bulletin of Kemerovo State University, 22 (3):* 841—848. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-3-841-848. (In Russ.).

Kulikova, I. S., Salmina, D. V. (2018). Discursive vs discursive. The second essay: from variation and synonymy to conceptual difference. *Sciences of Europe, 27:* 44—51. (In Russ.).

Kuvychko, A. A., Chafonova, A. G., Boguslavskaya, V. V. (2018). Conceptosphere of the media discourse of motherhood in Russian and Danish print media. *Bulletin of Volgograd State University. Series 2, Linguistics, 17 (4):* 135—145. DOI: https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.12. (In Russ.).

Kuzmina, R. P. (2018). The concept of "WINTER" in the linguistic picture of the world of the Evens. *Philological sciences. Questions of theory and practice, 10 (88):* 305—308. DOI: 10.30853/filnauki.2018-10-2.18. (In Russ.).

Lantyukhova, N. N., Zagorovskaya, O. V., Litvinova, T. A. (2013). Term: definition of the concept and its essential features. *Bulletin of the Voronezh Institute of GPS of the Ministry of Emergency Situations of Russia, 1 (6):* 42—45. (In Russ.).

Larionova, M. V. (2017). Spanish media discourse: quid novum? *Iberoamerican notebooks, 1 (15):* 97—103. (In Russ.).

Levenkova, E. R. (2009). Conceptosphere of the political discourse of Great Britain at the turn of the XX—XXI centuries. *Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 11 (4):* 226—231. (In Russ.).

Likhomanov, I. V. (2020). Slavophiles in the perspective of Eurasian discourse. *Ideas and ideals, 12 / 2 (1):* 197—213. DOI: 10.17212/2075-0862-2018-3.2-152-168. (In Russ.).

Lyubimova, G. V. (2018). Emotions born of snow (on the perception of snow and related practices in the traditional culture of Russians in Siberia). *Kunstkamera, 2:* 104—110. (In Russ.).

Lyutyansky, V. M. (2011). The name of the concept "NORTH": selection criteria (based on the material of the cycle of "Northern Stories" by J. London). *Bulletin of St. Petersburg State University. Series 9, 2:* 159—165. (In Russ.).

Lyutyansky, V. M. (2011). *The concept of "NORTH" in Jack London's "Northern Stories".* PhD Diss. Belgorod. 206 p. (In Russ.).

Makarikhina, O. A. (2015). Socio — historical communities: semiotic analysis of terms. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky, Series: Social Sciences, 4 (40):* 82—87. (In Russ.).

Minets, D. V. (2012). *Gender conceptosphere of women's memoir-autobiographical discourse.* PhD Diss. Vologda. 22 p. (In Russ.).

Nersesyan, G. R. (2019). Conceptosphere of modern English-speaking pedagogical discourse. *Actual problems of philology and pedagogical linguistics, 3 (31):* 94—103. DOI: https://doi.org/10.29025/2079-6021-2020-1-69-74. (In Russ.).

Nizamova, L. R. (2010). Russian and Western discourses of multiculturalism: general and special. *Socio-humanitarian knowledge, 5:* 1—13. (In Russ.).

Nosovich, Ya. F., Sorokina, E. A. (2020). Synonymy in industry terminology: features of manifestation in the languages of medicine and linguistics. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics, 2:* 22—33. DOI: 10.18384/2310-712X-2020-2-22-33. (In Russ.).

Ogneva, E. A. (2013). *Cognitive modeling of the conceptual sphere of a literary text. 2nd ed. Supplement.* Moscow: Editus. 282 p. ISBN 978-5-906162-82-3. (In Russ.).

Pasti, S. (2004). *Russian journalist in the context of changes: media of St. Petersburg.* Tampere: Tampere univ. press, cop. 292 p. ISBN 951-44-5975-X. (In Russ.).

Pavlov, S. S. (2016). The concept of "northernness" for residents of Yakutia and Canada as a factor of self–identification. In: *Priority directions for the development of science and education: materials of the XI International Scientific and Practical Conference.* Cheboksary: CNS "Interactive Plus". 128—131. (In Russ.).

Pershina, T. V. (2011). *Emotional conceptosphere of the military novel: based on the comparative analysis of the texts of the works of M. Bulgakov "The White Guard" and E. Hemingway "Goodbye, weapons!".* PhD Diss. Tyumen. 25 p. (In Russ.).

Plotnikov, I. V. (2017). The concept of "COLD" in the poetic cycle of I. Brodsky "Part of speech". *Philological sciences. Questions of theory and practice, 6 (72): in 3 hours / 1:* 31—34. (In Russ.).

Popkov, Yu. V., Tyugashev, E. A. (2013). The phenomenon of Eurasianism. *Eurasianism and the world, 2:* 4—18. (In Russ.).

Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2007). *Cognitive linguistics. Educational publication.* Moscow: AST: "East — West". 226 p. ISBN 978-5-17-045103-6, 978-5-478-00346-3. (In Russ.).

Potapova, N. M. (2015). Typical communicative strategies in Western neoliberal discourse. *National Association of Scientists, VI (11):* 90—93. (In Russ.).

Prikhodko, A. N. (2013). *Concepts and conceptual systems.* Dnepropetrovsk: Belaya E. A. 307 p. ISBN 978-617-645-094-8. (In Russ.).

Prokhorova, O. N., Smirnova, S. B. (2014). Theoretical prerequisites for the study of the conceptosphere. *Questions of journalism, pedagogy, linguistics, 6 (177):* 98—102. (In Russ.).

Romanova, E. N., Dobzhanskaya, O. E. (2019). Anthropology of cold: methodology, concepts, images (on the example of cultural traditions of indigenous peoples of the North and the Arctic. *Bulletin of Tomsk State University, Cultural Studies and Art History, 35:* 255—263. DOI: 10.17223/22220836/35/23. (In Russ.).

Ryall, A., Schimanski, J., Wærp, H. (2010). *ARCTIC DISCOURSES.* Cambridge Scholars Publishing. 360 p. ISBN (13) 978-1-4438-1959-6. (In Franc.).

Rykunov, R. N. (2008). *Conceptosphere of emotions and features of its expression in the vocabulary of the English language.* PhD Diss. St. Petersburg. 17 p. (In Russ.).

CC BY

Sarangova, T. A. (2015). Synonymy of INVESTOR RELATIONS terms in Russian and English. In: *Modern research of social problems (electronic scientific journal), Modern Research of Social Problems, 3 (47):* 333—341. (In Russ.).

Shemyakin, Ya. G. (2011). Discourse of interaction and interaction of discourses: Russia — Latin America — the West. *Social Sciences and modernity, 3:* 79—96. (In Russ.).

Shpilkin, Yu. I. (2010). Eurasian discourse of philosophy (textbook). *Successes of modern natural science, 2:* 138—140. (In Russ.).

Sitnova, I. V. (2015). The legacy of fascism: Western psychological discourse. *XX century. Power, 23 (4):* 93—98. (In Russ.).

Sivtseva-Maksimova, P. V. Concepts of national culture in the lyrics of Semyon Danilov. *Bulletin of the Buryat State University. Language. Literature. Culture, 10 (1):* 230—236. (In Russ.).

Smakotina, N. A. (2006). Akiualization of the conceptual sphere of the verbs TAKE and GIVE in phraseological units based on them (cognitive aspect). *Bulletin of the NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 1 (4):* 32—37. (In Russ.).

Sommer, Sh. (2010). Arctic Discourses. *Arctic, Antarctic, and Alpine Research, 43 (4):* 661—662. (In Franc.).

Spiridonova, V. I. (2019). The Western discourse of the "standard of civilization" and its evolution. *Problems of civilizational development, 1:* 91—107. DOI: 10.21146/2713-1483-2019-1-1-91-107. (In Russ.).

Styrov, M. M., Kolechkov, D. V. (2015). Features of the investment and innovation system of the northern regions of Russia. In: *Russia: trends and prospects of development, 10(3):* 682—686. (In Russ.).

Sukhova, N. V. (2021). Dynamism and interdisciplinarity of the conceptual system of the North (rec. on: Zamyatin D., Romanova E., Dobjanskaya O., Lavrenova O. Géocultures: méthodologies russes sur l'arctique. Dir. D. Chartier. Montréal: Imaginaire, Nord, 2020. 100 p.). *Ethnographic review, 5:* 168—172. DOI: 10.31857/S086954150017422-4. (In Russ.).

Tarasenko, T. P. (2017). Religious conceptosphere of artistic discourse of V. I. Dal. *Philological sciences. Questions of theory and practice, 5 (71): in 3 hours / 1:* 154—158. (In Russ.).

Vinokurova, U. A. (2014). Geocultural features of the Arctic circumpolar civilization. In: *Culture of the Arctic: a collective monograph [under the general editorship of Doctor of Social Sciences U. A. Vinokurova; the idea of the project A. S. Borisov], 1.* Yakutsk: NEFU Publishing House. 162—171. (In Russ.).

Volodina, M. N. (2017). On the spontaneous and systemic nature of the terminological nomination. *Stephanos, 6 (26):* 24—36. DOI: 10.24249/2309-9917-2017-26-6-24-36. (In Russ.).

Zakirova, D. F. (2011). The concept of "NORTH" in the Russian women's conceptosphere. *Bulletin of the Chelyabinsk State University, 17 (232):* 50—54. (In Russ.).

Zamyatin, D. N., Romanova, E. N. (2017). *Geocultures of the Arctic: methodology of analysis and applied research.* Moscow: Canon+. 500 p. ISBN 978-5-88373-511-9. (In Russ.).

Zykova, I. V. (2015). Conceptosphere of culture as a basic unit of the metalanguage of linguoculturology. *Questions of cognitive linguistics, 2 (043):* 13—24. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 29.11.2021,
одобрена после рецензирования 19.04.2022,
подготовлена к публикации 04.05.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Старостина Ю. С. Лингвоаксиологическая речежанровая модель и ее актуализация в англоязычном драматургическом дискурсе / Ю. С. Старостина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 4. — С. 131—152. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-131-152.

Starostina, Yu. S. (2022). Linguo-Axiological Speech-Genre Model and Its Actualization in English Drama Discourse. *Nauchnyi dialog, 11(4):* 131-152. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-131-152. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU EBSCOhost

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-131-152

Лингвоаксиологическая речежанровая модель и ее актуализация в англоязычном драматургическом дискурсе

Старостина Юлия Сергеевна
orcid.org/0000-0003-1578-7590
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра английской филологии
juliatim@mail.ru

Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С. П. Королева
(Самара, Россия)

Linguo-Axiological Speech-Genre Model and Its Actualization in English Drama Discourse

Yulia S. Starostina
orcid.org/0000-0003-1578-7590
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of English Philology
juliatim@mail.ru

Samara National Research University
(Samara, Russia)

© Старостина Ю. С., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Лингвоаксиологическая специфика англоязычного драматургического дискурса выявляется сквозь призму речежанровой организации диалога. Актуальность работы обусловлена обращением к проблематике дискурсивно-коммуникативной лингвоаксиологии как научного направления, находящего на этапе оформления самостоятельной исследовательской платформы. Выявлены причины лингвоаксиологической нагруженности драматургического дискурса, и предложена авторская разработка лингвоаксиологической модели речевых жанров, реализованных в пределах британского и американского драматургического диалога XX и XXI веков. Автор останавливается на пяти системных параметрах, формирующих лингвоаксиологическую речежанровую модель, и обосновывает варианты их коммуникативной манифестации. Продемонстрирован образец матричной актуализации предложенной модели на примере конкретного речевого жанра «small talk» при его включении в формат стилизованного диалогического взаимодействия. Представлены результаты сопоставительного лингвоаксиологического анализа текстовых реализаций обозначенного речевого жанра на материале четырех пространственно-временных фрагментов англоязычного драматургического дискурса. Новизна исследования видится в том, что в нем впервые применены положения теории речевых жанров при лингвоаксиологической интерпретации стилизованного диалога. Сделан вывод, что разработанная лингвоаксиологическая модель предоставляет возможность проследить как полиаспектную динамику лингвоаксиологических показателей речевого жанра по оси времени, так и его национально-маркированную специфику при актуализации в пределах драматургического диалога.

Ключевые слова:

диалог; драматургический дискурс; лингвоаксиология; оценочное высказывание; теория речевых жанров; ценностная доминанта.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The linguo-axiological specificity of the English-language dramatic discourse is revealed through the prism of the speech-genre organization of the dialogue. The relevance of the work is due to the appeal to the problems of discursive-communicative linguoaxiology as a scientific direction, which is at the stage of formation of an independent research platform. The reasons for the linguo-axiological loading of the dramatic discourse are revealed, and the author's development of a linguo-axiological model of speech genres implemented within the limits of the British and American dramaturgical dialogue of the 20th and 21st centuries is proposed. The author dwells on five systemic parameters that form the linguo-axiological speech-genre model and substantiates the variants of their communicative manifestation. A sample of the matrix actualization of the proposed model is demonstrated on the example of a specific speech genre "small talk" when it is included in the format of a stylized dialogic interaction. The results of a comparative linguo-axiological analysis of textual realizations of the indicated speech genre are presented on the basis of four spatio-temporal fragments of the English dramatic discourse. The novelty of the study is seen in the fact that for the first time it applied the provisions of the theory of speech genres in the linguo-axiological interpretation of a stylized dialogue. It is concluded that the developed linguo-axiological model provides an opportunity to trace both the poly-aspect dynamics of the linguo-axiological indicators of the speech genre along the time axis, and its nationally marked specificity when updated within the dramaturgical dialogue.

Key words:

dialogue; dramatic discourse; linguistic axiology; evaluative statement; theory of speech genres; value dominant.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 811.111’42:82-2

Лингвоаксиологическая речежанровая модель и ее актуализация в англоязычном драматургическом дискурсе

© Старостина Ю. С., 2022

1. Введение = Introduction

Мультидисциплинарность современной науки и ее антропоцентрическая направленность лежат в основе повышенного интереса исследователей к проблеме осмысления ценностной иерархии и вариантов ее вербальной репрезентации в виде оценочных суждений. В эпоху ускоренной трансформации социальной системы аксиологических доминант и расширения спектра механизмов ее языковой реализации необходимым представляется поиск новых научных ракурсов изучения ценностей и оценок как взаимообусловленных элементов лингвоаксиосферы [Чекулай, 2021, с. 167]. Лингвоаксиологическая исследовательская парадигма, выступая как актуальный вектор научного анализа [Слышкин, 2017; Foad, 2020] и развиваясь во взаимодействии с ведущими трендами языкознания, демонстрирует внимание к дискурсивным и коммуникативным аспектам акцентуализации релевантных языковых явлений. Вместе с тем на сегодняшний день дискурсивно-коммуникативная лингвоаксиология, как научное направление на этапе становления, представляет собой обширное исследовательское поле с существенными зонами лакунарности, что определяет наличие вопросов, требующих дальнейшего развития научных представлений о предметной области, в том числе в терминах разработки новых исследовательских схем.

Объектом нашего исследовательского интереса выступает специфика ценностно-оценочной репрезентации в англоязычной драматургии как дискурсивно-коммуникативном пространстве, характеризующемся полиаспектной лингвоаксиологической нагруженностью. Феномен лингвоаксиологической специфики драматургического дискурса, во-первых, объясняется тем, что коммуникативные ситуации, воспроизводимые в пределах драматургического диалога, следует рассматривать как постановочные и вымышленные по сути, но идентичные реальному общению по способу воспроизведения. Дискурсивно-коммуникативная зона драматургии формируется в наибольшей степени за счет интерактивного вербального взаимодействия персонажей, которые предстают как образцы полноценных языковых личностей. Каждый участник драматургического диалога выступает как уникальный индивид, действующий в соответствии с соб-

CC BY

ственной системой ценностей и обладающий сформированной коммуникативной компетенцией для выражения оценок. Отбор и использование драматургом оценочных языковых средств в соответствии со сформировавшимися в обществе традициями вербального сопровождения социального взаимодействия способствуют максимальному сближению драматургического диалога с «живой» разговорной речью. В связи с этим особо важной представляется динамичность драматургического дискурса как одна из его ключевых характеристик: в силу направленности на имитацию повседневного разговора драматургический дискурс чутко реагирует на трансформационные коммуникативные тенденции, в том числе в аспекте оценочных репрезентаций. Более того, нацеленность драматургов на отражение в пьесах актуальной для реципиента проблематики способствует фокусному выделению и фиксации в них ядерных аксиологических элементов релевантной для социума системы ценностей.

Следующей причиной формирования лингвоаксиологической специфики драматургического дискурса является то, что ценностные доминанты, значимые для определенного пространственно-временного лингвокультурного образования, раскрываются именно в диалогическом формате, то есть актуализируются посредством включенных в коммуникативный поток языковых конструкций, которые, безусловно, зависят от возможностей языка, но также от сложившихся на определенный момент времени социальных ожиданий, касающихся коммуникативного представления ценностно-ориентированных суждений. Уточним, что драматургический диалог, как центральный компонент драматургического дискурса, можно определить как стилизованную речевую деятельность персонажей, которая характеризуется взамообусловленностью языковых и экстралингвистических аспектов и относительно достоверно отображает культурно-обусловленную ментальность и особенности речи представителей языкового социума, симультанно выступая средством реализации авторского замысла, в том числе в терминах акцентуализации социально-релевантых ценностных доминант. При этом драматургический диалог как дискурсивно-коммуникативное пространство, представляющее собой перспективное поле для лингвоаксиологической интерпретации, не является гомогенной областью, что обосновывает потребность в его системной структуризации в целях выявления валидных ценностно-оценочных параметров и их показателей.

Правомерность разработки новой — лингвоаксиологической — речежанровой модели на основе англоязычного драматургического диалога обусловлена прежде всего тем, что теория речевых жанров опирается на спектр концептуальных тезисов лингвопрагматики, лингвокогнитивистики, теории дискурса и лингвокультурологии, то есть всех тех научных

CC BY

направлений, на стыке которых происходит формирование дискурсивно-коммуникативной лингвоаксиологии, что репрезентирует общность теоретической базы и непротиворечивость взаимодействия обозначенных научных подходов. Научное осмысление лингвоаксиологической системности в пространстве стилизованной коммуникации англоязычного драматургического дискурса задает новый ракурс теории речевых жанров и позволяет уточнить их принципиально значимые характеристики. Структуризация и систематизация англоязычного драматургического диалога с позиций его речежанрового наполнения предоставляет возможность разработки существенного фрагмента лингвоаксиологической научной платформы.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В данной статье предпринята попытка предложить и обосновать один из возможных способов систематизации ценностно-оценочных параметров стилизованного коммуникативного процесса с помощью метода схематического моделирования на основе комплексной лингвоаксилогической интерпретации дискурсивного фрагмента. Целью исследования выступает разработка модели речевого жанра на основе идентификации его лингвоаксиологических характеристик и выявление потенциала модели при сравнительном лингвоаксиологическом анализе речевых жанров англоязычного драматургического дискурса, принадлежащих различным эпохам и лингвокультурным сообществам. Материалом исследования послужил англоязычный драматургический дискурс, представленный четырьмя пространственно-временными вариантами: это британский драматургический дискурс начала XX века, британский драматургический дискурс начала XXI века, а также американский драматургический дискурс идентичных временных отрезков. Обширность фактологической базы не только обусловливает валидность предложенной лингвоаксиологической модели, но и дает возможность выявить ее флуктуационные колебания и содержательные нюансы при дискурсивно-коммуникативной реализации.

Необходимо заметить, что ключевым компонентом англоязычного драматургического дискурса выступает зафиксированное в письменном формате коммуникативное взаимодействие персонажей. Поток стилизованного общения по сути можно рассматривать как непрерывную последовательность речевых жанров. В данном аспекте при идентификации и анализе лингвоаксиологической специфики драматургического диалога в формате модели представляется логичным привлечение положений теории речевых жанров, разработанной исследователями Саратовской научной школы [Седов, 2007; Дементьев, 2010] и далее развиваемой учеными Волгоградской научной школы [Карасик, 2020; Anisimova, 2018] и рядом других научных школ (см.,

CC BY

например, научные труды [Маслова, 2021; Gabunia, 2014; Vinel, 2021]. Можно говорить о том, что теория речевых жанров, сформировавшаяся в начале XXI века, сегодня приобретает особую значимость, поскольку в лингвистической науке наблюдается четкий коммуникативно-ориентированный фокус, а, по справедливому утверждению профессора В. В. Дементьева, именно жанровое оформление речевого взаимодействия выступает одним из главных постулатов коммуникативной лингвистики [Дементьев, 2019, с. 37]. Актуальность теории речевых жанров предопределила стремление современных исследователей к разработке как универсальной модели речевого жанра [Дементьев, 2019; Зубкова, 2021], так и специфических речежанровых моделей на основании различных подходов к их анализу [Карасик, 2020; Рабенко, 2017; Тюкаева, 2021], а также моделей отдельных речевых жанров, маркирующих их ключевые характеристики [Пикалина, 2021; Смолина, 2021; Черкасс, 2019; Boromisza-Habashi, 2018], однако лингвоаксилогической речежанровой модели до настоящего момента предложено не было.

Речевые жанры определяются как «вербально-знаковое оформление типических ситуаций социального взаимодействия людей» [Седов, 2007, с. 8], то есть как форма речевой реализации социально-обусловленной коммуникативной интеракции. Картографирование речевых жанров выступает, на наш взгляд, наиболее эффективным способом параметризации речи в ситуациях реального или стилизованного общения, так как в полной мере отражает диалогическую природу коммуникативного процесса. В обозначенном ракурсе драматургический дискурс, как многоплановый и многомерный феномен, может рассматриваться как нежесткое, относительно открытое пространство, представляющее собой последовательную реализацию речевых жанров, формирующих драматургический диалог в широком его понимании. В. В. Дементьев называет диалогические модули, актуализирующие речевые жанры в пространстве художественного произведения, «жанрово-ролевыми сценками» [Дементьев, 2010, с. 291], подчеркивая тем самым как их ограниченный по времени характер, так и фактор авторской обработки. О. В. Сахарова, анализируя драматургическое произведение как «гипержанр» [Сахарова, 2015, с. 114], справедливо указывает, что пьеса раскрывает эстетическую и когнитивную концепцию драматурга через коммуникативную интеракцию действующих лиц, то есть вымышленных персонажей, обладающих тем не менее характеристиками языковых личностей, в результате чего «их речежанровые характеристики выступают своеобразным инвариантом коммуникативного поведения» [Там же].

Для интерпретации англоязычного драматургического дискурса в русле лингвоаксиологического подхода не менее важным представляется определение, предложенное Г. Г. Слышкиным, согласно которому речевой

CC BY

жанр есть поле реализации определенного спектра социальных ценностей [Слышкин, 2017, с. 5]. Анализируя реализацию конкретного речевого жанра в процессе стилизованной коммуникации, можно наблюдать вербальную манифестацию как социальных, так и индивидуально-личностных ценностных ориентиров коммуникантов, то есть социально закрепленные нормы речевого жанра оказывают непосредственное влияние на отбор участниками диалога языковых средств выражения оценочного отношения, обусловленного релевантными для них ценностными доминантами.

Таким образом, привлечение положений теории речевых жанров при лингвоаксиологической интерпретации предоставляет возможность для выделения комплекса параметров, определяющих ценностно-оценочные свойства речевого жанра в формате разработки лингвоаксиологической модели речевого жанра, актуализированной в пределах англоязычного драматургического дискурса. На основании полученной модели возможно далее систематизировать оценочные высказывания, трактуемые как ценностно-ориентированные суждения [Чекулай, 2021, с. 169], в пределах конкретных речевых жанров, а также осуществить анализ их общих аксиологических характеристик. Лингвоаксиологическая интерпретация такого рода на материале британского драматургического дискурса XX века, британского драматургического дискурса XXI века, американского драматургического дискурса XX века и американского драматургического дискурса XXI века дает возможность провести их сопоставительный анализ и определить степень стабильности, вариативности и динамичности лингвоаксиологического плана речевого жанра в пределах исследуемого типа дискурса с акцентом на оценочную составляющую лингвоаксиосферы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Параметры лингвоаксиологической модели речевого жанра

Лингвоаксиологический анализ картографированных нами в пределах англоязычного драматургического дискурса речевых жанров позволил, во-первых, выдвинуть тезис о том, что каждый речевой жанр обладает полиаспектным лингвоаксиологическим потенциалом, то есть не зафиксировано речевых жанров, которые невозможно было бы проанализировать с позиций лингвоаксиологического подхода в силу полного отсутствия в них качественно-количественных лингвоаксиологических атрибутов. Во-вторых, по итогам исследования были определены те параметры, показатели по которым формируют лингвоаксиологическую специфику речевого жанра в пределах драматургического диалога: в их число вошли четыре параметра, характеризующие оценочные высказывания как лингвистическую основу аксиосферной репрезентации, и один аспект, квалифицирующий

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

актуализацию уровня аксиосферы (индивидуально-личностный или общесоциальный). Пять обозначенных параметров в пределах двух аспектов, формирирующих лингвоаксиологическую модель речевого жанра в англоязычном драматургическом дискурсе, представлены на рисунке (рис. 1).

Рис. 1. Лингвоаксиологическая модель речевого жанра в англоязычном драматургическом дискурсе

Отметим, что параметры, относящиеся к языковым аспектам аксиосферы, то есть к уровню оценочных высказываний, маркируются в относительных величинах вследствие гибкости размеров речевых жанров и их способности к диффузному взаимодействию. Речевой жанр не имеет четко закрепленного за ним объема, поскольку длительность его реализации в коммуникации варьируется от нескольких реплик до развернутого диалогического модуля, а переход к следующему речевому жанру в пре-

CC BY

делах диалога может быть размыт. Соответственно, вычисление лингвоаксиологических параметров в абсолютных показателях представляется нам нецелесообразным. В ходе исследования мы использовали данные, ранжированные относительно друг друга в пределах актуализированного в стилизованной коммуникации речевого жанра.

Первый выделенный параметр плотности оценочных высказываний имеет три варианта реализации — плотность считается высокой в том случае, если практически каждая реплика диалога может быть квалифицирована как оценочное сообщение; плотность является низкой, если оценочные высказывания в жанрово-ролевой сценке соответствующего речевого жанра единичны относительно общего количества ремарок; средняя плотность фигурирует как показатель, располагающийся между двумя крайними относительными величинами. Выделение высокой, средней или низкой плотности оценочных высказываний фактически свидетельствует об аксиогенности речевого жанра, то есть его способности к ценностной акцентуализации на вербальном уровне, поскольку аксиологические доминанты в наибольшей степени манифестируются в коммуникации посредством оценочных высказываний.

Второй параметр, отражающий соотношение оценочных высказываний по типу знака оценки, может в определенной степени выступать указателем коммуникативной конфликтности или кооперативности речевого жанра, однако абсолютной корреляции не наблюдается. Позитивно-оценочные сообщения в большинстве ситуаций способствуют реализации принципа кооперативности в общении, то есть актуализируют аспект поддержания и / или улучшения отношений между собеседниками в рамках фатической коммуникативной функции. Позитивно-оценочные высказывания в данном случае нацелены на упрочение уже сложившихся социальных связей и общей благоприятной тональности стилизованного диалога. Аналогичная корреляция между плотностью негативно-оценочных высказываний и конфликтогенностью речевого жанра прослеживается, но является менее устойчивой. Уточним, что перевес оценочных высказываний того или иного знака не приравнивается к их абсолютному доминированию и полному исключению оценочных сообщений с противоположным знаком.

Необходимо дополнительно подчеркнуть, что нами не было зафиксировано речевых жанров, лингвоаксиологические характеристики которых выстраивались бы в соответствии с абсолютными показателями за счет полного исключения других вариантов, так что речь идет именно о «преобладании» оценочных высказываний того или иного типа. Особое значение при анализе данной характеристики лингвоаксиологической модели речевого жанра в англоязычном драматургическом дискурсе имеет монознаковость оценочных высказываний или их разнознаковость. В том случае, если ком-

CC BY

муниканты в основном задействуют оценочные высказывания одного знака для выражения своего отношения к одному и тому же объекту оценки, вероятность успешной реализации фатической функции общения выше, нежели в противоположной ситуации, когда один участник коммуникативной ситуации оценивает объект положительно, а второй — отрицательно. Знак оценки определяется ценностными установками, то есть системой оценочных векторов и ценностных доминант в пределах индивидуально-личностной лингвоаксиосферы. Соответственно, монознаковость или полизнаковость оценочных высказываний разных участников определенного речежанрового диалога отражает сходство или расхождение в их индивидуально-личностных лингвоаксиосферах, что может являться, на наш взгляд, глубинным основанием для максимально успешного общения или, наоборот, активизации конфликтогенного коммуникативного потенциала речевого жанра.

Схожим образом прослеживается связь между направленностью речевого жанра на улучшение, поддержание или ухудшение взаимоотношений между собеседниками и типом оценочных высказываний по принципу их тяготения к эмоциональности или рациональности, что формирует следующий параметр лингвоаксиологической модели речевого жанра. Общая тенденция такова, что рационально-оценочные высказывания вне зависимости от знака оценки в них не нарушают благоприятного хода коммуникации, а, наоборот, способствуют развитию межличностных связей в положительном ключе. Высокая плотность рационально-оценочных сообщений, причем как позитивно-, так и негативно-оценочных, помогает качественно наладить и укрепить отношения между участниками стилизованной коммуникативной ситуации. Эмоционально-оценочные высказывания менее однозначны в указанном аспекте и в большей степени коррелируют со знаком оценки: они могут обеспечить очевидный коммуникативный успех в случае реализации в них оценочного знака «плюс», но способствуют экскалации конфликта при негативно-оценочном маркировании.

Следующий выделенный параметр, а именно (относительная) единичность, то есть крайне ограниченное количество, или множественность объектов оценки, может быть связан, во-первых, с традиционно сложившимся на тот или иной исторический период объемом речевого жанра — единичность объекта оценки подразумевает краткость жанрово-ролевой сценки как формы реализации речевого жанра, и наоборот, множественность объектов оценки предполагает развернутый характер диалога в пределах речежанровых установок.

Аспект ценностных доминант как атрибут когнитивного уровня более сложен для выявления и анализа в силу вертикального характера модели речевых жанров и практически полного отсутствия речежанровой корре-

CC BY

ляции с конкретным тематическим наполнением. Речевые жанры по сути не ограничены жесткой топикальной организацией: каждый их них можно охарактеризовать с позиций их общей предметной направленности, однако невозможно составить фиксированный список проблемно-тематической реализации даже при максимально гибком подходе к речевому материалу. Соответственно, говорить о способности того или иного речевого жанра к трансляции определенных ценностных доминант представляется неправомерным. И все же при анализе речевых жанров в русле лингвоаксиологического подхода возможно выделить принадлежность актуализированных в них ценностных доминант к социальной лингвоаксиосфере и / или к индивидуально-личностной лингвоаксиосфере.

3.2. Лингвоаксиологическая матрица речевого жанра «small talk» как образец реализации модели в пределах англоязычного драматургического диалога

Речевые жанры отличаются изменчивостью одних лингвоаксиологических показателей в пределах параметров модели при сохранении константности других. В качестве показательного примера функционирования лингвоаксиологической модели речевого жанра в англоязычном драматургическом диалоге можно привести речевой жанр «small talk», реализация которого была зафиксирована как в британском и американском драматургическом дискурсе начала XX века, так и в новейших образцах драматургического дискурса. Актуализация лингвоаксиологической речежанровой модели в данном случае демонстрирует вариативность лингвоаксиологических индикаторов симультанно по четырем модельным параметрам.

Речевой жанр «small talk», что можно приблизительно перевести как «светский разговор», «светская беседа» или «праздное общение», определяется как приятный для всех собеседников разговор, не накладывающий на коммуникантов каких-либо обязательств, центральной задачей которого выступает совместное времяпрепровождение при поддержании постоянного вербального контакта [Косова, 2014, с. 35; Ivanova, 2018, с. 103]. «Small talk» выступает исключительно как фатический речевой жанр с центрированным типом речевого взаимодействия, направленным на сохранение отношений между коммуникантами на момент разговора, но не способствующим их упрочению или улучшению. Соответственно, предметно-тематическая направленность речевого жанра демонстрирует некоторую отстраненность, то есть не имеет прямой опоры на актуальную деятельность общающихся и подлинно интересующую их проблематику. Подобные коммуникативные установки оказывают непосредственное влияние на реализацию лингвоаксиологической модели речевого жанра «small talk» (табл. 1).

CC BY

OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Таблица 1

Лингвоаксиологическая матрица речевого жанра «small talk» в англоязычном драматургическом дискурсе

Речевой жанр		Фрагмент драматургического дискурса (ДД)	Плотность оценочных высказываний			Соотношение оценочных высказываний по типу знака оценки			Соотношение (1) эмоционально-оценочных и (2) рационально-оценочных высказываний			Количество объектов оценки		Актуализация уровня ценностных доминант	
			высокая	средняя	низкая	преобладание «+»	преобладание «-»	паритет «+» и «-»	преобладание (1)	преобладание (2)	паритет (1) и (2)	единичные	множественные	индивидуально-личностный	общесоциальный
«small talk»	БрДД XX в.		-	+	-	+	-	-	+	-	-	-	+	-	+
	АмДД XX в.		+	-	-	+	-	-	+	-	-	-	+	-	+
	БрДД XXI в.		-	+	-	-	-	+	-	-	+	-	+	+	+
	АмДД XXI в.		+	-	-	-	-	+	-	-	+	-	+	+	+

CC BY

В пределах всех четырех отрезков англоязычного драматургического дискурса — британский драматургический дискурс XX века (БрДД XX век), британский драматургический дискурс XXI века (БрДД XXI век), американский драматургический дискурс XX века (АмДД XX век), американский драматургический дискурс XXI века (АмДД XXI в.) — обозначенный речевой жанр, реализуемый в формате релевантных жанрово-ролевых сценок, характеризуется множественностью объектов оценки, что коррелирует с политематической направленностью жанра и его относительно поверхностным характером в сочетании с определенной степенью ритуализации. Оценке подвергается все то, о чем заходит речь, причем негласные социальные ограничения жанра не позволяют затрагивать острых или потенциально болезненных для участников общения тем, что, в свою очередь, может объяснить преобладание позитивно-оценочных сообщений, зафиксированное при актуализации речевого жанра в драматургическом дискурсе XX века, или паритетное использование позитивно- и негативно-оценочных высказываний, ни одно из которых не нарушает благоприятного хода коммуникации, в релевантных диалогических модулях XXI века.

Варьирование показателей параметра плотности обладает национально-специфичным характером: в жанрово-ролевых сценках «small talk» в американском драматургическом дискурсе обоих временных отрезков наблюдается высокая количественная насыщенность оценочных высказываний, в то время как в британском драматургическом дискурсе обозначенный параметр обладает средней маркированностью. При сопоставлении лингвоаксиологического плана исследуемого жанра также выявляется умеренная контрастность по параметру соотношения эмоционально- и рационально-оценочных высказываний: доминирование эмоциональной оценки в англоязычном драматургическом дискурсе начала XX века сменяется паритетным использованием оценки обоих типов при актуализации жанра в новейшем историческом периоде.

Светская беседа в драматургическом дискурсе XX века, в особенности британском, демонстрирующем классическое воплощение характеристик речевого жанра «small talk», отражает преобладание в нем положительных эмоционально-оценочных высказываний (чаще всего — комплиментов собеседнику), что на речевом уровне реализуется посредством использования спонтанных реплик-реакций, оформленных с помощью широкого спектра позитивно-оценочных лексем в сопровождении интенсификаторов различных языковых уровней. Другой специфичной чертой речевого жанра «small talk» обозначенного периода является достаточно широкое использование энантиосемии, а именно негативно-оценочных лексических маркеров для выражения позитивной оценки, что повышает значимость

CC BY

внутренней авторской ремарки для адекватной интерпретации оценочного знака высказывания. Показательными примерами могут выступить релевантные оценочные высказывания, зафиксированные в жанрово-ролевой сценке «small talk» в первом акте пьесы «Опасный поворот», написанной в 1932 году британским драматургом Дж. Б. Пристли: «*MISS M.: I'm almost prepared to marry Charles Stanton myself to be one of your charmed circle. What a snug little group you are. FREDA: Are we? MISS M.: Well, aren't you? FREDA (giving the tiniest laugh): Snug little group. How awful. MISS M.: Not awful at all. I think it's charming. FREDA (smiling): It sounds disgusting*» [Priestley, 1973, p. 20] // *МИСС М.: Я почти готова выйти замуж за Чарльза Стэнтона чтобы стать членом вашего зачарованного круга. Какая у вас уютная компания. ФРЕДА: Да? МИСС М.: А разве нет? ФРЕДА (с легким смешком): Маленькая уютная компания. Как ужасно. МИСС М.: Совсем не ужасно. Думаю, это очаровательно. ФРЕДА (улыбаясь): Звучит отвратительно* (здесь и далее перевод наш. — *Ю. С.)*. Общение происходит на начальном этапе дружеской вечеринки, где среди гостей присутствует писательница Мисс М. В приведенном достаточно ограниченном по объему фрагменте стилизованного полилога в жанре светской беседы можно наблюдать реализацию фатического общения, направленного на поддержание благоприятных, но не слишком близких и глубоких отношений между собеседниками. Подобные характеристики достигаются за счет соответствующих лингвоаксиологических показателей, а именно наличия позитивно-оценочных высказываний, тяготеющих к эмоциональности. В примере также фиксируются случаи намеренного противоречия смыслового наполнения оценочных высказываний и сопровождающих данные реплики позитивных эмоций, маркированных в сопроводительных авторских комментариях, что позволяет коммуниканту добиться эффекта легкой иронии и ненавязчивой демонстрации остроумия: «*FREDA (smiling): It sounds disgusting»* [Priestley, 1973, p. 20] (*ФРЕДА (улыбаясь): Звучит отвратительно*). Собственно аксиологический аспект жанрово-ролевой сценки при этом весьма специфичен — оценочные высказывания персонажей коррелируют с ценностными доминантами, являющимися частью ядерной зоны социальной аксиосферы британского лингвокультурного сообщества — «дружба», «брак», «удача» (см. подробнее [Старостина, 2020]). Вместе с тем лингвоаксиологическая интерпретация всей пьесы показала, что не все из манифестированных в пределах речевого жанра ценностных доминант в действительности являются интериоризированными элементами индивидуально-личностных лингвоаксиосфер героинь-участниц диалога, то есть опора на социально-закрепленные аксиологические ориентиры при реализации речевого жанра не тождественна актуали-

CC BY

зации центральных компонентов индивидуально-личностных аксиосфер. Приведенные лингвоаксиологические характеристики правомерны для всех зафиксированных нами случаев актуализации жанра «small talk» как в британском, так и в американском драматургическом дискурсе XX века.

При анализе динамических лингвоаксиологических трансформаций речевого жанра «small talk» в пределах британского драматургического дискурса было выявлено, что по сравнению с XX веком коммуникативные нормы ценностно-оценочной манифестации в XXI веке стали существенно менее жесткими, что позволило расширить тематический круг за счет включения в него обсуждений социальной проблематики, которая раньше воспринималась как нежелательная. Преобладание эмоциональных позитивно-оценочных высказываний сменяется паритетным функционированием разнознаковых оценочных сообщений, которые тяготеют как к эмоциональности, так и к рациональности. На речевом уровне это проявляется в виде использования персонажами более широкого арсенала оценочных маркеров и средств их модуляции. Кроме того, в релевантных жанрово-ролевых сценках XXI века можно наблюдать более свободное высказывание коммуникантами собственной позиции, отличной от мнения собеседника, что позволяет говорить об актуализации в речевом жанре «small talk» индивидуально-личностной лингвоаксиосферы персонажа, в дополнение к опоре на общесоциальную лингвоаксиосферу: «*ROSE (To ALICE): I don't know why more people don't use this lounge. ALICE (Off hand, she can't be bothered): I don't know. (...) ROSE: The garden seats aren't very comfortable, often there's a wind and there's not much shade. (...) (Pause). ALICE: It must be hard being a widow. ROSE: Over fifteen years since my Sam went. ALICE: They said the time flies when you're over twenty-one. ROSE: Twenty-one. Wouldn't mind being that again. ALICE: I wouldn't wish to be twenty-one, today. (...) ROSE: They've no respect for you. ALICE: Who? ROSE: Kids, young people. No respect for their elders. TED: Don't let it bother you, we haven't got any here*» [Pitt, 2016, p. 6] // *РОУЗ (ЭЛИС): Не знаю, почему так мало людей пользуется этой верандой. ЭЛИС (небрежно, ее это не беспокоит): Не знаю. (...) РОУЗ: Садовые стулья не очень удобные, часто дует ветер, и мало тени. (...) (Пауза). ЭЛИС: Наверное, тяжело быть вдовой. РОУЗ: Уж больше пятнадцати лет, как не стало моего Сэма. ЭЛИС: Говорят, время летит незаметно, когда тебе больше двадцати одного. РОУЗ: Двадцать один. Я была бы не против вернуться в тот возраст. ЭЛИС: Не хотела бы, чтоб мне снова было двадцать один. (...) РОУЗ: Они никого не уважают. ЭЛИС: Кто? РОУЗ: Дети, молодые люди. Никакого уважения к старшим. ТЭД: Пусть тебя это не беспокоит, тут у нас их нет*.

Приведенный в качестве лингвистической иллюстрации фрагмент полилога, реализующий речевой жанр «small talk» и принадлежащий британ-

CC BY

скому драматургическому дискурсу XXI века, происходит между резидентами дома для пожилых людей: персонажи не являются близкими друзьями, скорее соседями, и коротают свободное время за праздным разговором. При этом в беседе, помимо относительно нейтральной темы физического комфорта, они затрагивают достаточно серьезные социальные темы (например, тему одиночества, возрастных изменений, конфликта поколений), вербальное оформление которых при привлечении разнознаковых оценочных высказываний является отражением ценностных доминант персонажей на уровне индивидуально-личностных лингвоаксиосфер. Необходимо уточнить, что мы исходим из тезиса о том, что индивидуально-личностная аксиосфера формируется в процессе интериоризации человеком элементов социальной аксиосферы, то есть аксиосферы, принятой в конкретном социуме на определенной исторической ступени его развития (и на этом основании обладающей лингвокультурной спецификой); в результате при опоре на личностные аксиологические ориентиры симультанно реализуется опора и на социальные ценностные доминанты.

Реализация речевого жанра «small talk» в американском драматургическом дискурсе XXI века в целом схожа с его актуализацией в новейших фрагментах британского драматургического дискурса в терминах лингвоаксиологической специфики: при сохранении множественных объектов оценки и общей позитивной тональности диалога в нем сочетанно используются разнознаковые оценочные высказывания эмоционального и рационального типа: «*JENN (Gives HELEN hug and kiss): I haven't seen you in ages — how are you? HELEN: Fine dear, I've been traveling a bit. JENN: Oh how I admire your life, it's so mysterious. You should take me with you sometime...we'd have fuunnnn… HELEN: It's not as exciting as it appears. (…) HELEN: Speaking of work, how's your book coming along Jennifer? JENN: Wonderful! HELEN: Have you considered changing the title? JENN: Never! That's the appeal. HELEN: And, what exactly is this "Yummy Mummy" about? JENN: It's a How-to book. HELEN: Isn't the market saturated with mommy how-to books? JENN: Yummy Mummy is different. It focuses on how to take care of you; like having a Mommy Makeover — while juggling your child's needs*» [Narang, 2015, p. 46] // *ДЖЕНН (обнимает и целует ХЕЛЕН): Сто лет вас не видела, как вы? ХЕЛЕН: Хорошо, дорогая, путешествовала немного. ДЖЕНН: Как же я восхищаюсь вашей жизнью, она полна тайн. Вам нужно взять меня с собой как-нибудь... мы бы повеселились... ХЕЛЕН: Это не так захватывающе, как кажется. (…) ХЕЛЕН: Кстати о работе, Дженнифер, как продвигается твоя книга? ДЖЕНН: Замечательно! HELEN: Ты подумала об изменении названия? ДЖЕНН: Ни за что! В этом весь интерес. ХЕЛЕН: И о чем именно эта «Вкусная мамочка»? ДЖЕНН:*

CC BY

Это книга с практическими рекомендациями. ХЕЛЕН: Разве рынок не перенасыщен такими книгами для мам? ДЖЕНН: Моя отличается. Она фокусируется на том, как позаботиться о себе; как бы «до и после» для мамы — пока она жонглирует потребностями ребенка.

Поскольку разговор жанра «small talk» в предложенном примере фокусируется на значимых для коммуникантов темах при соблюдении гибких норм коммуникативного взаимодействия в пределах жанра, происходит манифестация индивидуально-личностных ценностных ориентиров персонажей. Явное расхождения в иерархии аксиологических ориентиров у героинь при этом не является основанием для перебоя в благоприятном ходе общения и не нарушает установки на поддержание позитивных поверхностно-дружеских отношений.

В целом в речевом жанре «small talk» оценочные высказывания являются основным средством реализации фатической коммуникативной функции в ее центрированном варианте, так как они выступают в качестве главного инструмента поддержания устойчиво-позитивных отношений между собеседниками за счет благоприятной тональности общения и способствуют дальнейшему развитию разговора. Умеренная лингвоаксиологическая динамика по параметру соотношения разнознаковых оценочных высказываний, а также в аспекте соотношения эмоционально- и рационально-оценочных сообщений прослеживается по оси времени при сохранении стабильности в пределах общего пространства англоязычного драматургического дискурса каждого отдельно взятого исторического периода.

4. Заключение = Conclusions

Лингвоаксиологический потенциал речевых жанров при их актуализации в дискурсивно-коммуникативном пространстве англоязычной драматургии обусловлен специфичной природой стилизованного диалога. Преднамеренное сближение речевых партий персонажей с подлинной разговорной речью предполагает повышенную роль оценочности в рамках диалогических модулей. При этом вербализация оценочных отношений, основанных на ценностных установках, способствует реализации авторских интенций в соответствии с художественным замыслом драматурга. Интерактивная природа драматургического дискурса создает качественные условия для динамичного коммуникативного представления разнородных оценок и — с их помощью — трансляции ценностных доминант как наиболее актуальных для того или иного лингвокультурного сообщества элементов лингвоаксиосферы.

Разработанная на комплексной основе речежанровой структуризации англоязычного стилизованного диалога и его лингвоаксиологической ин-

CC BY

терпретации модель речевого жанра систематизирует множественные характеристики ценностно-ориентированных суждений, то есть выявляет лингвоаксиологическую специфику речежанровой парадигмы в англоязычном драматургическом дискурсе с позиций ее ценностно-оценочной параметризации. Лингвоаксиологическая речежанровая модель отражает стабильность и универсальность лингвоаксиологических параметров, а также вариативность их индикаторов в случае коммуникативной актуализации модели в драматургическом дискурсе. Лингвоаксиологические характеристики систематизированы в пределах двух блоков, номинированных как «аспект оценочных высказываний» и «аспект ценностных доминант». Обозначенные аспекты обладают неразрывными системными связями, представляя собой когнитивную зону лингвоаксиосферы и зону ее вербальной манифестации в дискурсивно-коммуникативном пространстве. Более детальной систематизацией в рамках модели характеризуется оценочный аспект, представляющий множественные ракурсы речежанровой оценочной репрезентации. Аксиологический аспект определяется способностью речевого жанра к фокусной трансляции уровня социальной или индивидуально-личностной аксиосферы. Именно соотношение показателей всех параметров модели определяет лингвоаксиологическую специфику речевых жанров, формирующих поток стилизованной коммуникации в пределах англоязычного драматургического дискурса.

Актуализация лингвоаксиологической речежанровой модели, рассмотренная в статье на примере «small talk», отражает реализацию всех заявленных параметров в одном из предложенных в пределах модели вариантов. Более того, разработанная лингвоаксиологическая модель предоставляет возможность симультанно проследить динамику лингвоаксиологических показателей речевого жанра по оси времени и по оси национально-маркированной принадлежности дискурсивного фрагмента в формате матричной репрезентации. Полученные результаты способствуют как развитию научных представлений о теории речевых жанров, так и уточнению концепции дискурсивно-коммуникативной лингвоаксиологии как перспективной предметной области, что детерминирует теоретическую значимость представленного исследования. Приведенный в качестве образца пример актуализации модели демонстрирует эффективность предложенной исследовательской схемы при лингвоаксиологическом анализе драматургического диалога, принадлежащего разным историческим периодам, что в свою очередь свидетельствует о стабильности системы выявленных лингвоаксиологических параметров при возможности флуктуаций их показателей.

CC BY

Литература

1. *Дементьев В. В.* Теория речевых жанров / В. В. Дементьев. — Москва : Знак, 2010. — 600 с. — ISBN 978-5-9551-0409-6.

2. *Дементьев В. В.* Цепочки речежанровой системности: лексикализация и грамматикализация звеньев / В. В. Дементьев // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. — 2019. — № 20. — С. 36—48. — DOI: 10.31912/pvrli-2019.20.4.

3. *Зубкова Я. В.* Структура коммуникативной реальности / Я. В. Зубкова, М. Р. Желтухина // Балтийский гуманитарный журнал. — 2021. — Т. 10. — № 1 (34). — С. 352—354. — DOI: 10.26140/bgz3-2021-1001-0083.

4. *Карасик В. И.* Высказывание, жанр, дискурс : семиотическое моделирование / В. И. Карасик // Жанры речи. — 2020. — № 2 (26). — С. 90—99. — DOI: 10.18500/2311-0740-2020-2-26-90-99.

5. *Косова К. И.* Small talk как универсальный фатический жанр в глобальном коммуникативном пространстве / К. И. Косова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2014. — № 2 (87). — С. 34—38.

6. *Маслова В. А.* Теория речевых жанров сквозь призму современной лингвистики / В. А. Маслова // Жанры речи. — 2021. — № 1 (29). — С. 6—11. — DOI: 10.18500/2311-0740-2021-1-29-6-11.

7. *Пикалина А. С.* Тактическая организация ссоры как речевого жанра / А. С. Пикалина // Гуманитарный научный вестник. — 2021. — № 4. — С. 108—113. — DOI: 10.5281/zenodo.4769148.

8. *Рабенко Т. Г.* Речевой жанр с позиций лингвистической вариантологии (на материале речевого жанра “личное письмо”) / Т. Г. Рабенко // Научный диалог. — 2017. — № 12. — С. 189—199. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-12-189-199.

9. *Сахарова О. В.* Жанры и роли (к вопросу о жанровой организации драматургического дискурса) / О. В. Сахарова // Жанры речи. — 2015. — № 2 (12). — С. 112—118.

10. *Седов К. Ф.* Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации / К. Ф. Седов // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. — Москва : Лабиринт, 2007. — С. 7—38. — ISBN 5-87604-190-4.

11. *Слышкин Г. Г.* Феномен ценности в философии и лингвокультурологии / Г. Г. Слышкин // Ценности в лингвокультурном аспекте: языковое сознание, коммуникация, текст : материалы международной научной конференции, Тяньцзинь, 25 ноября 2017 года / Тяньцзиньский университет иностранных языков. — Тяньцзинь : [б. и.], 2017. — С. 3—9.

12. *Смолина А. Н.* Модель описания речевого жанра «духовное эссе» : основные параметры и реализация (теолингвистический аспект) / А. Н. Смолина // Научный диалог. — 2021. — № 10. — С. 134—152. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-134-152.

13. *Старостина Ю. С.* Лингвоаксиологические параметры британского драматургического дискурса (на материале пьесы Дж. Пристли “Опасный поворот”) / Ю. С. Старостина // Вестник Пятигорского государственного университета. — 2020. — № 4. — С. 25—30.

14. *Тюкаева Н. И.* Системное моделирование образа автора в текстах одного речевого жанра / Н. И. Тюкаева, К. И. Бринев // Научный диалог. — 2021. — № 10. — С. 153—174. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-153-174.

15. *Чекулай И. В.* Аспекты соотношения дихотомии «язык» и «речь», «ценность» и «оценка» / И. В. Чекулай, О. Н. Прохорова // Исследования языка и современное гуманитарное знание. — 2021. — Т. 3. — № 2. — С. 167—173. — DOI: 10.33910/2686-830X-2021-3-2-167-173.

16. *Черкасс И. А.* Типология речевых жанров : флирт как непрямой речевой жанр / И. А. Черкасс // Гуманитарные и социальные науки. — 2019. — № 6. — С. 241—251. — DOI: 10.23683/2070-1403-2019-77-6-241-251.

17. *Anisimova T.* Principles of Describing a Private Rhetoric Genres System / T. Anisimova, S. Chubay, N. Prigarina // SHS Web Conf. : The International Scientific and Practical Conference "Current Issues of Linguistics and Didactics : The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences" (CILDIAH-2018). — 2018. — Vol. 50. — Pp. 1—5. — DOI: 10.1051/shsconf/20185001041.

18. *Boromisza-Habashi D.* Speech genres and cultural value in the Anglo-American public speaking course as a site of language socialization / D. Boromisza-Habashi, L. Reinig // Journal of International and Intercultural Communication. — 2018. — Vol. 2 (11). — Pp. 117—135. — DOI: 10.1080/17513057.2018.1428765.

19. *Foad C.* Perception of values over time and why they matter / C. Foad, P. Hanel, G. R. Maio // Journal of Personality. — 2020. — Nov. — Pp. 1—17. — DOI: 10.111/jopy.12608.

20. *Gabunia Z.* Genre speech as a unit of modern linguistics / Z. Gabunia, M. Kremshokalova // Cuadernos de rusística española. — 2014. — Vol. 10. — Pp. 15—24. — DOI: 10.30827/cre.v10i0.2593.

21. *Ivanova M. A.* The Impact of Cultural Differences on Small Talk Style / M. A. Ivanova, O. V. Novichkova // Communicative challenges of the XXI century. — Saratov : IC "Science", 2018. — Pp. 102—106.

22. *Narang T. K.* To Each Their Own [Electronic resource] / T. K. Narang. — Originally published in 2015. — Access mode : https:// proplay.ws/to-each-their-own (accessed 21.11.2021).

23. *Pitt P.* A Love Never Forgotten [Electronic resource] / P. Pitt. — Originally published in 2016. — Access mode : https://artsdocbox.com/Humor/103448699-A-love-never-forgotten-one-act-play-peter-pitt.html (accessed 24.11.2021).

24. *Priestley J. B.* The plays / J. B. Priestley. — London : Heinemann, 1973. — ISBN 0434603406 9780434603404.

25. *Vinel E.* The impact of speech genres on the use of referring expressions / E. Vinel, A. Salazar-Orvig, G. de Weck // The Acquisition of Referring Expressions : A dialogical approach. — Paris : John Benjamins Publishing Houses, 2021. — Pp. 288—316. — DOI: 10.1075/tilar.28.

References

Anisimova, T., Chubay, S., Prigarina, N. (2018). Principles of Describing a Private Rhetoric Genres System. In: *SHS Web Conf.: The International Scientific and Practical Conference "Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences" (CILDIAH-2018), 50:* 1—5. DOI: 10.1051/shsconf/20185001041.

Boromisza-Habashi, D., Reinig, L. (2018). Speech genres and cultural value in the Anglo-American public speaking course as a site of language socialization. *Journal of International and Intercultural Communication, 2 (11):* 117—135. DOI: 10.1080/17513057.2018.1428765.

Chekulai, I. V., Prokhorova, O. N. (2021). Aspects of the correlation of the dichotomy "language" and "speech", "value" and "evaluation". *Language studies and modern humanitarian knowledge, 3 (2):* 167—173. DOI: 10.33910/2686-830X-2021-3-2-167-173. (In Russ.).

CC BY

Cherkass, I. A. (2019). Typology of speech genres: flirting as an indirect speech genre. *Humanities and social sciences, 6:* 241—251. DOI: 10.23683/2070-1403-2019-77-6-241-251. (In Russ.).

Dementyev, V. V. (2010). *Theory of speech genres*. Moscow: Znak. 600 p. ISBN 978-5-9551-0409-6. (In Russ.).

Dementyev, V. V. (2019). Chains of speech genre system: lexicalization and grammaticalization of links. *Proceedings of the Vinogradov Institute of the Russian Language, 20:* 36—48. DOI: 10.31912/pvrli-2019.20.4. (In Russ.).

Foad, C., Hanel, P., Maio, G. R. Perception of values over time and why they matter. *Journal of Personality. Nov.* 1—17. DOI: 10.111/jopy.12608.

Gabunia, Z., Kremshokalova, M. (2014). Genre speech as a unit of modern linguistics. *Cuadernos de rusística Española, 10:* 15—24. DOI: 10.30827/cre.v10i0.2593.

Ivanova, M. A., Novichkova, O. V. (2018). The Impact of Cultural Differences on Small Talk Style. In: *Communicative challenges of the XXI century.* Saratov: IC "Science". 102—106.

Karasik, V. I. (2020). Utterance, genre, discourse: semiotic modeling. *Genres of speech, 2 (26):* 90—99. DOI: 10.18500/2311-0740-2020-2-26-90-99. (In Russ.).

Kosova, K. I. (2014). Small talk as a universal phatic genre in the global communicative space. *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University, 2 (87):* 34—38. (In Russ.).

Maslova, V. A. (2021). Theory of speech genres through the prism of modern linguistics. *Genres of speech, 1 (29):* 6—11. DOI: 10.18500/2311-0740-2021-1-29-6-11. (In Russ.).

Narang, T. K. (2015). *To Each Their Own*. Available at: https:// proplay.ws/to-each-their-own (accessed 21.11.2021).

Pikalina, A. S. (2021). Tactical organization of a quarrel as a speech genre. *Humanitarian scientific Bulletin, 4:* 108—113. DOI: 10.5281/zenodo.4769148. (In Russ.).

Pitt, P. (2016). *A Love Never Forgotten.* Available at: https://artsdocbox.com/Humor/103448699-A-love-never-forgotten-one-act-play-peter-pitt.html (accessed 24.11.2021).

Priestley, J. B. (1973). *The plays*. London: Heinemann. ISBN 0434603406 9780434603404.

Rabenko, T. G. (2017). Speech Genre in Linguistic Variantology (on Material of Speech Genre "Personal Letter"). *Nauchnyi dialog, 12:* 189—199. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2017-12-189-199. (In Russ.).

Sakharova, O. V. (2015). Genres and roles (on the issue of genre organization of dramatic discourse). *Genres of speech, 2 (12):* 112—118. (In Russ.).

Sedov, K. F. (2007). Man in the genre space of everyday communication. In: *Anthology of speech genres: everyday communication.* Moscow: Labyrinth. 7—38. ISBN 5-87604-190-4. (In Russ.).

Slyshkin, G. G. (2017). The phenomenon of value in philosophy and linguoculturology. In: *Values in linguocultural aspect: linguistic consciousness, communication, text: proceedings of the International scientific Conference, Tianjin, November 25, 2017 / Tianjin University of Foreign Languages*. Tianjin: [b. i.]. 3—9. (In Russ.).

Smolina, A. N. (2021). Model for Describing of Speech Genre "Spiritual Essay": Basic Parameters and Implementation (Theolinguistic Aspect). *Nauchnyi dialog, 10:* 134—152. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-10-134-152. (In Russ.).

Starostina, Y. S. (2020). Linguoaxiological parameters of the British dramaturgical discourse (based on the material of the play by J. Priestley "Dangerous Turn"). *Bulletin of Pyatigorsk State University, 4:* 25—30. (In Russ.).

CC BY

Tyukaeva, N. I., Brinev, K. I. (2021). System Modeling of Author's Image in Texts of One Speech Genre. *Nauchnyi dialog, 10:* 153—174. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-10-153-174. (In Russ.).

Vinel, E., Salazar-Orvig, A., De Weck, G. (2021). The impact of speech genres on the use of referring expressions. In: *The Acquisition of Referring Expressions: A dialogical approach.* Paris: John Benjamins Publishing Houses. 288—316. DOI: 10.1075/tilar.28.

Zubkova, Ya. V., Zheltukhina, M. R. (2021). The structure of communicative reality. *Baltic Humanitarian Journal, 10 / 1 (34):* 352—354. DOI: 10.26140/bgz3-2021-1001-0083. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 30.11.2021,
одобрена после рецензирования 23.03.2022,
подготовлена к публикации 25.04.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Стрельцова А. В. Конструирование нарратива о соцреализме в англоязычном искусствоведческом дискурсе (на материале текстов Мэтью Бауна) / А. В. Стрельцова, Т. И. Петухова, Е. Г. Хомякова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 4. — С. 153—171. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-153-171.

Streltsova, A. V., Petukhova, T. I., Khomyakova, E. G. (2022). Construction of a Narrative about Socialist Realism in English-Language Art Criticism Discourse (based on Texts of Matthew Bown). *Nauchnyi dialog, 11(4):* 153-171. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-153-171. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU EBSCOhost

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-153-171

Конструирование нарратива о соцреализме в англоязычном искусствоведческом дискурсе (на материале текстов Мэтью Бауна)

Стрельцова Анастасия Владимировна
orcid.org/0000-0002-7508-9543
аспирант
st049944@student.spbu.ru

Петухова Татьяна Ивановна
orcid.org/0000-0003-4560-5073
кандидат филологических наук, доцент
t.petuhova@spbu.ru

Хомякова Елизавета Георгиевна
orcid.org/0000-0002-1370-458x
доктор филологических наук, профессор
e.khomyakova@spbu.ru

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-012-00276 «Лингвистическое исследование интерпретации русского изобразительного искусства советского и постсоветского периода в англоязычном искусствоведческом дискурсе: язык взаимодействия культурных ценностей»

Construction of a Narrative about Socialist Realism in English-Language Art Criticism Discourse (based on Texts of Matthew Bown)

Anastasia V. Streltsova
orcid.org/0000-0002-7508-9543
graduate student
st049944@student.spbu.ru

Tatyana I. Petukhova
orcid.org/0000-0003-4560-5073
PhD in Philology, Associate Professor
t.petuhova@spbu.ru

Elizaveta G. Khomyakova
orcid.org/0000-0002-1370-458x
Doctor of Philology, Professor
e.khomyakova@spbu.ru

St. Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported by RFBR, project № 20-012-00276 “Linguistic study of the interpretation of Russian fine art of the Soviet and post-Soviet period in the English-language art criticism discourse: the language of interaction of cultural values”

© Стрельцова А. В., Петухова Т. И., Хомякова Е. Г., 2022

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

На материале текстов британского эксперта Мэтью Бауна рассматривается вопрос о конструировании нарратива о советском изобразительном искусстве. Цели исследования — анализ закономерностей формирования нарратива и выявление его значимых элементов. Когнитивным основанием нарратива выступает фрейм СОЗДАНИЕ НОВОГО ИСКУССТВА. Данный фрейм характеризуется вариативностью и имеет две основные конфигурации, которые можно представить как два сценария. Эти сценарии отличаются по составу акторов и содержанию решаемых ими задач. Акторами первого сценария, актуализируемого в нарративе в рамках оппозиции «свой — чужой», выступают идеологи соцреализма, партийные лидеры и представители творческой элиты. В их задачи входит формирование идеологии и содержания нового искусства. Акторами второго сценария, актуализируемого в рамках оппозиции «свой — другой», выступают советские художники. Их задача — разработать язык искусства, соответствующий идеологическим требованиям и в то же время реализующий их творческий потенциал. В статье обосновывается готовность М. Бауна видеть в соцреализме не только идеологическое течение, но и значимое художественное направление. Такой подход способствует раскрытию ценностной составляющей живописи соцреализма и трансляции исторической культурной памяти об этом явлении мировому сообществу.

Ключевые слова:
англоязычный искусствоведческий дискурс; изобразительное искусство соцреализма; нарратив; оппозиция СВОЙ / ЧУЖОЙ; культурная память.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Based on the texts of the British expert Matthew Bown, the article deals with the issue of constructing a narrative about the Soviet fine arts. The aim of the study is to analyze the patterns of narrative formation and identify its significant elements. The frame CREATING NEW ART serves as the cognitive basis of the narrative. This frame is characterized by variability and has two main configurations, which can be represented as two scenarios. These scenarios differ in the composition of the actors and the content of the tasks they solve. The actors of the first scenario, actualized in the narrative within the framework of the "friend or foe" opposition, are the ideologists of socialist realism, party leaders and representatives of the creative elite. Their tasks include the formation of the ideology and content of the new art. The actors of the second scenario, updated within the framework of the opposition "self / other", are Soviet artists. Their task is to develop a language of art that meets ideological requirements and at the same time realizes their creative potential. The article substantiates M. Baun's willingness to see in socialist realism not only an ideological trend, but also a significant artistic direction. This approach contributes to the disclosure of the value component of socialist realism painting and the transmission of the historical cultural memory of this phenomenon to the world community.

Key words:
English-language art history discourse; fine arts of socialist realism; narrative; opposition FRIEND or FOE; cultural memory.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 811.111’42:7.036(47+57)

Конструирование нарратива о соцреализме в англоязычном искусствоведческом дискурсе (на материале текстов Мэтью Бауна)

© Стрельцова А. В., Петухова Т. И., Хомякова Е. Г., 2022

1. Введение = Introduction

В последние десятилетия наблюдается возрастающий интерес зарубежных искусствоведов к советскому изобразительному искусству. Современные англоязычные искусствоведческие тексты репрезентируют биполярный характер оценки живописи соцреализма. С одной стороны, в них актуализируется отрицательная оценка, основанная на неприятии западными экспертами советской идеологии и, как следствие, произведений искусства, созданных в советский период. С другой стороны, получает все большее распространение положительная оценка творчества советских художников, основанная на признании их мастерства и понимании комплекса общечеловеческих ценностей, которые транслируются в их произведениях [Петухова и др., 2020].

Актуальность проведенного исследования определяется его соответствием современной антропоориентированной прагмалингвистической парадигме и направленностью на выявление в пространстве искусствоведческого дискурса языковых средств, репрезентирующих взаимодействие картин мира представителей национальных сообществ с различными историческими, социальными и геополитическими характеристиками. Новизна исследования определяется его объектом, представляющим собой англоязычный историко-искусствоведческий нарратив о советском изобразительном искусстве, а также его результатами, демонстрирующими значимость исторического, геополитического и социокультурного знания зарубежного эксперта, которое выступает в качестве когнитивной основы для вербализации значимых элементов нарратива и позволяет ему выявить ценностное содержание картин советских художников. Проведенный анализ также вносит вклад в изучение роли оппозиции «свой — чужой» в искусствоведческом дискурсе в рамках поликультурного диалога.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Интерес к искусству соцреализма как значимому культурному явлению XX века подтверждается выходом альбомных изданий, рассчитанных на специалистов и широкий круг читателей. Так, в 2012 году вышел ка-

CC BY

талог проходившей в Италии выставки «Socialist Realisms. Soviet Painting 1920—1970», посвященной живописи соцреализма, который включает как произведения советских художников, так и искусствоведческие статьи известных специалистов в области советского искусства М. Бауна, Д. Боулта, С. Уилсон, С. Рейд, К. Кэр и других [Socialist Realisms …, 2012]. Несомненную значимость данному изданию придает вступительная глава, представляющая собой краткий историко-искусствоведческий нарратив о возникновении и развитии этого направления в изобразительном искусстве. Ее автором является признанный специалист в области изобразительного искусства соцреализма, британский эксперт Мэтью Баун, который неоднократно обращался к анализу советского искусства, рассматривая его функционирование в широком культурно-историческом контексте [Bown, 1991, Bown, 1993, Bown, 1998]. В связи с этим представляется, что искусствоведческие тесты М. Бауна, на основе анализа которых и проведено настоящее исследование, чрезвычайно важны для изучения основных аспектов, детерминирующих процесс восприятия и оценочной интерпретации советского искусства в англоязычном социуме. Материалом для данного исследования, помимо вступительной главы М. Бауна в упомянутом выше каталоге, послужила также монография этого же автора «Art under Stalin» [Bown, 1991], которая представляет собой глубокий и последовательный анализ возникновения и развития изобразительного искусства соцреализма. В анализируемых текстах Мэтью Баун предлагает читателю логически выстроенный, хронологически периодизированный нарратив, в котором дана интерпретация живописи советских художников, работавших в русле соцреализма, а также исторического и социокультурного контекста, в котором эта живопись зарождалась и функционировала.

Важным для анализа приемов конструирования нарратива о соцреализме является осмысление такого понятия, как «культурная память», а также оппозиции «свой — чужой» и «свой — другой». По мнению Я. Ассмана, культурная память выступает принятой в той или иной культуре формой передачи и обновления наиболее существенных культурных смыслов [Ассман, 2004]. Культурная память содержит «обосновывающие воспоминания», цель которых состоит в оправдании или дискредитации существующего порядка вещей [Васильев, 2015, с. 36]. Как отмечает В. В. Красных, культура отражает, и в искусстве в том числе, «формы мышления и духовную деятельность как отдельных личностей, так и социальных групп», тем самым формируя «универсальное поле взаимодействия образа мышления». Культурную память можно понимать «как форму трансляции и актуализации культурных смыслов» [Красных, 2016, с. 80]. Н. В. Денисова анализирует подход М. Дональда, который считает, что изобразительное

CC BY

искусство может рассматриваться как особый вид когнитивного проектирования [Donald, 2006]. Оно создается в контексте распределенной когниции и представляет собой построение когнитивных моделей и картины мира [Денисова, 2020]. Художник, по мнению Н. В. Денисовой, выступает посредником между прошлым и будущим, проецирует собственный опыт памяти на все поколение, создавая тем самым когнитивную модель будущей оценки прошлого и консолидируя коллективную память [Денисова, 2021]. Важную роль в трансляции коллективной культурной памяти последующим поколениям играет искусствоведческий дискурс.

Культурная память нарративна. Мемориализация как процесс предполагает, в свою очередь, организацию разрозненных событий в цельное повествование. Необходимо учитывать, что ценность события, встроенного в нарратив культурной памяти, определяется не объективной значимостью данного события, а тем, какое место ему отведено в структуре нарратива. М. Баун как крупнейший исследователь советского искусства однозначно является авторитетом для англоязычной аудитории. Как следствие, структура нарратива о соцреализме, выявление значимости событий и отдельных личностей, которые определяли появление и функционирование соцреализма, оказывают существенное влияние на формирование гетерообраза советской культуры в англоязычной среде. Искусствоведческие тексты М. Бауна играют значимую роль в формировании исторической культурной памяти о произведениях, созданных в советский период, о художниках, которые выступали трансляторами значимых для советского общества культурных смыслов, а также в определении роли изобразительного искусства соцреализма в репрезентации общекультурных ценностей.

Целью настоящего исследования является рассмотрение на материале текстов М. Бауна некоторых закономерностей конструирования историко-искусствоведческого нарратива, представляющего собой повествование о возникновении и развитии живописи советского периода в идеологически обусловленном контексте. Значимыми элементами нарратива являются ***принцип организации событийности*** и ***модальность повествования***, под которой понимается позиция нарратора по отношению к повествуемым событиям [Силантьева, 2021].

При помощи фреймового анализа в работе были определены акторы, то есть участники, актуальные для наиболее частотных сценариев, посредством языковой актуализации которых конструируется нарратив о соцреализме. По определению Н. Н. Болдырева, фрейм представляет собой когнитивную модель, структурированную единицу знания, «в которой выделяются определенные компоненты и отношения между ними» [Болдырев, 2019, с. 379]. Анализируя различные подходы к определению природы фрейма в рамках

CC BY

лингвистических исследований, Ж. В. Никонова характеризует фрейм как уникальную структуру знания человека, соединяющую область когнитивного и языкового в процессе речевой деятельности, а также как схемную когнитивную репрезентацию референтной ситуации (сценария) или понятия (скрипта), как набор «задаваемых ситуацией или понятием типовых признаков» [Никонова, 2008, с. 39]. Как отмечает Е. Г. Беляевская, «фрейм как структура данных, репрезентирующих некоторую ситуацию или некоторый фрагмент реального или придуманного мира, составляет когнитивное основание последующей вербализации и превращения мыслительного содержания в письменный текст» [Беляевская, 2021, с. 20].

Для выявления модальности повествования, то есть оценочного отношения автора текста к анализируемым им сценариям и акторам, которые получают языковую объективацию в нарративе на фоне репрезентации значимых для развития искусства соцреализма событий, важным является рассмотрение способов и прагма-содержательных уровней актуализации оппозиций «свой — чужой» и «свой — другой».

Комплексное исследование указанных оппозиций проводится в рамках имагологии, науки об образе «чужой» для воспринимающей культуры социальной и / или этнической группы. Собственно лингвистическая имагология занимается изучением «языковых особенностей формирования и функционирования образа того или иного государства в конкретном дискурсе» [Костина, 2011, с. 28]. Предметом лингвистической имагологии выступает «вербальное воплощение образа народа или страны в языковом сознании представителей другого народа или страны» [Иванова, 2014, с. 182]. Рассматривая три лика «Другого» — «Другой», «Иной» и «Чужой» — В. В. Феррони отмечает, что под «иным» традиционно понимается тот, у кого «иная» система ценностей «здесь и сейчас», при этом «иной» потенциально готов если не разделять Мои ценности, то понять их [Феррони, 2012, с. 119]. Несмотря на несовпадение ценностных установок «иного» с установками оценивающего, отношения «свой — иной» допускают конструктивный диалог. С «чужим» диалог невозможен по определению: «“Чужой” выглядит как инопланетянин, пришелец, “нелюдь” ... “Чужой” непонятен, потому что Мы не хотим и не можем Его понимать, соизмеряя со своей уютной и привычной реальностью и обнаруживая, что места Ему в ней нет (как и нам нет места в Его реальности)» [Там же, с. 125].

Вместе с тем в современном глобализирующемся мире, по мнению академика А. А. Гусейнова, «мир как человеческий дом становится единым, и никто в нем не является, не может быть чужим» [Гусейнов, 2014, с. 56]. «Диалог культур представляет собой такую форму их взаимодействия, которая не ставит под сомнение различия между ними, не снимает их, не

CC BY

разводит по ценностному критерию, а, напротив, санкционирует, признает в качестве блага, нормы совместной жизни в современном мире» [Там же, с. 55]. В культурно-пространственном измерении XXI века, когда прошлое и настоящее образуют некое полиморфное поле, вопрос о взаимодействии «своей» и «чужой» культур стоит особенно остро [Емельянова, 2021].

Искусство, которое, как отмечает М. В. Москалюк, является сферой духовной самореализации человека и способом образного переосмысления действительности «показывает нам яркий и сложный пример бытования оппозиции «свой — чужой»» [Москалюк, 2014, с. 411]. Вместе с тем эта оппозиция представляет собой изменяющуюся, динамично функционирующую структуру. По мнению ученого, изучение процесса трансформации «чужого» в «свое» является перспективным направлением исследований, а анализ оппозиции «свое-чужое» мог бы раскрыть новые грани взаимопроникновения культур. Согласно трактовке А. Соломона, актуализациия оппозиции «свой — чужой» в искусствоведческом дискурсе предполагает расшифровку закодированных в произведении искусства смыслов в процессе «дружеского присвоения чужого» [Соломон, 2013, с. 35], что, по сути, означает постепенное превращение «чужого» в «своего» и подтверждает динамичность данной оппозиции [Петухова и др., 2021].

В современных исследованиях всё чаще отмечается, что границу между «своим» и «чужим» целесообразно рассматривать не столько как разграничительную линию, сколько как «социальный и политический конструкт, который детерминирует окружающее пространство, превращая его в зону коммуникаций и взаимовлияний» [Верменич, 2012, с. 9]. Если обратиться к знаковым аналитическим работам, посвящённым соцреализму, где такие историки и искусствоведы, как Д. Боулт и Д. Воган, представляют советское искусство западноевропейской аудитории, то можно заметить, что они отмечают принятую в англоязычном социуме стереотипную оценку советского искусства, которая подразумевает идеологическую обусловленность соцреализма как художественного направления [Bowlt, 2017; Vaughan, 1975]. Так, говоря о «чужом» искусстве соцреализма, искусствоведы, согласно сформировавшейся традиции, используют язык оригинала — «narodnost' (people-ness)», «klassovost' (class-ness)», «partijnost' (party-mindedness)» — и интерпретируют это направление в большей степени как политическое, а не собственно художественное. Тем не менее сама попытка понять и проанализировать «чужую» терминологию, с нашей точки зрения, свидетельствует о том, что зарубежные искусствоведы настроены на диалог с советской культурой. Отметим, что М. Баун в анализируемых нами англоязычных текстах для объективации идеологических принципов, оказавших значимое влияние на тематические и стилистические решения

CC BY

соцреалистов, наряду с переводом также использует транслитерацию, сохраняя тем самым близость к языку оригинала. Между тем в исследуемых нарративах наблюдается определенный значимый сдвиг, предпосылки к которому если и были в хрестоматийных работах англоязычных искусствоведов, то прослеживались не так явно. Обозначенный сдвиг проявляется, в частности, в предложенной М. Бауном интерпретации работ соцреалистов: искусствовед подчеркивает не только типичные, идеологически обусловленные особенности советской живописи, но также пытается выявить связи, объединяющие советское и западноевропейское искусство.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1 Фрейм СОЗДАНИЕ НОВОГО ИСКУССТВА как когнитивное основание конструирования нарратива о соцреализме. Первый сценарий.

Как и многие другие исследователи, М. Баун фокусирует свое внимание на особенностях живописи соцреализма, обусловленных идеологической повесткой, и объясняет их подчиненным положением советского искусства по отношению к политике. Язык живописи, которая претендовала на возможность быть представленной зрителю, в большей степени зависел скорее не от естественного развития художественной традиции, а от вполне конкретного хода политической мысли. При этом, осознавая неоднородность высказываний, формировавших официальную идеологию в разные периоды советского времени, автор предпочитает называть значимые для обоснования и развития соцреализма тексты *discourse around art*:

(1) ***The discourse around art*** *evoked all sorts of possible realisms:* ***industrial-technical, dynamic, constructivist, synthetic, dialectical****. Oktyabr rejected "passively contemplative, static, naturalistic realism", and called for "****proletarian realism****", a "****dynamic realism, showing life in movement****".*

All such syntagmas presupposed a kind of dialectic conditioned by ***revolutionary principles****, and the period of class-struggle (roughly 1928—32) was characterized above all by calls for a* ***"dialectical-materialist" art****. These came from Matsa, from Lunacharsky, from the newspaper Soviet Art.* ***There was still no clear consensus about what this art might look like, but artists made an attempt to approach it*** [Bown, 2012, p. 36]. *// Дискурс вокруг искусства приводил к появлению всевозможных видов реализма: индустриально-технического, динамического, конструктивистского, синтетического, диалектического. Идеология октябрьского революционного движения отвергала «пассивно-созерцательный, статичный, натуралистический реализм» и призывала к «пролетарскому реализму», «динамическому реализму, показывающему жизнь в движении». Все подобные фрагменты высказываний*

CC BY

предполагали некую диалектику, обусловленную революционными принципами, а период классовой борьбы (приблизительно 1928—1932 гг.) прежде всего характеризовался призывами к «диалектико-материалистическому» искусству. Такие призывы встречались в высказываниях Мацы, Луначарского, в газете «Советское искусство». Единого мнения о том, каким может быть это искусство, всё ещё не было, но художники стремились приблизиться к нему (здесь и далее перевод наш. — *А. С.*).

Текст М. Бауна свидетельствует о том, что в советском обществе в обсуждениях «вокруг искусства», при обилии терминов, отсутствовало единство их понимания, а также не было ясности по поводу того, как именно идеологически важные тезисы должны находить отражение в невербальной знаковой системе, то есть в живописи (*all sorts of possible realisms; there was still no clear consensus about what this art might look like*). Вместе с тем основными чертами изобразительного искусства соцреализма должны были стать принципы пролетарского реализма, материализма и жизненного динамизма (*proletarian realism; dynamic realism, showing life in movement; "dialectical-materialist" art*).

В качестве когнитивного основания формирования нарратива выступает фрейм СОЗДАНИЕ НОВОГО ИСКУССТВА. Данный фрейм характеризуется определенной вариативностью и имеет две основные конфигурации, которые можно представить как два сценария, отличающиеся по составу акторов и содержанию решаемых ими задач. Первый сценарий представляет собой конфигурацию фрейма, основные терминалы которого содержат информацию о теоретиках марксизма, работы которых послужили основой для нового художественного направления, об идеологах соцреализма, бывших непосредственными участниками описываемых событий, а также информацию о выдвигаемых принципах искусства соцреализма и об основных требованиях, которые предъявлялись к художникам:

(2) *Scholars began to establish a theoretical base for Soviet art.* ***Texts by Lunacharsky*** *were re-published in the aftermath of the Revolution. A number of books exploring* ***the views on art of Karl Marx, Friedrich Engels, and the Russian Marxist Georgi Plekhanov*** *appeared in the 1920s.* ***Lenin's own thoughts*** *were circulated. It was broadly accepted that the new Soviet art must be founded on* ***the principles of dialectical materialism and offer some kind of a realistic reflection of life*** [Bown, 2012, p. 23]. // *Ученые приступили к созданию теоретической базы для советского искусства. Тексты Луначарского переиздавались после революции. В 1920-е годы появился ряд книг, исследующих взгляды на искусство Карла Маркса, Фридриха Энгельса и русского марксиста Георгия Плеханова. Всячески распространялись воззрения Ленина. Утвердилась идея о том, что новое советское искусство*

CC BY

должно быть основано на принципах диалектического материализма и предлагать некое реалистическое отражение жизни.

В приведенном выше фрагменте текста один из основных терминалов фрейма представлен именами людей, чьи работы послужили теоретической и идеологической основой для нового искусства. М. Баун отмечает создателей концепции марксизма, К. Маркса и Ф. Энгельса, руководителя Российской социал-демократической рабочей партии В. И. Ленина, теоретика и последователя марксизма Г. В. Плеханова. Другой значимый терминал фрейма содержит информацию об основных принципах нового искусства: соцреализм должен основываться на диалектическом материализме и реалистическом отражении жизни.

Для конструирования нарратива, как указывалось выше, важным является принцип организации событийности и модальность повествования. Новое искусство возникает в Советском Союзе в определенное время как результат конкретных запланированных событий:

(3) *A stylistic model for socialist realism emerged* ***during the mid-1930s****. The ground was prepared for this by* ***a meeting in 1933 between Stalin and Voroshilov on the one hand Brodski, Alexsandr Gerasimov and Katsman on the other*** *... Stalin laid upon these artists the task of establishing their brand of realism,* ***based on the methods of the Itinerants and Russian academics****, as the dominant one. This approach reflected both Stalin's personal tastes (cf. his fondness for Repin) and his understanding that* ***the resulting art would be the most easily understood by the masses****;* ***it would be both popular and****, as a story-telling art,* ***the best vehicle for propaganda*** [Bown, 1991, p. 92]. // *В середине 1930-х годов возникла стилистическая модель социалистического реализма. Почву для этого подготовила встреча, которая состоялась в 1933 году между Сталиным и Ворошиловым, с одной стороны, и Бродским, Александром Герасимовым и Кацманом, с другой стороны. ... Сталин возложил на этих художников задачу утвердить в качестве доминирующего свой тип реализма, основанный на методах передвижников и русских академиков. Этот подход отражал как личные вкусы Сталина (ср. его любовь к Репину), так и его понимание того, что развивающееся искусство будет наиболее понятным для масс; оно будет общенародным и, как искусство, обладающее содержанием, станет лучшим средством пропаганды.*

Терминалы фрейма СОЗДАНИЕ НОВОГО ИСКУССТВА, который в примере 3 имеет конфигурацию событийного фрейма, заполнены информацией о временной отнесенности описываемых событий (*a meeting in 1933***)**, основных акторах — действующих лицах, которые представлены именами как политических деятелей (*Stalin and Voroshilov*), так и художников, теоретиков искусства, перед которыми была поставлена задача разрабо-

CC BY

тать стилистическую модель нового искусства (*Brodski, Alexsandr Gerasimov and Katsman*). Важными элементами фрейма является информация об истоках нового искусства, о русских традициях, которые оно, по мнению руководителей государства, должно наследовать, а также о его основополагающей характеристике — оно должно быть понятным широким массам. Позиция нарратора в данном фрагменте текста представлена скорее имплицитно, вместе с тем она прослеживается в репрезентации в тексте не только фактуальной информации, но и знаний эксперта о личных предпочтениях Сталина, а также оценочно-маркированной характеристики нового искусства как лучшего средства пропаганды (*the best vehicle for propaganda*).

Принципы соцреализма как нового направления в искусстве начала 30-х годов XX века занимают значимое место в анализируемом нами нарративе:

(4) *Matsa, the most influential theorist of the time, stressed the contingent nature of realism, dependent on an* ***artist's class-consciousness.*** *He urged* ***party-mindedness and involvement in processes of social transformation.*** *In a distinct echo of Bogdanov's organizing principle, AKHR promoted a realism that would organize "not only feelings, but* ***consciousness*** *also"* [Bown, 2012, p. 36]. // *Маца, самый влиятельный теоретик того времени, подчеркивал зависимость реализма от классового сознания художника. Он призывал художников быть внимательными к партийной идеологии и вовлекаться в процессы социальных преобразований. Отчетливо вторя организующему принципу Богданова, ассоциация АХРР продвигала реализм, который должен организовывать «не только чувства, но и сознание».*

В примере 4 представлены имена видных функционеров, которые, по мнению М. Бауна, формировали теоретические основы советского искусства. Среди них он выделяет советского художественного критика И. Л. Мацу, крупнейшего идеолога социализма А. А. Богданова. Как явствует из приведенного фрагмента текста, значимым компонентом фрейма, который выступает в качестве когнитивного основания конструирования нарратива, выступает информация об определенных требованиях к художникам. И. Л. Маца, а также художники Ассоциации художников революционной России (АХРР) считали, что живописцы должны быть сознательными гражданами (*artist's class-consciousness****;*** *a realism that would organize "not only feelings, but consciousness also"*). Они полагали, что художник нового времени обязан разбираться не только в искусстве, но и в актуальных социополитических вопросах. Уже на первом Всероссийском съезде Пролеткультов, был сформулирован тезис о том, что именно искусство должно выступать инструментом, позволяющим объединять массы, воспитывать коллективную сознательность и формировать идейные устремления людей.

CC BY

В контексте определения роли искусства и литературы соцреализма в формировании сознания широких масс интересной представляется трактовка М. Бауна знаменитой фразы «*инженеры человеческих душ*», которая была произнесена И. В. Сталиным на встрече с писателями 26 октября 1932 года в доме Максима Горького. Для характеристики известной фразы Сталина М. Баун использует прилагательное с отрицательной оценочной семантикой *notorious*, означающее ‘пресловутый, имеющий сомнительную известность’:

(5) ***The most notorious single phrase*** *describing Socialist Realism was Zhdanov's, who quoted Stalin to the effect that writers were* ***"engineers of human souls".*** *It is a phrase that blends* ***Soviet technological enthusiasm and ancient Christian belief*** *in a paraphrase of* ***Lunacharsky's bio-mechanical aesthetic and Bogdanov's organizing principle****, although both Lunacharsky (who died in 1933) and Bogdanov (who died in 1928) had fallen out of favour, and neither influence was acknowledged in the discourse of the time* [Bown, 2012, p. 37—38]. // *Самой известной фразой о соцреализме была фраза Жданова, который вслед за Сталиным назвал писателей «инженерами человеческих душ». Эта фраза объединяет советский технологический энтузиазм и древнее христианское мировосприятие в терминах биомеханической эстетики Луначарского и организующего принципа Богданова, хотя и Луначарский (которого не стало в 1933 году), и Богданов (которого не стало в 1928 году) к тому моменту уже впали в немилость, и влияние обоих не признавалось в дискурсе того времени.*

В приведенном фрагменте текста британский искусствовед, анализируя фразу «инженеры человеческих душ», обнаруживает в ней одновременно влияние концепций А. В. Луначарского и А. А. Богданова, а также сочетание энтузиазма по поводу технического прогресса и христианской веры. В тексте М. Бауна содержится указание на непоследовательность в формировании идеологической концепции соцреализма: влияние ряда значимых теоретиков нового подхода в искусстве перестает признаваться властью.

Таким образом, в рамках текстовой актуализации первого сценария, акторами которого выступают партийные лидеры и представители творческой элиты советского общества, М. Баун концентрирует свое внимание на идеологической обусловленности появления нового искусства, отмечает нечеткость в понимании термина *соцреализм* среди теоретиков, указывает на непоследовательность в формировании концепции советской живописи. Повествование носит в основном нейтральный характер, автор констатирует факты, называет значимые имена и характеризует их роль в конструировании теоретической основы соцреализма. Вместе с тем можно отметить, что в тексте присутствуют лексические единицы, которые объ-

CC BY

ективируют отрицательное отношение автора к столь ярко выраженному идеологическому давлению на искусство (*the best vehicle for propaganda, the contingent nature of realism, notorious single phrase*). Отрицательно маркированная оценка, а также указание на навязывание художникам линии партии и давление в отношении их творческого выбора свидетельствуют о реализации в тексте оппозиции «свой — чужой».

3.2 Языковая актуализация роли художника как создателя нового искусства: второй сценарий

Анализируемый фрейм может иметь и иную конфигурацию, когда одним из его значимых компонентов становятся другие акторы, а именно сами художники. Перед создателями произведений изобразительного искусства соцреализма стояла непростая задача: с одной стороны, они в своем творчестве должны были соответствовать ожиданиям, возлагаемым на них руководителями государства, и транслировать идеологически обусловленные образы, а с другой стороны, они пытались следовать своим личным привязанностям в искусстве и, используя язык живописи, передавать любовь к родной земле, русским традициям, значимым социокультурным ценностям:

(6) *Plastov's painting is a fiction in so far as it extols a peasant existence which, we knew, was frequently grim; but it still attains a kind of truth.* ***It stresses a harmony with nature, earthy pleasures and the importance of communal activity*** *— values which may have influenced the development of Soviet communism, but which are most* ***deeply rooted in the traditions of the Russian peasantry****. It was precisely this ability of some artists to find an accommodation between the demands of a party art on the one hand and their private affections on the other which gave rise to* ***the most convincing works of socialist realism*** [Bown, 1991, p. 92]. // *Картина Пластова не соответствует реальности, поскольку она восхваляет крестьянское существование, которое, как нам известно, нередко бывало мрачным; но художник всё же достигает своего рода истины. Он подчеркивает гармонию с природой, земные удовольствия и важность совместной деятельности — ценности, которые могли повлиять на развитие советского коммунизма, но наиболее глубоко укоренились в традициях русского крестьянства. Именно эта способность некоторых художников находить компромисс между требованиями партийного искусства, с одной стороны, и их личными привязанностями, с другой, породила наиболее убедительные произведения социалистического реализма.*

Пример 6 демонстрирует желание М. Бауна при анализе картины Аркадия Пластова «Колхозный праздник» не только показать созданный мастером идеологически обусловленный образ, но и проследить наследуемые художником традиционные ценности русского крестьянства. Стремление

CC BY

советских художников найти в своем искусстве баланс между требованиями партии и личными творческими привязанностями высоко оценивается зарубежным искусствоведом (*the most convincing works of socialist realism*).

Значимым для искусства соцреализма является образ нового советского человека. Несмотря на то, что такой образ был незнаком западным экспертам, М. Бауну удалось прочувствовать его своеобразие и притягательность. Так, например, анализируя образ новой советской женщины, созданный художниками и скульпторами соцреализма, искусствовед находит в нем воплощение не только физической силы, но и внутренней грации:

(7) ***The New Soviet Woman*** *...* ***went against the delicate grain of the Western ideal.*** *She was* ***a physically robust version of womanhood*** *— broad-shouldered, broad-hipped, big-boned — in short, the type of the Russian woman herself ... Deineka painted this ideal often, famously in A Mother, a monumental Soviet Madonna ...*

A Deinekaesque woman, ***full of inner grace****, was the subject of another famous sculpture of the 1930s, the larger-than-life 'Girl with a Butterfly' by Sarra Lebedeva. It is* ***a deeply charming work****, a monumental meditation on the sculptor's absolutes of motion and stillness, weightlessness and gravity* [Bown, 1991, p. 114—115]. // *Новая советская женщина ... шла вразрез с тонким западным идеалом женщины. Это был образ физически крепкой женщины — широкоплечей, широкобедрой, ширококостной — словом, образ русской женщины ... Дейнека часто изображал этот идеал, например, на картине «Мать», образ монументальной советской Мадонны ...*

Дейнекианская женщина, полная внутренней грации, стала предметом изображения в знаменитой скульптуре 1930-х годов, грандиозной «Девочке с бабочкой» Сарры Лебедевой. Это очаровательная работа, монументальное размышление скульптора об абсолютах движения и неподвижности, невесомости и гравитации.

М. Баун в представленном фрагменте текста анализирует образ новой советской женщины, противопоставляя его существующему на Западе идеалу. Советская женщина сочетает, с одной стороны, крепкое сложение, здоровье и выносливость (*a physically robust version of womanhood*), а с другой — красоту и грацию (*Deinekaesque woman, full of inner grace*). Несмотря на отличия от традиционного женского образа, создаваемого представителями западного искусства, образ новой советской женщины не отвергается зарубежным экспертом, он находит в нем особое очарование (*a deeply charming work*). Следует отметить, что при вербализации такой конфигурации исследуемого фрейма, когда терминал, содержащий информацию об акторах, заполнен именами художников, создателей произведений искусства соцреализма, эксплицитно актуализируется модальность нарратива, под которой мы по-

CC BY

нимаем личное оценочно маркированное отношение нарратора к работам советских мастеров. Положительно маркированная оценка, стремление автора текста идентифицировать транслируемые советскими художниками социокультурные ценности, понимание отличного от западного, но имеющего художественную ценность образа, создаваемого мастерами соцреализма, свидетельствуют об актуализации оппозиции «свой — другой».

4. Заключение = Conclusions

Проведенное исследование показывает, что Мэтью Баун анализирует изобразительное искусство соцреализма, рассматривая специфику его возникновения и развития в контексте идеологически обусловленных факторов, которые определяли основные направления творческой деятельности художников. Конструируемый им историко-искусствоведческий нарратив ценен своей законченностью. Искусствовед обращается к разным периодам советской эпохи и излагает собственное, комплексное видение развития советского искусства.

Когнитивным основанием формирования нарратива выступает фрейм СОЗДАНИЕ НОВОГО ИСКУССТВА, характеризующийся определенной вариативностью и представленный двумя основными конфигурациями, которые можно рассматривать как два сценария, отличающиеся по составу акторов и содержанию решаемых ими задач. Искусствовед предлагает читателю рассматривать влияние идеологической повестки («discourse around art») с двух позиций. Акторами первого сценария выступают идеологи соцреализма, партийные лидеры, а также некоторые художники, одновременно являвшиеся теоретиками данной идеологии. Автор искусствоведческого текста не принимает установку на борьбу с «социально чуждыми элементами» и решениями, противоречащими официальной идеологии. М. Баун обнаруживает неоднородность, неточность официального дискурса. Данный сценарий актуализируется в рамках оппозиции «свой — чужой». Акторами второго сценария выступают советские художники-соцреалисты, пытавшиеся выработать художественный язык, который соответствовал бы требованиям идеологической и политической направленности, но в то же время реализовывал их творческий потенциал и способствовал репрезентации личных, профессиональных и социокультурных ценностей. Данный сценарий актуализируется в нарративе в рамках оппозиции «свой — другой» и характеризуется эксплицитной положительно-маркированной аксиологической модальностью. Решаемые М. Бауном задачи состоят в том, чтобы понять специфику становления и развития соцреализма как самостоятельного художественного направления, проанализировать работы конкретных художников и дать им оценку.

CC BY

При вербализации второго сценария соцреализм рассматривается как другое, отличающееся от западного, искусство, но в то же время принимается зарубежным экспертом как значимое явление.

Тот факт, что в англоязычном историко-искусствоведческом нарративе о соцреализме актуализируется не только оппозиция «свой — чужой», но и оппозиция «свой — другой», говорит о том, что враждебность в ситуации оценки советского изобразительного искусства за рубежом нивелируется, что способствует формированию толерантного подхода к диалогу и межкультурному взаимодействию в области искусства.

Искусствоведческие тексты М. Бауна репрезентируют изменения в восприятии изобразительного искусства соцреализма зарубежными экспертами. Интерес к советской живописи, а также желание англоязычных искусствоведов видеть в соцреализме не только идеологически обусловленное течение, но и обладающее своими особыми чертами художественное направление означают готовность к продолжению межкультурного диалога, раскрытию ценностной составляющей живописи соцреализма, обогащению и трансляции исторической культурной памяти об этом явлении.

Литература

1. *Ассман Я.* Культурная память : письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман. — Москва : Языки славянской культуры, 2004. — 368 с. — ISBN 5-94457-176-4.

2. *Беляевская Е. Г.* Фрейм? Фрейм… Фрейм! / Е. Г. Беляевская // Когнитивные исследования языка. — 2021. — № 4 (47). — С. 17—24.

3. *Болдырев Н. Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка / Н. Н. Болдырев. — Москва : Издательский Дом ЯСК, 2019. — 480 с. — ISBN 978-5-907117-21-1.

4. *Васильев А. Г.* Культурная память/забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализа / А. Г. Васильев // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке : коллективная монография. — Москва : Совпадение, 2015. — С. 29—58. — ISBN 978-5-903060-82-5.

5. *Верменич Я. В.* Историческая лимология : проблемы концептуализации / Я. В. Верменич // Диалог со временем. — 2012. — Выпуск 40. — С. 5—26.

6. *Гусейнов А. А.* «Свои» и «чужие» в глобализирующемся мире / А. А. Гусейнов // Диалог культур и партнерство цивилизаций : XIV Международные Лихачевские научные чтения, 15—20 мая 2014 г. — Санкт-Петербург : СПбГУП, 2014. — С. 55—57. — ISBN 978-5-7621-0791-4.

7. *Денисова Н. В.* Иконология и контекстуализация как ключ к пониманию поликодового текста произведения живописи / Н. В. Денисова // Когнитивные исследования языка. — 2020. — № 3 (42). — С. 337—341.

8. *Денисова Н. В.* Концептуальное искусство как способ консолидации коллективной памяти / Н. В. Денисова // Когнитивные исследования языка. — 2021. — № 3 (46). — С. 335—339.

9. *Емельянова О. В.* Диалог культур: к вопросу о связях советского и западноевропейского изобразительного искусства / О. В. Емельянова, А. В. Стрельцова // Общие и

CC BY

частные вопросы филологии и переводоведения в контексте межкультурного взаимодействия : сборник научных статей по материалам XXXI Международной научно-практической конференции. — Чебоксары : Чкваш ский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева, 2021. — С. 301—306.

10. *Иванова Л. П.* О целесообразности спецкурса по лингвоимагологии в системе подготовки филолога и журналиста / Л. П. Иванова // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского, Серия Филология. Социальные коммуникации. — 2014. — Том 27 (66). — № 1, Часть 1. — С. 182—187.

11. *Костина К. В.* Аксиологический аспект языковой репрезентации образа России в современном немецком медиадискурсе : диссертация … кандидата филологических наук / К. В. Костина. — Иркутск, 2011. — 171 с.

12. *Красных В. В.* Словарь и грамматика лингвокультуры / В. В. Красных. — Москва : Гнозис, 2016. — 496 с. — ISBN 978-5-94244-051-0.

13. *Москалюк М. В.* «Свои» и «чужие» через призму искусства / М. В. Москалюк // Диалог культур и партнерство цивилизаций : XIV Международные Лихачевские научные чтения, 15—20 мая 2014 г. — Санкт-Петербург : СПбГУП, 2014. — С. 411—414. — ISBN 978-5-7621-0791-4.

14. *Никонова Ж. В.* Лингвокогнитивная природа фрейма / Ж. В. Никонова // Вестник Университета Российской академии образования. — 2008. — № 5. — С. 38—41.

15. *Петухова Т. И.* Новое знание и биполярность оценочной интерпретации изобразительного искусства в англоязычном искусствоведческом дискурсе / Т. И. Петухова, Е. Г. Хомякова // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2020. — № 4. — С. 53—63. — DOI: 10.20916/1812-3228-2020-4-53-63.

16. *Петухова Т. И.* Языковая репрезентация межкультурных отношений в англоязычном дискурсе, посвященном советскому изобразительному искусству периода «Оттепели» / Т. И. Петухова, Н. Ю. Соколова, Е. Г. Хомякова // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2021. — № 4. — С. 67—77. — DOI: 10.20916/1812-3228-2021-4-67-77.

17. *Силантьева В. Г.* Особенности исторического нарратива в англоязычных искусствоведческих текстах, посвященных советскому искусству / В. Г. Силантьева // Диалоги о культуре и искусстве : материалы XI Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Пермь, 14—16 октябрь 2021 г.). — Пермь : РИО УНИД, 2021. — С. 281—287. — ISBN 978-5-91201-404-8.

18. *Феррони В. В.* Три лика Другого: «Другой», «Иной», «Чужой» / В. В. Феррони // Вестник Воронежского государственного университета. — 2012. — № 1. — С. 112—130.

19. *Bowlt E. John*. Russian Art of the Avant Garde: Theory and Criticism 1902—1934 / J. E. Bowlt (ed). — London, New York : Thames & Hudson, 2017. — 371 p.

20. *Bown M.* Art of the Soviets. Painting, Sculpture and Architecture in a One-Party State, 1917—1992 / M. Bown, B. Taylor (ed.). — Manchester and New York : Manchester University Press, 1993. — 231 p.

21. *Bown M*. Art under Stalin / M. Bown. — New York : Holmes & Meier Publishers, 1991. — 256 p. — ISBN 978-0841912991.

22. *Bown M.* Foreword / M. Bown // Socialist Realisms. Soviet Painting 1920—1970. — Italy : Skira, 2012. — P. 17—129.

23. *Bown M.* Socialist Realist Painting / M. Bown. — London : Yale University Press, 1998. — 528 p.

24. *Donald M.* Art and Cognitive Evolution / M. Donald // The Artful Mind. Cognitive Science and the Riddle of Human Creativity / M. Turner (ed.). — Oxford University Press, 2006. — P. 3—20.

25. *Socialist* Realisms. Soviet Painting 1920—1970 / M. Bown, M. Lafranconi (ed.). — Italy : Skira, 2012. — 295 c. — ISBN 978-8-8572-1373-6.

26. *Solomon A.* The Irony Tower: Soviet Artists in a Time of Glasnost / A. Solomon. — USA : Knopf, 1991. — 310 p.

27. *Vaughan J. C.* Soviet Socialist Realism: Origins and Theory / J. C. Vaughan. — London : Macmillan, 1975. — 146 p.

References

Assman, J. (2004*). Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 368 p. ISBN 5-94457-176-4. (In Russ.).

Belyaevskaya, E. G. (2021). Frame? Frame... Frame! *Cognitive Language Studies, 4 (47):* 17—24. (In Russ.).

Boldyrev, N. N. (2019). *Language and knowledge system. Cognitive theory of language.* Moscow: Publishing House YASK. 480 p. ISBN 978-5-907117-21-1. (In Russ.).

Bowlt, E. John. (ed). (2017). *Russian Art of the Avant Garde: Theory and Criticism 1902—1934*. London, New York : Thames & Hudson. 371 p.

Bown, M. (1991). *Art under Stalin*. New York: Holmes & Meier Publishers. 256 p. ISBN 978-0841912991.

Bown, M. (1998). *Socialist Realist Painting*. London : Yale University Press. 528 p.

Bown, M. (2012). Foreword. In: *Socialist Realisms. Soviet Painting 1920—1970*. Italy : Skira. 17—129.

Bown, M., Lafranconi, M. (eds.). (2012). *Socialist Realisms. Soviet Painting 1920—1970.* Italy : Skira. 295 c. ISBN 978-8-8572-1373-6.

Bown, M., Taylor, B. (eds.). (1993). *Art of the Soviets. Painting, Sculpture and Architecture in a One-Party State, 1917—1992*. Manchester and New York: Manchester University Press. 231 p.

Denisova, N. V. (2020). Iconology and contextualization as a key to understanding the polycode text of a painting. *Cognitive Language Studies, 3(42):* 337—341. (In Russ.).

Denisova, N. V. (2021). Conceptual art as a way of consolidating collective memory. *Cognitive Language Studies, 3(46):* 335—339. (In Russ.).

Donald, M. (ed.). (2006). Art and Cognitive Evolution. In: *The Artful Mind. Cognitive Science and the Riddle of Human Creativity*. Oxford University Press. 3—20.

Emelyanova, O. V., Streltsova, A. V. (2021). Dialogue of cultures: on the issue of connections between Soviet and Western European fine arts. In: *General and particular issues of philology and translation studies in the context of intercultural interaction: collection of scientific articles based on materials of the XXXI International scientific and practical conference*. Cheboksary: Chkvash State Pedagogical University named after I. Ya. Yakovleva. 301—306. (In Russ.).

Ferroni, V. V. (2012). Three faces of the Other: “Other”, “Other”, “Alien”. *Bulletin of the Voronezh State University, 1:* 112—130. (In Russ.).

Guseinov, A. A. (2014). “Friends” and “strangers” in a globalizing world. In: *Dialogue of Cultures and Partnership of Civilizations: XIV International Likhachev Scientific Readings, May 15—20, 2014.* St. Petersburg: St. Petersburg State Unitary Enterprise. 55—57. ISBN 978-5-7621-0791-4.

Ivanova, L. P. (2014). On the expediency of a special course on linguoimagology in the system of training a philologist and journalist*. Uchenyye zapiski Tavricheskogo nat-*

CC BY

sionalnogo universiteta im. V. I. Vernadsky, Series Philology. Social Communications, 27, 1/1: 182—187. (In Russ.).

Kostina, K. V. (2011). *The axiological aspect of the linguistic representation of the image of Russia in modern German media discourse*: PhD Diss. Irkutsk. 171 p. (In Russ.).

Krasnykh, V. V. (2016). *Dictionary and grammar of linguistic culture*. Moscow: Gnosis. 496 p. ISBN 978-5-94244-051-0. (In Russ.).

Moskalyuk, M. V. (2014). "Friends" and "strangers" through the prism of art. In: *Dialogue of Cultures and Partnership of Civilizations: XIV International Likhachev Scientific Readings, May 15—20, 2014.* St. Petersburg: SPbGUP. 411—414. ISBN 978-5-7621-0791-4. (In Russ.).

Nikonova, Zh. V. (2008). Linguistic and cognitive nature of the frame. *Bulletin of the University of the Russian Academy of Education, 5:* 38—41. (In Russ.).

Petukhova, T. I., Khomyakova, E. G. (2020). New knowledge and bipolarity of the evaluative interpretation of fine arts in the English-language art criticism discourse. *Questions of cognitive linguistics, 4:* 53—63. DOI: 10.20916/1812-3228-2020-4-53-63. (In Russ.).

Petukhova, T. I., Sokolova, N. Yu., Khomyakova, E. G. (2021). Language representation of intercultural relations in the English-language discourse dedicated to the Soviet fine arts of the "Thaw" period. *Questions of cognitive linguistics, 4:* 67—77. DOI: 10.20916/1812-3228-2021-4-67-77. (In Russ.).

Silantyeva, V. G. (2021). Features of the historical narrative in English-language art texts dedicated to Soviet art. In: *Dialogues about culture and art: materials of the XI All-Russian scientific and practical conference with international participation (Perm, October 14—16, 2021.).* Perm: RIO UNID. 281—287. ISBN 978-5-91201-404-8. (In Russ.).

Solomon, A. (1991). *The Irony Tower: Soviet Artists in a Time of Glasnost*. USA: Knopf. 310 p.

Vaughan J. C. (1975). *Soviet Socialist Realism: Origins and Theory*. London : Macmillan. 146 p.

Vermenich, Ya. V. (2012). Historical limology: problems of conceptualization. *Dialogue with time, 40:* 5—26. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 08.12.2021,
одобрена после рецензирования 12.04.2022,
подготовлена к публикации 25.04.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Шереметьева Е. С. Формально-смысловая структура контекстов текстовой скрепы *И ПОТОМ* / Е. С. Шереметьева, Цао Сяоминь // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 4. — С. 172—185. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-172-185.

Sheremetyeva, E. S., Cao Xiaomin. (2022). Formal and Semantic Structure of Contexts of Text Clip AND THEN. *Nauchnyi dialog, 11(4):* 172-185. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-172-185. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU EBSCOhost

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-172-185

Формально-смысловая структура контекстов текстовой скрепы *И ПОТОМ*

Шереметьева Елена Сергеевна
orcid.org/0000-0003-1154-1091
доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры
русского языка и литературы
e.sheremetyeva@gmail.com

Цао Сяоминь
orcid.org/0000-0001-7815-3232
аспирант кафедры
русского языка и литературы
690297518@qq.com

Дальневосточный
федеральный университет
(Владивосток, Россия)

Formal and Semantic Structure of Contexts of Text Clip AND THEN

Elena S. Sheremetyeva
orcid.org/0000-0003-1154-1091
Doctor of Philology, professor,
Department of Russian Language
and Literature
e.sheremetyeva@gmail.com

Cao Xiaomin
orcid.org/0000-0001-7815-3232
PhD student, Department
of Russian Language and Literature
690297518@qq.com

Far Eastern Federal University
(Vladivostok, Russia)

© Шереметьева Е. С., Цао Сяоминь, 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается текстовая скрепа *И ПОТОМ* с точки зрения ее формирования как служебной единицы и с точки зрения специфики контекстов, в которых она функционирует. Материал исследования извлечен из Национального корпуса русского языка. Актуальность работы обусловлена тем, что объект исследования представляет интерес как в плане многоаспектного изучения системы служебных слов в целом и специализированных средств текстовой связи, в частности, так и в аспекте изучения принципов организации самого текста, формирования его содержания и структуры. Утверждается, что семантика следования составляющих скрепу *И ПОТОМ* элементов явилась базой для развития текстовой функции скрепы. Обосновывается присоединительная семантика скрепы на основе ее функции введения дополнительного сообщения и маркера смены аспекта обсуждения одной темы. Доказывается, что текстовая скрепа указывает не на отношения следования между пропозициями, а на последовательность в развитии мысли говорящего. Особое внимание уделяется классификации типовых контекстов скрепы, построенной с учетом характера отношений внутри фрагментов текста, связанных с помощью скрепы. Делается вывод, что текстовая скрепа *И ПОТОМ* обладает как способностью к тематической организации текста, так и признаками показателя логико-семантических отношений.

Ключевые слова:
текст; текстовая скрепа; контекст; присоединение; синтаксис.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The textual clip *AND THEN* from the point of view of its formation as a service unit and from the point of view of the specifics of the contexts in which it functions is considered. The research material is taken from the National Corpus of the Russian Language. The relevance of the work is due to the fact that the object of study is of interest both in terms of a multidimensional study of the system of functional words in general and specialized means of text communication, in particular, and in the aspect of studying the principles of organizing the text itself, forming its content and structure. It is argued that the semantics of succession the elements that make up the clip *AND THEN* was the basis for the development of the textual function of the clip. The connective semantics of the clip is substantiated on the basis of its function of introducing an additional message and a marker for changing the aspect of the discussion of one topic. It is proved that the textual clip does not indicate the relationship of succession between propositions, but the sequence in the development of the speaker's thought. Particular attention is paid to the classification of typical contexts of the clip, built considering the nature of the relationships within the text fragments connected with the clip. It is concluded that the textual clip *AND THEN* has both the ability to thematic organization of the text, and the signs of an indicator of logical-semantic relations.

Key words:
text; text clip; context; adjunction; syntax.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 811.161.1’367.7

Формально-смысловая структура контекстов текстовой скрепы *И ПОТОМ*

© Шереметьева Е. С., Цао Сяоминь, 2022

1. Введение = Introduction

Изучение текстовых средств связи оказывается на пересечении двух крупных лингвистических направлений исследования: осмысления развития системы служебных слов и изучения феномена текста (в разных аспектах).

Настоящая статья является продолжением разговора об особенностях функционирования единиц текстового уровня, который ведется на страницах данного журнала [Гускина и др., 2018; Гускина и др., 2019; Конева и др., 2021; Пилюгина и др., 2019; Пилюгина, 2022].

Объектом изучения является текстовая скрепа *И потом*. Цель статьи — представить результаты исследования формальной и смысловой структуры контекстов, в которых функционирует названная скрепа.

В работах, посвященных тестовым скрепам, неоднократно отмечалось, что этот термин в разных научных школах имеет разную смысловую нагрузку. В частности, еще одна точка зрения на понятие «текстовая скрепа» высказана О. Ю. Иньковой в [Инькова, 2021]. О. Ю. Инькова предложила использовать этот термин по отношению к тем единицам, которые выполняют функцию маркирования тематической организации текста, в противоположность тем связующим средствам, которые устанавливают между фрагментами текста логико-семантические отношения [Там же, с. 19].

Предложенный подход заслуживает внимания и в то же время требует дополнительной проверки путем непосредственного наблюдения над функционированием каждой отдельной единицы из числа тех, которые относятся к классу текстовых скреп.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Текстовая скрепа *И потом* включается в разряд, который А. Ф. Прияткина назвала «скрепы-фразы» на основании того, что такие текстообразующие единицы обладают интонационным признаком отдельного высказывания («интонация точки») [Прияткина, 2003, с. 530]. В письменном тексте, кроме точки, для скрепы-фразы характерно оформление с помощью двоеточия, при этом, по мнению А. Ф. Прияткиной, двоеточие является прямым знаком скрепы-фразы, поскольку отражает намерение говорящего отразить на письме ее специфическую функцию [Там же, с. 534].

CC BY

Позиции перед точкой и перед двоеточием являются типичными позициями для *И потом*. Характерна для нее и позиция в начале предложения перед запятой, но при любом пунктуационном оформлении функция скрепы не изменяется. Этой функцией является введение добавочного сообщения [Цао Сяоминь, 2021], а сама скрепа, по нашему мнению, является одним из ярких представителей служебных единиц, оформляющих присоединительные отношения.

Вопрос о точках зрения на понятие «присоединение» также поднимался на страницах настоящего журнала [Сигал, 2021], история изучения присоединительных конструкций кратко освещена в [Ярыгина, 2021], поэтому мы остановимся только на тех моментах теории присоединения, которые важны для нашего исследования.

Анна А. Зализняк считает, что, говоря о присоединении, необходимо разграничивать уровень логико-семантических отношений между пропозициями и «уровень коммуникативной организации высказывания» [Зализняк, 2017, с. 23]. Она определяет присоединение как коммуникативную стратегию, суть которой заключается в установке говорящего подать информацию «в два этапа» [Там же].

В монографии О. Ю. Иньковой и Э. Манзотти [Инькова и др., 2019] проводится анализ ряда логико-семантических отношений, объединенных по признаку соотнесения общего / частного или элемента / множества, и средств выражения этих отношений. В этот ряд авторы включают отношения аддитивности (в терминах русистики — присоединительные отношения). В отличие от Анны А. Зализняк, авторы указанной монографии не выводят присоединение за рамки логико-смысловых отношений. По их мнению, аддитивные отношения — это «результат суммирования» или объединение «как минимум двух однотипных положений дел, сводимых к общему знаменателю» [Инькова и др., 2019, с. 330], а связанные отношениями аддитивности фрагменты «выполняют одинаковые семантические функции» [Там же]. В монографии подтверждается одно из базовых утверждений исследователей-русистов, что в основе присоединения лежит идея добавления (см., например, [Крючков, 1950, с. 400; Виноградов, 1984, с. 33—34]): отмечается, что специализированные показатели аддитивности «всегда активируют пресуппозицию добавления» [Инькова и др., 2019, с. 327] и что значение добавления показателей аддитивности «не устраняется в контексте» [Там же, с. 366].

Материал для наблюдений, использованный в статье, был получен методом специализированной выборки из Национального корпуса русского языка (НКРЯ): были отобраны тексты, в которых скрепа *И потом* находится либо в изолированной позиции (между двумя точками), либо в начале предложения перед двоеточием, запятой или тире.

CC BY

Для выявления типов контекстов анализировался левый, расположенный до скрепы, и правый, расположенный после скрепы, фрагменты текста (предтекст и посттекст). При необходимости уточнить границы сферы действия скрепы проводился дополнительный поиск расширенного левого и правого контекстов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Скрепа *И потом* в толковых словарях русского языка

Термин *скрепа* применяется по отношению как к отдельному слову, так и к разного рода сочетаниям слов и отражает их синтаксическую функцию, поэтому в толковых словарях он не употребляется при квалификации словарной единицы. Тем не менее сама единица *И потом* нашла отражение в этих словарях, хотя и в неявном виде — внутри словарной статьи заголовочного слова *потом*.

Важно было проследить, как со временем менялось представление слова *потом* в словарных статьях разных словарей. В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова *потом* квалифицируется как наречие со значением ‘спустя некоторое время’ и оттенком значения ‘далее, вслед за тем, после’ [ТСРЯ, 1939, т. 3, с. 655]. В «Словаре русского языка», известном как Малый академический словарь (МАС), информация в словарной статье значительно меняется: выделяются два значения наречия *потом*: 1. «Спустя некоторое время, после этого, затем», с оттенком этого значения «вслед за кем-, чем-л. (о расположении в пространстве)». 2. «Кроме того, еще, также: *Всего твоего состояния мало, чтобы выручить меня. Потом я не могу жить в бедности, да и ты не можешь* (А. Островский)» [СРЯ, 1959, т. 3, с. 455]. Второе значение, выделенное в МАС, отражает существенно иную функцию слова, которое еще квалифицируется в словаре как наречие. В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой изменения в словарной статье слова *потом* носят принципиальный характер: во втором значении *потом* квалифицируется как союз: «2. союз, обычно в сочетании с “и”, “а”. Кроме того, в добавление к сказанному (разг). *Не хочу ехать, и (а) потом у меня и денег нет*» [Ожегов и др., 1994, с. 563]. В «Большом толковом словаре» С. А. Кузнецова характеристика *потом* в функции союза не отличается от характеристики, приведенной в словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [БТС, 1998, с. 942].

Анализ словарных статей позволяет сделать три вывода: во-первых, в толковых словарях с течением времени отражается изменение частеречной квалификации и функций слова *потом* — от наречия к союзу (к связующему средству); во-вторых, характеристика *потом* в связующей функции как союза свидетельствует о расширенном понимании части речи «союз»;

CC BY

в-третьих, в роли средства связи *потом* активно взаимодействует с компонентом *и*.

3.2. Состав скрепы и семантика ее элементов

Итак, анализируемая скрепа состоит из двух элементов — союза *и* и местоименного наречия *потом*, утратившего в функции скрепы знаменательный характер. Квалификация компонента *и* как союза, а не как частицы основывается на том, что у этого компонента в составе скрепы нет усилительно-выделительного значения, которое приписывается частице *и* [Шимчук и др., 1999, с. 69].

Взаимодействие этих элементов неслучайно: *потом*-наречие имеет временную семантику следования: «следуя за каким-л. событием, явлением, действием; затем» [БТС, 1998, с. 942], и то же значение следования видят у союза *и* [Кручинина, 1988, с. 20]. Все остальные значения союза *и*, по мнению И. Н. Кручининой, являются производными от значения следования [Там же, с. 22].

Таким образом, в рамках того фрагмента текста, на который распространяется сфера действия скрепы *И потом*, должны формироваться отношения следования. Однако важно различать отношения следования, которые отражают отношения между ситуациями или событиями, представленными в тексте или его фрагменте, и отношения следования, отражающие ход мысли говорящего. Сравним несколько текстов.

(1) *Так он набрел сначала на кафе — в которое не вошел, но счастливый своим открытием.* ***И потом —*** *на маленький магазинчик* (О. Павлов. Асистолия // Знамя, 2009). (2) *Как-то раз она попросила меня посмотреть на список скульптур. Я стал читать вслух: товарищ Сталин, товарищ Ленин, товарищ Маркс, товарищ Энгельс.* ***И потом:*** *«Ископаемые чудовища» Ватагина. Я прочел все это без остановки, на одном дыхании* (С. П. Капица. Мои воспоминания). (3) *А девчонка уже напевала тоненьким голоском какую-то чушь: Мама, я лезу, Мама, я лезу.* ***И потом:*** *Лежу с разбитой головой…* (М. Ганина. По Витиму — на материк...). (4) *Кстати, интервью — мой самый нелюбимый жанр. На мой взгляд, он самый искусственный из всех жанров. Нет такого в разговоре, чтобы задали умный вопрос и на него четко и ясно по полочкам ответил собеседник.* ***И потом,*** *за всю жизнь я не задал никому никакого вопроса, ну разве что «Сколько времени?»* (Е. Тюшина, В. Краснов. «Облака» Владимира Краснова (2013.05.28) // Новгородские ведомости, 2013).

В (1) показаны отношения временной последовательности между фрагментами ситуации «прогулка»; наречие *потом* коррелирует с другим наречием временной семантики — *сначала*; кроме того, можно сказать, что

CC BY

наречие занимает зависимую от глагола *набрел* позицию (*набрел сначала на…, потом на…*).

В (2) и (3) представлена временная последовательность речевых действий. В отличие от (1), в (2) и (3) нет глагольной формы, от которой непосредственно зависит наречие *потом*, ее можно восстановить с большей или меньшей степенью точности в (2): *прочитал, произнес*, но в (3) вставка возможных слов типа *пропела / последовало / услышали* искажает смысл высказывания, так как в нем описывается одновременно и последовательность строк песни, и восприятие этой песни окружающими.

В (1) — (3) наречие *потом* указывает на временную последовательность отношений между действиями или их составляющими. При этом в (2) и (3) у сочетания *И потом* наблюдаются признаки текстовой скрепы, но *потом* сохраняет частеречную принадлежность (местоименное наречие) и временную семантику.

В (4) скрепа *И потом*, в составе которой *потом* уже грамматикализовалось, указывает на последовательность в рассуждении говорящего. С ее помощью к уже высказанной по поводу интервью мысли присоединяется еще одна вербализованная мысль. Говорящий с помощью *И потом* сознательно отмечает эту присоединенную мысль как дополнительную. Отношения следования сохраняются, но временной характер отношений утрачивается. В подобных употреблениях сочетание *И потом*, приобретая функцию скрепы, развило способность формировать присоединительные отношения. Такая скрепа функционирует в иных, по сравнению с показанными в (1) — (3), контекстах.

3.3. Типы и структура контекстов

Во всех контекстах текстовой скрепы *И потом* наблюдается последовательное развитие одной темы. Это их общий признак. Различаются контексты смысловым наполнением. В ходе анализа было установлено, что скрепа может вводить или добавочную информацию, или дополнительную аргументацию [Цао Сяоминь, 2021], которые могут иметь различное оформление.

Можно выделить следующие типовые контексты скрепы *И потом*.

3.3.1. Информативный контекст

Это такой вид контекста, в котором левый и правый контексты скрепы содержательно представляют собой однородные сообщения, касающиеся общей темы.

Для таких контекстов характерен формально-смысловой параллелизм в структуре предтекста и посттекста, например: (5). *Но* ***необходимы*** *проект-*

CC BY

ные решения, учитывающие все факторы риска. ***Нужен*** *международный механизм, осуществляющий контроль добычи с учетом фактора сейсмического риска.* ***Нужна*** *система квотирования* **—** *по аналогии с ограничителем педали газа в автомобиле.* ***И потом:*** *все живущие на берегах Каспийского моря* ***должны*** *организовывать свою жизнь с учетом возможных негативных процессов* (Б. Ахмедханов, М. Даниялов. Пока земля нас еще носит // «Однако», 2009). В (5) модальные предикаты формируют одновременно и формальную, и смысловую однородность. При этом добавочный характер введенной скрепой информации подчеркивается не только самой скрепой, но и заменой предикатов необходимости предикатом долженствования, который указывает на иной аспект в развитии темы.

Однако однотипность левого и правого контекста не обязательна: добавочная информация, вводимая скрепой, может отражать резкий поворот мысли, но единство темы при этом сохраняется. Например: (6). *Репетиторов мы не нанимали, — поделилась в интервью «КП» экс-фабрикантка. — Большую часть времени с Темой занималась моя мама. Читать, считать и писать Артем умеет уже давно.* ***И потом:*** *Интернет и компьютер — это великие вещи. Артем научился печатать гораздо раньше, чем писать, как и многие дети сейчас* (О. Воронцова. Кто из российских звезд поведет детей в первый класс // Комсомольская правда, 2013.08.30). В (6) общая тема «подготовка к школе без репетиторов» раскрывается в двух аспектах: с ребенком целенаправленно занималась бабушка и современная жизнь дает дополнительные возможности развития.

В информативных контекстах скрепа *И потом* может взаимодействовать с другими текстовыми показателями последовательного развития темы, такими как *во-первых, во-вторых*. И в таких структурах вводимый с помощью *И потом* фрагмент текста заключает в себе небольшой поворот в обсуждении темы, например:

(7) *<…> сколько форм может принимать снежинка — этого еще никто не знает. Впрочем, не совсем так: установлено, что существуют две основные формы — шестиугольная пластинка и шестиугольная звездочка. Но,* ***во-первых,*** *это основные формы, а* ***во-вторых,*** *и в пределах этих двух основных форм природа способна на бесконечные вариации: столбики, ежи, иглы, пластинки, пушинки и т. д. и т. п.* ***И потом:*** *не во всех случаях ледяной кристаллик-снежинка, оторвавшись от облака, долетает до вашей ладони неизменным. Так, в сухую морозную погоду снежинка, долетев до земли, как бы усыхает, съеживается. И наоборот, во влажном теплом воздухе она становится похожей на мохнатые хлопья* (В. А. Мезенцев. Чудеса: Популярная энциклопедия. Т. 1, 1991). В (7) по ходу развития темы «количество форм снежинок» информация, введенная скрепой *И потом*,

CC BY

модифицирует тему: остается разговор о формах снежинки, но он идет уже не об их количестве, а об их качестве. Эта модифицированная тема развивается в последующих предложениях правого контекста.

3.3.2. Контекст-рассуждение

Левый и правый контексты могут представлять собой вопросительные предложения. Такие контексты очень характерны для скрепы. Вопросительные предложения могут выполнять первичную функцию — то есть представлять собой прямой вопрос, направленный к адресату и предполагающий ответ (собственно вопросительные предложения), например: (8). — *Постойте-ка… — перебила Поля, неподкупно отстраняясь от протянутой к ней руки. — Я только спросить хочу, кто же, ведь народ хозяин лесу-то?* ***И потом:*** *известно ли Ивану Матвеичу, какая стройка идет в стране… и зачем его рубят, этот самый лес?* (Л. М. Леонов. Русский лес).

Но чаще вопросительные предложения в контекстах со скрепой *И потом* выполняют вторичные функции — вопрос, обращенный к самому себе, вопрос-размышление (рефлексивный вопрос), риторический вопрос, например: (9). *Удивительно живучи ложные идеи! Они даже имеют свою эволюцию. Сначала они — истины, потом житейские бытовые законы и наконец — суеверия. К категории таких суеверий относится и понятие бессмертия. Но прежде всего:* ***кому*** *нужно бессмертие?* ***Кто*** *хочет, утратив способность меняться самому, мешать другим меняться?* ***И потом: что такое*** *бессмертие? Нам говорят: бессмертно то, что не умирает. Но* ***что*** *же именно в природе не умирает? Да ведь только то, что размножается, делясь* (Н. Н. Берберова. Курсив мой).

В (9) риторические вопросы левого контекста (предтекста) скрепы определяют один из аспектов обсуждаемой темы «бессмертие», добавленные вопросы в правом контексте (в посттексте) не просто развивают ту же тему, а расширяют ее, выводят проблему на обобщающий уровень. Н. Ю. Шведова указывает на очень широкое смысловое пространство местоимения *что*, оно может включать в себя и тот смысл, который принадлежит местоимению *кто* [Шведова, 1998, с. 69—70].

Такие вопросы могут быть экспрессивно окрашены, например: (10). *Теперь говори, где тут, в вашей Москве, район Лефортово. А то мы не местные. Я оторопел. Не понял. То есть только что пойманный преступник должен сам указывать сыщикам дорогу до тюрьмы?* ***И потом,*** *почему сразу в тюрьму? А доказать?* (А. Рубанов. Сажайте, и вырастет).

Как видно из приведенных примеров, контексты-рассуждения, оформленные с помощью вопросительных предложений, могут представлять собой своеобразное «нанизывание» вопросов, при этом количественное пре-

CC BY

обладание вопросительных предложений в предтексте или посттексте не релевантно.

3.3.3. Аргументирующий контекст

В структуру аргументирующего контекста входит тезис — мнение говорящего по поводу какого-либо положения дел и один или несколько аргументов, подтверждающих высказанное мнение.

Выделяются следующие модели аргументирующего контекста.

Первая модель: **тезис** *И потом* **аргумент:** левый контекст представляет собой тезис, скрепа вводит аргумент. Например:

(11). В *хип-хопе не обязательно иметь образование, связанное со словом, — объясняет Влади. — Но очень важно разобраться с речитативной ритмикой.* ***И потом,*** *это же не академический жанр, здесь можно придумать что-то новое, а это получится лучше, если ты ни на чем не учился* (Н. Зайцева. Каста живых // Русский репортер, 2012). Это фрагмент публицистической статьи о рэп-группе «Каста», участники которой, как говорит журналист, очень внимательно относятся к текстам и словам. Скрепа вводит аргумент к утверждению одного из участников о необязательности специального образования, «связанного со словом».

Вторая модель: **тезис — первый аргумент** *И потом* — **второй аргумент:** один (возможно, и несколько) аргументов располагаются в левом контексте, до скрепы, второй (или заключительный) аргумент вводится скрепой. Например:

(12). *Очевидно, это было связано с переездом. Теперь уже точно не вспомнить. Это была пятая или шестая школа. Родителей за такие вещи надо сажать в тюрьму. Меньше будут метаться с места на место и купят наконец этот несчастный велосипед. «Ну, ты ведь уже большой. Ты понимаешь, что велосипед слишком громоздкий. Он не войдёт в наш контейнер.* ***И потом,*** *нам нужны деньги на поездку в Сочи…»* (А. Геласимов. Фокс Малдер похож на свинью). Отказ родителей в покупке велосипеда (их мнение) в левом контексте сформулирован косвенно. Прямо дан первый аргумент — объяснение, почему велосипед не купят: не поместится в контейнер. Скрепа присоединяет еще один аргумент, не связанный с первым.

Позицию тезиса-мнения может занимать констатация какого-либо факта, в случае диалога — в виде вопроса. В таком случае реакцией на вопрос является объяснение того факта, о котором идет речь. Пример из интервью с Владимиром Дашкевичем:

(13). *Как вас угораздило поступить в Институт тонкой химической технологии? — Я был сыном репрессированного. Музыкального образования не было никакого, а этот институт был с хорошей репутацией.* ***И***

CC BY

потом, *инженерная специальность тогда была более престижной, чем сейчас* (Т. Владыкина. Хит и мажор. Исторические хроники: 14—20 января (2003) // Известия, 2003.01.13).

Между аргументирующим и информативным контекстами нет непроходимой грани: в зависимости от установки информативный контекст в некоторых случаях может быть воспринят адресантом как аргументирующий. То же самое касается и контекста-рассуждения: ряд вопросительных предложений иногда может быть понят как ряд аргументов, которые говорящий в процессе рассуждения облекает в форму вопросов.

4. Заключение = Conclusions

Проведенный анализ позволил установить, что текстовая скрепа *И потом* используется говорящим для введения дополнительной информации и оформляет последовательность развития говорящим одной темы. Присоединяемый с помощью скрепы информационный блок может содержать дополнительную информацию, однотипную данной в предыдущем контексте, может отражать размышления говорящего, оформленные в виде вопросов, а также может содержать аргументы в пользу высказанного в предтексте мнения или представленного положения дел.

Вводимая скрепой дополнительная информация, продолжая общую тему, часто поворачивает ее новой стороной, обозначает новый аспект рассмотрения. Однако этот аспект остается в рамках общей линии обсуждения темы.

На уровне логико-семантических отношений скрепа *И потом* отражает последовательность в развитии мысли. На коммуникативном уровне она создает двухэтапное введение информации, по терминологии Анны А. Зализняк. Кроме того, данная скрепа может быть определена как одно из средств маркирования тематической организации текста, о которых говорит О. Ю. Инькова.

Таким образом, скрепа *И потом* обладает всеми признаками текстовой скрепы присоединительного характера.

Источники и принятые сокращения

1. БТС — *Большой* толковый словарь русского языка / сост. и ред. С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : Норинт, 1998. — 1534 с.

2. НКРЯ — *Национальный* корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 17.12.2021).

3. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — Москва : АЗЪ, 1994. — 928 с.

4. СРЯ — *Словарь* русского языка : в 4 т. Т. 3. (П—Р) / под ред. А. П. Евгеньевой. — Москва : Госизд. иностр. и нац. словарей, 1959. — 991 с.

5. ТСРЯ — *Толковый* словарь русского языка : в 4 т. Т. 3 / под ред. Д. Н. Ушакова. — Москва : Госизд. иностр. и нац. словарей, 1939. — 1424 столб.

Литература

1. *Виноградов А. А*. Структура и функции присоединительных конструкций в современном русском литературном языке : диссертация ... кандидата филологических наук / А. А. Виноградов. — Ужгород, 1984. — 193 с.

2. *Гускина Е. Н*. Синтаксические функции слова *впрочем* / Е. Н. Гускина, Е. А. Стародумова // Научный диалог. — 2019. — № 2. — С. 22—33. — DOI : 10.24224/2227-1295-2019-2-22-33.

3. *Гускина Е. Н*. Текстовая скрепа *впрочем* : контекстные модификации / Е. Н. Гускина, Е. А. Стародумова // Научный диалог. — 2018. — № 5. — С. 60—70. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-5-60-70.

4. *Зализняк Анна А*. О месте категории «присоединение» в описании коннекторов русского языка / Анна А. Зализняк // Съпоставително езикознание. — XLII, 2017. — № 4. — С. 21—34.

5. *Инькова О*. Связность текста : мереологические логико-семантические отношения / О. Инькова, Э. Манзотти. — Москва : Издательский Дом ЯСК, 2019. — 376 с. — ISBN 978-5-907290-01-3.

6. *Инькова О. Ю*. О понятии «текстовая скрепа» / О. Ю. Инькова // Русский синтаксис : от конструкций к функционированию : сборник материалов Всероссийской научной конференции. — Владивосток : Издательство Дальневосточного федерального университета, 2021. — С. 13—20. — ISBN 978-5-7444-5148-6.

7. *Конева Н. В*. Текстовая скрепа *кроме того* : контекстные модификации / Н. В. Конева, Е. А. Стародумова // Научный диалог. — 2021. — № 6. — С. 78—91. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-78-91.

8. *Кручинина И. Н*. Структура и функции сочинительной связи в русском языке / И. Н. Кручинина. — Москва : Наука, 1988. — 212 с. — ISBN 5-02-010885-5.

9. *Крючков С. Е*. О присоединительных связях в современном русском языке / С. Е. Крючков // Вопросы синтаксиса современного русского языка. — Москва : Учпедгиз, 1950. — С. 397—411.

10. *Пилюгина Н. Ю*. Сочетание *в любом случае* : функционирование в тексте и прагматический потенциал / Н. Ю. Пилюгина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11, № 1. — С. 84—100. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-84-100.

11. *Пилюгина Н. Ю*. Текстовая скрепа *так или иначе* : типы конструкций и функционально-семантический потенциал / Н. Ю. Пилюгина, Е. С. Шереметьева // Научный диалог. — 2019. — № 5. — С. 123—138. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-5-123—138.

12. *Прияткина А. Ф*. Скрепа-фраза (о новой модели организаторов текста) / А. Ф. Прияткина // Русский язык сегодня. Активные языковые процессы конца XX века. Вып. 2. Сборник статей. — Москва : Азбуковник, 2003. — С. 529—539. — ISBN 978-5-7444-1940-0.

13. *Сигал К. Я*. Текстообразующая функция присоединения в поздних рассказах В. Г. Лидина / К. Я. Сигал // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 129—147. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-129-147.

14. *Цао Сяоминь*. Особенности функционирования текстовой скрепы *И потом* / Цао Сяоминь // Русский синтаксис : от конструкций к функционированию : сборник материалов Всероссийской научной конференции. — Владивосток : Издательство Дальневосточного федерального университета, 2021. — С. 91—94. — ISBN 978-5-7444-5148-6.

CC BY

15. *Шведова Н. Ю*. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства / Н. Ю. Шведова. — Москва : Азбуковник, 1998. — 176 с. — ISBN 5-89285-009-9.

16. *Шимчук Э. Г.* Словарь русских частиц / Э. Г. Шимчук, М. Г. Щур. — Frankfurt am Main — Berlin — Bern — Bruxelles — New York — Wien : Peter Lang — Europäische Verlag der Wissenschaften, 1999. — 147 с.

17. *Ярыгина Е. С*. Виноградовские традиции в современном филологическом образовании : присоединительные связи / Е. С. Ярыгина // История и современность филологических наук : сборник научных статей по материалам Международной научной конференции. — Москва : Московский городской педагогический университет, 2021. — С. 117—122. — ISBN 978-5-9659-0224-8.

Material resources

BTS — Kuznetsov, S. A. (ed.). (1998). *Great Dictionary of Russian*. St. Petersburg: Norint. 1534 p. (In Russ.).

NKRYa — *Russian National Corpus*. Available at: http://ruscorpora.ru (accessed 17.12.2021). (In Russ.).

Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. (1994). *Explanatory dictionary of the Russian*. Moscow: Az. 928 p. (In Russ.).

SRYa — Evgen'eva, A. P. (ed.). (1959). *Russian Dictionary. (P—R)*. Moscow: Gosizd. inostr. i nats. slovarey. 4/3. 991 p. (In Russ.).

TSRYa — Ushakov, D. N. (ed.). (1939). *Explanatory dictionary of the Russian.* Moscow: Gosizd. inostr. i nats. slovarey. 4/3. 1424 column. (In Russ.).

References

Cao Xiaomin. (2021). Features of the functioning of the text bond *I potom*. In: *Russian syntax: from design to functioning: collection of materials of the All-Russian Scientific Conference*. Vladivostok: Publishing House of the Far Eastern Federal University. 91—94. ISBN 978-5-7444-5148-6. (In Russ.).

Guskina, E. N., Starodumova, E. A. (2018). Text Bonding "vprochem": Context Modifications. *Nauchnyi dialog, 5:* 60—70. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-5-60-70. (In Russ.)

Guskina, E. N., Starodumova, E. A. (2019). Syntactic Function of the Word VPROCHEM. *Nauchnyi dialog, 2:* 22—33. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-22-33. (In Russ.).

Inkova, O. Yu. (2021). About the concept of "text clip". In: *Russian syntax: from design to functioning: collection of materials of the All-Russian Scientific Conference*. Vladivostok: Publishing House of the Far Eastern Federal University. 13—20. ISBN 978-5-7444-5148-6. (In Russ.).

Inkova, O., Manzotti, E. (2019). *Connectivity of the text: mereological logic-semantic relations*. Moscow: Izdatelskiy Dom YaSK. 376 p. ISBN 978-5-907290-01-3. (In Russ.).

Koneva, N. V., Starodumova, E. A. (2021). Textual Bond 'krome togo' [moreover]: Contextual Modifications. *Nauchnyi dialog, 6:* 78—91. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-78-91. (In Russ.)

Kruchinina, I. N. (1988). *The structure and functions of the compositional connection in Russian*. Moscow: Nauka. 212 p. ISBN 5-02-010885-5. (In Russ.).

Kryuchkov, S. E. (1950). About connecting links in modern Russian In: *Questions of the Syntax of the Modern Russian*. Moscow: Uchpedgiz. 397—411. (In Russ.).

CC BY

Pilyugina, N. Yu. (2022). Combination ‘v lyubom sluchaye’ (any way): Functioning in Text and Pragmatic Potential. *Nauchnyi dialog, 11 (1):* 84—100. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-84-100. (In Russ.)

Pilyugina, N. Yu., Sheremetyeva, E. S. (2019). Text Bond TAK ILI INACHE: Types of Constructions and Functional-Semantic Potential. *Nauchnyi dialog, 5:* 123—138. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-5-123-138. (In Russ.)

Priyatkina, A. F. (2003). Text Bond (about the new model of text organizers) In: *Russian language today. Active language processes in the late 20th century. Iss. 2. Collection of articles*. Moscow: Azbukovnik. 529—539. ISBN 978-5-7444-1940-0.

Shimchuk, E. G., Shchur, M. G. (1999). *Dictionary of Russian particles*. Frankfurt am Main — Berlin — Bern — Bruxelles — New York — Wien: Peter Lang — Europäische Verlag der Wissenschaften. 147 p. (In Russ.).

Shvedova, N. Yu. (1998). *Pronoun and meaning. The class of Russian pronouns and the semantic spaces they open*. Moscow: Azbukovnik. 176 p. ISBN 5-89285-009-9. (In Russ.).

Seagal, K. Ya. (2021). Text-Forming Function of Addition in the Later Stories of V. G. Lidin. *Nauchnyi dialog, 4:* 129—147. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-129-147. (In Russ.)

Vinogradov, A. A. (1984). *The structure and functions of connecting structures in the modern Russian literary language: PhD Diss*. Uzhgorod. 193 p. (In Russ.).

Yarygina, E. S. (2021). Vinogradov’s Traditions in Modern Philological Education: Connections. In: *History and modernity of philological sciences: a collection of scientific articles based on the materials of the International scientific conference*. Moscow: Moscow City Pedagogical University. 117—122. ISBN 978-5-9659-0224-8. (In Russ.).

Zaliznyak, Anna A. (2017). About the place of the attachment category in the description Russian connectors. *Sopostavitelno ezikoznanie = Contrastive Linguistics, 4:* 21—34. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 04.02.2022,
одобрена после рецензирования 01.04.2022,
подготовлена к публикации 28.04.2022.

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА
MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

Анастасия Анатольевна Хустенко, инженер-исследователь (Томск)
Екатерина Алексеевна Абросимова, канд. филол. наук (Омск)
Елена Викторовна Крехтунова, канд. филол. наук (Пенза)
Лариса Николаевна Ребрина, д-р филол. наук (Волгоград)
Наталья Станиславовна Данкова, канд. филол. наук (Пенза)
Светлана Леонидовна Кушнерук, д-р филол. наук (Челябинск)
Юлия Дмитриевна Кравченко, канд. филол. наук (Омск)

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Абросимова Е. А. Книга стихов в интернет-пространстве : интермедиальный аспект / Е. А. Абросимова, Ю. Д. Кравченко // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 4. — С. 187—202. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-187-202.

Abrosimova, E. A., Kravchenko, Yu.D. (2022). A Book of Poems in Internet Space: an Intermedial Aspect. *Nauchnyi dialog, 11 (4):* 187-202. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-187-202. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU EBSCOhost

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-187-202

Книга стихов в интернет-пространстве: интермедиальный аспект

Абросимова Екатерина Алексеевна [1]
orcid.org/0000-0002-6256-400X
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
abrosimova@inbox.ru

Кравченко Юлия Дмитриевна [2]
orcid.org/0000-0003-2346-0176
кандидат филологических наук, доцент
кафедры журналистики
и медиалингвистики
jdkovalenko@rambler.ru

[1] Омский государственный аграрный университет им. П. А. Столыпина
(Омск, Россия)

[2] Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
(Омск, Россия)

A Book of Poems in Internet Space: an Intermedial Aspect

Ekaterina A. Abrosimova [1]
orcid.org/0000-0002-6256-400X
PhD in Philology,
Associate Professor,
Department of Foreign Languages
abrosimova@inbox.ru

Yulia D. Kravchenko [2]
orcid.org/0000-0003-2346-0176
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Journalism
and media linguistics
jdkovalenko@rambler.ru

[1] Omsk State Agrarian University named after P. A. Stolypin
(Omsk, Russia)

[2] Dostoevsky Omsk State University
(Omsk, Russia)

© Абросимова Е. А., Кравченко Ю. Д., 2022

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Работа выполнена в русле актуального представления об Интернете как глобальном медиа, вступающем во взаимодействие с разнообразными знаковыми системами и оказывающем влияние на структурно-композиционные особенности вербального текста. Актуальность исследования обусловлена формированием концепции интермедиальности в контексте нового культурного направления, получившего название «метавиртуализм». Цель статьи — охарактеризовать принципы, лежащие в основе структуры и композиции сетевой поэтической «книги». Рассматриваются русскоязычные поэтические циклы, структурно-композиционные особенности и выразительные средства которых связаны с интернет-технологиями. Анализируются такие аспекты, как тип интермедиальности и способы организации структуры и композиции сетевой «книги»; читательский путь знакомства с произведением и степень свободы этого пути; проявление категории эфемерности. Делаются выводы о том, что технологическая поэзия, как ни парадоксально, укрепляет традиционные книжные формы, но имеет и самостоятельную ценность, визуализируя поэтические образы и метафоры. Интернет-технологии могут быть «встроены» в структуру и композицию поэтической книги на различных уровнях: это может быть относительная автономия; взаимодействие на уровне концептуальной метафоры, эксплицируемой при помощи интернет-медиа (Google-карты); практически полное слияние медиа.

Ключевые слова:
интернет-технологии; интернет-поэзия; интермедиальность; метавиртуализм; эфемерность.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The work was carried out in line with the current idea of the Internet as a global media that interacts with various sign systems and influences the structural and compositional features of the verbal text. The relevance of the study is due to the formation of the concept of intermediality in the context of a new cultural direction, called “metavirtualism”. The aim of the article is to characterize the principles underlying the structure and composition of the network poetic “book”. Russian-language poetic cycles are considered, the structural and compositional features and expressive means of which are associated with Internet technologies. Such aspects as the type of intermediality and ways of organizing the structure and composition of the network “book” are analyzed; the reader’s way of getting acquainted with the work and the degree of freedom of this way; manifestation of the category of ephemerality. It is concluded that technological poetry, paradoxically, strengthens traditional book forms, but also has an independent value, visualizing poetic images and metaphors. Internet technologies can be “embedded” into the structure and composition of a poetry book at various levels: it can be relative autonomy; interaction at the level of a conceptual metaphor explicated with the help of Internet media (Google maps); almost complete fusion of media.

Key words:
Internet technologies; Internet poetry; intermediality; metavirtualism; ephemeral.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 82-1:004.738.5+316.77:001.12/.18

Книга стихов в интернет-пространстве: интермедиальный аспект

© Абросимова Е. А., Кравченко Ю. Д., 2022

1. Введение = Introduction

Современная концепция интермедиальности, по-видимому, формируется как синтез искусствоведческих, литературоведческих, лингвистических подходов, а также теории масс-медиа. Интермедиальные исследования выполняются в русле типологии искусств [Ханзен-Лёве, 2016; Schröter; Wolf, 1999, 2002], анализа композиции поликодового текста [Кайда, 2016, 2019], прагматики текста и стратегий интерактивности [Rosario, 2011; Aranha et al., 2016], механизмов смыслообразования [Пойманова, 1997; Чернявская, 2017]. При этом развитие интернет-технологий приводит к постоянному переосмыслению процесса интермедиальности: «Сегодня интермедиальность выступает не столько приемом или концепцией (как это было ранее), сколько неизбежным следствием технологического медиа-поворота, и сама ее суть поэтому принципиально отличается от “интермедиальности 1.0”, когда синтез искусств, поиск синкретизма и комплексного воздействия на реципиента были художественной задачей автора-творца» [Загидуллина, 2017, с. 60]. То состояние культуры начала «эпохи Интернета» характеризовалось зачастую примитивизмом, несмотря на стремление к усложненности внешней и внутренней структуры текста, и расчетом на читателя «нового поколения» и соответствовало основным положениям постмодернистской теории.

Если говорить об актуальном широком контексте, в котором формируется концепция интермедиальности, то он связан с понятием «постпостмодернизм», сменившим эпоху постмодерна. Эта система взглядов рубежа XX—XXI веков включает ряд компонентов, отражающих современное состояние общества, таких как (1) виртуализация пространства социальных взаимодействий, (2) создание технообразов, создаваемых в сетевом пространстве одними пользователями и изменяемых другими, (3) глокализация — акцентирование социальной уникальности в рамках глобального социального пространства, (4) транссентиментализм, понимаемый как возвращение к лиризму, к высоким идеалам, к подлинной культуре, гуманизму и красоте [Митрошенков, 2013; Донская и др., 2018].

Вместе с тем исследователи отмечают условность и паллиативность такого «тяжеловесного» термина и предлагают ввести более точный ва-

CC BY

риант — *метавиртуализм*, чтобы обозначить новое состояние культуры: «Метавиртуализм следует понимать не только как культурное направление, но и как художественный сверхязык, позволяющий описывать новые создаваемые автором образы и образные конструкции, порождаемые в процессе извлечения из образного виртуального слоя интертекста и окружающей реальности разнообразных уже созданных ранее образов и образных конструкций, и обеспечивающий трансляцию произведений в материальные тексты <…> Метавиртуализм предполагает новый, существенно более развитый уровень семиозиса» [Донская и др., 2018, с. 165—166]. Характеризуя это течение, авторы уточняют определяющие черты метавиртуализма и указывают на следующие: это концентрация смыслов в произведении; метаконструктивизм как виртуальный синтез образов и искусств при нетривиальности создаваемых конструкций; направленная интерпретируемость смыслов и образности; «объемная», двухуровневая интертекстуальность; рождение автора новой формации — сверхобразованного и романтичного [Там же, с. 167].

Таким образом, принципиально важным в современных исследованиях становится рассмотрение Интернета как глобального медиа, вступающего в активное взаимодействие с разнообразными знаковыми системами, как среды, трансформирующей представление о дискурсивных и текстовых категориях (см., например: [Горина, 2016; Xin, 2017; Valero, 2019]).

В исследованиях художественных произведений, функционирующих в интернет-среде, так или иначе поднимаются вопросы границ текста, особой коммуникации между поэтом и читателем, зависимости текста и его структуры от той или иной интернет-площадки и т. д. [Rosario, 2011; Ракитина, 2008; Анантина, 2016; Бартош 2018; Ульянова и др., 2019; Смольская, Бартенева, 2021 и др.]. Так, в работе [Aranha et al., 2016] выделяются различные степени интерактивности в виртуальной среде, связанные с ролью интернет-читателя. L. Xin [Xin, 2017] прослеживает влияние интернет-СМИ на создание литературного произведения, его жанровые, стилистические, прагматические особенности. Е. Б. Ракитина описывает двойственность художественного интернет-пространства: «Интернет-авторы чувствуют себя обитателями специфического пространства: во-первых, сетевого, виртуального, в котором личность тоже обретает виртуальное измерение, а во-вторых, — поэтического» [Ракитина, 2008, с. 4].

В работах, посвященных функционированию художественных произведений в интернет-пространстве, условно выделяется две стратегии взаимодействия автора с интернет-медиа: 1) использование Всемирной сети как площадки для самовыражения и коммуникации с аудиторией; 2) опора на потенциал интернет-технологий в эстетических целях (так называемая

CC BY

«технологическая» поэзия) [Valero, 2019; Воробьева, 2020]. Любопытно, что именно технологическая поэзия имеет склонность к «жестким» формам (в анализируемом материале — это «венок сонетов», поэтическая опера, игра-бродилка).

При этом в современном «бумажном» поэтическом книгоиздании прослеживается похожая тенденция: «чужое» медиа (например, календарь, энциклопедия, другая книга и т. д.) используется в качестве организующего центра стихотворного цикла, и чем свободнее сам поэтический материал, тем больше поэт склонен к «упаковке» его в строгую форму определенной семиотической системы [Кузьмина, 2013].

Цель данной статьи — обозначить роль интернет-медиа в создании целостности поэтического цикла, охарактеризовать некоторые принципы, лежащие в основе структуры и композиции сетевой поэтической «книги».

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материал работы — созданные в сетевом пространстве русскоязычные поэтические сборники, структурно-композиционные особенности и выразительные средства которых связаны с интернет-технологиями: «комок сонетов» Юрия Нестеренко «Аэропорт» [Нестеренко, 2000]; сборник стихов Александра Самойлова «Маршрут 91» [Самойлов, 2015]; цифровая опера Ильи Мазо «Зима» [Мазо, 2019]. В исследование не вошли сетевые произведения поэтов, использующих социальные сети именно для коммуникации с читателем, как площадку для творчества.

Несмотря на многообразие исследовательских подходов к интермедиальности, можно обозначить аспекты, релевантные для большинства работ, посвященных поликодовым феноменам культуры. Одним из таких аспектов является степень слитности и взаимной трансформации медиа, вступающих во взаимодействие. Этот параметр учитывается и в лингвистических, и в литературоведческих исследованиях: выделяются различные степени креолизации [Бернацкая, 2000; Анисимова, 2003]; такие уровни взаимодействия медиа, как комбинация, интеграция, трансформация медиа (в типологии Г. Лунда, цит. по [Седых, 2008]); виды интермедиальности по степени слитности семиотических кодов: синтетическая, формальная (или трансмедиальная), трансформационная онтологическая интермедиальность [Schröter] и др. Со степенью взаимодействия медиа напрямую связана роль различных медиа в общей композиции произведения. Так, выделяются закрытая (внутрикомпозиционная) и открытая (внекомпозиционная) интермедиальность [Wolf, 2002; Хаминова и др., 2014]. Другим аспектом, объединяющим различные исследовательские традиции поликодового художественного единства, становится путь адресата: на-

CC BY

сколько поведение читателя предопределено особенностями интермедиального целого. В ряде работ отмечается, что рецепция и интерпретация гетерогенных литературно-культурных феноменов в целом предполагает особую коммуникативную напряженность в системе «читатель — текст», настроенность адресата на творческое сотрудничество с автором [Rosario, 2011; Кузьмина, 2013; Боева и др., 2021]. При восприятии интернет-литературы у читателя есть несколько путей прочтения произведения. С одной стороны, эти пути закладываются самим автором и особенностями применяемой технологии или ресурса, на котором размещено произведение. С другой стороны, в условиях этих ограничений адресат волен выбирать собственный вариант прочтения [Rosario, 2011].

В ряде работ последних лет применительно к произведениям, находящимся под воздействием интернет-среды, обосновывается категория эфемерности — сиюминутности, пустоты, которая возникает из-за непрочности, нестабильности связей и структур, установленных интернет-технологиями. Так, например, произведение или его части могут быть удалены самим автором или администратором ресурса, та или иная сетевая технология может не поддерживаться программой, предусмотренная автором гиперссылка может вести к переставшему работать ресурсу и т. д. [Hockx, 2015; Viires et al., 2021; Bootz, 2021]. В некоторых произведениях феномен пустой сетевой страницы специально обыгрывается автором: текст создается с расчетом на то, что ресурс, участвующий в построении композиции интермедиального целого, может быть в будущем удален или недоступен [Абросимова, 2020].

Обозначенные аспекты были положены в основу рабочей методики анализа материала. В данной статье применительно к трем поэтическим интернет-циклам мы попытались рассмотреть, во-первых, тип интермедиальности и способы организации структуры и композиции сетевой «книги»; во-вторых, читательский путь знакомства с произведением и степень свободы этого пути; в-третьих, проявление категории эфемерности.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. «Аэропорт» Юрия Нестеренко: гипертекст как аналог книжной структуры

Первый рассматриваемый цикл стихов — «Аэропорт» Юрия Нестеренко [Нестеренко, 2000] — обозначен самим поэтом как «комок сонетов». Сразу после заголовка стоит дата — 14.04.2000, совпадающая с датой трагедии в аэропорту Конго, когда погибло более 100 человек из-за пожара при крушении самолета. Поэт использует строгую поэтическую форму, похожую на классический венок сонетов. Приведем первое (главное стихотворение «комка сонетов») полностью:

CC BY

Ю. Нестеренко «Аэропорт» (комок сонетов) (14.04.2000)

Зал ожиданья, очередь, контроль.
На шпильках деловая дама в белом,
Девица в шортах с мужиком дебелым,
Костлявый парень, стриженый под ноль.
Старик, в его глазах — тупая боль,
Мамаша с сыном, чуть оторопелым,
Девчушка с выраженьем осовелым,
Мужчина, элегантный, как король.
Я тоже здесь, хотя и не лечу –
Я просто наблюдаю. Я молчу.
Мне интересно получить ответ:
Когда б известно было им, как мне,
Что лайнер кончит свой полет на дне —
Которые б не сдали свой билет?

Стихотворный цикл организован по принципу гипертекста: строки обоих катренов первого текста при нажатии последовательно ведут к восьми новым сонетам, причем каждый из них посвящен одному из пассажиров трагического авиарейса, о котором говорится в главном сонете. Так, если читатель нажмет на строку «На шпильках деловая дама в белом», то увидит следующее стихотворение:

На шпильках деловая дама в белом,
По виду скажешь — ей не страшен черт.
Нет снисхожденья к промахам, пробелам,
Ее устроит только первый сорт.
Ей сорок. В прошлом — должность завотделом,
Два мужа, два любовника, аборт,
Теперь вот бизнес.
Места неумелым
В нем нет. Жизнь не похожа на курорт.
Сжав зубы, поднимаясь на дыбы,
Всю жизнь она шла к цели, от судьбы
Отмахиваясь, как от предрассудка.
Но нанесла судьба ей, как Анри[1],
Из-за угла, точнее, изнутри
Удар. Ее диагноз — рак желудка. В аэропорт

Гипертекстовая связь создает внутрикомпозиционную интермедиальность: автор с помощью гиперссылок организует отдельные стихот-

1 Французский король Анри IV, убит фанатиком. Герой песни «Жил-был Анри Четвертый, ... Но смерть, полна коварства, Его подстерегла И нанесла удар свой Ему из-за угла».

CC BY

ворения в упорядоченный цикл сонетов. Получается, что гипертекст заменяет и даже усиливает традиционную книжную структуру: переход от главного стихотворения к последующим визуализирован (читатель видит гиперссылки, выделенные цветом и подчеркиванием, и может быстро ознакомиться с любым последующим стихотворением виртуальной книги). Кроме того, от любого стихотворения можно легко вернуться к главному, нажав на гиперссылку «В аэропорт».

Такая композиционная форма направляет читателя по определенному пути — от главного стихотворения к сонетам, раскрывающим судьбы персонажей. Примечательно, что сама узнаваемая сюжетная рамка — поочередное описание индивидуальных трагедий пассажиров, которые попадут на роковой рейс — изначально делает композицию произведения прозрачной для адресата[1]. Вариативность прочтения, безусловно, возможна, но она совсем небольшая. Такой цикл стихов может существовать только на определенных сайтах, где поддерживается гипертекстовая связность. «Аэропорт» Ю. Нестеренко скопирован на множество других интернет-ресурсов, но чаще всего оказывается, что произведение потеряло гипертекстовые связи, то есть при переносе осталось, по сути, одно главное стихотворение.

Таким образом, в данном цикле стихов не предполагается выхода адресата за рамки вербального текста; интернет-технология заменяет традиционную книжную структуру, помогает установленному жанром («комок сонетов») текстовому взаимодействию; «жесткая» поэтическая форма ведет читателя по определенному пути (вариативность прочтения заключается лишь в очередности знакомства с персонажами и в возможности выбирать объем прочтения); эфемерность заключается в разрушении композиции цикла при копировании на другие ресурсы, без работающих гипертекстовых связей.

3.2. «Маршрут 91» Александра Самойлова: Google-карта как структура нового жанра

Второй анализируемый цикл стихов — сборник стихов «Маршрут 91» челябинского поэта Александра Самойлова, размещенный на Google-карте. Цикл состоит из 49 стихотворений, каждое из которых посвящено одной из остановок челябинского маршрутного такси № 91. Все отмеченные на карте остановки маршрута сопровождаются поэтическими текстами, причем названия стихов соответствуют названию остановок. С помощью Google-карты традиционная литературная метафора «жизнь — путь», лежащая в основе цикла, обретает буквальную реализацию: читатель мо-

1 Так, например, роман Анны Борисовой (один из литературных псевдонимов Бориса Акунина) «Там» имеет практически такой же сюжет, и даже черты типажей имеют определенное сходство (например, «деловая дама»).

CC BY

жет нажимать на значки остановок на карте и таким образом передвигаться по Google-карте. Обозначен старт маршрута и конечная точка.

При этом можно увидеть, что этот путь обладает такими признаками, как хаотичность и бесцельность; так, герой не выходит на нужных остановках:

А вот теперь эта запись — свидетельство того, что ты не вышел.
Тысячи объявлений о том, что нужно говорить громче, но ты говорил тише (Остановка «Солнечная»).

Если же он выходит, то спонтанно:

На «Доме обуви» сойду — сугроб по пояс.
В «Пятёрочке» куплю еду и успокоюсь.
Вертится в голове
кто опоздал куда.
Ты видел меня в Москве?
Я не был там никогда. (Станция «Восьмой»).

Последняя, или конечная, остановка также не приводит героя к какому-то результату, он лишь прекращает передвижение:

Что в итоге? Проезд стал двадцать один
рубль. Я на Салавата Юлаева, один,
в пустой квартире совершенно один.
На голом полу совершенно один. (Остановка «Салавата Юлаева»).

Мотив абсурдности и бессмысленности пути как черта поэтики А. Самойлова отмечен в работах В. О. Кальпиди и Е. А. Смышляева [Кальпиди, 2013; Смышляев, 2016].

Названия остановок — они же названия стихов — становятся в буквальном смысле центрами, вокруг которых организуется текст. Например, стихотворение, посвященное остановке Лермонтова, содержит стилизацию под стихи классического поэта:

Полежал немного.
Выслушал кар-кар.
Дальняя дорога
и полдневный жар. (Остановка «Лермонтова»).

Стихотворение, относящееся к остановке «Станция Соцзащита», полностью посвящено аптечке и огнетушителю в маршрутке:

Аптечка и огнетушитель
от боли спасут и огня.
Аптечка и огнетушитель
тихонько поют про меня.

Автором предусмотрены выходы за пределы вербального текста: некоторые стихи сопровождаются видеорядом с анимацией, озвучкой неко-

CC BY

торых стихов (внекомпозиционная интермедиальность). Интернет-технология — использование Google-карты — создает особую жанровую структуру — своеобразную игру-«бродилку», где нет определенной цели, а есть именно мотив блуждания и разглядывания. Сам лирический герой становится похожим на игрока такой «бродилки»: он бесцельно гуляет, попадает в разные ситуации, дерется, заходит в магазины и т. д. Подобная жанровая форма предлагает читателю вариативный путь знакомства с поэтическим циклом: начинать можно с любой точки карты, перемещаться в свободном порядке. Однако пространство передвижения ограничено: лирический герой вместе с читателем оказывается словно в плену маршрута и должен бесконечно блуждать по тем же самым остановкам.

Эфемерность сборника, расположенного на Google-карте, на наш взгляд, связана с вероятностью фактического изменения пути следования маршрутного такси, возможным переносом или переименованием остановок — все это нарушит связность и цельность поэтического цикла.

Интересно, что автор пытается соединить свой цикл стихов и с другим типом медиа. Сборник «Маршрут 91» представлен также на наборе открыток [Самойлов]: на одной стороне открытки помещено фото остановки, а на другой — соответствующее стихотворение. Перебирая открытки, читатель опять же путешествует по маршруту в произвольном порядке, оставаясь, тем не менее, в рамках этого набора.

3. 3. «Зима» Ильи Мазо: цифровая опера как синтез медиа

Если первые два стихотворных сборника теоретически могут быть разделены с интернет-технологиями (а «Маршрут 91» был издан и в бумажной версии [Самойлов, 2017], то третье рассматриваемое произведение представляет собой синтез, неразрывное единство интернет-медиа и поэтической книги. Так, произведение московского поэта-концептуалиста Ильи Мазо «Зима» [Мазо, 2019], представляет собой цифровую оперу, объединяющую книгу стихов, фильм, иллюстрации, музыкальный альбом, компьютерную игру. Вербальный компонент оперы — поэтическая книга — играет основополагающую роль: стихи являются организующим началом и в фильме, и в игре, и в анимации. Стихи — это либретто, которому соответствуют остальные составляющие проекта, визуально и аудиально воспроизводящие образ городской зимы и создающие метафору одиночества. Интернет-технологии подчеркивают основополагающую роль текста. Читателю дана свобода выбора пути, он может отдельно читать, смотреть фильм и слушать аудио, в игре он может посещать разные места (кухня, магазин, двор), бесконечно бродить по зимнему городу. В опере много выразительных средств: например, шум как от радио не только звучит, напо-

CC BY

миная зимнюю вьюгу, но и изображается в виде анимационного фильма — выглядит как снежные вихри. Эфемерность этого произведения, на наш взгляд, заключается в том, что оно существует «в разных измерениях»: изначально опера была написана автором для социальных сетей и публиковалась фрагментами, согласно зимнему календарю. Как пишет сам поэт, «сначала люди получили первый месседж — это было видео "Декабрист", которое служило вступлением. Потом, соответственно, раз в неделю начали выходить и другие видео, которые имели свое внутреннее содержание, построенное по принципу постоянного ожидания зрителем чего-то большего» [Явцева]. Теперь же такая подача материала завершена, и произведение существует в цельном виде на сайте, причем И. Мазо называет его «пост-мортем проекта» [Там же].

4. Заключение = Conclusions

Итак, технологическая интернет-поэзия порождает особые композиционные приемы, которые, с одной стороны, поддерживают и даже укрепляют традиционные книжные формы и в целом могут рассматриваться как дальнейшее развитие более ранних экспериментов с формой и содержанием текста (и не только поэтического: в качестве отдельных примеров можно привести Х. Картасара «Игра в классики», Б. Акунина «Чайка», М. Павича «Хазарский словарь» и др.), а с другой — эти приемы являются самоценными конструкциями. Технологии при этом помогают смыслообразованию, воплощая и визуализируя поэтические образы и метафоры.

Интернет-технологии могут быть «встроены» в структуру и композицию поэтической книги на различных уровнях: от визуализированной поддержки жанровой формы до синтеза с вербальной составляющей. По-видимому, можно говорить о различной степени взаимодействия текста и сетевой среды: относительная автономия, сопровождаемая простой и четкой структурой и минимальной читательской свободой (как в цикле «Аэропорт»); взаимодействие на уровне эксплицируемой при помощи интернет-медиа (Google-карты) концептуальной метафоры («Маршрут 91»), при этом адресат получает гораздо больше вариантов собственного пути по сетевой «книге»; практически полное слияние медиа («Зима»), когда структура максимально усложнена за счет включения в произведение различных кодов, а у реципиента появляется множество способов восприятия произведения. Несмотря на разное количество и качество шагов, которые позволено сделать адресату в рамках интермедиального поэтического цикла, как представляется, читатель всегда остается в своеобразном замкнутом пространстве: даже, казалось бы, при максимальной свободе игрового поведения в проекте «Зима», все дороги все равно ведут к овеществлению метафоры одиночества.

CC BY

Источники

1. *Мазо И.* ШХД : Зима [Электронный ресурс] / И. Мазо. — Режим доступа : http://iliamazo.ru (дата обращения 21.11.2021).

2. *Нестеренко Ю.* Аэропорт. Комок сонетов, 2000 [Электронный ресурс] / Ю. Нестеренко // netslova.ru. — Режим доступа : https://www.netslova.ru/nesterenko/air1.html (дата обращения 24.11.2021).

3. *Самойлов А.* Маршрут 91. Книга стихотворений, 2015 [Электронный ресурс] / А. Самойлов. — Режим доступа : https://www.google.com/maps/d/viewer?amp%3Busp=sharing&mid=14n_LJDOFVgiuXHhE_V43P63huQM&ll=55.19463370000003%2C61.331520100000034&z=11 (дата обращения 27.11.2021).

4. *Самойлов А.* Маршрут 91 / А. Самойлов. — [б. м.] : ЛитагентРидеро, 2017. — 54 с.

5. *Самойлов А.* Маршрут 91. Книга стихотворений в открытках [Электронный ресурс] / А. Самойлов. — Режим доступа : https://planeta.ru/campaigns/marshrut91 (дата обращения 2.12.2021).

Литература

1. *Абросимова Е. А.* Современная гипертекстовая поэзия : аспекты взаимодействия авторского текста и интернет-медиа / Е. А. Абросимова // Научный диалог. — 2020. — № 8. — С. 9—28. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-8-9-28.

2. *Ананьина О. А.* Новые книги об интер- и трансмедиальности / О. А. Ананьина // Практики и интерпретации : журнал филологических, образовательных и культурных исследований. — 2016. — Т. 1 (4). — С. 285—296.

3. *Анисимова Е. Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) : учебное пособие для студ. фак. иностр. яз. Вузов / Е. Е. Анисимова. — Москва : Academia, 2003. — 128 с. — ISBN 5-7695-0961-9.

4. *Бартош Ю. В.* Новая сетевая поэзия как пространство языковой игры / Ю. В. Бартош // Вестник Российского государственного университета дружбы народов. Серия : Вопросы образования языки и специальность. — 2018. — Т. 15. — № 1. — С. 110—117. — DOI: 10.22363/2312-8011-2018-15-1-110-117.

5. *Бернацкая А. А.* К проблеме «креолизации» текста : история и современное состояние / А. А. Бернацкая // Речевое общение: специализированный вестник / под ред. А. П. Сковородникова. — Красноярск : Красноярский университет, 2000. — Выпуск 3 (11). — С. 104—110.

6. *Боева Г. Н.* Интермедиальный ресурс текстов новых медиа как теоретическая и методическая проблема / Г. Н. Боева, К. И. Шарафадина // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. — Серия 3 : Экономические, гуманитарные и общественные науки. — 2021. — № 1. — С. 105—115. — DOI: 10.46418/2079-8210-2021-1-18.

7. *Воробьева (Вежлян) Е.* Искренность, аффект, эмпатия : поэтические сообщества и новые контексты публичности / Е. Воробьева (Вежлян) // Russian literature. — 2020. — Т. 118. — С. 45—77. — DOI: 10.1016/j.ruslit.2020.11.003.

8. *Горина Е. В.* Конституирующие признаки дискурса Интернета : автореферат диссертации … доктора филологических наук : 10.02.19 / Е. В. Горина. — Екатеринбург, 2016. — 55 с.

9. *Донская Е. В.* Метавиртуализм идет на смену постмодернизму / Е. В. Донская, О. Б. Элькан // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. — 2018. — Т. 4 (70). — № 4. — С. 161—170.

CC BY

10. *Загидуллина М. В.* Интермедиальность в эпоху тотальной медиатизации : как технологии влияют на литературу и ее теорию / М. В. Загидуллина // Павермановские чтения. Литература. Музыка. Театр : сборник научных трудов. — Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2017. — С. 60—77. — ISBN 978-5-7584-0267-2.

11. *Кайда Л. Г.* Эстетический императив интермедиального текста. Лингвофилософская концепция композиционной поэтики / Л. Г. Кайда. — Москва : Флинта ; Наука, 2016. — 128 с. — ISBN 978-5-9765-2329-6.

12. *Кайда Л. Г.* Интермедиальность — филологический континент. Вольтова дуга авторского подтекста / Л. Г. Кайда. — Москва : Флинта, 2019. — 112 с. — ISBN 978-5-9765-4067-5.

13. *Кальпиди В. О.* Энциклопедия. Уральская поэтическая школа / В. О. Кальпиди. — Челябинск : Десять тысяч слов, 2013. — 608 с.

14. *Кузьмина Н. А.* Креативный потенциал книжной формы (современная авторская книга стихов) / Н. А. Кузьмина // Лингвистика креатива-1 : коллективная монография / под ред. Т. А. Гридиной. — Екатеринбург : Издательство Уральского государственного педагогического университета, 2013. — С. 346—368.

15. *Митрошенков О. А.* Постпостмодернизм как предчувствие / О. А. Миторшенков // Социально-гуманитарные знания. — 2013. — № 4. — С. 52—61.

16. *Пойманова О. В.* Семантическое пространство видеовербального текста : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.19 / О. В. Пойманова. — Москва, 1997. — 237 с.

17. *Ракитина Е. Б.* «Поэтический народ» в контексте русскоязычной Интернет-поэзии : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / Е. Б. Ракитина. — Саратов, 2008. — 147 с.

18. *Седых Э. В.* К проблеме интермедиальности / Э. В. Седых // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. — 2008. — Выпуск 3. — Ч. II. — С. 210—214.

19. *Смольская Е. П.* Поэзия и её читатель в цифровую эпоху / Е. П. Смольская, А. С. Бартенева // Концепт : философия, религия, культура. — 2021. — Т. 5. — № 1. — С. 157—168. — DOI: 10.24833/2541-8831-2021-1-17-157-168.

20. *Смышляев Е. А.* Интертекстуальность современной челябинской поэзии / Е. А. Смышляев // Гуманитарный вектор. Серия : Филология, востоковедение. — 2016. — № 3. — С. 18—24.

21. *Ульянова О. Б.* Поликодовые механизмы интерпретации малых поэтических форм сетевой литературы / О. Б. Ульянова, Д. Е. Эртнер, А. А. Мавлютова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. — 2019. — Т. 5. — № 2. — С. 88—106. — DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-2-88-106.

22. *Хаминова А. А.* Теория интермедиальности в контексте современной гуманитарной науки / А. А. Хаминова, Н. Н. Зильберман // Вестник Томского государственного университета. — 2014. — № 389. — С. 38—45.

23. *Ханзен-Леве О.* Интермедиальность в русской культуре. От символизма к авангарду / О. Ханзен-Леве. — Москва : РГГУ, 2016. — 450 с. — ISBN 978-5-7281-1596-0.

24. *Чернявская В. Е.* Текст в медиальном пространстве : учебное пособие / В. Е. Чернявская. — Москва : ЛЕНАРД, 2017. — 232 с. — ISBN 978-5-397-03865-2.

25. *Явцева А.* Digital-опера «ШХД : Зима» : интервью с Ильей Мазо, создателем проекта [Электронный ресурс] / А. Явцева. — Режим доступа : http://journal.cbs-vao.ru/interview-with-ilya-mazo (дата обращения 15.12.2021).

26. *Aranha S.* Interactivity in digital poetry : word, image and sound in movement / S. Aranha, O. Borborema // Texto livre : linguagem e tecnologia. — 2016. — Vol. 9. — Is. 2. — Pp. 46—63. — DOI: 10.17851/1983-3652.9.2.46-63.

27. *Bootz P.* The ephemerae of digital literature / P. Bootz // Neohelicon. — 2021. — № 48 (1). — Pp. 7—22. — DOI: 10.1007/s11059-021-00583-0.

28. *Hockx M.* Internet Literature in China / M. Hockx. — New York : Columbia University Press, 2015. — 251 p. — ISBN 9780231160827.

29. *Rosario G. Di.* Electronic Poetry. Understanding Poetry in the Digital Environment / G. Di. Rosario. — Jyväskylä : Jyväskylä University Printing House, 2011. — 336 p. — ISBN 978-951-39-4324-0.

30. *Schröter J.* Discourses and Models of Intermediality [Electronic resource] / J. Schröter. — Access mode : http://docs.lib.purdue.edu/clcweb/ vol13/iss3/3 (accessed 16.12.2021).

31. *Valero E.* Introduction about poetry and poets in the digital era / E. Valero // Signa : revista de la asociacion espanola de semiotica. — 2019. — № 28. — Pp. 239—244. — DOI: 10.15405/epsbs.2021.12.03.46.

32. *Viires P.* Ephemerality in the digital world / P. Viires, M. Laak // Estonian case studies of digital literature and digital literary heritage projects. — 2021. — № 48 (1). — Pp. 39—52. — DOI: 10.1007/s11059-021-00580-3.

33. *Wolf W.* Intermediality revisited : reflections on word and music relations in the context of general typology of intermediality / W. Wolf // Word and music studies. — 2002. — № 4. — Pp. 14—34.

34. *Wolf W.* The Musicalization of Fiction : A Study in the Theory and History of Intermediality / W. Wolf. — Amsterdam : Rodopi, 1999. — 272 p.

35. *Xin L.* The evolution of media and new developments of Internet literature / L. Xin // Proceedings of the 2017 2nd International conference on education, sports, arts and management engineering (ICESAME 2017). Series : Advances in Social Science Education and Humanities Research. — 2017. — Pp. 505—508. — DOI: 10.2991/icesame-17.2017.109.

Material resources

Maso, I. *SHHD: Winter.* Available at: http://iliamazo.ru (accessed 21.11.2021). (In Russ.).

Nesterenko, Yu. *An airport. A ball of sonnets, 2000.* Available at: https://www.netslova.ru/nesterenko/air1.html (accessed 24.11.2021). (In Russ.).

Samoilov, A. (2015). *Route 91. The Book of poems.* Available at: https://www.google.com/maps/d/viewer?amp%3Busp=sharing&mid=14n_LJDOFVgiuXHhE_V43P63huQM&ll=55.19463370000003%2C61.331520100000034&z=11 (accessed 27.11.2021). (In Russ.).

Samoilov, A. (2017). *Route 91.* [b. m.]: LitagentRidero. 54 p. (In Russ.).

Samoilov, A. *Route 91. The book of poems in postcards.* Available at: https://planeta.ru/campaigns/marshrut91 (accessed 2.12.2021). (In Russ.).

References

Abrosimova, E. A. (2020). Modern Hypertext Poetry: Aspects of Relations between Author's Text and Internet Resources. *Nauchnyi dialog, (8):* 9—28. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-8-9-28. (In Russ.).

Ananyina, O. A. (2016). New books about inter — and transmediality. *Practices and Interpretations: Journal of Philological, Educational and Cultural Research, 1 (4):* 285—296. (In Russ.).

CC BY

Anisimova, E. E. (2003). *Linguistics of text and intercultural communication (based on the material of creolized texts): a textbook for students. fac. foreign language Universities.* Moscow: Academia. 128 p. ISBN 5-7695-0961-9. (In Russ.).

Aranha, S., Borborema, O. (2016). Interactivity in digital poetry: word, image and sound in movement. *Texto livre: linguagem e tecnologia, 9 (2):* 46—63. DOI: 10.17851/1983-3652.9.2.46-63.

Bartosh, Yu. V. (2018). New network poetry as a language game space. *Bulletin of the People's Friendship Russian State University. Series: Questions of education languages and specialty, 15 (1):* 110—117. DOI: 10.22363/2312-8011-2018-15-1-110-117. (In Russ.).

Bernatskaya, A. A. (2000). On the problem of "creolization" of the text: history and current state. *Speech communication: a specialized bulletin, 3 (11).* Krasnoyarsk: Krasnoyarsk University. 104—110. (In Russ.).

Boeva, G. N., Sharafadina, K. I. (2021). Intermediate resource of new media texts as a theoretical and methodological problem. *Bulletin of the St. Petersburg State University of Technology and Design. Series 3: Economic, Humanitarian and Social Sciences, 1:* 105—115. DOI: 10.46418/2079-8210-2021-1-18. (In Russ.).

Bootz, P. (2021). The ephemerae of digital literature. *Neohelicon, 48 (1):* 7—22. DOI: 10.1007/s11059-021-00583-0.

Chernyavskaya, V. E. (2017). *Text in the medial space: textbook.* Moscow: LENARD. 232 p. ISBN 978-5-397-03865-2. (In Russ.).

Donskaya, E. V., Elkan, O. B. (2018). Metavirtualism is replacing postmodernism. *Scientific notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philosophy. Political science. Cultural studies, 4 (70) / 4:* 161—170. (In Russ.).

Gorina, E. V. (2016). *Constitutive features of the Internet discourse.* Author's abstract of Doct. Diss. Yekaterinburg. 55 p. (In Russ.).

Hansen-Levet, O. (2016). *Intermediality in Russian culture. From Symbolism to the avant-garde.* Moscow: RSUH. 450 p. ISBN 978-5-7281-1596-0. (In Russ.).

Hockx, M. (2015). *Internet Literature in China.* New York: Columbia University Press. 251 p. ISBN 9780231160827.

Kaida, L. G. (2016). *The aesthetic imperative of an intermediate text. Linguophilosophical concept of compositional poetics.* Moscow: Flint; Nauka. 128 p. ISBN 978-5-9765-2329-6. (In Russ.).

Kaida, L. G. (2019). *Intermediality — philological continent. Voltaic arc of the author's subtext.* Moscow: Flinta. 112 p. ISBN 978-5-9765-4067-5. (In Russ.).

Kalpidi, V. O. (2013). *Encyclopedia. Ural Poetic school.* Chelyabinsk: Ten thousand words. 608 p. (In Russ.).

Khaminova, A. A., Zilberman, N. N. (2014). Theory of intermediality in the context of modern humanities. *Bulletin of Tomsk State University, 389:* 38—45. (In Russ.).

Kuzmina, N. A. (2013). The creative potential of the book form (a modern author's book of poems). *Linguistics of creativity-1: collective monograph.* Yekaterinburg: Publishing House of the Ural State Pedagogical University. 346—368. (In Russ.).

Mitroshenkov, O. A. (2013). Post-Postmodernism as a premonition. *Socio-humanitarian knowledge, 4:* 52—61. (In Russ.).

Poymanova, O. V. (1997). *Semantic space of the video verbal text.* PhD Diss. Moscow. 237 p. (In Russ.).

Rakitina, E. B. (2008). *"Poetic people" in the context of Russian-language Internet poetry.* PhD Diss. Saratov. 147 p. (In Russ.).

CC BY

Rosario, G. Di. (2011). *Electronic Poetry. Understanding Poetry in the Digital Environment.* Jyväskylä: Jyväskylä University Printing House. 336 p. ISBN 978-951-39-4324-0.

Schröter, J. *Discourses and Models of Intermediality.* Available at: http://docs.lib.purdue.edu/clcweb/ vol13/iss3/3 (accessed 16.12.2021).

Sedykh, E. V. (2008). To the problem of intermediality. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 9. Philology, 3 (II):* 210—214. (In Russ.).

Smolskaya, E. P., Barteneva, A. S. (2021). Poetry and its reader in the digital age. *Concept: philosophy, religion, culture, 5 (1):* 157—168. DOI: 10.24833/2541-8831-2021-1-17-157-168. (In Russ.).

Smyshlyaev, E. A. (2016). Intertextuality of modern Chelyabinsk poetry. *Humanitarian Vector. Series: Philology, Oriental Studies, 3:* 18—24. (In Russ.).

Ulyanova, O. B., Ertner, D. E., Mavlyutova, A. A. (2019). Polycode mechanisms of interpretation of small poetic forms of network literature. *Bulletin of the Tyumen State University. Humanitarian studies. Humanitates, 5 (2):* 88—106. DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-2-88-106. (In Russ.).

Yavtseva, A. *Digital opera "SHHD: Winter": interview with Ilya Mazo, the creator of the project.* Available at: http://journal.cbs-vao.ru/interview-with-ilya-mazo (accessed 15.12.2021). (In Russ.).

Valero, E. (2019). Introduction about poetry and poets in the digital era. *Signa: revista de la asociacion espanola de semiotica, 28:* 239—244. DOI: 10.15405/epsbs.2021.12.03.46.

Viires, P., Laak, M. (2021). Ephemerality in the digital world. *Estonian case studies of digital literature and digital literary heritage projects, 48 (1):* 39—52. DOI: 10.1007/s11059-021-00580-3.

Vorobyova (Vezhlian), E. (2020). Sincerity, affect, empathy: poetic communities and new contexts of publicity. *Russian literature, 118:* 45—77. DOI: 10.1016/j.ruslit.2020.11.003. (In Russ.).

Wolf, W. (2002). Intermediality revisited: reflections on word and music relations in the context of general typology of intermediality. *Word and music studies, 4:* 14—34.

Wolf, W. (1999). *The Musicalization of Fiction: A Study in the Theory and History of Intermediality.* Amsterdam: Rodopi. 272 p.

Xin, L. (2017). The evolution of media and new developments of Internet literature. In: *Proceedings of the 2017 2nd International conference on education, sports, arts and management engineering (ICESAME 2017). Series: Advances in Social Science Education and Humanities Research.* 505—508. DOI: 10.2991/icesame-17.2017.109.

Zagidullina, M. V. (2017). Intermediality in the era of total mediatization: how technologies affect literature and its theory. In: *Paverman Readings. Literature. Music. Theater: collection of scientific works.* Yekaterinburg: Cabinet Scientist. 60—77. ISBN 978-5-7584-0267-2. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 06.02.2022,
одобрена после рецензирования 27.04.2022,
подготовлена к публикации 10.05.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Данкова Н. С. Речевое воздействие в политическом дискурсе в контексте пандемии COVID-19 (на примере выступлений Б. Джонсона и Д. Байдена) / Н. С. Данкова, Е. В. Крехтунова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 4. — С. 203—217. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-203-217.

Dankova, N. S., Krekhtunova, E. V. (2022). Speech Impact in Political Discourse in Context of COVID-19 Pandemic (Speeches of B. Johnson and D. Biden). *Nauchnyi dialog, 11(4):* 203-217. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-203-217. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU EBSCOhost

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-203-217

Речевое воздействие в политическом дискурсе в контексте пандемии COVID-19 (на примере выступлений Б. Джонсона и Д. Байдена)

Данкова Наталья Станиславовна
orcid.org/0000-0003-2485-8047
кандидат филологических наук
кафедра «Английский язык»
n.s.dankova@mail.ru

Крехтунова Елена Викторовна
orcid.org/0000-0003-3369-0055
кандидат филологических наук
кафедра «Английский язык»
mizuori@mail.ru

Пензенский
государственный университет
(Пенза, Россия)

Speech Impact in Political Discourse in Context of COVID-19 Pandemic (Speeches of B. Johnson and D. Biden)

Natalia S. Dankova
orcid.org/0000-0003-2485-8047
PhD in Philology
English language Department
n.s.dankova@mail.ru

Elena V. Krekhtunova
orcid.org/0000-0003-3369-0055
PhD in Philology
English language Department
mizuori@mail.ru

Penza State University
(Penza, Russia)

© Данкова Н. С., Крехтунова Е. В., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению прагмалингвистических средств политического дискурса. Материалом послужили транскрипции выступлений премьер-министра Великобритании Б. Джонсона и президента США Д. Байдена, опубликованные на официальных сайтах правительств Великобритании и США. Авторы ставят перед собой задачу изучить коммуникативные тактики, актуализирующие основные направления политики в отношении COVID-19. Актуальность работы обусловлена конструктивистским подходом к языку. Политический дискурс представляет собой один из способов актуализации власти и контроля в обществе. В ходе анализа выявлены две группы тактик, воздействующих на социальное сознание и поведение: тактики отрицательной репрезентации и тактики положительной репрезентации. Тактики отрицательной репрезентации пандемии включают следующие: акцентирование угрозы, моделирование негативного сценария, привлечение негативного опыта. Положительные репрезентации создаются посредством использования таких тактик, как акцентирование достижений, моделирование положительного сценария, солидаризация, апелляции к долгу, убеждение и призыв. Показано, что языковые средства актуализации выделенных тактик оказывают целенаправленное воздействие на эмоциональную сферу и на сознание граждан, являясь веским аргументом в пользу вакцинации. Проведенный анализ способствует пониманию дискурсивных механизмов воздействия на массовое сознание.

Ключевые слова:
политический дискурс; тактика; воздействие; пандемия.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the study of pragmalinguistic means of political discourse. The material was transcriptions of speeches by British Prime Minister B. Johnson and US President D. Biden, published on the official websites of the governments of Great Britain and the United States. The authors set themselves the task of studying communication tactics that update the main directions of policy regarding COVID-19. The relevance of the work is due to the constructivist approach to the language. Political discourse is one of the ways to actualize power and control in society. The analysis revealed two groups of tactics that affect social consciousness and behavior: tactics of negative representation and tactics of positive representation. The tactics of negative representation of the pandemic include the following: emphasizing the threat, modeling a negative scenario, attracting negative experience. Positive representations are created through the use of tactics such as highlighting achievements, modeling a positive scenario, solidarity, appeals to duty, persuasion and appeal. It is shown that the linguistic means of updating the identified tactics have a targeted impact on the emotional sphere and on the consciousness of citizens, being a strong argument in favor of vaccination. The analysis carried out contributes to the understanding of the discursive mechanisms of influence on the mass consciousness.

Key words:
political discourse; tactics; impact; pandemic.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 811.111’42::[323:616-036.21]

Речевое воздействие в политическом дискурсе в контексте пандемии COVID-19 (на примере выступлений Б. Джонсона и Д. Байдена)

© Данкова Н. С., Крехтунова Е. В., 2022

1. Введение = Introduction

Последние несколько лет внесли значительные изменения в жизнь всех и каждого. Пандемия, вызванная вирусом COVID-19, изменила мир в целом и оказала влияние на разные сферы человеческой деятельности, что не могло не отразиться на языке и дискурсе. Исследователи отмечают значительное влияние пандемии на лексический состав языка [Воскресенская и др., 2021; Радбиль и др., 2021; Радбиль и др., 2022; Чернова и др., 2021]. Политический дискурс не стал исключением.

В настоящей работе мы рассматриваем особенности англоязычного политического дискурса в контексте пандемии COVID-19. Данная статья продолжает серию наших работ, направленных на изучение прагмалингвистических средств политического дискурса.

Актуальность исследования определяется конструктивистским подходом к языку. Политический дискурс представляет собой один из способов актуализации власти и контроля в обществе.

Новизна исследования состоит в выявлении дискурсивного инструментария, направленного на актуализацию политических установок в отношении COVID-19.

Как представляется, в суровых реалиях пандемии политический дискурс, будучи мощным инструментом власти, направлен на борьбу со смертельным заболеванием, захватившим всю планету. Поскольку политический дискурс обладает манипулятивным потенциалом, ***цель*** настоящего этапа исследования — выявление дискурсивных механизмов воздействия на социальное сознание. Данная цель достигается посредством выявления основных коммуникативных тактик политического дискурса, а также языковых средств их реализации.

Теоретически мы исходим из того, что в своей речи лидеры стран используют определенный набор тактик, актуализирующих основные политические установки в отношении COVID-19. Результаты исследования способствуют пониманию общих закономерностей функционирования политического дискурса.

CC BY

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для анализа послужили транскрипции выступлений премьер-министра Великобритании Б. Джонсона и президента США Д. Байдена, опубликованные на официальных сайтах правительства Великобритании [Gov.uk] и правительства США [The White House]. Материал отбирался методом произвольной выборки в период с февраля 2021 года по январь 2022 года. Фактологическую базу исследования составили 25 транскрипций выступлений Б. Джонсона и 25 транскрипций выступлений Д. Байдена.

Методологическую основу исследования образует критический дискурс-анализ, устанавливающий связь между языком и социальной действительностью [Bloor et al., 2007]. Языковые средства, используемые в речи политических лидеров, рассматриваются как дискурсивный инструментарий, оказывающий воздействие на социальное сознание.

Методика обработки материала включает несколько шагов. Сначала был отобран материал для анализа, относящийся к теме исследования. Затем корпус текстов был изучен, в нем были выделены основные коммуникативные тактики, используемые политическими лидерами Великобритании и США для репрезентации пандемии COVID-19. Далее следовал анализ коммуникативных тактик с точки зрения языковых средств их реализации. В заключение сделан вывод о дискурсивных средствах воздействия на социальное сознание и поведение.

Теоретической базой для изучения различных аспектов политического дискурса послужили работы отечественных и зарубежных ученых: О. С. Иссерс, О. Л. Михалевой, О. Н. Паршиной, Е. И. Шейгал, Т. А. ван Дейка и др. [Иссерс, 2008; Михалева, 2009; Паршина, 2005; Шейгал, 2004; van Dijk, 2006].

Политический дискурс привлекает внимание лингвистов с точки зрения его прагматической направленности. Исследователи отмечают, что использование языковых средств в политическом дискурсе обусловлено ментальными установками говорящего и реализует функцию контроля над поведением слушающих [Михалева, 2009]. Одной из основных функций языка политики является функция социального контроля, направленная на унификацию поведения, мыслей, чувств и желаний большого числа людей [Шейгал, 2004].

Политический дискурс обладает набором системообразующих признаков, в число которых входят цель общения, участники, способ общения: избираемые стратегии и тактики [Чинарова, 2009]. Стратегии и тактики, используемые в политической коммуникации, позволяют осуществлять речевое воздействие на реципиента посредством изменения его когнитивной сферы, влияния на его систему ценностей, эмоции и волю [Ощепкова, 2020].

CC BY

Под *стратегией* лингвисты понимают определенную направленность речевого поведения в интересах достижения цели коммуникации [Паршина, 2005, с. 7]. В качестве основных целей, которые преследует коммуникативная стратегия политического дискурса, выделяют следующие: информирование, изменение мнения, изменение поведения адресата [Каменева и др., 2021, с. 85]. *Тактика*, по определению О. Л. Михалевой, представляет собой «конкретный этап реализации коммуникативной стратегии, определяемый интенцией говорящего, эксплицированной совокупностью приемов, обусловливающих применение языковых средств» [Михалева, 2009, с. 45]. Существует большое разнообразие классификаций стратегий и тактик политического дискурса. Особой популярностью у лингвистов пользуются классификации О. Л. Михалевой, О. Н. Паршиной, Т. А. ван Дейка [Михалева, 2009; Паршина, 2005; van Dijk, 2006].

Данный этап исследования посвящен изучению стратегии воздействия в политическом дискурсе в контексте пандемии COVID-19. Основанием для изучения данной стратегии послужила работа В. И. Курышевой, рассматривающей стратегию воздействия в политическом дискурсе, а именно ее влияние на выбор электората [Курышева, 2010]. Отмечается, что в политическом дискурсе главными являются убеждение и побуждение адресата к действию, в котором заинтересован сам политик [Ощепкова, 2020].

Исследователи выделяют такие способы воздействия, как рациональное и эмоциональное [Курышева, 2010; Симонян, 2009]. По наблюдениям ученых, стратегическая программа действий ориентирована как на рациональное воздействие, опирающееся на разумное начало, на сознание аудитории, так и на эмоциональное воздействие, предполагающее обращение к чувствам адресата [Симонян, 2009].

Следует отметить, что воздействие рассматривается лингвистами как одна из функций дискурса в целом. Языковые средства, используемые для реализации данной функции, становятся предметом исследования ученых. Так, изучены стилистические средства английского политического дискурса на примере публичного доклада премьер-министра Великобритании Б. Джонсона [Хафизова, 2020]. Отмечен воздействующий потенциал использования лексических средств языка [Ефименко, 2019].

Категории стратегии и тактики политического дискурса, используемые для оказания воздействия на адресата, широко исследуются в современных работах. Описаны наиболее частотные стратегии и тактики речевого воздействия в политическом интернет-дискурсе Д. Трампа на материале постов об иммиграционном кризисе на южной границе США [Гальчук, 2021]. Исследованы стратегии и тактики создания положительного имиджа политического деятеля [Каменева и др., 2021]. Исследования, направленные

CC BY

на выявление тактик, актуализирующих основные направления политики в отношении COVID-19, нам не встречались.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Наш интерес сосредоточен на изучении тактик речевого воздействия, используемых политическими лидерами в рамках репрезентации пандемии COVID-19. Проведенный анализ позволил выделить две группы тактик: тактики отрицательной репрезентации и тактики положительной репрезентации. Далее перейдем непосредственно к результатам настоящего исследования.

3.1. Тактики отрицательной репрезентации пандемия COVID-19 в речах Б. Джонсона и Д. Байдена

В своих выступлениях политические лидеры Великобритании и США дают оценку сложившейся эпидемиологической ситуации, вызванной пандемией коронавируса.

3.1.1. Основной тактикой репрезентации пандемии является ТАКТИКА АКЦЕНТИРОВАНИЯ УГРОЗЫ, реализующаяся лексическими и грамматическими языковыми средствами, а также стилистическими приемами. Так, следующий пример из речи Д. Байдена подчеркивает серьезность и масштаб угрозы посредством лексических единиц с оценочным компонентом (*complicated challenges / сложных задач*) и превосходной степени прилагательных в (*the biggest and most complicated /* самых больших и сложных):

It's one of ***the biggest*** *and* ***most complicated challenges*** *in our history* (Это одна из самых больших и сложных задач в нашей истории) (здесь и далее перевод наш. — *Н. Д., Е. К.*) [Biden, August, 23, 2021].

Оба лидера прибегают к использованию образных средств языка для репрезентации пандемии. В связи с этим характерно использование метафорической модели войны, что демонстрируют следующие фрагменты:

We're ***in the midst of a wartime*** *effort to beat this pandemic* (Мы находимся в разгаре военных действий по борьбе с этой пандемией) [Biden, August, 23, 2021].

For month after month our ***collective fight against*** *Coronavirus was like* ***fighting in the dark against a callous and invisible enemy*** / (Месяц за месяцем наше всеобщее сражение с вирусом было похоже на сражение в темноте с бездушным и невидимым врагом) [Johnson, March, 23, 2021].

Следующий пример, содержащий стилистический прием противопоставления, усиленный лексическим повтором, подчеркивает смертельную угрозу, вызванную COVID-19:

The virus doesn't care if you're a Democrat or a Republican. ***This is about life and death. Life and death*** (Вирусу все равно, демократ Вы или респу-

CC BY

бликанец. Это вопрос жизни и смерти. Жизни и смерти) [Biden, August, 3, 2021].

Следует отметить, что использование стилистических приемов оказывает эмоциональное воздействие на слушателей, вызывая чувство страха как за собственную жизнь, так и за жизнь и здоровье близких.

Помимо воздействия на эмоциональную сферу, лидеры стран взывают к сознанию граждан, объясняя причину смертельного исхода — отсутствие вакцинации:

People are dying needlessly because ***they haven't had their jabs, they haven't had that booster*** (Люди умирают напрасно, потому что они не сделали прививки или не прошли ревакцинацию) [Johnson, January, 4, 2022].

Almost everyone who has died from COVID-19 in the past many months ***has been unvaccinated. Unvaccinated*** (Почти все, кто умер от COVID-19 за последние несколько месяцев, были не привиты. Не привиты) [Biden, December, 12, 2021].

3.1.2. Еще одной тактикой отрицательной репрезентации пандемии является ТАКТИКА МОДЕЛИРОВАНИЯ НЕГАТИВНОГО СЦЕНАРИЯ. В этом случае характерно использование условных предложений. Лидерам стран свойственна репрезентация будущих событий, связанных с распространением коронавирусной инфекции, в частности, речь идет о разрушительных последствиях пандемии и фатальных исходах, которые неизбежны при условии, если граждане не пройдут вакцинацию.

Так, в следующем фрагменте категорично утверждается, что отсутствие вакцинации повлечет за собой множество нелепых смертей:

Many of you will — you know, ***you'll experience severe illness,*** *in many cases,* ***if you get COVID-19 if you're not vaccinated. Some will die — needlessly die*** (Многие из вас — вы понимаете, вероятнее всего столкнутся с тяжелым заболеванием, если вы заразитесь COVID-19, если вы не вакцинированы. Некоторые умрут — напрасно умрут) [Biden, January, 4, 2022].

Как представляется, использование местоимения *you* / *вы* в данном контексте неслучайно. Личное местоимение позволяет убедить слушателя, что речь идет именно о его будущем. Подобная репрезентация в совокупности с категоричностью высказывания способна вызывать чувство тревоги у адресата.

Высказывания Б. Джонсона относительно будущих событий, связанных с распространением заболевания, менее категоричны, однако апелляция к эмоциям (*remorseless / безжалостная / sadly / печально*) также оказывает воздействие на чувства и настроение аудитории:

<…> we know the remorseless logic of exponential growth ***could lead to a big rise in hospitalisations, and therefore sadly in deaths*** (<…> мы знаем,

CC BY

что безжалостная логика прогрессирующего роста может привести к значительному увеличению числа госпитализаций и, как это ни печально, смертей) [Johnson, December, 8, 2022].

Негативный сценарий в следующем примере конструируется посредством использования метафор разрушения и хаоса (*chaos / хаоса, damage / ударом*), эмоционально окрашенной лексики (*anxiety / беспокойством*), эпитетов (*endless / беспокойством, empty / пустыми*), создается образ бесконечного хаоса и страха:

Without them [vaccinations], we face ***endless months of chaos*** *in our hospitals,* ***damage*** *to our economy, and* ***anxiety*** *in our schools, and* ***empty restaurants*** (Без них [прививок] мы столкнемся с бесконечными месяцами хаоса в наших больницах, ударом для нашей экономики, беспокойством в наших школах и пустыми ресторанами) [Biden, October, 7, 2022].

3.1.3. В рамках отрицательной репрезентации пандемии используется также ТАКТИКА ПРИВЛЕЧЕНИЯ НЕГАТИВНОГО ОПЫТА. Лидеры стран призывают прислушаться к мнению безнадежно больных людей, находящихся на грани смерти, которые сожалеют о том, что не сделали вовремя прививку. Создаваемый образ неизбежной кончины в следующем фрагменте в совокупности с лексическим повтором, выражающим сожаление людей, оказывает имплицитное воздействие как на эмоциональную сферу слушателя, вызывая чувство сострадания, так и на сознание граждан, являясь веским аргументом в пользу вакцинации:

Listen to the voices of the unvaccinated Americans who are lying in hospital beds, ***taking their final breaths****, saying — and, literally, we've seen this on television —* ***"If only I had gotten vaccinated. If only. If only"*** (Послушайте тех непривитых американцев, которые лежат сейчас на больничных койках, делая последний вздох со словами — и мы действительно видели это по телевизору — «Если бы я только сделал прививку. Если бы только. Если бы только») [Biden, September, 24, 2022].

Помимо имплицитного воздействия на аудиторию, политические лидеры открыто призывают поучиться на чужих ошибках, приводя в пример страдания больных людей (*miserable / ужасные, suffering / напрасные*), и примерить их опыт на себя.

And I want to speak directly to all those who have yet to get fully vaccinated. The people who think the disease can't hurt them — ***look at the people going into hospital now, that could be you****. Look at the intensive care units and the* ***miserable, needless suffering*** *of those who did not get their booster,* ***that could be you*** (И я хочу обратиться непосредственно ко всем тем, кто еще не прошел полную вакцинацию. Люди, которые думают, что болезнь не может причинить им вреда — посмотрите на людей, которые сейчас находятся

CC BY

в больнице, на их месте можете оказаться Вы. Посмотрите на реанимационные отделения и ужасные, напрасные страдания тех, кто не прошел ревакцинацию, на их месте можете оказаться Вы) [Johnson, December, 31, 2021].

3.2. Тактики положительной репрезентации пандемия COVID-19 в речах Б. Джонсона и Д. Байдена

Помимо тактик отрицательной репрезентации пандемии, лидеры стран используют тактики положительной репрезентации.

3.2.1. Одной из таковых является ТАКТИКА АКЦЕНТИРОВАНИЯ ДОСТИЖЕНИЙ, которая реализуется прежде всего лексикой с положительной семантикой (*make progress / добиваться успеха, strong protection / сильную защиту*):

There is no doubt at all that this country is continuing to ***make progress*** *in the fight against* Covid (Нет никаких сомнений в том, что наша страна продолжает добиваться успеха в борьбе с Covid) [Johnson, April, 20, 2021].

And fourth, I want to emphasize that the vaccines provide very ***strong protection*** *from severe illness from COVID-19* (И, в-четвертых, я хочу подчеркнуть, что прививки обеспечивают очень сильную защиту от тяжелого течения заболевания COVID-19) [Biden, September, 9, 2021].

Помимо лексических средств, положительные репрезентации создаются грамматическими языковыми средствами, что демонстрирует следующий пример, содержащий прилагательные в сравнительной степени (*brighter and brighter / ярче и ярче*):

As more Americans get vaccinated, the days grow ***brighter and brighter*** (По мере того, как все больше американцев получают вакцину, дни становятся все ярче и ярче) [Biden, May, 28, 2021].

Отметим, что результаты борьбы с распространением коронавирусной инфекции соотносятся с вакцинацией граждан. В следующем фрагменте вакцинация населения представлена метафорически как свет в конце тоннеля. Используемая метафора позволяет создать образ вакцинации как единственного выхода, который спасет жизни людей. Кроме того, Д. Байден эксплицитно указывает на колоссальные достижения в этой области (*achievement / достижением*):

Every day, ***the light at the end of that tunnel*** *is growing brighter. This vaccination effort has been an historic logistical* ***achievement*** *for our nation* (С каждым днем свет в конце тоннеля становится все ярче. Эта работа по вакцинации стала историческим прогрессирующим достижением для нашей страны) [Biden, May, 17, 2021].

3.2.2. В своих выступлениях политические лидеры конструируют репрезентации победы над вирусом COVID-19 посредством ТАКТИКИ МО-

CC BY

ДЕЛИРОВАНИЯ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО СЦЕНАРИЯ. Использование будущего времени, а также модального глагола *can / можем*, выражающего уверенность говорящего, придает категоричность утверждению и выражает уверенность говорящего, которая потенциально передается слушателю и позволяет убедить его в положительном исходе борьбы над вирусом:

It's humanity against the virus — we are in this together, and together we ***will prevail*** (Это человечество против вируса — мы участвуем в этом вместе, и вместе мы одержим победу [Johnson, May, 20, 2021].

If we raise our vaccination rate, protect ourselves and others with masking and expanded testing, and identify people who are infected, ***we can*** *and* ***we will turn the tide on COVID-19*** (Если мы повысим уровень вакцинации, защитим себя и других с помощью маски, увеличим количество тестирований и выявим инфицированных людей, мы сможем переломить ситуацию с COVID-19, и мы сделаем это) [Biden, September, 9, 2021].

3.2.3. Тактика моделирования положительного сценария часто пересекается с ТАКТИКОЙ СОЛИДАРИЗАЦИИ, подчеркивающей необходимость объединиться для борьбы с врагом-коронавирусом. Лидеры стран подчеркивают, что только вместе возможно одержать победу над смертельно опасным вирусом. В связи с этим характерно использование наречия *together / вместе*, а также средств конструирования национальной идентичности (*the United States of America / Соединенные Штаты Америки, the whole country / вся страна*), что демонстрируют следующие примеры:

Look, we're ***the United States of America****. There's nothing — not a single thing — we're unable to do if we do it* ***together****. So let's stay* ***together*** (Послушайте, мы Соединенные Штаты Америки. Нет ничего, ни единой вещи, которую мы не смогли бы сделать, если будем делать это вместе. Так давайте объединимся) [Biden, September, 9, 2021].

<…> we have the tools to combat the virus, if we can come ***together*** *as a country and use those tools* (<…> у нас есть инструменты для борьбы с вирусом, если мы сможем объединиться как страна и использовать эти инструменты) [Biden, September, 9, 2021].

<…> ***the whole country*** *can take another step on a long and hard road back to normality* (<…> вся страна может ступить на долгий и сложный путь возвращения к обычной жизни) [Johnson, February, 10, 2021].

3.2.4. С целью вызвать чувство ответственности за собственное здоровье и здоровье близких, а также взывая к чувству патриотизма, политические лидеры прибегают К ТАКТИКЕ АПЕЛЛЯЦИИ К ДОЛГУ, реализующейся лексическими единицами с семантикой долженствования (*duty / долг, must / должны*), которые позволяют убедить граждан страны в необходимости вакцинации:

CC BY

Get vaccinated now. It's free. It's convenient. I promise you, it saves lives. And I, honest to God, believe it's your patriotic ***duty*** (Сделайте прививку прямо сейчас. Это бесплатно. Это удобно. Я обещаю Вам, это спасает жизни. И я, положа руку на сердце, считаю, что это Ваш патриотический долг) [Biden, December, 12, 2021].

But I need to speak to you this evening, because I am afraid we are now facing an emergency in our battle with the new variant, Omicron, and we ***must*** *urgently reinforce our wall of vaccine protection to keep our friends and loved ones safe* (Но я вынужден обратиться к вам сегодня вечером, потому что боюсь, что сейчас мы стоим перед лицом чрезвычайной ситуации в нашей битве с новым вариантом, Омикроном, и мы должны срочно укрепить нашу оборону вакциной, чтобы обезопасить наших друзей и близких) [Johnson, December, 12, 2021].

3.2.5. Лидеры Великобритании и США прямо призывают граждан вакцинироваться, используя в обращениях ТАКТИКИ УБЕЖДЕНИЯ И ПРИЗЫВА, которые часто пересекаются и дополняют друг друга. Тактика убеждения, сопровождающаяся призывом, реализуется в следующем примере как средствами рациональной аргументации, которые подчеркивают положительные стороны вакцинации, так и экспрессивными средствами языка, воздействующими на эмоциональную сферу слушателей:

Vaccination is ***free****. It's* ***easy****, it's safe, and it's* ***effective****. And it's* ***convenient****…. So, please, get your shot today. There's no time to waste* (Вакцинация бесплатная. Это просто, безопасно и эффективно. И это удобно… Так что, пожалуйста, сделайте прививку сегодня. Не стоит терять время) [Biden, August, 23, 2021].

Тактика убеждения в следующем примере актуализируется использованием лексики с положительной семантикой (*protect / защитить, care / дороги*), а также форм превосходной степени прилагательного и наречия (*the best / лучшее, the most / больше всего*):

The best *thing you can do to* ***protect*** *yourself and your family and the people you* ***care*** *about* ***the most*** *is get vaccinated* (Лучшее, что вы можете сделать, чтобы защитить себя, свою семью и людей, которые вам больше всего дороги, — это сделать прививку) [Biden, July, 6, 2021].

Тактика призыва актуализируется использованием повелительного наклонения глагола, что показано в следующих примерах:

It's time for another Great British Vaccination Effort. We've done it before, we're going to do it again, and ***let's not give*** *the virus a second chance* (Настало время для еще одной кампании по всеобщей вакцинации в Британии. Мы делали это раньше, мы собираемся сделать это снова, и давайте не оставим вирусу второго шанса) [Johnson, November, 30, 2021].

CC BY

Get vaccinated. Get boosted (Сделайте прививку. Пройдите ревакцинацию) [Biden, January, 4, 2022].

4. Заключение = Conclusions

Итак, в ходе настоящего этапа исследования изучены коммуникативные тактики, актуализирующие основные политические установки в отношении COVID-19. Проведенный анализ позволил выделить две группы тактик, воздействующих на социальное сознание и поведение: тактики отрицательной репрезентации и тактики положительной репрезентации.

Тактики отрицательной репрезентации пандемии включают следующие: акцентирование угрозы, моделирование негативного сценария, привлечение негативного опыта. Тактики данной группы способны вызывать беспокойство и чувство тревоги за жизнь и здоровье, с одной стороны, и оказывать персуазивное воздействие, стимулирующее принятие решения о вакцинации, с другой стороны. Положительные репрезентации создаются посредством использования таких тактик, как акцентирование достижений, моделирование положительного сценария, солидаризация, апелляции к долгу, убеждение и призыв. Тактики положительной репрезентации пандемии используются в рамках конструктивистского подхода к языку. Коммуникативные тактики, используемые лидерами стран, призваны убедить граждан пройти вакцинацию и направлены на конструирование реальности, которая характеризуется всеобщей вакцинацией и победой над коронавирусом.

Языковые средства актуализации выделенных тактик оказывают целенаправленное воздействие на эмоциональную сферу и сознание граждан, являясь веским аргументом в пользу вакцинации. Проведенный анализ способствует пониманию дискурсивных механизмов воздействия на массовое сознание. Дальнейшее изучение материала видится нам перспективным направлением исследования.

Источники

GOV.UK [Electronic resource]. — Access mode: https://www.gov.uk (accessed 10.12.2021).

The White House [Electronic resource]. — Access mode: https://www.whitehouse.gov (accessed 10.12.2021).

Литература

1. *Воскресенская Н. А.* К вопросу о перспективах выживания covid-неологизмов в современном английском языке / Н. А. Воскресенская, О. О. Гулик // Научный диалог. — 2021. — № 11. — С. 50—62. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-11-50-62.

2. *Гальчук Д. С.* Стратегии и тактики речевого воздействия Д. Трампа (на материале постов об иммиграционном кризисе на южной границе США) / Д. С. Гальчук //

CC BY

Политическая лингвистика. — 2021. — № 4 (88). — С. 29—34. — DOI: 10.26170/1999-2629_2021_04_03.

3. *Ефименко Т. Н.* Реализация функции воздействия в общественно-политическом дискурсе / Т. Н. Ефименко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2019. — Т. 12, № 12. — С. 321—325. — DOI: 10.30853/filnauki.2019.12.65.

4. *Иссерс О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — Изд. 5-е. — Москва : Издательство ЛКИ, 2008. — 284 с. — ISBN 978-5-382-00698-7.

5. Каменева В. А. Стратегия самопрезентации политика (на материале личного и официального блогов в Twitter вице-президента США Камалы Харрис) / В. А. Каменева, Н. В. Потапова // Научный диалог. — 2021. — № 11. — С. 82—105. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-11-82-105.

6. Курышева В. И. Коммуникативная стратегия воздействия в американском предвыборном дискурсе (на материале политических речей Б. Обамы 2008 г.) / В. И. Курышева // Вестник Вятского государственного университета. — 2010. — № 1—2. — С. 70—72.

7. *Михалева О. Л.* Политический дискурс : специфика манипулятивного воздействия / О. Л. Михалева. — Москва : Книжный дом ЛИБРОКОМ, 2009. — 256 с. — ISBN 978-5-397-00227-1.

8. *Ощепкова Н. А.* Реализация механизмов речевого воздействия в политическом дискурсе / Н. А. Ощепкова // Гуманитарные и социальные науки. — 2020. — № 3. — С. 121—132. — DOI: 10.18522/2070-1403-2020-80-3-121-132.

9. *Паршина О. Н.* Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России : автореферат диссертации … доктора филологических наук / О. Н. Паршина. — Саратов, 2005. — 48 с.

10. *Радбиль Т. Б.* Активные процессы в лексике и словообразовании русского языка эпохи коронавируса: лингвокогнитивный аспект / Т. Б. Радбиль, Л. В. Рацибурская, И. В. Палоши // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 63—79. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-63-79.

11. *Радбиль Т. Б.* Лингвопрагматический потенциал активных процессов в русском неологическом словообразовании новейшего периода / Т. Б. Радбиль, Л. Ясаи, И. Палоши // Научный диалог. — 2022. — Т. 11, № 1. — С. 101—121. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-101-121.

12. *Симонян А. А.* Оценочность с точки зрения коммуникативных стратегий (на материале сенатских слушаний США / А. А. Симонян / Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2009. — № 1. — С. 114—123.

13. *Хафизова А. А.* Особенности речевого воздействия английского политического дискурса (на примере речи Бориса Джонсона, произнесенной на 74-й Генеральной Ассамблее ООН) / А. А. Хафизова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2020. — Т. 13, № 6. — С. 210—216. — DOI: 10.30853/filnauki.2020.6.39.

14. *Чернова О. Е.* «Мир никогда не будет прежним»: актуальные фразеологизмы в период пандемии коронавируса / О. Е. Чернова, А. А. Осипова, Н. В. Позднякова // Научный диалог. — 2021. — № 5. — С. 140—153. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-5-140-153.

15. *Чинарова Е. С.* Тактика манипулятивного воздействия на адресата в политическом дискурсе / Е. С. Чинарова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2009. — № 43 (181). — С. 150—152.

16. *Шейгал Е. И.* Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — Москва : Гнозис, 2004. — 326 с. — ISBN 5-7333-0144-9.

17. *Bloor M.* The Practice of Critical Discourse Analysis: An Introduction / M. Bloor, Th. Bloor. — London : Hodder Arnold, 2007. — 207 p. — ISBN 9780340912379.

18. *Van Dijk T. A.* Politics, ideology and discourse / T. A. van Dijk // Elsevier Encyclopedia of Language and Linguistics. Volume on Politics and Language / edited by R. Wodak. — 2006. — P. 728—740.

Material resources

GOV.UK — Available at: https://www.gov.uk (accessed 10.12.2021).
The White House — Available at: https://www.whitehouse.gov (accessed 10.12.2021).

References

Bloor, M., Bloor, Th. (2007). *The Practice of Critical Discourse Analysis: An Introduction*. London: Hodder Arnold. 207 p. ISBN 9780340912379.

Chernova, O. E., Osipova, A. A., Pozdnyakova, N. V. (2021). «World will never be same»: phraseologisms during coronavirus pandemic. *Nauchnyy dialog, 5:* 140—153. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-5-140-153. (In Russ.).

Chinarova, E. S. (2009). Tactics of manipulative influence on the addressee in political discourse. *Bulletin of Chelyabinsk state university, 43 (181):* 150—152. (In Russ.).

Efimenko, T. N. (2019). Realization of influencing function in socio-political discourse. *Philology. Theory & practice, 12 (12):* 321—325. DOI: 10.30853/filnauki.2019.12.65. (In Russ.).

Gal'chuk, D. S. (2021). Strategies and tactics of verbal manipulation employed by D. Trump (on the topic of the US immigration crisis on the Southern border). *Political linguistics, 4 (88):* 29—34. DOI: 10.26170/1999-2629_2021_04_03. (In Russ.).

Issers, O. S. (2008). *Communication strategies and tactics of Russian speech*. (5th ed.). Moscow: Publishing house LKI. 284 p. ISBN 978-5-382-00698-7. (In Russ.).

Khafizova, A. A. (2020). Specificity of speech influence in the English political discourse (by the example of Boris Johnson's speech at the 74th session of the UN general assembly). *Philology. Theory & practice, 13 (6):* 210—216. DOI: 10.30853/filnauki.2020.6.39. (In Russ.).

Kameneva, V. A., Potapova, N. V. (2021). Strategy of self-presentation of a politician (personal and official blogs on Twitter of US vice president Kamala Harris). *Nauchnyi dialog, 11:* 82—105. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-11-82-105. (In Russ.).

Kurysheva, V. I. (2010). Communicative strategy in American electoral discourse (on the basis of Obama's political election speeches). *Herald of Vyatka State University, 1—2:* 70—72. (In Russ.).

Mikhaleva, O. L. (2009). Political discourse: the specifics of manipulative influence. Moscow: Knizhnyy dom LIBROKOM. 256 p. ISBN 978-5-397-00227-1. (In Russ.).

Oshchepkova, N. A. (2020). Implementation of speech influence mechanism in political discourse. *The humanities and social-economic sciences, 3:* 121—132. DOI: 10.18522/2070-1403-2020-80-3-121-132. (In Russ.).

Parshina, O. N. (2005). *Strategies and tactics of speech behavior of the modern political elite of Russia: author's abstract of Doct. Diss*. Saratov. 48 p. (In Russ.).

Radbil, T. B., Ratsiburskaya, L. V., Paloshi, I. V. (2021). Active processes in the vocabulary and word formation of the russian language in the era of coronavirus: linguo-cogni-

CC BY

tive aspect. *Nauchnyi dialog, 1:* 63—79. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-63-79. (In Russ.).

Radbil, T. B., Jaszay, L., Palosi, I. (2022). Linguopragmatic potential of active processes in russian neological word formation of latest period. *Nauchnyi dialog, 11 (1):* 101—121. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-101-121. (In Russ.).

Simonyan, A. A. (2009). Evaluation in terms of communication strategies (based on the Senate hearings in the USA). *Moscow State university bulletin. Series 19. Linguistics and intercultural communication, 1:* 114—123. (In Russ.).

Sheygal, E. I. (2004). *Semiotics of political discourse*. Moscow: Gnozis. 326 p. ISBN 5-7333-0144-9. (In Russ.).

Van Dijk, T. A. (2006). Politics, ideology and discourse. In: Wodak, R. (ed.). *Elsevier Encyclopedia of Language and Linguistics. Volume on Politics and Language*. 728—740. (In Russ.).

Voskresenskaya, N. A., Gulik, O. O. (2021). Prospects for Survival of Covid Neologisms in Modern English. *Nauchnyi dialog, 11:* 50—62. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-11-50-62.

Статья поступила в редакцию 11.02.2022,
одобрена после рецензирования 21.04.2022,
подготовлена к публикации 08.05.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Кушнерук С. Л. Реальность российского промышленного региона в американских СМИ : аспекты фреймирования / С. Л. Кушнерук // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 4. — С. 218—238. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-218-238.

Kushneruk, S. L. (2022). Reality of Russian Industrial Region in American Media: Aspects of Framing. *Nauchnyi dialog, 11(4):* 218-238. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-218-238. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU EBSCOhost

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-218-238

Реальность российского промышленного региона в американских СМИ: аспекты фреймирования

Кушнерук Светлана Леонидовна
orcid.org/0000-0003-4447-4606
Scopus Author ID: 57204431355
доктор филологических наук, доцент,
кафедра теории и практики
английского языка
Svetlana_kush@mail.ru

Челябинский
государственный университет
(Челябинск, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Фонда перспективных
научных исследований
ФГБОУ ВО «ЧелГУ», 2022

Reality of Russian Industrial Region in American Media: Aspects of Framing

Svetlana L. Kushneruk
orcid.org/0000-0003-4447-4606
Scopus Author ID: 57204431355
Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Theory and Practice
of the English Language
Svetlana_kush@mail.ru

Chelyabinsk State University
(Chelyabinsk, Russia)

Acknowledgments:
The study was financially
supported by the Foundation
for Advanced Scientific Research
of ChelSU, 2022

© Кушнерук С. Л., 2022

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассмотрены особенности медийного фреймирования представлений о стратегически важном для России промышленном регионе в американских СМИ. Заметный рост зарубежных журналистских публикаций, освещающих проблемы Челябинской области в период с 2010 по 2021 год, определяет актуальность изучения генерации смыслов о Южном Урале как субъекте открытого глобального социума. В теоретико-методологическом отношении исследование опирается на достижения зарубежной и отечественной дискурсологии, когнитивной лингвистики и теории когнитивно-дискурсивного миромоделирования. Материалом для анализа послужил 271 текст, отобранный методом сплошной выборки из 82 американских изданий последних одиннадцати лет. За основу принята социологическая трактовка фреймовых структур как интерпретационных схем. Понятие репрезентационной структуры уточняется и используется для обозначения дискурсивного мира как концептуально-сложной единицы анализа, соотносимой с процессами и результатами представления промышленного региона в американских медиа. Выявлены фреймовые структуры, конституирующие дискурсивный мир. Установлено, что они определяют восприятие региона сквозь призму ограниченного набора характеристик, входящих в макрофреймы КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ и БЕЗОПАСНОСТЬ И ЗАЩИТА. Исследование вносит вклад в медиалингвистику, дискурсологию, филологическую урбанистику.

Ключевые слова:
фреймирование; Южный Урал; Челябинск; медиалингвистика; массовая коммуникация; американские СМИ.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The features of media framing of ideas about the strategically important industrial region for Russia in the American media is discussed in the article. A noticeable increase in foreign journalistic publications covering the problems of the Chelyabinsk region in the period from 2010 to 2021 determines the relevance of studying the generation of meanings about the South Urals as a subject of an open global society. In theoretical and methodological terms, the study is based on the achievements of foreign and domestic discourse studies, cognitive linguistics and the theory of cognitive-discursive world modeling. The material for the analysis was 271 texts selected by continuous sampling from 82 American editions of the last eleven years. The sociological interpretation of frame structures as interpretative schemes is taken as a basis. The concept of representational structure is refined and used to designate the discursive world as a conceptually complex unit of analysis, correlated with the processes and results of representing an industrial region in American media. The frame structures constituting the discursive world are revealed. It has been established that they determine the perception of the region through the prism of a limited set of characteristics included in the macroframes CULTURAL IDENTITY and SECURITY AND PROTECTION. The study contributes to media linguistics, discourse studies, and philological urban studies.

Key words:
framing; Southern Urals; Chelyabinsk; media linguistics; mass communication; American media.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 811.111’42+070::332.122:338.45(470.55)

Реальность российского промышленного региона в американских СМИ: аспекты фреймирования

© Кушнерук С. Л., 2022

1. Введение = Introduction

Цифровизация и медиатизация меняют форму существования современных городов, делая урбанистические проблемы универсально обозримыми. В открытом информационном поле интерактивно создаётся и транслируется образ территории, который определяет её узнаваемость и закрепляет стереотипы.

В первой четверти XXI века роль зарубежных медиа, формирующих представления о Южном Урале как элементе системы глобального социума, значительно возрастает. Так, по данным аналитического агентства «Смыслография» и компании Dow Jones, Челябинская область попала в топ 10 рейтинга восприятия регионов России ведущими зарубежными СМИ в период с 2011 по 2016 год (Г. Волшуков. Взгляд издалека… // up74.ru, 2017) [АА]. Вместе с тем с сожалением приходится констатировать, что к 2018—2020 годам усилилась миграция из седьмого по количеству жителей промышленного города (Почему сокращается население Челябинска // 74.ru, 2021) [АА]. Почему мегаполис, которому в 2021 году исполнилось 285 лет, стоит перед лицом депопуляционного кризиса?

Ответы на подобные социально-острые вопросы важно находить совместными усилиями разных профессиональных групп. Отметим, что в последние несколько лет филологическая урбанистика обогатилась работами, в центре внимания которых стоят проблемы городов [Вайрах, 2019; Гавра, 2013; Горнова, 2019; Исмагилова и др., 2019; Копцева и др., 2015; Кузбасс…, 2020; Кушнерук, 2021; Новикова, 2021; Самкова, 2021; Социальное пространство…, 2015; Юнаковская, 2011 и др.].

В рамках поддержки Российского фонда фундаментальных исследований и Челябинской области сделаны первые шаги в изучении медийного фреймирования социальных проблем Южного Урала [Ковальчук, 2021; Мамонова, 2021; Медийная репрезентация…, 2021; Олизько и др., 2021]. Указанные исследования ограничиваются анализом отечественной прессы.

Новизну настоящей работы составляет направленность на выявление особенностей репрезентации промышленного города и области в американских СМИ. Для нас важно установить, как образ региона конструируется зарубежными журналистами и как стратегически значимый субъект

CC BY

Российской Федерации выглядит в медийных интерпретациях. Особое внимание автор уделяет тому, какие проявления жизнедеятельности Южного Урала стали инфоповодами в американских СМИ, какие проблемы социального качества привлекли зарубежных журналистов, освещающих жизнь Челябинска, и каким образом это влияет на репутацию территории.

Мы ставим цель изучить аспекты благополучия и неблагополучия Южно-Уральского региона, оказавшиеся в медиаполе американской прессы с 2010 по 2021 годы, и систематизировать фреймы, служащие основой репрезентации города-миллионника для зарубежной аудитории.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Методологический плюрализм когнитивно-дискурсивного подхода открывает путь к эффективному сочетанию разных методов и методик и обеспечивает возможность построения моделей коммуникации с учётом когнитивных, коммуникативных и социальных факторов. Исследование аспектов фреймирования жизни Челябинской области в американских СМИ определяется системой взглядов, основанных на следующих доказанных в науке положениях.

Медиатизация проявляется через растущее влияние медиа на все сферы жизни, концентрацию внимания общественности на социально значимых вопросах, что влечёт значимые трансформации в коллективном сознании [Гуреева, 2016]. В широком смысле медиатизация формирует «зоны пересечения медиа и социальных феноменов» [Клушина, 2018, с. 48].

Понятие медиафрейма, указывающее на тесную связь между журналистскими практиками создания медийной повестки и стимулированием адресата к её принятию и интерпретации фрагментов действительности в соответствии с имеющимися интенциями [Entman, 1993; Scheufele, 1999; Van Gorp, 2005], может быть использовано для изучения того, как в результате медиатизации дискурсивно организуется социальная реальность.

Дискурсивные феномены целесообразно анализировать в связи с когнитивными и прагматическими факторами и установками, которые формируются в сознании и служат интерфейсом между человеком и социальными практиками [Асмус, 2021; Интерпретация…, 2017; Wodak, 2006; Van Dijk, 2016].

Проблемы городов опосредованы медиадискурсом, функционирующим в виде совокупности текстовых произведений, связанных содержательно-тематическими отношениями и/или объединённых в коммуникативном и функционально-целевом планах [Ковальчук, 2021; Мамонова, 2021; Новикова, 2021; Самкова, 2021; Социальное пространство…, 2015].

Особенности фреймирования предлагается исследовать на основе репрезентационных структур, которые получают объективацию в дискурсе и

CC BY

соотносятся процессами и результатами представления фрагментов реальности [Медийная репрезентация…, 2021, Kushneruk, 2020].

Родовые фреймы противопоставляются *аспектуальным* для выявления специфики форматирования медийного содержания [de Vreese, 2005; Godefroidt et al., 2016; Semetko et al., 2000]. Первые (например, *конфликт, мораль*) не являются жёстко закреплёнными за событиями, не ограничены темами, в то время как вторые появляются при освещении отдельных вопросов, в строго определённом контексте и напрямую зависят от ситуативно-обусловленных факторов (*авария на заводе, подавление протеста* и др.).

Поскольку медиадискурс представляет собой макрознак, конструируемый в процессах коммуникации, релевантными цели исследования являются общенаучные методы наблюдения и моделирования, дискурсивный анализ. Особую значимость для настоящего исследования также имеет фреймовый анализ, поскольку он даёт возможность систематизировать интерпретационные схемы, благодаря которым американские журналисты формируют системы значений о Южно-Уральском регионе.

На первом этапе методом сплошной выборки по запросу «Chelyabinsk» был извлечён 271 текст из следующих американских изданий: ABC New, ArchDaily, Ars Technica, Artvoice, Associated Press, Astrobiology Magazine, Buffalo News, Bulletin of the Atomic Scientists, Business Insider, CBS News, CBS San Francisco Bay Area, CIO, CNBC.com, CNN, CNN International, Dallas Morning News, Discovery News, Forbes, Fox News, Gizmag, Gizmodo, Greenpeace International, Hibbing Daily Tribune, hindustantimes.com, Huffington Post, International Business Times, Inter Press Service, Live Science, Los Angeles Times, Mashable, MIT Technology Review, myfox8.com, National Geographic, National Review Online, Nature World News, NBCNews.com, Nerdist, New Yorker, New York Post, Newser, NHL.com, NOVA Next, NPR, Pew Research Center, Phys.Org, Popular Mechanics, Popular Science, Quartz, RadioLiberty, Reuters, Russia-InfoCenter, ScienceAlert, Scientific American, Slate Magazine, Spaceflight Now, The Atlantic, The Daily Galax, the Diplomat, The Guardian, The Inquisitr, The Planetary Society, The Siberian Times, TASS, TIME, TwinCities.com-Pioneer Press, Universe Today, UN News Centre, UPI.com, USA TODAY, Variety, Voice of America, Vulture, Wall Street Journal, Washington Post, Washington Times, Wired News, WIRED, WLTX.com, WPLG Local 10, WRAL.com, WTOP, YAHOO!, YAHOO!Finance [AA].

На втором этапе обнаруженные публикации были распределены по годам (результаты представлены на диаграмме).

На третьем этапе, с учётом типологии А. Бойдстан [Boydstun et al., 2014], были выделены макрофреймы, которые структурируют дискурсив-

CC BY

ный мир города. На четвёртом этапе для определения того, каким образом фреймируются представления о Челябинске в дискурсе американских СМИ, был произведён анализ синтагматических отношений ключевых лексем, определены базовые фреймы и слоты. На заключительном этапе осуществлялась оценка фреймирования с точки зрения диагностики и разъяснения.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Дискурсивный мир города как репрезентационная структура

Понятие дискурсивного мира используется для изучения проблем репрезентации реальности (её фрагментов) в разных типах дискурса. Оно разрабатывается в теории когнитивно-дискурсивного миромоделирования, интегрирующей идеи зарубежных и отечественных специалистов о ментально-языковых структурах и возможностях моделирования [Gavins, 2007; Werth, 1999; World Building…, 2016; Огнева, 2019, 2020].

В настоящем исследовании на первый план выходит функциональный аспект репрезентационных структур в медиадискурсе. Он связан с ориентацией читателей в информационном пространстве и регулированием общественного мнения. Применительно к городской среде термин специализируется и обозначает концептуально-сложную структуру, соотносимую с процессами и результатами представления российского промышленного субъекта в зарубежной медийной коммуникации [Медийная репрезентация …, 2021, с. 101]. Дискурсивный мир города объективируется совокупностью медиатекстов, содержащих референцию к общественно-значимым вопросам жизнедеятельности Челябинска и области.

Онтологически дискурсивный мир города является ментальной макроструктурой, обладающей многомерностью, то есть включает простые

CC BY

и сложные концептуальные элементы, которые являются её «строительными» блоками и участвуют в миромоделировании. К ним относятся макрофреймы, фреймы, субфреймы, слоты.

Макрофреймы представляют когнитивные опоры дискурсивного мира города, устанавливающие параметризацию глобального содержания, которое отражает актуальную для журналистов проблематику. Фреймы задают фокусировку на локальном опыте, который в определённый период становится инфоповодом. Слоты ещё в большей степени конкретизируют значимые вопросы городской жизни. Ниже будет показано, что конфигурации перечисленных элементов определяют уникальность репрезентационной структуры. В дискурсивном мире выделяются два основных макрофрейма (далее выделены прописными буквами). Рассмотрим каждый.

КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

Макрофрейм включает характеристики, составляющие культурный код города и региона, благодаря активации четырёх фреймов (здесь и далее выделены полужирным, в скобках указаны слоты) — **Культура** (Челябинск, Культурные символы, Культурные события, Развитие города), **Экономика** (Промышленность, Рабочие места), **Власть** (Местные лидеры, Наказание), **Спорт** (Хоккей, бокс, конькобежный спорт).

Фрейм **Культура** создаёт общее представление о городе. Регулярными идентификаторами выступают такие признаки, как государственная принадлежность (*Russian city*), местоположение (*in central Russia*), историчность (*historic Russian city*), секретность (*formerly secret city*), промышленность (*industrial city at the footsteps of the Ural Mountains*), военно-промышленный характер (*military-industrial center*).

Культурным символом Челябинска является памятник И. В. Курчатову, который в 1986 году воздвигли к 250-летию города. Полусферы на пилонах, между которыми находится постамент учёного, символизируют расщеплённый атом. Ср.: «A *remarkable Soviet-era monument* lies on the outskirts of the *formerly secret city of Chelyabinsk*. It features a larger-than-life *statue of Igor Kurchatov, father of the Soviet atomic bomb*, standing in front of two monolithic slabs of granite depicting the foundational nuclear-weapons event: *the splitting of the atom*» (Bulletin of the Atomic Scientists, 21.10.2021) [AA].

Этот объект ассоциируется с ядерной деятельностью в Советское время. Челябинск входил в список секретных городов России, формирующих «ядро» комплекса производства ядерного оружия. Подобно атому, топоним *Chelyabinsk* «расщепляется» на три составляющих, фигурирующих в СМИ, — *Chelyabinsk-40, Chelyabinsk-65* (Озёрск), *Chelyabinsk-70* (Снежинск). «Ядерный» образ укореняется ещё больше в связи с тем, что

CC BY

в 2019 году Указом Президента России челябинскому аэропорту было присвоено имя «отца» советской атомной бомбы.

На регулярной основе деятельность региона освещается в связи с атрибутами Советского времени, узнаваемыми американскими журналистами. Например, одним из инфоповодов в 2020 году стала заметка о том, что лифты, производимые в Челябинской области, приветствуют пассажиров голосом первого космонавта Юрия Гагарина и его прецедентным призывом «Поехали!». Ср. заголовок: «*Let's go!*»: Russia to build elevators greeting passengers with voice of *first cosmonaut Yuri Gagarin*» (RT, 3.06.2020) [AA].

В американской прессе за 11-летний период отмечены всего несколько культурных событий, которые произошли в Челябинске и области и стали инфоповодами. В 2015 году американских журналистов привлёк оригинальный дом из бутылок шампанского. Ср.: «*Located in the city of Chelyabinsk, in Russia, is a unique house* built almost entirely *of champagne bottles*. The *architectural oddity* is the handiwork of a local resident, 52-year-old Hamidullah Ilchibaev» (CIO, 26.03.2015) [AA]. Достопримечательность охарактеризована как «уникальная» (*unique*) «архитектурная диковинка» (*architectural oddity*), которую отец построил из 12 тысяч бутылок в память о погибшем сыне.

Другие культурные события, обратившие на себя внимание журналистов, произошли после начала пандемии. Локдаун стимулировал переосмысление красоты, женственности и моды. Знаковым для мегаполиса в 2021 году стал «выход» в электронный глянец итальянского журнала 83-летней челябинки, которая выступила моделью для его европейской версии. Ср.: «Lidia Tuchkova, 83, *a resident of the Russian city Chelyabinsk* appeared in the online edition of Vogue Italia after overcoming COVID-19» (entrepreneur.com, 20.03.2021) [AA].

Пандемия способствовала сокращению культурной «дистанции» между удалёнными друг от друга частями мира. Это открыло возможности для южно-уральского города принять участие в неделе мировой моды, что нашло отражение в статье журнала Forbes. Ср.: «There was also *a special introduction of talent from the Ural region of Russia*. Participants in the *Long Fashion Weekend in Chelyabinsk* got a chance to impress a much wider audience» (Forbes, 28.04.2021) [AA].

Значимой фокусировкой рассматриваемого фрейма является слот «Развитие города», связанный с трансформацией городского пространства. Он актуализируется в 2017 году в материалах о компании, которая представила проект по изменению Челябинска. Ср.: «The winning *masterplan, chosen by the City Administration of Chelyabinsk* from five proposals, seeks to activate the city's existing grid structure and to use it as a vehicle for *spatial transformation*» (ArchDaily, 4.02.2017) [AA]. Аналитическая статья посвящена

CC BY

возможностям архитектурного преобразования существующей структуры города для «оживления» общественной жизни.

Создание привлекательной урбанистической среды — насущная необходимость мегаполиса. Она ярко проявляется на фоне острой социальной проблемы, о которой пишут американские журналисты, метафорически характеризуя Челябинск как «жертву» миграции молодёжи в Москву и Санкт-Петербург. Ср.: «Similar to many medium-sized Russian towns, *Chelyabinsk has been a victim of urban migration*, with younger generations moving from the remote industrial town to urban hubs such as Moscow and St. Petersburg» (ArchDaily, 4.02.2017) [AA]. Вместе с тем постиндустриальный промышленный город видится как «благодатная почва для социального капитала» (*a breeding ground* for social capital).

Фрейм **Экономика** главным образом интегрирует представления о двух видах промышленности. Ведущими в хозяйственной жизни региона названы металлургия (*Chelyabinsk Pipe Rolling Plant*) и атомная индустрия.

В 2020 году в американской прессе освещается деятельность заводов, а также закупка труб для магистрального газопровода «Северный поток 2». Ср.: «The logo of the *Nord Stream 2 gas pipeline project* is seen on a pipe at the *Chelyabinsk pipe rolling plant* in Chelyabinsk, Russia», «pipeline segments *purchased from Russia's Chelyabinsk Pipe Rolling Plant in 2019*» [AA] и др.

Гораздо больше журналистских материалов посвящено атомной промышленности. Челябинская область ассоциируется с местом, где происходит переработка ядерных отходов, в том числе поступающих из Губы Андреева (*Andreyeva Bay*). Это бывшая военная база на берегу Баренцева моря, которая создавалась для обслуживания атомных установок подводных лодок Северного флота. С 1960-х годов туда свозилось отработавшее ядерное топливо из зарубежных стран.

Усилиями России, Норвегии, Швеции, Великобритании, Италии были созданы системы обращения с отработавшим ядерным топливом и обеспечена его транспортировка в Челябинскую область для дальнейшей переработки. Первая партия была доставлена на «Маяк» в августе 2017 года, что нашло отражение в информационном сообщении. Ср.: «… in summer 2017, *the spent nuclear fuel would be uploaded and will be taken gradually to the Mayak plant in the Urals' Chelyabinsk region* for further processing» (TASS, 13.04.2017) [AA].

Слот «рабочие места» способствует пониманию того, что в Челябинске есть возможности трудоустройства для граждан Казахстана, граничащего с областью на юго-востоке. Ср.: «*industrial Chelyabinsk remain a magnet for job seekers*» (Voice of America, 4.03.2016). Город метафорически представлен как «магнит», притягивающий трудовых мигрантов.

CC BY

Фрейм **Власть** задаёт интерпретации взаимодействия локальных органов управления и президента страны, а также нарушений в сфере исполнения наказаний. В 2020 году осмысляется активность президента в период пандемии. Американские журналисты утверждают, что глава государства «отступает», чтобы передать инициативу администрациям на местах. Ср. заголовок: «As Russia reopens, *Putin takes a back seat to local leaders*» [AA]. *To take a back seat* — букв. *занимать незаметное место, играть второстепенную роль*.

Региональные лидеры, в том числе челябинский, представлены в большой зависимости от Кремля. В период пандемии, однако, им предоставляется свобода принятия решений. Президент перепоручает борьбу с коронавирусом местным губернаторам и «команде технократов» Мишустина. Ср.: «That is almost certainly due to *Mr. Putin's decision to step back from his well-cultivated image as a leader with his hands on the control panel of a monolithic "power vertical" system of authority*. Instead, he has largely left the coronavirus heavy lifting to local governors and Mr. *Mishustin's team of technocrats*» (Christian Science Monitor, 22.06.2020) [AA]. По данным издания, первое лицо принимает осознанное решение отказаться от имиджа президента, безотрывно держащего руку на панели управления «вертикалью власти».

В 2019 году обнаруживаются публикации, которые поднимают проблему наказания и ненадлежащего содержания заключённых в тюрьмах Челябинска. Ассоциативный шлейф формируется благодаря семантике прецедентного феномена Советского времени — *Гулаг*. Главное управление исправительно-трудовых лагерей — подразделение НКВД, которое осуществляло руководство системой исправительно-трудовых лагерей (1934—1960 годы) и отличалось особой жестокостью.

Апелляция к прецедентному названию способствует акцентуации семантики несправедливости. Сотрудники тюрем названы «наследниками Гулага», что подчёркивает преемственность карательных мер. Ср. заголовок: «Heirs Of *The Gulag*? Russia's Prison System Faces Harsh Scrutiny» [AA]. Четверо охранников исправительного учреждения были осуждены за избиение заключённого до смерти. Чиновники списывали его гибель на самоубийство, пока массовая голодовка не вызвала общенациональный резонанс (*national outcry*) и не повлекла громкое расследование. Ср.: «In November, *four guards at a prison in Chelyabinsk were convicted of beating inmate Sultan Israilov to death*» (RadioLiberty, 3.02.2019) [AA].

Активация фрейма **Спорт** свидетельствует о результативности южноуральцев в хоккее, боксе, а также конькобежном спорте. Фрейм индуцируется в медиадискурсе за счёт прецедентных имён атлетов (*Vitali Kravtsov, Sergey Kovalev / Krusher*), названий ведущих спортивных команд и клу-

CC BY

бов (*Traktor Chelyabinsk*), проводимых в городе спортивных мероприятий (*ice hockey world championship; Cup Speed Skating event*) (New York Post, 17.10.2021) [AA].

Важно подчеркнуть, что фреймы взаимодействуют в пространстве дискурсивного мира. Активация одного, как правило, сопряжена с несколькими другими. Например, биография боксёра С. Ковалёва представлена на фоне его жизни в Челябинской области. Ср.: «*Chelyabinsk and its surrounding region had been home to several factories* that provided raw materials, machinery, and nuclear weapons for the Soviet military» (Deadspin, 17.11.2016) [AA]. Конструируется образ региона, где много заводов, которые поставляли сырье, оборудование и ядерное оружие для советских военных.

Описывая условия, в которых воспитывался Крушитель, автор статьи также цитирует Э. Гаррелс [Garrels 2016], отмечающую, что распад СССР и потери государственных субсидий привели к развалу челябинских заводов. Рабочие получали заработную плату в виде «странных товаров», таких как хрустальные вазы или промышленные трубы. Ср.: «workers sometimes received wages in the form of *bizarre goods like crystal vases or industrial pipe*» (Deadspin, 17.11.2016) [AA]. По словам американки, единственно, кто в городе имел наличные, были «мафиози».

Подобные отсылки в тексте статьи умаляют достоинства города трудовой доблести, инкорпорируют в его образ негативные коннотации и в целом подрывают позитивную семантику восприятия региона как «опорного края державы».

БЕЗОПАСНОСТЬ И ЗАЩИТА

Макрофрейм охватывает осмысление угроз, индуцируемых благодаря фреймам **Опасные ситуации**: **природного** (падение метеорита, лесные пожары), **антропогенного** (аварии в быту), **техногенного** (ядерные аварии, катастрофы), **социального** (выступления оппозиции), **биолого-социального** (пандемия) **характера**.

Фрейм **Опасные ситуации природного характера**. Смысловое поле формируется в результате освещения события, ставшего универсально-прецедентным в 2013 году. Челябинск получил мировую известность как город, рядом с которым взорвался метеорит, нанёс ущерб тысячам зданий и ранил множество людей. Ср.: «On Feb. 15, 2013, however, *a 66-foot-long asteroid* traveling at 40,000 miles per hour *exploded about 20 miles above Chelyabinsk*, Russia. With a force 30 times that of the Hiroshima bomb, it *damaged thousands of buildings across six cities and injured 1,500 people*» (Hackaday, 22.04.2019) [AA].

Фокусировки фрейма указывают на повреждения, включая сокрушительный удар по крыше цинкового завода и разрушение памятника

CC BY

А. С. Пушкину. Ср.: «In Chelyabinsk, *the roof of a zinc factory collapsed*. In the nearby town of Yemazhelinsk, a window frame at the local library blew in and *smashed a statue of Russia's treasured national bard, Alexander Pushkin*» (nature.com, 6.03.2021) [AA].

Челябинский пополнил список «знаменитых» метеоритов (*the famous Chelyabinsk meteor*), которые прежде атаковали землю и оставляли следы в виде кратеров. Среди них — Чикшулуб (Мексика) и Тунгуска (Восточная Сибирь). Ср.: «A thousand tons of meteors rain on Earth every day. Sure, some hit the ground. Once in a while an odd one *causes damage, like Chicxulub, Tunguska, Chelyabinsk*». (Hackaday, 22.04.2019) [AA].

Это был крупнейший из объектов со времён взрыва Тунгусского предшественника в 1908 году. Ср.: «*The asteroid* that exploded on 15 February this year near the city of Chelyabinsk in the Urals region of Russia *was the largest to crash to Earth since 1908, when an object hit Tunguska in Siberia*» (Hackaday, 22.04.2019) [AA].

Сила метеорита сравнивается с энергией от взрыва ядерной бомбы в Хиросиме. Прецедентный феномен генерируется на основе ассоциативной близости с другой универсально прецедентной ситуацией в Японии во время Второй мировой войны (1945 год). Ср.: «In 2013, an object close to 60 meters wide exploded over the Russian city of Chelyabinsk, *unleashing 30 times the force of the nuclear bomb dropped over Hiroshima during World War II*» (Phys.org, 05.04.2021) [AA].

С 2013 года прецедентная ситуация прочно закрепляется, устанавливая ассоциацию «Челябинск — взрыв метеорита». Показательно, что «якорение» на названной ситуации в дальнейшем оказывается частотным в американских СМИ для обозначения угрозы из космоса для всего мира.

Семантика опасности часто активируется в заголовках (например «Risk of massive asteroid strike *underestimated*»), указывающих на то, что люди недооценивают риск атаки астероидов. Падение болида в Челябинске стимулирует интерес учёных к выяснению того, как действовать в чрезвычайной ситуации. Инцидент пополняет знания о возможных разрушениях и «открывает глаза» (*Chelyabinsk was an eye opener*) на серьёзность ущерба земле. Ср.: «*Chelyabinsk* also *improved our knowledge* regarding the t*hreat posed by asteroids that are smaller than a kilometer*. Smaller asteroids *like the one in Chelyabinsk pose a greater hazard for damage* than previously thought» (WTOP, 30.06.2017) [AA].

Обсуждаемый фрейм также актуализируется через слот «лесные пожары». В 2021 году в Челябинской области стояла жара, что имело ожидаемые следствия и нашло отражение в американской журналистике. Ср.: «*Russian President Vladimir Putin* boarded a helicopter to overfly an area that was affected

CC BY

by *wildfires in the Chelyabinsk region* in the Ural Mountains» (SFGate, 7.08.2021) [AA]. Проблема интерпретируется в связи с действиями российского президента, иначе сомнительно, что она могла бы стать инфоповодом.

Фрейм **Опасные ситуации антропогенного характера**. К ним относятся угрозы, которые возникают в результате деятельности человека. В рассматриваемый период — взрыв газа в жилом доме (2019 год), взрыв кислорода в больнице (2020 год). Ср.: «The baby is the fifth person pulled alive from the collapsed block in *Magnitogorsk, an industrial city in Russia's Chelyabinsk* region near the border with Kazakhstan. <…> *Gas blasts have become a relatively common occurrence in Russia* over recent years as the country struggles *to cope with aging Soviet-era infrastructure* and loose safety requirements, according to Reuters» (myfox8.com, 1.01.2019) [AA].

В диагностическом плане фрейм сосредоточен на причинах возникновения. Показательно, что в этой и подобных ситуациях они довольно часто усматриваются американскими журналистами в Советском прошлом. Отмечается, что страна и сейчас борется с наследием коммунистической эпохи. В приведённом выше контексте акцентируется закономерный характер того, что взрывы газа стали привычными в России из-за стареющей инфраструктуры советского времени и несоблюдения требований безопасности.

В другом примере на первый план выдвигается количество пострадавших. Ср.: «*More than 150 patients were evacuated* on Saturday from a makeshift coronavirus hospital *in the Russian city of Chelyabinsk in the southern Urals following an oxygen explosion and fire*, the emergency ministry said, reports Reuters». (hindustantimes.com, 2.11.2020) [AA].

Фрейм **Опасные ситуации техногенного характера** систематизирует сведения об авариях на промышленных предприятиях. В американских СМИ обсуждаются угрозы, исходящие от ядерной промышленности. Они уходят корнями в Советское прошлое, чему уделено большое внимание. Челябинск наряду с Уиндскейлом (северная Англия, 1957), островом Трёх миль (США, 1979), Чернобылем (Украина, 1986) фигурирует в списке мест, исторически «отметившихся» ядерными катастрофами.

Ошибка на перерабатывающем заводе «Маяк» (Озёрск) в 1957 году привела к взрыву и заражению территории в 20 тысяч квадратных километров. Ср.: «In 1957 *a mistake in the reprocessing plant led to an explosion that contaminated 20,000 square kilometres* — an area that did not appear on any map. Nor did the nearby *town of Chelyabinsk, which was a so-called 'secret' or 'closed town' for Mayak nuclear complex workers*». (Greenpeace International, 29.09.2017) [AA].

В ряде изданий указывается на то, что в Советском Союзе на протяжении более четверти века информация об авариях замалчивалась (to

CC BY

keep secret — *держать в секрете*). Ср.: «*Also kept secret, for over 25 years, was a much larger explosion and fire, also in 1957, at the Chelyabinsk nuclear weapons processing plant in the eastern Ural Mountains of the Soviet Union*. One estimate is that 272,000 people were irradiated; lakes and streams were contaminated; 7,500 people were evacuated; and some areas still are uninhabitable» (Huffington Post, 20.09.2013) [AA]. По оценкам издания, при общем загрязнении прилегающих водоёмов облучению подверглось 272 000 человек, 7500 человек были эвакуированы, а некоторые районы все ещё непригодны для проживания (*uninhabitable*).

В других публикациях подчёркивается, что за нескольких лет до взрыва на «Маяке», накрывшего многочисленные населённые пункты радиоактивным «снегом», жидкие отходы сбрасывались в местные водоёмы. В реку Течу было спущено 96 миллионов кубических метров радиоактивной жидкости, а в озеро Карачай закачано 120 миллионов кюри радиоактивности. Ср.: «Between 1949 and 1956, *the nuclear weapons complex at Chelyabinsk in the former Soviet Union dumped 96 million cubic meters of radioactive liquid into the Techa River*… The facility also pumped 120 million curies of radioactivity into Lake Karachay». (Artvoice, 12.05.2010) [AA].

Неудивительно, что в результате область попала в антирейтинг по качеству жизни, пополнив список «самых радиоактивных» мест на Земле (*Most radioactive place on earth*) и «чудес» Света. Ср. заголовок: «*7 Most Disgusting Wonders of the World*» [букв. *Семь самых отвратительных чудес Света*]. Англ. *Disgusting* — unpleasant, unacceptable (Collins English Dictionary) [AA]. Актуализируется сема ‘неприемлемый’.

Транслируются представления о высокой степени загрязнения региона, что связано с накопительным эффектом от многолетнего спуска в водоём ядерных отходов. Ср.: «For decades, *Lake Karachai in Russia's Chelyabinsk region was a dumping ground for nuclear waste by the Soviet Union*» (Discovery News, 8.08.2013) [AA]. Область названа «свалкой» ядерных отходов Советского Союза (*a dumping ground for nuclear waste*). Озеро Карачай признаётся одним из самых загрязнённых мест на Земле (*one of the most polluted sites on Earth*). Оно настолько токсично (*toxic*), что, согласно измерениям в 1990 году, одного часа, проведённого на берегу, достаточно, чтобы получить смертельную дозу радиации.

Слот «ядерная катастрофа» регулярно объективируется благодаря прецедентным ситуациям прежних лет. В более широком кругу журналистских практик Россия представлена как источник радиоактивной опасности для Европы. Ср. заголовок: «Mysterious 2017 radioactive cloud over Europe originated in Russia, researchers say». [Исследователи утверждают, что таинственное радиоактивное облако 2017 года над Европой возникло в России]. «*The nuclear*

CC BY

release most likely originated in the *Mayak reprocessing plant, in the Chelyabinsk region* near the border with Kazakhstan, the report stated» (SFGate, 30.07.2019) [AA]. По сведениям издания, ядерный выброс произошёл на заводе «Маяк» в Челябинской области недалеко от границы с Казахстаном.

В 2019 году некоммерческим фондом «Bellona», занимающимся экологическими и климатическими проблемами, также опубликованы результаты исследования «огромного радиоактивного облака», нависшего над Европой двумя годами ранее. Ср.: «New international research has suggested that an enormous radioactive cloud that covered part of Europe in 2017 was *produced by a nuclear fuel reprocessing accident at Russia's Mayak Production Association*». (Home, Bellona.org, 2019) [AA]. Согласно обнародованным материалам, оно образовалось в результате аварии на производственном объединении «Маяк».

За пределами России облако не представляло опасности, однако в непосредственной близости от предприятия ситуация представлена сопоставимой с катастрофой в США, третьей по значимости после Чернобыля (1986 год) и Фукусимы (2011 год). Ср.: «While the levels of contamination may have fallen within safe limits by the time they reached Europe, the new research suggests that *the Mayak leak surpassed the magnitude of the Three Mile Island accident in 1979* — which was previously considered the world's third worst nuclear power industry accident after Chernobyl and Fukushima*»* (Home, Bellona.org, 2019) [AA]. Установлено, что к тому времени, как облако достигло Европы, радиационный фон снизился до безопасных величин. Однако «утечка» превысила масштабы аварии на острове Трёх Миль в США.

Фрейм **Опасные ситуации социального характера** актуализируется в 2018—2021 годы. Жизнь Челябинска представлена в связи с активностью локальных ячеек оппозиции, выражающих протест против легитимной власти. Контексты содержат статистику. Ср.: «*Navalny Detained In Moscow* At Anti-Putin Rally. Additionally, *164 were detained in Chelyabinsk*» (Radio-Liberty, 2018) [AA]. Объективируется семантика подавления. Ср. заголовок: «Russia *cracks down on Navalny allies* on eve of planned protests». Фразовый глагол *crack down* имеет значение «принять решительные меры», «обрушиться на кого-либо». Освещение событий настраивает читателей на восприятие власти как беспощадной, нарушающей права человека. Презентация протестов в иностранных медиа призвана вызвать сочувствие читателей к жертвам насилия и осуждение власти. Обеспечение порядка связывается с действиями в отношении представителей оппозиции и характеризуется американскими журналистами как «расправа».

Фрейм **Опасные ситуации биолого-социального характера** объективируется через слот «пандемия» в 2020 году в связи с проблемами

CC BY

распространения коронавируса. Ср.: «Every country has *vaccine skeptics. In Russia, doctors are in their ranks*» (CNN on MSN.com, 23.12.2020) [AA]. В заголовке заявлено, что в России именно врачи относятся к категории скептиков в отношении вакцинации. В прагматическом отношении это имплицирует недоверие граждан политике, проводимой государством в интересах общества. Отмечается, что поспешная регистрация вакцины вызывает обеспокоенность врачей и медицинских сестёр, которые хотят иметь больше подтверждённых данных, прежде чем сделать прививку. Ср.: «Most of the Russian doctors and nurses CNN spoke to said they have concerns regarding *the rushed registration process for vaccine use and would like to see more data before getting the shot*» (CNN on MSN.com, 23.12.2020) [AA]. В силу сложной геополитической ситуации в целом ожидаемо, что в американских журналистских практиках освещаются отнюдь не достижения российской медицины, но спорные и неоднозначные вопросы, касающиеся борьбы с инфекцией.

4. Заключение= Conclusions

Предпосылкой проведённого исследования являются положения об определяющей роли языка в конструировании социальной реальности и возможностях исследования дискурса в терминах репрезентационных структур. Обосновывается понятие дискурсивного мира, который моделируется на основе медиатекстов. Фреймирование рассматривается как осуществляемый американскими журналистами процесс, благодаря которому в медиакоммуникации генерируются смыслы о стратегически важном для России регионе.

Выявлено, что в конце рассматриваемого временного периода количество журналистских материалов о Челябинске увеличивается. Динамика роста свидетельствует об укреплении интереса к Южному Уралу в связи с событиями, ставшими универсально-прецедентными: падение метеорита, выборы президента России, реакция оппозиции, пандемия коронавируса. Анализ регулярно используемых лексико-семантических средств, «запускающих» фреймовые структуры, позволил систематизировать «опознавательные» характеристики Челябинской области, оказавшиеся в центре журналистских практик за 11-летний период.

Фреймовые структуры устанавливают «ментальные мостики» между жизнедеятельностью региона и его экономикой (главным образом металлургией и ядерным комплексом), взаимодействием президента с местным руководством, государственной системой наказаний, спортом (хоккей, бокс, спортивные мероприятия), а также угрозами природного, антропогенного, техногенного, социального и биолого-социального качества. До-

CC BY

казано, что фреймирование создаёт объёмное видение деятельности региона, вместе с тем ограничивая его восприятие. В результате исследования установлено, что основой репрезентации региона для зарубежной аудитории являются два макрофрейма.

Макрофрейм КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ проецирует в дискурсивный мир общие представления о городе, культурных символах, событиях, возможностях преобразования, а также наследии Советского времени, предопределившем секретный и военно-промышленный статус региона.

Макрофрейм БЕЗОПАСНОСТЬ И ЗАЩИТА функционирует в виде системы фреймов, общим концептуальным знаменателем которых являются характеристики слабой защищённости, уязвимости и высокой степени опасности Челябинска и области на локальном и глобальном уровнях. Отсылки к авариям на атомных предприятиях стимулируют читателей к восприятию региона как тянущего бремя неблагополучия из Советского прошлого.

Поскольку проблемы промышленного региона всё чаще оказываются в центре внимания мировых СМИ, дальнейшее изучение аспектов фреймирования в зарубежной медиакоммуникации может оказаться продуктивным для выработки тактик урбанистического развития и продвижения социально-экономических интересов Челябинска и области.

Источники и принятые сокращения

1. АА — *Архив* автора.

Литература

1. *Асмус Н. Г.* Анализ лингвопрагматических особенностей интернет-комментария в период борьбы с коронавирусом Covid-19 (на материале британских СМИ) / Н. Г. Асмус // Знак : проблемное поле медиаобразования. — 2021. — № 2. — С. 40—47. — DOI: 10.47475/2070-0695-2021-10204.

2. *Вайрах Ю. В.* Эргоурбонимия города Иркутска : структурно-семантический и лингвокультурологический аспекты исследования : монография / Ю. В. Вайрах. — Москва : ИНФРА-М, 2015. — 96 с. — ISBN 978-5-16-010515-4.

3. *Гавра Д. П.* Имидж территориальных субъектов в современном информационном пространстве : учебное пособие / Д. П. Гавра, Ю. В. Таранова. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет, 2013. — 155 с.

4. *Горнова Г. В.* Городская идентичность : философско-антропологические основания : монография / Г. В. Горнова. — Омск : Амфора, 2019. — 167 с. — ISBN 978-5-6044095-8-9.

5. *Гуреева А. Н.* Теоретическое понимание медиатизации в условиях цифровой среды / А. Н. Гуреева // Вестник Московского университета. — Серия 10. Журналистика. — 2016. — № 6. — С. 192—208.

6. *Интерпретация* мира в языке : коллективная монография. — Тамбов : Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, 2017. — 450 с.

CC BY

7. *Исмагилова Н. В.* Язык города как социолингвистическая проблема : перспективы изучения / Н. В. Исмагилова, О. А. Майорова // Вестник Башкирского университета. — 2019. — Т. 24. — № 4. — С. 900—909. — DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2019.4.23.

8. *Клушина Н. И.* Медиастилистика : монография / Н. И. Клушина. — Москва : Флинта, 2018. — 184 с. — ISBN 978-5-9765-3899-3.

9. *Ковальчук Л. П.* Особенности конструирования смыслов в заголовках СМИ городов-побратимов (на материале новостных сайтов Челябинской области и графства Ноттингемшира) / Л. П. Ковальчук // Мир науки, культуры и образования. — 2021. — № 1 (86). — С. 379—381. — DOI: 10.24412/1991-5497-2021-186-379-381.

10. *Копцева Н. П.* Социокультурное пространство современного российского города (на материале анализа города Красноярска) : монография / Н. П. Копцева, Е. А. Сертакова. — Красноярск : СФУ, 2015. — 128 с. — ISBN 978-5-7638-3345-4.

11. *Кузбасс :* комплексное когнитивно-дискурсивное моделирование образа региона : монография. — Москва : Издательство Перо, 2020. — 308 с. — ISBN 978-5-00171-100-1.

12. *Кушнерук С. Л.* Закон и порядок как социальная проблема в дискурсе городского издания / С. Л. Кушнерук // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. — 2021. — Т. 7. — № 1. — С. 33—48. — DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-1-0-4.

13. *Мамонова Н. В.* Влияние глобализации на молодёжь (на материале медиадискурса Челябинска) / Н. В. Мамонова // Знак : проблемное поле медиаобразования. — 2021. — № 4 (42). — С. 80—87. — DOI: 10.47475/2070-0695-2021-10409.

14. *Медийная* репрезентация социальных проблем городов-побратимов : монография / Н. Г. Асмус, М. С. Журкова, Л. П. Ковальчук. — Челябинск : Издательство Челябинского государственного университета, 2021. — 237 с. — ISBN 978-5-7271-1723-1.

15. *Новикова А. М.* Фреймовый анализ как метод построения медиакартины города / А. М. Новикова // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. — 2021. — Т. 7. — № 3. — С. 28—39. — DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-3-0-3.

16. *Огнева Е. А.* Концепты-доминанты как информативные конструкты текстовых миров / Е. А. Огнева. — Москва : Эдитус, 2019. — 190 с. — ISBN 978-5-00149-262-7.

17. *Огнева Е. А.* Интерпретативный потенциал текстового когнитивного моделирования / Е. А. Огнева // Когнитивные исследования языка. — 2020. — № 2 (41). — С. 285—289.

18. *Олизько Н. С.* Медийная репрезентация социальных проблем города (на примере новостного сайта «Наш Челябинск») / Н. С. Олизько, М. С. Журкова // Пользовательский контент в современной коммуникации : сборник материалов I международной научно-практической конференции (Челябинск, 22—23 апреля 2021 г.). — Челябинск : Издательство Челябинского государственного университета, 2021. — С. 414—418.

19. *Самкова М. А.* Фреймирование в опыте медийного конструирования образа города / М. А. Самкова // Политическая лингвистика. — 2021. — № 5 (89). — С. 157—167. — DOI: 10.26170/1999-2629_2021_05_18/

20. *Социальное* пространство современного города : монография / А. В. Меренков, А. В. Данилова, Г. Б. Кораблева, Е. В. Ракевич. — Екатеринбург : УрФУ, 2015. — 252 с. — ISBN 978-5-7996-1471-3.

21. *Юнаковская А. А.* «Язык города» как лингвистическая проблема / А. А. Юнаковская // Вестник Омского университета. — 2011. — № 3. — С. 193—197.

22. *Boydstun A. E*. Tracking the development of media frames within and across policy issues / A. E. Boydstun, D. Card, J. H. Cross, P. Resnik, N. A. Smith // Working Paper. — 2014. — Pp. 1—25.

23. *De Vreese C. H*. News framing: Theory and typology / C. H. de Vreese // Information Design Journal. — 2005. — Volume 13. — Issue 1. — Pp. 50–63.

24. *Entman R. M*. Framing : Toward clarification of a fractured paradigm / R. M. Entman // Journal of Communication. — 1993. — Vol. 43. — № 4. — Pp. 51—58.

25. *Garrels A*. Putin Country : A Journey Into the Real Russia. — Picador ; Farrar, Straus and Giroux, 2016. — 230 p.

26. *Gavins J.* The Text World Theory : An Introduction / J. Gavins. — Edinburgh Univ. Press., 2007. — 208 p.

27. *Godefroidt A*. What's in a frame? A comparative content analysis of American, British, French, and Russian news articles / A. Godefroidt, A. Berbers, L. d'Haenens // The International Communication Gazette. — 2016. — № 78 (8). — Pp. 777—801.

28. *Kushneruk S*. Negative image-construal in the media / S. Kushneruk // East European Review. — 2020. — Vol. XI/2. — Pp. 107—115. — DOI: 10.31648/PW.6493.

29. *Scheufele D. A*. Framing as a theory of media effects / D. A. Scheufele // Journal of Communications. — 1999. — № 49 (1). — Pp. 103—122.

30. *Semetko H. A*. Framing European politics : A content analysis of press and television news / H. A. Semetko, P. M. Valkenburg // Journal of Communication. — 2000. — № 50 (2). — Pp. 93—109.

31. *Van Dijk T*. Sociocognitive Discourse Studies [Electronic resource] / T. Van Dijk // Richardson J., Flowerdew J. (eds). Handbook of Discourse Analysis. Routledge. — 2016. — Access mode : http://www.discourses.org/OldArticles/Sociocognitive%20Discourse%20Studies.pdf (accessed 2.11.2021).

32. *Van Gorp B*. Where is the frame? Victims and Intruders in the Belgian press coverage of the asylum issue / B. Van Gorp // European Journal of Communication. — 2005. — № 20 (4). — Pp. 484—507.

33. *Werth P*. Text Worlds : Representing Conceptual Space in Discourse / P. Werth. — London : Longman, 1999. — 390 p.

34. *Wodak R*. Mediation between discourse and society : assessing cognitive approaches in CDA / R. Wodak // Discourse Studies. — 2006. — № 8 (1). — Pp. 179—190.

35. *World* Building : Discourse in the Mind / J. Gavins & E. Lahey eds. — London : Bloomsbury, 2016. — 296 p. — ISBN 9781472586551.

Material resources

Archive of the author. (In Russ.).

References

Asmus, N. G. (2021). Analysis of linguopragmatic features of Internet commentary during the fight against the Covid-19 coronavirus (based on the material of the British media). *Sign: problematic field of media education, 2:* 40—47. DOI: 10.47475/2070-0695-2021-10204. (In Russ.).

Boydstun, A. E., Card, D., Cross, J. H., Resnik, P., Smith, N. A. (2014). *Tracking the development of media frames within and across policy issues. Working Paper.* 1—25.

De Vreese, C. H. (2005). News framing: Theory and typology. *Information Design Journal, 13 (1):* 50—63.

Entman, R. M. (1993). Framing: Toward clarification of a fractured paradigm. *Journal of Communication, 43 (4):* 51—58.

Garrels, A. (2016). *Putin Country: A Journey Into the Real Russia.* Picador; Farrar, Straus and Giroux. 230 p.

Gavins, J. (2007). *The Text World Theory: An Introduction.* Edinburgh Univ. Press. 208 p.

Godefroidt, A., Berbers, A., D'Haenens, A. (2016). What's in a frame? A comparative content analysis of American, British, French, and Russian news articles. *The International Communication Gazette, 78 (8):* 777—801.

Gavra, D. P., Taranova, Yu. V. (2013). *The image of territorial subjects in the modern information space: a textbook.* St. Petersburg: St. Petersburg State University. 155 p. (In Russ.).

Gornova, G. V. (2019). *Urban identity: philosophical and anthropological foundations: monograph.* Omsk: Amphora. 167 p. ISBN 978-5-6044095-8-9. (In Russ.).

Gureeva, A. N. (2016). Theoretical understanding of mediatization in a digital environment. *Bulletin of the Moscow University. Series 10. Journalism, 6:* 192—208. (In Russ.).

Interpretation of the world in language: a collective monograph. (2017). Tambov: Tambov State University named after G. R. Derzhavin. 450 p. (In Russ.).

Ismagilova, N. V., Mayorova, O. A. (2019). The language of the city as a sociolinguistic problem: prospects of study. *Bulletin of Bashkir University, 24 (4):* 900—909. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2019.4.23. (In Russ.).

Klushina, N. I. (2018). *Mediastilistics: monograph.* Moscow: Flint. 184 p. ISBN 978-5-9765-3899-3. (In Russ.).

Koptseva, N. P., Sertakova, E. A. (2015). *Socio-cultural space of a modern Russian city (based on the analysis of the city of Krasnoyarsk): monograph.* Krasnoyarsk: SFU. 128 p. ISBN 978-5-7638-3345-4. (In Russ.).

Kovalchuk, L. P. (2021). Features of constructing meanings in the media headlines of twin cities (based on the material of news sites of the Chelyabinsk region and the county of Nottinghamshire). *The world of science, culture and education, 1 (86):* 379—381. DOI: 10.24412/1991-5497-2021-186-379-381. (In Russ.).

Kushneruk, S. (2020). Negative image-construal in the media. *East European Review, XI/2:* 107—115. DOI: 10.31648/PW.6493.

Kushneruk, S. L. (2021). Law and Order as a social problem in the discourse of a city publication. Scientific Result. *Questions of theoretical and applied linguistics, 7 (1):* 33—48. DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-1-0-4. (In Russ.).

Kuzbass: complex cognitive-discursive modeling of the image of the region: monograph. (2020). Moscow: Pero Publishing House. 308 p. ISBN 978-5-00171-100-1. (In Russ.).

Mamonova, N. V. (2021). The impact of globalization on youth (based on the material of the Chelyabinsk media discourse). *Sign: the problematic field of media education, 4 (42):* 80—87. DOI: 10.47475/2070-0695-2021-10409. (In Russ.).

Media representation of social problems of twin cities: monograph. (2021). Chelyabinsk: Chelyabinsk State University Publishing House. 237 p. ISBN 978-5-7271-1723-1. (In Russ.).

Merenkov, A. V., Danilova, A. V., Korableva, G. B., Rakevich, E. V. (2015). *The social space of a modern city: a monograph.* Yekaterinburg: UrFU. 252 p. ISBN 978-5-7996-1471-3. (In Russ.).

Novikova, A. M. (2021). Frame analysis as a method of constructing a media picture of the city. Scientific result. *Questions of theoretical and applied linguistics, 7 (3):* 28—39. DOI: 10.18413/2313-8912-2021-7-3-0-3. (In Russ.).

CC BY

Ogneva, E. A. (2019). *Dominant concepts as informative constructs of text worlds.* Moscow: Editus. 190 p. ISBN 978-5-00149-262-7. (In Russ.).

Ogneva, E. A. (2020). Interpretative potential of textual cognitive modeling. *Cognitive studies of language, 2 (41):* 285—289. (In Russ.).

Olizko, N. S., Zhurkova, M. S. (2021). Media representation of social problems of the city (on the example of the news site "Our Chelyabinsk"). In: *User content in modern communication: a collection of materials of the I International scientific and practical conference (Chelyabinsk, April 22—23, 2021).* Chelyabinsk: Chelyabinsk State University Publishing House. 414—418. (In Russ.).

Samkova, M. A. (2021). Framing in the experience of media construction of the image of the city. *Political linguistics, 5 (89):* 157—167. DOI: 10.26170/1999-2629_2021_05_18/. (In Russ.).

Scheufele, D. A. (1999). Framing as a theory of media effects. *Journal of Communications, 49 (1):* 103—122.

Semetko, H. A., Valkenburg, P. M. (2000). Framing European politics: A content analysis of press and television news. *Journal of Communication, 50 (2):* 93—109.

Van Dijk, T. (2016). Sociocognitive Discourse Studies. *Handbook of Discourse Analysis.* Routledge. Available at: http://www.discourses.org/OldArticles/Sociocognitive%20Discourse%20Studies.pdf (accessed 02.11.2021).

Van Gorp, B. (2005). Where is the frame? Victims and Intruders in the Belgian press coverage of the asylum issue. *European Journal of Communication, 20 (4):* 484—507.

Vayrah, Yu. V. (2015). *Ergourbonymy of Irkutsk: structural-semantic and linguoculturological aspects of research: monograph.* Moscow: INFRA-M. 96 p. ISBN 978-5-16-010515-4. (In Russ.).

Werth, P. (1999). *Text Worlds: Representing Conceptual Space in Discourse.* London: Longman. 390 p.

Wodak, R. (2006). Mediation between discourse and society: assessing cognitive approaches in CDA. *Discourse Studies, 8 (1):* 179—190.

World Building: Discourse in the Mind. (2016). London: Bloomsbury. 296 p. ISBN 9781472586551.

Yunakovskaya, A. A. (2011). "The language of the city" as a linguistic problem. *Bulletin of Omsk University, 3:* 193—197. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 17.02.2022,
одобрена после рецензирования 11.04.2022,
подготовлена к публикации 08.05.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Ребрина Л. Н. Интернет-мемы как актуальный феномен политической интернет-коммуникации в Германии : тематическая группа «Большая коалиция» / Л. Н. Ребрина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 4. — С. 239—257. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-239-257.

Rebrina, L. N (2022). Internet Memes as a Current Phenomenon of Political Internet Communication in Germany: Grand Coalition Thematic Group. *Nauchnyi dialog, 11(4):* 239-257. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-239-257. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU EBSCOhost

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-239-257

Интернет-мемы как актуальный феномен политической интернет-коммуникации в Германии: тематическая группа «Большая коалиция»

Ребрина Лариса Николаевна
orcid.org/0000-0003-0512-980X
ResearcherID: G-6420-2015
Scopus Author ID: 56241972800
доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
lnrebrina@volsu.ru

Волгоградский
государственный университет
(Волгоград, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта
№ 20-012-00193

Internet Memes as a Current Phenomenon of Political Internet Communication in Germany: Grand Coalition Thematic Group

Larisa N. Rebrina,
orcid.org/0000-0003-0512-980X
ResearcherID: G-6420-2015
Scopus Author ID: 56241972800
Doctor of Philology,
Leading Researcher
lnrebrina@volsu.ru

Volgograd State University
(Volgograd, Russia)

Acknowledgments:
The reported study
was funded by RFBR,
project number 20-012-00193

© Ребрина Л. Н., 2022

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Объектом исследования выступают интернет-мемы, конституирующие тематическую группу «Большая коалиция» и появившиеся в период правления парламента ФРГ 2018–2021 гг. Отобранные в соответствии с заданными денотативными и временными признаками интернет-мемы анализируются в динамике в рамках разработанной Н. А. Зиновьевой типологии, базирующейся на совокупности дихотомий («истина — ложь», «персонаж — событие», «традиция — инновация», «фон — фигура», «изображение — текст», «мысль — действие»). Делается вывод о полевой организации структуры интернет-мема, включающей константное ядро, формируемое визуальным шаблоном и обобщенным значением интернет-мема. Показывается, что специфика функционирования прецедентного феномена в составе интернет-мемов заключается в его трансформации посредством распространения или замены элементов и последующей реинтерпретации. Развитие интернет-мема предполагает деконтекстуализацию первичного мема и его дальнейшие реконтекстуализации в новых коммуникативных ситуациях. Привлекаемые прецедентные феномены чаще всего являются проводниками негативных смыслов. В интернет-мемах получают регулярное отражение недееспособность большой коалиции, недоверие к ней со стороны граждан, плохая репутация ее членов.

Ключевые слова:
политические интернет-мемы; большая коалиция; реконтекстуализация; дихотомия; вербальный и невербальный компоненты.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The object of the research is Internet memes that constitute the thematic group “Grand Coalition” and appeared during the reign of the parliament of the Federal Republic of Germany 2018–2021. Internet memes selected under the given denotative and temporal features are analyzed in dynamics within N. A. Zinoviev’s typology, based on a set of dichotomies (“truth — lie”, “character — event”, “tradition — innovation”, “background — figure”, “image — text”, “thought — action”). A conclusion is made about the field organization of the Internet meme structure. This structure includes the remaining constant kernel formed by the visual template and the generalized meaning of the Internet meme. It is shown that the specificity of the functioning of the precedent phenomenon as part of Internet memes lies in its transformation through the distribution or replacement of elements and subsequent reinterpretation. The very development of the Internet meme, its successful promotion online supposes the decontextualization of the primary meme and its further recontextualization in new communicative situations. The precedent phenomena involved are most often the conductors of negative meanings. The following signs of the grand coalition are regularly reflected in Internet memes — incapacity, mistrust on the part of citizens, and a bad reputation of its members.

Key words:
political internet memes; grand coalition; recontextualization; dichotomy; verbal and nonverbal components.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 811.112.2’42:004.738.5

Интернет-мемы как актуальный феномен политической интернет-коммуникации в Германии: тематическая группа «Большая коалиция»

© Ребрина Л. Н., 2022

1. Введение = Introduction

Интернет-мемы (далее — ИМ) привлекают все больше внимания исследователей как активно развивающийся феномен интернет-коммуникации, чутко реагирующий на настроения и насущные потребности участников. Одной из тем, провоцирующих юмористическую, творческую реакцию в политической интернет-коммуникации Германии, является большая коалиция (далее — БК) в правительстве (2018—2021), вызывавшая в последние годы неудовольствие и критику со стороны граждан Германии. По результатам парламентских выборов 26.09.2021 г. она стала историей, ее сменила новая правительственная коалиция во главе с Олафом Шольцем (впервые без правившей партии — ХСС / ХДС), объединившая социал-демократов (СДПГ), партию “Союз-90” / “зеленые” и либералов (СвДП).

Актуальность исследования тематической группы немецких ИМ «Большая коалиция» (2018—2021 гг.), помимо значимости явления БК для политической жизни, новейшей истории Германии, обусловливается важностью изучения новых принципов распространения информации (в контексте накапливающихся из-за информационного перенасыщения «нечувствительности» и «усталости» адресатов), ее новых желаемых характеристик (адресность, воспроизводимость, лаконичность формы при усложненной прагматике, эмоциональная привязка); социальной значимостью отражаемой проблематики.

На фоне существующих в гуманитарных науках исследований мемов (с позиций этологии и эволюционной эпистемологии, психологии, кибернетики, медиалогии, меметики, политической пиарологии, социального компьютинга, когнитивной и визуальной социологии, герменевтики культуры, лингвокультурологии, концепций мультимодальности, прецедентности, лингвокреативности) наблюдается дефицит работ, обращающихся к идеографически детерминированному изучению знаковой природы и структуры ИМ, специфики использования прецедентных феноменов, взаимодействия вербального и невербального компонентов.

CC BY

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Наше исследование сопряжено с изучением конкретного сегмента медиакоммуникации, а именно популярного, сочетающего черты социальной сети и форума сайта с системой электронного голосования Reddit.com, мемотек Германии, используемых для массового распространения актуальных мемов в сети интернет. Reddit.com существует с 2005 года, с 2017 года на нем представлена так называемая «биржа мемов», где оценивается вирусная популярность и стоимость мема («MemeEconomy»); с этого же года имеется возможность загружать собственные видео ссылок на сторонние сайты (данный тип контента сегодня наиболее популярен) [Reddit]. Сайт занимает 21-е место в мире по посещаемости согласно информации SimilarWeb; регистрируются в среднем 1,6 биллионов посещений ежемесячно; число пользователей насчитывало в 2019 году более 430 миллионов; представляет собой одиннадцатое по популярности в мире приложение для социальных сетей; включает более 2,2 миллионов сообществ. Система голосования определяет позиционирование интернет-мема на сайте, самые интересные из которых становятся наиболее доступными, переместившись на заглавную страницу. Сайт обеспечивает возможность поиска по ключевым словам, что облегчает идеографическую систематизацию и описание интернет-мемов; снабжен типичным для социальных сетей инструментарием (возможность размещения и сохранения контента, комментирования, интерактивных реакций, подписок, объединения в сообщества, репостов, сортировки постов (*Hot* — быстро набирающие оценки, *New* — новые, *Controversial* — неоднозначные, с множеством противоположных оценок, *Top* — самые популярные за какой-либо период)), пользовательской статистикой и т. д. Контент сайта быстро пополняется самими пользователями, может быть по желанию пользователя быть представлен в формате трендов или хронологической ленты всех / Ваших тематических сообществ. Перечисленные факты делают Reddit.com важным источником вирусного интернет-контента, понравившиеся пользователям мемы быстро становятся глобальными.

ИМ представляют собой специфический актуальный формат политической интернет-коммуникации. Мемы создаются на основе социального знания, индивидуального опыта и воображения, отражая Интернет-культуру как «культуру мгновения» [Зиновьева, 2015, с. 195—197], комментирующую культуру, то есть культуру ремарок и ремиксов [Дацкевич, 2021; Савицкая, 2013], делая субъективное понимание мира публичным, выполняя идентифицирующую и дифференцирующую функции в интернет-сообществе [Зиновьева, 2015, с. 196]. Границы функционирования ИМ отражают границы группы «своих» (максимально широкие для универсальных ИМ, сужающиеся для сепаратных ИМ) [Зиновьева, 2015, с. 196; Щурина,

CC BY

2012, с. 163—164]. Сепаратные ИМ (узкоцелевые / ситуативные) функционируют как субкультурный маркер (ср. социально маркированные лексические единицы) [Зиновьева, 2015, с. 196]. Открытость интернет-культуры способствует быстрому распространению ИМ с характеристиками универсальных мемов (апелляция к общекультурным, общечеловеческим коннотациям) за пределы «сообщества-родителя» [Савицкая, 2013]. По мнению ряда исследователей в качестве исторических корней ИМ могут быть рассмотрены народные картинки («лубки» / «массовые гравюры») [Вешнякова, 2016, с. 35], салонное острословие [Савицкая, 2013], анекдот, карикатура [Канашина, 2018б, с. 69]. Посредством трансформации прецедентных феноменов в рамках ИМ осуществляется обращение к культурным знаниям; при этом реализуются два основные вида трансформации — дополнение изначального вербального / невербального компонента и замена его элемента, что определяет культурную коннотацию ИМ [Díaz et al., 2013, p. 83—85; Miltner, 2014, p. 22—26]. Трансформирование прецедентных феноменов выступает средством создания комизма (апеллирование к смешной или юмористическое обыгрывание несмешной ситуации), особой эстетики (разнообразие художественного пространства ИМ), диалога (обращения к опыту адресата, идентификация членов сообщества), интеллектуальной игры (значимость правильного декодирования прецедентного феномена) [Канашина, 2018б, с. 68]. ИМ, будучи мини-нарративом (представляя собой, по мнению Т.Е. Савицкой, отражение наступившей предсказанной М. Маклюэном вторичной устности [Савицкая, 2013]), характеризуется ориентированностью на эмоциональное воздействие, комическим эффектом, высокой концентрацией смысла при лаконичности, адресностью, приближенностью к разговорному / молодежному языку, реинтерпретацией стереотипов, вариативностью (ИМ как изменяющийся шаблон, предполагающий возможные последующие неоднократные реконтекстуализации в иных коммуникативных ситуациях), быстрым горизонтальным / вертикальным распространением, воспроизводимостью [Громовая, 2015, с. 27—29; Зиновьева, 2015, с. 196—197; Никитина и др., 2018, с. 79–80; Савицкая, 2013; Hartmann, 2017, с. 11; Osterroth, 2015, p. 34].

Существует несколько классификаций мемов: по источнику происхождения с позиций критических теорий [Рашкофф, 2003, с. 9]; по медиаобъекту [Квят, 2013; Щурина, 2012, с. 164]. В рамках нашего исследования используется комплексная типология ИМ Н. А. Зиновьевой на основе следующих дихотомий (Д): 1) Д «истина — ложь» (источник ИМ): а) самозарождающиеся / истинные ИМ (распространяющиеся благодаря общности переживания с другими членами сообщества); б) намеренно созданные / ложные ИМ, включая кооптированные, то есть используемые в маркетин-

CC BY

говых, PR-целях истинные ИМ; 2) Д «персонаж — событие» (отражаемый объект действительности): а) ИМ-персонаж, в котором персонаж окружается событийным фоном, закрепляется ассоциирование персонажа с некими эмоциями и смыслами; б) ИМ-событие, предъявляющий взгляд на ситуацию; одно событие может описываться несколькими ИМ с разными мотивами и интерпретациями; 3) Д «традиция — инновация» (уровень включенности в культуру): а) ИМ-традиция обращается к общему прошлому (типичные опыт, практика пользователей / персонажей, классические произведения), предполагая определенные культурные знания для декодирования содержания; б) ИМ-инновация строится на вызывающих переживания актуальных новостях, произведениях, предусматривая информированность о текущем моменте; 4) Д «фон — фигура» (смысловые доминанты): а) ИМ-фон (представляет персонажей с уже устоявшимися ассоциированными смыслами, доминирующих над фоном; юмористический эффект образуется смысловым резонансом / диссонансом персонажа с фоном); б) ИМ-фигура (фон доминирует, задает восприятие, эмоции, придает определенные смыслы изображениям, надписям); 5) Д «изображение — текст» (форма репрезентации, узнаваемый, реплицируемый элемент): а) ИМ-изображение; б) ИМ-текст; 6) Д «мысль — действие» (результирующее воздействие): а) ИМ-мысль нацелен на разделение определенных знаний, позиции, эмоций; б) ИМ-действие — сплачивающий анонимный добровольный флеш-моб; инициируется воспроизведение какого-либо действия и его визуальная фиксация [Зиновьева, 2015, с. 197—200].

В структурном плане следует отметить частотные двусоставные ИМ-сравнения; ИМ с двухчастным вербальным компонентом, содержащим завязку и неожиданную развязку; ситуативные комиксы (многочастные коллажи, структурируемые последовательностью изображений).

Жизненный цикл ИМ включает этапы [Савицкая, 2013]: 1) ИМ активно воспроизводится, не освободившись полностью от локального контекста; 2) ИМ становится популярным, освобождается от изначального контекста, подвергается последующим реконтекстуализациям, упрощению; 3) ИМ обретает общеизвестное содержание (при этом может выйти в офлайн-реальность), происходит пресыщение, переход ИМ в пассивное употребление.

ИМ, реализуя не подлежащий цензуре плюрализм политических позиций, злободневное реагирование на действительность и ее постоянное критическое осмысление, свободу от авторитетов (политических лидеров, коммуникативных, языковых норм), порционное информирование, эмоциональное воздействие, широкое участие интернет-пользователей / быстрое продвижение в онлайн- и офлайн-пространстве транслируемых смыслов, потребность в зрелищности и творчестве, становится популярным жанром

CC BY

политического дискурса — как продукт сетевого фольклора или политических PR-технологий [Глухих и др., 2017, с. 90—91; Карягин, 2017; Шомова, 2019, с. 23; Axelrod, 2016]. ИМ отражают изменившиеся восприятие политики широкой аудиторией (это не только противоборство мнений, но и шоу с захватывающими сценами [Канашина, 2018б, с. 67–68]); замещение прежних, ставших неэффективными политических стратегий, форм политической активности граждан (доминирование пассивных, анонимных форм).

В политической коммуникации ИМ служит для (см. некоторые функции [Канашина, 2018б: 68–71]): а) формирования повестки дня, проблематизации фрагментов действительности (искусственные ИМ — для увеличения узнаваемости политика); б) выражения политической позиции, протеста; в) высмеивания (истинные ИМ) или намеренной дискредитации (искусственные ИМ) оппонента; г) пропаганды (искусственные ИМ как имиджевое средство, средство повышения рейтинга политика, его сближения с электоратом, дополнения портрета политика-эксперта чертами «политик в тренде», «политик-приятель» [Chmielewski, 2016]).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Объект репрезентации — БК / Große Koalition (сокращение — GroKo) — объединение в рамках коалиционного правительства крупнейших противостоящих друг другу партий в стране, часто вместе с их менее значимыми партнерами, по мнению экспертов, затрудняющее функционирование правительства по причине противоположности позиций и программ сторон. В Германии речь идет о коалиции консервативных христианских и левоцентристских социал-демократов; существовало 4 правительственных БК — кабинет Кизингера (1966—1969), первый, третий, четвертый кабинеты А. Меркель.

Для иллюстрации выполненного анализа рассмотрим несколько ИМ.

3.1. ИМ «GroKo und der Klimaschutz» — «БК и охрана окружающей среды»

ИМ «GroKo und der Klimaschutz» — «БК и охрана окружающей среды» (опубликован на Reddit в марте 2021 года) является метамемом, ИМ-сравнением (рис. 1) [Reddit, 2021]. Визуальный шаблон апеллирует как к прецедентному феномену к уже существующему в рунете заимствованному ИМ-сравнению «Качок Доге и Чимс» с инвариантным (образующим вместе с визуальным шаблоном ядро исходного ИМ) значением: «в прошлом было лучше» (ностальгия по прошлому). Визуальный шаблон в новом ИМ остается неизменным, содержит изображения двух псов породы сиба-ину (функционировавших до 2020 года в качестве самостоятельных ИМ). В исходном ИМ-сравнении, получившем активное распространение

CC BY

в интернете весной 2020 года [Мемотека KYM], сильный, спортивный Доге символизировал все хорошее, что было раньше, а маленький, слабый, недовольный Чимс (как сегодняшняя версия Доге) — настоящее. Обобщенное значение данного ИМ вербально реализовывалось, например, следующими фразами: *Подростки в 90-е — Подростки сейчас*; *Мой отец в 17 — Я в 17 / Мой отец в 17:«Дорогая, я дома. Как там дети?» — Я в 17: «Черт, я хотел бы быть красивой девочкой из аниме»; Телефоны в 2002 — Телефоны в 2020; Греки в 500 г. до н. э. — Греки в 2020; Учителя до карантина — Учителя во время карантина и т. д.* ИМ «БК и охрана окружающей среды» // «GroKo und der Klimaschutz» появился в марте 2020 года на сайте Reddit. Из принявших участие в голосовании на сайте 97 % отметили ИМ как понравившийся, при этом ИМ присвоена метка: «В моих представлениях это выглядело смешнее». Исходный визуальный шаблон остается без изменений; вербальный компонент трансформируется посредством замещения. Репрезентируемое в образах двух псов противопоставление дополняется противопоставлением двух условных придаточных предложений (рис. 1), отличающихся своими сказуемыми (контекстуальная антонимия глаголов *reden — machen / говорить — делать*). Происходит еще большая деконтекстуализация исходного ИМ «Качок Доге и Чимс». Формируется новое ядро ИМ, включающее визуальный шаблон (изображение двух сибаину с двучастной подписью) и новое обобщенное значение — указание на расхождение слов и дела / того, как должно быть, и того, что есть в действительности. В пользу изменения и расширения обобщенного значения ИМ свидетельствуют и оставляемые на Reddit комментарии. Например, комментарий на сайте reddit.com пользователя Pottboi (март 2021): *Wenn politiker generell über iwas reden vs wenn sie es machen sollen* // *Всегда, когда политики говорят о чем-то и потом хотят сделать обещанное* [Reddit, 2021] (сохранены авторские орфография и пунктуация). Рассматриваемый ИМ представляет собой истинный ИМ, ИМ-инновацию (прецедентный феномен — существующий актуальный ИМ; обращение к современным событиям — критикуемым действиям последней БК), ИМ-персонаж (использование образов узнаваемых мемных персонажей, критика коллективного субъекта (БК / GroKo), а не конкретных событий), ИМ-изображение (редупликации подвергается именно визуальный шаблон), ИМ-мысль (инициация разделения позиции, эмоции).

3.2. ИМ «Ich fürchte schlimmstes für den September» — «Я опасаюсь худшего в сентябре»

Следующий ИМ «Ich fürchte schlimmstes für den September» // «Я опасаюсь худшего в сентябре», опубликованный на Reddit в конце марта 2021 года (рис. 2) [Reddit, 2021], представляет собой гибрид ИМ-события

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Когда БК говорит об охране окружающей среды

Когда БК должна заняться охраной окружающей среды

Рис. 1. ИМ «GroKo und der Klimaschutz» — «БК и охрана окружающей среды»

(отсылка к предстоящим 26.09.2021 выборам Бундестага 20-го созыва, по результатам которых будут определены состав парламента, кандидатура канцлера и возглавляемый им кабинет министров) и ИМ-персонажа (существующая на данный момент и предрекаемая на будущее БК). Особая актуальность события для всех граждан обусловливается целым рядом факторов: а) первые выборы с 2005 года, когда во главе ХДС не будет стоять А. Меркель; б) в состав сегодняшнего парламента вошла правопопулистская партия «Альтернатива для Германии» (АдГ), получившая 11 % голосов; в) небольшой перевес голосов в парламенте в пользу А. Меркель на последних выборах канцлера (364 — «за», 324 — «против» и «воздержались»); г) это последние выборы в аналоговом (не цифровом) режиме. Описываемый ИМ представляет собой реконтектуализируемую вариацию заимствованного ИМ «The Worst Day Of Your Life So Far» / «Худший день в твоей жизни до сих пор» [Мемотека KYM]. Визуальный шаблон — двухчастный коллаж кадров из американского мультипликационного сериала в жанре ситуационной комедии «Симпсоны» с Гомером и Бартом Симпсонами (сезон 2007), в которых отец пытается утешить расстроенного сына, подбодрить его после публичного унижения. Впервые коллаж кадров появился в интернете в январе 2012 года в виде макроса; с 2017 года пу-

CC BY

бликуются первые вариации с модифицированным вербальным компонентом. Наибольшую популярность ИМ набирает в начале 2021 года. Самая успешная вариация в январе 2021 года посвящена стремительному скачку цен на акции американской компании по продаже видеоигр «GameStop»и последующим событиям на фондовых биржах США. Исходная прецедентная фраза (Барт: *This is the worst day of my life.* — Гомер, его отец: *The worst day of your life so far* // Барт: *Это худший день в моей жизни.* — Гомер: *Худший день в твоей жизни до сих* пор) в дальнейших вариациях ИМ помещается в новые контексты, трансформируется; расширяется спектр отражаемых тем — военные операции США, президентство Трампа, пандемия коронавируса и др. Ядро ИМ конституируют сформировавшееся обобщенное значение (юмористически обыгрываемый пессимистический прогноз о дальнейшем ухудшении актуальной неблагоприятной ситуации) и визуальный шаблон (невербальный компонент относительно устойчив; зафиксированы единичные случаи дополнения, например, американские флаги в ИМ про военные действия США, голова Ленина в ИМ про империализм как высшую стадию капитализма). Рассматриваемый ИМ выражает отрицательную оценку БК как недееспособной и пессимистические настроения немцев относительно предстоящих выборов. 96 % процентов пользователей Reddit проголосовали за данный ИМ как понравившийся, ИМ присвоена метка «Hier könnte Ihre Werbung stehen» // «Здесь могла бы быть Ваша реклама» как указание на потенциал монетизации контента. Рассматриваемый ИМ — истинный, ИМ-инновация (апелляция к современному мультипликационному сериалу), ИМ со смысловой доминантой — фигурой, ИМ-изображение (вербальный компонент реплицируется только в виде двух обязательных константных элементов — превосходная степень прилагательного в реплике Барта, компонент «до сих пор» в реплике Гомера), ИМ-мысль.

Следует отметить, что в комментариях пользователей на Reddit указывается на неясность в подсчетах автора ИМ (например, Felizius: *2009 bis 2013 war Schwarz-Gelb, also von den letzten 16 Jahren ‚nur' 12 GroKo Edit: es sei denn natürlich du meinst auch die GroKo unter Kiesinger 1966-69 // В 2009—2013 была черно-желтая коалиция, так что из последних 16 лет только 12 лет правила БК, если только ты не посчитал период правления кабинета Кизингера*); подтверждается выражаемый ИМ пессимистический настрой и критика БК (например, On-Fire: *man könnte jetzt argumentieren, die groko habe zumindest weniger schaden angerichtet als die rot-grüne koalition unter Schröder, aber bis september ist ja noch zeit // Можно выдвинуть аргумент, что большая коалиция меньше навредила, чем красно-зеленая коалиция Шрёдера, но до сентября еще есть время*).

CC BY

Немецкие граждане 16 лет БК было самое недееспособное правительство послевоенного периода.

Выборы в сентябре Самое недееспособное правительство послевоенного периода до сих пор.

Рис. 2. ИМ«Ich fürchte schlimmstes für den September» — «Я опасаюсь худшего в сентябре»

3.3. ИМ «Zuverlässige Methode» — «Надежный метод»

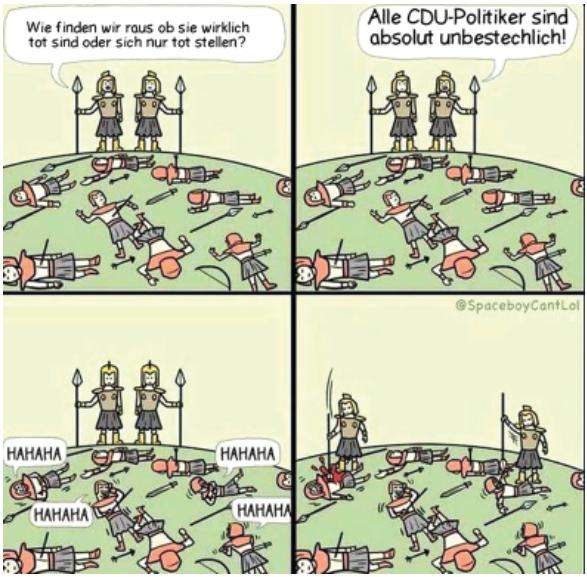
Следующий ИМ — ситуативный комикс, четырехчастный коллаж «Zuverlässige Methode» // «Надежный метод» [Reddit, 2021]. По результатам голосования интернет-пользователей на Reddit (98 % отметили ИМ как понравившийся) ИМ присвоена метка «Angelo Merte Qualitätssiegel» // Знак качества Анжело Мерте. «Анжело Мерте» — юмористически обыгрываемый ответ якобы мигранта на вопрос о том, кто является сегодня канцлером Германии; как оказалось, это было снятое молодым актером Тедросом Теклебраханом постановочное, пародийное видео «Тест на степень интегрированности мигрантов», очевидно, высмеивающее ксенофобию немецкого общества и убедившее зрителей в абсолютном провале интеграции мигрантов (видео собрало более 5 млн просмотров на YouTube).

ИМ «Надежный метод« (опубликован на Reddit в середине марта 2021 года; рис. 3 [Reddit, 2021]) — реконтекстуализация первичного ИМ римской серии «How Do We Know If They’re Actually Dead Or Just Pretending?» // «Как мы узнаем, они мертвы или притворяются?», появившийся в Facebook[1] и Instagram[2] в мае 2019 года (автор — spaceboycantlol; пост с заголовком «Древние проблемы тоже требуют современных реше-

1 Деятельность организации в Российской Федерации запрещена.
2 Деятельность организации в Российской Федерации запрещена.

CC BY

ний»). Данный исходный четырехчастный веб-комикс изображает беседу между римскими солдатами, стоящими над усыпанным телами полем. Первый солдат спрашивает второго: «Как мы узнаем, они мертвы или притворяются?». Второй солдат в качестве «диагностического средства» произносит фразу: «С завтрашнего дня я буду регулярно ходить в спортзал». Усеявшие поле предположительно погибшие воины смеются в ответ, и солдаты добивают их [Мемотека KYM]. После публикации ИМ быстро стал популярным, подвергался многочисленным реконтекстуализациям, в рамках которых вербальный компонент на второй панели (в единичных случаях и на третьей — реплики «ХАХА») заменялся. Визуальный шаблон с «речевым пузырем» (выноска для маркирования речи / мыслей персонажей в комиксах) на второй панели функционирует с 30.05.2019 [Мемотека KYM]. ИМ «Надежный метод» отражает недоверие немецких граждан к политикам ХДС, негативное отношение к ним из-за их коррупционности. Описываемый ИМ — истинный, ИМ-персонаж (коллективный персонаж), ИМ-инновация, ИМ-текст-изображение (невербальный компонент, как правило, замещается только на второй панели; невербальный компонент остается устойчивым при репликации), ИМ-мысль. Название ИМ также



Как мы узнаем, они мертвы или притворяются?

Все политики от партии ХДС абсолютно неподкупны

Рис. 3. ИМ «Zuverlässige Methode» — «Надежный метод»

CC BY

выполняет комическую функцию (похвала ХДС провозглашается как надежное средство, позволяющее отличить мертвого от живого). Обобщенное значение ИМ — юмористическое отражение истинного отношения кого-либо к чему-либо. Оно выстраивается на намеренном предъявлении провоцирующего, абсурдного утверждения, способного рассмешить даже мертвых (смех — неосознаваемая, неконтролируемая, правдивая реакция, опровергающая исходный тезис).

3.4. ИМ «Distracted boyfriend» — «Неверный парень»

Следующий ИМ (опубликован на watson.de в сентябре 2018 года и получил ряд вариаций на Reddit; рис. 4 [9 Memes …, 2018]) — реконтекстуализация заимствованного ИМ «Distracted boyfriend» — «Неверный парень», в основе которого лежит стоковый снимок испанского фотографа Антонио Гиллема 2015 года, изображающий парня, гуляющего с возлюбленной и оглядывающегося на проходящую мимо девушку в красном платье. В январе 2017 года впервые появляется ИМ с данной фотографией (новый контекст — осуждение Ф. Коллинза за его измену року и уход в поп-музыку), вскоре ИМ получает распространение в других соцсетях [Мемотека KYM]. Значением ИМ выстраивается на отношениях трех персонажей: условный некто / я; условная тайная мечта / желание — незнакомая красивая девушка или заменяющий ее невербальный компонент; условная реальность, «синица в руках», прежние стремления / препятствие на пути к новому предпочтению. Герой как бы переживает конфликт между должным, полезным, привычным и приятным, новым. Невербальный компонент ИМ при реконтекстуализации также подвергается изменению, актуализируя условных персонажей ИМ. Обобщенное значение — указание на предательство, переживаемое по этому поводу возмущение. Описываемый ИМ (рис. 4) отражает восприятие немецкими гражданами деятельности СДПГ (социал-демократическая партия Германии) в составе сегодняшней БК и их отношение к СДПГ. Условные персонажи получают актуализацию: условный некто / я — лидеры СДПГ (см. на подпись *SPD-Spitze — SPD-leaders* и лицо председателя партии), условное желание, объект интереса, заставляющий отречься от прежних стремлений, — делишки с ХДС / ХСС (см. подпись *Deals mit der CDU / CSU — Deals with the CDU / CSU*); условные прежние интересы, должное и полезное — все граждане страны, возмущенные предательством (см. подпись *alle — all*). Транслируемый смыл: СДПГ предательски пренебрегает гражданами, их интересами, правами в угоду коалиции с ХДС / ХСС. Описываемый ИМ — истинный, ИМ-персонаж (партия в контексте ее позиции и действий в составе БК); ИМ-инновация, ИМ со смысловой доминантой — фигурой; ИМ-изображение, ИМ-мысль.

CC BY

Рис. 4. ИМ «Distracted boyfriend» — «Неверныйпарень»

3.5. ИМ «AfD tatsächlich» — «АдГ в действительности»

Новым игроком в действующем до сентября 2021 года парламенте является партия «Альтернатива для Германии» (AfD / АдГ), не являющаяся активной стороной БК ввиду малочисленности ее представителей в парламенте. Тем не менее рассмотрим в качестве иллюстрации анализа один из ИМ, посвященных данной партии. ИМ «AfD tatsächlich» // «АдГ фактически» (опубликован на Reddit в марте 2021 года; 97 % процентов проголосовали за ИМ как понравившийся, присвоена метка «В моих представлениях это выглядело смешнее») (рис. 5 [Reddit, 2021]) апеллирует к заимствованному прецедентному феномену — изображению штаб-квартиры республиканцев в Спрингфилде из мультипликационного сериала «Симпсоны», регулярно фигурирующему во множестве серий во всех сезонах сериала как одно из самых зловещих зданий города на краю высокого утеса с секретными туннелями, где творятся неправильные, ужасные вещи (например, в серии «Скандал в семье» 13-го сезона (2001—2002) здесь было принято решение об отмене всех экологических законов Спрингфилда, что привело к чудовищному ухудшению экологии, закончившемуся кислотным дождем). Следует отметить, что, несмотря на определенный продемократический характер, данный комедийно-сатирический сериал в равной степени критикует демократов и республиканцев. Благодаря своей фарсовой природе сериал затронул множество важных и сложных проблем, таких, например, как безопасность ядерной энергии, охрана окружающей среды, иммиграция, права сексуальных меньшинств и женщин и др. Республиканцы, однако, изображаются как коварнаяполитическая сила, управляющая Спрингфилдом из-за кулис, а их штаб-квартира воспринимается как воплощение всего ужасного. Описываемый ИМ — истинный ИМ, ИМ-инновация (обращение к современному сериалу, фоновым

CC BY

знаниям об актуальной политической ситуации в стране), ИМ-персонаж, ИМ-изображение, ИМ-мысль. Именно изображение с уже сложившимся ассоциируемым эмоциональным отношением выступает смысловой доминантой, определяющей оценочное восприятие и интерпретацию вербального компонента. Вербально эксплицируется автостереотип, самооценка АдГ как честной, народной партии и вводится противопоставление: «АдГ в действительности:». Противостоящие самооценке характеристики задаются невербально. Воздействие ИМ основывается на диссонансе позитивного вербального и негативного, давящего невербального компонентов.

АдГ в своих собственных представлениях близка к народу и неподкупна.
АдГ в действительности:
Подпись к зданию: *Штаб-квартира АдГ*

Рис. 5. ИМ «AfD tatsächlich» — «АдГ в действительности»

3.6. Жанровые разновидности ИМ тематической группы «Большая коалиция»

Что касается выделяемых по закономерностям смыслообразования (комбинирование обобщенной семантики с особенностями визуального шаблона) основных жанровых разновидностей ИМ [Бабикова, 2019], в анализируемом идеографически заданном подмножестве доминируют эдвайсы (ИМ с изображением животных или персонажей на цветном фоне, сопровождающимся, чаще всего сверху и снизу, остроумными фразами животно-

CC BY

го / персонажа, которые предъявляются как нечто неоспоримое, как совет, вывод); представлены интернет-комиксы (обычно серия из 2—4-х минималистичных, примитивных схематичных изображений, иллюстрирующих некую веселую смешную историю, с незамысловатым сюжетом, характеризующаяся использованием пузырей для оформления реплик персонажей мема-комикса) и макросы (содержат визуальный компонент, символизирующий какую-то эмоцию, настроение (ср. эмотиконы, эмоджи) в сочетании с текстом, указывающим на событие, явление, которое и подвергается оцениванию); нерелевантными оказываются мемы-«аткрытки» (ироничное выражение, комбинируемое со стилизованным «под старину» изображением на однотонном фоне в пастельных оттенках) и демотиваторы (ИМ, состоящие из белой надписи пессимистического характера на черном фоне (с изображением или без), представляющие собой пародию на мотиватор).

4. Заключение = Conclusions

ИМ как популярный формат интернет-коммуникации, характеризующийся лаконичной формой и содержательной насыщенностью, визуализирует и транслирует оперативную реакцию на современные ситуации, апеллируя к индивидуально и социально значимым культурным знаниям, эмоциональному опыту интернет-пользователей. Специфика использования прецедентных феноменов в ИМ заключается в их трансформации и реинтерпретации, обеспечивающей их функционирование в качестве средства комизма, эстетики, диалога и интеллектуальной игры.

Развитие ИМ предполагает его первичную деконтекстуализацию для облегчения успешного продвижения в интернет-пространстве и последующие реконтекстуализации. ИМ имеет полевую структуру, включающую константное ядро (визуальный шаблон и обобщенное значение).

Большинство изученных ИМ 2018—2021 годов, формирующих тематическую группу «Большая коалиция», представляют собой реактуализации заимствованных ИМ или возникающие в немецкоязычном интернете ИМ, апеллирующие к популярными инокультурным прецедентным феноменам, феноменам с признаками транскультурности, что определяет их преимущественно универсальный характер. В заимствованные визуальные шаблоны могут вводиться дополняющие интракультурные прецедентные феномены (как правило, изображения известных политиков, символики партий), облегчающие ассимиляцию в принимающей культуре. Преобладают ИМ, инициирующие разделение транслируемых знаний, эмоций, оценки (а не ИМ-действия); ИМ-персонажи, закрепляющие ассоциирование доминирующих над фоном персонажей с определенными эмоциями и смыслами; ИМ, сопряженные с репликацией невербального компонента;

CC BY

ИМ-инновации, апеллирующие к актуальным событиям и объектам культуры. Невербальный компонент включает, как правило, изображения (индивидуального / коллективного) одушевленного субъекта.

Привлекаемые прецедентные феномены чаще всего выступают проводниками отрицательных смыслов, например: несоответствие (планов и реальности, слов и дел, самооценки и внешней оценки), предательство, сравнение «не в пользу», очевидность изъяна и др. Наиболее частотные отражаемые ИМ признаки денотата (БК) — недееспособность, недоверие со стороны граждан, плохая репутация ее членов. Релевантными жанровыми разновидностями являются ИМ-эдвайсы, ИМ-комиксы, ИМ-макросы.

Источники и принятые сокращения

1. Мемотека KYM — *Мемотека* Know Your Meme [Electronic resource]. — Режим доступа : https://knowyourmeme.com/memes (accessed 10.10.2021).
2. *Reddit* [Electronic resource]. — 2021. — Access mode : https://www.reddit.com/ (accessed 10.01.2022).
3. *9 Memes,* die den aktuellen Stress bei der SPD perfekt beschreiben [Electronic resource]. — 2018. — Access mode : https://www.watson.de/spa%C3%9F/politik/708196644-9-memes-die-den-stress-in-der-spd-perfekt-beschreiben (accessed 10.01.2022).

Литература

1. *Бабикова М. Р.* Жанровые разновидности интернет-мемов в современном националистическом дискурсе / М. Р. Бабикова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. — 2019. — Т. 25. — № 2 (186). — С. 67—73.
2. *Вешнякова А. В.* Лингвокреативный аспект интернет-мемов / А. В. Вешнякова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2016. — 6(4). — С. 34—40.
3. *Глухих В. А.* Интернет-мемы как инструменты публичной политики / В. А. Глухих, С. М. Елисеев // Дискурс. — 2017. — № 4. — С. 90—96.
4. *Громовая М. И.* Интернет-мем как лингвокультурема современного филологического анализа / М. И. Громовая // Мова. — 2015. — № 23. — С. 27—31.
5. *Дацкевич И.* Феномен массовой культуры / И. Дацкевич. — Москва : ИНИОН РАН, 2012. — 35 с.
6. *Зиновьева Н. А.* Воздействие мемов на Интернет-пользователей: типология Интернет-мемов / Н. А. Зиновьева // Вестник экономики, права и социологии. — 2015. — № 1. — С. 195—201.
7. *Канашина С. В.* Интернет-мем и прецедентный феномен / С. В. Канашина // Вестник ТГПУ. — 2018а. — № 4 (193). — С. 122—126.
8. *Канашина С. В.* Роль интернет-мемов в процессе политических выборов / С. В. Канашина // Политическая лингвистика. — 2018б. — № 1 (67). — С. 67—72.
9. *Карягин М.* Мемная политика / М. Карягин // Актуальные комментарии. — 12.05.2017. — Режим доступа : actualcomment. ru/memnaya-politika-1705121050.html (дата обращения: 10.04.2021).
10. *Квят А.* Медиамем как инструмент политического PR : когнитивный подход / А. Квят // Медиаскоп. — 2013. — № 1. — С. 3.

11. *Никитина О. А.* Интернет-мем как мультимодальный феномен немецкоязычного интернет-дискурса / О. А. Никитина, О. А. Гудкова, Ф. Зандер // Язык и культура. — 2018. — № 43. — С. 74—87.

12. *Рашкофф Д.* Медиавирус! Как попкультура воздействует на сознание / Д. Рашкофф [пер. с англ. Д. Борисов]. — Москва : Ультра-культура, 2003. — 363 с.

13. *Савицкая Т. Е.* Интернет-мемы как феномен массовой культуры / Т. Е. Савицкая // Культура в современном мире. — 2013. — № 3. — С. 3.

14. *Шомова С. А.* Развлекать и властвовать : образы российской власти и оппозиции в интеренет-мемах / С. А. Шомова // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2019. — № 3. — С. 23—24.

15. *Щурина Ю. В.* Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации / Ю. В. Щурина // Научный диалог. — 2012. — № 3. — С. 160—172.

16. *Axelrod E.* The Role of Memes in Politics [Electronic resource] / E. Axelrod // Brown Political Review. — 20.03.2016. — Access mode : https://brownpoliticalreview.org/2016/03/role-memes-politics/ (дата обращения: 11.04.2021).

17. *Chmielewski D.* Internet memes emerge as 2016 election's political dog whistle [Electronic resource] / D. Chmielewski // USA TODAY. 30.09.2016. Access mode : https://www.usatoday.com/story/tech/news/2016/09/30/internet-memes-white-house-election-president/91272490/ (дата обращения: 10.04.2021).

18. *Díaz C.* Defining and characterizing the concept of Internet Meme / C. Díaz, C. Mauricio // CES Psicología. — 2013. — T. 6. — No 2. — P. 82—104.

19. *Hartmann F.* Meme : Die Kunst des Remix / F. Hartmann. — Berlin : Amadeo Antonio Stiftung, 2017. — 33 S.

20. *Miltner K. M.* There's no place for lulz on LOLCats: The role of genre, gender, and group identity in the interpretation and enjoyment of an Internet meme / K. M. Miltner // First Monday. — 2014. — Vol. 19. — No 8. — P. 21—43.

21. *Osterroth A.* Das Internet-Meme als Sprache-Bild-Text / A. Osterroth // IMAGE. — 2015. — No 22. — S. 26—46.

Material resources

9 Memes, die den aktuellen Stress bei der SPD perfekt beschreiben. (2018). Available at: Access mode : https://www.watson.de/spa%C3%9F/politik/708196644-9-memes-die-den-stress-in-der-spd-perfekt-beschreiben (accessed 10.01.2022). (In Germ.).

Memoteka KYM — *Know Your Meme: Meme Database*. Available at: https://knowyourmeme.com/memes (accessed 10.10.2021). (In Germ.).

Reddit (2021). Available at: https://www.reddit.com/ (accessed 10.01.2022).

References

Axelrod, E. (2016). The Role of Memes in Politics. *Brown Political Review*. 20.03.2016. Available at: https://brownpoliticalreview.org/2016/03/role-memes-politics/ (accessed 11.04.2021).

Babikova, M. R. (2019). Variety of genres regarding the Internet Memes in Modern Nationalistic Discourse. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 1*, *Issues in Education, Science and Culture, 25 / 2(186)*: 67—73. (In Russ.).

Chmielewski, D. (2016). Internet memes emerge as 2016 election's political dog whistle. *USA TODAY*. 30.09.2016. Available at: https://www.usatoday.com/story/tech/news/2016/09/30/internet-memes-white-house-election-president/91272490/ (accessed: 10.04.2021).

CC BY

Dackevich, I. (2012). *The phenomenon of mass culture*. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences of RAS. (In Russ.).

Díaz, C., Mauricio, C. (2013). Defining and characterizing the concept of Internet Meme. *CES Psicología*, *6(2)*: 82—104.

Glukhikh, V. A., Eliseev, S. M. (2017). Internet memes, social networks, public policy, electoral processes, information society. *Discourse*, *4*: 90—96. (In Russ.).

Gromovaya, M. I. (2015). Internet meme as a lingual culturheme of modern linguistic analysis. *Mova*, *23*: 27—31. (In Russ.).

Hartmann, F. (2017). *Meme: Die Kunst des Remix*. Berlin: Amadeo Antonio Stiftung. 33 S. (In Germ.).

Kanashina, S. V. (2018a). Internet meme and precedent phenomenon. *TSPU Bulletin*, *4 (193)*: 122—126. (In Russ.).

Kanashina, *S. V.* (2018b). The role of internet memes in political elections. *Political linguistics*, *1 (67)*: 67—72. (In Russ.).

Karyagin, M. (2017). Meme politics. *Actual comments*. 12.05.2017. Available at: actualcomment.ru/memnaya-politika-1705121050.html (accessed 10.04.2021). (In Russ.).

Kvyat, A. (2013). Media Meme as a Tool of Political PR: a Cognitive Approach. *Mediascop, 1*: *3* (In Russ.).

Miltner, K. M. (2014). There's no place for lulz on LOLCats: The role of genre, gender, and group identity in the interpretation and enjoyment of an Internet meme. *First Monday*, *19(8)*: 21—43.

Nikitina, O. A., Gudkova, O. A., Zander, F. (2018). Internet meme as a multimodal phenomenon of the german internet-Discourse. *Language and Culture*, *43*: 74—87. (In Russ.).

Osterroth, A. (2015). Das Internet-Meme als Sprache-Bild-Text. *IMAGE*, *22*: 26—46. (In Germ.).

Rushkoff, D. (2003). *Media Virus! Hidden agendas in popular culture*. Moscow : Ultraculture. 363 p. (In Russ.).

Savickaya, T. E. (2013). Internet memes as a phenomenon of popular culture. *Culture in the modern world*, *3*: 3. (In Russ.).

Shchurina, Yu. V. (2012). Internet Meme as a Phenomenon of Internet Communication. *Nauchnyi dialog*, *3*: 160—172. (In Russ.).

Shomova, S. A. (2019). To entertain and dominate: images of russian power and opposition in internet memes. *Moscow University Bulletin. Series 10. Journalism*, *3*: 23—24. (In Russ.).

Veshnyakova, A. V. (2016). The linguistic and creative aspect of Internet memes. *Actual problems of the humanities and natural sciences*, *6(4)*: 34—40. (In Russ.).

Zinovyeva, N. A. (2015). The Impact of Memes on Internet Users: A Typology of Internet Memes. *Bulletin of Economics, Law and Sociology*, *1*: 195—201. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 30.03.2022,
одобрена после рецензирования 30.04.2022,
подготовлена к публикации 10.05.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Хустенко А. А. Специфика семиотической организации интернет-мемов профессионального сообщества юристов в социальных сетях / А. А. Хустенко // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 4. — С. 258—282. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-258-282.

Khustenko, A. A. (2022). Specificity of Semiotic Organization of Internet Memes of Professional Community of Lawyers in Social Networks. *Nauchnyi dialog, 11(4):* 258-282. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-258-282. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU EBSCOhost

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-258-282

Специфика семиотической организации интернет-мемов профессионального сообщества юристов в социальных сетях

Хустенко Анастасия Анатольевна
orcid.org/0000-0001-6352-2971
инженер-исследователь
khustenko@tpu.ru

Национальный
исследовательский Томский
политехнический университет
(Томск, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта
№ 20-312-90049\20

Specificity of Semiotic Organization of Internet Memes of Professional Community of Lawyers in Social Networks

Anastasia A. Khustenko
orcid.org/0000-0001-6352-2971
Research Engineer
khustenko@tpu.ru

National Research
Tomsk Polytechnic University
(Tomsk, Russia)

Acknowledgments:
The reported study
was funded by RFBR,
project № 20-312-90049\20

© Хустенко А. А., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматриваются интернет-мемы, функционирующие в профессиональном сообществе юристов в социальных сетях ВКонтакте и Одноклассники, как поликодовый текст. Поднимается вопрос об основаниях для анализа интернет-мемов. Цель исследования состояла в рассмотрении семиотической организации интернет-мемов профессионального сообщества юристов. Актуальность исследования связана с необходимостью изучения особенностей речевых практик, определяемых формами неофициальной коммуникации в рамках такой социальной структуры, как профессиональное сообщество юристов. Новизна исследования видится в разработке параметров анализа, которые учитывают специфику интернет-мема как разновидности поликодового текста, обусловленного особенностью профессионального сообщества юристов. Представлен анализ интернет-мемов по ряду оснований. Установлено, что количественно превалируют собственно текстовые мемы и креолизованные мемы, в которых ведущую роль играет текстовый компонент. Изображения в интернет-мемах имеют высокий художественный и общекультурный потенциал, что свидетельствует о высоком уровне общей культуры авторов и реципиентов интернет-мемов. Семиотический анализ интернет-мемов дал представление о том, что профессиональное сообщество юристов существенно влияет на все параметры описания функционирующих в нем интернет-мемов, что позволяет сделать предположение о существовании специфической неофициальной дискурсивной области соответствующего профессионального дискурса.

Ключевые слова:
неофициальный юридический дискурс; поликодовый текст; креолизованный текст; интернет-мем.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article deals with Internet memes that function in the professional community of lawyers in the social networks VKontakte and Odnoklassniki as a polycode text. The question is raised about the grounds for the analysis of Internet memes. The purpose of the study was to consider the semiotic organization of Internet memes of the professional community of lawyers. The relevance of the study is related to the need to study the features of speech practices determined by the forms of informal communication within such a social structure as the professional community of lawyers. The novelty of the research is seen in the development of analysis parameters that take into account the specifics of the Internet meme as a kind of polycode text, due to the peculiarity of the professional community of lawyers. An analysis of Internet memes is presented for a number of reasons. It has been established that textual memes and creolized memes, in which the text component plays a leading role, prevail quantitatively. Images in Internet memes have a high artistic and general cultural potential, which indicates a high level of the general culture of the authors and recipients of Internet memes. The semiotic analysis of Internet memes gave an idea that the professional community of lawyers significantly influences all parameters of the description of Internet memes functioning in it, which allows us to make an assumption about the existence of a specific unofficial discursive area of the corresponding professional discourse.

Key words:
informal legal discourse; polycode text; creolized text; internet meme.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 81’42:004.738.5

Специфика семиотической организации интернет-мемов профессионального сообщества юристов в социальных сетях

© Хустенко А. А., 2022

1. Введение = Introduction

Интернет-мем, несмотря на свою недолгую историю, является объектом активного исследования разных областей знания: социологии и социолингвистики [Varis и др., 2014]; дискурс-анализа и социоконструктивизма [Drakett и др., 2018; Milner, 2013б]; лингвистики юмора [Piata, 2019; Shifman 2013; Segev et al., 2015]. В поле зрения исследовательского интереса оказываются такие аспекты интернет-мема, как история его появления, развитие, особенности функционирования [Börzsei, 2013; Bauckhage, 2011]; содержание [Milner, 2013a; Shifman, 2013, 2014]; культурный и политический потенциал [Milner, 2013b; Lolli, 2017]. В рамках лингвистического подхода внимание зарубежных исследователей направлено в основном на жанровые и структурные характеристики интернет-мемов [Wiggins, 2015] и интертекстуальность [Laineste, 2017].

Интернет-мем в последнее десятилетие вызывает исследовательский интерес и в российском научном сообществе. В работах [Голованова, 2014; Часовский, 2015; Канашина, 2019] интернет-мем рассматривается в контексте медиадискурса; как феномен массовой культуры — в трудах [Марченко, 2013; Мигрaновой, 2015]; на жанровую специфику интернет-мема обратили внимание [Горошко, 2009; Щурина, 2012].

Интернет-мем как полимодальный феномен интернет-коммуникации активно исследуется как западными исследователями [Dancygier и др., 2017; Lou, 2017; Yus, 2019], так и отечественными [Левченко, 2018; Изгаршева, 2020; Канашина, 2016; Щурина, 2012]. Исследований, посвященных анализу интернет-мемов в интернет-сообществах юристов в социальных сетях, нами не было обнаружено.

Предшественниками интернет-мемов считаются рисунки на страницах сатирического журнала “The Judge” Университета штата Айова, датируемые 20-ми годами XX века. Впоследствии рисунки были перепечатаны в журнале “Wisconsin Octopus” университета штата Висконсин, что свидетельствует в пользу их «виральности» и «реплицируемости» [BBC]. Авторство первого юридического интернет-мема принадлежит итальянскому адвокату из Милана Дженнаро Романо, который в 1922 году создал

CC BY

сатирический журнал «*La toga:beffa giudiziaria. Ebdomadario satirico burlesco di cronaca e di polemica criminale*» («*Мантия — судебная насмешка. Еженедельный журнал сатирический бурлеск хроники и криминальной полемики*») (перевод наш. — *А. Х.*), целью которого была критика мира правосудия.

На рис. 1 изображен клиент-цыпленок, окруженный символически представленными юридическими категориями: справедливость — лев, готовый его разорвать; закон в виде карабинеров; змея — судебные ловушки; присяжный — петух, всегда готовый «петь»; защита в образе выжидающего крокодила [Massimedalpassato].

Рис. 1. Юридический мем Дженнаро Романо

Появление Интернета обусловило новый этап развития мемов, а именно появление интернет-мема. Активное распространение интернет-мемов начинается в середине 1990-х годов, хотя их использование было ограничено малочисленными специфическими интернет-сообществами. Значительным этапом в развитии интернет-мемов стал 2005 год с появлением YouTube и видео-мемов, но о массовости данного феномена можно говорить только с момента появления социальных сетей, а с ними и сайтов-генераторов мемов, позволяющих пользователям создавать интернет-мемы по существующим шаблонам. Явление прочно закрепилось в современном виртуальном пространстве. Среди характерных черт современных мемов называются юмористическая направленность, абсурдность, нишевость, самореферентность и др. Интерес ученых к интернет-мемам не случаен, ведь, зародившись как се-

CC BY

миотическая игра американской интернет-субкультуры *4chan*, они получили огромную популярность в интернете и стали мощным коммуникативным инструментом за счет их воспроизводимости и виральности [Lolli, 2017].

Происхождение термина *интернет-мем* исторически связано со спорной теорией Ричарда Докинза, представленной в 1976 году в книге «Эгоистичный ген». Со времени его первоначального употребления Р. Докинзом в значении «единицы культурной информации» по аналогии с *геном* термин был переосмыслен и получил широкое распространение в рамках изучения феноменов интернет-коммуникации во всем многообразии научных подходов, обусловивших разные прочтения понятия. Среди отечественных исследователей интернет-мем определяется как единица интернет-коммуникации [Канашина, 2018], средство коммуникации [Мигранова и др., 2015], дискурс [Канашина, 2016], прецедентный феномен [Канашина, 2018; Щурина, 2012], хранилище культурных кодов [Марченко, 2013], речевой жанр в работах [Горошко, 2009, Горобцова, 2014; Щурина, 2012].

В качестве рабочего определения, обусловленного целями и задачами исследования, будет использоваться следующее: «Интернет-мем является семиотически сложным образованием, содержащим вербальный и невербальный компоненты и функционирующий в интернет-среде в качестве особого вида полимодального дискурса» [Канашина, 2016, с. 9]. Исследователи выделяют следующие типы интернет-мемов: текстовый мем — слово или фраза; мем-картинка; видеомем; креолизованный мем, состоящий из текстовой и визуальной части [Щурина, 2012, с. 165]. С. В. Канашина относит к существенным признакам интернет-мема 1) социо-культурную направленность; 2) полимодальность; 3) политическую окрашенность; 4) доступность в интернет-среде; 5) высокую прагматическую направленность [Канашина, 2016, с. 33—34].

Интернет-мем рассматривается нами вслед за многими исследователями как разновидность поликодового текста. Поликодовые тексты — это «тексты, построенные на соединении в едином графическом пространстве семиотически гетерогенных составляющих — вербального текста в устной или письменной форме, изображения, а также знаков иной природы» [Сонин, 2005, с. 117]. В российском научном сообществе получил признание термин *креолизованный текст*, который был впервые введён в научный обиход психолингвистами Ю. А. Сорокиным и Е. Ф. Тарасовым [Сорокин, 1990] и активно используется в настоящее время многими исследователями. В научной литературе встречаются и другие номинации, обозначающие данный феномен: *видеовербальные тексты* [Пойманова, 1997], *семиотически обогащенный текст* [Чигаев, 2010], *мультикоммуникативная форма* [Костомаров, 2005] и др.

CC BY

Поликодовый текст содержит вербальные и невербальные компоненты. Невербальные компоненты неоднородны по своей природе, в работе [Анисимова, 2003] различаются три основных типа: ***фонационные; кинетические; графические***. К основным невербальным (паралингвистическим) средствам креолизации текста относят: ***графическую сегментацию текста и его расположение на бумаге; средства иконического языка***. Разновидностью паралингвистических средств являются ***парафемные средства*** — это средства, сопутствующие графемной системе, которые «сопровождают вербальную речь и служат выражению различных коннотаций» [Анисимова, 2003, с. 6—7].

Специфическим средством креолизации интернет-мемов выступает эмоджи. Это универсальный язык идеограмм, призванный передавать эмоции и настроения автора читателю публикации. Предшественником эмоджи является эмотикон (от англ. “emotion” (чувство) +“icon” (знак)) [Hern, 2015]. Несомненно, эмоджи выражают более широкую гамму эмоций, жестов и предметов окружающей действительности по сравнению с его предшественниками, этим объясняется их активное использование. По мнению некоторых исследователей, эмотикон является предшественником интернет-мема [Kulkarni, 2017].

Цель исследования состоит в определении специфики семиотической организации интернет-мемов, обусловленной их функционированием в профессиональном сообществе юристов в социальных сетях.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Основными методами исследования являются семиотический и лингвистический анализ.

Как справедливо замечает Е. Е. Анисимова, «изображения и слова в поликодовом сообщении не являются суммой семиотических знаков, их значения интегрируются и образуют сложно построенный смысл» [Анисимова, 2003, с. 11]. В зависимости от подходов и методов в фокусе оказываются разные аспекты анализа креолизованных текстов. Наиболее разработанные их типологизации в отечественной лингвистике предложены О. В. Пойминовой и Е. Е. Анисимовой. Так, О. В. Пойманова дифференциирует тексты ***по гетерогенности*** (нулевая степень, ненулевая степень); ***по характеру иконического компонента***: статичный; двухмерный; трехмерный; ***по характеру вербального компонента***: устный, включающий: а) живую речь и б) запись этой речи с помощью специальных технических средств; письменный, представленный: а) рукописным и б) печатным вариантами, последний в свою очередь может быть статичным или динамичным, например, бегущая строка в рекламном тексте; включающий знаки

CC BY

одного естественного языка, включающий знаки нескольких естественных языков; ***по соотношению объема информации, переданной различными знаками***, и ***по роли изображения***: репетиционные; аддитивные; выделительные; оппозитивные; интегративные; изобразительно-центрические; ***по характеру связей*****,** объединяющих вербальный и изобразительный компоненты: эксплицитно выраженные; эксплицитно невыраженные [Пойманова, 1997]. В то же время Е. Е. Анисимовой выделяются: ***гомогенные вербальные тексты (нулевая креолизация), паралингвистически активные тексты, тексты с частичной креолизацией, тексты с полной креолизацией***. В текстах с нулевой креолизацией невербальный компонент не принимает участия и не имеет значения для организации текста [Анисимова, 2003, с. 15]. Е. А. Добросклонская обратила внимание на принципы сочетания семиотически разных компонентов в медиатексте. Исследователь относит к наиболее значимым способам сочетания вербальной и медийной части иллюстрацию, дополнение, коннотацию, ассоциацию и контраст [Добросклонская, 2020, с. 31].

Рассмотренные принципы были разработаны для анализа печатных креолизованных текстов, поэтому, несмотря на их полноту и применимость к широкому кругу текстов, они должны быть адаптированы для анализа интернет-мема. С. В. Канашина предлагает критерии типологизации креолизованных текстов применительно к материалу интернет-мемов: по тематическому признаку, по организации и типу материала, по прагматике воздействия, по содержанию и форме текста, по количеству кодов в интернет-меме, по жанровому своеобразию, по типу речи сопроводительной надписи [Канашина, 2016].

В настоящем исследовании мы руководствуемся всеми вышеперечисленными принципами анализа, но поскольку представленные типологии анализа не учитывают специфики интернет-мема как разновидности поликодового текста, обусловленного особенностью профессионального сообщества юристов, они были адаптированы в соответствии с материалом и целями исследования.

Материалом послужил корпус интернет-мемов профессиональных групп юристов и адвокатов. Были отобраны интернет-мемы, функционирующие в юридических сообществах, группах, индивидуальных профилях юристов в социальных сетях, а именно: в профессиональных группах соцсети «Вконтакте»: Юристы и Адвокаты | Юридическая помощь (369 262 участника), Юристы отдыхают (5 291 участник), Сообщество юристов и адвокатов (69 350 участников), ТВОЕ ПРАВО | ФИНАНСОВОЕ РЕШЕНИЕ (359 участников), НЕТИПИЧНЫЙ ЮРИСТ (Юристы тоже шутят) (276 участников); личных профилях юристов, адвокатов и юриди-

CC BY

ческих фирм (legal Group SPb, Николай Суховой, Olga Begeulova; в профессиональных сообществах соцсети «Одноклассники»: Юристы шутят (42 участника), Злые юристы (70 000 участников), ЮРИСТЫ юридическая консультация (14 000 участников), Юристы. Работа и юмор (14 000 участников), Юристы в законе (8 000 участников), Юргород.RU — юристы, адвокаты, консультация (82 000 участников); в личных профилях юристов и адвокатов (Денис Шашкин, Дементий Подольский). Объем выборки составил около 370 единиц.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Анализ поликодовых текстов интернет-мемов профессионального сообщества юристов произведен на основании следующих параметров: ***по количеству задействованных семиотических компонентов, по характеру средств креолизации; по композиции визуальных компонентов, по значимости компонентов, по степени корреляции компонентов, по способу корреляции компонентов.***

3.1. Количество задействованных семиотических компонентов как критерий описания интернет-мемов

Количественно в выборке преобладают монокодовые тексты, к которым относятся интернет-мемы, включающие только вербальный компонент (всего 260 мемов).

110 интернет-мемов из выборки представлено дикодовым текстом. Поликодовые интернет-мемы, созданные с использованием более двух кодов, представляют собой новое явление, они представлены короткими видео Reals и включают видео-, аудио- и вербальный компонент. Для исследуемого профессионального сообщества юристов данная разновидность мемов является новой, в общей сложности нами было выявлено 40 мемов.

3.2. Характер средств креолизации как критерий описания интернет-мемов

В интернет-мемах профессионального сообщества юристов представлены почти все типы текстов, классифицируемые по характеру семиотических компонентов, выступающих средствами креолизации. Мы различаем парафемные средства и средства иконического языка.

3.2.1. Интернет-мемы, средством креолизации которых являются парафемные средства

Парафемные средства широко представлены в интернет-мемах профессионального сообщества юристов и включают следующее: использование цветового фона, прописных букв при написании слов, использование графических эматиконов, графическое расположение текста, цвет шрифта, размер шрифта, сопоставление прописных и строчных букв. При выборе

CC BY

фона предпочтение отдается ярким цветам (жёлтому, оранжевому, красному), функция которых состоит в привлечении внимания к вербальному компоненту. В ряде мемов присутствует темно-синий или черный фон, на котором вербальная часть представлена белым шрифтом; такое оформление способствуют концентрации внимания реципиента на вербальном компоненте в силу того, что вызывает ассоциации со школьной доской. В большинстве интернет-мемов параграфемные средства не несут основной смыслообразующей функции и выступают дополняющими смысл средствами. Данная разновидность представлена в выборке 140 интернет-мемами.

На (рис. 2) представлен интернет-мем, средством креолизации которого выступают параграфемные средства. Представленная разновидность создается по заданному шаблону, как правило, текстовый компонент расположен в центре цветного квадрата, а в качестве параграфемных средств используется желтый цвет, привлекающий внимание, и двойной эмотикон в конце реплики, указывающий на ироничность высказывания.

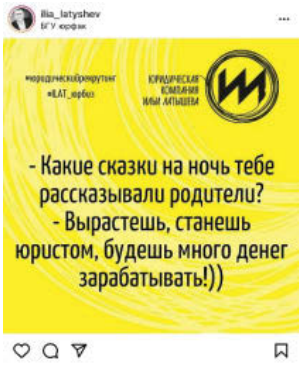


Рис. 2. Параграфемные средства в интернет-меме

3.2.2. Интернет-мемы, средством креолизации которых является изображение

Визуальные компоненты представлены в 175 интернет-мемах профессионального сообщества юристов. Они неоднородны по своей природе и характеризуются небольшим разнообразием изображений:

а) логотип (рис. 3);

б) идеограмма и пиктограмма (рис. 4);

в) фотографии людей, в том числе известных персонажей (рис. 5);

г) фотографии животных (рис. 6);

д) рисунок (рис. 7);

е) известные шедевры живописи (рис. 8);

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Рис. 3. Логотип в интернет-меме

ё) кадры из кинофильмов (рис. 9);
ж) советский плакат (рис. 10);
з) кадры из мультфильмов (рис. 11).

Рис. 4. Идеограмма в интернет-меме

Рис. 5. Фотография известной персоны в интернет-меме

Рис. 6. Фотография животного в интернет-меме

Рис. 7. Рисунок в интернет-меме

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

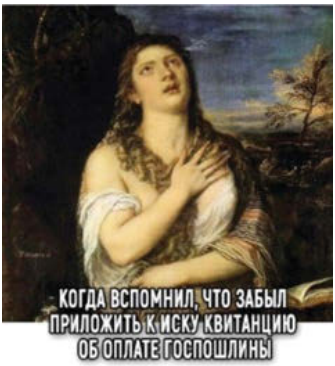


Рис. 8. Шедевры живописи в интернет-меме

Рис. 9. Кадры из кинофильмов в интернет-меме

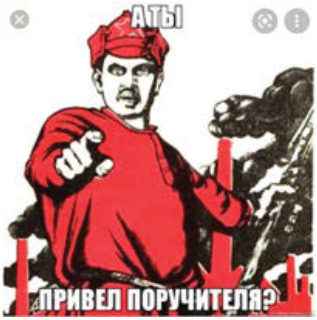


Рис. 10. Плакат в интернет-меме

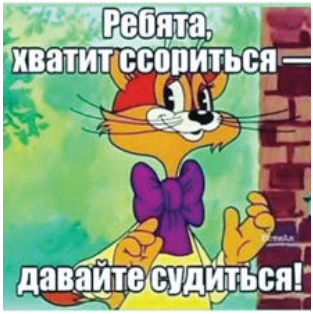


Рис. 11. Кадры из мультфильмов в интернет-меме

Выбор изображений свидетельствует о причастности авторов мемов к широкому культурному контексту, о чем свидетельствует использование прецедентных изображений.

Интернет-мемы, средством креолизации которых выступает изображение, могут включать серийные изображения, получившие большое распространение в интернет-среде, но в профессиональном сообществе юристов таких интернет-мемов крайне мало. Примером является мем, построенный по шаблонному изображению «Упоротый лис» (рис. 13—14), см. о нем подробнее в [Изгаршева, 2020, с. 97].

Существование серийных мемов, с одной стороны, свидетельствует об открытости коммуникативных областей, в том числе профессиональных, с другой — незначительное количество таких мемов свидетельствует в пользу общей тенденции авторов профессионального сообщества юристов к креативному подходу в создании мемов и стремлению к эксклюзивности.

CC BY

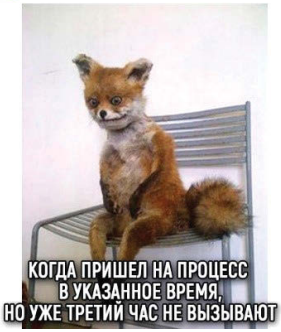


Рис. 13. Вариация мема «Упоротый лис»

Рис. 14. Вариация мема «Упоротый лис»

3.2.3. Интернет-мемы, средством креолизации которых является видео

Для исследуемого профессионального сообщества юристов данная разновидность мемов является новой, в общей сложности было выявлено около 40 мемов, и их число ежедневно увеличивается. Видео длится несколько секунд и представляет собой какую-либо необычную или забавную ситуацию, как правило, из жизни животных: бегущая собака, кусающая саму себя за заднюю лапу; кот, случайно запрыгнувший в ванну с водой и в панике выскакивающий обратно (рис. 15); горилла, готовящаяся к прыжку; коты, готовые к схватке; странный персонаж, переходящий улицу; при этом сопровождающий вербальный компонент описывает исключительно обыденные профессиональные ситуации, с которыми сталкиваются юристы.

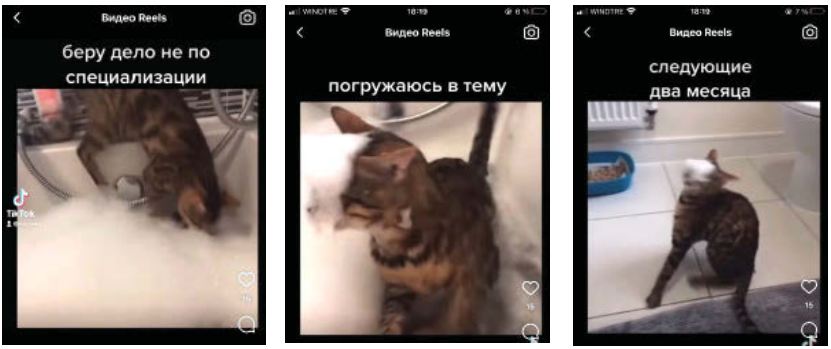


Рис. 15. Видеомем

CC BY

3.3. Композиция изображений как критерий описания интернет-мемов

3.3.1. Интернет-мемы, включающие одно изображение, сопровождаемое сопутствующим вербальным компонентом (рис. 5, 7, 8, 10, 11).

3.3.2. Интернет-мемы, включающие несколько связанных между собой изображений, от двух и более, которые могут находиться между собой в разных отношениях: а) противопоставление двух и более изображений (рис. 16); б) последовательность изображений (комикс) (рис. 17).

Рис. 16. Противопоставление двух изображений в составе мема

Рис. 17. Последовательность изображений в составе мема

3.4. Значимость компонентов как критерий описания интернет-мемов

Смыслообразующим может быть как вербальный, так и визуальный компонент (рис. 18—19) На (рис. 18) основу составляет вербальный компонент, в то время как визуальный выступает рамкой и участвует в формальной организации высказывания. В сообществе юристов количественно превалируют интернет-мемы, в которых главным является вербальный компонент. Такое оформление является шаблонным не только в пределах профессионального сообщества юристов, но и в более широком контексте интернет-коммуникации. Особенность таких интернет-мемов состоит в том, что визуальный компонент создан по шаблону и активно используется в других дискурсах, при этом вербальная часть может быть пол-

CC BY

ностью заменена. На (рис. 19), наоборот, основу составляет визуальный компонент, а вербальный представляет собой дополняющий смысл комментарий.

Рис. 18. Вербальный компонент в составе мема как смыслообразующий

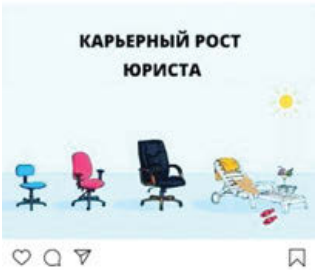


Рис. 19. Визуальный компонент в составе мема как смыслообразующий

3.5. Степень корреляции компонентов как критерий описания интернет-мемов

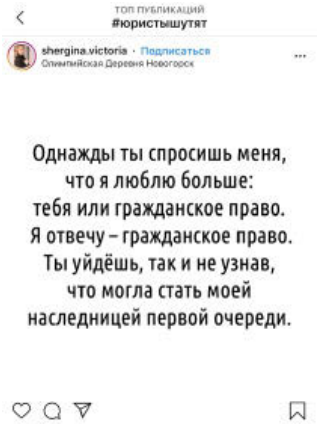


Рис. 20. Клишированный оборот в составе мема

3.5.1. Вербальные интернет-мемы относятся к текстам с «нулевой корреляцией», но не все исследователи разделяют идею использования данного термина [Анисимова, 2003], в качестве альтернативного варианта предлагается термин «слабая корреляция», поскольку «в современном мире не приходится говорить о “чистых текстах”»: «важнейшей характеристикой любого письменного текста (а текст креолизованный, как правило,

CC BY

письменный) являются размер и гарнитура шрифта, цвет, использование пунктуационных и нередко математических знаков, а также других паралингвистических средств» [Ворошилова, 2006, с. 77]. Вербальные интернет-мемы в сообществе юристов количественно превосходят другие типы, разнообразны по форме и объему, могут содержать фразу, риторический вопрос, вопрос-ответ, диалог, развернутое повествование. По характеру речи вербальные компоненты представляют собой повествование, описание, рассуждение. Многие начинаются клишированными оборотами, широко представленными во всех разновидностях интернет-коммуникации (рис. 20), такими как: *Ты можешь быть бесконечно прав...; Однажды ты спросишь / Ты спросишь, что я люблю больше...; А может быть...; Когда... / Тот самый случай* и другие.

Выбор лексики варьируется от юридической терминологии до разговорной и просторечной лексики, в единичных случаях используется воровской, мамский жаргон в пародийной функции. Следует отметить, что нами не были обнаружены случаи использования молодежного сленга и инвективной лексики, характерные для интернет-жаргона в целом.

3.5.2. Паралингвистически активные интернет-мемы

Вербальный интернет-мем может быть представлен различными видами графического оформления. На (рис. 21) представлен пример паралингвистически активных текстов, в которых «паралингвистические средства приобретают особую значимость, так как участвуют в формировании как плана их выражения, так и плана их содержания» [Анисимова, 2003, с. 8].

Рис. 21. Паралингвистически активный текст

В креолизованном меме на (рис. 21) графическое оформление играет типологическую роль и вносит дополнительные семантические оттенки. Субъектом является «тыжюрист» [Хустенко, 2021], он представлен эксплицитно: слово *тыжюрист* занимает центральную позицию, выделено красным цветом и набрано прописными буквами. Высказывания собесед-

CC BY

ников — обобщенных членов общества расположены вокруг в виде рамки, а разные цвета шрифта высказываний соответствуют разным собеседникам, каждый из которых является обобщенным членом общества. Совокупность высказываний, оформленных графически с помощью паграфемных средств, таких как цвет шрифта, размер шрифта, сопоставление прописных и строчных букв, создает эффект полифонии.

3.5.3. Мемы с частичной креолизацией

В текстах с частичной креолизацией вербальная часть относительно автономна, независима от изображения, между вербальными и изобразительными компонентами складываются автосемантические отношения. Как правило, изобразительный компонент в данном случае сопровождает вербальную часть и является факультативным элементом в организации текста [Анисимова, 2003, с. 15]. Такой тип корреляции характерен для нескольких разновидностей интернет-мемов профессионального сообщества юристов. На (рис. 18) представлен мем-открытка, созданный по заданному шаблону. Изображения представлены ограниченным кругом рисунков, например, женщина, двое беседующих сидящих или идущих мужчин и т. д., которые могут быть выбраны автором мема в соответствии с его вкусом. Изображение не играет смыслообразующей роли, служит эстетическим целям и связано с жанровыми особенностями данной разновидности интернет-мема, может быть легко заменено другим. Распространенность указанного типа интернет-мемов свидетельствует о главенстве вербального компонента.

3.5.4. Мемы с полной креолизацией

В текстах с полной креолизацией вербальный компонент зависит от изобразительного, а между компонентами устанавливаются синсемантические отношения. Вербальная часть в данном случае ориентирована на изображение или отсылает к нему, а изображение выступает в качестве облигаторного элемента текста [Анисимова, 2003, с. 15]. Вербальный и медийные компоненты образуют сложное семантическое целое, в котором каждый из компонентов выражает значение, и они не просто суммируются, а сочетаются на основе концептуальной интеграции (рис. 3, 5, 8, 9, 10, 11) и оппозиции (рис. 6, 7).

3.6. Способ корреляции компонентов как критерий описания интернет-мемов

3.6.1. ***Иллюстрация*** (рис. 22) — это способ корреляции, в котором оба компонента сохраняют свою автономность, а функция изображения состоит в том, чтобы проиллюстрировать то, что выражено вербальной частью высказывания. Изображение факультивно, может быть заменено другим и не создает дополнительных смыслов.

CC BY

Рис. 22. Иллюстрация как способ корреляции компонентов мема

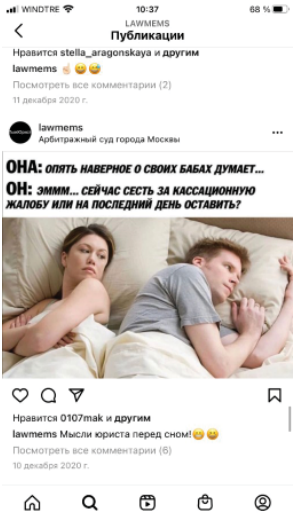


Рис. 23. Дополнение как способ корреляции компонентов мема

3.6.2. При ***дополнении*** (рис. 23) роль вербального и визуального компонентов неравнозначна. Компоненты находятся в подчинительных отношениях, как правило, вербальный является главным, а визуальный — сопутствующим. На (рис. 23) представлена вербальная часть, представляющая собой композиционно и семантически целостное единство, в то время как визуальный компонент поясняет вербальную составляющую, внося дополнительные смыслы о коммуникативном контексте: ситуации, месте, участниках, их статусе, общей атмосфере и эмоциональном состоянии.

3.6.3. При ***выделении*** (рис. 24) изображение и вербальная составляющая коррелируют таким образом, что изображение воспроизводит не всю

CC BY

вербальную часть, а какой-либо фрагмент, который таким образом оказывается в фокусе внимания адресата. Такой тип корреляции осуществляется по типу метанимического переноса, когда изображение части дает нам возможность соотнести ее с целым.

Рис. 24. Выделение как способ корреляции компонентов мема

3.6.4. При ***сочетании*** вербальный и визуальный компоненты формируют единое целое при равнозначном участии в образовании смысла интернет-мема (рис. 3, 5, 8, 9, 10, 11).

3.6.5. ***Усиление*** основано на связи вербального и визуального компонента, при которой второй не просто дублирует ситуацию, представленную первым, а усиливает какой-либо аспект. На (рис. 25) вербальный компонент построен по типу метафорического переноса: юридическое профессиональное действие «взыскание расходов» передается через физическое восприятие. С целью формирования нужного значения задействована фразеологическая буквализация. Интернет-мем изображает турецкого повара Нусрет Гокче,

Рис. 25. Усиление как способ корреляции компонентов мема

CC BY

посыпающего солью собственный кулинарный шедевр. Связь визуального и вербального компонентов основана на общности жеста *сыпать соль*, изображение усиливает эффект воздействия части за счет намеренной эстетизации процесса, выраженного вербальным компонентом.

3.6.6. ***Аналогия*** основана на метафорическом переносе и осмыслении явления, выраженного вербальным компонентом в терминах другой концептуальной области, выраженной визуальным компонентом. На (рис. 19) карьерный рост осмысляется в терминах увеличесния комфорта, связанного с материальным благосостоянием.

3.6.7. ***Коннотация*** является разновидностью, в которой визуальный компонент представлен аллюзией на какую-либо специфическую культурную, литературную или историческую реалию, богатую коннотативными значениями, и коррелирует со значением, выраженным вербальным компонентом. На (рис. 3) с помощью коннотации визуального компонента логотипа «*Макдональдс»* выражены эмоциональные и оценочные оттенки, выражающие отношение носителя русской культуры к явлению. Коннотативным значением *«Макдональдс»* является «низкооплачиваемый и тяжелый труд».

3.6.8. ***Ассоциация*** устанавливается на основе общности какого-либо элемента, представленного вербальным и иконическим элементом, например, общность ситуации, эмоционального фона, интенции, характеристик персонажа и т. д. На (рис. 10) в качестве исконного изображения выбран общеизвестный большевистский агитационный плакат, созданный художником Дмитрием Моором в 1920 году, надпись на котором гласит: *«Ты записался добровольцем?»* На нем изображен красноармеец, призывающий записаться добровольцем в Красную Армию. В интернет-меме замещена вербальная часть на призыв *привести поручителя*, а ассоциативная связь построена на общности интенции — призыва реципиента к действию. Культурно-исторический контекст, активизируемый плакатом, обеспечивает сильное эмоционально-экспрессивное воздействие на адресата.

3.6.9. ***Контраст*** основан на противопоставлении значений вербального компонента и изображения. На (рис. 7) вербальный компонент выражает удовлетворённость профессией и бодрость говорящего субъекта, в то время как визуальный представлен изображением изможденного человека. Представленная разновидность сочетания вербального и визуального компонентов отличается высокой степенью экспрессивности.

3.6.10. ***Противопоставление*** реализуется в интернет-мемах, имеющих бинарную композицию. Противопоставляются два изображения, каждому из которых соответствует вербальный комментарий. На (рис. 16) изображен американский актер Кристофер Уокен в молодости и в преклонном возрасте. Основанием для противопоставления является внешний вид

CC BY

актера, утратившего молодость, который сопоставляется с внешностью начинающего юриста и юриста, проработавшего год.

4. Заключение = Conclusions

Анализ корпуса интернет-мемов сообщества юристов дал представление о том, что количественно превалируют собственно текстовые мемы, а также креолизованные мемы, в которых ведущую роль играет текстовый компонент. Данное наблюдение, на наш взгляд, связано с частичным проецированием дискурсивных практик юридического институционального дискурса, а именно превалированием письменной речи над устной и ведущей ролью языка. В целом выбор лексики варьируется от юридической терминологии и нейтральной лексики до разговорной, в единичных случаях используется воровской жаргон в пародийной и игровой функции, что подтверждает факт высоких языковых стандартов, которых придерживаются участники профессиональной коммуникации.

Изображения в интернет-мемах имеют высокий художественный и общекультурный потенциал, чаще всего изображения прецедентны и обращены к сюжетам живописи, классическим российским и зарубежным художественным фильмам, деятелям политики и культуры, актерам, что свидетельствует о высоком уровне общей культуры авторов инетрнет-мемов и реципиентов, которым они адресованы. Были выявлены отдельные случаи использования шаблонных и серийных интернет-мемов, распространенных в интернет-коммуникации, что, на наш взгляд, с одной стороны, свидетельствует о проницаемости профессионального сообщества юристов, а с другой — подтверждает тенденцию к созданию уникальных мемов и общую устремленность к интеллектуальной игре. Анализ интернет-мемов должен учитывать семиологическую природу компонентов и производится с учетом способа их корреляции и выражения скриптов. Установлено, что вербальный и визуальный компоненты интернет-мемов сообщества юристов обладают большими корреляционными возможностями. Семиотический анализ интернет-мемов дал представление о том, что профессиональное сообщество юристов существенно влияет на все параметры описания функционирующих в нем интернет-мемов, что позволяет сделать предположение о существовании специфической неофициальной дискурсивной области соответствующего профессионального дискурса.

Источники и принятые сокращения

1. *BBC* [Electronic resource]. — Access mode : https://www.bbc.com/russian/features-43812968 (accessed 16.02.2022).

2. *Emojiworld* [Electronic resource]. — Access mode : https://www.emojiworld.ru (accessed 16.02.2022).

CC BY

3. *Hern A.* Don't know the difference between emoji and emoticons? Let me explain, The Guardian [Electronic resource]. — Access mode : https://www.theguardian.com/technology/2015/feb/06/difference-between-emoji-and-emoticons-explained (accessed 16.02.2022).

4. *Massime dal passato* [Electronic resource]. — Access mode : https://massimedalpassato.it/abbiamo-trovato-il-primo-meme-giuridico-e-del-1922/ (accessed 16.02.2022).

Литература

1. *Анисимова Е. Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) : Учебное пособие для студентов факультета иностранных языков / Е. Е. Анисимова. — Москва : Academia, 2003. — 122 с. — ISBN 5-7695-0961-9.

2. *Ворошилова М. Б.* Креолизованный текст : аспекты изучения / М. Б. Ворошилова // Политическая лингвистика. — 2006. — Выпуск 20. — С. 180—189.

3. *Голованова Е. И.* Стереотипы профессионального сознания через призму комического / Е. И. Голованова // Челябинский гуманитарий. — 2014. — № 1 (26). — С. 16—21.

4. *Горобцова И. В.* Речевой жанр интернет-мема в современном англоязычном сетевом пространстве / И. В. Горобцова, Н. Ю. Киселёва // Современные тренды развития социогуманитарного знания : сборник. — 2014. — С. 140—151.

5. *Горошко Е. И.* Интернет-жанр и функционирование языка в Интернете : попытка рефлексии / Е. И. Горошко // Жанры речи. — Саратов : Наука. — Выпуск 6. Жанр и язык, 2009. — С. 11—27.

6. *Добросклонская Т. Г.* Медиалингвистика : теория, методы, направления : монография / Т. Г. Добросклонская. — Москва : Добросвет, 2020. — 178 с. — ISBN 978-5-7913-1128-3.

7. *Изгаршева А. В.* Интернет-мем как медиатекст : лингвистический аспект / А. В. Изгаршева // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Лингвистика. — 2020. — № 5. — С. 86—101. — DOI: 10.18384/2310-712X-2020-5-86-101.

8. *Канашина С. В.* Интернет-мем как новый вид полимодального дискурса в интернет-коммуникации (на материале английского языка) : диссертация … кандидата филологических наук : 10.02.04 / С. В. Канашина. — Москва, 2016. — 265 с.

9. *Канашина С. В.* Интернет-мем и прецедентный феномен / С. В. Канашина // Вестник ТГПУ. — 2018. — № 4 (193). — С. 122—127. — DOI: 10.23951/1609-624X-2018-4-122-127.

10. *Канашина С. В.* Интернет-мем как медиатекст / С. В. Канашина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Филология. Журналистика. — 2019. — Т. 19. — Выпуск 1. — С. 107—112. — DOI: 10.18500/1817-7115-2019-19-1-107-112.

11. *Карасик В. И.* Языковой круг : личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик // Государственный педагогический университет ; Н.-и. лаб. «Аксиологическая лингвистика». — Волгоград : Перемена, 2002. — 476 с. — ISBN 5-88234-552-2.

12. *Костомаров В. Г.* Наш язык в действии : Очерки современной русской стилистики / В. Г. Костомаров. — Москва : Гардарики, 2005. — 287 с. — ISBN 5-8297-0220-7.

13. *Левченко М. Н.* Креолизованный текст в системе «Интернет» / М. Н. Левченко, А. В. Изгаршева // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). — 2018. — № 4. — С. 200—216. — DOI: 10.18384/2224-0209-2018-4-919.

14. *Марченко Н. Г.* Интернет-мем как хранилище культурных кодов сетевого сообщества / Н. Г. Марченко // Казанская наука. — 2013. — № 1. — С. 113—115.

15. *Мигранова Л. Ш.* Интернет-мем как особое средство коммуникации / Л. Ш. Мигранова, Е. И. Кромина // Вопросы современной филологии и проблемы методики обучения языкам. Материалы третьей международной научно-практической конференции. — 2015. — С. 239—243.

16. *Пойманова О. В.* Семантическое пространство видеовербального текста : автореферат диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / О. В. Пойманова. — Москва, 1997. — 237 с.

18. *Сонин А. Г.* Экспериментальное исследование поликодовых текстов : основные направления / А. Г. Сонин // Вопросы языкознания. — 2005. — № 6. — С. 115—123.

19. *Сорокин Ю. А.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. — Москва : Высшая школа, 1990. — С. 180—186.

20. *Хустенко А. А.* Идеализированный субъект юридического неофициального дискурса. Категория «тыжюрист» в аспекте профессиональной идентификации / А. А. Хустенко // СЕРВИС plus. — 2021. — Т. 15. — № 2. — С. 97—103.

21. *Часовский Н. В.* Интернет-мем как особый жанр коммуникации / Н. В. Часовский // Учёные записки ЗабГУ : Филология, история, востоковедение. — 2015. — № 2 (61). — С. 124—127.

22. *Чигаев Д. П.* Способы креолизации современного рекламного текста : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Д. П. Чигаев. — Москва, 2010. — 223 с.

23. *Щурина Ю. В.* Интернет-мемы как феномен интернет-коммуникации / Ю. В. Щурина // Филология. — 2012. — № 3. — С. 161—172.

24. *Bauckhage C.* Insights into internet memes / C. Bauckhage // In Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media. — 2011. — Vol. 5. — № 1. — Pp. 42—49.

25. *Börzsei L. K.* Makes a meme instead : A concise history of internet memes / L. K. Börzsei // New Media Studies Magazine. — 2013. — № 7. — Pp. 1—28.

26. *Dancygier B.* Internet memes as multimodal constructions / B. Dancygier, L. Vandelanotte // Cognitive Linguistics. — 2017. — № 28 (3). — Pp. 565—598. — DOI: 10.1515/cog-2017-0074.

27. *Kulkarni A.* Internet meme and Political Discourse : A study on the impact of internet meme as a tool in communicating political satire / A. Kulkarni // Journal of Content, Community & Communication Amity School of Communication. — 2017. — Vol. 6. — № 3. — Pp. 13—17. — DOI: 10.2139/ssrn.3501366.

28. *Laineste P.* Laughing across borders : Intertextuality of Internet memes / P. Laineste, P. Voolaid // The European Journal of Humour Research. — 2017. — Vol. 4 (4). — Pp. 26—49. — DOI: 10.7592/EJHR2016.4.4.laineste.

29. *Lolli A.* La guerra dei meme / A. Lolli. — Effequ, 2017. — 186 p.

30. *Lou A.* Multimodal simile : The “when” meme in social media discourse / A. Lou // English Text Construction. — 2017. — Vol. 10 (1). — Pp. 106—131. — DOI: 10.1075/etc.10.1.06lou.

31. *Milner R. M.* FCJ-156 Hacking the social : Internet memes, identity antagonism, and the logic of lulz / R. M. Milner // The FibreCulture Journal. — 2013a. — Vol. 22. — Pp. 62—92.

32. *Milner R. M.* Pop polyvocality : Internet memes, public participation, and the occupy Wall Street movement / R. M. Milner // International Journal of Communication. — 2013 б. — № 7. — Pp. 2357—2390.

33. *Piata A.* Stylistic humor across modalities : The case of classical art memes / A. Piata // Internet Pragmatics. — 2020. — Vol. 3 (2). — Pp. 174—201. — DOI: https://doi.org/10.1075/ip.00031.pia.

34. *Segev E.* Families and networks of Internet memes : The relationship between cohesiveness, uniqueness, and quiddity concreteness / E. Segev, A. Nissenbaum, N. Stolero, L. Shifman // Journal of Computer-Mediated Communication. — 2015. — Vol. 20 (4). — Pp. 417—433.

35. *Shifman L.* Memes in digital culture / L. Shifman. — Massachusets : MIT Press, 2013. — 216 p.

36. *Shifman L.* The cultural logic of photo-based meme genres / L. Shifman // Journal of Visual Culture. — 2014. — Vol. 13 (3). — Pp. 340—358.

37. *Yus F.* Multimodality in memes : A cyberpragmatic approach / F. Yus // Analysing digital discourse : New insights and future discourse. — Cham, Switzerland : Palgrave Macmillan, 2019. — Pp. 105—131.

38. *Varis P.* Conviviality and collectives on social media : Virality, memes, and new social structures / P. Varis, J. Blommaert // Multilingual Margins. — 2014. — Vol. 2 (1). — Pp. 31—45.

39. *Wiggins B. E.* Memes as genre : A structurational analysis of the memescape / B. E. Wiggins, G. B. Bowers // New Media & Society. — 2015. — Vol. 17 (11). — Pp. 1886—1906.

Material resources

BBC. Available at: https://www.bbc.com/russian/features-43812968 (accessed 16.02.2022).

Emojiworld. Available at: https://www.emojiworld.ru (accessed 16.02.2022).

Hern, A. *Don't know the difference between emoji and emoticons? Let me explain, The Guardian.* Available at: https://www.theguardian.com/technology/2015/feb/06/difference-between-emoji-and-emoticons-explained (accessed 16.02.2022).

Massime dal passato. Available at: https://massimedalpassato.it/abbiamo-trovato-il-primo-meme-giuridico-e-del-1922/ (accessed 16.02.2022). (In Ital.).

References

Anisimova, E. E. (2003). *Linguistics of text and intercultural communication (based on the material of creolized texts): A textbook for students of the Faculty of Foreign Languages.* Moscow: Academia. 122 p. ISBN 5-7695-0961-9. (In Russ.).

Bauckhage, C. (2011). Insights into internet memes. In: *Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media, 5 (1):* 42—49.

Börzsei, L. K. (2013). Makes a meme instead: A concise history of internet memes. *New Media Studies Magazine, 7:* 1—28.

Chasovsky, N. V. (2015). Internet meme as a special genre of communication. *Scientific notes of ZabGU: Philology, history, Oriental studies, 2 (61):* 124—127. (In Russ.).

Chigaev, D. P. (2010). *Methods of creolization of modern advertising text.* PhD Diss. Moscow. 223 p. (In Russ.).

Dancygier, B., Vandelanotte, L. (2017). Internet memes as multimodal constructions. *Cognitive Linguistics, 28 (3):* 565—598. DOI: 10.1515/cog-2017-0074.

Dobrosklonskaya, T. G. (2020). *Media Linguistics: theory, methods, directions: monograph.* Moscow: Dobrosvet. 178 p. ISBN 978-5-7913-1128-3. (In Russ.).

Golovanova, E. I. (2014). Stereotypes of professional consciousness through the prism of the comic. *Chelyabinsk Humanities, 1 (26):* 16—21. (In Russ.).

Gorobtsova, I. V., Kiseleva, N. Y. (2014). The speech genre of the Internet meme in the modern English-speaking network space. In: *Modern trends in the development of socio—humanitarian knowledge: collection.* 140—151. (In Russ.).

Goroshko, E. I. (2009). Internet genre and functioning of language on the Internet: an attempt at reflection. In: *Genres of speech, 6. Genre and language*. Saratov: Nauka. 11—27. (In Russ.).

Izgarsheva, A. V. (2020). Internet meme as a media text: linguistic aspect. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics, 5:* 86—101. DOI: 10.18384/2310-712X-2020-5-86-101. (In Russ.).

Kanashina, S. V. (2016). *Internet meme as a new type of polymodal discourse in Internet communication (based on the material of the English language)*. PhD Diss. Moscow. 265 p. (In Russ.).

Kanashina, S. V. (2018). Internet meme and precedent phenomenon. *Bulletin of TSPU, 4 (193):* 122—127. DOI: 10.23951/1609-624X-2018-4-122-127. (In Russ.).

Kanashina, S. V. (2019). Internet meme as a media text. *News of Saratov University. A new series. Philology. Journalism, 19 (1):* 107—112. DOI: 10.18500/1817-7115-2019-19-1-107-112. (In Russ.).

Karasik, V. I. (2002*). Language circle: personality, concepts, discourse*. *State Pedagogical University; N.-I. lab. "Axiological linguistics"*. Volgograd: Peremena. 476 p. ISBN 5-88234-552-2. (In Russ.).

Khustenko, A. A. (2021). An idealized subject of legal informal discourse. Category "tyzhyurist" in the aspect of professional identification. *SERVICE plus, 15 (2):* 97—103. (In Russ.).

Kostomarov, V. G. (2005). *Our language in action: Essays of modern Russian stylistics.* Moscow: Gardariki. 287 p. ISBN 5-8297-0220-7. (In Russ.).

Kulkarni, A. (2017). Internet meme and Political Discourse: A study on the impact of internet meme as a tool in communicating political satire. *Journal of Content, Community & Communication Amity School of Communication, 6 (3):* 13—17. DOI: 10.2139/ssrn.3501366.

Laineste, P., Voolaid, P. (2017). Laughing across borders: Intertextuality of Internet memes. *The European Journal of Humour Research, 4 (4):* 26—49. DOI: 10.7592/EJHR2016.4.4.laineste.

Levchenko, M. N., Izgarsheva, A. V. (2018). Creolized text in the Internet system. *Bulletin of the Moscow State Regional University (electronic journal), 4:* 200—216. DOI: 10.18384/2224-0209-2018-4-919. (In Russ.).

Lolli, A. (2017). *La guerra dei meme. Effequ.* 186 p. (In Ital.).

Lou, A. (2017). Multimodal simile: The "when" meme in social media discourse. *English Text Construction, 10 (1):* 106—131. DOI: 10.1075/etc.10.1.06lou.

Marchenko, N. G. (2013). Internet meme as a repository of cultural codes of the network community. *Kazan Science, 1:* 113—115. (In Russ.).

Migranova, L. Sh., Kromina, E. I. (2015). Internet meme as a special means of communication. In: *Questions of modern philology and problems of methods of teaching languages. Materials of the third international scientific and practical conference.* 239—243. (In Russ.).

Milner, R. M. (2013a). FCJ-156 Hacking the social: Internet memes, identity antagonism, and the logic of lulz. *The FibreCulture Journal, 22:* 62—92.

Milner, R. M. (2013б). Pop polyvocality: Internet memes, public participation, and the occupy Wall Street movement. *International Journal of Communication, 7:* 2357—2390.

CC BY

Piata, A. (2020). Stylistic humor across modalities: The case of classical art memes. *Internet Pragmatics, 3 (2):* 174—201. DOI: https://doi.org/10.1075/ip.00031.pia.

Poymanova, O. V. (1997). *Semantic space of the video verbal text.* Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 237 p. (In Russ.).

Segev, E., Nissenbaum, A., Stolero, N., Shifman, L. (2015). Families and networks of Internet memes: The relationship between cohesiveness, uniqueness, and quiddity concreteness. *Journal of Computer-Mediated Communication, 20 (4):* 417—433.

Shchurina, Yu. V. (2012). Internet memes as a phenomenon of Internet communication. *Philology, 3:* 161—172. (In Russ.).

Shifman, L. (2013). *Memes in digital culture.* Massachusets: MIT Press. 216 p.

Shifman, L. (2014). The cultural logic of photo-based meme genres. *Journal of Visual Culture, 13 (3):* 340—358.

Sonin, A. G. (2005). Experimental study of polycode texts: main directions. *Questions of linguistics, 6:* 115—123. (In Russ.).

Sorokin, Yu. A., Tarasov, E. F. (1990). Creolized texts and their communicative function. In: *Optimization of speech impact.* Moscow: Higher School. 180—186. (In Russ.).

Varis, P., Blommaert, J. (2014). Conviviality and collectives on social media: Virality, memes, and new social structures. *Multilingual Margins, 2 (1):* 31—45.

Voroshilova, M. B. (2006). Creolized text: aspects of study. *Political Linguistics, 20:* 180—189. (In Russ.).

Wiggins, B. E., Bowers, G. B. (2015). Memes as genre: A structurational analysis of the memescape. *New Media & Society, 17 (11):* 1886—1906.

Yus, F. (2019). Multimodality in memes: A cyberpragmatic approach. In: *Analysing digital discourse: New insights and future discourse.* Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan. 105—131.

Статья поступила в редакцию 15.02.2022,
одобрена после рецензирования 02.05.2022,
подготовлена к публикации 11.05.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА
LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Елена Викторовна Хворостьянова, д-р филол. наук (Санкт-Петербург)
Елена Михайловна Шастина, д-р филол. наук (Елабуга)
Елизавета Алексеевна Власова, канд. филол. наук (Санкт-Петербург)
Иван Алексеевич Подюков, д-р филол. наук (Пермь)
Ольга Владимировна Богданова, д-р филол. наук (Санкт-Петербург)
Ольга Сергеевна Лалетина, канд. филол. наук (Санкт-Петербург)
Юлия Константиновна Казакова, канд. филол. наук (Елабуга)

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Богданова О. В. Ностальгический подтекст в «Осеннем крике ястреба» И. Бродского / О. В. Богданова, Е. А. Власова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 4. — С. 284—299. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-284-299.

Bogdanova, O. V., Vlasova, E. A. (2022). Nostalgic Overtones in "The Autumn Cry of the Hawk" by I. Brodsky. *Nauchnyi dialog, 11(4):* 284-299. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-284-299. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU EBSCOhost

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-284-299

Ностальгический подтекст в «Осеннем крике ястреба» И. Бродского

Богданова Ольга Владимировна
orcid.org/0000-0001-6007-7657
доктор филологических наук,
профессор
olgabogdanova03@mail.ru

Власова Елизавета Алексеевна
orcid.org/0000-0001-5781-7466
кандидат филологических наук
kealis@gmail.com

Российский государственный
педагогический университет
имени А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

Исследование выполнено
при поддержке гранта
Российского научного фонда
№ 22-28-01671
(Русская христианская
гуманитарная академия)

Nostalgic Overtones in "The Autumn Cry of the Hawk" by I. Brodsky

Olga V. Bogdanova
orcid.org/0000-0001-6007-7657
Doctor of Philology, Professor
olgabogdanova03@mail.ru

Elizaveta A. Vlasova
orcid.org/0000-0001-5781-7466
PhD in Philology
kealis@gmail.com

A. I. Herzen Russian State
Pedagogical University
(Saint Petersburg, Russia)

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number № 22-28-01671
(Russian Christian Academy
for the Humanities)

© Богданова О. В., Власова Е. А., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье предложен новый ракурс интерпретации стихотворения И. Бродского «Осенний крик ястреба» (1975). Если традиционно текст рассматривается как реализация темы «поэт и толпа», то в работе выделяются ностальгические мотивы «осеннего крика». Показано, что первые годы эмиграции формировали в сознании Бродского некие вехи, требовавшие «промежуточных» итогов, и год 1975-й, третий год эмиграции, актуализировал в сознании поэта мотивы «родного гнезда». Однако в отличие от привычных ракурсов тоски по родине мироощущение героя-птицы Бродского перерастает пределы ностальгического чувства, но обретает черты онтологического мифа о законах существования Вселенной. Мотивы судьбы индивида, свободы / несвободы личности заслоняют в тексте Бродского мотивы тоски по родине, однако последние не исчезают бесследно, но маркируются рядом «американских» и «русских» деталей, образов, словоформ. Множественность географических топонимов (Коннектикут, Новая Англия, Рио-Гранде), избыточность знаков «чужой» реальности (13 американских штатов, «английская» речь) позволяют эксплицировать незримый контраст «свое ↔ чужое», усиленный антитезами «верх / низ», «тепло / лед-холод», «Север / Юг». Отчетливая сюжетность стихотворения (полет ястреба к родным местам) оказывается важным смысловым антуражем, усиливающим глубину поэтического восприятия.

Ключевые слова:
И. А. Бродский; Осенний крик ястреба; интертекст; образная система; ностальгический подтекст.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article offers a new perspective of the interpretation of the poem by I. Brodsky “The Autumn cry of a hawk” (1975). If the text is traditionally considered as the realization of the theme “the poet and the crowd”, then the nostalgic motifs of “the autumn cry” are highlighted in the work. It is shown that the first years of emigration formed certain milestones in Brodsky’s mind that required “intermediate” results, and the year 1975, the third year of emigration, actualized the motives of the “native nest” in the poet’s mind. However, unlike the usual angles of homesickness, the worldview of the hero-bird Brodsky outgrows the limits of nostalgic feeling, but acquires the features of an ontological myth about the laws of the existence of the Universe. The motives of the individual’s fate, freedom / lack of freedom of the individual obscure the motives of homesickness in Brodsky’s text, but the latter do not disappear without a trace, but are marked with a number of “American” and “Russian” details, images, word forms. The multiplicity of geographical toponyms (Connecticut, New England, Rio Grande), the redundancy of signs of “alien” reality (13 American states, “English” speech) allow us to explicate the invisible contrast “your own and others’ ”, reinforced by the antitheses “up / down”, “heat / ice”, “North / South”. The distinct plot of the poem (the flight of a hawk to his native places) turns out to be an important semantic entourage that enhances the depth of poetic perception.

Key words:
I. Brodsky; The Autumn cry of a hawk; intertext; figurative system; nostalgic subtext.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 821.161.1Бродский.07

Ностальгический подтекст в «Осеннем крике ястреба» И. Бродского

© Богданова О. В., Власова Е. А., 2022

1. Введение = Introduction

Стихотворение Иосифа Бродского «Осенний крик ястреба» было написано в 1975 году, когда поэт уже три года находился в Америке, в эмиграции, в то время жил в Массачусетсе. Возникает вопрос: какие интертекстуальные пласты вбирала в себя поэзия Бродского на этом этапе, что составляло концептуальный подтекст его лирических произведений, на какие претексты опирался в своем творчестве поэт? К этим или сопоставимым с ними по смыслу вопросам уже многократно обращалась критика, о стихотворении «Осенний крик ястреба» написана обширная научно-критическая литература, многочисленная и разнообразная в том числе и потому, что стихотворение по праву считается одним из лучших поэтических творений Бродского. Неслучайно Я. Гордин признавался: «Очень люблю “Осенний крик ястреба”» [Гордин, 2010, с. 195]. С точки зрения критика и друга, «в “Осеннем крике ястреба” он <Бродский> скорбно завершил историю птицы-души, начатую двенадцать лет назад. Птица, взлетевшая в эмпирей, охватившая взглядом всю землю и погибшая от избытка высоты (то, что казалось “Выше Бога”, оказалось выше жизни), продолжение и финал птицы-души из “Большой элегии Джону Донну”» [Гордин, 2005, с. 53].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Говоря об «Осеннем крике ястреба», как правило, критика выдвигает на первый план тему поэта и поэзии, тему творчества, тему судьбы поэта. По мысли У. Уодсворта, по стихотворению «Осенний крик ястреба» «можно составить себе представление о видении Иосифом возвышенного: в вербальном полете поэт поднимается на такую высоту, где едва хватает воздуха, но оттуда вид — “горизонт” — так высок и широк, так божествен, как только возможно» [Уодсворт, 2006, с. 435]. Именно в этом поэтологическом контексте в основном и выявляются интертекстуальные пласты стихотворения «Осенний крик ястреба». Неслучайно суждение Л. Лосева о различных интертекстемах стихотворения Бродского связано преимущественно с этим аспектом: «“Осенний крик ястреба” обязан и мифу об Икаре, и оде Горация “К Меценату”, и “Царскосельскому лебедю” Жуковского, и, конечно, “Орлу” Гумилева, и даже, может быть, “Песне о Соколе” Горького» [Лосев, 2006, с. 61].

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

По наблюдениям специалистов-бродсковедов, первым на интертекстуальные пласты стихотворения «Осенний крик ястреба» обратил внимание поэт А. Найман, напрямую связав его с «Осенью» Евгения Баратынского. В интервью конца 1980-х годов Найман признавался: «Мне кажется, что в нашей молодости для нас, во всяком случае для него <Бродского> и для меня, особняком стояли стихи Баратынского “Осень”. Это вершина русской поэзии, которую ты всегда чувствуешь и звук которой определяет вообще весь шум мироздания. <…> Я думаю, что стихи “Осенний крик ястреба” — это вариация на тему “Осени” и версия “Осени” Баратынского» [Найман, 2006, с. 35].

К интертексту Баратынского обратился впоследствии исследователь И. А. Пильщиков, который, зная об увлечении Бродского поэзией Баратынского, указал на тематическую связь стихотворений современного поэта с лирикой русского классика и, в частности, наметил некоторые мотивно-тематические переклички «Осеннего крика ястреба» с «Осенью» и «Недоноском» Баратынского [Pilshikov, 1993]. По мысли Пильщикова, в «осенних» текстах поэтов совпадают векторы как временной (осень → зима), так и пространственный (пейзажные перспективы), аккумуляция которых усиливается подобием сдерживаемого крика отчаяния лирического героя Баратынского («негодованья крик», «вопль тоски великой», «вполне торжественный и дикой») и прощального крика ястреба Бродского («пронзительный резкий крик») [Pilshikov, 1993, с. 221—223].

В монографии «”На пиру Мнемозины”: интертексты Иосифа Бродского» исследователь А. Ранчин углубил параллели «Осеннего крика ястреба» к русской классике и через «Осень» Баратынского связал «Осенний крик…» с «Осенью» А. Пушкина, приняв за интенционную связь стремление поэтов «к высшему бытию, символизируемому подъемом к небу» [Ранчин, 2001]. В целом Ранчин привычно интерпретировал «Осенний крик ястреба» как метафоризированную историю судьбы поэта, его прихода в мир и служения, поставил стихотворение в контекст проблематики «поэт и поэзия» и наряду с Баратынским и Пушкиным ввел в контекст претекстов Бродского стихотворение Г. Р. Державина «Лебедь» с развитой в нем поэтической идиоматикой Горация (как «образцового» предшественника классициста Державина). В обращении к литературе XX века Ранчин наметил точки взаимодействия лирической темы о предназначении поэта у Бродского с мотивикой стихотворений А. Блока, С. Есенина, В. Ходасевича и др.

Подобный ряд интертекстуальных наблюдений-перекличек можно множить. Между тем, на наш взгляд, прав А. Долинин, который отметил, что принять такого рода обширные и разнесенные во времени сопоставления можно только при условии «очень высокого уровня абстракции» [До-

CC BY

линин, 2005, с. 277]. По мнению исследователя, расширительно толкуемые мотивы, «по сути дела, являются общими местами или топосами всей мировой поэзии: осеннее умирание, смерть поэта, полет ввысь, падение с неба» [Долинин, 2005, с. 277]. По Долинину, «главный изъян сопоставлений такого рода состоит в том, что они игнорируют поэтический слог, образную систему, сюжет, даже главное событие *ОКЯ*, названное в заглавии, — отчаянный предсмертный крик птицы, замерзающей в безвоздушном пространстве» [Долинин, 2005, с. 277—278].

В свою очередь А. Долинин обновил ряд интертекстуальных проекций, среди которых оказались стихи Э. Багрицкого («Тиль Уленшпигель»), Н. Заболоцкого («Осень», «Храмгэс», «Север»), О. Мандельштама («Стихи о неизвестном солдате»), У. Х. Одена («В музее изящных искусств») и др. Но наиболее убедительно в качестве претекста «Осеннего крика ястреба» в работе Долинина представлен «Орел» Н. Гумилева с характерным для стиха образами «небес-могилы» и «птицы-поэта». По мысли ученого, «стихотворение Гумилева — это, по-видимому, единственный текст, где метафора “воздушной могилы” непосредственно реализована в сюжете, и потому оно <…> должно рассматриваться и как <…> очевидный претекст *ОКЯ*» [Долинин, 2005, с. 282]. По Долинину, «перекличка сюжетообразующих мотивов у Гумилева и Бродского самоочевидна: в обоих текстах хищная птица одного и того же семейства залетает в такую высь — в звездные преддверья или в “астрономически объективный ад / птиц, где отсутствует кислород, / где вместо проса — крупа далеких звезд”, — откуда уже нельзя вернуться назад; и орел, и ястреб погибают от недостатка кислорода и от холода, но, и мертвые, продолжают полет, по романтической версии Гумилева, — вне времени и пространства, над конечными мирами, среди звезд, “в великолепной могиле” вечности, а по натурфилософской версии Бродского, — как недолговечный снежный прах, как частица мирового природного круговращения» [Долинин, 2005, с. 282].

Каждое из приведенных суждений критиков по-своему убедительно и основательно, каждое имеет видимые истоки и резоны. Однако, с нашей точки зрения, все они слишком прямо и чрезмерно однозначно ориентированы на тему поэта и поэзии. Однажды выдвинутое (по-своему традиционное и даже банальное) суждение о параллели судьбы поэта и птицы стало восприниматься аксиоматично, хотя, на наш взгляд, стихотворение Бродского таит в себе и совершенно иные проблемные интенции.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Истоки образности «Осеннего крика ястреба»

Друзья поэта давно указали на то обстоятельство, что рождение «Осеннего крика ястреба» (отчасти) было связано у Бродского с событиями био-

CC BY

графического плана, в частности, с «“карьерой” летчика». В. Полухина напрямую спрашивала в интервью Л. Лосева: «Вам не кажется, что без этого опыта он не написал бы свое послание человечеству “Крик осеннего ястреба”?» [Полухина, 2006б, с. 61]. И Лосев вспоминал, что Бродский действительно в юности увлекался идеей пилотирования, а в Энн Арборе даже «взял несколько уроков» [Лосев, 2006, с. 61]. Потому, по мысли Лосева, «очень может быть, что взгляд с высоты — из опыта полетов» [Лосев, 2006, с. 61]. При этом тут же справедливо добавлял, что «не в меньшей степени» стихотворение обязано и своим литературным претекстам.

В документальном фильме «Бродский не поэт» (2015) об опыте пилота рассказывает сам Бродский. «Когда я пролетал над всем этим, я смотрел вниз на эти поля, цветные поля, эти квадраты, и т. д., и т. д., и т. д., я думал: что ж… тебе следует приглядеться получше, потому что здесь ты можешь окончить свои дни. Здесь ты можешь умереть…» [Белов, 2015].

Примечательно, что, будучи в Анн Арборе, Бродский, кажется, только что вырвался «на свободу», оказался в свободных штатах Америки, избавился от преследований КГБ, теперь — парил в воздухе, однако мысли, которые спровоцировал в нем «взгляд сверху», оказались напрямую связанными с представлениями о смерти, очень родственными тому, как эти мотивы репрезентированы в «Осеннем крике ястреба». Казалось бы, матричная модель поэтического текста, связанного с образами птицы и высокого неба, вполне традиционна и очевидна — это символика простора и свободы, высоты и бесконечности беспредельного неба, подчеркнутого (личностного = поэтического) одиночества. Кажется, общекультурный архетипический код эксплицирован: поэт и толпа — именно по этому «знакомому» пути и пошла критика в интерпретации стихотворения. Между тем в тексте Бродского проступают и иные маркеры — маркеры иной проблемно-тематической сферы.

Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что в насквозь символичной и метафоричной поэзии Бродского, как правило, элиминирующей конкретику, гасящей точность и категоричность, слишком прямолинейно и весьма подчеркнуто — трижды — названы топографические реалии: Коннектикут, Новая Англия, Рио-Гранде. Столь очевидные географические маркеры даже позволили А. Ранчину «вскользь» квалифицировать стихотворение Бродского как американское: «Античные философские коннотации этого “американского” стихотворения обнажены в обыгрывании “общего места” греческой мысли — определения: “человек есть бесперое двуногое”» [Ранчин, 2001, с. 266]. Не останавливаясь на сути высказывания критика, обратим внимание, что Ранчин берет в кавычки определение «американский» и не вкладывает в него особого смысла, но использует (скорее всего) как знак американского периода в творчестве

CC BY

Бродского и / или как отражение множественности американских топонимов в пределах небольшого поэтического текста. Между тем, с нашей точки зрения, именно эти «американские координаты» и важны для акцентуации другого (ранее не рассматриваемого) концептуального смысла стихотворения «Осенний крик ястреба».

Итак, к осени 1975 года Бродский уже три года находился в эмиграции, вне родины. Надо полагать, что мысли об оставленной стране и связи с ней были еще очень сильны и весьма болезненны. Неизбежность подведения некоторых «промежуточных» итогов, связанных с новыми датами-рубежами, была закономерна. Потому в 1975 году — на третий год эмиграции — в творчестве поэта появляются стихи, адресованные к оставленному позади — к М. Б., к сыну («Колыбельная Трескового мыса») и др. Двумя годами позже появится «Пятая годовщина (4 июня 1977)», маркированная днем вылета из ленинградского аэропорта «Пулково», — можно предположить, что и в 1975 году у поэта рождались мысли о «третьей» и последующих очередных годовщинах оставления родины.

Однако в условиях «публичной» эмиграции написать стихотворение в ностальгическом ключе было бы для Бродского невозможно. Поэт и так испытывал чувство «стыда» перед новыми соотечественниками: в разговоре с Э. Проффер он признавался, что испытывает «чувство вины» перед Америкой и американцами, так сердечно и щедро приютившими его, так как, в его понимании, он не оправдывает их доброжелательства и гостеприимства, не готов «играть в политические игры» [Белов, 2015]. Бродский оставался вне политики, вне поэтических деклараций, вне публичного о(б)суждения покинутой родины. Другими словами — написать стихотворение, в котором бы поэт открыто выразил чувства тоски по родине, было в условиях регламента американской эмиграции недопустимо. Но, по нашим представлениям, именно эти мотивы — в растворенном, сублимированном виде — и получили отражение в тексте «Осеннего крика ястреба».

На наш взгляд, весьма точно относительно рассматриваемого стихотворения выразился Я. Гордин: «В 1975 году <…> Иосиф Бродский в одном из наиболее выразительных своих стихотворений “Осенний крик ястреба” с обычной для него в то время горькой трезвостью объяснил высокую катастрофичность своего пути» [Гордин, 2010, с. 197]. Обратим внимание, Гордин говорит не о пути поэта, но о *его* (*своем*) пути, то есть о личностном, человеческом. Как нам представляется, именно этот ракурс и составляет ту семантическую грань стихотворения, которая прежде не была затронута исследователями.

Л. Лосев однажды поведал историю о восприятии «Осеннего крика ястреба» специалистом: «…я как-то прочитал это стихотворение ученому-орнитологу и услышал, что с точки зрения науки там все невероятно, чи-

CC BY

стая выдумка», и тут же добавил: «Стихи гениальные» [Лосев, 2006, с. 61]. Думается, что не нужно быть специалистом-орнитологом, чтобы понять, что стихи Бродского — в научном плане — «чистая выдумка». Однако тем любопытнее понять смысл «выдуманной» трагедии-метаморфозы, произошедшей с героем-ястребом.

3.2. Особенности поэтики «Осеннего крика ястреба»

ООбращает на себя внимание сюжетность (по сути — балладная сюжетность) стихотворения, где герой-ястреб поднимается ввысь, чтобы преодолеть воздушное пространство и достичь те далекие места, где в пышных лесах, в «распаренной толпе буков» [Бродский, 1998, с. 103] скрылось его родное гнездо, в котором он помнит каждую мелочь — «разбитую скорлупу / в алую крапинку», запахи, «тени / брата или сестры» [Бродский, 1998, с. 103]. В отличие от «людских» координат, вектор пути ястреба не определен с топографической точностью, но противопоставление «здесь» и «там» акцентировано контрастной парой Север ↔ Юг, которые выделены (позиционно и графически) в тексте стихотворения: ястреб с Севера путь «держ<ит> на Юг» [Бродский, 1998, с. 103], из Новой Англии «в дельту» «к Рио-Гранде» [Бродский, 1998, с. 103], с чужбины — в родные места. Фабульная линия полета птицы не прорисована акцентированно (пристально и выразительно), но она остается устойчивым фоном всего сюжетного повествования: полет птицы имеет определенно означенную цель — возвращение в родное гнездо. Мотив невозможности возвращения придает наррации трагический оттенок.

Пейзажные картины, открывающие повествование, вводящие в тему, изначально фиксируют трагический абрис предстоящего полета птицы, предвещают трагическую развязку. Образ видимой с высоты реки («серебро реки») предстает в сознании парящего в высоте ястреба в виде «клинка», «сталь» которого блестит «в зазубринах перекатов» [Бродский, 1998, с. 103]. Образ «вьющейся точно живой клинок» [Бродский, 1998, с. 103] реки, блистающей серебром стали среди «бисера городков» [Бродский, 1998, с. 103], вызывает в сознании образ восточного оружия, богато украшенного драгоценностями и пугающего своим грозным предназначением. Сопутствующий пейзажу контраст температур — «упавшие до ноля термометры» и «пожар листьев» [Бродский, 1998, с. 103] — дополняют растущее напряжение, формируемое объективными природными картинами и их субъективным психологизированным восприятием. Трагическое впечатление усиливается образом «распластанного» (как распятого) ястреба, который «парит в голубом океане» «с прижатою к животу плюсною» — «когти в кулак, точно пальцы рук» [Бродский, 1998, с. 103]. «Сжатый кулак» становится еще одним сигналом предстоящей битвы, некоего будущего противостояния.

CC BY

Еще не сформировались узлы сюжетной конфликтности стихотворения, однако в атмосфере наррации уже концентрируются образы и мотивы борьбы и столкновения, противодействия и преодоления. Ностальгический мотив родного гнезда прирастает мотивом утраченного гнезда, требующего вступления в борьбу за него. Ощущение близящейся опасности подчеркивается сопутствующими образами острых лезвий травы («травы… лезвия остры» [Бродский, 1998, с. 103]), «ножниц» секущего полета птицы («точно ножницами сечет…» [Бродский, 1998, с. 103]). Естественно-природный мир оказывается под угрозой технократических «клинка», «лезвий», «ножниц». «Собственное тепло» [Бродский, 1998, с. 103] сердца и тела птицы противостоит «осенней синеве» ледяного «голубого океана» [Бродский, 1998, с. 103]. Взволнованно-ускоренный ритм биения сердца птицы сравнивается с «частотою дрожи» [Бродский, 1998, с. 103].

Привычный поэтический (литературный) ракурс восприятия полета птицы, распластанной в небе, наслаждающейся простором и свободой, у Бродского мутирует, трансформируется, действительно превращается в «чистый вымысел», в рамках которого ястреб оказывается вовлеченным в противостояние «воздушному потоку», в полете «чуя каждым пером поддув / снизу» [Бродский, 1998, с. 103].

Но восходящий поток его поднимает вверх
выше и выше. В подбрюшных перьях
щиплет холодом. Глядя вниз,
он видит, что горизонт померк [Бродский, 1998, с. 104].

В преддверии неизбежного столкновения (борьбы) «одинокий» ястреб [Бродский, 1998, с. 103], «одинокая птица» [Бродский, 1998, с. 104] единственный раз в тексте наделяется правом членораздельного голоса, метафорической антропизации, уподобления человеку:

Эк куда меня занесло! [Бродский, 1998, с. 104].

Принятое в тексте объективно-личное повествование неожиданным образом сменяется субъективно-личным, 3-е лицо уступает место 1-му, *он* трансформируется в *я*. В тексте актуализируется точка совмещения образа героя-ястреба и образа лирического героя (в данном случае в большей степени героя-повествователя), птичье и человечье коррелируют, позволяя на примере судьбы птицы эксплицировать черты судьбы лирического героя, героя-нарратора, alter ego автора. Разговорно-просторечная форма восклицания — «Эк куда…» — допускает сближение образа нарратора сюжетного «балладного» повествования с образом лирического героя «бессюжетной» элегии. Интенции героя-ястреба проецируются на образ лирического героя, фоновый мотив мыслей о родине оказывается включенным в ментальную сферу лирического персонажа.

CC BY

Сближение образов ястреба и героя-рассказчика пунктуационно подчеркивается эксплуатацией восклицательных знаков, не свойственных третье-личностному повествованию («Его, который еще горяч!» [Бродский, 1998, с. 104]), и междометным эмоционально-разговорным обозначением высоты — «черт те что» [Бродский, 1998, с. 104]. Неактуализированные мысли героя-ястреба, лишенного словесных форм выражения, эксплицируются посредством эмоций-восклицаний героя-повествователя (лирического героя), акцентируя и актуализируя сущностную близость персонажей. Наррация обретает черты несобственно-прямой речи.

Дальнейший нарративный план повествования вслед за возгласом: «Эк куда меня занесло!» [Бродский, 1998, с. 104] — опосредован смешением-совмещением птичьего и человечьего, неразделимости их сущностей, перемежением-диффузией их голосов и сознаний. Даже способ номинации героев-людей и героев-птиц осуществляется в сходной стратегии — посредством субстантивации прилагательных *двуногие* и *пернатые* («Что для двуногих высь, / то для пернатых наоборот» [Бродский, 1998, с. 104–105]). Выделенность героев (ястреба и рассказчика) из мира орнитологического и мира антропологического — одинаково им противостоящих — закрепляется мотивом одиночества персонажей, оказывающихся в положении *между* — между небом и землей, между адом и раем. «Ионосфера» для героев — «астрономически объективный ад»,

<…> где отсутствует кислород,
где вместо проса — крупа далеких
звезд [Бродский, 1998, с. 104].

Бродский словно сознательно противопоставляет естественное и искусственное, простое и сложное, научно-аналитичное и природно-чувственное: в итоге — свое и чужое. Примечательно, что в отрицательном сравнении «звёзды // зёрна» поэт рифмически вполне мог бы использовать лексему, обозначающую высококультивированные сорта злаков / круп — например, рожь или пшеницу, но он выбирает упрощенный зерновой / словесный аналог — просо. И на этом уровне поэтического уподобления позитивный маркер закреплен не за «крупой звезд», но за обыкновенным просом. Кажется, незаметно и ненавязчиво, не броско (пшеница / пшено), но Бродский поэтически точно и детально (по крупицам) дистанцирует мир сегодняшний (мир Новой Англии и Коннектикута) от мира былого, прошлого, мира родного гнезда.

3.3. Кульминация лирического сюжета

Кульминационный момент стихотворного сюжета — предсмертный крик ястреба, «…отчаянный предсмертный крик птицы, замерзающей в безвоздушном пространстве» [Долинин, 2005, с. 278].

CC BY

Кульминация сюжета:

Не мозжечком, но в мешочках легких
он догадывается: не спастись.
И тогда он кричит [Бродский, 1998, с. 105]

— опирается на то же противопоставление: живое и мертвое, теплое и ледяное, природное и механическое.

Из согнутого, как крюк,
клюва <…>
вырывается и летит вовне
механический, нестерпимый звук,
звук стали, впившейся в алюминий;
механический… [Бродский, 1998, с. 105].

Образы ранее промелькнувших острых клинка, лезвия, ножниц находят свою реализацию:

<…> И мир на миг
как бы вздрагивает от пореза [Бродский, 1998, с. 105]

— дрожь сердца птицы передается вздрагивающему телу мира.

Героя-ястреба настигает смерть:

И в кружеве этом, <…>,
сверкая, скованная морозом,
инеем, в серебре,
опушившем перья, птица плывет в зенит,
в ультрамарин [Бродский, 1998, с. 105].

Герой-птица замерзает, превращаясь в отливающий ультрамарином, синевой, серебром кусок льда, сгусток мороза, инея — обращаясь в стекло (хрусталь), алмаз, заледеневшую каплю слезы.

Смерть героя-ястреба, несомненно, трагична. Особенно на фоне того, что искомая цель — родное гнездо — не достигнута. Невоплощенность ориентира, невозможность преодолеть силу «воздушного потока», сбивающего героя с его пути и удерживающего «в бесцветной ледяной глади» [Бродский, 1998, с. 104], трагически маркированы знаками безжизненного холода, ледяной пустоты, неорганического ультрамарина.

По словам Б. Гаспарова, «падение с неба является одним из наиболее распространенных в мировой литературе поэтико-мифологических образов гибели. В нем переплетаются черты романтико-индивидуалистической героики и вселенские эсхатологические мотивы; взлет в небо и падение-сгорание является в одно и то же время и сугубо индивидуалистическим действием-вызовом, отделяющим романтического героя от всего мира, и прообразом вселенской космической катастрофы» [Гаспаров, 1994, с. 215]. Однако в стихотворении Бродского трагизм ухода героя-ястреба отчасти

CC BY

снимается и отчасти растворяется, преодолевается актом преображения персонажа, его перевоплощения. Бродский снимает традиционный мотив катастрофичности смерти (которая, как известно, у Бродского никогда не значит просто / только смерть (см. об этом: [Богданова и др., 2022]), но трансформирует мотив — поэт превращает героя в «слезу», в «перл», в «сверкающую» жемчужину [Бродский, 1998, с. 105], в некое подобие звезды («сродни звезде» [Там же]), чтобы не обратиться в ничто, не исчезнуть без следа, но заледенеть в ультрамарине небес до состояния «фамильного хрусталя» [Там же, с. 106], чьи «осколки, однако, не ранят, но тают в ладони» [Там же] снежинками.

Примечательно, что о подобной метаморфозе рассказано в «Истории» Геродота. Геродот упоминает о древней легенде, согласно которой к северу от страны скифов расположены земли, в которых «из-за <…> суровой зимы северные области света необитаемы», воздух их насквозь пронизан «летающими перьями». По предположению Геродота, эти перья — снежные хлопья: «ведь снежные хлопья похожи на перья» и «скифы и их соседи, образно говоря, называют снежные хлопья перьями» [Геродот, 1972, с. 188—189, 194]. Об этой легенде, в связи с «Орлом» Гумилева, вскользь упоминает А. Долинин (в примечании), однако, на наш взгляд, применительно к «Осеннему крику ястреба» история Геродота имеет непосредственное отношение (прямое и косвенное).

Напомним, что в 1972 году перевод «Истории» Геродота вышел в ленинградском отделении издательства «Наука» и был сделан Г. А. Стратановским, ленинградским филологом-классиком, переводчиком с древних языков, отцом Сергея Стратановского, молодого (тогда) поэта, близкого кругу Бродского (СНО филфака ЛГУ, литературный клуб Натальи Грудининой, ЛИТО под руководством Глеба Семенова и др.). Скорее всего, Бродский знал переводы Геродота, сделанные Стратановским, может быть, даже успел познакомиться с ними. В любом случае переводы (и их «рабочие» варианты) могли быть обсуждаемы в кругу ленинградской филологической молодежи, к которой примыкал и Бродский. В эмиграции же история о стране к северу от скифов (А. Блок: «Да, скифы мы…») и о перьях-снежинках подверглись поэтом «реставрации»: древняя легенда Геродота не только получила образно-сюжетное воплощение, но и вместила в себя ретроспективную аллюзию-воспоминание. Абрис геродотовой легенды о снежинках-перьях оказался замкнутым внутри сюжета о возвращении птицы в «родное гнездо».

Трагическое *несвершение* замысленного героем-ястребом возвращения на родину эксплицировано в тексте Бродским, но трагедия происходящего остранена, оторвана, отведена от привычного и обыденного восприятия:

CC BY

судьба героя-ястреба сводится не к тому, чтобы погибнуть, но реинкарнировать — пролиться слезой, каплей воды (дождя, снега) на землю, совершив некий круговорот в природе. Его смерть включена в систему метемпсихических закономерностей холодной, но гармонизированной Вселенной. Некая иррациональная воля — «воздушный поток» [Бродский, 1998, с. 103] — лишает ястреба возможности воплощения собственного устремления, желания, цели-мечты, но та же надмирная власть реализует высшую законность вселенского порядка. Неслучайно *пестр*ота о*пер*енья *пер*натой птицы, «бывший привольный узор *пер*а» [Бродский, 1998, с. 106], в финале стихотворения фонетически отражается (кольцеобразно замыкается) в «*пестр*ых куртках» детей, ловящих горстью и пальцами «юркие хлопья» снежинок. В новосотворяемом мифе Бродского воля Вселенной поставлена выше воли индивида, сила «воздушного потока» выше личностного выбора.

3.4. Категория «свое — чужое»: ностальгический подтекст

Однако в плане рассматриваемого нами «отеческого» ракурса весьма примечательна (требует к себе внимания) последняя строка стихотворения, в которой идет речь о том, что детвора выбегает на улицу и — «кричит по-английски: “Зима, зима!”» [Бродский, 1998, с. 106].

Несомненно, появление определительного обстоятельства «по-английски» не случайно в тексте. Чуткий к слову и речи, Бродский с легкостью мог бы заменить это наречие любым другим. Но поэт выводит «по-английски» в последней строке, возвращая читателя-реципиента к, казалось бы, уже «потерянной» в пространстве стиха (и неба), вытесненной из текста трагизмом смерти ястреба мысли о родном гнезде.

В контексте топонимов Коннектикут, Новая Англия, Рио-Гранде (река на южной границе США) Бродскому не было нужды уточнять, что дети кричат по-английски — эта реалия могла быть единственно допустимой в тексте. Однако Бродский уточняет языковой ареал с точки зрения лирического героя (= повествователя-рассказчика), для которого, по всей видимости, английский не является родным. Внимание к природе языка, к его национальной атрибуции становится знаком измышленного (но не озвученного) желания лирического героя услышать те же восклицания «Зима, зима!» на родном языке. Сюжетная нить устремления в родное гнездо, не реализованная в пределах поэтической линии трагического полета ястреба, возвращается к исходной текстовой диспозиции, и образ ястреба замещается образом лирического героя, который, подобно птице, желает увидеть родное гнездо, почувствовать родные запахи, услышать родные звуки. Между тем сформированная и выдержанная в ходе всего повествования параллель «ястреб // лирический герой» удваивает (приумножает) ощущение трагического финала, связанного с невозможностью свершения

CC BY

замысленного — будь то замысел птицы и / или человека. «Что-то выше нас» оказывается, по мысли лирического героя Бродского, мощнее, суровее и непреодолимее.

В подобной интерпретации мало что мешает произвести подмену / замену понятия «лирический герой» на «поэт», то есть вернуться к той традиционной трактовке, которая устоялась в современном бродсковедении [Плеханова, 2001; Измайлов, 2004; Романов, 2004]. Однако позволим себе повториться и вернуться к словам близкого друга поэта Я. Гордина о том, что «Осенний крик ястреба» — это отражение высокой катастрофичности собственного («своего») пути Бродского, не только поэта, но и личности, человека, жестоко отторгнутого от родины и его близких, «брата или сестры».

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, можно заключить, что «Осенний крик ястреба» — гениальное произведение, которое может быть интерпретировано поразному. В тексте стихотворения можно усмотреть реализацию темы «поэт и поэзия», но можно разглядеть и мотивы ностальгической тоски, темы «потерянной родины», решенной Бродским особым образом (личностный выбор и судьба). Намеренно оставивший прошлое в прошлом и сознательно не обращавшийся в стихах к теме родины, тем не менее, как показывает проведенный анализ, Бродский (вольно или невольно) утаивал (и реализовывал) болезненную для него тему в подтексте стихов, тем самым раздвигая границы возможной поэтической (и научной) трактовки, рефлексии. Трагические ноты стихотворения «Осенний крик ястреба», связанные не только с темой исключительной (по-пушкински избраннически-одинокой) судьбы поэта, но и с темой утраченной родины (кажется, нехарактерной для художника, однако, как выяснилось, близкой ему) существенно обогащают представление о личности Иосифа Бродского, поэта и человека.

Источники

1. *Бродский И. А.* Сочинения Иосифа Бродского / И. А. Бродский ; 2-е изд. — Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 1998. — Т. III. — 312 с.

2. *Бродский* не поэт. Документальный фильм / реж. И. Белов. — Москва, 2015. — 100 мин. — Режим доступа : www.youtube.com.

3. *Геродот*. История в девяти книгах / пер. и примеч. Г. А. Стратановского ; под общ. ред. С. Л. Утченко ; ред. пер. Н. А. Мещерский. — Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1972. — 600 с.

Литература

1. *Богданова О. В.* В поисках самопознания (интертекстуальные пласты поэмы И. Бродского «Шествие») / О. В. Богданова, Е. А. Власова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 2. — С. 258—281. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-258-281.

2. *Богданова О. В.* Евангелие от Иосифа (поэма И. Бродского «Горбунов и Горчаков») / О. В. Богданова, Е. А. Власова // Научный диалог. — 2021. — № 12. — С. 180—204. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-180-204.

3. *Гаспаров Б.* Смерть в воздухе (К интерпретации «Стихов о неизвестном солдате») / Б. Гаспаров. — В книге : Гаспаров Б. Литературные лейтмотивы : очерки русской литературы / Б. Гаспаров. — Москва : Наука, 1994. — 303 с.

4. *Гордин Я. А.* В сторону Стикса. Большой некролог / Я. А. Гордин. — Москва : НЛО, 2005. — 226 с.

5. *Гордин Я. А.* Рыцарь и смерть, или Жизнь как замысел. О судьбе Иосифа Бродского / Я. А. Гордин. — Москва : Время, 2010. — 256 с.

6. *Долинин А.* Воздушная могила. О некоторых подтекстах стихотворения Иосифа Бродского «Осенний крик ястреба» / А. Долинин // Эткиндские чтения — 2: сборник статей по материалам Чтений памяти Е. Г. Эткинда 2002 и 2004 гг. — Санкт-Петербург : Европейский ун-т в Санкт-Петербурге, 2005. — С. 276—288.

7. *Измайлов Р. Р.* Время и пространство в поэзии И. Бродского : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.01.01 / Р. Р. Измайлов. — Саратов , 2004. — 20 с.

8. *Лосев Л.* Август 2004 / Л. Лосев // Бродский глазами современников / сост. В. Полухина. — Санкт-Петербург : Изд-во журнала «Звезда», 2006. — Т. 2. — С. 57—74.

9. *Найман А.* 13 июля 1989, Ноттингем / А. Найман // Бродский глазами современников / сост. В. Полухина. — СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2006. — Т. 1. — С. 26—55.

10. *Плеханова И. И.* Преображение трагического : метафизическая мистерия Иосифа Бродского : автореферат диссертации … доктора филологических наук : 10.01.01 / И. И. Плеханова. — Томск , 2001. — 40 с.

11. *Полухина В.* Иосиф Бродский глазами современников : в 2 книгах / В. Полухина. — Изд. 2-е. — Санкт-Петербург : Журнал «Звезда», 2006. — Книга 2. — 544 с.

12. *Ранчин А. М.* «На пиру Мнемозины» : интертексты Бродского / А. М. Ранчин. — Москва : НЛО, 2001. — 462 с.

13. *Романов И. А.* Лирический герой в поэзии И. Бродского : преодоление маргинальности : автореферат диссертации … кандидата филологических наук : 10.01.01 / И. А. Романов. — Москва , 2004. — 16 с.

14. *Уодсворт У.* 19 ноября 2003, Нью-Йорк / У. Уодсворт // Бродский глазами современников / сост. В. Полухина. — Санкт-Петербург : Изд-во журнала «Звезда», 2006. — Т. 2. — С. 423—441.

15. *Pilshikov I.* Brodsky and Baratynsky / I. Pilshikov // Literary Tradition and Practice in Russian Culture. Papers from an international Conference on the Occasion of the Seventieth Birthday of Yu. M. Lotman. Russian Culture, Structure and Tradition. 2—6 July 1992, Keele University, United Kingdom. — Rodopi, 1993. — P. 214—228.

Material resources

Brodsky, I. (1998). *The Works of Joseph Brodsky*. *2*. St. Petersburg: Pushkin Foundation. 440 p. (In Russ.).

Brodsky is not a poet (2015). Documentary film / dir. I. Belov. Moscow. 100 min. URL: www.youtube.com. (In Russ.).

Herodotus. (1972). *History in nine books*. Leningrad: Nauka. 600 p. (In Russ.).

CC BY

References

Bogdanova, O. V., Vlasova, E. A. (2021). Gospel of Joseph (I. Brodsky's poem "Gorbunov and Gorchakov"). *Nauchnyi dialog, 12:* 180—204. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-180-204. (In Russ.).

Bogdanova, O. V., Vlasova, E. A. (2022). In Search of Self-Knowledge (Intertext of I. Brodsky's Poem "The Procession"). *Nauchnyi dialog, 11(2):* 258—281. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-258-281. (In Russ.).

Gasparov, B. (1994). *Literary leitmotives: essays of Russian literature*. Moscow: Nauka. 303 p. (In Russ.).

Gordin, Ya. (2005). *Towards the Styx. Big obituary*. Moscow: UFO. 226 p. (In Russ.).

Gordin, Ya. (2010). *Knight and death, or Life as a plan. On the fate of Joseph Brodsky.* Moscow: Vremya. 256 p. (In Russ.).

Dolinin, A. (2005). Air grave. Some of the implications of the poems of Joseph Brodsky "The Autumn hawk's cry". In: *Etkind's reading — 2: collection of articles in memory of E. Etkind, 2002 and 2004*. Saint-Petersburg: European University in St. Petersburg. 276—288. (In Russ.).

Izmailov, R. (2004). *Time and space in the poetry of Joseph Brodsky*: author's abstract of PhD Diss. Saratov. 20 p. (In Russ.).

Losev, L. (2006). August 2004. In: *Brodsky through the eyes of contemporaries*. St. Petersburg: Zvezda Magazine. *2*: 57—74. (In Russ.).

Naiman, A. (2006). July 13, 1989, Nottingham. In: *Brodsky through the eyes of contemporaries*. St. Petersburg: Zvezda Magazine. *1*: 26-55. (In Russ.).

Plekhanova, I. I. (2002). *The Transformation of the Tragic: the Metaphysical Mystery of Joseph Brodsky:* author's abstract of Doct Diss. Tomsk. 40 p. (In Russ.).

Polukhina, V. (2006). *Joseph Brodsky through the eyes of contemporaries:* in 2 books, 2. 2nd Ed. St. Petersburg: Zvezda Magazine. 544 p. (In Russ.).

Ranchin, A. (2001). "*At the feast of Mnemosyne": Brodsky's intertexts*. Moscow: UFO. 462 p. (In Russ.).

Romanov, I. (2004). *Lyrical hero in the poetry of I. Brodsky: overcoming marginality:* author's abstract of PhD Diss. Moscow. 16 p. (In Russ.).

Wadsworth, W. (2006). November 19, 2003, New York. In: *Brodsky through the eyes of contemporaries.* St. Petersburg: Zvezda Magazine. Vol. 2. P. 423—441.

Pilshikov I. (1993). Brodsky and Baratynsky. In: *Literary Tradition and Practice in Russian Culture. Papers from an international Conference on the Occasion of the Seventieth Birthday of Yu. M. Lotman. Russian Culture, Structure and Tradition. 2–6 July 1992, Keele University, United Kingdom*. Rodopi. 214—228.

Статья поступила в редакцию 04.01.2022,
одобрена после рецензирования 30.04.2022,
подготовлена к публикации 13.05.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Лалетина О. С. Нетождественная строфика В. В. Набокова в контексте русского стиха XIX—XX веков / О. С. Лалетина, Е. В. Хворостьянова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 4. — С. 300—317. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-300-317.

Laletina, O. S., Khvorostjanova, E. V. (2022). Non-Identical Stanza of V. V. Nabokov in Context of Russian Verse of 19th—20th Centuries. *Nauchnyi dialog, 11(4):* 300-317. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-300-317. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU EBSCOhost

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-300-317

Нетождественная строфика В. В. Набокова в контексте русского стиха XIX—XX веков

Лалетина Ольга Сергеевна
orcid.org/0000-0001-7482-4502
кандидат филологических наук,
кафедра истории русской литературы
olalet@mail.ru

Хворостьянова Елена Викторовна
orcid.org/0000-0001-8277-5085
доктор филологических наук,
профессор,
кафедра истории русской литературы
ekhvorost@mail.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Санкт-Петербургского государственного
университета, проект № 92565342

Non-Identical Stanza of V. V. Nabokov in Context of Russian Verse of 19th—20th Centuries

Olga S. Laletina
orcid.org/0000-0001-7482-4502
PhD in Philology, Department
of History of Russian Literature
olalet@mail.ru

Elena V. Khvorostjanova
orcid.org/0000-0001-8277-5085
Doctor of Philology, Professor,
Department of History
of Russian Literature
ekhvorost@mail.ru

St. Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)

Acknowledgments:
The study was carried out
with the financial support
of St. Petersburg State University,
project № 92565342

© Лалетина О. С., Хворостьянова Е. В., 2022

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматривается проблема соотношения традиции и эксперимента в системе стиха В. В. Набокова. Предметом исследования выбрана специфика нетождественных строф, которые до настоящего времени рассматривались литературоведами в числе простых и традиционных форм набоковского стиха. Корпус нетождественнострофических стихотворений составлен в результате анализа всех доступных русскоязычных текстов Набокова: в 658 монометрических произведениях, звеньях полиметрических композиций, сводных форм выявлено 78 нетождественнострофических текстов. Установлено, что в них реализовано 74 модели стиха (сочетания стихотворных размеров и строфических схем). Проведен анализ признаков нетождественности строф: зафиксированы различия по количеству строк, рифмовке, каталектике, метрическому строению. Определено, что наиболее типичным для поэта является несовпадение по схеме рифмовки и роду окончаний. Описана композиция текстов: охарактеризованы пропорции и специфика строения регулярных и нерегулярных строф. В результате сопоставления полученных данных с данными по стиху 22 русских поэтов XIX—XX веков доказано, что нетождественные строфы Набокова имеют экспериментальный характер, относятся к числу форм, определяющих оригинальность творчества поэта в контексте русской литературной традиции.

Ключевые слова:
русский стих; строфика; стиховедение; русская поэзия XX века; В. В. Набоков.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article deals with the problem of correlation between tradition and experiment in the system of verse by V. V. Nabokov. The subject of the study is the specifics of non-identical stanzas, which until now have been considered by literary critics as simple and traditional forms of Nabokov's verse. The corpus of non-identical stanza poems was compiled as a result of the analysis of all available Russian-language texts by Nabokov: 78 non-identical stanza texts were identified in 658 monometric works, links of polymetric compositions, summary forms. It has been established that 74 models of verse (combinations of poetic meters and stanza schemes) are implemented in them. The analysis of signs of non-identity of stanzas was carried out: differences in the number of lines, rhyming, catalectics, metrical structure were recorded. It is determined that the most typical for the poet is the discrepancy between the rhyme scheme and the type of endings. The composition of the texts is described: the proportions and specificity of the structure of regular and irregular stanzas are characterized. As a result of comparing the obtained data with data on the verses of 22 Russian poets of the 19th-20th centuries, it is proved that Nabokov's non-identical stanzas are experimental in nature, are among the forms that determine the originality of the poet's work in the context of the Russian literary tradition.

Key words:
Russian verse; stranza; poetry; Russian poetry of the 20th century; V. V. Nabokov.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 801.6+821.161.1Набоков.07

Нетождественная строфика В. В. Набокова в контексте русского стиха XIX—XX веков

© Лалетина О. С., Хворостьянова Е. В., 2022

1. Введение = Introduction

Научная концепция творчества Набокова-стихотворца остается неизменной в своих основных положениях с начала 1990-х годов: Набоков предстает в ней консервативным автором, который продолжает традиции классической поэзии XIX века и отказывается от стиховых экспериментов, начатых в 1890-х годах символистами [Смит, 2002; Федотов, 2010; Федотов, 2015]. По общему мнению исследователей, установка на отказ от броских экспериментов реализовалась в творчестве Набокова и на строфическом уровне: ее ярчайшим проявлением стало культивирование нейтральных четверостиший рифмовки AbAb — именно они составляют основной фон в строфическом репертуаре поэта. Как пишет Дж. Смит, «чередование мужских и женских рифм, особенно в четверостишии *AbAb*, господствует еще больше, чем Я4 среди размеров, и на этом традиционном фоне резко выделяются более редкие формы» [Смит, 2002, с. 115]. Репертуар этих немногочисленных экспериментальных структур Дж. Смит ограничил формами, крепко связанными с поэтической традицией: терцинами, сонетами, элегическим дистихом, одической, онегинской строфами и т. д. [Смит, 2002, с. 113—114]. О. И. Федотов дополнил этот перечень необычными, индивидуально-авторскими формами, подробно описав, в частности, 7-строчные «полусонеты», сонеты на сквозные рифмы, «конфликтные» структуры, в которых графическое членение на строфы не совпадает с членением, заданным рифменными цепями [Федотов, 2015, с. 190—281]. Иными словами, О. И. Федотову удалось показать, что при всей бросающейся в глаза сдержанности и консервативности Набоков мог проявлять себя и как смелый, неординарный экспериментатор в области строфики, был не только «реставратором», но и «новотворцем», если воспользоваться известными определениями М. Л. Гаспарова, предложенными для характеристики двух основных направлений развития русского стиха начала XX века [Гаспаров, 2000, с. 260].

При всей важности результатов, полученных Дж. Смитом и О. И. Федотовым, вопрос о соотношении традиции и эксперимента в строфической системе Набокова нельзя считать закрытым по ряду причин. Во-первых, исследователи работали с ограниченным материалом: в поле зрения каж-

CC BY

дого из них находилось около 400 стихотворений [Смит, 2002, с. 98—99; Федотов, 2010, с. 109; Федотов, 2015, с. 144]. Между тем в настоящий момент стиховедам доступно 578 произведений Набокова; в их число входят как тексты, целиком написанные стихом, так и «сводные формы», содержащие стихотворные и прозаические фрагменты. Современное фронтальное описание строфики должно учесть специфику каждого монометрического произведения, каждого стихотворного звена полиметрических структур, сводных форм и, таким образом, охватить 658 стихотворных текстов. Столь существенное увеличение объема материала — на 30—40 % — требует верификации полученных ранее выводов.

Второй причиной, побуждающей говорить о необходимости продолжения описания строфики Набокова, является методологическая причина, связанная с принципами типологии строфических форм. Ни Дж. Смит, ни О. И. Федотов не ставили перед собой задачу создать и проанализировать полный каталог строфических форм Набокова, включающий дифференцированное описание стиховой модели каждого произведения — его полной строфической схемы и стихотворного размера с учетом порядка смены ударностей в разноударниках, диапазона колебания числа метрических ударений в вольных размерах, характера отступлений от основного размера в переходных метрических формах и т. д.

Более того, в некоторых случаях на начальном этапе изучения стиха Набокова исследователи делали выбор в пользу унификации описания строфических форм: так, Дж. Смит приводит дифференцированные данные по четырем клаузульным вариантам четверостишия перекрестной рифмовки (AbAb, aBaB, A’bA’b, abab), а остальные объединяет в рубрике «другая перекрестная» [Смит, 2002, с. 111]; О. И. Федотов рассматривает в одном ряду тождественные, нетождественные и одиночные строфы одного типа (пятистишия, семистишия и т. д.), включает астрофические формы в одну рубрику с неравнострофическими [Федотов, 2015, с. 190—281]; ни один из авторов не выделяет в отдельную группу форм строфы сквозной рифмовки; наконец, корреляции строфического уровня с метрическим анализируются исследователями на ограниченном материале, выборочно [Смит, 2002, с. 113—114; Федотов, 2015, с. 190—281].

Еще одним обстоятельством, заставляющим вновь обратиться к изучению набоковской строфики, является необходимость ее анализа в контексте русского стиха XIX—XX веков. В силу того, что типология строфических форм разработана гораздо слабее типологии форм метрических, провести корректный сравнительный анализ данных, полученных разными исследователями в ходе описания творчества русских поэтов разных эпох, долгое время было фактически невозможно, а потому стиховеды вы-

CC BY

нуждены были отказываться от сравнительного анализа в пользу анализа имманентного, характеризуя лишь связи некоторых строфических моделей с русской поэтической традицией [Смит, 2002, с. 111; Федотов, 2015, с. 190—281]. В настоящее время, по мере совершенствования типологии форм стиха, перспективы такого контекстуального анализа данных становятся всё более реальными.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В предлагаемой статье представлены результаты фронтального описания строфики полного корпуса доступных исследователям произведений Набокова. Тексты проанализированы по максимально возможному числу параметров, ряд из которых ранее не использовался стиховедами для изучения творчества поэта: учтен стиховой объем произведений, с максимальной степенью дифференциации описаны строфические формы, последовательно рассмотрены все реализованные в творчестве Набокова комбинации строфических форм со стихотворными размерами, определена частота встречаемости каждой из них; в основу исследования положена наиболее современная типология метрических и строфических форм русского литературного стиха [Тверьянович и др., 2008].

Выбранные принципы анализа позволили выявить структуры, до сих пор не отмеченные набоковедами, — регулярные нетождественные строфы, дериваты рондо и триолета, моностихи, строфы сквозной рифмовки. В рамках настоящей статьи, чтобы ее задача была обозримой, далее будет охарактеризована лишь одна линия строфических экспериментов, связанная с разработкой нетождественных строф.

О нетождественной строфике Набокова известно немногое: Дж. Смит включил в упомянутую статью суммарные данные по «вольным» четверостишиям и «смешанным строфам» [Смит, 2002, с. 111—112], но не сопроводил их комментарием; О. И. Федотов, как уже было сказано, подробно не рассматривал нетождественные строфы, однако дал им в высшей степени показательную общую характеристику, подчеркнув, с одной стороны, широкое распространение, с другой — традиционность структуры: «Набоковские показатели очевидным образом тяготеют к усредненным стандартам, что свидетельствует о сознательной ориентации поэта на классику. <…> Львиная доля набоковских произведений использует нейтральные четверостишия, астрофические построения и нетождественные строфы» [Федотов, 2015, с. 190]. Современные методики стиховедческих исследований позволяют скорректировать сложившееся представление о традиционности нетождественной строфики Набокова, выявить ее экспериментальный характер в контексте русского стиха XIX—XX веков.

CC BY

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Нетождественные строфы в строфическом репертуаре Набокова

Статистический анализ полного корпуса стихотворных текстов Набокова свидетельствует о том, что нетождественные строфы действительно являются одной из самых частотных форм его строфического репертуара: они находятся на втором месте в статистике произведений и звеньев, уступая лишь тождественным строфам; в статистике стихов опускаются на четвертое место, пропуская вперед астрофический белый стих и вольную рифмовку (строфические тексты, в основном лирические, у Набокова в целом более лаконичны, чем астрофические, включающие, например, объемные драматические произведения) (табл. 1):

Таблица 1

Строфические формы в поэзии Набокова

Формы		Произведения (звенья)		Стихи	
		Кол-во	%	Кол-во	%
Строфические формы	Тождественные строфы	377	57,29	8021	43,43
	Нетождественные строфы	78	11,85	1511	8,18
Астрофические формы	Парная рифмовка	14	2,13	446	2,41
	Вольная рифмовка	45	6,84	2986	16,17
	Белый стих	27	4,10	4503	24,38
	1-стишия	3	0,46	3	0,02
Промежуточные формы	Одиночные строфы	61	9,27	272	1,47
	Сквозная рифмовка	14	2,13	190	1,03
	Твердые формы	35	5,32	483	2,62
	Цепные строфы	4	0,61	55	0,30
Всего		658	100	18470	100

Сравнительные материалы по русским нетождественным строфам XIX—XX веков приведены в таблице 2 (при подготовке сравнительных таблиц здесь и далее использованы строфические указатели и картотеки по стиху 22 русских поэтов: [Бутовская, 2013а; Бутовская, 2013б; Бутовская и др., 2013; Захарова, 2013; Лалетина и др., 2008; Лотман, 1979; Лотман и др., 1979; Монахова, 2008а; Монахова, 2008б; Новинская, 1979; Тверьянович, 2008; Хворостьянова, 2013; Шахвердов, 1979; Шерр, 2013; КМСРЛС]; все данные исследователей уточнены и унифицированы в соответствии с принятыми в статье принципами типологии стиховых форм) (табл. 2).

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Таблица 2

Нетождественные строфы в русской поэзии XIX—XX веков

Автор	Всего произведений (звеньев)	Нетождественные строфы: произведения (звенья)	
		Кол-во	%
Набоков В. В.	**658**	**78**	**11,85**
Востоков А. Х.	154	3	1,95
Пушкин А. С.	1000	24	2,4
Баратынский Е. А.	245	3	1,22
Тютчев Ф. И.	377	82	21,75
Апухтин А. Н.	378	33	8,73
Анненский И. Ф. (оригинальное творчество)	514	109	21,21
Рукавишников И. С.	1621	386	23,81
Ахматова А. А. (творчество 1904—1939 гг.)	453	117	25,83
Гумилев Н. С.	554	102	18,41
Мандельштам О. Э.	508	116	22,83
Лившиц Б. К. (оригинальное творчество)	152	24	15,79
Комаровский В. А.	65	9	13,85
Вагинов К. К.	189	133	70,37
Адамович Г. В.	166	50	30,12
Щеголев Н. А.	117	39	33,33
Андерсен Л. Н.	184	33	17,93
Визи М. Г.	483	85	17,60
Максимов Д. Е.	146	38	26,03
Кулле С. Л.	168	1	0,60
Виноградов Л. А.	202	5	2,48
Битов А. Г.	109	40	36,70
Кушнер А. С.	1303	207	15,89

Процентные доли свидетельствуют о том, что Набоков занимает промежуточное положение между авторами XIX и XX веков. С одной стороны, он в разы превосходит поэтов Золотого века, в частности, Пушкина, у которого нетождественные строфы составляют 2,4 % текстов, так что говорить о сознательной ориентации на традиции пушкинской эпохи здесь не приходится. С другой стороны, нетождественную строфику Набоков разрабатывает не столь активно, как многие его старшие и младшие совре-

CC BY

менники: он уступает не только рекордсменам нашей подборки — Вагинову, Адамовичу, Щеголеву, Битову, но и вообще всем тем поэтам, с которыми в одно время начинал творческий путь, — символистам, акмеистам, футуристам.

Еще более интересны приведенные в таблице 2 абсолютные данные. Корпус нетождественностроfических текстов Набокова достаточно велик: по числу стихотворений, решенных в нетождественных строфах, поэт наиболее близок к Тютчеву, признанному экспериментатору стиха, обгоняет авторов пушкинского времени, превосходит Адамовича, Щеголева, Битова и многих других авторов XX века — в особенности тех, чей творческий путь, не был ограничен первой половиной столетия. В то же время на фоне символистов и акмеистов Набоков выглядит «скромно», поскольку в их творчестве нетождественностроfических текстов больше. Сделанные наблюдения свидетельствуют о том, что для выявления характера и направленности экспериментов Набокова с нетождественными строфами, определения их специфики в контексте русского стиха XIX—XX веков необходим корреляционный анализ, учитывающий структурные особенности реализованных строфических моделей.

3.2. Структурные особенности нетождественных строф в поэзии Набокова: признаки нетождественности

Нетождественные строфы Набокова очень разнообразны по структуре: в 78 текстах реализовано 74 модели стиха (имеются в виду комбинации схемы рифмовки и стихотворного размера), только 4 из них использованы дважды, остальные не повторяются, то есть на каждую модель приходится в среднем лишь 1,1 произведения и звена. Как видно, никакого ригористичного отказа от разнообразия моделей стиха в нетождественностроfических текстах Набокова нет, напротив, очевидна установка на разнообразие форм.

В зависимости от признаков, по которым строфы в стихотворении отличаются друг от друга, модели нетождественных строф делятся на несколько групп. Напомним, что признаки нетождественности строф были впервые корректно сформулированы К. Д. Вишневским, который предложил соотносить строфы по нескольким параметрам: тип (количество строк), схема рифмовки, род окончаний, метрическое строение (были выделены, во-первых, строфы, не совпадающие по метру, во-вторых, — по стопности) [Вишневский, 2000, с. 51—52]. Результаты описания творчества Набокова, его современников и предшественников по перечисленным параметрам представлены в таблице 3; различия по стихотворному метру и стопности, подчеркнутые в типологии К. Д. Вишневского, при подготовке таблицы учитывались как один признак нетождественности — «метр», чтобы объемный материал не был представлен слишком дробно (табл. 3).

Таблица 3

Нетождественные строфы в русской поэзии XIX—XX веков:
признаки нетождественности (произведения и звенья)

Признак нетождествен-ности	**Набоков**	Востоков	Пушкин	Барагынский	Тютчев	Апухтин	Анненский	Рукавишников	Ахматова	Гумилев	Мандельштам	Лившиц	Комаровский	Вагинов	Адамович	Щеголев	Андерсен	Визи	Максимов	Кулле	Виноградов	Битов	Кушнер
Метр	**18**			1	18	16	6	38	61	39	53	7	4	61	15	9	12	22	9		1	10	92
Род	**5**				7		5	18	5	5	8	1		2	11	4	1	14	8			12	13
Схема	**1**				11		13	30	1	10	5	1		7	1			3	3				7
Род, метр	**3**				4	2	1	15	3	6	2			11	1	3	2	7	7			3	9
Схема, род	**26**		19		16	6	34	25	13	14	8	12	2	2	6	4	2	2	1		1	1	25
Схема, метр					2		6	5	1	2	2			30	1			2	1			1	1
Схема, род, метр	**9**	1			9	3	10	29	5	3	5			12	2		5	1	3		1	2	9
Тип	**1**				1		3	7		2	2				2	2		2					14
Тип, схема						1	5	7	1	1	3			2		1		3	3				9
Тип, род	**1**							3	1	1			1									1	
Тип, метр					1	1		4	2		1							2					2
Тип, схема, род	**8**		3	2	5	3	16	52	10	13	15	2	2		4	10	5	4			1	1	23
Тип, схема, метр							2	17	8	2				1	1		1	1	1				2
Тип, род, метр								4			3							8	1			3	
Тип, схема, род, метр	**6**	2	2		8	1	8	132	6	4	9	1		5	6	6	5	14	1	1	1	6	1
Всего	**78**	3	24	3	82	33	109	386	117	102	116	24	9	133	50	39	33	85	38	1	5	40	207

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

CC BY

Обратим внимание на несколько показательных моментов. Во-первых, в поэзии Набокова выделяются 10 видов нетождественностроfических структур; по данному показателю он близок к Тютчеву, Вагинову, Адамовичу, Максимову и Битову (в их поэзии реализовано по 10—11 видов нетождественных строф); немного уступает Анненскому, Рукавишникову, Гумилеву, Мандельштаму, Ахматовой, Визи и Кушнеру (от 12 до 15 видов); и превосходит остальных упомянутых авторов (отметим, что у Пушкина насчитывается лишь 3 вида нетождественностроfических структур).

Во-вторых, данные таблицы 3 свидетельствуют о том, что у Набокова, вопреки распространенному мнению об абсолютном господстве четверостиший, высока доля неравностроfических форм: в 16 из 78 текстов (20,51 %) строфы различаются по типу, то есть по количеству строк. Доля, безусловно, не самая большая в рассмотренном материале, но и не критически низкая: максимальный процентный показатель неравностроfических текстов обнаруживается у Кулле, Востокова, Баратынского и Рукавишникова, минимальный — у Вагинова; разброс числовых показателей составляет от 100 до 4,23 %. Как по абсолютным, так по относительным величинам Набоков вновь оказывается ближе всего к Тютчеву, у которого насчитывается 15 неравностроfических форм, составляющих 18,29 % от числа произведений нетождественной строфики.

Наконец, в-третьих, в нетождественностроfических текстах Набокова строфы чаще всего различаются только по схеме рифмовки и роду окончаний (26 из 78 произведений и звеньев, 33,33 %). Конструкции этого вида преобладают у Пушкина, Анненского и Лившица, тогда как для большинства других упомянутых авторов наиболее типичны тексты, в которых строфы отличаются только метрическим строением. Важно подчеркнуть, что выявленные структурные характеристики определяют оригинальность творчества Набокова на фоне его предшественников, старших и младших современников. Он не похож ни на Рукавишникова, предпочитавшего строфы, одновременно не совпадающие по типу, схеме рифмовки, роду окончаний и метрическому строению, ни на Ахматову, Гумилева, Мандельштама и Вагинова, у которых строфы в 40—50 % текстов различаются лишь по метрическому параметру, ни на Тютчева: хотя он много экспериментировал со строфами, не тождественными по схеме рифмовки и роду окончаний, но чаще, как и большинство русских поэтов, все же использовал строфы, различные по метрическому строению.

3.3. Регулярные и нерегулярные нетождественные строфы в поэзии Набокова

Специфические особенности композиции текстов, написанных нетождественными строфами, также позволяют говорить об установке Набокова

CC BY

на эксперимент в области формы стиха. Напомним, что К. Д. Вишневский предложил разделить нетождественные строфы на регулярные и нерегулярные: первые чередуются «в определенной последовательности», вторые — «без видимой системы, произвольно» [Вишневский, 2000, с. 51]. Регулярные строфы в русской поэзии представлены, в первую очередь, куплетными формами и встречаются значительно реже, чем нерегулярные: К. Д. Вишневский отмечает неуклонное падение «удельного веса» регулярных строф в XVIII—XIX веках [Вишневский, 2000, с. 55]; исследователи всех перечисленных выше предшественников и современников Набокова фиксируют, что регулярные строфы (если они есть) в их творчестве распространены гораздо меньше, чем нерегулярные.

В поэзии Набокова регулярными строфами написано 5 произведений. Принцип трансляционной симметрии, лежащий в основе куплетных форм, реализован в них лишь однажды: в стихотворении «К России» («Мою ладонь географ строгий…») нечетные четверостишия имеют перекрестную рифмовку, четные — парную; четные строфы дополнительно связаны между собой повтором рифм: AbAb CCdd$_1$ EfEf GGdd$_1$ (цифрой обозначен повтор слова на рифменной позиции).

В четырех других текстах строфы соотнесены друг с другом по принципу зеркальной симметрии. Наиболее простую кольцевую композицию имеет стихотворение «Целиком в мастерскую высокую…»: оно решено в нейтральном 3-стопном анапесте и рифмуется по схеме A’bA’b + CdC’d + E’fE’f. Метрико-строфическая композиция остальных произведений организована сложнее. «Вечер» включает 5 четверостиший перекрестной рифмовки: в начальном и финальном чередуются женские и мужские клаузулы, в трех центральных строфах — дактилические и мужские. Тот же принцип зеркальной симметрии реализован на уровне метрики. «Вечер» написан строчным 4-ударным логаэдом; все нечетные строки имеют метрическую схему, совпадающую со схемой 4-стопного амфибрахия (U—UU—UU—UU—(U/UU)); четные же строки формируют кольцо на метрическом уровне: в первом и последнем катренах в них реализована схема 4-стопного ямба (U—U—U—U—); в центральных — 4-стопного хорея (—U—U—U—); напомним, что подобные экзотические логаэдические конструкции разрабатывались поэтами начала XX века (см., например, стихотворение В. Я. Брюсова «В Дамаск»).

Фактором создания усложненного ритмического рисунка в стихотворениях, написанных регулярными строфами, у Набокова дважды выступает и тип строфы. В частности, «Окно» написано экспериментальным разностопным ямбом, в котором количество стоп в строках меняется в последовательности 5553 554 554 554 554 5553; вводный и заключительный катрены

CC BY

окольцовывают центральную часть, распадающуюся на четыре «сдвоенных» трехстишия: AbAb CCd//EEd FFg//HHg IjIj. В стихотворении «Глаза» метрическое строение проще: здесь строго выдержан цезурованный 6-стопный ямб, строфы нетождественны по количеству строк, схеме рифмовки и роду окончаний. Текст имеет трехчастную структуру: его рамку формируют двустишия рифмовки АА, центральную часть — десятистишие, в котором по закону зеркальной симметрии чередуются клаузулы (мЖЖмЖЖмЖЖм); двустишия дополнительно соотнесены друг с другом по принципу зеркальной симметрии за счет повтора строк по схеме *А***А** bCCbDDeFFe **А***А* (курсивом и полужирным шрифтом обозначены совпадающие друг с другом стихи).

Специфической особенностью нерегулярных строф, их дифференциальным признаком является расшатанность структуры: по мере развертывания текста ритмическое ожидание нарушается, поскольку модели строф меняются непредсказуемо. У Набокова такие тексты составляют ¾ нетождественностроfических произведений и звеньев — 57 из 78. Еще в 16 стихотворениях расподобление строф по одним параметрам сопровождается уподоблением по другим, благодаря чему создаются симметричные строфические рисунки. Чаще всего такие конструкции в поэзии Набокова строятся на основе нетождественных четверостиший, которые не совпадают друг с другом по роду окончаний, схеме рифмовки, в ряде текстов еще и по метрическому строению. Модели строф чередуются произвольно, но вид рифмовки меняется предсказуемо и формирует отчетливое рифменное ожидание. Так, например, четырежды реализовывается последовательность из четырех строф, в которой первая и последняя имеют перекрестную рифмовку, а центральные — охватную (табл. 4):

Таблица 4

Нерегулярные нетождественные строфы в поэзии Набокова: регулярное чередование видов рифмовки

Название	Строфическая схема	Размер
«Пегас» («Гляди: вон там, на той скале, — Пегас!..»)	aBaB + cDDc + EffE + gHgH.	Я5
«Ангелы. VII. Начала»	aBaB + cDDc + EffE + GhGh.	Я5
«Весна» («Взволнован мир весенним дуновеньем...»)	AbAb + CddC + eFFe + GhGh + X’.	ПМФ Я5>ЯВ3—5
«Тихая осень»	AbAb + CddC + eFFe + GhGh.	ПМФ Я6>ЯВ4—6

Сложно построенные стиховые конструкции встречаются и среди неравностроfических структур Набокова. Чередование типов строф оказыва-

CC BY

ется регулярным трижды: в переводе из Р. Брука «Троянские поправ развалины, в чертог…» нечетные строфы включают по 8 строк, нечетные — по 6; в стихотворении «Как я люблю тебя…» объем строф колеблется в последовательности 12 — 8 — 11 — 8 — 12; максимальной степенью упорядоченности характеризуется композиция текста «Я помню, что были томительно сладки…»: здесь нечетные строфы являются четверостишиями охватной рифмовки, используют мужские и (или) женские окончания (aBBa, ABBA) и написаны разностопным амфибрахием 4442; четные же строфы представляют собой пятистишия со сплошной рифмовкой мужских окончаний (abbab) и содержат как амфибрахические, так анапестические стихи (размеры меняются в последовательности Ам3444Ан1, Ам4444Ан1) (табл. 5).

Таблица 5

Нерегулярные нетождественные строфы в поэзии Набокова: регулярное чередование типов строф

Название	Строфическая схема	Размер
«Троянские поправ развалины, в чертог…»	aBBaaCCa + DDeFFe + gHHgIjIj + KKlMMl.	Я6
«Я помню, что были томительно сладки…»	ABBA + cddcd + eFFe + ghhgh.	ПМФ АмВ1—4> 3-сл.п.а.В1—4
«Как я люблю тебя»	AbAbCdCdEfEf+ GhG'hI'jIj + KL"KKL"MnMnMn + OpO'pQrQr + StStUvU'vWyW'y.	ПМФ Я4>ЯВ2—4

Ни у одного из упомянутых выше поэтов XIX—XX веков подобные маргинальные структуры, имеющие признаки как регулярных, так и нерегулярных строф, не имеют столь высоких количественных показателей: у 8 авторов они не представлены, у 12 авторов встречаются не более чем 5 раз; по числовым показателям Набоков сопоставим только с Вагиновым и Рукавишниковым, чьи стиховые опыты были исключительно яркими даже по меркам первой трети XX века (в их творчестве насчитывается, соответственно, 7 и 22 текста такого «смешанного» строения).

4. Заключение = Conclusions

Проведенное исследование дает основания утверждать, что распространенное в литературоведческих работах представление о простоте и традиционности нетождественной строфики Набокова иллюзорно. Поэт уделял разработке нетождественных строф достаточное внимание и стремился выявить еще не реализованный предшественниками и современниками потенциал этих структур.

CC BY

Специфика нетождественностроfических произведений Набокова определяется, во-первых, вариативностью их моделей: почти для каждого нового стихотворения находится новая метрико-строфическая форма; во-вторых, соотношением признаков нетождественности строф — преобладанием четверостиший, отличных друг от друга по схеме рифмовки и роду окончаний; в-третьих, наличием усложненных композиционных структур — регулярных строф, соотнесенных по принципу зеркальной симметрии, маргинальных форм, в которых расподобление строф по одним признакам сопровождается уподоблением по другим (в этих структурах принцип зеркальной симметрии также реализуется чаще, чем принцип трансляционной симметрии).

Нет оснований говорить о том, что в разработке нетождественных строф Набоков стремился возродить традиции русского Золотого века, — в частности, с Пушкиным у поэта больше различий, нежели сходства. Специфика нетождественных строф ставит Набокова в один ряд с теми авторами, которые в современном стиховедении имеют устойчивую репутацию виртуозных экспериментаторов со стиховой формой, — Тютчевым, Рукавишниковым, Вагиновым.

Между тем именно на фоне трех названных авторов особенно очевидны мнимый консерватизм и скрытое экспериментаторство Набокова-стихотворца. Еще в юности очарованный «эхом тютчевского грома» [Маликова, 1997, с. 749], позднее, в эмиграции, опубликовавший 11 своих переводов стихотворений поэта, Набоков в опытах со строфикой шел все же своим путем. Так, у Тютчева, много экспериментировавшего и в области метрики, и в области строфики, нет столь сложных, выверенных нетождественностроfических структур, как у Набокова, — для Тютчева более характерны хорошо известные традиции куплетные формы и конструкции с выделенной «концовкой», в которых последняя строфа по одному или нескольким параметрам отличается предыдущих строф, тождественных друг другу. У старшего современника Набокова Рукавишникова, оставившего более объемное поэтическое наследие, предпринимавшего исключительные по сложности и разнообразию стиховые эксперименты, главным направлением опытов с нетождественными строфами стала разработка неурегулированных, предельно расшатанных структур, основанных на постоянном нарушении строфического, метрического, рифменного ожидания. Стратегия экспериментов в области нетождественной строфики отличает Набокова и от его сверстника Вагинова: большое количество нетождественностроfических текстов в его творчестве является результатом культивирования вольных размеров и, особенно, переходных метрических форм в ямбах — именно

CC BY

они и дают различие строф по метрическому параметру; другие, более необычные структуры для поэта не характерны. Набоковские эксперименты с нетождественными строфами по сложности и изысканности сопоставимы, пожалуй, лишь с его же экспериментами в области ритмики [Смит, 2002, с. 105—109; Федотов, 2010, с. 173—189], начатыми еще до эмиграции.

Источники и принятые сокращения

1. *Набоков В. В.* Стихотворения / В. В. Набоков. — Санкт-Петербург : Новая библиотека поэта, 2002. — 674 с. — ISBN 5-7331-0160-1.

2. *Набоков В. В.* Стихотворения / В. В. Набоков. — Анн Арбор : Ардис, 1979. — 338 с. — ISBN 0-88233-292-9.

3. КМСРЛС — *Картотека* по метрике и строфике русского литературного стиха (хранится в Санкт-Петербургском государственном университете, Санкт-Петербург).

Литература

1. *Бутовская С. А.* Метрика и строфика Л. А. Виноградова / С. А. Бутовская // Петербургская стихотворная культура — II : Материалы по метрике, строфике и рифме петербургских поэтов / сост. и науч. ред. Е. В. Хворостьяновой. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2013. — С. 374—408. — ISBN 978-5-905988-61-5.

2. *Бутовская С. А.* Метрика и строфика С. Л. Кулле / С. А. Бутовская // Петербургская стихотворная культура — II : Материалы по метрике, строфике и рифме петербургских поэтов / сост. и науч. ред. Е. В. Хворостьяновой. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2013. — С. 332—373. — ISBN 978-5-905988-61-5.

3. *Бутовская С. А.* Метрика и строфика И. Ф. Анненского / С. А. Бутовская, В. М. Захарова, Г. Р. Монахова // Петербургская стихотворная культура — II : Материалы по метрике, строфике и рифме петербургских поэтов / сост. и науч. ред. Е. В. Хворостьяновой. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2013. — С. 103—253. — ISBN 978-5-905988-61-5.

4. *Вишневский К. Д.* Нетождественные строфы в русской поэзии XVIII—XIX вв. : Классификация и функции / К. Д. Вишневский // Онтология стиха : Сборник статей памяти Владислава Евгеньевича Холшевникова / под ред. Е. В. Хворостьяновой. — Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2000. — С. 51—62. — ISBN 5-8465-0014-5.

5. *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строфика / М. Л. Гаспаров. — Москва : Фортуна Лимитед, 2000. — 352 с. — ISBN 5-85695-020-8.

6. *Захарова В. М.* Метрика и строфика Г. В. Адамовича / В. М. Захарова // Петербургская стихотворная культура — II : Материалы по метрике, строфике и рифме петербургских поэтов / сост. и науч. ред. Е. В. Хворостьяновой. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2013. — С. 281—331. — ISBN 978-5-905988-61-5.

7. *Лалетина О. С.* Метрика и строфика А. С. Кушнера / О. С. Лалетина, И. В. Луцюк, К. Ю. Тверьянович // Петербургская стихотворная культура : Материалы по метрике, строфике и ритмике петербургских поэтов : сборник статей / сост. и науч. ред. Е. В. Хворостьяновой. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2008. — С. 517—634. — ISBN 978-59818-7288-4.

CC BY

8. *Лотман М. Ю.* Метрика и строфика А. Х. Востокова / М. Ю. Лотман // Русское стихосложение XIX в. Материалы по метрике и строфике русских поэтов / отв. ред. М. Л. Гаспаров. — Москва : Наука, 1979. — С. 115—144.

9. *Лотман М. Ю.* Метрика и строфика А. С. Пушкина / М. Ю. Лотман, С. А. Шахвердов // Русское стихосложение XIX в. Материалы по метрике и строфике русских поэтов / отв. ред. М. Л. Гаспаров. — Москва : Наука, 1979. — С. 145—257.

10. *Маликова М. Э.* «Первое стихотворение» В. Набокова. Перевод и комментарий / М. Э. Маликова // В. В. Набоков: Pro et contra / сост. Б. Аверина, М. Маликовой, А. Долинина. — Санкт-Петербург : РХГИ, 1997. — С. 741—771. — ISBN 5-88812-058-8.

11. *Монахова Г. Р.* Метрика и строфика Д. Е. Максимова / Г. Р. Монахова // Петербургская стихотворная культура : Материалы по метрике, строфике и ритмике петербургских поэтов : сборник статей / сост. и науч. ред. Е. В. Хворостьяновой. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2008. — С. 467—516. — ISBN 978-59818-7288-4.

12. *Монахова Г. Р.* Метрика и строфика К. К. Вагинова / Г. Р. Монахова // Петербургская стихотворная культура : Материалы по метрике, строфике и ритмике петербургских поэтов : сборник статей / сост. и науч. ред. Е. В. Хворостьяновой. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2008. — С. 431—466. — ISBN 978-59818-7288-4.

13. *Новинская Л. П.* Метрика и строфика Ф. И. Тютчева / Л. П. Новинская // Русское стихосложение XIX в. Материалы по метрике и строфике русских поэтов / отв. ред. М. Л. Гаспаров. — Москва : Наука, 1979. — С. 355—413.

14. *Смит Дж.* Русский стих Набокова / Дж. Смит // Взгляд извне : Статьи о русской поэзии и поэтике. — Москва : Языки славянской культуры, 2002. — С. 95—115. — ISBN 5-94457-031-8.

15. *Тверьянович К. Ю.* Метрика и строфика Б. К. Лившица / К. Ю. Тверьянович // Петербургская стихотворная культура : Материалы по метрике, строфике и ритмике петербургских поэтов : сборник статей / сост. и науч. ред. Е. В. Хворостьяновой. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2008. — С. 361—430. — ISBN 978-59818-7288-4.

16. *Тверьянович К. Ю.* Инструкция к составлению метрико-строфических справочников по произведениям русских поэтов XVIII—XX вв. / К. Ю. Тверьянович, Е. В. Хворостьянова // Петербургская стихотворная культура : Материалы по метрике, строфике и ритмике петербургских поэтов : сборник статей / сост. и науч. ред. Е. В. Хворостьяновой. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2008. — С. 11—63. — ISBN 978-59818-7288-4.

17. *Федотов О. И.* Между Моцартом и Сальери (о поэтическом даре Набокова) / О. И. Федотов. — Москва : Флинта, 2015. — 398 с. — ISBN 978-5-9765-1990-9.

18. *Федотов О. И.* Поэзия Владимира Набокова-Сирина / О. И. Федотов. — Ставрополь : [б. и.], 2010. — 271 с.

19. *Хворостьянова Е. В.* Метрика и строфика А. Г. Битова / Е. В. Хворостьянова // Петербургская стихотворная культура — II : Материалы по метрике, строфике и рифме петербургских поэтов / сост. и науч. ред. Е. В. Хворостьяновой. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2013. — С. 409—446. — ISBN 978-5-905988-61-5.

20. *Шахвердов С. А.* Метрика и строфика Е. А. Баратынского / С. А. Шахвердов // Русское стихосложение XIX в. Материалы по метрике и строфике русских поэтов / отв. ред. М. Л. Гаспаров. — Москва : Наука, 1979. — С. 278—328.

21. *Шерр Б. П.* Метрика и строфика В. А. Комаровского / Б. П. Шерр // Петербургская стихотворная культура — II : Материалы по метрике, строфике и рифме петербургских поэтов / сост. и науч. ред. Е. В. Хворостьяновой. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2013. — С. 254—280. — ISBN 978-5-905988-61-5.

CC BY

Material resources

A card index on the metric and stanza of Russian literary verse (stored at St. Petersburg State University, St. Petersburg). (In Russ.).

Nabokov, V. V. (1979). *Poems.* Ann Arbor: Ardis. 338 p. ISBN 0-88233-292-9. (In Russ.).

Nabokov, V. V. (2002). *Poems.* Saint Petersburg: The Poet's New Library. 674 p. ISBN 5-7331-0160-1. (In Russ.).

References

Butovskaya, S. A. (2013). Metrica and strofika L. A. Vinogradova. In: *Petersburg Poetic Culture — II: Materials on metrics, stanza and rhyme of St. Petersburg poets.* Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. 374—408. ISBN 978-5-905988-61-5. (In Russ.).

Butovskaya, S. A. (2013). Metrica and strofika S. L. Kulle. In: *Petersburg Poetic Culture — II: Materials on metrics, stanza and rhyme of St. Petersburg poets.* St. Petersburg: Nestor-History. 332—373. ISBN 978-5-905988-61-5. (In Russ.).

Butovskaya, S. A., Zakharova, V. M., Monakhova, G. R. (2013). Metrics and stanzas of I. F. Annensky. In: *Petersburg Poetic Culture — II: Materials on metrics, stanza and rhyme of St. Petersburg poets.* St. Petersburg: Nestor-History. 103—253. ISBN 978-5-905988-61-5. (In Russ.).

Fedotov, O. I. (2010). *The poetry of Vladimir Nabokov-Sirina.* Stavropol: [b. i.]. 271 p. (In Russ.).

Fedotov, O. I. (2015). *Between Mozart and Salieri (about Nabokov's poetic gift).* Moscow: Flinta. 398 p. ISBN 978-5-9765-1990-9. (In Russ.).

Gasparov, M. L. (2000). *An essay on the History of Russian verse. Metric. Rhythmics. Rhyme. Strofika.* Moscow: Fortune Limited Publishing House. 352 p. ISBN 5-85695-020-8. (In Russ.).

Hvorostyanova, E. V. (2013). Metrica and strofika A. G. Bitova. In: *Petersburg Poetic Culture — II: Materials on metrics, stanza and rhyme of St. Petersburg poets.* St. Petersburg: Nestor-History. 409—446. ISBN 978-5-905988-61-5. (In Russ.).

Laletina, O. S., Lutsyuk, I. V., Tveryanovich, K. Y. (2008). Metrics and stanzas of A. S. Kushner. In: *Petersburg poetic culture: Materials on metrics, stanzas and rhythmics of St. Petersburg poets: collection of articles.* Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. 517—634. ISBN 978-59818-7288-4. (In Russ.).

Lotman, M. Yu. (1979). Metrica and strofika A. H. Vostokova. *Russian versification of the XIX century.* In: *Materials on the metrics and stanzas of Russian poets.* Moscow: Nauka. 115—144. (In Russ.).

Lotman, M. Yu., Shakhverdov, S. A. (1979). Metrica and strofika A. S. Pushkin. Russian versification of the XIX century. In: *Materials on the metrics and stanzas of Russian poets.* Moscow: Nauka. 145—257. (In Russ.).

Malikova, M. E. (1997). "The first poem" by V. Nabokov. Translation and commentary. *V. V. Nabokov: Pro et contra.* St. Petersburg: RHGI. 741—771. ISBN 5-88812-058-8. (In Russ.).

Monakhova, G. R. (2008). Metrica and strofika D. E. Maksimova. In: *Petersburg poetic culture: Materials on metrics, stanzas and rhythmics of St. Petersburg poets: collection of articles.* St. Petersburg: Nestor-History. 467—516. ISBN 978-59818-7288-4. (In Russ.).

Monakhova, G. R. (2008). Metrica and strofika K. K. Vaginov. In: *Petersburg poetic culture: Materials on metrics, stanzas and rhythmics of St. Petersburg poets: collection*

CC BY

of articles. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. 431—466. ISBN 978-59818-7288-4. (In Russ.).

Novinskaya, L. P. (1979). Metrica and strofika F. I. Tyutchev. In: *Russian versification of the XIX century. Materials on the metrics and stanzas of Russian poets*. Moscow: Nauka. 355—413. (In Russ.).

Shakhverdov, S. A. (1979). Metrica and strofika E. A. Baratynsky. In: *Russian versification of the XIX century. Materials on the metrics and stanzas of Russian poets*. Moscow: Nauka. 278—328. (In Russ.).

Sherr, B. P. (2013). Metrics and stanzas of V. A. Komarovsky. In: *Petersburg poetic culture — II: Materials on metrics, stanzas and rhyme of St. Petersburg poets*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 254—280. ISBN 978-5-905988-61-5. (In Russ.).

Smith, J. (2002). Nabokov's Russian Verse. In: *An outside view: Articles about Russian poetry and poetics*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 95—115. ISBN 5-94457-031-8. (In Russ.).

Tveryanovich, K. Yu. (2008). Metrica and strofika B. K. Livshitsa. In: *Petersburg poetic culture: Materials on metrics, stanzas and rhythmics of St. Petersburg poets: collection of articles*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 361—430. ISBN 978-59818-7288-4. (In Russ.).

Tveryanovich, K. Yu., Hvorostyanova, E. V. (2008). Instructions for compiling metrical and strophic reference books on the works of Russian poets of the XVIII—XX centuries. In: *Petersburg poetic culture: Materials on metrics, stanzas and rhythmics of St. Petersburg poets: collection of articles*. St. Petersburg: Nestor-History. 11—63. ISBN 978-59818-7288-4. (In Russ.).

Vishnevsky, K. D. (2000). Non—identical stanzas in Russian poetry of the XVIII—XIX centuries: Classification and functions. In: *The Ontology of verse: A collection of articles in memory of Vladislav Evgenievich Kholshevnikov.* Saint Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University. 51—62. ISBN 5-8465-0014-5. (In Russ.).

Zakharova, V. M. (2013). Metrics and stanzas of G. V. Adamovich. In: *Petersburg Poetic Culture — II: Materials on metrics, stanza and rhyme of St. Petersburg poets*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya. 281—331. ISBN 978-5-905988-61-5. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 26.04.2022,
одобрена после рецензирования 06.05.2022,
подготовлена к публикации 13.05.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Подюков И. А. Христианские реминисценции в живой речи (на материале старообрядческих говоров Прикамья) / И. А. Подюков // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 4. — С. 318—334. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-318-334.

Podyukov, I. A. (2022). Christian Reminiscences in Live Speech (in Old Believers' Subdialects of Prikamye). *Nauchnyi dialog, 11(4):* 318-334. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-318-334. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU EBSCOhost

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-318-334

Христианские реминисценции в живой речи (на материале старообрядческих говоров Прикамья)

Подюков Иван Алексеевич
orcid.org/0000-0002-1844-5038
доктор филологических наук,
профессор,
старший научный сотрудник
отдела истории, археологии
и этнографии
podjukov@yandex.ru

Пермский федеральный
исследовательский центр
Уральского отделения
Российской академии наук
(Пермь, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 19-18-00117
«Традиционная культура русских
в зонах активных межэтнических
контактов Урала и Поволжья»

Christian Reminiscences in Live Speech (in Old Believers' Subdialects of Prikamye)

Ivan A. Podyukov
orcid.org/0000-0002-1844-5038
Dr. Hab. (Philology), Senior Researcher
Department of History, Archaeology and
Ethnography
podjukov@yandex.ru

Perm Federal Research Center
Ural Branch
Russian Academy of Sciences
(Perm, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 19-18-00117
"Traditional culture of Russians
in areas of active interethnic
contacts in the Urals
and the Volga region")

© Подюков И. А., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье поднимается вопрос о книжных реминисценциях в живой речи носителей старообрядческой традиции Прикамья. Отражая религиозное сознание, они содержат догматы о смысле жизни и законах нравственности, раскрывают суть этических наставлений. Уделяется внимание функциям реминисценций, способам их использования: введение в высказывание имени христианского персонажа или названия сакрального объекта, включение в речь названий прецедентных артефактов, использование фразеологизмов из текстов традиционной книжности и аллюзий. Новизна исследования видится в том, что выявлено активное использование старообрядцами отсылок к библейским, житийным и апокрифическим текстам. Книжные включения наделены мировоззренческими и дидактическими смыслами, выражают аналогию фактов христианской истории и явлений реальной жизни. Доказано, что использование элементов религиозных текстов оживляет в сознании носителя языка смыслы этих текстов, наделяет устную речь свойствами интертекстуальности. Использование религиозных реминисценций характеризуется их широким варьированием, что связано с условиями устной диалектной коммуникации и отражает снижение религиозной грамотности. Актуальность исследования обусловлена тем, что привлекаемые в обыденную речь образы книжно-письменной культуры остаются малоисследованным средством выражения сложного мира чувств и переживаний верующего.

Ключевые слова:
христианские реминисценции; старообрядцы; диалекты; Прикамье.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article brings about the issue of book reminiscences in the live speech of the bearers of the Old Believers' tradition of Prikamye. Reflecting religious consciousness, they have dogmas about the meaning of life and laws of morality; reveal the essence of ethical guidance. Attention is paid to the functions of reminiscences, the ways of their use: introduction of the name of a Christian character or the name of a sacred object into the statement, inclusion of the names of precedential artifacts in live speech, the use of phraseological units from the texts of traditional literature and allusions. The novelty of the study is seen in the fact that the Old Believers actively used references to the biblical, hagiographic and apocryphal texts. Book inclusions are endowed with worldview and didactic meanings; they express an analogy between the facts of Christian history and the phenomena of real life. It is proved that the use of elements of religious texts revives the meanings of these texts in the mind of a native speaker, endows oral speech with the properties of intertextuality. The use of religious reminiscences is characterized by their broad variation, due to the conditions of oral dialect communication, and reflects the decline of religious literacy. The relevance of the study is conditioned by the fact that the images of book and written culture involved in everyday speech remain a little-studied means of expressing the complex world of feelings and emotional experiences of a believer.

Key words:
Christian Reminiscences; Old Believer; Subdialects; Prikamye.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 81-25+811.161.1’42(470.53)

Христианские реминисценции в живой речи (на материале старообрядческих говоров Прикамья)

© Подюков И. А., 2022

1. Введение = Introduction

В структуре речевого общения разных лингвокультурных общностей при выражении характерных для того или иного сообщества культурных стереотипов используются текстовые реминисценции. Реминисценция, или заимствованный элемент других текстов, представляет собой отсылку к широко известному культурному факту (прецедентные феномены — это единицы, отражающие категории культуры [Захаренко и др., 1997, с. 87]). Она содержит аналогию представленных в исходном прецедентном тексте событий, свойств и качеств персонажей явлениям реальной жизни, связывает культурные, художественные, религиозные факты с действительностью. Такие включения в текст (речь) оживляют в сознании носителя языка смыслы исходных текстов (обычно авторитетных, отражающих ценностную картину мира).

Обращение в речи к религиозным текстам (библейским сюжетам и образам, к произведениям житийной литературы) характерно не только для образованного человека, знающего священную историю, религиозную идеологию и религиозное учение. Для носителя традиционной, бесписьменной культуры типично обыденное религиозное знание, которое в основном переносится в личную сферу человека. Связь религиозного и мирского ярко выражена у носителей христианской веры, речь которых содержит интертекстуальные книжные включения религиозного содержания (особенно характерно книжное религиозное знание для диалектоносителей-старообрядцев [Крючкова, 2018]). Отрываясь от библейского контекста, религиозные реминисценции самостоятельно используются для разъяснения понятий веры, передают оценку событий повседневной жизни с позиций морали и религии как двух взаимосвязанных сфер культуры.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Реминисценции активно исследуются на материале художественной речи [Нежданова, 2001; Рempель, 2004; Столяров, 2006], в публицистических текстах [Воронцова, 2004; Онищенко, 2010]. Особое внимание исследователей обращено на отсылки к библейским текстам: в них представлены ценностные смыслы нравственно-дидактического характера, сюжеты, образы, крылатые слова, остающиеся источником обогащения языка.

CC BY

Предпринятый в статье анализ книжных реминисценций в живой народной речи (прежде всего в диалекте) соотносится с исследованиями, в которых рассматриваются такие средства речевой рефлексии, как прецедентные высказывания религиозного содержания. Использование элементов древних письменных текстов представляет собой сложный стилистический прием, не вполне типичный для устной спонтанной речи. В диссертации А. В. Исаевой отмечается, что для современной разговорной речи более очевиден интерес к неканонизированным реминисцентным формам (заимствования из произведений художественной литературы и искусства, фильмов, драматических произведений, песен, анекдотов, средств массовой информации) [Исаева, 2000]. Книжная образность носит отвлеченный характер, что не свойственно живой речи, отличается преобладанием умозрительных, а не чувственных образов. Тем не менее книжные реминисценции как социокультурные стереотипы и как проявление стилистического творчества активно применяются и в живой речи. В частности, как отмечает Т. Н. Никонова, вставки из прецедентных текстов используются в диалектном общении носителей старообрядческой культуры (при этом исследователь показывает, что в речи уймонских староверов библейские истории в живом пересказе используются в готовом виде или же претерпевают различные изменения, переосмысливаются, получают смысловую многоплановость [Никонова, 2014]). Как показала О. Ю. Крючкова [Крючкова, 2008, с. 4], религиозные сюжеты органично включаются в культуру повседневности, подвергаясь субъективации, получая эмоциональную оценку. Таково, в частности, отмеченное О. Ю. Крючковой реминисцентное использование фрагмента притчи Иисуса Христа о пяти девах, не взявших масла в светильники (Евангелие от Матфея). В народном восприятии эпизод осмыслен как урок тому, что «*надо вовремя все запасать*», и как объяснение того, что Иисус Христос из-за неготовности людей к встрече с ним ушел, в результате чего жизнь стала неправедной («*Ой, не знаю, что за жизнь пошла!*»). Заметим, что в собственно религиозной образованной среде отмечены близкие, но не тождественные приведенным толкования притчи: что надо всегда быть готовым встретить Господа, иметь добрые дела, так как никто не знает ни дня, ни часа, в который приидет Сын Человеческий; что современные религии и церкви утратили тесную связь с Богом («уснули», как уснули девы, не готовые встретить Иисуса Христа).

В статье рассмотрены разные виды религиозных реминисценций, отмеченные в устном общении старообрядцев Прикамья (преимущественно жителей сельской местности или выходцев из села). Представителей старообрядчества отличает знание христианских текстов, а в основе их восприятия действительности и картины мира лежит отношение к каждому

CC BY

событию жизни как к исполненному сакральным смыслом. В условиях нынешнего угасания конфессиональной жизни старообрядческих согласий книжное знание ослабевает и все чаще воспроизводится лишь по памяти. Тем не менее речь многих носителей старообрядческой культуры остается «интертекстуальной»: содержит большое количество аллюзий к почитаемым носителями традиции книжным источникам. С помощью реминисценций, привлекаемых в речь, говорящим выражается предшествующий культурный опыт, актуализируются нормы традиции.

Книжные реминисценции в живой речи старообрядцев представлены в разных формах — как самостоятельное реминисцентное имя, как цитирование (чаще без сносок; дословное или с изменениями, в том числе в виде усечения), как вольный пересказ. Реминисцированием может быть введение в речь имени персонажа или названия географического объекта, названия прецедентного артефакта, использование фразеологизмов из текстов традиционной книжности, включение в свое повествование аллюзивных намеков на сюжеты и образы христианской литературы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Прецедентное имя в речи

В качестве реминисценций активно используются топонимы и антропонимы с устойчивыми христианскими ассоциациями — широко известные имена собственные, закрепленные в христианской культуре и как обозначения конкретного человека или места, и как культурные знаки, символизирующие идеальные и греховные качества человека, его отношение к жизни, понимание судьбы и пр.

Использование прецедентных имен собственных нередко заключается в их метафорической трансформации, в переводе в нарицательные. Название города *Назарет* (третьего по значимости после Иерусалима и Вифлеема, которое упоминается в евангельских текстах) встречается в оценке родной деревни рассказчицы, где прошло ее детство: «*Папа безумно маму, мне кажется, любил. И они очень дружно жили. Вот в таком назарете выросла. Я говорю — в стерильных условиях. А потом всю деревню нас раскулачили, выселили всех*» (Лысьва). Рассказчица в воспоминании о счастливом детстве не просто проводит аналогию между своей деревней и священным городом, где прошли детство и юность Иисуса Христа (*Назорея, Назаретянина*). Как известно, дальнейшая судьба Назарета была печальной: город был захвачен мусульманами, а после того, как его освободили крестоносцы, подвергся новому разорению (в город ворвались египтяне и приказали всем принять ислам; за отказ христиане были умерщвлены, а храмы уничтожены). Созданный рассказчицей образ сближает события

CC BY

христианской истории и личной судьбы героини, передает атмосферу пережитого ей времени.

Имя в процессе деонимизации получает символический смысл. Конфессиональное название старообрядца *кержак* представляет, на наш взгляд, сложный случай символического развертывания гидронима *Керженец* (названия левого притока р. Волга в Нижегородском Поволжье, на берегах которого в начале XVIII века было много старообрядческих скитов). Образованный от прецедентного имени конфессионим *кержак* ‘старообрядец’ (в Прикамье часто так называют не старообрядцев вообще, а прежде всего представителей часовенного согласия) мотивирован тем, что после разгрома старообрядцы, переселяясь на Урал, покидали свои селения по р. Керженец. В речевом употреблении название активно варьируется: речка *Керж / Кержач / Кержанка / Кержачка, Кержань / Кержень*, что, скорее всего, объясняется затемненной внутренней формой неславянского (финноугорского) гидронима (из мордовского *керж* левый), общерусской тенденцией наделять реку «женским» именем: *Мама говорила, что кержаки завелись на Кержанке, а она кержанка* (Трисаны, Нытвенский район); *Река Керж была, вера образовалась там. А поморская ли, я не знаю* (Соколово, Верещагинский район). *Кержень* в народных рассказах фигурирует как историческая родина носителей старой веры: *Кержень-то это уже не Никон зорил, а этот, епископ-то, как его, Питирим. Ак это, там мы были на Кержени. Кержень-то рядом там, значит, с этим озером, недалёко. Вот оттуда, с Горького сюда на Урал кержаки были ведёны Богородичной иконой* (Кын, Лысьвенский район). Приведенный текст демонстрирует переосмысление фактов истории: текст о переходе старообрядцев на Урал построен на записанной П. И. Мельниковым-Печерским легенде о том, что старообрядцев из Поморья в керженские леса вела икона Казанской богородицы, которая раньше была на Соловках; она и указала место для основания первого на Керженце Шарпанского скита («В лесах». Гл. I; в 1849 году скит был закрыт, а икону, как считается, П. И. Мельников-Печерский, приезжавший в эти места как чиновник особых поручений, вывез в Москву). Отмеченный факт перехода на Урал с иконой Богородицы не вымысел рассказчика; в сознании пермских старообрядцев, потомков тех, кто вышел из Керженца, усматривается осмысление реки как своеобразной мифической, священной «прародины» старообрядцев. Поэтому, по местному убеждению, река, откуда пошло старообрядчество, может находиться на Урале или в соседней Вятке: *На Урале есть река Кержачка — где-то в Свердловской области. Вот и прозвали кержаками* (Меча, Кишертский район); *Тут речка Кержачка была, здесь недалеко, по речке они жили. Их истребляли, убивали, и они по речке Кержачке скрывали-*

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ся, в лесах. Их даже в землю живых закапывали (Осинцево, Кишертский район); *Кержаки поселились в Кировской области на реке Кержач, так и стали называться кержаками* (Пурга, Очерский район). Размытость значения топонима указывает на его символизацию, это же подтверждает закрепление образа речки *Кержанки* в фольклоре. Он используется в зафиксированной В. Н. Шишонко пермской исторической песне «Как со вечора затуманилось» [Шишонко, с. 194] о беглых солдатах-разбойничках, которые плывут по Кержанке в легкой лодочке (опубликована И. В. Зыряновым [Камская вольница, 1977, с. 46—47]). Река с близким названием *Кеженка* встречается также в казацкой песне «Из-за Дону-то, Дону тихого» (*Из-под синего камешочика вытекала река, река быстрая. Речка быстрая, хоботистая, хоботистая-омутистая, По названью река — речка Кеженка* [Русские в Коми-Пермяцком округе …, 2008, с. 440]). По сюжету, в этих песенных текстах (как в знаменитой песне про Стеньку Разина) разбойник бросает в реку свою пленницу; река в них предстает как воплощение могучей стихийной силы, которая требует задабривания, безвинной жертвы. Образ жертвоприношения в чем-то созвучен идее жертвенной преданности старообрядцев вере, которая учит принимать страдания и относиться к ним как к духовному очищению.

Собственное имя с культурно-символическими коннотациями часто используется в речи старообрядцев в составе устойчивого сочетания. Такие сочетания могут иметь прямой, номинативный смысл и смысл переносный. Метафорически используется сочетание *Ноева потопа*, в котором упоминается описанный в Книге Бытия факт: «*Ноне льёт-ленёт, Ноева потопа. Вся трава полеглая. Прогневали Бога, вот и не останавливатся*» (Усть-Уролка, Чердынский район; ср. карельское *Ноев потоп* шутливо о проливном дожде [СРГК, вып. 4, с. 34]). Образ заимствован многими говорами: новгородское с *Ноева потопа* ‘очень давно’ [НОС, вып. 8, с. 155], псковское ‘о чём-л. очень старом, ветхом’ [СППП, с. 62]. Его назначение — не просто подчеркнуть масштабность стихии, но и дать ей толкование: по мнению верующих, всемирный потоп был наслан Богом в наказание за неверие, он должен изменить мир, стать уроком для человечества.

В составных названиях осложнение семантики достигается не только актуализацией религиозных ассоциаций имени, но и символизмом других компонентов. Например, название предания о преподобной Марии *Мариино стояние* (записано святым Софронием в VII веке) используется для обозначения службы, посвященной преподобной Марии Египетской (проводится в среду пятой недели Великого поста). Словом *стояние* здесь обозначено не обычное нахождение на месте в стоячем положении, а молитвенное стояние, которое для верующего символизирует распятие, освобождение, очищение

CC BY

от грехов, ср. в речи старообрядцев: *На стоянье хоть в тебя камни кидают, пули летят, а ты стой и молись* (Кын, Лысьвенский район). В название моления, следовательно, включена идея пред-стояния перед Богом: в стоянии «физическая неподвижность стоящего как бы восполняется … высшей подвижностью духа, его восприимчивостью, отзывчивостью, энергией, активностью» [Топоров, 1996, с. 30]. Название предания, следовательно, характеризует моление преподобной Марии как духовный подвиг. Не лишено символического наполнения и название знаменитого восстания монахов Соловецкого монастыря *Соловецкое сидение*. Не принявшие реформу Патриарха Никона монахи почти восемь лет сопротивлялись царским полкам, но восстание было подавлено, монахи казнены или сосланы (позже старообрядческой церковью все погибшие были признаны великомучениками). Слово *сидение*, указывая на промежуточное положение между стоянием и лежанием, в этом случае является символическим обозначением пребывания между жизнью и смертью (если стояние связано с активностью, то лежание с приближением человека к грани запредельного мира, инобытия [Топоров, 1996, с. 43]). Название исторического события (с Соловецкого сидения отсчитывается начало старообрядчества) становится одновременно обозначением места мучений, страданий за веру.

Определение Николы Святителя *Теплый заступник* (*Я только на молитвы надеюсь, на Святителя Николу, он скорый помощник и теплый заступник*, Лысьва) отражает его понимание как святого, которому можно молиться во всех нуждах. Слово *теплый* используется в оценке Святителя в устаревшем переносном значении ‘усердный’ (ср. *теплая молитва* ‘усердная’, *теплый человек* ‘отзывчивый’). Этот же эпитет используется в молитвах из молитвослова (*О, всесвятой Николае, угодниче преизрядный Господень, теплый наш заступниче и везде в скорбех скорый помощниче. Помози мне, грешному и унылому*…; ср. также в народном варианте молитвы *Батюшка Никола Великий Чудотворец, теплый помощник, добрый заступник, помоги мне, грешнице, во всех скорбях, во всех нуждах*…). Возможна для эпитета и прямая мотивация: считается, что с Николина дня (22 мая) устанавливается теплая погода (связь Николы с теплом отражена в пословицах *пришел бы Никола, а тепло будет*, *Вешной Никола с теплом, Зимний с морозом)*. Тему тепла усиливает еще одно обоснование: Никола Угодник считается святым, дарующим плодородие, урожай. В Прикамье с Николина дня либо начинался, либо им заканчивался самый большой и ответственный сев (пшеницу старались посеять до Николина дня — Калинино Кунг.). В отнесённости наиболее ответственных аграрных работ к дню св. Николая отражена устойчивая общерусская характеристика его как покровителя земледелия [Успенский, 1982, с. 52]. В целом же сочета-

CC BY

ние *Никола теплый помощник* указывает на особое место наиболее почитаемого святого в религиозном сознании русских.

Выражение *как Фому вытолкнуло (кого-л.)* используется для характеристики устыдившегося и спешно покинувшего какое-либо место человека (*Она давай его отчитывать: «Че ты к ему идешь, греховоднику»! А он повернулся к ей и сказал: «А может мы грешней его, че мы его ругам»? Тут ее как Фому вытолкнуло*, Кын, Лысьвенский район). В выражении упоминается один из двенадцати учеников Исуса Христа, известный верующим как сомневающийся и недоверчивый, упрямый человек («неверующий апостол»). Пережитое апостолом потрясение, когда он своими глазами увидел Христа воскресшим, соотнесено в рассказе с состоянием собеседницы, которой также внезапно открывается новое видение отношения к другому. Возможно, устойчивость сравнения подкрепляется представлением старообрядцев о том, что сомнение в своей вере в Бога не является грехом. Фома же символизирует человека, прошедшего тяжкое состояние неверия и прославляемого за опыт своего сомнения и веры (*блажени не видевшии и веровавше*», Евангелие от Иоанна. 20:29).

В ряде случаев в составе фразеологических выражений имеет место взаимодействие христианских имен. Сочетание *Дай Бог нам Петрово покаяние, не Иудино* наделено религиозно-нравственным смыслом, выражает мысль о истинной сущности покаяния: *Дай Бог нам всем Петрово покаяние, не Иудино. Иуда только раскаялся, а ко Христу не пришел, Петр апостол отрекался от Христа, а от его не убежал* (Кын, Лысьвенский район). В выражении через сопоставление поведения Иуды и апостола Петра проясняется суть одного из христианских таинств: Иуда, раскаявшись, не вернулся в свою общину и не припал к ногам воскресшего Христа, а самоубийством лишил себя возможности покаяться перед Господом. Отречение Петра от Христа и последовавшее его покаяние, осознание греха, напротив, стали для апостола великим уроком для спасения.

К именам собственным, как известно, относят и названия книг. В старообрядческой культуре чтение книг всегда было способом вхождения в живую духовную традицию; книга «была святыней, она являла собой материализацию таинственных сил» [Бахтина, 1998, с. 170]. В диалектной среде древние книги в наши дни живут чаще в воспоминаниях, и память об их содержании и назначении связана с названиями. Книга *Григорово* (*Григорьево*) *видение* рассказывает о видении ученика преподобного Василия Нового монаха Григория о вышнем Иерусалиме, пришествии Господнем и Страшном суде, о мытарствах души человека после его смерти на пути к Божьему суду: в *книгах Григорьева видения вы почитайте, Григорьево видение. Лествица... 40 ступенек, а что на каждой? Да 40 мытарств*

CC BY

(Пильва, Куединский район). В названии может использоваться (при образовании притяжательного прилагательного) форма православного русского имени Григорий *Григор*. Статьи на разные темы, направленные против ересей, содержит *Кириллова книга* (предназначалась для полемики с протестантами и католиками): *Не лечит она, книга эта Кириллова, она только по правильному молению* (Сыра, Суксунский район). Книга *Ефрем* упомянута в шутливом выражении о наступлении Великого поста *Пришла редька да хрен, да книга Ефрем* (Сепыч, Верещагинский район). В составе поговорки — указание на требование читать в пост книги Ефрема Сирина (богослова, автора Поучения, книги «Молитва Великого поста»; в истории религии преподобный Ефрем Сирин считается учителем покаяния).

3.2. Названия прецедентных феноменов

Названия артефактов, созданных человеком предметов, получивших религиозно-символические значения и смыслы, выделяют реалии, которые принадлежат не столько материальному миру, сколько духовной, вторичной реальности. Так, слово *ковчеже* используется для описания некоего сосуда, ящика, ларца для хранения ценностей: *На Суде Ангелы Господни ковчеже злата положат на веса, и что перетягат, грехи или добрые дела* (Лысьва). Словом здесь назван не просто ларец (в православной церкви *ковчежцем* называется ящик для хранения таких богослужебных предметов, как ризы святых, святые мощи). *Ковчеже* выступает как хранилище добрых деяний (в народных рассказах они представлены в виде золота). Искажение слова (*ковчеже* вместо *ковчежец*) вызвано затемненностью его внутренней формы; слово «ошибочно» уподоблено звательной форме, которая десемантизирована и используется лишь как способ стилизации. Заимствование из старославянского языка, слово встречается в христианской литературе (например, ковчежец, где находились духовные заслуги, святой Василий дает Ангелам, сопровождающим преподобную Феодору во время прохождения ей мытарств, чтобы откупаться от бесов, «Житие Василия Нового»). Семантическая неопределенность слова не лишает его общесимволического смысла, соотношения с идеей спасения, более очевидной в образе *Ноева ковчега*.

3.3. Фразеологизмы из текстов религиозной книжности

При использовании в устной речи фразеологизмов из религиозных книжных текстов обычно сохраняется их возвышенная окраска. В высказывании *грехов у нас у всех много, паче песка морскага и листа древнага* используется два сравнительных оборота, указывающих на множество, неисчислимость. Первый оборот со значением ‘много’ известен по словарям начала XX века и обозначает то, что неизмеримо, не поддаётся счету (*песка морского паче* ‘иносказательно о великом множестве’ [Михельсон, 1912, с. 622]). Восходит он к книге Бытия (*Умножая умножу семя твое, как*

CC BY

звезды небесные и как песок на берегу моря. Бытие. 22, 17; *И скопил Иосиф хлеба весьма много, как песку морского*. Бытие. 41, 49). Сравнение встречается в религиозных трудах (например, в Творениях Петра Дамаскина: «Первым признаком начинающегося здравия души является видение грехов своих, бесчисленных, как песок морской»). Сохранение в составе оборота сравнительного наречия *паче* (‘больше’) и следов архаичной местоименной формы прилагательного *морскага* придает сравнению возвышенный тон, а высказыванию — значение безусловной авторитетности. Второй оборот, соединенный с первым, имеет (при неясной внутренней форме) то же значение ‘много’. Можно предположить использование в этом случае образа древнего листа, исписанного буквами (из представления верующих, что «неисчислимые» грехи записываются на бумажных или пергаментных листах, например, в хартии: *В Иерусалим на моленье, и там пришла Пресвятая дева Мария с хартиями. Открылось небо, просто оно открылось. Она стала, чтобы люди все видели и читали, кому чё за чё спастися.* Лысьва; ср. В духовном стихе Н. Гурьянова «Гори ясней, моя лампада»: «*О как явлюсь я пред тобою, Владыка мой и судия? Грехов моих передо мною Лежит раскрыта хартия*»). Отметим также, что значение ‘много’ в народной речи нередко выражается уподоблением самим библейским текстам: «*Целу библию вам насказала*» (Воскресенское, Карагайский район). Само выражение можно считать наивной народной стилизацией, направленной на выделение мысли о том, что истинно верующим считается не тот, кто безгрешен, а тот, кто «видит свое духовное и нравственное несовершенство, свою греховность, страдает от нее и ищет исцеления, спасения» [Осипов, 1999, с. 224].

Известное по Ветхому завету (Вторая книга Моисеева) выражение *не давай вола своего тому, кто просит в праздник* содержит обрядовый запрет на работы в праздник («*Нельзя работать в праздник. Не давай вола своего, говорят, тому, кто просит в праздник. Не поощряй никак. И сам. Только Богу молись, это праздник. Кто соблюдает воскресения, праздники, тому век продлевается*», Лысьва). Сам библейский запрет, с которым оно связано, не разрешает работать в субботу (Закон о субботнем покое): «Шесть дней делай дела твои, а в седьмой день покойся, чтобы отдохнул вол твой и осел твой, и успокоился сын рабы твоей и пришелец» (Исход. 23:12). В говорах выражение изменено: запрет распространяется не на субботу, а на воскресение или праздник (в Библии нет такого однозначного предписания). Известно, что в древности последним днем недели считалась суббота, и только римский император Константин, которого считали язычником (и который разрешил в Риме все религии, в том числе христианство), перенес выходной день на воскресение как день, посвященный Солнцу. Если Библия объясняет запрет трудиться потребностью восстановить силы после шестидневной ра-

CC BY

боты (волы использовались для перевозки тяжестей, для обмолота зерна), то в живой речи указывается на необходимость чествовать воскрешение Христа. Упоминаемые в библейском высказывании ослы также использовались для земледельческих работ, особенно для приготовления почвы под посев. Обращение к авторитету Библии призвано объяснить запрет и усилить категоричность предписания. Выражение в *рай попасть, как слону в игольные уши* соотносится с фразой из Священного писания *Удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие* (Мк. 10): *Крестная у меня все говорила: в рай-то попасть, как слону в игольные уши. Тут надо молиться очень, Бога просить* (Лысьва). Варьирование компонентов слон / верблюд перекликается с известным «превращением» слона в верблюда, отраженным в этимологии слова *верблюд* (готское по происхождению слово *верблюд* через греческий язык восходит к восточному названию слона, см. [Фасмер, 2003, с. 293]). Использованное в речи выражение лишается основного смысла — рай не место для тех, кто тучен (кто живет для физических, плотских удовольствий), становится общей характеристикой труднодостижимости рая.

3.4. Аллюзии религиозного содержания в живой речи

Четкой границы между аллюзией и реминисценцией, как утверждают многие исследователи интертекстуальности, нет; нередки прямо противоположные толкования этих форм связи текстов (реминисценция включается в состав понятия «аллюзия»; реминисценция — обобщение всех форм интертекстуальных включений [Жишкевич, 2018, с. 80—81]). Выделяя религиозные аллюзии в живой народной речи, мы исходим из того, что среди других средств и форм интертекстуальной связи аллюзия требует однозначного понимания и прочтения, более близка к цитате, чем реминисценция, хотя и не нуждается в опоре на имя автора и часто не атрибутируется. Примером использования аллюзии может служить обращение к образу чудесной курочки из «Жития протопопа Аввакума», зафиксированное нами от разных носителей старой веры: *Наши деды с Камы, старообрядцы. Назвали уголовниками, пришли, всё забрали, только одна курочка осталась, для ребёнка яичко было каждый день. А отца судили. Года три сидел* (Кын, Лысьвенский район); *Родители были выселены как бандеры. Отмечаться надо было ходить. Бабушку со мной вот оставили, еда нету никакая, дак корчажными полосками меня кормила. Одна курочка, говорит, осталась, как знала, что голодом сидим. Окошко у нас открывалось. И знала, чтобы яичко не потерять, приходила домой сноситься. Как знала, чтобы ребёнку оставить яичко. Репрессия была такая. Мама всё время боялась, дрожала и беременна со мной была. Вот и выросло нас девять человек, двое маленьких умерли* (Рассолёнки, Лысьвенский район).

CC BY

Очевидно, в рассказах упоминается персонаж, близкий к «чудесной черненькой курочке» из «Жития протопопа Аввакума», которая «по два яичка ребятам на день приносила на пищу, помогая их нужде». Использование этого образа отражает стилевую манеру протопопа Аввакума: обыденными средствами изображать сакральное, непостижимое [Липич, 2005, с. 116]. Как имеющая отношение к началам жизни и будущему, курочка не дала умереть с голоду и детям ссыльного протопопа; этот же смысл реализован в представленных рассказчицами воспоминаниях. Косвенно указывает на чудесные свойства курочки глагол *знала*, ее способность *приходить сноситься* в дом через окно. Отметим, что подобная характеристика курочки вполне соотносится с народным мифологическим ее восприятием как близкого к Богу существа: курица в диалектной речи часто называется *божья*, *святая* («*На Великодённый четверг кладешь поклоны — без повеления божия курица не пропадает. Проси Бога, они святые курицы-то, чтоб летом коршун не обидел. Гражу крестом: «Чур, мои, да божьи*», Бырма, Кунгурский район). Особая выделенность курицы черного цвета проявляется в использовании ее в качестве жертвы при болезнях (Македония, Болгария, Чехия [СД, т. 3, с. 65]), в признании за ней особых качеств («*Черные курочки, оне кладливые*», Одинцово, Карагайский район). Использование аллюзии, следовательно, опирается на распространенность заключенного в ней символа, его универсальность.

4. Заключение = Conclusions

Наблюдения показывают активное использование старообрядцами в повседневной речи отсылок к библейским, житийным и апокрифическим христианским текстам, к названиям священных мест. Реминисценции могут быть представлены отдельным словом, устойчивыми словосочетаниями, отрезками текста, прямо или косвенно восходящими к тексту Библии или к библейским сюжетам, к неканоническим (апокрифическим и житийным) произведениям. Привлечение их в речь направлено на обозначение культурных и мировоззренческих приоритетов, на оформление представлений о смысле жизни и законах нравственности, на объяснение сути религиозно-этических предписаний и житейских наставлений; на выделение значимых для старообрядчества культурных реалий. Включаемые в обыденную речь образы книжно-письменной культуры являются одним из средств выражения сложного мира чувств и переживаний верующего. Их использование в устной речи подтверждает мнение Е. Б. Смилянской о том, что у конфессиональной культуры, книжной в своей основе, сохранились резервы для существования в новой ситуации, когда книжное знание постепенно заменяет лишь память о нем [Смилянская, 2013, с. 36]. Обучение грамоте, чтение, практика богословских споров занимают все

CC BY

меньше места в конфессиональной жизни современных старообрядцев, в основном религиозное знание актуализируется в молитве и участии в богослужениях. Деформация и произвольное индивидуальное развертывание многих заимствованных из книжных текстов элементов, безусловно, связано со снижением религиозной грамотности, с тем, что книжное знание все чаще воспроизводится лишь по памяти. Устное бытование элементов религиозного знания свидетельствует не только об утрате традиционной религиозности, но и о процессах ее трансформации.

Использование религиозных реминисценций характеризуется их широким формальным варьированием, семантическими переосмыслениями. Содержанием реминисценций становятся и сами события и факты христианской истории, и отношение к ним; с помощью этих фактов получают эмоциональную оценку явления реальной жизни говорящего. Вариативность книжных заимствований является также следствием проявления в речи творческого начала.

Источники

1. *Зырянов И. В*. Камская вольница : ист. фольклор. Прикамья / И. В. Зырянов. — Пермь : Кн. изд-во, 1977. — 227 с.

2. *Михельсон М. И.* Русская мысль и речь: свое и чужое : опыт русской фразеологии : сборник образных слов и иносказаний / М. И. Михельсон. — Санкт-Петербург, 1912. — 1045 с.

3. НОС — *Новгородский* областной словарь. — Новгород : Издательство Новгородского государственного педагогического университета, 1994. — Вып. 8. — 169 с.

4. *Русские* в Коми-Пермяцком округе: обрядность и фольклор : материалы и исследования / А. А. Бахматов, Т. Г. Голева, И. А. Подюков, А. В. Черных. — Пермь : От и до, 2008. — 501 с.

5. СД — *Славянские* древности / под ред. Н. И. Толстого. — Москва : Международные отношения, 2004. — Т. 3. — 693 с.

6. СППП — *Словарь* псковских пословиц и поговорок / сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. — Санкт-Петербург : Норинт, 2001. — 178 с.

7. СРГК — *Словарь* русских говоров Карелии и сопредельных областей / ред. А. С. Герд. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербурского университета, 1999. — Вып. 4. — 633 с.

8. *Фасмер М*. Этимологический словарь русского языка. Т. 1 / М. Фасмер. — Москва : Астрель-АСТ, 2003. — 588 с.

9. *Шишонко В. Н.* Народное творчество Пермской губернии. — Рукопись, № 204.

Литература

1. *Бахтина О. Н*. Книга и слово в старообрядческой системе ценностей (о своеобразии старообрядческой литературы) // Мир старообрядчества. — Москва : РОСПЭН, 1998. — Вып. 4. — С. 166—171.

2. *Воронцова Ю. А*. Реминисценции в текстах современных средств массовой информации : дис. ... канд. филол. наук / Ю. А. Воронцова. — Белгород, 2004. — 233 с.

CC BY

3. *Жишкевич А. И.* Типология форм интертекстуальных включений на основе реминисцентного поля / А. И. Жишкевич // Журнал Белорусского гос. ун-та. Филология. — 2018. — № 1. — С. 66—70.

4. *Исаева А. В.* Функционирование прецедентных текстовых реминисценций в устной речи носителей русского языка : диссертация ... кандидата филологических наук / А. В. Исаева. — Москва, 2000. — 168 с.

5. *Крючкова О. Ю.* Когнитивные и коммуникативные особенности дискурсивных фрагментов религиозной тематики в речи диалектоносителей / О. Ю. Крючкова // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2018. — № 2. — С. 19—26.

6. *Крючкова О. Ю.* Христианское и языческое в русской народной традиционной культуре (на материале текстового корпуса говора с. Белогорное Саратовской области) / О. Ю. Крючкова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. — 2008. — Т. 8, № 2. — С. 3—7.

7. *Липич О. В.* Поэтика прозы Аввакума (символы и тропы) / О. В. Липич // Вестник Московского университета. Сер. Журналистика. — 2005. — № 2. — С. 113—126.

8. *Нежданова Н. К.* Библейские реминисценции в рок-поэзии / Н. К. Нежданова // Дергачевские чтения — 2000. Русская литература: развитие и региональные особенности : материалы международной научной конференции, Екатеринбург, 10—11 октября 2000 г. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2001. — Ч. 2. — С. 232—235.

9. *Никонова Т. Н.* Речевой жанр притчи (эвокационный аспект) / Т. Н. Никонова, Л. И. Толстых, Н. А. Куликова // Коммуникативная культура старообрядцев Горного Алтая. — Горно-Алтайск : Горно-Алтайский государственный университет, 2014. — С. 44—49.

10. *Онищенко О. В.* Функционирование аллюзий, реминисценций и прецедентных феноменов в текстах русскоязычных СМИ / О. В. Онищенко // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. Гуманитарные науки. — 2010. — Специальный выпуск, № 2. — С. 58—64.

11. *Осипов А. И.* Путь разума в поисках истины / А. И. Осипов. — Москва, 1999. — 384 с.

12. *Прецедентное имя* и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудков, Д. В. Багаева // Язык — Сознание — Коммуникация. — Москва : Филология, 1997. — Вып. 1. — 192 с.

13. *Ремпель Е. А.* Библейские речения, сюжеты и мотивы в творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина («История одного города», «Господа Головлевы», «Пошехонская старина») : автореферат дис. ... кандидата филологических наук / Е. А. Ремпель. — Саратов, 2004. — 22 с.

14. Смилянская Е. Б. Книжная премудрость и избрание пути спасения старообрядцами Верхокамья на рубеже XX—XXI вв. / Е. Б. Смилянская // Вестник Томского государственного университета. История. — 2013. — № 1. — С. 36—43.

15. *Столяров О. О.* Религиозные мотивы в поэзии Арсения Тарковского / О. О. Столяров // Библейская символика в творчестве Б. Пастернака, А. Ахматовой, А. Тарковского : дис. … канд. филол. наук. — Москва, 2006. — С. 87—134.

16. *Топоров В. Н.* Об одном из парадоксов движения. Несколько замечаний о сверхэмпирическом смысле глагола «стоять», преимущественно в специализированных текстах / В. Н. Топоров // Концепт движения в языке и культуре. — Москва : Индрик, 1996. — С. 7—88.

CC BY

17. *Успенский Б. А*. Филологические разыскания в области славянских древностей / Б. А. Успенский. — Москва : Издательство Московского ун-та, 1982. — С. 52—55.

Material resources

Fasmer, M. (2003). *Etymological dictionary of the Russian language*. Moscow: Astrel-AST. 1. 588 p. (In Russ.).

Mikhelson, M. I. (1912). *Russian thought and speech: one's own and someone else's: experience of Russian phraseology: a collection of figurative words and allegories*. St. Petersburg. 1045 p. (In Russ.).

NOS — *Novgorod Regional Dictionary*. (1994). Novgorod: Publishing house of the Novgorod State Pedagogical University. 8. 169 p. (In Russ.).

Bakhmatov, A. A. et al. (2008). *Russians in the Komi-Permyak District: Ritualism and Folklore: Materials and Research*. Perm': Ot i do. 501 p. (In Russ.).

SD — Tolstoy, N. I. (ed.). (2004). *Slavic antiquities*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 3. 693 p. (In Russ.).

Shishonko, V. N. *Folk art of the Perm province. Manuscript, № 204*. (In Russ.).

SPPP — Mokienko, V. M., Nikitina, T. G. (eds.). (2001). *Dictionary of Pskov proverbs and sayings*. St. Petersburg: Norint. 178 p. (In Russ.).

SRGK — Gerd, A. S. (ed.). (1999). *Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent regions*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press. 4. 633 p. (In Russ.).

Zyryanov, I. V. (1977). *Kama freemen: historical folklore of the Prikam'ye*. Perm: Book publishing house. 227 p. (In Russ.).

References

Bakhtina, O. N. (1998). The Book and the Word in the Old Believer System of Values (On the Originality of the Old Believer Literature). In: *The World of the Old Believers*. Moscow: ROSPEN. 4. 166—171. (In Russ.).

Isaeva, A. V. (2000). *Functioning of precedent textual reminiscences in the oral speech of native speakers of the Russian language: PhD Diss*. Moscow. 168 p. (In Russ.).

Kryuchkova, O. Yu. (2008). Christian and pagan in Russian folk traditional culture (on the material of the text corpus of the dialect of the village of Belogornoye, Saratov region). *News of the Saratov University. New series. Series: Philology. Journalism, 8 (2):* 3—7. (In Russ.).

Kryuchkova, O. Yu. (2018). Cognitive and communicative features of discursive fragments of religious themes in the speech of dialect speakers. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University, 2:* 19—26. (In Russ.).

Lipich, O. V. (2005). Poetics of Habakkuk's prose (symbols and tropes). *Bulletin of Moscow University. Ser. Journalism, 2:* 113—126. (In Russ.).

Nezhdanova, N. K. (2001). Biblical references in rock poetry. In: *Dergachev readings — 2000. Russian literature: development and regional features: materials of the international scientific conference, Yekaterinburg 2000.* Ekaterinburg: Ural University Press. 2. 232—235. (In Russ.).

Nikonova, T. N., Tolstykh, L. I., Kulikova, N. A. (2014). The speech genre of the parable (evocative aspect). In: *Communicative culture of the Old Believers of Gorny Altai*. Gorno-Altaysk: Gorno-Altayskiy gosudarstvennyy universitet. 44—49. (In Russ.).

Onishchenko, O. V. (2010). The functioning of allusions, reminiscences and precedent phenomena in the texts of the Russian-language media. *Bulletin of the Taganrog Insti-*

CC BY

tute named after A. P. Chekhov. Humanitarian sciences. Special issue, 2: 58—64. (In Russ.).

Osipov, A. I. (1999). *The path of the mind in search of truth*. Moscow. 384 p. (In Russ.).

Rempel, E. A. (2004). *Biblical sayings, plots and motifs in the work of M. E. Saltykov-Shchedrin ("History of one city", "Lord Golovlevs", "Poshekhonskaya antiquity"): author's abstract of PhD Diss*. Saratov. 22 p. (In Russ.).

Smilyanskaya, E. B. (2013). Book wisdom and the choice of the way of salvation by the Old Believers of Verkhokamye at the turn of the 20th—20th centuries. *Bulletin of Tomsk State University. Story, 1:* 36—43. (In Russ.).

Stolyarov, O. O. (2006). Religious motives in the poetry of Arseny Tarkovsky. In: *Biblical symbolism in the works of V. Pasternak, A. Akhmatova, A. Tarkovsky: PhD Diss*. Moscow. 87—134. (In Russ.).

Toporov, V. N. (1996). On one of the paradoxes of motion. A few remarks on the supra-empirical meaning of the verb "stand", mainly in specialized texts. In: *The concept of movement in language and culture*. Moscow: Indrik. 7—88. (In Russ.).

Uspenskiy, B. A. (1982). *Philological research in the field of Slavic antiquities.* Moscow: Moscow University Publishing House. 52—55. (In Russ.).

Vorontsova, Yu. A. (2004). *Reminiscences in the texts of modern media: PhD Diss*. Belgorod. 233 p. (In Russ.).

Zakharenko, I. V. Krasnykh, V. V. et al. (1997). Precedent Name and Precedent Statement as Symbols of Precedent Phenomena. In: *Language — Consciousness — Communication.* Moscow: Filologiya. 1. 192 p. (In Russ.).

Zhishkevich, A. I. (2018). Typology of forms of intertextual inclusions based on the reminiscent field. *Journal of the Belarusian State. university Philology, 1:* 66—70. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 08.03.2022,
одобрена после рецензирования 02.05.2022,
подготовлена к публикации 13.05.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Шастина Е. М. Нарративная стратегия скепсиса в романе Н. Гштрайна «Британец» / Е. М. Шастина, Ю. К. Казакова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 4. — С. 335—355. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-335-355.

Shastina, E. M., Kazakova, Yu. K. (2022). Narrative Strategy of Skepticism in N. Gstrein's Novel "Die englischen Jahre". *Nauchnyi dialog, 11(4):* 335-355. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-335-355. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU EBSCOhost

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-335-355

Нарративная стратегия скепсиса в романе Н. Гштрайна «Британец»

Шастина Елена Михайловна
orcid.org/0000-0001-9551-5469
доктор филологических наук,
профессор
кафедры немецкой филологии
shastina@rambler.ru

Казакова Юлия Константиновна
orcid.org/0000-0002-1406-9899
кандидат филологических наук, доцент
кафедры английской филологии и основ
межкультурной коммуникации
kazakova696@gmail.com

Казанский (Приволжский)
федеральный университет
(Елабужский институт)
(Елабуга, Россия)

Narrative Strategy of Skepticism in N. Gstrein's Novel "Die englischen Jahre"

Elena M. Shastina
orcid.org/0000-0001-9551-5469
Doctor of Philology, Professor,
Department of German Philology
shastina@rambler.ru

Yulia K. Kazakova
orcid.org/0000-0002-1406-9899
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of English Philology
and Fundamentals of Intercultural
Communication
kazakova696@gmail.com

Elabuga Institute
of Kazan (Volga region)
Federal University
(Elabuga, Russia)

© Шастина Е. М., Казакова Ю. К., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуется роман современного австрийского писателя Норберта Гштрайна (род. 1961) «Британец» (Norbert Gstrein “Die englischen Jahre”, 1999) как опыт критического переосмысления «австрийского самосознания» в контексте «национального своеобразия» (Р. Менассе). Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления феномена «австрийская литература» второй половины XX — начала XXI веков. Выполнен обзор наиболее значимых произведений Гштрайна, доказано, что роман «Британец» является «поворотным» в творчестве писателя. Новизна исследования видится в том, что до сих пор творчество Гштрайна не являлось объектом изучения в российском литературоведении. К исследованию привлекается понятие нарративной стратегии, рассматриваются способы и специфика реализации «нарративной стратегии скепсиса», актуализирующей установку автора на критическое отношение к историческим событиям. Поднимается вопрос о влиянии «нарративной стратегии скепсиса» на рецепцию романа. Доказано, что «нарративная стратегия скепсиса» позволяет проследить изменения в развитии сюжета романа, выявить особенности его поэтики, осознать смысловое наполнение текста при рассмотрении проблемы идентичности на примере биографии-мифа. Методологической основой работы являются исследования зарубежных и отечественных ученых, касающихся австрийской литературы, а также природы нарративной стратегии, реализующейся в жанре романа.

Ключевые слова:
Норберт Гштрайн; австрийская литература; проблема идентичности; нарративные стратегии; биография-миф.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The novel of the modern Austrian writer Norbert Gstrein (born 1961) “Die englischen Jahre” (1999) is studied as an experience of critical rethinking of the “Austrian identity” in the context of “national identity” (R. Menasse). The relevance of the study is due to the need to comprehend the phenomenon of “Austrian literature” in the second half of the 20th — early 21st centuries. A review of the most significant works of Gstrein is made, it is proved that the novel “The English Years” is a “turning point” in the writer's work. The novelty of the study is seen in the fact that until now Gstrein’s work has not been an object of study in Russian literary criticism. The concept of a narrative strategy is involved in the study, the methods and specifics of the implementation of the “narrative strategy of skepticism”, which actualizes the author’s position to a critical attitude to historical events, are considered. The question is raised about the influence of the “narrative strategy of skepticism” on the reception of the novel. It is proved that the “narrative strategy of skepticism” allows us to trace the changes in the development of the plot of the novel, to identify the features of its poetics, to realize the semantic content of the text when considering the problem of identity on the example of a biography-myth. The methodological basis of the work is the research of foreign and domestic scientists concerning Austrian literature, as well as the nature of the narrative strategy implemented in the genre of the novel.

Key words:
Norbert Gstrein; Austrian literature; identity problem; narrative strategies; biography-myth.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 821.112.2Gstrein.07

Нарративная стратегия скепсиса в романе Н. Гштрайна «Британец»

© Шастина Е. М., Казакова Ю. К., 2022

1. Введение = Introduction

Имя современного австрийского писателя Норберта Гштрайна (Norbert Gstrein, род. 1961) известно российскому читателю по публикациям на русском языке его романа «Британец» („Die englischen Jahre“, 1999; перевод с немецкого Г. Снежинской, 2003) [Гштрайн, 2003] и фрагмента романа «Когда я был молод» („Als ich jung war“, 2019; перевод с немецкого И. Алексеевой, 2020) [Гштрайн, 2020].

Гштрайн — уроженец Тироля, родился в Мильсе (коммуна в Австрии), изучал математику в Инсбруке, Стэнфорде и Эрлангене, в 1988 году защитил диссертацию по философии («Zur Logik der Fragen»). В немецкоязычной литературе, начиная со второй половины XX века и по сегодняшний день, Норберт Гштрайн — заметная фигура, его творчество отмечено рядом престижных литературных премий (Ingeborg-Bachmann-Preis, 1989; Friedrich-Hölderlin-Preis, Berliner-Preis, 1994; Alfred-Döblin-Preis, 1999; Uwe-Johnsohn-Preis, 2003; Österreichischer Buchpreis, 2019; Thomas-Mann-Preis, 2021 и др.). Последний роман писателя — «Второй Якоб» („Der zweite Jakob“, 2021), хотя и не был удостоен «Немецкой книжной премии» (Deutscher Buchpreis), но вошёл в шорт-лист, что подтверждает неослабевающий интерес литературных критиков и читателей к его творчеству.

В российском литературоведении ранее не предпринималась попытка рассмотрения творчества Гштрайна с позиций нарратологии, что указывает на новизну настоящего исследования.

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью осмысления своеобразия австрийской литературы второй половины XX — начала XXI веков. Как уже неоднократно отмечалось, австрийская литература является «немецкоязычной литературой, но не немецкой» [Плахина, 2007, с. 5], поскольку проходит свой путь развития, в силу особого «австрийского самосознания» и «национального своеобразия» [Менассе, 1992], что находит отражение в романе известного писателя Норберта Гштрайна «Британец».

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы, с одной стороны, ввести в научный оборот российского литературоведения творчество современного писателя Австрии — Норберта Гштрайна — и, с другой стороны, проследить влияние нарративной стратегии на рецепцию его произведений.

CC BY

Предметом исследования является специфика реализации «нарративной стратегии скепсиса» в романе Н. Гштрайна «Британец». Гштрайн не столько увлекает читателя сюжетом, сколько привлекает внимание к самому повествованию, способу изображения реальности, где есть место критическому осмыслению, сомнению и скепсису как одной из характеристик «постмодернистской художественной парадигмы» [Гладилин, 2012, с. 2—3]. Постмодернистский скепсис, коим руководствуется Гштрайн, направлен на ревизию «неприкасаемых» авторитетов, в создании которых активно участвуют литераторы, вольно обращающиеся с историческим материалом, мифологизирующие прошлое, сочиняющие лже-биографии и биографии-мифы, поскольку любая биография представляет собой, по мнению Гштрайна, лишь некую интерпретацию реальной жизни (Biographie ist immer Interpretation) [цит. по: Thuswalder, 2000, S. 43].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для исследования послужил роман Норберта Гштрайна «Британец», опубликованный в 1999 году и переведенный на русский язык в 2003 году. Роман анализируется с позиций нарратологии, а именно с учетом использования автором специфических нарративных стратегий, что позволяет проследить своеобразие организации «нарративной инстанции». Повествование строится на допущении того, что подлинность событий является неким фантомом, который создается первоначально и воссоздается впоследствии при «невыясненных обстоятельствах».

Методологическая основа исследования строится в основном на сочетании традиционных биографического и культурно-исторического метода с системно-целостным анализом художественного текста.

Теоретической базой исследования стали труды зарубежных и российских исследователей, связанных с разработкой различных аспектов теории повествования [Бахтин, 1975; Рикер, 2000; Тюпа, 2011, 2018; Шмид, 2008 и др.]. Базовой категорией исследования выступает понятие нарративной стратегии, которую, согласно точке зрения В. И. Тюпы, можно рассматривать в качестве конфигурации трех взаимно обусловливающих моментов: нарративной картины мира (референтной компетенции автора), нарративной модальности (креативной компетенции повествователя, рассказчика, хроникера), нарративной интриги (рецептивной компетенции адресата) [Тюпа, 2011, с. 8—9]. Понятия «событие рассказа» и «события рассказывания» [Бахтин, 1975, с. 403—404] стали для данной работы основополагающими, что позволило проследить реализацию авторского замысла в организации нарративной инстанции.

Продуктивным для данного исследования является нарратологический анализ художественного текста, который позволяет объединить рассмотре-

CC BY

ние поэтики романа и описание принципов художественной коммуникации, что находит отражение в специфике реализации нарративной стратегии скепсиса.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

На основании исследования можно заключить, что «нарративная стратегия скепсиса» является смыслообразующей категорией не только в романе «Британец», но и в других произведениях австрийского писателя, на это, в частности, указывает проведенный авторами статьи краткий экскурс в творчество Гштрайна.

Интенция автора относительно восприятия исторических событий оказывает влияние на читателя, требует от него активного погружения в текст. Запутанное развитие сюжета в романе «Британец» связано в первую очередь с невозможностью линейного выстраивания повествования, биография-миф, или лже-биография, диктует свои правила организации текстового пространства, «событие, о котором рассказано в произведении» и «событие самого рассказывания» [Бахтин, 1975, с. 403—404] тесно взаимосвязаны друг с другом, в результате «событийная полнота произведения», построенная на своеобразной событийной интриге — «на способности прослеживать историю» [Рикер, 2000, с. 63], дезориентирует читателя. Автор вступает в игру с читателем, его скепсис передается читателю, который участвует в развенчивании главного героя на всех уровнях повествования.

3.1. Творчество Н. Гштрайна в контексте австрийской литературы второй половины XX — начала XXI веков

В творчестве Гштрайна можно выделить по меньшей мере два этапа. Начинал Гштрайн как представитель «антиобластнической литературы» (Antiheimatliteratur) — «самобытного и нового для мировой литературы явления» [Менассе, 1992, с. 101], объединившего таких известных на сегодняшний день писателей, как Г. Леберт, Г. Фрич, П. Хандке, Т. Бернхард, К. Хоффер, М. Грубер и др., описывающих в своих произведениях жизнь австрийской «глубинки». «На этой реальности, на её лжеидиллиях и убийственных стереотипах, на процессах разрушения “родного края” и на опустошенных этими процессами людях концентрировалось внимание наших писателей», — напишет позднее об этом направлении в австрийской литературе известный прозаик и эссеист Роберт Менассе [Менассе, 1992, с. 101].

Действие в ранних текстах Гштрайна (рассказах — „Einer“, 1988; „Anderntags“, 1989; романе — „Das Register“, 1992; новелле — „O_2“, романе „Der Kommerzialrat. Bericht“, 1993) разворачивается в сельской местности. Живописные пейзажи являются фоном для увлекательного сюжета, как правило, с элементами детективной истории, рассказанной в самобытной

CC BY

манере, соединяющей «события рассказа» и «события рассказывания» в единое целое, что уже стало своеобразной визитной карточкой автора, нарушающего хронологию событий, меняющего перспективу повествования, включающего в повествование несколько нарраторов, ответственных за «оформление» истории — «диегетической», относящейся к повествуемому миру, и «экзегетической», относящейся к акту повествования или описания [Шмид, 2003, с. 14].

В рассказе «Один» („Einer“) [Gstrein, 1988] речь идет о «разрушительном воздействии иностранного туризма и гротескном двуличии австрийцев, распродающих родной край толпам заезжих зевак» [Менассе, 1992, с. 102]. Герой романа — горнолыжный инструктор по имени Якоб — один из немногих, кто осознает, что люди склонны заблуждаться в том, что происходит вокруг. Протагонист, как и сам автор, скептически относится к трактовке событий прошлого и настоящего, сомневается в истинности отдельных фактов, идет вразрез с идеологией, умалчивающей прошлое и закрывающей глаза на сегодняшний день. В результате аутсайдерство протагониста, находящегося во «внутренней эмиграции» (das innere Exil) [Helbig, 2006, S. 15], вызывает подозрение у полиции. Якоб чувствует себя лишним в деревенской общине, он противится тому, как ведут себя австрийцы, обслуживающие туристов.

В романе („Das Register“), вышедшем четырьмя годами позже дебютного рассказа, Гштрайн продолжает начатую ранее тему, обращает внимание на замкнутость жизни в тирольских деревнях, на потогонную систему работы в семейных отелях, на «австрийскую душу или бездушие» („österreichische Seele oder Seelenlosigkeit“) [Gstrein, 1992, S. 90]. Критики обвиняют Гштрайна в том, что он в духе Томаса Бернхарда [Gunreben, 2011, S. 9] продолжает «изничтожение» и «поношение» того, как позиционируют австрийцы собственное понимание истории и себя в этой истории.

В 1995 году выходит очередной роман Гштрайна «Советник по коммерции» („Der Kommerzialrat. Bericht“) [Gstrein, 1995]. Уже в заглавии романа (Bericht — сообщение) читается авторский замысел, указывающий на то, что происходящие события вокруг смерти главного героя — шестидесятилетнего успешного «тирольского наместника» Алоиса Марзонера (Alois Marsoner), которого в округе называют «советником по коммерции» (Kommerzialrat), а друзья величают «сир» (Sir), — будут излагаться без какой-либо субъективной оценки. Однако, авторская интенция, как и в предыдущих текстах, наталкивается на невозможность объективного описания происходящих событий. В романе много недосказанного, биография протагониста «распадается», построенная на слухах и предположениях история жизни вскрывает неприглядные стороны, намеки на преступное

CC BY

прошлое, что диссонирует с кажущимся благополучием. Читатель дезориентирован, он вместе с нарратором участвует в расследовании запутанного преступления. Исследователь ранней прозы писателя З. Шайхль отмечает, что на языковом уровне раздвоенность реальности находит выражение в альтернативном употреблении сослагательного наклонения (Konjunktiv I), на уровне организации наррации речь идет об эксперименте (Experimente mit der Erzählsituation) [Scheichl, 2006, S. 36].

Второй этап творчества Гштрайна открывается романом «Британец» („Die englischen Jahre“, 1999), названным многими исследователями «поворотным» [Wallas, 2001; Valerius, 2005; Gunreben, 2011; Speicer, 2011; Strigl, 2001 и др.]. В этом романе Гштрайн впервые отходит от «деревенской тематики», действие переносится из Тироля в реальность большого города — в Вену и Лондон. Однако, как и в ранних текстах, Гштрайн сохраняет интригу, оставаясь верным своим эстетических установках и способу их художественного воплощения. Разговор о «новом Гштрайне» касается лишь смены места действия, его тексты, независимо от сюжета, от использования приемов повествования, отражают реальность. Главный герой романа — писатель Габриэль Хиршфельдер (Gabriel Hirschfelder) — проживает чужую жизнь, его биография, отягощенная событиями Холокоста, оказывается на поверку лже-биографией, что выясняется в результате частного расследования некой молодой женщины-врача, которая попала, как и её бывший муж, писатель Макс, «на удочку» Хиршфельдера, автора единственного романа, но кормившего долгие годы своих почитателей обещаниями создать нечто более значительное, что-то вроде романа-эпопеи. В ходе расследования выясняется, что настоящий Габриэль Хиршфельдер давно умер, а его двойник — авантюрист, который присвоил себе не только имя умершего, но и его «еврейскую судьбу». Смена идентичности выполняет в этом романе функцию лейтмотива.

В романе «Автопортрет с мертвецом» („Selbsportrait mit einer Toten”) [Gstrein, 2000], как и в романе «Британец», который заканчивается фразой, ключевой для понимания писательского кредо Гштрайна: «В обращении с фактами на писателя полагаться нельзя» [Гштрайн, 2003, с. 414] — в центре повествования фигура литератора и его жены, которая «эволюционирует» от свидетеля до главного повествователя.

События романа «Ремесло убийства» („Das Handwerk des Tötens“) [Gstrein, 2003] переносится в Югославию, в центре истории — военный корреспондент Кристиан Аллмайер (Christian Allmayer), у этого героя есть реальный прототип — журналист Г. Грюнер, погибший во время вооруженного конфликта в Косово. Его жизнь «рассказана» с позиций разных нарраторов, по-своему трактующих происходящие события, которые по

CC BY

«принципу матрешки» встраиваются в сюжет романа, при этом «события рассказывания» включают разные подходы к судьбе протагониста. По мнению В. Мюллер-Функа, это роман, в котором в центре повествования не события, а различные «версии рассказывания» („Roman, in dem nicht Ereignisse im Mittelpunkt stehen, sondern verschiedene Erzählversionen über sie“) [Müller-Funk, 2009, S. 243]. Данный роман является своеобразной иллюстрацией нарративной стратегии скепсиса, которая присутствует в романе как имплицитно, так и эксплицитно [Gunreben, 2011, S. 18].

Книга «Кому принадлежит история?» („Wem gehört eine Geschichte? Fakten, Fiktionen und ein Beweismittel gegen alle Wahrscheinlichkeit des wirklichen Lebens“) [Gstrein, 2004] в большей степени автобиографическая и «программная», поскольку автор пытается объяснить свой творческий метод вплетения фактов в художественное полотно произведения на примере романа «Ремесло убийства», что вызвало неоднозначную реакцию литературной общественности Австрии, которая сочла неуместным сам факт полемики автора с литературными критиками по поводу собственного романа. Данным произведением Гштрайн дал возможность заглянуть в «творческую лабораторию писателя», попытался объяснить позицию скептика по отношению к тому наивному «аутентичному реализму» („Realismus des Authentischen“), который превращает писателя в фигуру, копающуюся в руинах истории („Trümmerfrau des Faktischen“) [Breitenstein, 2004].

Роман «Зимы на юге» („Die Winter im Süden“) [Gstrein, 2008] тематически связан с романом «Ремесло убийства». В центре повествования — история хорватского фашиста, который в конце Второй мировой войны бежал в Аргентину, спустя сорок лет он возвращается на родину, чтобы поддержать движение за независимость. Все та же игра с биографией протагониста, примеряющего на себя разные одежды, что, как и в других текстах Гштрайна, ставит под сомнение происходящие в реальности события.

Роман «Вся правда» („Die ganze Wahrheit“) [Gstrein, 2010] написан в совершенно новой для писателя гротесковой манере. Протагонист романа — издатель в Вене — расстается с женой, его новой спутницей становится привлекательная особа, которая занимается литературным творчеством, увлекается эзотерикой и философствованием. Она «творит» собственную биографию, что также не проходит бесследно для её мужа.

В 2013 году вышла книга писателя «Предчувствие начала» („Eine Ahnung vom Anfang“) [Gstrein, 2013], рифмующаяся по содержанию с «новой реальностью», связанной с террористическими событиями в мире. В провинциальном городке на вокзале обнаружена бомба. Протагонист романа — одинокий учитель — узнает на фотографии своего любимого ученика Даниэля, по его мнению, попавшего под влияние некой религиозной секты. Весь сюжет

CC BY

построен на предположении о возможной причастности Даниэля к теракту, как и в других произведениях, автор «играет» с хронологией, смешивая прошлое с настоящим, прерывая событийный ряд, создавая «очаги напряженности», лишая читателя возможности принять однозначное решение.

В двух других романах Гштрайна — «В свободном мире» („In der freien Welt“) [Gstrein, 2016] и «Грядущие годы» („Die kommenden Jahre“) [Gstrein, 2018] — речь также идет о проблеме идентичности. Герой романа «В свободном мире» — американский еврей, служивший некогда в израильской армии, погибает в центре Сан-Франциско. Как всегда у Гштрайна, вокруг убийства разворачивается расследование, инициированное на сей раз другом протагониста, австрийским писателем Хуго (Hugo), который, отправляясь в различные города и страны — Калифорнию и Тель-Авив, в Нью-Йорк и на Аляску — пытается нащупать след преступления. Автор по-своему освещает израильско-палестинский конфликт, проблему «еврейской идентичности» в современном мире. В романе «Грядущие годы» главная роль отведена супружеской паре (Richard, Natascha), приютившей в летнем домике семью сирийских беженцев. Столкнувшись с проблемой, они вынуждены «встраиваться» в политическую ситуацию вокруг беженцев в Европе, которая неоднозначна в силу многочисленных противоречий. Гштрайн утверждает, что границы личного и общественного стерты (das Private ist immer auch politisch) [Steidl, 2019, S. 173].

В последнем романе Гштрайна «Второй Якоб» („Der zweite Jakob“) [Gstrein, 2021] рассказана история немолодого актёра (Jakob Thurner), это своеобразное подведение итогов на пороге шестидесятилетия. Ретроспективное воссоздание собственной жизни обнаруживает, помимо явных «достижений» в карьере и на любовном фронте, много такого, что вызывает чувство вины и стыда — отношения с близкими, неумышленное убийство, что осложняет дело потенциального биографа актера. Как и в ранних романах, Гштрайн «работает» с биографией, ставится под сомнение сам факт возможности собрать из разрозненных фактов жизни нечто целое. Нарратор (протагонист) и наррататор (биограф) находятся в сложной ситуации выбора между «поэзией» и «правдой», между вымыслом и реальностью, между преодолением прошлого и забвением.

В последние годы литературные критики все чаще ведут разговор о поэтике Гштрайна, обращая внимание на то, как писатель своим творчеством подтверждает собственную установку на литературу, освещая события истории — далекой и близкой [Assmann, 2015; Gunreben, 2011; Leiner, 2006; Spreicer, 2011 и др.].

Краткий обзор творчества Гштрайна позволяет рассматривать все произведения писателя в качестве единого текста с характерными принципами

CC BY

поэтики. Гштрайн встает на позиции скептически настроенного литературного критика, осуждает упрощенное понимание литературы и выступает в защиту собственной установки на правду, исходя из того, что «каждое высказывание всегда есть высказывание о рассказчике и о системе, на которую он опирается», следовательно, в самом повествовании может присутствовать «критика на само рассказывание» („Jede Aussage ist immer auch eine Aussage über den Erzähler und das ihm zugrunde liegende System. Das hat mich auch, <…> immer weiter dahin gebracht, dass mein Erzählen auch eine Kritik des Erzählers beinhalten muss“) [Helbig, 2006, S. 13].

Факты, вымысел, кич, по мнению Гштрайна, сопровождают любого автора в процессе работы над исторической темой: «Кому принадлежит история?» и что нужно сделать, чтобы «подтвердить вероятность реальной жизни», — на эти и другие вопросы пытается дать ответы современный австрийский писатель [Gstrein, 2003; 2004].

3.2. Роман «Британец»: проблематика, поэтика, нарратив

В конце 90-х годов в немецкоязычном литературном пространстве появляются романы, в которых подвергается критическому разбору клишированное обращение к историческому прошлому (standardisiert empfundene Auseinandersetzung mit Geschichte) [Leiner, 2006, S. 108], делается попытка по-новому взглянуть на Холокост, избегая субъективности в оценке трагедии (М. Штревувиц, А. Митгуч, Л. Фашингер и др.).

Роман «Британец» продолжает эту тенденцию, автор ставит под сомнение бытующее в общественном сознании и находящее отражение в литературе упрощенное восприятие исторического материала, когда мифологизируется биография, когда девальвируется «еврейская судьба», когда реальное, имевшее место быть, соседствует с допущением реальности, якобы имевшей место быть. Роман «Британец» объединяет черты детектива и исторического романа, поскольку запутанная история жизни Хиршфельдера напрямую связана с реальными событиями, которые происходили в Австрии периода аншлюса, на острове Мэн, куда направляли интернированных немцев и австрийцев, «особо опасных» евреев-беженцев. Гштрайн — реалист при описании тягот жизни — вечного страха, одиночества в толпе, безысходного однообразия и неизвестности, в которой в то время оказались многочисленные «друзья по несчастью».

Несмотря на то, что после публикации романа «Британец» Гштрайн был удостоен литературной премии Альфреда Дёблина, все же нельзя сказать, что критика была единодушна, вокруг выхода романа развернулась настоящая полемика, поскольку автор затронул одну из самых «устоявшихся», но в то же время одну из самых болезненных тем, касающихся австрийской идентичности. Априори в духе австрийской литературной традиции

CC BY

Гштрайн ищет «свой» язык, который бы позволил ему передать травматический опыт страны, связанный с национал-социалистическим прошлым. При этом очевидно, что постмодернистские тенденции, которые привнесли новое понимание мироустройства, нашли отражение в этом романе.

Так. Н. В. Гладилин, исследующий постмодернизм в немецкоязычных странах, со ссылкой на Х. Харберса [Harrbers, 1996, S. 57] подчеркивает, что смена культурной парадигмы привела к тому, что «скепсис более не означает преимущественно утрату, он является также приобретением», поскольку «означает возможность либерально-подрывного отношения ко всякому авторитету и догматике» [Гладилин, 2012, с. 2], этим объясняется тот факт, что биография, которая обрастает штампами и клише, как это и случилось с главным героем романа — Габриэлем Хиршфельдером, подвергается критическому разбору, формирует скепсис, вызывает недоверие.

Повествование начинается с фрагмента, значение которого становится понятным лишь ретроспективно, после прочтения всего текста: «Вначале был миф: Хиршфельдер, писатель-легенда, великий нелюдим, кремень, так о нем говорили, с самой войны застрявший в Англии, прозаик, трудившийся над своим шедевром <…>, припомнив все эти россказни, я прихожу к выводу: ничего интересного, просто расхожие штампы» [Гштрайн, 2003, с. 8].

Повествование преимущественно ведется от первого лица, безымянная героиня — бывшая спутница журналиста и писателя по имени Макс — продолжает начатое мужем расследование жизни известного австрийского писателя, разделившего судьбу многих евреев в эмиграции. По сути, это очевидная история, когда понятно, кто стоит на стороне зла, а кто является жертвой. Однако «досье» Хиршфельдера содержит противоречивые факты, полученные из разных источников, эти факты разрушают ореол мученика. Главными «информаторами» выступают бывшие жены Хиршфельдера — Маргарет, Кэтрин, Мадлен. Каждая из женщин предъявляет свой собственный вариант его биографии.

3.3. Нарративная картина мира как единство вероятностных суждений: лже-биография или утрата идентичности

Нарративная картина мира, на которую опирается автор, построена на допущении самого разного рода событий и самого разного рода их трактовки. С этой целью автор отказывается от единственно возможного ракурса, напротив, добивается обратного эффекта при создании вероятностной картины мира с многочисленной подменой идентичности, чему способствует состояние нестабильности и неопределенности героя, находящегося в изгнании, попав в годы войны в эмиграцию, он остался в чужой стране до конца жизни.

В русском переводе книга называется «Британец» (дословный перевод оригинального названия „Die englischen Jahre“ — английские годы),

CC BY

что, на первый взгляд, указывает на национальную идентичность главного героя, но это только на первый взгляд, потому как Хиршфельдер для англичан — австрийский еврей; отправляясь на родину, в Австрию, он становится мистером Смитом: «эту фамилию он взял в годы войны, чтобы скрыть свое происхождение» [Гштрайн, 2003, с. 36]. Кто же на самом деле Габриэль Хиршфельдер? Это далеко не единственный вопрос, который возникает при чтении романа. Эмиграция делает почву под ногами еще более зыбкой, поскольку проблематична сама постановка вопроса относительно того, что лучше — оставаться самим собой или попытаться раствориться, приспособиться к новым условиям. Если учесть, что на это наслаивается экзистенциально важная проблема национальной идентичности (оставаться австрийцем или стать евреем), то неоднозначность и «события рассказа», и «события рассказывания» очевидна.

Сюжет настолько запутан, что не представляется возможным однозначно понять, что же на самом деле произошло с Хиршфельдером. Очевидно одно: главный герой далек от того имиджа, который устраивает большинство, в его судьбе есть место обману, измене, убийству и предательству. Это история пропавшей во времени биографии. Сделанный когда-то давно, в прошлом, выбор сохранил протагонисту жизнь, но лишил его собственной судьбы. Новая биография Лже-Хиршфельдера «отягощена» чужим прошлым — самоубийством матери и отчима-еврея, неспособных сопротивляться идеологии нацистов, вынужденной эмиграцией, по сути — бегством, арестом в Лондоне. Разоблачение героя происходит в конце романа. Но и здесь не все так просто и очевидно: «Из обрывочных рассказов <…> живо возникали целые сцены, и я по сей день удивляюсь, с какой легкостью моя фантазия ухитрилась заполнить пробелы, которые на самом деле, в реальности, не исчезли даже потом, когда мне стали известны многие новые факты. Чем больше я узнавала, чем дальше продвигалось «расследование», тем слабее становилась моя уверенность, что все в ту ночь было именно так, а не иначе, а уж под конец и вовсе никакой уверенности не осталось, кроме убеждения: даже если так не было, то могло быть» [Гштрайн, 2003, с. 55]. Заполнение пробелов памяти потенциально возможными событиями, приписывание и переписывание истории — явления, ставшие особенно актуальными в современном мире, присутствуют также в анализируемом романе. Каждая из жен Хиршфельдера вносит «свою лепту» в биографию протагониста, приписывая ему какие-то привычки, черты характера.

3.4. «Ненадежный повествователь» в организации нарративной стратегии скепсиса

Если принимать во внимание авторскую установку на литературный процесс, становится понятным, почему в романе «Британец» главными

CC BY

героями являются «коллеги по цеху». Габриэль Хиршфельдер — писатель, который издал всего одну книгу; Макс — автор статьи «Hommage a Hirschfelder» («Похвальное слово Хиршфельдеру») — вынашивает идею создания великого романа о великом романисте. На поверку оба автора вводят в заблуждение читателя, один — играет в писателя, уверяет, что работает над романом всей жизни; другой оказывается неспособным воплотить свой замысел в жизнь, поскольку, по мнению героини, нужно было описывать «не лакированную биографию ходульного героя, а повесть о живом человеке» [Гштрайн, 2003, с. 10]. А может быть, автором становится женщина, которая, переживая расставание с некогда близким ей человеком, продолжает начатое им дело, поэтому можно предположить, что именно она и написала на основе расследования книгу «не о монументе, высеченном из камня» [Гштрайн, 2003, с. 134], а о «живом человеке», так как в этой жизни есть и преступление, совершенное некогда на острове Мэн, и наказание, в которое вылилась в конечном итоге вся жизнь протагониста.

Повествовательная стратегия Гштрайна заключается в том, что сама структура текста привлекает читателя к домысливанию, к выдвижению гипотезы, поиска подтверждения или опровержения того или иного предположения. Роман состоит из параллельных текстов, которые графически отделены друг от друга, один текст воссоздает историю расследования, которая описана женой Макса. Именно она ведет «расследование», собирает показания ближнего круга Хиршфельдера, встречается с тремя его женами. Это так называемый «первичный текст», из которого читатель узнает, что Макс взялся за биографию Хиршфельдера — писателя-иконы, пойдя «на поводу у моды», «он понятия не имеет о тогдашней эмиграции», было бы лучше продолжать писать «деревенскую» прозу, что значительно лучше «авантюры, которая заведомо была обречена на неудачу» [Гштрайн, 2003, с. 9]. В тексте романа очевидны пересечения с автобиографическим материалом, для посвященного читателя такие факты «скрещения судеб» автора и персонажей всегда интересны.

Собранный в ходе расследования материал героиня передает своему бывшему мужу. Однако, как уже отмечалось ранее, не совсем понятно, кто в конечно итоге создает «вторичный текст», написанный в форме обращения на «ты», эти фрагменты романа выделены курсивом, например: *«Вена — уже не Вена, — говорил твой отец, — ты должен немедленно уехать из страны, и ты сидел напротив него в пивной на Гюртеле, и был дождливый осенний день, а до того он ждал тебя у входа в дом на Маргаретенштрассе, и теперь он втолковывал тебе все то же»* [Гштрайн, 2003, с. 58]. При этом «границы» между этими текстами стерты, что также затруднят идентификацию участников коммуникации.

CC BY

Кто пишет книгу о Хиршфельдере с учетом разоблачающего материала: Макс от имени жены или бывшая жена становится автором? Однозначного ответа на этот вопрос нет. В любом случае, фраза героини: «… я сказала Максу, что это его сюжет. В общем подарила историю, а занялся он ею или нет, рассказал её или решил молчать, не важно. Факты остаются фактами, и меня это успокоило, но в то же время я почувствовала тревогу, — ведь в обращении с фактами на писателя полагаться нельзя» [Гштрайн, 2003, с. 414], или реакция Макса: «Я повел бы рассказ от твоего имени» [Гштрайн, 2003, с. 413], а также идея Макса написать роман под чужой фамилией: «Может быть, подошла бы фамилия Ломниц или Оссовский» [Гштрайн, 2003, с. 413], — каждая из версий не исключает другую, по сути все варианты могли бы быть реализованы в тексте романа. Упоминания последних двух имен указывают на то, что Макс знаком с переданным ему материалом, это имена посвященных в «новую» судьбу Хиршфельдера — свидетелей событий в лагере интернированных, когда произошла «подмена» героя. Они также имеют неоднозначную идентификацию: одна из жен, Маргарет, называет их *Меченый* и *Бледный*, именно они ведут разговоры о Харрассере, это имя повторяет перед смертью Хиршфельдер. Всякий раз, когда они появлялись в его доме, он был вынужден оказывать гостеприимство, объясняемое настороженностью и страхом, в действительности же он проклинает «этих сволочей, еврейских мерзавцев» [Гштрайн, 2003, с. 50]. Ломниц и Оссовский — «два жутковатых посетителя», «то ли приведения, то ли два палача из «Процесса» Кафки», «ведь такие фамилии всегда бывают у тайных агентов в книжках» — подобные номинации, разбросанные по тексту, дают читателю почву для размышлений относительно того, кто есть кто.

Таким образом, компетенция рассказчика или рассказчицы (оба варианта допустимы) является основополагающим звеном нарративной стратегии скепсиса. В ходе развития сюжета происходит развенчание писателя-мифа, что логично вписывается на дискурсивном уровне в исторический контекст послевоенной Австрии, так как «ни одна страна в мире не пренебрегала публичным обсуждением своих внутренних проблем и их принципиальным осмыслением в такой степени, как это делала Вторая австрийская республика» [Менассе, 1992, с. 12].

3.5. «События рассказа» и «события рассказывания» как интригообразующие категории в романе Гштрайна «Британец»

Поэтика любой детективной истории включает в себя интригующее начало, успех хорошего детектива во многом зависит от того, насколько автору удается сохранить интерес читателя к происходящему. Роман Гштрайна не является в данном случае исключением, в основе сюжета — собы-

CC BY

тийная интрига вокруг судьбы лже-героя. Априори следует принять, что нарративная компетенция адресата задается повествовательной интригой, которая заключена в выстраивании событийного ряда («событийная интрига»), и интригой самого рассказывания («интрига дискурсии»), направленной на поддержание «напряжения читательского ожидания» [Тюпа, 2011, с. 19]. Попытка создать полноценную летопись жизни и творчества писателя Габриэля Хиршфельдера терпит фиаско, поскольку практически все, что читатель узнает о нем, так или иначе работает на продолжение интриги, как событийной, так и интриги, которая заключена в самом рассказывании истории. Поэтика интриги задается также присутствием в повествовании так называемого «ненадежного нарратора», который предлагает разные точки зрения на один и тот же предмет разговора, отчего возникает скептическое отношение к описываемым событиям, как заведомо ложным представлениям о реальности.

Интрига дискурсии обнаруживает себя, например, в эпизоде, когда нарратор включает в повествование интерпретацию единственной книги Хиршфельдера: «Однако, при всем сходстве, было бы упрощением отождествлять Хиршфельдера с героем, от лица которого бесстрастно ведется повествование в одном из рассказов, это рассказ о том, что, находясь в лагере на острове Мэн, он убил одного заключенного, как раз здесь проходит *линия, разделяющая художественный вымысел и реальную действительность»* (курсив наш. — *Е. Ш., Ю. К.*) [Гштрайн, 2003, с. 125].

В романе Гштрайна всегда проблемно обозначить эту линию, на что автор неоднократно намекает в тексте романа, призывая при восприятии фактов подключать критическое осмысление, скепсис думающего человека.

4. Заключение = Conclusions

В настоящей статье предметом исследования выступает нарративная стратегия скепсиса в романе Норберта Гштрайна «Британец», ставшем поворотным в творчестве современного австрийского писателя, именно это произведение обозначило переключение автора, переход от локальных проблем «антиобластнической» литературы к глобальным, общеевропейским проблемам, касающимся истории («преодоление прошлого»), и к событиям сегодняшнего дня (израильско-палестинский конфликт, события в Югославии и Косово, терроризм, мигранты и т. д.).

В зарубежном литературоведении этому автору посвящено большое количество исследований, в российской науке данная статья является первой попыткой осмысления творчества Гштрайна с позиций нарратологии, что позволяет проследить влияние нарративной стратегии скепсиса на рецепцию романа «Британец». В ходе исследования стало очевидным, что

CC BY

анализируемый роман логично вписывается в литературу постмодернистской художественной парадигмы, актуализирует, в частности, переход от иронического скепсиса модернизма к «постмодернистскому» скепсису, объясняющему ревизию устоявшихся взглядов и разоблачение мнимых авторитетов, что в какой-то мере объясняет авторский взгляд на историю.

Нарративная стратегия, представляющая собой, согласно концепции В. И. Тюпы, совокупность трех взаимосвязанных компонентов — нарративной картины мира, нарративной модальности и нарративной интриги, позволила построить исследование с учетом перечисленных факторов и заключить, что нарративная стратегия скепсиса является доминирующей, оказывает влияние на поэтику романа, на его аксиологическое наполнение.

Нарративная картина мира допускает самого разного рода трактовки описанных в романе событий. Гштрайн неоднократно меняет перспективу повествования, намеренно запутывает читателя, включая в повествование несколько нарраторов, отказывается от единственно возможного ракурса, создает вероятностную картину мира с многочисленной подменой идентичности; помещая протагониста в «чужую» среду эмиграции, он обостряет внутренний конфликт протагониста. Повествование с элементами детективной истории объединяет «события рассказа» — диегетическую историю и «события рассказывания» — экзегетическую историю в единое целое, создает напряженность, которая сохраняется до последних строк романа.

Нарративная интрига отвечает не только за выстраивание событийного ряда романа, когда автор меняет хронотоп, перемещая протагониста во времени и в пространстве, но и в большей степени обусловлена интригой самого рассказывания, наполненного намеками, направленными на поддержание читательского интереса. Этой цели служит смена нарративной инстанции, которая допускает многобразие точек зрения на конкретную биографию конкретного человека, что усиливает скептическое отношение к «якобы имевшему место быть». Нарратив, представленный в романе, актуализирует относительность таких понятий, как идентичность и биография, что приводит к появлению лже-биографии или биографии-мифа, и, в свою очередь, побуждает читателя к самостоятельному поиску истины.

Исследование романа «Британец» Норберта Гштрайна с позиций нарратологии представляется перспективным и может быть продолжено на материале других произведений этого автора.

Источники

1. *Гштрайн Н.* Британец : Роман / Н. Гштрайн ; Перевод с немецкого Г. Снежинской. — Санкт-Петербург : Симпозиум, 2003. — 416 с. — ISBN 5-89091-246-1.

2. *Гштрайн Н.* Когда я был молод : Фрагмент романа [Электронный ресурс] / Н. Гштрайн ; Перевод с немецкого И. Алексеевой // Звезда. — 2020. — № 11. — Режим доступа : https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=3912 (дата обращения 21.12.2021).

3. *Gstrein N.* Einer. Erzählung / N. Gstrein. — Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1988. — 118 S. — ISBN 3-518-39459-2.

4. *Gstrein N.* Das Register : Roman / N. Gstrein. — Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1992. — 301 S. — ISBN 3-518-40478-4.

5. *Gstrein N.* Der Kommerzialrat : Bericht / N. Gstrein. — Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1995. — 148 S. — ISBN 3-518-39218-2.

6. *Gstrein N.* O_2 : Novelle / N. Gstrein. — Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1993. — 299 S. — ISBN 3-518-40551-9.

7. *Gstrein N.* Die englischen Jahre : Roman / N. Gstrein. — Frankfurt am Main : Suhrkamp, 1999. — 391 S. — ISBN 3-518-41063-6.

8. *Gstrein N.* Selbstporträt mit einer Toten : Roman / N. Gstrein. — Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2000. — 112 S. — ISBN 3-518-41123-3.

9. *Gstrein N.* Das Handwerk des Tötens : Roman / N. Gstrein. — Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2003. — 380 S. — ISBN 3-518-41459-3.

10. *Gstrein N.* Die Differenz. Fakten, Fiktionen und Kitsch beim Schreiben über ein historisches Thema : Wiener Rede (gehalten auf einer Tagung der Erich-Fried-Gesellschaft Anfang Dezember 1999 in Wien) / N. Gstrein. — Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2003. — 38 S. — ISBN 3518066986 9783518066980.

11. *Gstrein N.* Wem gehört eine Geschichte? Fakten, Fiktionen und ein Beweismittel gegen alle Wahrscheinlichkeit des wirklichen Lebens / N. Gstrein. — Frankfurt am Main : Suhrkamp, 2004. — 107 S. — ISBN 3-518-41637-5.

12. *Gstrein N.* Die Winter im Süden : Roman / N. Gstrein. — München : Hanser, 2008. — 283 S. — ISBN 978-3-446-23048-4.

13. *Gstrein N.* Die ganze Wahrheit : Roman / N. Gstrein. — München : Hanser, 2010. — 304 S. — ISBN 978-3-446-23549-6.

14. *Gstrein N.* Eine Ahnung vom Anfang : Roman / N. Gstrein. — München : Hanser, 2013. — 349 S. — ISBN 9778-3-446-24334-7.

15. *Gstrein N.* In der freien Welt : Roman / N. Gstrein. — München : Hanser, 2016. — 469 S. — ISBN 978-3-446-25119-9.

16. *Gstrein N.* Die kommenden Jahre : Roman / N. Gstrein. — München : Hanser, 2018. — 288 S. — ISBN 978-3-446-25814-3.

17. *Gstrein N.* Als ich jung war : Roman / N. Gstrein. — München : Hanser, 2019. — 352 S. — ISBN 978-3-446-26371-0.

18. *Gstrein N.* Der zweite Jakob : Roman / N. Gstrein. — München : Hanser, 2021. — 448 S. — ISBN 978-3-446-26916-3.

Литература

1. *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет / М. М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1975. — 504 с.

2. *Гладилин Н. В.* Постмодернизм в литературе стран немецкого языка : генезис и основные тенденции развития : автореферат диссертации … доктора филологических наук : 10.01.03 / Н. В. Гладилин. — Москва, 2012. — 36 с.

CC BY

3. *Менассе Р.* Страна без свойств. Эссе об австрийском самосознании / Р. Менассе ; перевод с немецкого. — Санкт-Петербург : Петербург — XXI век, Симпозиум, 1992. — 128 с. — ISBN 5-88485-068-9.

4. *Плахина А. В.* Немецкоязычная, но не немецкая. Некоторые аспекты австрийской прозы 1970—1990-х годов / А. В. Плахина // Вопросы литературы. — 2007. — № 6. — С. 5—37.

5. *Рикер П.* Время и рассказ. Конфигурация в вымышленном рассказе / П. Рикер. — Москва ; Санкт-Петербург : Университетская книга, 2000. — Т. 2. — 224 с. — ISBN 5-7914-0023-3.

6. *Тюпа В. И.* Нарративная стратегия романа / В. И. Тюпа // Новый филологический вестник. — 2011. — № 3 (18). — С. 8—25.

7. *Тюпа В. И.* Жанровая природа нарративных стратегий. Лейдермановские чтения: эстетика минимализма / В. И. Тюпа // Филологический класс. — 2018. — № 2 (52). — С. 19—24.

8. *Шмид М.* Нарратология / М. Шмид. — Москва : Языки славянской культуры, 2003. — 312 с. — ISBN 5-94457-082-2.

9. *Assmann D.-Ch.* Skandal mit Ansage. Norbert Gstreins Kalkül / D.-Ch. Assmann // Literaturkritik heute. Tendenzen — Traditionen — Vermittlung. — Christina Gansel, Heinrich Kaulen (Hg.). — Göttingen : V&R unipress, 2015. — S. 159—173. — ISBN 978-3-8471-0246-5.

10. *Breitenstein A.* Zur Verteidigung der Poesie. Norbert Gstrein verfasst eine Streitschrift in eigener Sache [Electronic resource] / A. Breitenstein // Neue Zürcher Zeitung von 14.09.2004. — S. 47. — Access mode : https://www.perlentaucher.de/buch/norbert-gstrein/wem-gehoert-eine-geschichte.html#reviews (accessed 23.12.2021).

11. *Gunreben M.* „… der Literatur mit ihren eigenen Mitteln entkommen“. Norbert Gstreins Poetik des Skepsis / M. Gunreben // Bamberger Studien zu Literatur, Kultur und Medien. — Bamberg : University of Bamberg Press, 2011. — Band 2. — 140 S. — ISSN 2192-7901.

12. *Helbig A.* Der obszöne Blick. Interview mit Norbert Gstrein / A. Helbig // Norbert Gstrein. — Graz : Droschl, 2006. — S. 9—29. — ISBN 3-85420-713-1.

13. *Leiner V.* Fakten und Fiktionen bei der „Herstellung“ von Lebensgeschichten / V. Leiner // Norbert Gstrein. — Graz : Droschl, 2006. — S. 108—133. — ISBN 3-85420-713-1.

14. *Müller-Funk W.* Die Dummheiten des Erzählens. Anmerkungen zu Norbert Gstreins Roman „Das Handwerk des Tötens“ und zum Kommentar zum Roman „Wem gehört eine Geschichte?“ / W. Müller-Funk // Narration und Ethik. — München : Fink, 2009 (= Ethik – Text – Kultur 1). — S. 241—261. — DOI: https://doi.org/10.30965/9783846746387_016.

15. *Spreicer J.* Ständige Neuerfindung der Wahrheit. Zum Problem der Biographie und Identität im Roman „Die englischen Jahre“ von Norbert Gstrein / J. Spreicer // Zagreber Germanische Beiträge 20. — 2011. — S. 89—102.

16. *Scheichl S. P.* Gstreins frühe Prosa / S. P. Scheichl // Norbert Gstrein. — Graz : Droschl, 2006. — S. 33—46. — ISBN 3-85420-713-1.

17. *Steidl S.* Fluchtmigration. Begegnungsszenarien im deutschsprachigen Gegenwartsroman (2014—2018) : Dissertation zur Erlangung des Grades der Doktorin der Philosophie der Fakultät für Geisteswissenschaften der Universität Hamburg [Electronic resource] / S. Steidl. — Hamburg, 2019. — 223 S. — Access mode : https://ediss.sub.unihamburg.de/bitstream/ediss/8808/1/SSteidl_Dissertation_Ver%C3%B6ffentlichung_20210110.pdf (accessed 24.12.2021).

18. *Strigl D.* „Die Lebenden leben und die Toten sind tot“. Norbert Gstreins „Die englischen Jahre“ (1999) / D. Strigl // Der deutsche Roman der Gegenwart. — München : Wilhelm Fink, 2001. — S. 224—229. — ISBN 9783825222512.

19. *Thuswalder A.* Biographie ist immer Interpretation. Resümée eines Gesprächs mit Norbert Gstrein / A. Thuswalder // Salz. Zeitschrift für Literatur 25. — 2000. — H. 99. — S. 43—44.

CC BY

20. *Valerius A.* Zwischen Fakten und Fiktion. Norbert Gstrein auf der Suche nach der Wahrscheinlichkeit des wirklichen Lebens / A. Valerius // Kritische Ausgabe 13. — 2005. — H. 1. — S. 58—60.

21. *Wallas A. A.* Das Verschwinden im Exil. Zu Norbert Gstreins Erzähltexten „Die englischen Jahre“ und „Selbstportrait mit einer Toten“ / A. A. Wallas // Mnemosyne. ZEIT-Schrift für jüdische Kultur. — 2001. — H. 27. — S. 215—224.

Material resources

Gstrein, N. (1988). *Einer. Erzählung.* Frankfurt am Main: Suhrkamp. 118 S. ISBN 3-518-39459-2. (In Germ.).

Gstrein, N. (1992). *Das Register: Roman.* Frankfurt am Main: Suhrkamp. 301 S. ISBN 3-518-40478-4. (In Germ.).

Gstrein, N. (1993). *O2: Novelle.* Frankfurt am Main: Suhrkamp. 299 S. ISBN 3-518-40551-9. (In Germ.).

Gstrein, N. (1995). *Der Kommerzialrat: Bericht.* Frankfurt am Main: Suhrkamp. 148 S. ISBN 3-518-39218-2. (In Germ.).

Gstrein, N. (1999). *Die englischen Jahre: Roman.* Frankfurt am Main: Suhrkamp. 391 S. ISBN 3-518-41063-6. (In Germ.).

Gstrein, N. (2000). *Selbstporträt mit einer Toten: Roman.* Frankfurt am Main: Suhrkamp. 112 S. ISBN 3-518-41123-3. (In Germ.).

Gstrain, N. (2003). *Briton: A Novel.* St. Petersburg: Symposium. 416 p. ISBN 5-89091-246-1. (In Russ.).

Gstrein, N. (2003). *Das Handwerk des Tötens: Roman.* Frankfurt am Main: Suhrkamp. 380 S. ISBN 3-518-41459-3. (In Germ.).

Gstrein, N. (2003). *Die Differenz. Fakten, Fiktionen und Kitsch beim Schreiben über ein historisches Thema: Wiener Rede (gehalten auf einer Tagung der Erich-Fried-Gesellschaft Anfang Dezember 1999 in Wien).* Frankfurt am Main: Suhrkamp. 38 S. ISBN 3518066986 9783518066980. (In Germ.).

Gstrein, N. (2004). *Wem gehört eine Geschichte? Fakten, Fiktionen und ein Beweismittel gegen alle Wahrscheinlichkeit des wirklichen Lebens.* Frankfurt am Main: Suhrkamp.107 S. ISBN 3-518-41637-5. (In Germ.).

Gstrein, N. (2008). *Die Winter im Süden: Roman.* München: Hanser. 283 S. ISBN 978-3-446-23048-4. (In Germ.).

Gstrein, N. (2010). *Die ganze Wahrheit: Roman.* München: Hanser. 304 S. ISBN 978-3-446-23549-6. (In Germ.).

Gstrein, N. (2013). *Eine Ahnung vom Anfang: Roman.* München: Hanser. 349 S. ISBN 9778-3-446-24334-7. (In Germ.).

Gstrein, N. (2016). *In der freien Welt: Roman.* München: Hanser. 469 S. ISBN 978-3-446-25119-9. (In Germ.).

Gstrein, N. (2018). *Die kommenden Jahre: Roman.* München: Hanser. 288 S. ISBN 978-3-446-25814-3. (In Germ.).

Gstrein, N. (2019). *Als ich jung war: Roman.* München: Hanser. 352 S. ISBN 978-3-446-26371-0. (In Germ.).

Gstrain, N. (2020). When I was young: A Fragment of a novel. *Zvezda, 11*. Available at: https://zvezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=3912 (accessed 12/21/2021). (In Russ.).

Gstrein, N. (2021). *Der zweite Jakob: Roman.* München: Hanser. 448 S. ISBN 978-3-446-26916-3. (In Germ.).

CC BY

References

Assmann, D.-Ch. (2015). Skandal mit Ansage. Norbert Gstreins Kalkül. In: *Literaturkritik heute. Tendenzen — Traditionen — Vermittlung.* Göttingen: V&R unipress. 159—173. ISBN 978-3-8471-0246-5. (In Germ.).

Bakhtin, M. M. (1975). *Questions of literature and aesthetics. Studies of different years.* Moscow: Fiction. 504 p. (In Russ.).

Breitenstein, A. Zur Verteidigung der Poesie. Norbert Gstrein verfasst eine Streitschrift in eigener Sache. In: *Neue Zürcher Zeitung von 14.09.2004.* S. 47. Available at: https://www.perlentaucher.de/buch/norbert-gstrein/wem-gehoert-eine-geschichte.html#reviews (accessed 23.12.2021). (In Germ.).

Gladilin, N. V. (2012). *Postmodernism in the literature of the countries of the German language: genesis and main trends of development.* Author's abstract of Doct. Diss. Moscow. 36 p. (In Russ.).

Gunreben, M. (2011). „… der Literatur mit ihren eigenen Mitteln entkommen". Norbert Gstreins Poetik des Skepsis. In: *Bamberger Studien zu Literatur, Kultur und Medien, 2.* Bamberg: University of Bamberg Press. 140 S. (In Germ.).

Helbig, A. (2006). Der obszöne Blick. Interview mit Norbert Gstrein, In: *Norbert Gstrein.* Graz: Droschl. 9—29. ISBN 3-85420-713-1. (In Germ.).

Leiner, V. (2006). Fakten und Fiktionen bei der „Herstellung" von Lebensgeschichten. In: *Norbert Gstrein.* Graz: Droschl. 108—133. ISBN 3-85420-713-1. (In Germ.).

Menasse, R. (1992*). A country without properties. Essay on Austrian self-consciousness.* St. Petersburg: Petersburg — XXI century, Symposium. 128 p. ISBN 5-88485-068-9. (In Russ.).

Müller-Funk, W. (2009). Die Dummheiten des Erzählens. Anmerkungen zu Norbert Gstreins Roman „Das Handwerk des Tötens" und zum Kommentar zum Roman „Wem gehört eine Geschichte?". In: *Narration und Ethik.* München: Fink. 241—261. DOI: https://doi.org/10.30965/9783846746387_016. (In Germ.).

Plakhina, A. V. (2007). German-speaking, but not German. Some aspects of the Austrian prose of the 1970s—1990s. *Questions of Literature, 6:* 5—37. (In Russ.).

Riker, P. (2000). *Time and story. Configuration in a fictional story, 2.* Moscow; St. Petersburg: University Book. 224 p. ISBN 5-7914-0023-3. (In Russ.).

Spreicer, J. (2011). Ständige Neuerfindung der Wahrheit. Zum Problem der Biographie und Identität im Roman „Die englischen Jahre" von Norbert Gstrein. *Zagreber Germanische Beiträge 20.* 89—102. (In Germ.).

Scheichl, S. P. (2006). Gstreins frühe Prosa. In: *Norbert Gstrein.* Graz: Droschl. 33—46. — ISBN 3-85420-713-1. (In Germ.).

Schmid, M. (2003). *Narratology.* Moscow: Languages of Slavic Culture. 312 p. ISBN 5-94457-082-2. (In Russ.).

Steidl, S. (2019). *Fluchtmigration. Begegnungsszenarien im deutschsprachigen Gegenwartsroman (2014—2018).* Doct. Diss. Hamburg. 223 S. Available at: https://ediss.sub.unihamburg.de/bitstream/ediss/8808/1/SSteidl_Dissertation_Ver%C3%B6ffentlichung_20210110.pdf (accessed 24.12.2021). (In Germ.).

Strigl, D. (2001). „Die Lebenden leben und die Toten sind tot". Norbert Gstreins „Die englischen Jahre". In: *Der deutsche Roman der Gegenwart.* München: Wilhelm Fink. 224—229. ISBN 9783825222512. (In Germ.).

Thuswalder, A. (2000). Biographie ist immer Interpretation. Resümée eines Gesprächs mit Norbert Gstrein. *Salz. Zeitschrift für Literatur 25, 99:* 43—44. (In Germ.).

CC BY

Tyupa, V. I. (2011). Narrative strategy of the novel. *New Philological Bulletin, 3 (18):* 8—25. (In Russ.).

Tyupa, V. I. (2018). Genre nature of narrative strategies. Leiderman readings: aesthetics of minimalism. *Philological class, 2 (52):* 19—24. (In Russ.).

Valerius, A. (2005). Zwischen Fakten und Fiktion. Norbert Gstrein auf der Suche nach der Wahrscheinlichkeit des wirklichen Lebens. *Kritische Ausgabe 13, 1:* 58—60. (In Germ.).

Wallas, A. A. (2001). Das Verschwinden im Exil. Zu Norbert Gstreins Erzähltexten „Die englischen Jahre“ und „Selbstportrait mit einer Toten“. *Mnemosyne. ZEIT-Schrift für jüdische Kultur, 27:* 215—224. (In Germ.).

Статья поступила в редакцию 01.02.2022,
одобрена после рецензирования 30.04.2022,
подготовлена к публикации 13.05.2022.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ
HISTORY

Андрей Анатольевич Непомнящий, д-р истор. наук (Симферополь, Казань)
Вера Ивановна Федорова, д-р истор. наук (Красноярск)
Дмитрий Сергеевич Федотьев, ассистент (Санкт-Петербург)
Елена Васильевна Бородина, канд. истор. наук (Екатеринбург)
Ксения Александровна Анкушева, канд. истор. наук (Тюмень)
Наталия Ивановна Бурнашева, д-р истор. наук (Якутск)
Наталья Евгеньевна Архипова, канд. истор. наук (Нижний Новгород)
Степан Александрович Пьянков, канд. истор. наук (Екатеринбург)
Юлия Николаевна Красникова, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)
Юрий Евгеньевич Кондаков, д-р истор. наук (Санкт-Петербург)

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Анкушева К. А. Крестьянское переселение в Сибирь в начале XX века : по материалам журнала «Сибирские вопросы» / К. А. Анкушева // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 4. — С. 357—377. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-357-377.

Ankusheva, K. A. (2022). Peasant Resettlement in Siberia at Beginning of 20th Century (Materials of *Siberian Questions* Journal). *Nauchnyi dialog, 11(4):* 357-377. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-357-377. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU EBSCOhost

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-357-377

Крестьянское переселение в Сибирь в начале XX века: по материалам журнала «Сибирские вопросы»

Анкушева Ксения Александровна
orcid.org/0000-0002-6743-313X
кандидат исторических наук, доцент
главный научный сотрудник
ank-kseniya@yandex.ru

Государственное автономное учреждение
культуры Тюменской области
«Тюменское музейно-просветительское объединение»
(Тюмень, Россия)

Peasant Resettlement in Siberia at Beginning of 20th Century (Materials of *Siberian Questions* Journal)

Ksenia A. Ankusheva
orcid.org/0000-0002-6743-313X
PhD in History, Associate Professor,
Chief Researcher
ank-kseniya@yandex.ru

Tyumen Museum-Education Organization
(Tyumen, Russia)

© Анкушева К. А., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье на основе анализа опубликованных материалов журнала «Сибирские вопросы» реконструируется образ переселенцев, направляющихся за Урал в ходе реализации государственной политики, которая проводилась в России в начале XX века. Определяются основные грани этого образа, в числе которых состав переселенцев, их имущественное положение, источники информации и степень осведомленности о новом месте жительства. Особое внимание уделяется таким аспектам, как побудительные мотивы к переселению, восприятие трудностей и характер хозяйственного освоения территории, отношения со старожилами и взаимодействие с чиновниками. Рассматривается, насколько выявленные черты находят отражение в других источниках, сохраняют злободневность в течение всего периода выхода издания. Актуальность исследования обусловлена продолжающейся дискуссией об оценке переселенческой политики, а также масштабными изменениями, за ней последовавшими. Автор дает целостную характеристику образа переселенцев, делает вывод о его неоднозначности и предлагает этому свое объяснение. Основными источниками работы стали материалы журнала «Сибирские вопросы», а также документы из фондов ГАУК ТО «Тюменское музейно-просветительское объединение», часть из которых впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова:
образ; переселенцы; старожилы; миграции; Сибирь; «Сибирские вопросы».

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Based on the analysis of the published materials of the journal “Siberian Questions”, the article reconstructs the image of migrants heading beyond the Urals in the course of implementing the state policy that was carried out in Russia at the beginning of the 20th century. The main facets of this image are determined, including the composition of the settlers, their property status, sources of information and the degree of awareness of the new place of residence. Particular attention is paid to such aspects as incentives for resettlement, the perception of difficulties and the nature of the economic development of the territory, relations with old-timers and interaction with officials. It is considered to what extent the identified features are reflected in other sources, remain topical throughout the entire period of publication. The relevance of the study is due to the ongoing discussion about the assessment of resettlement policy, as well as the large-scale changes that followed it. The author gives a holistic description of the image of the settlers, draws a conclusion about its ambiguity and offers his own explanation for this. The main sources of work were the materials of the journal “Siberian Questions”, as well as documents from the funds of the Tyumen Museum-Education Organization, some of which are being introduced into scientific circulation for the first time.

Key words:
image; settlers; old-timers; migration; Siberia; Siberian Issues.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 94:325.1(571.1)“19”

Крестьянское переселение в Сибирь в начале XX века: по материалам журнала «Сибирские вопросы»

© Анкушева К. А., 2022

1. Введение = Introduction

Современное общество характеризуется широкими возможностями в плане свободы передвижения и, как следствие, сталкивается при этом с многочисленными вызовами. Они сохраняют свою актуальность даже с учетом развития коммуникационных технологий, позволяющих заранее ознакомиться с условиями жизни на той или иной территории, ее природно-климатическими особенностями, экономикой и социальной сферой, инфраструктурой, спецификой состава местного населения. Особое значение имеет взаимодействие местного населения и приезжих. В связи с этим вызывают интерес исторически сложившиеся практики адаптации и интеграции. Переселение, и как элемент социально-экономической политики, и как стихийное и самовольное явление, имело место в разные периоды истории. Наблюдается оно и в настоящее время. Актуальность исследования обусловлена продолжающейся дискуссией об оценке переселенческой политики в России начала XX века, а также масштабными изменениями, за ней последовавшими.

Основным источником данного исследования являются публикации в журнале «Сибирские вопросы», который издавался в г. Санкт-Петербурге в 1905—1913 годы и, по замыслу редакции (издателя В. П. Сукачева и первого редактора журнала П. М. Головачева), стремился к тому, чтобы его «читатели в сжатом изложении познакомились с выводами и важнейшими фактами по каждому ... пункту, имеющему для Сибири в настоящее время особенно серьезное значение», в их числе был «наплыв переселенцев» [От редакции …, 1905, с. IV]. Статьи, в той или иной степени касающиеся данной тематики, существенно различаются по своему формату и характеризуют переселенцев с разных сторон. В работе используются материалы из фондов ГАУК ТО «Тюменское музейно-просветительское объединение», часть из которых впервые вводится в научный оборот.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Опыт массовой миграции внутри страны относится к началу XX века, когда сотни тысяч переселенцев пытались найти свое счастье за Уралом. Данная тема неоднократно становилась предметом исследования истори-

CC BY

ков и специалистов иных научных сфер, в том числе социологии, психологии, демографии и т. д. Существенный пласт научной литературы посвящен условиям переселения, льготам и ссудам, выделению земли на местах [Белянин, 2008; Дюсюпова, 2020; Тюкавкин, 2001; Ус, 2004; Шевченко, 2017]. Большое значение придается Указу 1906 года, который закреплял переселенческое управление в составе Главного управления земледелия и землеустройства. Одним из сюжетов, сохраняющим остроту до сих пор, является медицинское обслуживание переселенцев [Егорышева и др., 2013; Татарникова и др., 2018]. Так, И. В. Егорышева и С. Г. Гончарова отмечают, что оно было организовано по образцу земской медицины. Авторы обычно указывают на распространение инфекционных заболеваний среди переселенцев, которые для перемещения использовали в основном водный путь, а также железнодорожное сообщение.

Довольно часто в работах мы видим некое противопоставление, например, в плане специфики хозяйственных занятий [Кузьмин, 2005]. Сравнительный анализ правовых воззрений старожилов и переселенцев проводит М. К. Чуркин, подчеркивая, что особенно разница заметна в поземельных отношениях [Чуркин, 2003]. Так, Е. Л. Зберовская пишет о взаимодействии русского и сибирского мира, подчеркивая объединяющую роль религии в этом процессе, но и не исключая конфликтной стороны [Зберовская, 2013]. Духовная культура остается предметом дискуссий [Батурин, 2020; Тихонов, 2017; Шитова, 2020; Шляхтина, 2021]. Мотивационно-колонизационную роль слухов в формировании идеального образа Сибири и, как следствие, мотиватора к переселению для многих крестьян анализирует К. В. Скобелев [Скобелев, 2009]. Он подчеркивает, что требовательность к себе и к Сибири, в случае неудач, вызывали разочарование и желание вернуться домой. Тема конфликтов детально рассматривается в одной из работ А. К. Кириллова и А. Г. Караваевой [Кириллов и др., 2018]. Авторы рассуждают на тему значения для страны внутренней миграции и мотивов переселяющихся. Отметим, что значительный корпус источников по теме опубликован в тематических сборниках «Сибирские переселения», последний из которых издан в 2020 году [Сибирские переселения …, 2020]. Значительный объем информации аккумулирован в рамках проекта «Сибиряки вольные и невольные» [Сибиряки …].

В данном контексте для нас представляют интерес работы, характеризующие не только ситуацию начала XX века [Чуркин, 2018], но и современные процессы миграции, особенно внутренней, поскольку они демонстрируют подходы к исследованию образа трудового мигранта, проявлению социальной напряженности между местными и пришлыми [Варганова, 2012]. В категориях «свой — чужой» о миграциях в Карелии пишут

CC BY

Ю. В. Литвин и С. Э. Яловицына, подчеркивая, что такого рода столкновения являются вызовами идентичности [Литвин и др., 2019]. На волне популярности визуальных исследований и так называемого визуального поворота [Мазур, 2015] интересен образ переселенцев в глазах современников, как он формировался, какие грани затрагивал и какое оказывал влияние.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Характеристика состава переселенцев и мотивов переселения

В первую очередь рассмотрим сюжет о составе переселенцев — он был весьма пестрым и включал преимущественно сельских, но также и городских жителей. Например, в самый разгар организованного переселения из прибывших в Кокчетавский уезд Акмолинской губернии 60 % составляли бывшие государственные крестьяне; 28 — бывшие помещичьи; 7,7 — бывшие казаки, мещане, дворяне и духовные. Помимо довольно неоднородного сословного состава, «в одном поселке скучиваются люди, принадлежащие к разным национальностям, говорящие на разных языках, принесшие с собой разные привычки» [Переселенцы …, 1908а, с. 24]. В ряде публикаций авторы приводят статистические данные о количестве переселенцев в динамике: 1906 год — 141 294 души семейных переселенцев обоего пола; 1907 — 427 339; 1908 (10 месяцев) — 639 870 [Переселенческое дело …, 1908, с. 113]. Тенденция роста в этот период подтверждается и другими источниками [Обзор …, 1908, с. 2; Обзор …, 1909, с. 25].

Большое внимание авторы уделяли имущественному положению прибывающих крестьян, полагая, что полезным для края является его заселение крепкими хозяевами. Образ реальных новоселов зачастую оценивался скептически: «Наличность значительного числа переселенцев, прибывших в Сибирь без денег и без имущества, и ограниченные размеры полученных ими ссуд — вот фон, на котором должны были развиться в Сибири слабые хозяйства, силою вещей вынужденные прибегать к услугам частного кредита» [Ссудная помощь …, 1907, с. 24]. Например, редко кто пытался объяснить отсутствие багажа у прибывающих наличием у них денег. Даже в 1911 году констатируется, что вместо зажиточных крестьян Сибирь встречает деревенскую бедноту [Новые приемы …, 1911, с. 26].

Независимо от имущественного положения, в первую очередь, крестьяне шли в Сибирь за землей, нехватка которой ощущалась в центральной части России. На страницах «Сибирских вопросов» этот тезис раскрывался весьма эмоционально. «Крестьяне, потерявши надежду на получение таким или иным способом земли в пределах Европейской России, кидаются, очертя голову, на переселение, распродают последнее добро, землю, избы и идут искать в Сибирь счастья» [Речь …, 1909, с. 52].

CC BY

Как же переселенцы узнавали о «чудесном и богатом крае»? Многие получали информацию благодаря непосредственному общению с близкими людьми, а иногда доверялись слухам: «Прошел какой-нибудь странник, прохожий человек и вечерком рассказывал заинтересованным мужикам о земельном приволе далекой Сибири, где земли — пахать не перепахать, где травы — косить не перекосить» [Переселенцы …, 1908а, с. 25]. Согласно статистике по Степному краю, большинство семей (до 30 %) «уходило по дорожке, проторенной своими и чужими ходоками, и к родным, переселившимся раньше»; «письма» стимулировали к переезду 18 % всех семей; официальные сведения правительства — 4,8 %; газетные публикации — 0,2 % семей [Переселенцы …, 1908а, с. 26]. Низкие показатели в последних двух случаях объясняются запретительной политикой, которую проводило государство до начала 1890-х годов, когда специальная литература о переселении, предназначенная для крестьян, преследовалась.

С началом организованного переселенческого движения появилось множество тематических изданий с рекомендациями, адресованными переселенцам. Однако уровень грамотности новоселов современниками оценивался невысоко. Более того, в 1908 году его снижение отмечалось как весьма негативная тенденция [Одна из нужд …, 1908, с. 79]. Кроме того, опубликованные сведения не всегда соответствовали действительности. Например, указанные участки могли быть разобраны, перечисленные удобства могли отсутствовать и даже объективные данные могли быть неверно истолкованы самими крестьянами.

3.2. Сюжеты о дороге и жизни переселенцев на новом месте

Прежде чем попытать счастья на новом месте, крестьянина ожидала долгая дорога. В начале XX века поездка в Сибирь даже для опытного путешественника была делом непростым, сопряженным со многими рисками. Нередко новички оказывались легкой добычей для разного рода мошенников. Этому сюжету авторы «Сибирских вопросов» уделяли большое внимание.

Многие крестьяне добирались до места на пароходах и по железной дороге в таких же условиях и с теми же «удобствами», как и в конце XIX столетия. Н. К. Волков, утверждая, что «перевозка переселенцев, врачебная и ссудная помощь оказались совершенно неорганизованными», рисует яркую картину, где в переполненных вагонах-теплушках холодно и в силу разных причин присутствует отвратительный запах [Речи …, 1910а, с. 59]. Приводятся сведения, что из открытых дверей товарных вагонов «падают и калечатся дети» [Новые приемы …, 1911, с. 25]. Прямым следствием этого авторы называют болезни: от кори, скарлатины и дифтерита до брюшного тифа, оспы и даже цинги. Несмотря на перечисленные и многие другие трудности перемещения по железной дороге, оно считалось более

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

удобным и легким, нежели по воде или на подводах по грунтовым дорогам. В этом и иных контекстах тема болезней и организации медицинского обслуживания переселенцев неоднократно поднималась в рассматриваемом издании [Медицина …, 1910; Врачебная помощь …, 1909], тем более что нередко переселенцы отправлялись в Сибирь семьями (рис. 1.).

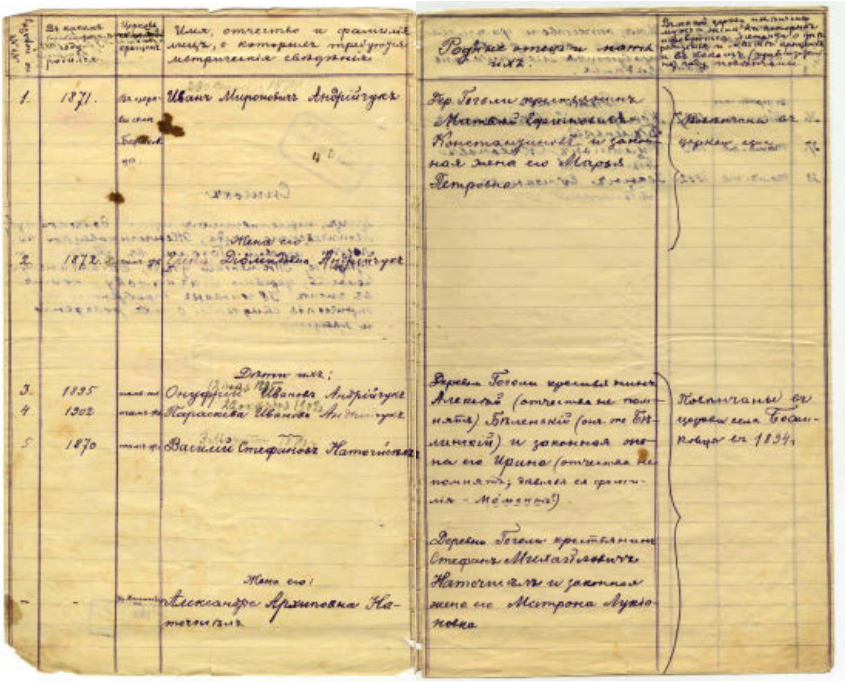


Рис. 1. Фрагмент списка переселенцев в Тобольскую губернию
[ГАУК ТО «ТМПО». ТОКМ ОФ-4940/2. ЛЛ. 1 об. — 2]

Значительная доля публикаций посвящена жизни переселенцев на новом месте. В числе наиболее характерных проблем, с которыми в первую очередь встречались переселенцы, можно назвать голод, нехватку денег и трудности адаптации. В публикации 1908 года автор «Сибирских вопросов» сетует на отсутствие у приезжих элементарных знаний о маршруте движения. Одна из причин — выбор и оформление земельного участка не самим переселенцем, а его доверенным лицом — ходоком. Получалось даже так, что люди, «еще не образовав поселка, завели кладбище» [Земско-переселенческий …, 1908, с. 24] (рис. 2—7). Наличие ряда проблем подтверждали сами организаторы переселений П. А. Столыпин и А. В. Кривошеин [П. А. Столыпин …, 2003, с. 191].

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Рис. 2. Фото высадки переселенцев в Тюмени
[ГАУК ТО «ТМПО». ТМ-15581/3]

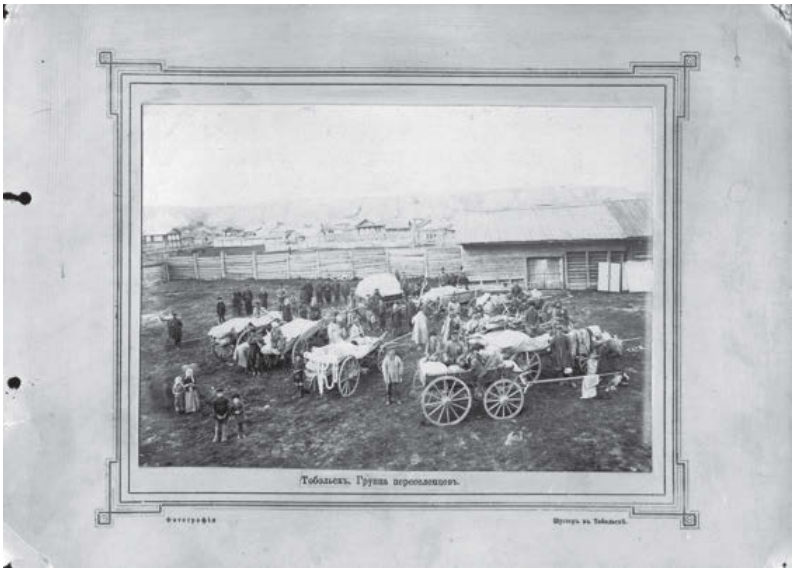


Рис. 3. Фото переселенцев в Тобольске [ГАУК ТО «ТМПО». ТМ-15582/6]

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

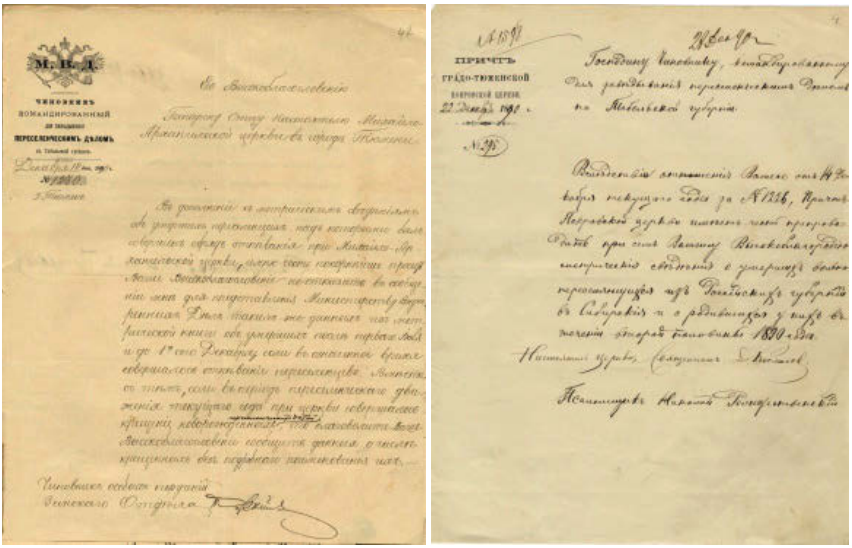


Рис. 4—6. Фрагменты дела о регистрациях смертей переселенцев [ГАУК ТО «ТМПО». ТОКМ ОФ-28912. ЛЛ. 4, 13, 42]

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Рис. 7. Фото бесплатной столовой в переселенческом бараке
[ГАУК ТО «ТМПО». ТМ-15581/4]

Популярным сюжетом в рамках переселенческой тематики было выделение новоселам земли. Образ переселенцев при этом формировался неоднозначный: на одной стороне весов — сочувствие в связи с отсутствием долгожданной земли желаемых объема и качества, на другой — осуждение за самовольный захват старожильческих участков. Так, в 1908 году высказывается сомнение, чтобы «на нищенские наделы в 8—10 десятин глинистой почвы» польстились переселенцы из Европейской части России [Отвергнутый проект …, 1908, с. 26]. Такое положение могло устроить только тех, кто на прежнем месте «не имел ни клочка земли» [Русские поселения …, 1908, с. 25].

При этом создавалось впечатление, что «самовольные», то есть не имеющие на землю и ссуду никаких формальных прав, в меньшей степени надеясь на помощь, проявляли большую степень инициативы и самостоятельности, становились «гораздо лучшим колонизационным элементом», чем организованные переселенцы [Последние меры …, 1908, с. 8]. В новой для себя ситуации люди нередко проявляли наивность, надеясь на помощь государства, но и шли на риск.

Один из контекстов образа переселенца — характер экономического освоения территории. В Справочной книжке по Тобольскому переселенческо-

CC BY

му району читаем: «Во многих местностях губернии переселенцы устраиваются прочно и хорошо и живут много лучше, чем у себя на родине. Только не сразу дается такой достаток. Немало тяжелого труда, горя и беды приходится перенести в первые годы …» [Справочная книжка …, 1914, с. 2]. На страницах «Сибирских вопросов» переселенец предстает как человек трудолюбивый, которому бывает достаточно 3-х лет, чтобы освоиться и обзавестись хозяйством [Переселенцы …, 1908б, с. 4]. При этом заботы об обустройстве быта, новой одежде и обуви он откладывает на потом, даже на алкоголь в среднем тратит меньше, чем старожилы. Однако далеко не каждая семья могла добиться положительного результата даже спустя несколько лет.

В среднем невысокий уровень благосостояния тех, кто все же устроился на новом месте, объясняется, главным образом, малоземельем. Семьи живут бедно, плохо питаются, поэтому «народ очень слабый», работники «малосильны» [Речи …, 1910б, с. 94]. Читателю рисуются мрачные перспективы судеб переселенцев. Хотя некоторых проблем можно было избежать, имея определенный багаж знаний, например, об искусственном орошении и иных тонкостях землепользования в условиях Сибири.

Встречаются и крайне негативные оценки переселенцев в контексте их трудовой деятельности. Так, в 1905 году А. Кауфман пишет про «безобразно-хищническое хозяйство», которое ведут переселенцы в Степном крае, предъявляя слишком высокие требования к производительности земли и слишком легко обращая ее в действительное «неудобие» [Кауфман, 1905, с. 179]. В 1909 году другой автор сообщает: «Никакой огонь не может так беспощадно и так быстро уничтожать сибирские леса, как хлынувшая волна переселенцев» [Опустошительное …, 1909, с. 30].

Как отмечают Ю. В. Литвин и С. Э. Яловицына, «появление новой группы при сохранении объема ресурсов на прежнем уровне создает условия для конкуренции» [Литвин и др., 2019, с. 149]. Авторы обращались к теории этнической конкуренции, а в нашем случае речь идет о соперничестве между старожилами и новоселами, где главным камнем преткновения была земля.

Конфликт интересов приводит к формированию негативного образа переселенцев как претендующих на блага, ранее принадлежавшие только местным жителям. В данном случае четко прослеживается грань «свой — чужой». В материалах «Сибирских вопросов» встречаются различные примеры противостояния между новоселами и старожилами, факты выдворения переселенцев, самовольно захвативших земли. Например, в Туринском уезде «старожилы-сибиряки с восторгом принялись разбирать строения переселенцев, и через час от поселка остались только три избы … Переселенцы ограничились только проклятиями по адресу администрации ненавистных челдонов» [«Великое …, 1908, с. 38].

CC BY

Сопротивление наплыву новоселов приобрело вполне конкретные формы. Одна из них — повышение стоимости приемных приговоров, причем в разы, на что жаловались многие переселенцы. Как следствие, «вступление переселенцев в старожильческие общества становится все более трудным и даже совершенно невозможным» [Переселенцы ..., 1910, с. 52]. Создавалось впечатление, что Сибирь относится к переселенцам враждебно, поскольку именно в них местные жители видели основные причины своих невзгод.

Остроты противоречиям между старожилами и новоселами добавляли разногласия, которые могли носить и бытовой характер. «У самоходов хлеб, как земля, черный, а едят из той же посуды, что и полы моют», — осуждающе заявляют старожилы. Новоселы не остаются в долгу и отвечают: «Челдоны эти Бога не знают, воскресения не признают» [«Самоходския» дороги …, 1908, с. 8]. Более того, в дальнейшем характеристики переселенцев обретают новые оттенки. В 1912 году один из авторов с сожалением указывает, что «это уже не те люди, не исполины твердой воли!» [К колонизационным вопросам …, 1912, с. 21—22], от которых можно было бы ожидать эффективной работы.

Противостояние приобретало и более радикальные формы. В 1909 году Н. Скалозубов предвидит «крупнейшие столкновения со старожилами, которые будут гнать силою, даже с оружием в руках, переселенцев, осевших на землях, находящихся в их пользовании» [Скалозубов, 1909, с. 10]. Проблема неоднократно обсуждалась на разных уровнях, в том числе в Государственной Думе. При этом ставился вопрос о соблюдении интересов и охраны законом «установленных прав местного крестьянского и инородческого населения» [Переселенческое дело …, 1908, с. 117].

Представление о переселенцах у старожилов нередко формировалось на основе межличностного общения. Ю. В. Литвин и С. Э. Яловицына, исследуя современные миграционные процессы, пришли к выводу, что «необходимость в результатах труда создала условия для приспособления, взаимодействия между группами и компромисса» [Литвин и др., 2019, с. 154]. В отношении начала XX века этот тезис в ряде случаев подтверждается. «Постройка избы, приобретение нужных инструментов домашней утвари, а главное — хлеба и других съестных припасов, требуют от переселенца этих сношений (со старожилами)» [«Самоходския» дороги …, 1908, с. 7—8]. В данном контексте позитивная оценка встречается довольно редко, чаще доверие кредиторов бывает обмануто, они становятся жертвами мошенничества со стороны заемщиков. И зачастую одного отрицательного опыта общения было достаточно для формирования негативного стереотипа относительно всей социальной группы.

CC BY

Конфликты случались и внутри сообщества переселенцев. Нередко авторы пытались объяснить их неоднородным составом группы и обстоятельствами, в которых оказались эти люди: «Выработался тип суровый, ревниво относящийся к своим интересам, отчего и происходят постоянные столкновения» [Ходок …, 1908, с. 31]. Обращение к психологии переселенцев используется не столько, чтобы оправдать проявления их девиантного поведения, сколько в стремлении показать условия его формирования: «Людей, дома в конец истощенных нуждой, жаждущих найти в Сибири тот кусок земли, без которого они неминуемо погибнут, но в котором тем не менее родина-мать им отказала, как мачеха» [Сибирь …, 1908, с. 2]. И с этой особой психологией переселенцев окружающим приходилось считаться.

Далеко не всем приезжим удавалось обрести твердую почву под ногами как в буквальном, так и в переносном смысле. Согласно данным Справочной книжки по Тобольскому переселенческому району, «на 100 семей, поднимающихся на переселение, почти 15 хозяев возвращаются обратно, не сумев устроиться на новых местах» [Справочная книжка …, 1914, с. 2—3]. Эта информация отсылает нас к еще одной грани образа переселенцев — их разочарованию в Сибири. Отсюда множество «обратных», потерявших семью, имущество, надежду. Согласно статистическим данным, например, в 1908 году доля вернувшихся составляла около 6 %, в 1909 году число «обратных» увеличилось до 13 процентов [Итоги …, 1910, с. 19, 20].

В «Сибирских вопросах» описаны многочисленные трудности, зачастую, они же — причины возвращения новоселов домой. О части из них было сказано выше. Согласно А. И. Шило, «многие депутаты, в особенности помещики и некоторые из духовенства, говорят, что переселенцы не хотят на участках заниматься сельским хозяйством, а бегут в город, будто бы соблазняясь большим заработком» [Речи …, 1910а, с. 52]. Другой автор пишет, что переселенцы, «побившись год-другой, бегут с этих участков, возвращаясь на родину или пополняя кадры нищих и безработных» [В поисках …, 1911, с. 63—64]. А. Кауфман возвращающихся после года или нескольких лет довольно резко называет неудачниками, однако подчеркивает, что большую роль в этом процессе играет «трудность обзаведения и обоснования» [Кауфман, 1905, с. 193]. Если говорить в целом, то переселенцы попадали в новые условия, к которым не всегда могли адаптироваться.

3.3. Аспект взаимодействия переселенцев с чиновниками на местах

В контексте переселенческой политики журнал «Сибирские вопросы» большое значение придавал сюжету взаимодействия переселенцев с чиновниками. Корреспонденты «Сибирских вопросов» призывают уполномоченных лиц помочь нуждающимся и одновременно скептически оцени-

CC BY

вают работу переселенческого управления [Начальник …, 1907, с. 26, 27]. Неоднократно резкой критике подвергались сметные предложения, особенно сокращение расходов на устройство переселенцев на новом месте, на организацию их медицинского обслуживания, дорожное строительство и агрономические мероприятия [Дзюбинский, 1911]. Делался радикальный вывод, что «политика переселенческого управления во многих случаях не соответствует общегосударственному значению переселенческого вопроса и идет в разрез с интересами как самих переселенцев, так и старожилов» [Вопрос …, 1908, с. 3—4]. Для решения любого, самого мелкого вопроса — получение семян, скота и др. — от переселенца требовалось «поклониться чиновнику» [Скалозубов, 1907, с. 16—17].

Авторы сокрушались по поводу равнодушия и безнаказанности чиновников и даже заявляли, что «переселенческое управление не церемонится с переселенцами» и не прочь «поживиться за их счет» [Колонизация Забайкалья …, 1911, с. 59]. В 1912 году вышла публикация «На переселенческой выставке в Петербурге», где автор очень резко описывает витрины с фотографиями, изображающими «пейзанов-переселенцев», где «можно различить чистенькие обертки лаптей и красную рубаху» [На переселенческой выставке …, 1912, с. 87]. Недовольство вызывали действия чиновников как в отношении переселенцев, так и в отношении старожилов. Более оптимистично выглядит следующая оценка: «Само переселение сейчас, конечно, во многом обставлено лучше. Путь может быть и не легче, но заботы все-таки больше, больше и уважения к личности переселенцев». Утверждая, что «по составу переселенческая организация имеет много бесспорно удачных работников», автор оговаривается — «но много и дефектов» [Переселенческий «рай» …, 1908, с. 14—23]. Они и становились предметом дискуссий, мотивировали авторов журнала к поиску оптимальных решений проблем переселенцев.

4. Заключение = Conclusions

На страницах журнала «Сибирские вопросы» тема переселенцев отражалась в публикациях различного формата, подготовленных разными авторами. Некоторые неоднократно обращались к данной проблематике, в том числе со страниц иных изданий, в частности местных газет. При всем многообразии сюжетов «Сибирские вопросы» акцентировали внимание преимущественно на экономическом аспекте переселения, а также на коммуникации новоселов и старожилов. Довольно часто авторы формулировали свою позицию эмоционально, используя весьма острые фразы. В связи с этим образ переселенцев становится ярким, многогранным и противоречивым.

CC BY

Переселенцы предстают неоднородной группой, как по национальному составу и географии проживания до переселения, так и по имущественному положению и склонности к той или иной форме хозяйствования. Переселялись преимущественно крестьяне с низким уровнем достатка, нередко испытывая нужду. По представленным сведениям, люди готовились к переезду: одни знакомились со специальной литературой, другие надеялись на ходоков. Потенциальные новоселы предстают во многом наивными, доверяющими слухам, мало подготовленными к трудностям сурового края, вследствие чего могут стать жертвами мошенников. Отдельная сторона образа — переселенец-семьянин. Многие крестьяне ехали в Сибирь с детьми, обрекая их на тяготы, но не видя иного выхода. В новых, иногда совершенно отличных от ожидаемых условиях переселенцы вынуждены были выживать: преодолевать голод, нехватку денег и природно-климатические особенности региона. Будучи людьми целеустремленными, многие упорно искали выход: обращались к чиновникам, а иногда видели его в опасных шагах, например, самовольном захвате земли и иных действиях, идущих вразрез с привычными правилами поведения и даже с действующим законодательством. Оказавшись в экстремальной ситуации, когда терять уже нечего, люди, не всегда обладая достаточными знаниями, пытались бороться за свою жизнь и за свои права любыми способами. Те, кто не справлялся, возвращались домой, на родину. Оставшиеся, пережившие дорогу, болезни, трудности адаптации и устройства на новом месте, стремились улучшить свой зачастую аскетичный быт.

Указанные обстоятельства вместе с развивающейся конкуренцией за ресурсы между новоселами и старожилами становились почвой для конфликтов. Все это формировало образ человека с особой психологией, яркими чертами которой становятся суровость, готовность отстаивать свои интересы и идти на риск в поисках счастья.

Авторы журнала «Сибирские вопросы» формируют представление о негативном отношении современников к переселенцам как «чужим», создающим угрозу сложившемуся порядку вещей, образу жизни местного населения. В то же время они пытаются объяснить такое поведение не слабостью, а объективными причинами, прежде всего многочисленными и тяжелыми испытаниями, выпавшими на долю переселенцев.

Источники и принятые сокращения

1. *«Великое* переселение» и лесная неурядица // Сибирские вопросы. — 1908. — № 29—30. — С. 34—42.

2. «*Самоходския» дороги* // Сибирские вопросы. — 1908. — № 25. — С. 7—18.

3. *В поисках* вольных земель // Сибирские вопросы. — 1911. — № 7—8. — С. 62—67.

CC BY

4. *Вопрос* о переселенческой политике в Государственной Думе // Сибирские вопросы. — 1908. — № 13. — С. 1—4.

5. *Врачебная* помощь в деревне // Сибирские вопросы. — 1909. — № 9. — С. 37—43.

6. ГАУК ТО «ТМПО» — *Государственное* автономное учреждение культуры Тюменской области «Тюменское музейно-просветительское объединение». № ТОКМ ОФ-4940/2, № ТОКМ ОФ-28912 (Музейный комплекс им. И. Я. Словцова) ; № ТМ-15581/3, № ТМ-15581/4, № ТМ-15582/6 (Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник).

7. *Дзюбинский В.* Смета переселенческого управления на 1912 год / В. Дзюбинский // Сибирские вопросы. — 1911. — № 37—38—39. — С. 72—76.

8. *Земско-переселенческий* трест // Сибирские вопросы. — 1908. — № 41—42. — С. 12—26.

9. *Итоги* и перспективы (Заметки по переселенческому делу) // Сибирские вопросы. — 1910. — № 4. — С. 19—23.

10. *К колонизационным* вопросам Дальнего Востока // Сибирские вопросы. — 1912. — № 13. — С. 17—25.

11. *Кауфман А.* Колонизация Сибири в ее настоящем и будущем / А. Кауфман // Сибирские вопросы. — 1905. — № 1. — С. 171—201.

12. *Колонизация* Забайкалья // Сибирские вопросы. — 1911. — № 37—38—39. — С. 57—72.

13. *Медицина* в Тобольском переселенческом районе // Сибирские вопросы. — 1910. — № 6. — С. 9—16.

14. *На переселенческой* выставке в Петербурге // Сибирские вопросы. — 1912. — № 7—8. — С. 85—88.

15. *Начальник* сибирской железной дороги о положении переселенцев // Сибирские вопросы. — 1907. — № 27. — С. 26—28.

16. *Новые* приемы исследования Сибири // Сибирские вопросы. — 1911. — № 2—3. — С. 23—35.

17. *Обзор* Тобольской губернии за 1907 год. — Тобольск : Губернский статистический комитет, 1908. — [4], 30, [37] с.

18. *Обзор* Тобольской губернии за 1908 год. — Тобольск : Губернский статистический комитет, 1909. — [4], 30, [51] с.

19. *Одна* из нужд переселенцев // Сибирские вопросы. — 1908. — № 29—30. — С. 79—82.

20. *Опустошительное* лесоистребление в Степном крае // Сибирские вопросы. — 1909. — № 18. — С. 29—32.

21. *От редакции* // Сибирские вопросы. — 1905. — № 1. — С. I—IV.

22. *Отвергнутый* проект ускорения и заселения Приамурья // Сибирские вопросы. — 1908. — № 39—40. — С. 15—26.

23. *П. А. Столыпин* и А. В. Кривошеин об итогах и проблемах переселенческого движения в Сибирь // Сибирские переселения : документы и материалы. — Новосибирск, 2003. — Выпуск 1. — С. 191—193.

24. *Переселенцы* в Степном крае // Сибирские вопросы. — 1908. — № 3—4. — С. 23—30. А

25. *Переселенцы* в Степном крае // Сибирские вопросы. — 1908. — № 5. — С. 4—17. Б

26. *Переселенцы* и земельный вопрос в Томской губернии // Сибирские вопросы. — 1910. — № 8. — С. 51—57.

27. *Переселенческий* «рай» в Туринском уезде // Сибирские вопросы. — 1908. — № 43—44. — С. 14—23.

CC BY

28. *Переселенческое* дело в 1908 г. // Сибирские вопросы. — 1908. — № 49—52. — С. 113—118.

29. *Последние* меры для упорядочения переселенческого движения // Сибирские вопросы. — 1908. — № 23—24. — С. 6—13.

30. *Речи* сибирских депутатов в Государственной Думе // Сибирские вопросы. — 1910. — № 44. — С. 51—64. а

31. *Речи* сибирских депутатов в Государственной Думе // Сибирские вопросы. — 1910. — № 45— 46. — С. 88—96. б

32. *Речь* В. И. Дзюбинскаго в Государственной Думе // Сибирские вопросы. — 1909. — № 15. — С. 51—63.

33. *Русские* поселения в глубине Степного края // Сибирские вопросы. — 1908. — № 35—36. — С. 9—26.

34. *Сибирские* переселения / А. Кириллов, М. Шиловский, П. Афанасьев, Д. Хоменко (авт.-сост.). — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2020. — Выпуск 4. Конфликты старожилов и переселенцев. 1880—1910-е годы. — 664 с.

35. *Сибирь* и переселение // Сибирские вопросы. — 1908. — № 10. — С. 1—5.

36. *Сибиряки* вольные и невольные. [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://xn--90anbaj9ad0j.xn--80asehdb/ (дата обращения 09.02.2022).

37. *Скалозубов Н.* Мнимая агрономическая помощь переселенцам / Н. Скалозубов // Сибирские вопросы. — 1907. — № 7. — С. 10—20.

38. *Скалозубов Н.* Проект вторичного завоевания Сибири / Н. Скалозубов // Сибирские вопросы. — 1909. — № 18. — С. 9—13.

39. *Справочная* книжка по Тобольскому переселенческому району. — Тобольск : [б. и.], 1914. — 79 с.

40. *Ссудная* помощь переселенцам // Сибирские вопросы. — 1907. — № 13. — С. 16—26.

41. *Ходок* о переселении // Сибирские вопросы. — 1908. — № 17—18. — С. 28—33.

Литература

1. *Батурин С. П.* Православие в повседневной жизни сибирских крестьян-переселенцев в конце XIX — начале XX веков / С. П. Батурин // Тенденции развития науки и образования. — 2020. — № 62—21. — С. 42—48. — DOI: 10.18411/lj-06-2020-479.

2. *Белянин Д. Н.* Столыпинская переселенческая политика как национальный проект / Д. Н. Белянин // Вестник Кузбасского государственного технического университета. — 2008. — № 1. — С. 104—109.

3. *Варганова О. Ф.* Образ трудового мигранта в СМИ (по результатам контент-анализа) / О. Ф. Варганова // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2012. — № 3 (13). — С. 184—186.

4. *Дюсюпова А. Д.* Правовое регулирование переселенческой политики крестьян в России во второй половине XIX — начала XX века : к истории вопроса / А. Д. Дюсюпова // Право и государство : теория и практика. — 2020. — № 5 (185). — С. 49—53.

5. *Егорышева И. В.* Медицинское обеспечение переселения крестьян в Сибирь в ходе Столыпинской реформы / И. В. Егорышева, С. Г. Гончарова // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2013. — № 3. — С. 58—60.

6. *Зберовская Е. Л.* Социокультурные аспекты освоения Сибири в контексте теории фронтира / Е. Л. Зберовская // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. — 2013. — № 12. — С. 280—285.

CC BY

7. *Кириллов А. К.* Скрытые технологии Великого сибирского переселения : взлом старожильческого общества переселенцами (Харловский конфликт 1893 года) / А. К. Кириллов, А. Г. Караваева // Историко-экономические исследования. — 2018. — Т. 19. — № 4. — С. 479—513. — DOI: 10.17150/2308-2588.2018.19(4).479-513.

8. *Кузьмин А. А.* Институциональный анализ взаимоотношений старожилов и новоселов в процессе переселенческой колонизации Сибири / А. А. Кузьмин // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». — 2005. — № 4. — С. 89—91.

9. *Литвин Ю. В.* Образы «свой — чужой» в глубинных интервью с карелами и переселенцами в Карелию / Ю. В. Литвин, С. Э. Яловицына // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2019. — Т. XXII. — № 2. — С. 147—172. — DOI: 10.31119/jssa.2019.22.2.6.

10. *Мазур Л.* Визуализация истории : новый поворот в развитии исторического познания / Л. Мазур // Quaesto Rossica. — 2015. — № 3. — С. 160—178. — DOI: 10.15826/qr.2015.3.117.

11. *Скобелев К. В.* Роль слухов в формировании у российских крестьян идеалистического представления о Сибири (1861—1917 гг.) / К. В. Скобелев // Вестник Омского юридического института. — 2009. — № 2 (11). — С. 15—19.

12. *Татарникова А. И.* Массовое переселение крестьян в Западную Сибирь в конце XIX — начале XX в. В санитарно-гигиеническом измерении / А. И. Татарникова, Н. И. Загороднюк // Вестник Томского государственного университета. — 2018. — № 437. — С. 148—154. — DOI: 10.17223/15617793/437/21.

13. *Тихонов В. В.* Перспектива создания переселенческой экспозиции в музее «Тальцы» / В. В. Тихонов // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. — 2017. — № 26. — С. 182—188. — DOI: 10.17223/22220836/26/20.

14. *Тюкавкин В. Г.* Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа / В. Г. Тюкавкин. — Москва : Памятники исторической мысли, 2001. — 304 с. — ISBN 5-88451-103-5.

15. *Ус Л. Б.* Деятельность Комитета Сибирской железной дороги по организации переселений / Л. Б. Ус // Сибирский плавильный котел : социально-демографические процессы в Северной Азии XVI — начала XX века : сборник научных статей. — Новосибирск : Сибирский хронограф, 2004. — С. 196—215. — ISBN 5-87550-184-7.

16. *Чуркин М. К.* Переселенческие крестьянские хозяйства Черноземного центра в Западной Сибири (вторая половина XIX — начало XX в.) : экономическое состояние и адаптивные возможности / М. К. Чуркин // Вестник Томского государственного университета. — 2018. — № 429. — С. 175—183. — DOI: 10.17223/15617793/429/22.

17. *Чуркин М. К.* Правовые воззрения старожилов и переселенцев Сибири и их реализация в поземельных отношениях пореформенного периода (1861—1914 гг.) / М. К. Чуркин // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2003. — Выпуск 5 (37). — С. 96—98.

18. *Шевченко В. Н.* К вопросу о переселенческой политике на первом этапе столыпинской аграрной реформы (1906—1910 гг.) / В. Н. Шевченко // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. — 2017. — № 2. — С. 162—171.

19. *Шитова Н. И.* Этнокультурная идентичность столыпинских переселенцев в условиях Горного Алтая / Н. И. Шитова // Проблемы высшего образования и современные тенденции социогуманитарного знания (VIII Арсентьевские чтения). — Чебоксары : Среда, 2020. — С. 278—283.

20. *Шляхтина Н. В.* Святые покровители русских переселенцев в Сибирь и на Дальний Восток / Н. В. Шляхтина // XIV Конгресс антропологов и этнологов России :

CC BY

сборник материалов. — Томск : Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2021. — 830 с. — ISBN 978-5-94621-996-9.

Material resources

At the resettlement exhibition in St. Petersburg. (192). *Siberian questions, 7—8:* 85—88. (In Russ.).
Colonization of Transbaikalia. (1911). *Siberian questions, 37—38—39:* 57—72. (In Russ.).
Devastating forest destruction in the Steppe region. (1909). *Siberian questions, 18:* 29—32. (In Russ.).
Dzyubinsky, V. (1911). The estimate of the resettlement administration for 1912. *Siberian questions, 37—38—39:* 72—76. (In Russ.).
From the editorial office. (1905). *Siberian questions, 1*: I—IV. (In Russ.).
In search of free lands. (1911). *Siberian questions, 7—8:* 62—67. (In Russ.).
Kaufman, A. (1905). Colonization of Siberia in its present and future. *Siberian questions, 1:* 171—201. (In Russ.).
Loan assistance to migrants. (1907). *Siberian questions, 13:* 16—26. (In Russ.).
Medical care in the village. (1909). *Siberian questions, 9:* 37—43. (In Russ.).
Medicine in the Tobolsk resettlement area. (1910). *Siberian questions, 6:* 9—16. (In Russ.).
Migrants in the Steppe region. (1908). *Siberian issues, 3—4:* 23—30. A. (In Russ.).
New methods of Siberian research. (1911). *Siberian questions, 2—3:* 23—35. (In Russ.).
On colonization issues of the Far East. (1912). *Siberian issues, 13:* 17—25. (In Russ.).
One of the needs of migrants. (1908). *Siberian questions, 29—30:* 79—82. (In Russ.).
P. A. Stolypin and A. V. Krivoshein on the results and problems of the resettlement movement to Siberia. (2003). In: *Siberian resettlement: documents and materials, 1.* Novosibirsk. 191—193. (In Russ.).
Recent measures to streamline the resettlement movement. (1908). *Siberian issues, 23—24:* 6—13. (In Russ.).
Reference book on the Tobolsk resettlement area. (1914). Tobolsk: [b. i.]. 79 p. (In Russ.).
Results and prospects (Notes on the resettlement case). (1910). *Siberian issues, 4:* 19—23. (In Russ.).
Review of the Tobolsk province for 1907. (1908). Tobolsk: Provincial Statistical Committee. [4], 30, [37] S. (In Russ.).
Review of the Tobolsk province for 1908. (1909). Tobolsk: Provincial Statistical Committee. [4], 30, [51] S. (In Russ.).
Russian settlements in the depths of the Steppe region. (1908). *Siberian questions, 35—36:* 9—26. (In Russ.).
"Samokhodskiya" roads. (1908). *Siberian questions, 25:* 7—18. (In Russ.).
Settlers in the Steppe region. (1908). *Siberian questions, 5:* 4—17. B. (In Russ.).
Settlers and the land question in the Tomsk province. (1910). *Siberian questions, 8:* 51—57. (In Russ.).
Siberian migrations, 4. Conflicts of old-timers and migrants. 1880—1910-ies. (2020). St. Petersburg: Nestor-History. 664 p. (In Russ.).
Siberia and resettlement. (1908). *Siberian questions, 10:* 1—5. (In Russ.).
Siberians are free and involuntary. Available at: https://xn--90anbaj9ad0j.xn--80asehdb / (accessed 09.02.2022). (In Russ.).
Skalozubov, N. (1907). Imaginary agronomic assistance to migrants. *Siberian issues, 7:* 10—20. (In Russ.).

Skalozubov, N. (1909). The project of the secondary conquest of Siberia. *Siberian questions, 18:* 9—13. (In Russ.).
Speeches of Siberian deputies in the State Duma. (1910a). *Siberian questions, 44:* 51—64. (In Russ.).
Speeches of Siberian deputies in the State Duma. (1910b). *Siberian questions, 45—46:* 88—96. (In Russ.).
Speech of V. I. Dzyubinskago in the State Duma. (1909). *Siberian questions, 15:* 51—63. (In Russ.).
"The Great Migration" and the forest turmoil. (1908). *Siberian questions, 29—30:* 34—42. (In Russ.).
The head of the Siberian railway on the situation of migrants. (1907). *Siberian questions, 27:* 26—28. (In Russ.).
The question of resettlement policy in the State Duma. (1908). *Siberian questions, 13:* 1—4. (In Russ.).
The rejected project of acceleration and settlement of the Amur region. (1908). *Siberian questions, 39—40:* 15—26. (In Russ.).
The resettlement case in 1908. (1908). *Siberian questions, 49—52:* 113—118. (In Russ.).
The resettlement "paradise" in the Turin district. (1908). *Siberian questions, 43—44:* 14—23. (In Russ.).
The State Autonomous Institution of Culture in Tyumen Region "Tyumen Museum-Education Organization". № TOKM OF-4940/2, № TOKM OF-28912 (Museum Complex named after I. Ya. Slovtsov); № TM-15581/3, № TM-15581/4, № TM-15582/6 (Tobolsk Historical and Architectural Museum-Reserve). (In Russ.).
The walker on resettlement. (1908). *Siberian questions, 17—18:* 28—33. (In Russ.).
Zemsko-resettling trust. (1908). *Siberian questions, 41—42:* 12—26. (In Russ.).

References

Baturin, S. P. Orthodoxy in the daily life of Siberian migrant peasants at the end of the XIX — early XX centuries. *Trends in the development of science and education, 62—21:* 42—48. DOI: 10.18411/lj-06-2020-479. (In Russ.).
Belyanin, D. N. (2008). Stolypin resettlement policy as a national project. *Bulletin of the Kuzbass State Technical University, 1:* 104—109. (In Russ.).
Churkin, M. K. (2003). Legal views of old-timers and settlers of Siberia and their implementation in land relations of the post-reform period (1861—1914). *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University, 5 (37):* 96—98. (In Russ.).
Churkin, M. K. (2018). Resettlement peasant farms of the Chernozem center in Western Siberia (the second half of the XIX — beginning of the XX century): economic condition and adaptive capabilities. *Bulletin of Tomsk State University, 429:* 175—183. DOI: 10.17223/15617793/429/22. (In Russ.).
Dyusyupova, A. D. (2020). Legal regulation of the resettlement policy of peasants in Russia in the second half of the XIX — early XX century: to the history of the issue. *Law and the State: theory and practice, 5 (185):* 49—53. (In Russ.).
Egorysheva, I. V., Goncharova, S. G. (2013). Medical support for the resettlement of peasants to Siberia during the Stolypin reform. *Problems of social hygiene, healthcare and the history of medicine, 3:* 58—60. (In Russ.).
Kirillov, A. K., Karavaeva, A. G. (2018). Hidden technologies of the Great Siberian resettlement: hacking of the Old-timer's society by settlers (the Kharlov conflict of 1893).

CC BY

Historical and economic research, 19 (4): 479—513. DOI: 10.17150/2308-2588.2018.19(4). (In Russ.).

Kuzmin, A. A. (2005). Institutional analysis of the relationship between old-timers and new settlers in the process of resettlement colonization of Siberia. *Bulletin of Omsk University. The series "Economics", 4:* 89—91. (In Russ.).

Litvin, Yu. V., Yalovitsyna, S. E. (2019). Images of "friend and foe" in in—depth interviews with Karelians and migrants to Karelia. *Journal of Sociology and Social Anthropology, XXII (2):* 147—172. DOI: 10.31119/jssa.2019.22.2.6. (In Russ.).

Mazur, L. (2015). Visualization of history: a new turn in the development of historical knowledge. *Quaesto Rossica, 3:* 160—178. DOI: 10.15826/qr.2015.3.117. (In Russ.).

Shevchenko, V. N. (2017). On the question of resettlement policy at the first stage of Stolypin agrarian reform (1906—1910). *Socio-economic and Humanitarian Journal of the Krasnoyarsk State Agrarian University, 2:* 162—171. (In Russ.).

Shitova, N. I. (2020). Ethnocultural identity of Stolypin settlers in conditions Gorny Altai. *Problems of higher education and modern trends in socio-humanitarian knowledge (VIII Arsentiev readings).* Cheboksary: Wednesday. 278—283. (In Russ.).

Shlyakhtina, N. V. (2021). The patron saints of Russian immigrants to Siberia and the Far East. In: *XIV Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia: collection of materials.* Tomsk: National Research Tomsk State University. 830 p. ISBN 978-5-94621-996-9. (In Russ.).

Skobelev, K. V. (2009). The role of rumors in the formation of idealistic ideas about Siberia among Russian peasants (1861—1917). *Bulletin of the Omsk Law Institute, 2 (11):* 15—19. (In Russ.).

Tatarnikova, A. I., Zagorodnyuk, N. I. (2018). Mass resettlement of peasants to Western Siberia in the late XIX — early XX century. In the sanitary and hygienic dimension. *Bulletin of Tomsk State University, 437:* 148—154. DOI: 10.17223/15617793/437/21. (In Russ.).

Tikhonov, V. V. (2017). The prospect of creating a resettlement exposition in the museum "Taltsy". Bulletin of Tomsk State University. *Cultural studies and art history, 26:* 182—188. DOI: 10.17223/22220836/26/20. (In Russ.).

Tyukavkin, V. G. (2001). *Great Russian peasantry and Stolypin agrarian reform.* Moscow: Monuments of Historical Thought. 304 p. ISBN 5-88451-103-5. (In Russ.).

Us, L. B. (2004). Activity of the Committee of the Siberian Railway on the organization of resettlement. *Siberian melting pot: socio-demographic processes in North Asia of the XVI — early XX century: collection of scientific articles.* Novosibirsk: Siberian Chronograph. 196—215. ISBN 5-87550-184-7. (In Russ.).

Varganova, O. F. (2012). The image of a migrant worker in the media (based on the results of content analysis). *Historical and socio-educational thought, 3 (13):* 184—186. (In Russ.).

Zberovskaya, E. L. (2013). Socio-cultural aspects of the development of Siberia in the context of frontier theory. *Bulletin of the Krasnoyarsk State Agrarian University, 12:* 280—285. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 14.03.2022,
одобрена после рецензирования 04.05.2022,
подготовлена к публикации 13.05.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Архипова Н. Е. «Приходская революция» 1917 года в Нижегородской епархии / Н. Е. Архипова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 4. — С. 378—396. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-378-396.

Arkhipova, N. E. (2022). "Parish Revolution" of 1917 in Nizhny Novgorod Diocese. *Nauchnyi dialog, 11(4):* 378-396. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-378-396. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU EBSCOhost

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-378-396

«Приходская революция» 1917 года в Нижегородской епархии

Архипова Наталья Евгеньевна
orcid.org/0000-0002-2770-680X
кандидат исторических наук, доцент
кафедры философии и
социально-правовых наук
arx78@mail.ru

Волжский государственный
университет водного транспорта
(Нижний Новгород, Россия)

"Parish Revolution" of 1917 in Nizhny Novgorod Diocese

Natalia E. Arkhipova
orcid.org/0000-0002-2770-680X
PhD in History, Associate Professor,
Department of Philosophy and
Social and Legal Sciences
arx78@mail.ru

Volga State University
of Water Transport
(Nizhny Novgorod, Russia)

© Архипова Н. Е., 2021

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются проявления «церковной революции» на приходском уровне в Нижегородской епархии весной-летом 1917 года. Новизна исследования состоит в изучении «приходской революции» на местном уровне на основе анализа впервые введенных в научный оборот неопубликованных документов Нижегородской Духовной консистории, губернского комиссара и т. д. Автор выделил следующие проявления «революции» на нижегородских приходах: самовольное установление крестьянами цен за исполнение треб, отказ платить епархиальные налоги, ограбления церковных касс, протесты прихожан против некоторых священников, аресты, ограбления и изгнания неугодных пастырей, конфликты между высшим и низшим клиром, захват крестьянами церковных земель. Автор приходит к выводу, что случаи, в которых священники стали жертвами произвола, всё же не носили массовый характер в епархии. Показано, что епархиальная и местная светская власти не могли справиться с проявлениями «приходской революции». Делается вывод о том, что «приходская революция» нанесла определенный материальный ущерб епархии, усугубила финансовое положение части духовенства, подорвала авторитет духовной власти, усилила противоречия между высшим и низшим клиром.

Ключевые слова:
конфликты между священниками и прихожанами; церковные земли; изгнание священников; епархиальные сборы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The manifestations of the “church revolution” at the parish level in the Nizhny Novgorod diocese in the spring and summer of 1917 are considered. The novelty of the study lies in the research of the “parish revolution” at the local level based on the analysis of unpublished documents of the Nizhny Novgorod Spiritual Consistory, the provincial commissioner, etc., introduced into scientific circulation for the first time. The author singled out the following manifestations of the “revolution” in the Nizhny Novgorod parishes: the unauthorized setting of prices by the peasants for the fulfillment of the requirements, the refusal to pay diocesan taxes, the robbery of church cash desks, the protests of parishioners against some priests, the arrests, robberies and expulsions of objectionable pastors, conflicts between the higher and lower clergy, the seizure peasants of church lands. The author comes to the conclusion that the cases in which priests became victims of arbitrariness, nevertheless, were not widespread in the diocese. It is shown that the diocesan and local secular authorities could not cope with the manifestations of the “parish revolution”. It is concluded that the “parochial revolution” caused some material damage to the diocese, aggravated the financial situation of some of the clergy, undermined the authority of the spiritual authorities, and increased the contradictions between the higher and lower clergy.

Key words:
conflicts between priests and parishioners; church lands; expulsion of priests; diocesan fees.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 94(470.341)“1917”:27-9

«Приходская революция» 1917 года в Нижегородской епархии

© Архипова Н. Е., 2022

1. Введение = Introduction

Февральские революционные события в России нашли своё отражение в церковной жизни. «Церковной революцией» современники называли период с марта по август 1917 года. В это время обострились конфликты на всех уровнях церковного управления: высшем (между Синодом и обер-прокурором), епархиальном (между епископатом и духовенством), приходском (между духовенством и низшим клиром, прихожанами и клиром). С целью освобождения Синода от «реакционного» епископата — символа монархического режима — старый его состав, учрежденный Николаем II, был отправлен в отставку обер-прокурором В. Н. Львовым и заменён новым. В августе 1917 года начал работу долгожданный Поместный Собор, на котором было принято решение о восстановлении патриаршества, что положило конец 200-летнему синодальному периоду Российской Православной Церкви (РПЦ). Обер-прокурор был завален протестами духовенства против местных архиереев. На епархиальном уровне управления по разным подсчётам около 20 правящих архиереев из 68 было уволено в основном по политическим мотивам («распутинщина», черносотенство, монархизм, контрреволюция). Впервые за 1000 лет Временным правительством введена выборность епископата, выборы прошли в 11 епархиях. Историки в своих работах много внимания уделили изучению церковных отношений на высшем и епархиальном уровнях в данный период [Бабкин, 2005; Бабкин, 2006; Рогозный, 2008; Фруменкова, 1995]. «Приходская революция» на региональном уровне остаётся на сегодняшний день малоизученной. Отдельные исследователи обратились к данной теме, приводя данные по Саратовской, Оренбургской, Орловской, Пензенской и некоторым другим епархиям [Фриз, 2019; Леонтьева, 2000, С. 279—299]. Американский исследователь церкви Грегори Фриз пишет, что «приходская революция» стала следствием тех процессов, которые начались до 1917 года, но после Февраля церковный кризис усугубился [Фриз, 2019].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Следуя рекомендациям церковного историка Г. Фриза переходить от «исследований церкви как “большого института” к приходскому уровню

CC BY

функционирования церкви, от жизни архиереев к жизни священников и прихожан», в данной статье рассмотрим, как проявилась «церковная революция» на уровне приходов Нижегородской епархии весной-летом 1917 года, попытаемся определить её масштабы.

Источниками для написания данной статьи послужили дела фонда Нижегородской Духовной Консистории за 1917 год, содержащие жалобы на священно- и церковнослужителей, просьбы об их удалении, рапорты благочинных о неуплате церковными старостами сборов с церквей. В Журналах и протоколах епархиальных съездов Нижегородской губернии за 1917 год отражены протесты священников против нового порядка раздела причтовых доходов. Фонд Нижегородского губернского комиссара Временного правительства включает документы, где содержатся примеры преследования церковнослужителей. Общая характеристика положения служителей Церкви в период «приходской революции», отзывы сельских священников представлены в отдельных выпусках периодического издания «Нижегородский церковно-общественный вестник» за март — октябрь 1917 года.

Материалы документов позволили описать и проанализировать конфликтные ситуации в приходах, определить их причины и последствия для сторон, выявить роль местной епархиальной и светской власти в решении приходских конфликтов. С помощью количественного анализа предпринята попытка определить материальный ущерб, нанесенный епархии в результате краж денег из церковных ящиков.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Конфликты между причтом и прихожанами

Весной — осенью 1917 года результатом возрастающего отчуждения и конфликта между прихожанами и приходским духовенством, возникших задолго до революционных событий, стали такие явления, как отказ прихожан платить за требы или установление своих условий требоисправлений, конфискация крестьянами церковной земли, изгнания священников с приходов.

Так, в письме Балахнинскому епископу Лаврентию, викарию Нижегородской епархии, священник Лукояновского уезда Починковской волости села Дивеева Усада Константин Виноградов, не зная, куда обратиться за помощью, жаловался на невыносимые условия, в которые поставили его прихожане. Явившаяся к священнику вечером 19 марта толпа народа потребовала от него согласия на новые цены за требы: вместо прежних 4 рублей за похороны — 2 рубля, вместо 7 рублей за венчание — 5 рублей, за крещение — 30 копеек вместо 75, за молебны — по желанию крестьян, отмена каких-либо сборов. Опасаясь насилия, священник согласился подписать бумагу. Хотя жить при таких условиях было невозможно, свя-

CC BY

щенник все же не бросил приход. На полях этого письма сделана запись (вероятно, рукою епископа): «Печально! Это начало гонений на церковь Христову. Надо бы выступить в защиту духовенства в Н.Ц.О.В. и газетах» (Н.Ц.О.В. — Нижегородский церковно-общественный вестник) [ГКУ ЦАНО, ф. 570, оп. 559, 1917 г., д. 216, л. 1—2, 4].

Уполномоченные от крестьян села Елховки Нижегородского уезда Панкратий Камаев и Михаил Шохоботкин обвиняли своего пастыря Конкордия Карелина в увеличении платы за требы, в сокращении церковных доходов, небрежности к богослужению и просили прислать другого священника. Карелин отвергал все обвинения и сетовал на скудное содержание причта села, поскольку установленная по приговору 1871 года денежная руга в сумме 100 рублей в год в течение двух лет не выплачивалась прихожанами по причине «агитации в приходе недобросовестных людей», хотя Губернское присутствие и Духовная консистория отклонили просьбу об освобождении крестьян от её уплаты. Цены за требы, указанные Карелиным в рапорте благочинному (за брак — 3 р., за погребение взрослого — 1 р., за отпевание младенца — 30 коп., за крещение — 20 коп.), были ниже тех, что самовольно установили прихожане села Дивеев Усад. Жалоба на священника была подписана теми прихожанами, которые имели личную обиду на него. Так, клирик отказался венчать душевно больного сына сельского старосты П. Камаева (находился в Ляховской больнице на лечении). Другой подписант, М. Шохоботкин, много лет уклонялся от исповеди и причастия, не посещал храм и постоянно возбуждал приход против пастыря. Сельский староста П. Камаев на крестьянском сходе 25 марта 1917 года был уволен с должности.

Консистория поручила члену благочиннического совета священнику села Шершева Николаю Фигурову произвести опрос прихожан по поводу оставления Карелина в приходе. В целях сохранения церковного мира делегированный в село священник, считая дознание крайней мерой, нервирующей приход и пастыря, поэтому ненужной, не провёл опроса. В его руки попал официальный акт от 22 мая 1917 года, подписанный 25 крестьянами, в том числе сельским и церковным старостами, старшим милиционером Елховской волости Виктором Лавровым, одним из «видных сторонников нового строя, весьма влиятельным человеком в селе». Согласно этому акту, возмущение против священника было организовано небольшой группой прихожан и не поддерживалось основной массой крестьян. На основании изложенного Фигуров просил возвратить дело в Консисторию и оставить в покое приход и пастыря с. Елховки. Ввиду отсутствия недружелюбных отношений между священником и прихожанами Духовная консистория производство дела прекратила. Местный благочинный Ми-

CC BY

хаил Лавровский не подтвердил информацию о небрежном отправлении богослужений и треб К. Карелиным. [ГКУ ЦАНО, ф. 570, оп. 559, 1917 г., д. 197, л. 3, 3 об., 4 об., 8, 8 об., 11].

6 апреля 1917 года благочинный 4-го округа Нижегородского уезда села Терюшева священник Михаил Лавровский в рапорте епископу Балахнинскому Лаврентию сообщал, что «некоторое возбуждение против священников замечается во многих приходах, так как общественному деятелю трудно угодить всем прихожанам». Далее он писал, что «положение священников в приходах теперь крайне неопределённое и тяжелое». Благочинный настаивал на немедленном созыве Епархиального съезда, «который объединил бы духовенство, дал ему руководящие указания», а прихожанам дал возможность высказать свои пожелания. Иначе он опасался полной анархии и разложения церковно-приходской жизни, «революции снизу», не менее гибельной для церкви, чем для государства. По его мнению, люди ещё ждали «законного руководства и реформ от епархиальной власти» [ГКУ ЦАНО, ф. 570, оп. 559, 1917 г., д. 197, л. 1—1об.].

Поводом для недовольства «передовых» крестьян, как они себя называли, являлась верность некоторых священников старому строю. 19 апреля 1917 года в Губернский исполнительный комитет поступило заявление крестьянина села Семьяны Воротынской волости Васильсурского уезда А. С Зайцева. В нём он указывал на раскол в селе: одни крестьяне сочувствовали новому течению, другие — защищали старый режим. Во главе 2-ой «партии» стоял священник Флеров, который вел пропаганду, особенно среди женщин, о «приходе последних времён, антихриста, голода, огненного дождя». Крестьянин высказал свой протест против постановления сельского схода во главе со старостой о лишении «передовых людей права участия на сходе в течение 3-х лет». Зайцев предлагал как можно скорее «послать депутатов для полного объяснения дел текущего момента» [ГКУ ЦАНО, ф. 570, оп. 559, 1917 г., д. 216, л. 5].

Нижегородский Губернский комиссар обращался в Синод с просьбой сделать распоряжение по поводу некоторых священников, которые, агитируя в пользу старого строя, настраивали население против Временного правительства. Губернский комиссар, признавая нахождение таких лиц на священнических местах недопустимым, не раз обращался к викарному епископу Лаврентию об устранении их от должности, о принятии против них мер, но эти просьбы были безрезультатны. Хотя известно, что епархиальное начальство определило поместить священника Архангельской церкви с. Городец Владимира Орлова в один из монастырей «до успокоения народных масс» по причине обвинения его в черносотенстве, ведении пропаганды в пользу прежнего правительства [ГКУ ЦАНО, ф. 570, оп. 559, 1917 г., д. 216, л. 8, 11, 13].

CC BY

Обвинения духовенства со стороны крестьян в приверженности прежнему режиму могли быть следствием неправильного понимания слов священника отдельными крестьянами. Одно из подобных обвинений исходило от начальника милиции Протасовского волостного комитета, крестьянина прихода села Любимовщины Лукояновского уезда Андрея Маркелова, в задачи которого входило выявление монархической пропаганды. Он обвинял священника указанного села Тимофея Сухорукова в том, что тот в своих проповедях призывал прихожан молиться о восстановлении на престоле Николая II. По словам священника, 12 марта 1917 года в воскресение после литургии по прочтении Манифеста об отречении от престола Николая II пастырь прокомментировал эти слова: «Теперь в России управляет Временное правительство, распоряжениям которого мы все должны беспрекословно подчиняться». Не должно быть распрей и бесчинств. «Если в России начнётся смута, то этим воспользуются враги нашей Родины. И Россия погибнет». Священник призвал в настоящее время ещё более «прибегать к искренней, душевной молитве, чтобы Бог не оставил нас без своего попечения…». Следователь 4-ого Лукояновского округа священник села Рождествено Николай Троицкий в рапорте Духовной Консистории заключил, что «обвинение ложное и не соответствует истине». Священник служил на приходе с 1896 года, взысканиям и суду не подвергался. В ходе следствия жалобщик Маркелов отсутствовал, так как был взят на военную службу [ГКУ ЦАНО, ф. 570, оп. 559, 1917 г., д. 193, л. 6, 10, 22, 23].

Конфликт между священником Валентином Красовским и частью прихожан, с одной стороны, и другой частью прихожан села Гридино Палецкой волости Нижегородского уезда существовал уже несколько лет. Прихожане не раз обращались в Духовную Консисторию с жалобами о корыстолюбии, «злоупотреблениях и несправедливостях Красовского». Дважды священник получал от архиепископа Иоакима указания найти в двухмесячный срок другой приход, но, по словам крестьян, священник откупался в Консистории, и снова всё оставалось без изменений. В мае 1917 года представился удобный момент для удаления клирика. Его стали обвинять и во враждебном отношении к Временному правительству. Солдаты, приехавшие в кратковременные отпуска на проведение посевных работ, «решили во что бы то ни стало через власти удалить Красовского из села». Солдаты в своём прошении использовали политическую лексику, указывая на существование в селе двух «партий» — сторонников священника (75 человек) и противников (200 человек — большинство). По словам солдат, Красовский открыто заявлял, что «не уйдёт из села, пока не победит другую партию». Солдаты просили Балахнинского епископа Лаврентия назначить нового священника, угрожая расправой над неугодным пастырем [ГКУ ЦАНО, ф. 570, оп. 559, 1917 г., д. 202, л. 1—2 об.].

CC BY

Крестьяне села Котовки Ардатовского уезда обвиняли своего священника Константина Веселовского в спаивании прихожан денатурированным спиртом, в продаже им этого спирта, в грубости по отношению к прихожанам. В ходе следствия выяснилось, что после Пасхи, когда прихожане пришли к священнику с решением о новых расценках на требы, священник, обозвав их «грабителями и ворами», отказался подписать приговор. Прихожане стали требовать от него церковные ключи. По словам священника, еще летом 1916 года, опасаясь угроз пастуха выгнать его корову из стада, священник угостил его «рюмкой ямайского рома». Поскольку угрозы от пастуха продолжились, батюшка купил ему бутылку спирта, чтобы тот больше его не беспокоил. Священник также показал, что терпел обиды со стороны крестьян, которые выкосили все луга в ближайшем овраге площадью 1,5 десятины и 23 сажени в другом месте не по плану генерального межевания. В итоге консистория признала священника виновным в единичной продаже денатурированного спирта пастуху, сделала священнику выговор и взыскала с него 12 р. 50 к. за производство следствия. Между тем жалоба на священника как бездоказательная оставлена без последствий [ГКУ ЦАНО, ф. 570, оп. 559, 1917 г., д. 3, л. 398, л. 404 об., л. 406—407].

В селе Островском Княгининского уезда диакон Иоанн Рыбаков обвинялся в возмущении крестьян против Временного правительства, в несогласии с новым гражданским правом, в возбуждении им местной княгини Чегодаевой против крестьян, в неаккуратном исполнении богослужебных обязанностей. Уполномоченный села Островского крестьянин Иван Степанович Макаров от имени прихожан просил заменить диакона. Следствие в лице священника Александра Никольского обнаружило следующее: диакон И. Рыбаков виновным себя не признал, указав, что уполномоченный от прихожан Макаров и церковный староста Сбитнев ещё ранее добивались удаления его из прихода, но безрезультатно. По словам диакона, Макаров составлял подложные крестьянские приговоры об удалении клирика. Обвиняемый был согласен перейти в другой приход при условиях вознаграждения его за убытки. Священник Анатолий Бесстужев и крестьяне на следствии показали, что против Временного правительства диакон ничего не говорил. Часть крестьян подписала обвинительный приговор на сходе, не зная о его содержимом, другие — потому, что священник не хотел служить с Рыбаковым. Крестьянам также не нравилось, что диакон тесно общался с местной помещицей княгиней Чегодаевой.

Священник отметил почтительность диакона в начале его служения в данном приходе. Опоздания и пропуски служб начались с ноября 1916 года, когда Рыбаков стал счетоводом в Потребительском обществе деревни Домашней. Недовольство диаконом в приходе было с самого начала

CC BY

его служения в селе, а в период революции оно усилилось. Но священник уговаривал прихожан решить дело законным путем, в случае самоуправства грозясь покинуть приход. Это дало повод говорить, что священник уходит из-за диакона. Сход запретил священнику облачать диакона, но священник благословил его служить в храме.

Псаломщик Борис Святицкий показал, что недовольство Рыбаковым было связано с открытым отстаиванием им церковно-земельных интересов. Часть крестьян вела с причтом тяжбу относительно отруба 12 десятин причтовой земли. По решению Макарьевского уездного съезда от 20 июля 1916 года этими десятинами завладели крестьяне. Губернское присутствие 27 апреля 1917 года отменило решение уездного съезда и передало дело для нового рассмотрения в тот же съезд. Рыбаков по доверенности священника принимал активное участие в деле о восстановлении права владения землёй.

Предыдущие годы служения диакона в других приходах не были безукоризненными. Он подлежал взысканиям за немиролюбие к священникам, получал выговоры и предупреждение о переводе в другой приход, подвергался надзору местного благочинного, за склонность к кляузам и вражду с окружающими переводился в другой приход.

Следствие пришло к выводу, что обвинения в приходе села Островского против диакона не имели оснований. Это ещё более разозлило крестьян. Они потребовали немедленного удаления диакона из прихода, говоря, что «теперь наша власть народная и мы всё вправе сделать», «мы все обвинения диакона подтверждаем, а давать частные показания не желаем». То есть крестьяне уклонялись от несения личной ответственности за показания. По постановлению Островского сельского комитета в течение суток диакон должен был оставить квартиру, иначе комитет грозил насильственно выселить его семью, а самого арестовать [ГКУ ЦАНО, ф. 570, оп. 559, 1917, д. 195, л. 1—2 об., 10 об., 11, 12, 13 об., 14, 18 об.; д. 192, л. 26, 26 об., 81]. Согласно резолюции епископа Балахнинского от 18 ноября 1917 года, диакон Рыбаков был назначен священником в село Ново-Ахматово Сергачского уезда. Жалоба на него как бездоказательная была оставлена без последствий [ГКУ ЦАНО, ф. 570, оп. 559, 1917, д. 3, л. 449].

3.2. Удаление священников из приходов прихожанами

Согласно циркулярному распоряжению обер-прокурора Синода, в случаях жалоб на священников и церковнослужителей епископам рекомендовано производить немедленное дознание и предавать суду или переводить ради церковного мира в другие места. При бездействии епархиальной власти самочинные аресты священников подрывали авторитет духовной власти. Так, насилие и оскорбления прихожан села Темашева Лукояновского уезда в адрес священника Павла Яковлева вынудили его 21 марта подать проше-

CC BY

ние о временном увольнении за штат. Под влиянием темашевских крестьян прихожане села Ирсети глумились над священником Алексеем Архангельским, а затем самовольно арестовали его и доставили пешком в заштатный город Починки, не дав ему окончить пасхальные молебны в своём селе. Священники соседних сел отказались служить в этих неспокойных сёлах. Консистория просила губернского комиссара принять меры для защиты духовенства от насилия прихожан. Комиссар обращался к волостным комитетам с указанием разъяснять населению, «что всякое недовольство прихожан на причт должно разрешаться путем жалоб, подаваемых епископу, никакие самоуправства недопустимы». Комиссар писал о «ненормальных взаимоотношениях священнослужителей и прихожан как явлениях более или менее распространяемых и требующих мер со стороны епархиального начальства» [ГКУ ЦАНО, ф. 1882, оп. 1, д. 14, л. 237, 238].

30 апреля 1917 года «Нижегородский церковно-общественный вестник» сообщал, что в связи с просьбами некоторых прихожан об удалении из их приходов священников епархиальное начальство предложило благочинным для защиты прав духовенства просить защиты уездных комиссаров. О случаях насилия над духовенством требовалось доносить епархиальному начальству с целью принятия последним «защитных мер» [Из местной ..., 1917, 30 апреля]. В то же время священник Константин Коринфский в одном из майских номеров «Церковного вестника» замечал, что со стороны уездных комиссаров «мало заступничества»: крестьянам не объяснялась незаконность их действий в отношении духовенства, в том числе арестов клириков (даже ночью), наоборот, нередко замечалось «потворство и содействие». На губернском собрании уездных комиссаров был выдвинут лозунг — «борьба с черносотенным духовенством». По словам Коринфского, если священник по привычке, механически произносил в ходе богослужения имена бывшей царской династии, то это воспринималось народом не как ошибка, а как «приверженность старому строю», что становилось основанием для выступления против священников и их удаления. Иногда в увольнительных приговорах прихожане указывали немыслимый срок (несколько дней), в течение которого священник должен был покинуть приход [Коринфский, 1917].

Известно ещё несколько случаев изгнания священников из приходов. Крестьяне села Алемаева Арзамасского уезда удалили из прихода священника Павла Каллистова, отобрав церковные документы, печать и ключи от церкви. Арзамасский Общественный комитет принял решение об удалении из прихода села Волчихинского Майдана священника Арсения Грацианова и об определении на его место избранного прихожанами диакона села Салалей Арзамасского уезда Василия Колокольцева. Однако Консистория не

CC BY

была согласна с таким решением, поскольку диакон по причине недостаточного образования и малого опыта службы не мог быть рекомендован на священническое место в неспокойный приход «в столь трудное переходное время» [ГКУ ЦАНО, ф. 570, оп. 559, 1917 г., д. 216, л. 6, д. 3, л. 207 об.].

На чрезвычайном епархиальном съезде духовенство и миряне слушали переписку об удалении из прихода села Василёва Врага священника Михаила Геликонова. Президиум съезда просил епископа принять меры к обеспечению священника местом [Заседание …, 1917].

Уход священников из приходов мог сопровождаться ограблением прихожанами. Так, например, священник Александр Конаревский был перемещен 13 июля 1917 года из села Ново-Ахматово Сергачского уезда в село Ивково того же уезда. Новые прихожане приехали забрать пчельник и имущество священника из прежнего села. Это озлобило некоторых ахматовских крестьян. Сельский староста А. М. Щелоков и церковный староста М. Е. Кузнецов с толпой людей запретили забирать имущество, требуя от священника деньги. Последний хотел обратиться к милиции, но толпа унесла колесо от подводы. Другая часть людей ограбила священника на сумму 300 рублей, забрав имущество. Кроме того, со священника крестьяне незаконно взяли около 200 рублей, в том числе 100 рублей за сданную Конаревским двум крестьянам и невспаханную ими часть поля, 22 рубля волостных сборов за весь 1917 год (хотя нужно было заплатить только за 6 месяцев), 29 рублей — за пастбище для коровы и т. д. Возмущенная толпа требовала денег даже за то, что жена священника стирала белье в пруду, за пользование колодцем и т. д. [ГКУ ЦАНО, ф. 570, оп. 559, 1917, д. 213, л. 1—3].

3.3. Захват крестьянами церковных земель

Ещё 30 марта в местном церковном вестнике вышла заметка священника Алексея Веселовского о значимости сохранения церковной земли у сельского духовенства. По его мнению, благочинные спали «непробудным сном» и не принимали мер защиты сельского духовенства. Автор предлагал немедленно собрать окружные съезды, образовать союз духовенства с целью отстаивания его интересов. В случае потери земли задача союза — добиваться возмещения земельных убытков за счет казенного жалования. Сельский священник с сожалением признавал, что в этих условиях сельское духовенство не могло иметь союзников в лице городского [Веселовский, 1917].

К середине июля 1917 года церковный вестник сообщал, что епархиальное начальство получало от многих причтов церквей просьбы защитить их от действий крестьян, отнимавших церковно-причтовую землю бесплатно или за ничтожную сумму, которую назначали сами крестьяне. Подобные просьбы отсылались гражданским властям [Из местной …, 1917, 22 июля].

CC BY

Однако в отношении конфискации церковных земель более всего жертвами крестьянского произвола становились монастыри. 12 июля «Нижегородский церковно-общественный вестник» писал, что «многие монастыри епархии, особенно женские, подвергались нападкам со стороны крестьян соседних сел». Крестьяне самовольно косили монастырские луга, портили монастырские сады и огороды. Просьбы в местную и губернскую администрации о защите от самоуправства крестьян оставались без удовлетворения [Из местной…, 1917, 12 июля].

Во владении Арзамасского Новодевичьего Алексеевского монастыря находилось около 50 десятин сенокосных лугов при деревне Бебяевой и селе Пешелани. Настоятельница монастыря игуменья Евгения с тревогой сообщала в Консисторию, что 28 июня 1917 года крестьяне данных селений силой согнали рабочих и сестёр монастыря с сенокосных работ и скошенное сено увезли. Крестьяне еще в начале июня заявили, что не допустят монастырь к сенокошению. В такой ситуации настоятельница обращалась за поддержкой к местному Уездному Комиссару, который дал распоряжение волостному комитету. В соответствии с ним крестьяне данных селений могли воспользоваться сенокосом только в случае излишек сена у монастыря. Комитет был обязан принять меры по недопущению насилия. Комиссар поручил участковому агроному определить обеспеченность крестьян своими лугами и возможность пользования лугами монастыря. Однако агроном, не выяснив на месте все условия пользования лугами, разрешил крестьянам косить на землях монастыря вопреки соглашению со стороны последнего [ГКУ ЦАНО, ф. 570, оп. 559, 1917 г., д. 212, л. 1—2; ф. 1882, оп. 1, д. 14, л. 111].

Весной 1917 года настоятельница Арзамасского Николаевского общежительного монастыря игуменья Евфросиния сообщала благочинному монастырей и общин Нижегородской епархии, настоятелю Благовещенского монастыря игумену Нектарию об отобрании крестьянами деревни Ознобишино Ардатовского уезда 1800 сажень монастырской земли, сданной в аренду на 12 лет двум крестьянам указанной деревни. При этом Ознобишинский исполнительный комитет постановил землю Николаевского монастыря признать за деревней [ГКУ ЦАНО, ф. 570, оп. 559, 1917 г, д. 212, л. 4, 4 об., 5].

3.4. Конфликт между священно- и церковнослужителями в приходах

Давний конфликт между высшими и низшими членами клира, основной причиной которого было неравномерное распределение доходов, усилился после Февраля 1917 года. Нередко низшие члены клира играли роль закулисных агитаторов и подстрекателей прихожан против настоятеля.

Священник 2-ого округа Сергачского уезда села Барских Полян Успенской церкви Фёдор Золотницкий весной 1917 года неоднократно просил

CC BY

у Балахнинского епископа, у благочинного защиты от произвола, клеветы и угроз насилия псаломщика Леонида Померанцева. Со времени поступления в приход (1912 год) псаломщик старался подорвать доверие к священнику среди прихожан, оскорбляя его, отправляя неподтвержденные жалобы благочинному. При новом Временном правительстве негативные действия псаломщика в отношении настоятеля активизировались. Он стал агитировать по всему селу, что «архиереи рассажены по тюрьмам, что теперь церковные вопросы и судьбу священнослужителей вершит народное право». Псаломщик публично называл настоятеля вором, злопамятным, другом пристава, обвинял его в поборах с прихожан, в участии в черносотенном собрании духовенства в Н. Новгороде, на котором «предполагалось выработать план монархического строя». В случае ухода из прихода священник опасался лишиться урожая и дохода с земли, вспаханной и засеянной им самим. Пастырь просил переместить псаломщика в другой приход.

Дважды следствие по делу объявлялось незаконченным, поскольку судебному следователю 2-ого округа священнику села Лопатина Михаилу Троицкому было оказано сопротивление группы крестьян во главе с псаломщиком, которые требовали прекратить следствие, оскорбляя следователя и священника, угрожая расправой, изгнанием пастыря. В отсутствие батюшки толпа крестьян, вломившись в его дом, требовала ухода, угрожая погромом, милиционер забрал ключи от храма. Во время второй попытки следствия священник отказался прибыть на допрос, опасаясь физического насилия со стороны полянских крестьян. Сам же следователь был под давлением удален из села. Консистория обращалась к местному волостному и уездному комитетам с просьбой о содействии Троицкому в производстве следствия, но данные органы никакой помощи не оказали. В результате Консистория приняла решение о прекращении следствия «по причине невозможности его проведения вследствие возбужденности прихожан».

В начале мая священник Золотницкий покинул село Барские Поляны. Между тем епископ Лаврентий получил прошение уполномоченных от «граждан» деревни Сурки Сергачского уезда. Крестьяне этой деревни составляли 2/3 прихожан церкви села Барских Полян. Уполномоченные жаловались епископу на то, что неприлежные к храму прихожане Барских Полян самовольно, без согласия сурковцев выгнали уже 5 священников, в том числе Золотницкого, лишив жителей богослужений. В таких условиях сурковские крестьяне опасались влияния пашковских сектантов, которые переселились в их деревню. Согласно приговору сурковских граждан от 25 мая 1917 года, уполномоченные просили перенести церковь и церковные дома из Барских Полян в деревню Сурки. Так, небольшая группа прихожан, воинственно настроенных против настоятеля, могла нарушить церковную жизнь всего прихода.

CC BY

В отношении псаломщика Померанцева Консистория 12 июля 1917 года за грубое отношение к священнику и за возбуждение против него прихожан села Барских Полян сделала строгий выговор с предупреждением об отстранении от места и увольнении за штат, если он будет также относиться к новому настоятелю храма. Местному благочинному и настоятелю храма поручено иметь за Померанцевым надзор и «о первом случае его ненормальных отношений к настоятелю донести Консистории». Таким образом, наказание было достаточно мягким [ГКУ ЦАНО, ф. 570, оп. 559, 1917, д. 211, л. 1 об., 2, 3 об., 13, 26, 27, 29—29 об., 30, 34—40, 53—55, 71—72, 87].

Противостояние и раздор между священно- и церковнослужителями в епархии усилились вследствие решения Чрезвычайного Епархиального съезда духовенства и мирян 15—18 мая 1917 года относительно разделения доходов между членами причтов в новой пропорции, по которой доходность псаломщика должна была увеличиться за счёт средств священника. Основанием для этого стал малый доход псаломщиков. Это вызвало обоснованную негативную реакцию священников. Постановление епархиального съезда нарушало синодальное определение 1887 года. Проблема распределения доходов тяжело обсуждалась на съезде и была решена в пользу псаломщиков только благодаря поддержки мирян. Возникал вопрос о правомочности обсуждения мирянами дела, касающегося интересов причта. Миряне, не ища иных источников обеспечения, в том числе из своих доходов или из казны, выбрали наиболее легкий способ решения вопроса — за счет священников. Ввиду многочисленных протестов со стороны духовенства против постановления съезда епископ Лаврентий определил данный вопрос предварительно обсудить на благочиннических собраниях, а затем на будущем епархиальном съезде. То есть это решение съезда не было утверждено епископом и не было опубликовано в местной епархиальной прессе для сведения причтов. Однако оно стало проводиться в жизнь явочным порядком. Диаконы и псаломщики придавали этому решению самостоятельную и непреложную силу, требуя немедленного его исполнения, в том числе даже относительно майских доходов [ГКУ ЦАНО, ф. 1016, оп. 2, д. 1, л. 118, 118 об., 152; по вопросу …, 1917].

3.5. Отказ от уплаты приходами епархиальных сборов

Ещё одно важное проявление «приходской революции» — «налоговое восстание»: приходы отказывались платить обязательные епархиальные сборы. Недовольство сборами не было новшеством в церковной жизни. Ситуация с налогообложением православных приходов в пользу епархиальных учреждений и благотворительных организаций была очень тяжелой ещё с конца XIX — начала XX веков. Это хорошо показал А. Л. Беглов. Он пришёл к выводу, что приходские отчисления, иногда составлявшие более

CC BY

половины доходов церквей, были причиной бедности и слабости приходов как религиозных общностей. Эти сборы были основанием для постоянного недовольства со стороны прихожан приходским духовенством, которое выступало в роли фискального агента [Беглов, 2014]. Недовольство прихожан сборами усилилось во время войны, так как епархиальное начальство увеличило сборы на благотворительную деятельность, в то же время по причине инфляции и призыва кормильцев упали приходские доходы.

В Нижегородскую консисторию поступали рапорты благочинных о нежелании приходов платить церковные сборы на епархиальные нужды. Так, 7 августа 1917 года благочинный 4-ого округа Княгининского уезда священник Иоанн Никольский просил Консисторию принять меры, так как увещевания и разъяснения не имели результата. Церковные старосты трёх церквей отказались платить сборы, ссылаясь на запрещение сельских сходов. О том же писали другие благочинные: 2-ого Лукояновского округа священник Александр Соколов, 3-ого округа Ардатовского уезда священник Николай Золотницкий. Последний, указывая на отказ 6 приходов платить церковные налоги, предлагал взыскать суммы через Губернского комиссара или «лишить неисправные приходы выдачи необходимого количества вина, ладана, свеч из епархиальных лавок» [ГКУ ЦАНО, ф. 570, оп. 559, 1917 г., д. 208, л. 1, 2, л. 7].

Благочинный 2-ого округа Ардатовского уезда священник Александр Бессонов сначала сообщал, что приходские советы при церквах двух сёл —Кузятово и Серякуш — отказались платить церковные сборы, но затем доложил, что один (с. Серякуши) из двух приходов внёс плату. Церковно-приходской комитет с. Кузятова отложил внесение средств за первую половину года до Учредительного Собрания и «основания законных правил» [ГКУ ЦАНО, ф. 570, оп. 559, 1917 г., д. 208, л. 9].

В некоторых приходах возвращавшиеся с фронта солдаты, именовавшие себя большевиками, захватив власть в селе, запрещали церковному старосте платить сборы. Антиклерикальные настроения солдат были обусловлены и тем, что Церковь поддерживала продолжение войны, и зараженностью на войне еретическими учениями. В других приходах основанием для отказа от уплаты становилась малочисленность прихожан в период войны (с. Арманиха Нижегородского уезда) [ГКУ ЦАНО, ф. 570, оп. 559, 1917 г., д. 208, л. 45, л. 50].

3.6. Кражи церковных денег

Еще одним проявлением «революции» на приходах стали похищения из храмов денег, которые предназначались для уплаты церковных налогов. Например, об этом сообщал благочинный 4-го округа Арзамасского уезда священник Дмитрий Левашов. По его словам, подозрение в ограблении

CC BY

церкви села Большие Печёрки падало на местного псаломщика. Архивное дело о рапортах благочинных по поводу похищений из церквей епархии содержит 16 сообщений указанных лиц. На их основе можно сделать вывод об ограблениях за несколько месяцев (май — октябрь 1917 года) церковных ящиков на сумму более 2000 рублей, не считая стоимости церковной утвари [ГКУ ЦАНО, ф. 570, оп. 559, 1917 г., д. 168, л. 1—25]. Конечно, преступления происходили и на почве тяжелого социально-экономического положения большинства населения в условиях инфляции, спекуляции в военно-революционное время, ухудшения общей криминальной обстановки.

4. Заключение = Conclusions

«Приходская революция» в Нижегородской епархии проявилась в следующем: самовольное установление крестьянами цен за исправления треб, отказ платить епархиальные налоги, ограбления церковных ящиков, протесты прихожан против некоторых священников, аресты и изгнания неугодных клириков из приходов, сопровождающиеся их ограблением крестьянами, конфликты между высшими и низшими клириками на приходах, захват крестьянами церковных земель, в основном женских монастырей, где не могло быть оказано силовое сопротивление, что наносило материальный ущерб епархии. Недовольство прихожан священником могло быть вызвано одним его словом в пользу прежнего режима, завышенными ценами на требы, старыми личными обидами, подстрекательской деятельностью низших членов клира. Недоказанные обвинения духовенства в неприятии нового строя были «модными», соответствовали духу времени. Даже небольшая группа прихожан, но резко отрицательно настроенная к священнику, могла создать ему невыносимые условия жизни в приходе. Другая, лояльно настроенная, часть прихода могла стать пострадавшей стороной, лишившись пастыря. Говоря о масштабах «революции», затруднительно определить количество удаленных из приходов, арестованных, лишенных земли, пострадавших членов клира. Отдельные дела Духовной консистории подробно описывают конкретные конфликтные ситуации на сельских приходах епархии. Церковная печать и рапорты благочинных содержат расплывчатые формулировки о просьбах «некоторых прихожан об удалении из их приходов священников», о «некотором возбуждении против священников… во многих приходах», о просьбах «многих причтов церквей» защитить их от крестьян, отнимавших землю. На основе анализа использованных в данной статье источников указано на 15 случаев, в которых в той или иной степени от действий прихожан или низшего клира пострадали служители Церкви. Скорее всего, подобные ситуации в Нижегородской епархии не имели массового характера, но они вызывали у священников

CC BY

страх за свое будущее и своей семьи. Однако ни епархиальная, ни местная светская власти не могли справиться с «приходской революцией». Епархиальный съезд, приняв решение о перераспределении причтовых доходов в пользу псаломщиков в ущерб священникам, усилил раскол между священно- и церковнослужителями. Хотя епископ не утвердил решение, оно вводились на местах явочным порядком. Сельское духовенство в своих нуждах по-прежнему далеко отстояло от городского. В сознании части народа господствовало представление об отсутствии в данный момент законов и законодательных органов (до Учредительного собрания). Под влиянием революционного духа свободы некоторые прихожане, низшие клирики почувствовали себя хозяевами в церковном приходе. Обращения Консистории к губернским и уездным комиссарам за защитой духовенства не имели результатов. Местная власть в лице комиссаров встала на линию борьбы с якобы черносотенным духовенством. Возможно, это останавливало многих священнослужителей от подачи официальных жалоб как не имеющих смысла. Самочинные расправы прихожан со священниками подрывали авторитет духовной власти. Чувствуя себя беззащитными, священники были вынуждены самостоятельно искать выход, соглашаясь на требования прихожан или покидая храмы. Тем самым «приходская революция» 1917 года усугубила без того тяжелое материальное положение сельских священников епархии.

Источники и принятые сокращения

1. *Веселовский А.* К вопросу о Церковных землях / А. Веселовский // Нижегородский церковно-общественный вестник. — 1917. — № 10. — 30 марта.

2. ГКУ ЦАНО — *Государственное* казенное управление Центральный архив Нижегородский области. Ф. 570. Оп. 559. 1917 г. Д. 3. Л. 207 об. Л. 398. Л. 404 об. Л. 406—407. Л. 449. Д. 168. Л. 1—25. Д. 193. Л. 6, 10, 22, 23. Д. 195. Л. 1—2 об., 10 об., 11, 12, 13 об., 14, 18 об.; Д. 192. Л. 26, 26 об., 81. Д. 197. Л. 1—1 об. Л. 3, 3 об., 4 об., 8, 8 об., 11. Д. 202. Л. 1—2 об. Д. 208. Л. 1, 2. Л. 7. Л. 9. Л. 45. Л. 50. Д. 211. Л. 1 об., 2, 3 об., 13, 26, 27, 29—29 об., 30, 34—36, 40, 53—55, 71—72, 87. Д. 212. Л. 1—2. Л. 4, 4 об., 5. Д. 213. Л. 1—3. Д. 216. Л. 1—2, 4. Л. 5. Л. 6. Л. 8, 11, 13.

3. ГКУ ЦАНО. Ф. 1016. Оп. 2. Д. 1. Л. 118, 118 об., 152.

4. ГКУ ЦАНО. Ф. 1882. Оп. 1. Д. 14. Л. 111. Л. 237, 238.

5. *Заседание* Президиума Чрезвычайного Епархиального съезда // Нижегородский церковно-общественный вестник. — 1917. — № 4. — 22 июля.

6. *Из местной* епархиальной хроники. Нападки на монастыри // Нижегородский церковно-общественный вестник. — 1917. — 12 июля.

7. *Из местной* епархиальной хроники. Постановление Епархиального начальства об удаляемых из приходов священниках // Нижегородский церковно-общественный вестник. — 1917. — 30 апреля.

8. *Из местной* епархиальной хроники. Своеволие крестьян // Нижегородский церковно-общественный вестник. — 1917. — 22 июля.

CC BY

9. *Коринфский Константин*. Приходская жизнь в деревне / Коринфский Константин // Нижегородский церковно-общественный вестник. — 1917. — 21 мая.

10. *По вопросу* о разделе доходов между членами причтов // Нижегородский церковно-общественный вестник. — 1917. — 12 июля.

Литература

1. *Бабкин М. А.* Иерархи Русской православной церкви и свержение монархии в России (участие духовенства в революционных торжествах) / М. А. Бабкин // Вестник Московского государственного университета, Серия 8: История. — 2006. — № 1. — С. 70—90.

2. *Бабкин М. А.* Святейший Синод Российской православной церкви и свержение монархии в 1917-м году / М. А. Бабкин // Вопросы истории. — 2005. — № 2. — С. 97—109.

3. *Беглов А. Л.* Православный приход Российской империи как объект фискальной политики светских и церковных властей в конце XIX — начале XX в. / А. Л. Беглов // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, Серия 2: История. История РПЦ. — 2014. — № 57 (2). — С. 56—81.

4. *Леонтьева Т. Г.* Духовенство и сельский мир, 1905—1922 / Т. Г. Леонтьева // Академик П. В. Волобуев. — Москва, 2000. — С. 279—299.

5. *Рогозный П. Г.* Церковная революция. 1917 год / П. Г. Рогозный. — Санкт-петербург : Лики России, 2008. — 224 с.

6. *Фриз Г.* «Воцерковление» 1917 года: церковный кризис и приходская революция / Г. Фриз // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. — 2019. — № 1—2. — С. 30—57.

7. *Фруменкова Т. Г.* Высшее православное духовенство в 1917 г. / Т. Г. Фруменкова // Из глубины времен. — 1995. — № 5. — С. 79.

Material resources

Corinthian Constantine. Parish life in the village. (1917). *Nizhny Novgorod Church and Public Bulletin, 21 May.* (In Russ.).

From the local diocesan chronicle. Decree of the Diocesan authorities on priests being removed from parishes. (1917). *Nizhny Novgorod Church and Public Bulletin, 30 April.* (In Russ.).

From the local diocesan chronicle. Self-will of the peasants (1917). *Nizhny Novgorod Church and Public Bulletin, 22 July.* (In Russ.).

GKU TsANO — *State Treasury Administration of the Central Archive of the Nizhny Novgorod Region*.

Meeting of the Presidium of the Extraordinary Diocesan Congress. (1917). *Nizhny Novgorod Church and Public Bulletin, 4: 22 July*. (In Russ.).

On the issue of the division of income between members of the clergy. (1917). *Nizhny Novgorod Church and Public Bulletin, 12 July*. (In Russ.).

Veselovsky A. (1917). On the issue of Church lands. *Nizhny Novgorod Church and Public Bulletin, 10: 30 March*. (In Russ.).

References

Babkin, M. A. (2005). The Holy Synod of the Russian Orthodox Church and the overthrow of the monarchy in 1917. *Questions of history, 2:* 97—109. (In Russ.).

CC BY

Babkin, M. A. (2006). Hierarchs of the Russian Orthodox Church and the overthrow of the monarchy in Russia (the participation of the clergy in revolutionary celebrations). *Bulletin of the Moscow State University, Series 8: History, 1:* 70—90. (In Russ.).

Beglov, A. L. (2014). Orthodox Parish of the Russian Empire as an Object of the Fiscal Policy of the Secular and Church Authorities in the Late 19th — Early 20th Centuries. *Bulletin of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University, Series 2: History, 57 (2):* 56—81. (In Russ.).

Friz, G. (2019). "Churchification" of 1917: church crisis and parish revolution. *State, religion, church in Russia and abroad, 1—2:* 30—57. (In Russ.).

Frumenkova, T. G. (1995). The highest Orthodox clergy in 1917. *From the depths of time, 5:* 79. (In Russ.).

Leontieva, T. G. (2000). The clergy and the rural world, 1905—1922. In: *Academician P. V. Volobuev*. Moscow. 279—299. (In Russ.).

Rogozny, P. G. (2008). *Church Revolution. 1917*. St. Petersburg: Faces of Russia. 224 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 03.03.2022,
одобрена после рецензирования 30.04.2022,
подготовлена к публикации 14.05.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Бородина Е. В. «Случайные жертвы» суда и следствия : к проблеме содержания подозреваемых и ответчиков в Российской империи в 1725—1741 годы / Е. В. Бородина // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 4. — С. 397—418. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-397-418.

Borodina, E. V. (2022). "Accidental Victims" of Trial and Investigation: Problem of Keeping Suspects and Defendants in Russian Empire in 1725—1741. *Nauchnyi dialog, 11(4):* 397-418. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-397-418. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU EBSCOhost

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-397-418

«Случайные жертвы» суда и следствия: к проблеме содержания подозреваемых и ответчиков в Российской империи в 1725—1741 годы

Бородина Елена Васильевна
orcid.org/0000-0002-8128-5698
ResearcherID AAB-5790-2020
ScopusID 57219272606
кандидат исторических наук
sosnovi-bor@yandex.ru

Институт истории и археологии
Уральского отделения
Российской академии наук
(Екатеринбург, Россия)

"Accidental Victims" of Trial and Investigation: Problem of Keeping Suspects and Defendants in Russian Empire in 1725—1741

Elena V. Borodina
orcid.org/0000-0002-8128-5698
ResearcherID AAB-5790-2020
ScopusID 57219272606
PhD in History
sosnovi-bor@yandex.ru

Institute of History and Archeology
of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Yekaterinburg, Russia)

© Бородина Е. В., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена проблеме ареста подозреваемых в России в 1725—1741 годы. В результате анализа историографии и исторических источников автор пришел к выводу, что история суда в России раннего нового времени неразрывно связана с историей мест заключения, так как российские тюрьмы XVIII века были предназначены преимущественно для содержания ответчиков, а не для наказания преступников. Изучение нормативных правовых актов середины XVII века — 1741 года показало, что арест как мера, необходимая для своевременного представления тяжущихся в суд, впервые официально оговаривается в указе «О форме суда» от 5 ноября 1723 года. Сопоставление норм законов и реальной практики судопроизводства центральных и региональных учреждений позволило выявить, что институт ареста подозреваемых и ответчиков не был в должной мере урегулирован. Он являлся «слепой зоной» в законодательстве, которая приводила к переполненности тюрем. Норма об аресте подозреваемых усугублялась введением в царствование Петра Великого ревизионно-решающего порядка утверждения приговоров и пересмотра судебных дел, который касался тяжких преступлений, и значительной протяженностью территории России.

Ключевые слова:
история России; Российская империя; XVIII век; история государства и права; судопроизводство; история тюрьмы; истец; ответчик; арест.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the problem of the arrest of suspects in Russia in 1725—1741. As a result of the analysis of historiography and historical sources, the author came to the conclusion that the history of the court in Russia in the early modern period is inextricably linked with the history of places of detention, since Russian prisons of the 18th century were intended primarily to hold defendants, and not to punish criminals. The study of normative legal acts of the middle of the 17th century — 1741 showed that the arrest as a measure necessary for the timely presentation of litigants to the court was officially stipulated for the first time in the decree “On the form of the court” of November 5, 1723. A comparison of the norms of laws and the actual practice of legal proceedings of central and regional institutions revealed that the institution of arrest of suspects and defendants was not properly regulated. It was a “blind spot” in legislation that led to prison overcrowding. The rule on the arrest of suspects was aggravated by the introduction in the reign of Peter the Great of a revision-decisive procedure for approving sentences and reviewing court cases, which concerned serious crimes, and a significant extent of the territory of Russia.

Key words:
Russian history; Russian empire; XVIII century; history of state and law; legal proceedings; the history of the prison; plaintiff; defendant; arrest.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 94:343.126(47)“1725/1741”

«Случайные жертвы» суда и следствия: к проблеме содержания подозреваемых и ответчиков в Российской империи в 1725—1741 годы

© Бородина Е. В., 2022

1. Введение = Introduction

Изучение истории судопроизводства в России раннего нового времени нередко оказывается связано не только с анализом законодательных актов, содержащих нормы процессуального права, но и с реконструкцией основных этапов судебного процесса на основе судебно-следственных документов. При работе с историческими источниками, отложившимися в результате деятельности судебных учреждений, историк нередко оказывается поставлен перед необходимостью расширения границ своего исследовательского поля. В частности, понимание истории судоустройства и судопроизводства в Российской империи XVIII века невозможно без пристального внимания к проблеме содержания лиц, находившихся под следствием.

Данное обстоятельство обусловлено тем, что органы суда не только выносили приговоры, но и оказывались местами временного заключения ответчиков или обвиняемых, проходивших по судебному делу. Такая практика была характерна как для региональных, так и для центральных учреждений с периода не позднее XVII века [ПСЗРИ, т. 3, с. 31]. В то же время анализ законодательных актов за вторую половину XVII века показал, что среди тюремных сидельцев наряду с уже осужденными правонарушителями находились подозреваемые, проходившие по делам челобитчиков [ПСЗРИ, т. 2, с. 513—514, 552; ПСЗРИ, т. 3, с. 31]. Например, 19 февраля 1689 года Разбойному приказу был объявлен именной указ, запрещавший держать колодников «за решеткою и под приказом». Всех их требовалось передать на тюремный двор. Несмотря на это, практика содержать находившихся под следствием в стенах учреждения сохранялась на протяжении всего XVIII века [ПСЗРИ, т. 6, с. 177; ПСЗРИ, т. 7, с. 779, 908; ПСЗРИ, т. 8, с. 390; ПСЗРИ, т. 9, с. 135, 189—190, 299—300, 592].

Таким образом, история суда в России XVII—XVIII веков оказывается тесно связанной с историей тюремных учреждений. Изучение истории тюрем Российского государства начинается уже в XIX веке и на данный момент имеет большую историографическую традицию. В разные периоды развития историко-юридических исследований ученых интересовали различные аспекты содержания заключенных. Тюрьмы рассматривались

CC BY

с точки зрения формально-юридического подхода: историков и юристов занимали в первую очередь вопросы законодательного регулирования этой сферы [Филиппов, 1891; Печников, 2004]. Ставился вопрос о месте тюрем в системе наказаний Московского государства и Российской империи [Сергеевский, 1887; Фойницкий, 1889; Коллманн, 2016]. Кроме того, места заключения изучались в связи с историей политического сыска в России [Семевский, 2006; Анисимов, 1999]. В последние годы появляются исследования, где тюремные учреждения рассматриваются с точки зрения институционального подхода, как структурное подразделение какого-то ведомства [Акельев, 2012], а также с точки зрения истории повседневности (тюрьма как часть повседневной жизни российского общества) [Каменский, 2006]. Много внимания уделяется реконструкции быта заключенных [Есипов, 1880; Никитин, 1880; Мещанинов, 1905; Покровский, 1974].

Многообразие исследований, посвященных истории тюрьмы, позволяет выяснить, как была организована жизнь заключенных и каковы были виды тюрем в России раннего нового времени, но не дает понимания особенностей содержания лиц, находившихся под следствием. Еще меньше о практике ареста обвиняемых мы узнаем из работ, анализирующих основы процессуального права в России этого периода [Линовский, 1849; Михайлов, 1856; Кавелин, 1859; Дмитриев, 1859; Wartman, 1974; Маньков, 1980; Хрусталев, 2003].

Об аресте подсудимых можно найти лишь отдельные упоминания. Так, например, И. Я. Фойницкий отметил, что «арестанты подследственные носили название колодников и к ним относились строже, чем к решеным» [Фойницкий, 1889, с. 316]. А. Н. Филиппов писал о том, что «тюрьма и держание в ней людей имели в XVII и XVIII веках весьма широкое распространение не только потому, что применялись к лицам, попадавшим в нее уже за совершенное преступление, но и потому, что личное задержание рассматривалось как полицейская мера безопасности» [Филиппов, 1891, с. 182]. Лишение свободы воспринималось не как наказание, а как «общественная мера» [Там же, с. 357].

В. А. Линовский также рассматривал задержание обвиняемого как «необходимую меру для будущего следствия», которая предупреждала от побега, не давала возможности договориться сообщникам о показаниях, а также не позволяла совершить преступнику новые правонарушения, способствовала поиску настоящего виновного. Большую роль содержание под стражей играло в судопроизводстве по особо тяжким преступлениям [Линовский, 1849, с. 135, 137].

М. М. Михайлов считал заключение под стражу в России раннего нового времени средством обеспечения гражданского иска [Михайлов, 1856,

CC BY

с. 111]. Кроме того, арест являлся способом «побуждения ответчика к ответу и отвращения проволочки» [Там же, с. 113].

Ученые отмечают, что колодники находились в тюрьме до окончания дела. Очень часто судебное разбирательство затягивалось, поэтому дни, проведенные под арестом, как правило, засчитывались в качестве наказания [Филиппов, 1891, с. 363—364]. Между тем вопрос о длительности заключения подследственных и отношении к срокам ареста до сих пор остается малоизученным, что определяет актуальность и новизну исследования. Он может быть решен при помощи более тщательного анализа законодательных актов и привлечения других исторических источников.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Фонды центральных и региональных архивов содержат значительное количество материалов суда и следствия за первую половину XVIII века, прежде не вводившихся в научный оборот. Если документы центральных и высших государственных учреждений активно изучаются историками, то источники, отложившиеся в результате деятельности региональных органов суда и управления, как правило, редко попадают в поле зрения ученых. Между тем знакомство с ними нередко может поставить новые исследовательские вопросы.

Так, например, в фонде «Кунгурской воеводской канцелярии» Российского государственного архива древних актов (РГАДА) находятся документы суда и следствия за вторую половину 1720-х — 1730-е годы. Среди них можно найти доношение от 16 декабря 1736 года следующего содержания: «В нынешнем 1736-ом году назад, тому недель пять, пришел я нижеименованный в город Кунгур по иноверческому татарскому закону к целованию Курана в верности Ея Императорского Величества, чтоб быть верным и послушным рабом по своей вере. И в то ж время Уфинского уезду деревни Чювашской Подтитешных гор татарин Кульмет, а чей сын не упаметую, говорил, будто я нижеименованный у брата Бекметя Кульметева отнял вотяка, а я никакого вотяка у Бекметя и ни у кого не отнимывал, а ныне я нижеименованный содержусь в канцелярии под арестом. Того ради Кунгурская канцелярия воеводского правления сим доношением о вышеписанном предявляю, и о свободе ис канцелярии ис-под аресту на сие мое прошение прошу о учинении мне милостивого решения» [РГАДА, ф. 518, оп. 1, д. 42, л. 500—500 об.].

Воевода отреагировал на доношение, о чем свидетельствует находившаяся под ним приписка с распоряжением узнать у всех канцелярских служителей учреждения, по какой причине был задержан татарин [РГАДА, ф. 518, оп. 1, д. 42, л. 501]. Ни один делопроизводитель не нашел сведений

CC BY

об аресте. Спустя пять недель задержания татарин был отпущен домой [РГАДА, ф. 518, оп. 1, д. 42, л. 501—503].

Описанный выше случай является показательным, так как демонстрирует темпы прохождения разбирательства по тому или иному делу. В то же время он ставит перед исследователем новые вопросы. Почему, несмотря на стремление властей избавиться от взяточничества и задержек судебного процесса, возникали такие ситуации? Сколько времени мог провести подозреваемый под арестом? Данные вопросы оказываются актуальными в связи с тем, что конец XVII — первая четверть XVIII века стали для России периодом масштабных судебно-правовых преобразований, которые привели не только к появлению отдельных от администрации органов суда, но и к публикации новых процессуальных законов. Несмотря на ликвидацию многих начинаний Петра I уже в 1727 году, следует отметить, что его реформы длительное время продолжали оказывать влияние на правовую реальность Российской империи.

Цель настоящего исследования — реконструкция организации и порядка заключения под стражу подозреваемых и ответчиков в Российской империи раннего нового времени.

Хронологическими рамками исследования являются 1725—1741 годы. Выбор этого периода обусловлен необходимостью понять, каким образом оказались встроены новые нормы судопроизводства в практику отправления правосудия в первые полтора десятилетия после смерти Петра Великого. Требуется выяснить, как преобразования монарха повлияли на институт предварительного заключения в России. Если нижняя хронологическая граница связана со смертью первого российского императора, то верхняя хронологическая граница определяется восшествием на престол Елизаветы Петровны в ноябре 1741 года, которая установила временный запрет на проведение смертной казни в стране, существенно изменивший ситуацию с содержанием заключенных на местах [Марасинова, 2014; Marasinova, 2019].

Работа основывается на документальных и повествовательных источниках. Повествовательные источники представлены воспоминаниями военнопленного Северной войны Карла фон Роланда — «Souvenirs de captivité en Russie» («Воспоминания о пленении в России»), где содержится информация о содержании заключенных в Галиче. Документальные источники составили законодательные акты и материалы судебного делопроизводства, на базе которых преимущественно и было проведено историческое исследование.

Нормативные правовые акты, опубликованные в «Полном собрании законов Российской империи» (ПСЗРИ) и ряде других изданий, датируются 1649—1741 годами. В них находятся важные сведения о порядке регу-

CC BY

лирования заключения под стражу и политике власти по отношению к содержащимся арестантам. Для анализа практики заключения подследственных и ответчиков на местах были привлечены документы суда и следствия, хранящиеся в фондах Российского государственного архива древних актов (РГАДА) и Государственного архива Свердловской области (ГАСО). В первую очередь это фонды 518 «Кунгурская воеводская канцелярия» (РГАДА), 941 «Тобольский надворный суд» (РГАДА) и 34 «Екатеринбургская контора судных и земских дел» (ГАСО).

Работа зиждется на принципах историзма и объективности. Источниковая база предопределила основные методы и подходы исследования. Ведущими среди них стали методы источниковедения, позволившие произвести внутреннюю критику выявленных исторических источников. Комплексный анализ документальных и повествовательных материалов был произведен с привлечением методов формально-юридического и сравнительно-исторического анализа. Сочетание нормативистского и историко-генетического подходов позволило провести междисциплинарное исследование, находящееся на стыке исторической и юридической наук.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Заключение под стражу во второй половине XVII века — 1741 году: нормативные основания и практика

Особенностью правовой ситуации России XVIII века являлось активное применение нормативных правовых актов, созданных в середине — второй половине XVII столетия. Среди них важнейшим являлось Соборное уложение 1649 года, которое оставалось базовым законодательным актом, применявшимся в органах суда до середины 1830-х годов [Миронов, 2000, с. 10, 38]. Созданные в большом количестве после принятия Соборного уложения указы подчас противоречили друг другу. Несмотря на это, они могли сосуществовать, дополняя и уточняя нормы этой инкорпорации [Латкин, 1909, с. 32; ПСЗРИ, т. 6, с. 189]. Для более полного понимания того, какова необходимость заключения под стражу, рассмотрим базовые законодательные акты, применявшиеся как в годы правления Петра I, так и после его смерти.

По наблюдениям Н. Ш. Коллманн, практика задержания на все время суда и следствия была обычной для XVII века [Коллманн, 2016, с. 117—121]. А. Г. Маньков пришел к выводу, что при возбуждении дела по уголовным или политическим правонарушениям аресту подлежал не только обвиняемый, но и изветчик [Маньков, 1980, с. 241—242]. В этих случаях заключение под стражу применялось более активно.

Статьи Соборного уложения 1649 года не содержат прямых ссылок на арест подозреваемого как общую норму. Несмотря на это, в ряде его пун-

CC BY

ктов можно найти упоминания о необходимости задержания. Статьи 137 и 138 X главы Уложения описывают порядок доставления к суду ответчика: приставу его следует «сыскать» и, отдав на поруки, «к суду ответчику срочити безволокитно». В случае если ответчик скрывался от приставов, его предписывалось доставить в приказ, где принималось решение о передаче на поруки [Соборное уложение 1649 года, с. 121—122]. Таким образом, ответчик оказывался под надзором поручителей. Если ответчик отбивался от пристава и стремился уклониться от суда, его следовало доставить в приказ силой [Соборное уложение 1649 года, с. 122].

Глава XXI также содержит ряд статей, которые декларируют важность держать татей и разбойников, находившихся под следствием, в заточении. Статья 83 предписывала недельщику, посланному на поимку татей и разбойников, никому «не норовить» и не отпускать пойманных правонарушителей [Соборное уложение 1649 года, с. 244]. Статья 101 устанавливала, что ответственность по иску на сбежавших из тюрьмы преступников ложилась на тюремных целовальников, сторожей и все местное сообщество, участвовавшее в выборе этих должностных лиц [Соборное уложение 1649 года, с. 246—247].

Как можно заметить, Соборное уложение уделяло большее внимание предварительному заключению обвиняемых в преступлениях. Ответчики, проходившие по делам, связанным с менее тяжкими правонарушениями, могли быть отпущены на поруки. Бремя доказательства вины ложилось преимущественно на плечи истцов. Ответчики также могли представить свидетелей. Сроки явки к суду, как правило, либо устанавливались органом, имевшим судебные полномочия, либо определялись полюбовно.

Время, отводившееся на завершение дела, и период стадии досудебного расследования, как правило, не оговаривались. Фактически досудебное расследование и собственно судебное разбирательство были слиты. Несмотря на это, во многих статьях законодательного акта можно найти требование избегать волокиты. Например, если истец «не искал» в течение недели после получения ответчиком приставной грамоты, ему отказывали в возможности решения дела [Соборное уложение 1649 года, с. 114].

В целом в Московском государстве уделялось мало внимания вопросам регулирования процедуры ареста и содержания обвиняемых. Это хорошо заметно при изучении текста указа от 21 февраля 1697 года «Об отмене в судных делах очных ставок, о бытии вместо оных расспросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах», на важность которого указывали многие ученые [Батиев, 2016, с. 11—12]. Несмотря на то, что в нем подробно расписываются основные этапы судопроизводства, статьи о задержании истцов или

CC BY

ответчиков отсутствуют, а стадия предварительного расследования попрежнему не отделяется от суда [ПСЗРИ, т. 3, с. 278—280].

В законодательных актах первой трети XVIII века имеется значительное количество упоминаний о содержании подследственных в канцеляриях учреждений, облеченных судебными полномочиями, и тюрьмах. В частности, указ от 5 ноября 1723 года «О форме суда» впервые прямо называет арест одним из способов обеспечения явки ответчика в суд [ПСЗРИ, т. 7, с. 148]. Основными способами содержания подозреваемых утверждаются взятие на поруки, заключение под стражу в учреждении и домашний арест. Большинство указов о колодниках этого периода были вызваны затягиванием вынесения приговора и скоплением невиновных людей в местах заключения.

Первые попытки уменьшить количество арестантов относятся к концу 1710-х годов — времени появления Юстиц-коллегии. Все указы, посвященные данной проблеме, повелевают решать дела «в самой скорости», без волокиты, «как о том Генеральные регламент и инструкции, и Его Государевы указы повелевают». Основанием для медленного разбирательства могло стать только серьезное уголовное правонарушение [ПСЗРИ, т. 6, с. 177, 191—192]. Причиной этому была необходимость организации допросов и пыток подозреваемых. В соответствии с 9 и 10 статьями XXI главы Соборного уложения 1649 года, все обвиняемые в татьбах и убийствах подвергались пыткам, чтобы узнать о других совершенных правонарушениях [Соборное уложение 1649 года, с. 231]. Как правило, дело не ограничивалось одной пыткой: для получения достоверных сведений подследственных могли пытать до трех раз, с перерывами в несколько недель и даже месяцев [РГАДА, ф. 518, оп. 1, д. 7, л. 34 об.].

Правда, указы от 4 июня 1724 года, 23 декабря 1726 года и 17 апреля 1727 года уже говорят о недопустимости длительного разбирательства дел колодников, обвиняемых в убийстве, разбое или татьбе, «дабы колодников не умножалось, и будучи в долговременном держании надежды им к побегам не было» [ПСЗРИ, т. 7, с. 303, 779].

Сенатские и именные указы рефреном повторяют мысль о том, что по делам о колодниках следует «чинить немедленное решение» [ПСЗРИ, т. 7, с. 779; ПСЗРИ, т. 9, с. 884—886]. Указ от 5 марта 1731 года предписывал разбирать их судебные дела как можно скорее, под угрозой штрафования судьи [ПСЗРИ, т. 8, с. 390]. Кроме того, Сенат начинает собирать регулярные рапорты о «вершёных и не вершёных» делах, что могло стать средством контроля за заключенными под стражу и влияло на скорость судопроизводства в многочисленных органах суда и управления [ПСЗРИ, т. 9, с. 299, 810].

CC BY

19 декабря 1736 года выходит указ Сената, установивший месячный срок для решения дел о колодниках. Он повторял указы от 19 июля и 11 ноября этого же года [ПСЗРИ, т. 9, с. 1006—1007]. Схожие сроки были установлены Генеральным регламентом для рассмотрения в государственных учреждениях дел любого содержания [Генеральный регламент, с. 111].

Составление списков «вершёных и не вершёных» дел было полезно и для региональных органов власти. Эта введенная Генеральным регламентом практика позволяла вести учет колодников, которые находились в тюрьме длительное время [Генеральный регламент, с. 125]. В частности, реестры об исполнении поступивших в учреждение дел составлялись Екатеринбургской конторой судных и земских дел, которая обладала особыми судебными полномочиями в отношении суда над жителями территорий, находившихся в ведении Канцелярии главного правления Казанских и Сибирских заводов. Это учреждение занималось не только руководством горнодобывающими и металлургическими предприятиями Урала, Сибири и Поволжья, но и имело исключительное право управления отдельными территориями страны [ГАСО, ф. 34, оп. 1, д. 16, л. 105, 297; ГАСО, ф. 34, оп. 1, д. 31, л. 181].

Следует отметить, что трудности заключения подследственных усугублялись практически полным отсутствием различий между содержанием осужденных и подозреваемых в совершении правонарушения. Это хорошо видно на примере состава колодников тюремной избы в Кунгуре, откуда в начале 1720-х годов был совершен побег большой группы заключенных, которая состояла как из уже осужденных тюремных сидельцев, так и из подследственных [РГАДА, ф. 941, оп. 1, д. 5, л. 5—9]. Кроме того, время от времени возникала проблема обеспечения арестантов. Скученность колодников дополнялась нехваткой денег, необходимых для прокормления лиц этой многочисленной категории [ПСЗРИ, т. 9, с. 135].

Содержание подследственных финансировалось преимущественно челобитчиками. Лишь в годы правления Анны Иоанновны ситуация начала меняться. 24 июня 1737 года был издан указ об обеспечении колодников Санкт-Петербургской воеводской канцелярии, по делам которых не имеется истцов, за счет «сборных по делам той канцелярии денег» на сумму до 50 рублей [ПСЗРИ, т. 10, с. 191—192]. Указ с подобным содержанием вышел и 31 марта 1738 года, но изменения коснулись только столичных учреждений [ПСЗРИ, т. 10, с. 453—454].

Сенатский указ от 23 апреля 1738 года требовал как можно скорее решать дела колодников, у которых не было возможности получать «кормовые деньги» от челобитчиков или государства. Закон также предписывал не тратить средства на пропитание арестантов, взыскивая деньги с истцов.

CC BY

В случае если это было невозможно, заключенных объединяли в связки и отправляли просить подаяние [ПСЗРИ, т. 10, с. 484].

Нормы этого закона повторяли содержание указа от 28 января 1724 года, который предписывал выпускать обвиняемых по челобитчиковым делам на волю, если «более кормить не будут». В таких случаях подследственных освобождали на поруки. 23 апреля 1734 года таким образом был «свобожден на росписку» приводной крестьянин Елизар Тихонов, который содержался под арестом с 12 марта 1734 года [РГАДА, ф. 518, оп. 1, д. 36, л. 308]. Похожие ситуации происходили в Екатеринбурге, где весной 1735 года был отпущен «на поруки» беглый полковника Кошелева, который содержался под караулом с 6 июня 1734 года по 3 апреля 1735 года. Ему вменялось «жить в Екатеринбурге и никуда не съезжать» [ГАСО, ф. 34, оп. 1, д. 16, л. 258 об.—259].

7 октября 1735 года был отпущен на «добрые поруки» крестьянин Новопышминской слободы Сергей Колесников, заподозренный в порче «икотной болезнью». Он содержался под караулом с 14 августа 1735 года [ГАСО, ф. 34, оп. 1, д. 18, л. 76]. В этот же день был освобожден на поруки крестьянин Камышевской слободы Осип Стафеев. Он обвинялся «во взятье» серого мерина и «в езде на той лошади в башкирские жилища для покупки рыбы». Крестьянин содержался скованным в тюрьме с 7 июня 1735 года [ГАСО, ф. 34, оп. 1, д. 18, л. 77—77 об.].

В регионах, где особую роль играло горнозаводское или какое-то иное производство и крестьяне были вынуждены трудиться на заводских работах, отбывая таким образом подушную подать, подследственных могли отпустить на поруки из-за необходимости выполнения положенной на них нормы [ГАСО, ф. 34, оп. 1, д. 36, л. 74 об.]. По этой причине, например, 24 января 1736 года присутствие Екатеринбургской конторы судных и земских дел приняло решение об освобождении на поруки крестьянина Камышевской слободы Лариона Степановых [ГАСО, ф. 34, оп. 1, д. 26, л. 48—48 об.].

Как и в предыдущем столетии, в России 1725—1741 годов не сложилось понимания важности создания условий для содержания ответчиков, арестованных по гражданским и уголовным искам. Несмотря на то, что указ «О форме суда» от 5 ноября 1723 года прямо называет арест в качестве меры, необходимой для проведения следственных мероприятий и своевременного представления ответчика к суду, из поля зрения создателей закона выпали вопросы содержания колодников. В решении вопроса заключения подозреваемых руководство органов, облеченных судебными полномочиями, опиралось на традицию. Как правило, ответчиков содержали родственники либо истцы. В случае невозможности получить корм от них скованных по несколько человек арестантов выводили на торговые

CC BY

площади для прошения милостыни. Лишь в немногих ситуациях государство брало на себя бремя ответственности за обеспечение подследственных и иных категорий заключенных.

На повестке дня продолжала стоять проблема скученности арестантов и антисанитарии в местах их содержания. Это хорошо видно по воспоминаниям офицера шведской армии Карла фон Роланда, в которых описана тюрьма Галича — города, где он провел какое-то время в качестве военнопленного Северной войны. Часть «замка» воеводы, окруженного высоким тыном, была выделена под арестантов. Вход в эти помещения был низким и узким, туда попадали только ползком. На входной двери висел большой замок. Колодники находились в духоте и практически полной темноте [Roland, 2006, p. 642—643].

3.2. Ревизионно-решающий порядок утверждения и пересмотра судебных решений и территориальный фактор в первой половине XVIII века

Длительность сроков содержания арестантов была также связана с запретом региональным органам власти, облеченным судебными полномочиями, выносить смертные приговоры без согласования с вышестоящими инстанциями. По наблюдениям Д. О. Серова, в годы петровских реформ воссоздается и законодательно оформляется ревизионно-решающий порядок утверждения и пересмотра судебных решений, который впервые был установлен Судебником 1497 года, но не получил никакого закрепления в законодательных актах XVII века. Нормы о необходимости ревизионно-решающего порядка судопроизводства были сначала включены в текст военных законов, в частности, — Краткого артикула 1706 года. Все вынесенные кригсрехтами (военными судами) приговоры подлежали утверждению строевым командованием [Серов, 2009, с. 338—351].

Окончательное оформление ревизионно-решающего порядка утверждения и пересмотра судебных решений в военно-уголовном процессе произошло после учреждения Военной коллегии и принятия указа от 3 марта 1719 года. Согласно закону, все приговоры полковых и генеральных кригсрехтов утверждались командующими военными подразделениями [ПСЗРИ, т. 5, с. 670]. Приговоры по обвинениям в смертной казни повторно рассматривались в Военной коллегии. Более того, дела офицеров, приговоры которых были подтверждены Военной коллегией, передавались на окончательное утверждение царя [ПСЗРИ, т. 6, с. 410].

В 1721 году ревизионно-решающий порядок рассмотрения и утверждения судебных приговоров был распространен и на другие органы власти, облеченные судебными полномочиями. IX глава «О судах гражданских» Регламента Главного магистрата, принятого 14 января 1721 года, устанав-

CC BY

ливала, «ежели какое дело будет смертной казни, о решении подписав сентенции, писать им в Главный магистрат, и пока от него на оное подтверждения к ним прислано не будет, то до тех мест в таких делах экзекуции им не чинить» [ПСЗРИ, т. 6, с. 296]. 5 июля 1721 года Юстиц-коллегия выпустила распоряжение схожего содержания, касавшееся судов общей юрисдикции. Согласно указу коллегии, «нижним судам» повелевалось посылать в надворные суды не только приговоры, но и выписки с характеристикой содержания дела. Если приговор не утверждался, дело направлялось на повторное рассмотрение в суд первого звена, от которого требовалось исправить все недочеты, выявленные вышестоящей инстанцией при изучении дела [Серов, 2009, с. 347—348, 469].

10 ноября 1721 года рассмотренное выше распоряжение Юстиц-коллегии нашло закрепление в именном указе, состоявшееся в Сенате. Закон предписывал отсылать из низших судов в высшие дела преступников, достойных ссылки на галеры или смертной казни. Вместе с делом в губернский центр передавался и обвиняемый. Если надворный суд находился в столице губернии, подписание приговоров следовало производить «с призывом губернаторов и вице-губернаторов». Любое несоблюдение этого правила грозило наказанием [ПСЗРИ, т. 6, с. 452—453]. Переработанный текст указа был включен в проект инструкции провинциальным судам 1722 года, которая была опубликована М. М. Богословским в начале XX века [Богословский, 1902, с. 35].

После смерти Петра Великого ревизионно-решающий порядок решения и пересмотра дел был укреплен, что нашло выражение в указе от 8 октября 1726 года. Согласно закону, приговоры, которыми назначалась смертная казнь или политическая смерть (лишение прав состояния), теперь утверждались Верховным Тайным Советом [ПСЗРИ, т. 7, с. 700; Серов, 2009, с. 405]. Большой объем дел, каравшихся смертной казнью или политической смертью, привел к появлению указов, пояснявших, какие приговоры поступали на рассмотрение Верховного Тайного Совета. 10 марта 1727 года Сенат указал, что закон от 8 октября 1726 года распространяется на утверждение приговоров, вынесенных только судебными учреждениями Санкт-Петербурга [ПСЗРИ, т. 7, с. 754]. Закон от 31 декабря 1727 года декларировал, что приговоры по особо тяжким преступлениям, вынесенные центральными органами власти, следует утверждать Сенату. Приговоры региональных органов суда рассматривались губернскими канцеляриями [ПСЗРИ, т. 7, с. 912, Готье, 1913, с. 401].

16 пункт Наказа губернаторам, воеводам и их товарищам 1728 года предписывал не исполнять приговоры, вынесенные судом воевод с асессорами, которыми осужденные приговаривались к ссылке на галеру или

CC BY

к смертной казни, прежде их «апробации» губернаторами. Главам губерний следовало утвердить приговор в течение 1—2 недель, «не отговариваясь ничем, чтоб от того продолжения колодников не умножалось». Решённые дела вместе с колодниками предписывалось отсылать обратно воеводам для исполнения приговора [ПСЗРИ, т. 8, с. 100]. В годы правления Елизаветы Петровны исполнение смертных приговоров было запрещено, что, безусловно, привело к росту числа колодников в тюрьмах. Указ от 7 мая 1744 года передал проверку вынесенных центральными и региональными органами власти приговоров Сенату, который требовал от «всех коллегий и канцелярий, губерний и провинций и всех команд» присылки перечневых выписок о колодниках, осужденных на смертную казнь или политическую смерть [ПСЗРИ, т. 12, с. 114].

Таким образом, попытки контролировать содержание арестантов сводились преимущественно к формальности: государство стремилось следовать установленному еще в XVII веке правилу о месячном сроке решения дел и собирало списки о «вершёных и не вершёных» делах и содержащихся по ним колодниках [ПСЗРИ, т. 3, с. 68—69, 85]. Кроме того, одним из способов разгрузить места заключения являлась практика помилования мелких правонарушителей и подследственных в периоды болезни или кончины монарха [ПСЗРИ, т. 7, с. 409—410; ПСЗРИ, т. 11, с. 277—280].

Проблема переполненности тюрем подследственными находилась в тесной связи со стремлением государства контролировать исполнение приговоров по наиболее тяжким преступлениям, карой за которые являлись смертная казнь, политическая смерть и ссылка на каторгу. Анализ законодательных актов свидетельствует о двух противоречивых тенденциях в организации судебного процесса и последующего исполнения наказаний. С одной стороны, государство в лице монарха и лиц, занимавших посты в высших и центральных органах государственной власти, стремилось как можно быстрее решать дела колодников, так как возможности для их содержания были ограничены. Несмотря на это арест являлся одной из немногих возможностей скорого доставления тяжущихся и других участников процесса к суду.

С другой стороны, верховная власть не имела полного доверия к лицам, осуществлявшим правосудие, что проявилось во внедрении практики утверждения судебных решений нижестоящих учреждений вышестоящими. Пересылка выписки по делу и обвиняемого из уезда в губернский центр и обратно не была быстрой. В некоторых случаях, как, например, в Сибирской губернии, она могла растянуться на несколько месяцев. Как правило, арестантов перевозили на «коште виноватого». Если таких возможностей не было, обвиняемых объединяли в группы для перевозки в гу-

CC BY

бернский центр. Это решение позволяло сэкономить лошадей и подводы, а также уменьшало количество сопровождавших обозы солдат.

Немаловажную роль при транспортировке подследственных играли протяженность и состояние дорог, расстояние между административными центрами. Так, например, по данным Д. А. Редина, самым благоприятным участком дороги в Западной Сибири был кусок тракта между Тюменью и Тобольском (около 235 км). В соответствии с данными Г. Ф. Миллера, во второй половине 1730-х — начале 1740-х годов этот участок пути можно было преодолеть за 2—4 дня. 3—5 дней требовалось потратить на путешествие между Екатеринбургом и Тюменью в 1733 году [Редин, 2007, с. 373—374]. Следует отметить, что немецкому ученому создавались наилучшие условия для путешествий по восточным территориям России, тогда как региональные органы власти не всегда имели возможности скорой переправки колодников. Состояние дорог зависело от времени года: в весеннюю и осеннюю распутицу перемещения оказывались невозможны [Редин, 2007, с. 378—379].

Кроме того, к увеличению сроков, отводившихся на отправление правосудия, приводила передача подследственных из одного органа власти в другой. Дело могло начаться в одном учреждении и после первичных следственных мероприятий быть передано на рассмотрение уполномоченной инстанции. Так, например, весной 1735 года рассматривалось дело башкира Каштана Якшугулова, который содержался в Ягошихинском бергамте по обвинению в «бое и увечье» башкирской жены Шупты Акбашевой. В результате изучения всех обстоятельств Екатеринбургская контора судных и земских дел приняла решение передать башкира в Уфимскую провинциальную канцелярию, в которой «оные башкирцы судом ведомы» [ГАСО, ф. 34, оп. 1, д. 17, л. 63].

В июне 1737 года в Екатеринбург с Каменского завода были присланы «смертноубийца» Аввакум Некрасов, а также «приличившиеся по тому делу» Василий и Федор Колмогоровы и Яков Бехтерев. А. Некрасов содержался под арестом в Каменской земской конторе с 12 апреля 1737 года. Екатеринбургской конторе судных и земских дел предстояло изучить материалы следствия и вынести приговор по этому делу [ГАСО, ф. 34, оп. 1, д. 31, л. 149—151 об.]. Приговор был вынесен 9 июня, то есть спустя два месяца после заключения обвиняемого.

Как можно заметить, на Урале сложилась собственная система соподчиненных органов горнозаводского управления, некоторые из которых взяли на себя функции, выполнявшиеся в других регионах губернаторами. Высшей инстанцией по судебным делам в регионе с конца 1734 года являлась Канцелярия главного заводов правления. На ее суд с 1737 года следовало передавать дела колодников, которые подлежали пытке, наказанию

CC BY

кнутом или ссылке на каторжную работу. По распоряжению Канцелярии, Екатеринбургская контора судных и земских дел передавала приговоры для «апробации» с пространным экстрактом по делу [ГАСО, ф. 34, оп. 1, д. 31, л. 254]. В свою очередь, земские и заводские конторы подчиненных административно-территориальных единиц направляли все «сложные» дела в Контору. В 1738 году Канцелярия главного заводов правления получила право утверждать приговоры, предполагавшие смертную казнь в качестве наказания [ГАСО, ф. 34, оп. 1, д. 36, л. 73].

Географическая близость судебно-административных учреждений Екатеринбурга значительно сокращала время на апробацию дела, но в некоторых случаях не уменьшала сроки его рассмотрения, когда требовалось допросить свидетелей, проживавших в других губерниях. Так, например, в январе 1738 года в Екатеринбургскую контору судных и земских дел поступил запрос из Казанской губернии о поиске и допросе свидетелей. Материалы допросов следовало отправить в Казань [ГАСО, ф. 34, оп. 1, д. 30, л. 32]. Подобные запросы могла делать и сама Контора.

До утверждения приговора губернатором или иной вышестоящей инстанцией обвиняемый не считался осужденным, но, как правило, находился в заточении. Следует предположить, что в 1721—1744 годы наибольшую нагрузку испытывали места заключения в губернских центрах, так как здесь концентрировались обвиняемые, присылавшиеся из разных уездов административно-территориальной единицы.

Возвращенный Петром I ревизионно-решающий способ утверждения приговоров и пересмотра судебных решений был особенностью судопроизводства Российской империи XVIII века. Он являлся одним из «препятствий» для осуществления скорого правосудия и создавал условия для длительного заключения ответчиков и подозреваемых. Одной из причин медленности отправления правосудия была также протяженность территории Российской империи. Сложности коммуникации между отдельными регионами страны играли немаловажную роль как в ходе следственных мероприятий, так и при вынесении и утверждении приговора.

4. Заключение = Conclusions

В Российской империи 1725—1741 годов регулирование вопросов ареста и стадии предварительного следствия не отделялось от судопроизводства и продолжало основываться на статьях Соборного уложения 1649 года, указе «Об отмене в судных делах очных ставок, о бытии вместо оных расспросу и розыску, о свидетелях, об отводе оных, о присяге, о наказании лжесвидетелей и о пошлинных деньгах» 1697 года и указе «О форме суда» 1723 года. Если в Соборном уложении мы можем найти лишь кос-

CC BY

венные свидетельства о заключении ответчиков и подозреваемых, то указ от 1697 года не содержит никаких сведений о требовании ограничения их передвижений. Лишь указ от 1723 года впервые открыто говорит о необходимости ареста.

Положения указа «О форме суда» 1723 года утвердили уже существовавшую практику. Несмотря на это, в законодательстве второй половины XVII—XVIII веков отсутствовали нормы, которые бы могли обеспечить ее исправное функционирование. Об этом свидетельствуют множественные указы о скорейшем решении дел, периодически появлявшиеся в течение всего рассматриваемого периода.

Задержки в производстве следственных мероприятий были вызваны разными причинами. Одной из них была протяженность территории государства, мешавшая скорой коммуникации между органами, облеченными судебными полномочиями, которые могли находиться в разных административно-территориальных единицах. Второй причиной было отсутствие заинтересованности со стороны челобитчиков. Как гражданские, так и уголовные дела возбуждались частным иском. Это обстоятельство являлось немаловажным фактором быстроты решения дела. Активность истцов, а иногда и самих ответчиков являлась залогом внимания делопроизводителей и членов присутствия к отправлению правосудия. Бездействие обусловливало затягивание судебного процесса и долговременность заключения.

Некоторые судебно-следственные дела оказывались незавершенными. То же касалось и правежа по искам. Причиной такой ситуации была статья 92 главы XXI Соборного уложения 1649 года, которая предписывала отпускать задержанных на поруки, если челобитчики не были у дела «лет пять и больши» [Соборное уложение 1649 года, с. 245]. Несмотря на то, что норма касалась только правонарушителей, находившихся у правежа, время от времени она использовалась для отпуска и уже сознавшихся в своих деяниях правонарушителей [РГАДА, ф. 518, оп. 1, д. 45, л. 31]. Эту норму дополняли законодательные акты 1720-х — 1730-х годов, устанавливавшие месячный срок для решения всех дел.

Освобождение ответчиков на поруки во многих случаях было обоснованным. Тем не менее стоит отметить, что время от времени оно шло вразрез с другими нормами права рассматриваемого периода, особенно если это касалось совершения тяжких преступлений. Сама процедура заключения под стражу была плохо регламентирована: места заключения были переполнены и находились в неудовлетворительном состоянии.

Несмотря на стремление усовершенствовать систему правосудия в России, которое нашло выражение в проведении судебной реформы

CC BY

Петра I и законодательных актах его преемников, декларировавших необходимость справедливого и скорого правосудия, оно так и не было обеспечено соответствующей законодательной базой. Стремление модернизировать систему управления и суда в первой четверти XVIII века провалилось вследствие игнорирования основ организации судебного процесса. Проблема содержания под арестом подозреваемых и ответчиков оставалась «слепой зоной» законодательства. В зависимости от содержания и характера дела ответчики, а иногда истцы и свидетели, могли находиться под арестом от одного дня до нескольких лет [ГАСО, ф. 34, оп. 1, д. 16, л. 91, 92—93 об.; РГАДА, ф. 518, оп. 1, д. 42, л. 44—44 об., 346—347 об., 358—360 об., 489—496].

Источники и принятые сокращения

1. ГАСО — *Государственный* архив Свердловской области. Ф. 34. Оп. 1. Д. 16—18, 26, 30, 31, 36.

2. *Генеральный* регламент // Реформы Петра I. Сборник документов. — Москва : Государственное социально-экономическое издательство, 1937. — С. 108—135.

3. ПСЗРИ — *Полное* собрание законов Российской Империи с 1649 года. — Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. — Том II. 1676—1688. — 977 с. ; Том III. 1689—1699. — 691 с. ; Том V. 1713—1719. — 781 с. ; Том VI. 1720—1722. — 818 с. ; Том VII. 1723—1727. — 925 с. ; Том VIII. 1728—1732. — 1018 с. ; Т. IX. 1733—1736. — 1025 с. ; Т. X. 1737—1739. — 996 с. ; Т. XI. 1740—1743. — 990 с. ; Т. XII. 1744—1748. — 961 с.

4. РГАДА — *Российский* государственный архив древних актов. Ф. 518. Оп. 1. Д. 7, 36, 42, 45 ; Ф. 941. Оп. 1. Д. 5.

5. *Соборное уложение* 1649 года // Российское законодательство X—XX веков : в 9-ти томах / под общей редакцией доктора юридических наук, профессора О. И. Чистякова. — Москва : Юридическая литература, 1985. — Т. 3. — С. 76—446.

6. *Roland C. von*. Souvenirs de captivité en Russie / C. von Roland // Cahiers du Monde russe. — 2006. — Vol. 47 / 3. — Pp. 615—658. — DOI: 10.4000/monderusse.8844.

Литература

1. *Акельев Е. В.* Повседневная жизнь воровского мира Москвы во времена Ваньки Каина / Е. В. Акельев. — Москва : Молодая гвардия, 2012. — 415 с. — ISBN 978-5-235-03508-9.

2. *Анисимов Е. В.* Дыба и кнут : политический сыск и русское общество в XVIII веке / Е. В. Анисимов. — Москва : Новое литературное обозрение, 1999. — 719 с.

3. *Батиев Л. В.* Указ 21 февраля 1697 г. и реформа судопроизводства в России / Л. В. Батиев // Актуальные проблемы российского права. — 2016. — № 11 (72). — С. 11—18. — DOI: 10.17803/1994-1471.2016.72.11.011-018.

4. *Богословский М. М.* Областная реформа Петра Великого : Провинция 1719—1727 гг. / М. М. Богословский. — Москва : Университетская типография, 1902. — 581 с.

5. *Готье Ю. В.* История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Реформа 1727 года. Областное деление и областные учреждения 1727—1775 гг. / Ю. В. Готье. — Москва : Типография Г. Лисснера и Д. Совко, 1913. — Т. 1. — 472 с.

CC BY

6. *Дмитриев Ф. М.* История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях / Ф. М. Дмитриев. — Москва : Университетская типография, 1859. — 588 с.

7. *Есипов Г. В.* Люди старого века : Рассказы из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии / Г. В. Есипов. — Санкт-Петербург : Типография А. С. Суворина, 1880. — 451 с.

8. *Кавелин К. Д.* Основные начала русского судоустройства и гражданского судопроизводства в период времени от Уложения до Учреждения о губерниях / К. Д. Кавелин // Собрание сочинений К. Д. Кавелина. — Санкт-Петербург : Типографии М. М. Стасюлевича и Н. П. Собко, 1904. — Т. 4. — Ст. 205—420.

9. *Каменский А. Б.* Повседневность русских городских обывателей : исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII в. / А. Б. Каменский. — Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2006. — 403 с. — ISBN 5-7281-0807-5.

10. *Коллманн Н. Ш.* Преступление и наказание в России раннего нового времени / Н. Ш. Коллманн. — Москва : Новое литературное обозрение, 2016. — 616 с. — ISBN 978-5-4448-0592-3: 1000 экз.

11. *Латкин В. Н.* Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX ст.) / В. Н. Латкин. — Санкт-Петербург : Типография Мотвида, 1909. — 652 с.

12. *Линовский В. А.* Опыт исторических розысканий о следственном уголовном судопроизводстве в России / В. А. Линовский. — Одесса : Типография Л. Нитче, 1849. — 262 с.

13. *Маньков А. Г.* Уложение 1649 года — кодекс феодального права России / А. Г. Маньков. — Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1980. — 271 с.

14. *Марасинова Е. Н.* Смертная казнь и политическая смерть в России середины XVIII века / Е. Н. Марасинова // Российская история. — 2014. — № 4. — С. 53—69.

15. *Мещанинов И. В.* Из истории русской тюрьмы. Лекция, прочитанная 25 марта 1905 г. сенатором И. В. Мещаниновым посетителям Санкт-Петербургского комитета для оказания содействия молодым людям в достижении нравственного и физического развития (Маяк) / И. В. Мещанинов. — Санкт-Петербург : Типолитография Санкт-Петербургской тюрьмы, 1905. — 22 с.

16. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.) / Б. Н. Миронов. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2000. — Т. 2. — 568 с.

17. *Михайлов М. М.* Русское гражданское судопроизводство в историческом его развитии от Уложения 1649 года до издания Свода законов / М. М. Михайлов. — Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1856. — 220 с.

18. *Никитин В. Н.* Тюрьма и ссылка. Историческое, законодательное, административное и бытовое положение заключенных, пересыльных, их детей и освобожденных из-под стражи, со времени возникновения русской тюрьмы до наших дней. 1560—1880 г. / В. Н. Никитин. — Санкт-Петербург : Типография Г. Шпарварт, 1880. — 680 с.

19. *Печников А. П.* Тюремные учреждения российского государства (1649 — октябрь 1917 гг.) : Историческая хроника / А. П. Печников. — Москва : Щит-М, 2004. — 324 с. — ISBN 5-93004-166-0.

20. *Покровский Н. Н.* Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. / Н. Н. Покровский. — Новосибирск : Наука. Сибирское отделение, 1974. — 394 с.

21. *Редин Д. А.* Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711—1727 гг.) / Д. А. Редин. — Екатеринбург : Волот, 2007. — 608 с. — ISBN 5-89088-038-1.

22. *Семевский М. И.* Слово и дело! 1700—1725 / М. И. Семевский. — Санкт-Петербург : Русская симфония : Б-ка акад. наук, 2006. — 319 с. — ISBN 5-91055-011-X.

23. *Сергеевский Н. Д.* Наказание в русском праве XVII века / Н. Д. Сергеевский. — Санкт-Петербург : А. Ф. Цинзерлинг, 1887. — 314 с.

24. *Серов Д. О.* Судебная реформа Петра I : Историко-правовое исследование. Монография / Д. О. Серов. — Москва : Зерцало, 2009. — 488 с. — ISBN 978-5-94373-161-7.

25. *Филиппов А. Н.* О наказании по законодательству Петра Великого в связи с реформою / А. Н. Филиппов. — Москва : Унив. тип., 1891. — 470 с.

26. *Фойницкий И. Я.* Учение о наказании в связи с тюрьмоведением / И. Я. Фойницкий. — Санкт-Петербург : Типография Министерства путей сообщения, 1889. — 514 с.

27. *Хрусталев Л. А.* Судебно-правовые реформы Петра I : Конец XVII — первая четверть XVIII в. : диссертация … кандидата юридических наук : 12.00.01 / Л. А. Хрусталев. — Москва, 2003. — 233 с.

28. *Marasinova E.* The Death Penalty Moratorium in 18th-century Russia / E. Marasinova // Quaestio Rossica. — 2019. — Т. 7. — № 4. — Pp. 1086—1106. — DOI: 10.15826/qr.2019.4.426.

29. *Wartman R.* Peter the Great and Court Procedure / R. Wartman // Canadian-American Slavic Studies. — 1974. — Vol. 8. — № 2. — Pp. 303—310.

Material resources

General Regulations. (1937). *Reforms of Peter I. Collection of documents.* Moscow: State Socio-Economic Publishing House. 108—135. (In Russ.).

Roland, C. von. (2006). Souvenirs de captivité en Russie. *Cahiers du Monde russe, 47/3:* 615—658. DOI: 10.4000/monderusse.8844. (In Franc.).

Russian State Archive of Ancient Acts. F. 518. Op. 1. d. 7, 36, 42, 45; F. 941. Op. 1. D. 5. (In Russ.).

State Archive of the Sverdlovsk region. F. 34. Op. 1. D. 16—18, 26, 30, 31, 36. (In Russ.).

The Cathedral Code of 1649. Russian legislation of the X—XX centuries: in 9 volumes, 3. (1985). Moscow: Legal Literature. 76—446. (In Russ.).

The complete collection of laws of the Russian Empire since 1649. (1830). St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancery. (In Russ.).

References

Akeliev, E. V. (2012). *Everyday life of the thieve's world of Moscow in the time of Vanka Cain.* Moscow: Molodaya gvardiya. 415 p. ISBN 978-5-235-03508-9. (In Russ.).

Anisimov, E. V. (1999). *The Rack and the whip: Political investigation and Russian society in the XVIII century.* Moscow: New Literary Review. 719 p. (In Russ.).

Batiev, L. V. (2016). Decree of February 21, 1697 and the reform of judicial proceedings in Russia. *Actual problems of Russian law, 11 (72):* 11—18. DOI: 10.17803/1994-1471.2016.72.11.011-018. (In Russ.).

Bogoslovsky, M. M. (1902). *The regional reform of Peter the Great: The Province of 1719—1727.* Moscow: University Printing House. 581 p. (In Russ.).

Dmitriev, F. M. (1859). *The history of judicial instances and civil appellate proceedings from the Judicial Officer to the Institution of the provinces.* Moscow: University Printing House. 588 p. (In Russ.).

Esipov, G. V. (1880). *People of the Old Century: Stories from the cases of the Preobrazhensky Order and the Secret Chancellery.* St. Petersburg: A. S. Suvorin Printing House. 451 p. (In Russ.).

CC BY

Filippov, A. N. (1891). *On punishment under the legislation of Peter the Great in connection with the reform.* Moscow: Univ. tip. 470 p. (In Russ.).

Foynitsky, I. Ya. (1889). *The doctrine of punishment in connection with prison studies.* St. Petersburg: Printing House of the Ministry of Railways. 514 p. (In Russ.).

Gauthier, Yu. V. (1913). *History of regional administration in Russia from Peter I to Catherine II. Reform of 1727. Regional division and regional institutions of 1727-1775, 1.* Moscow: Printing house of G. Lissner and D. Sovko. 472 p. (In Russ.).

Kamensky, A. B. (2006). *Everyday life of Russian urban inhabitants: historical anecdotes from provincial life of the XVIII century.* Moscow: Russian State University for the Humanities. 403 p. ISBN 5-7281-0807-5. (In Russ.).

Kavelin, K. D. (1904). The main principles of the Russian judicial system and civil proceedings in the time period from the Code to the Institution of the provinces. In: *Collected works of K. D. Kavelin, 4.* St. Petersburg: Printing houses of M. M. Stasyulevich and N. P. Sobko. 205—420. (In Russ.).

Khrustalev, L. A. (2003). *Judicial and legal reforms of Peter I: The end of the XVII — the first quarter of the XVIII century.* PhD Diss. Moscow. 233 p. (In Russ.).

Kollmann, N. S. (2016). *Crime and punishment in early Modern Russia.* Moscow: New Literary Review. 616 p. ISBN 978-5-4448-0592-3: 1000 copies. (In Russ.).

Latkin, V. N. (1909). *Textbook of the history of Russian law of the Empire period (XVIII and XIX centuries).* St. Petersburg: Motvida Printing House. 652 p. (In Russ.).

Linovsky, V. A. (1849). *The experience of historical investigations on investigative criminal proceedings in Russia.* Odessa: L. Nitche Printing house. 262 p. (In Russ.).

Mankov, A. G. (1980). *The Code of 1649 — the Code of feudal law of Russia.* Leningrad: Nauka, Leningrad Branch. 271 p. (In Russ.).

Marasinova, E. N. (2014). Capital punishment and political death in Russia in the middle of the XVIII century. *Russian history, 4:* 53—69. (In Russ.).

Marasinova, E. (2019). The Death Penalty Moratorium in 18th-century Russia. *Quaestio Rossica, 7 (4):* 1086—1106. DOI: 10.15826/qr.2019.4.426.

Meshchaninov, I. V. (1905). *From the history of the Russian prison. A lecture delivered on March 25, 1905 by Senator I. V. Meshchaninov to visitors of the St. Petersburg Committee to assist young people in achieving moral and physical development (Mayak).* St. Petersburg: Typolithography of the St. Petersburg prison. 22 p. (In Russ.).

Mikhailov, M. M. (1856). *Russian civil procedure in its historical development from the Code of 1649 to the publication of the Code of Laws.* St. Petersburg: Printing House of the II Department Of Its Own E. I. V. Chancellery. 220 p. (In Russ.).

Mironov, B. N. (2000). *Social history of Russia during the Empire period (XVIII — early XX century), 2.* St. Petersburg: Dmitry Bulanin Publishing House. 568 p. (In Russ.).

Nikitin, V. N. (1880). *Prison and exile. Historical, legislative, administrative and living conditions of prisoners, messengers, their children and those released from custody, from the time of the emergence of the Russian prison to the present day. 1560—1880.* St. Petersburg: Shparvart Printing House. 680 p. (In Russ.).

Pechnikov, A. P. (2004). *Prison institutions of the Russian state (1649 — October 1917): Historical chronicle.* Moscow: Shield-M. 324 p. ISBN 5-93004-166-0. (In Russ.).

Pokrovsky, N. N. (1974). *Antifeudal protest of Ural-Siberian peasants-Old Believers in the XVIII century.* Novosibirsk: Nauka. Siberian Branch. 394 p. (In Russ.).

CC BY

Redin, D. A. (2007). *Administrative structures and bureaucracy of the Urals in the era of Peter the Great's reforms (western counties of the Siberian province in 1711—1727).* Yekaterinburg: Volot Publishing House. 608 p. ISBN 5-89088-038-1. (In Russ.).

Semevsky, M. I. (2006). *Word and deed! 1700—1725.* Saint-Petersburg: Russian Symphony. B-ka akad. nauk. 319 p. ISBN 5-91055-011-X. (In Russ.).

Sergeevsky, N. D. (1887). *Punishment in the Russian law of the XVII century.* St. Petersburg: A. F. Tsinserling. 314 p. (In Russ.).

Serov, D. O. (2009). *Judicial reform of Peter the Great: Historical and legal research. Monograph.* Moscow: Zertsalo. 488 p. ISBN 978-5-94373-161-7. (In Russ.).

Wartman, R. (1974). Peter the Great and Court Procedure. *Canadian-American Slavic Studies, 8 (2):* 303—310.

Статья поступила в редакцию 01.08.2021,
одобрена после рецензирования 28.03.2022,
подготовлена к публикации 02.05.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Бурнашева Н. И. Деятельность Арктической комиссии при Совете народных комиссаров СССР в 1928—1930 годах : от задач научного исследования к планам хозяйственного развития / Н. И. Бурнашева // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 4. — С. 419—432. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-419-432.

Burnasheva, N. I. (2022). Activities of Arctic Commission under Council of People's Commissars of USSR in 1928—1930: from Tasks of Scientific Research to Plans for Economic Development. *Nauchnyi dialog, 11(4):* 419-432. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-419-432. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU EBSCOhost

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-419-432

Деятельность Арктической комиссии при Совете народных комиссаров СССР в 1928—1930 годах: от задач научного исследования к планам хозяйственного развития

Бурнашева Наталия Ивановна
orcid.org/0000-0002-7045-8717
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
отдела истории
и арктических исследований
n_burnasheva@mail.ru

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения
Российской академии наук
(Якутск, Россия)

Activities of Arctic Commission under Council of People's Commissars of USSR in 1928—1930: from Tasks of Scientific Research to Plans for Economic Development

Natalia I. Burnasheva
orcid.org/0000-0002-7045-8717
Doctor of History,
Leading Researcher,
Department of History
and Arctic Research
n_burnasheva@mail.ru

The Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North
of the Siberian branch
of the Russian Academy of Sciences
(Yakutsk, Russia)

© Бурнашева Н. И., 2022

CC BY

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается организационное становление системы государственного управления освоением Арктики в СССР в годы первых пятилеток. Актуальность изучения проблем освоения Арктики рассматриваемого периода обусловлена возрастающим интересом к данному вопросу в современных условиях. Показана деятельность образованной при правительстве Арктической комиссии, на которую была возложена роль единого координатора государственных мероприятий и центра регулирования деятельности различных учреждений и ведомств в арктическом регионе. Проанализирован начальный период деятельности правительственной комиссии, связанный с принятием страной курса на индустриализацию и переходом к системе планового регулирования экономики. В этих условиях коренным образом стали трансформироваться установки научных экспедиций, ранее исследовавших арктические владения, начался перевод научно-исследовательских работ на решение прикладных, хозяйственных задач. На основе архивных источников установлено, что Арктическая комиссия выступила инициатором и возглавила огромный комплекс работ по организации и координации научно-исследовательских и практических хозяйственных работ на севере страны. Сделан вывод о том, что в годы первых пятилеток процесс освоения арктических территорий СССР вошел в переломный период своего развития. Наиболее важной составляющей нового этапа освоения Арктики явился переход управленческой инициативы в деле организации работ на севере страны в руки государства.

Ключевые слова:
Арктика; государственное управление; Арктическая комиссия; Северный морской путь; полярные экспедиции; первые пятилетки.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The organizational formation of the system of state management of the Arctic development processes in the USSR during the first five-year plans, is considered. The relevance of considering the problems of the development of the Arctic during the period under review is due to the growing interest in this issue in modern conditions. The activities of the Arctic Commission formed under the government, which was entrusted with the role of a single coordinator of state events and a center for regulating the activities of various institutions and departments in the Arctic region, are shown. Attention is drawn to the initial period of activity of the government commission, associated with the country's adoption of a course towards industrialization and the transition to a system of planned regulation of the economy. Under these conditions, the installations of scientific expeditions that had previously explored the Arctic possessions began to transform radically, the transfer of research work to solving applied, economic problems began. On the basis of archival sources, it has been established that the Arctic Commission initiated and led a huge complex of works on organizing and coordinating research and practical economic work in the north of the country. It is concluded that during the years of the first five-year plans, the process of development of the Arctic territories of the USSR entered a turning point in its development. The most important component of the new stage in the development of the Arctic was the transfer of managerial initiative in organizing work in the north of the country into the hands of the state.

Key words:
Arctic; public administration; Arctic Commission; Northern Sea Route; polar expeditions; first five-year plans.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 94:339.166.2(470)“192/193”

Деятельность Арктической комиссии при Совете народных комиссаров СССР в 1928—1930 годах: от задач научного исследования к планам хозяйственного развития

© Бурнашева Н. И., 2022

1. Введение = Introduction

Арктические территории издавна привлекали внимание исследователей своими бескрайними просторами и природным разнообразием. Основной задачей путешественников был поиск новых земель и удобных мореходных путей, открытие и описание неизведанных явлений природы. Практический интерес к освоению ресурсного потенциала российской Арктики со стороны государства проявился в годы Первой мировой войны, когда стране потребовались новые источники сырья и материалов, необходимые для поддержания экономики [Зубков, 2016, с. 161—170]. С этого времени, наряду с пушными и рыбными богатствами, северные территории стали вызывать интерес месторождениями полезных ископаемых и перспективами их промышленного освоения. Проблема промышленного освоения Арктики и сегодня является одной из наиболее актуальных и приоритетных для научного изучения и перспективных для экономического развития России.

Переход советской страны к строительству социалистического общества создал условия для постановки новых задач в деле освоения Арктики, для выработки новых подходов и концепций к ее промышленному освоению. Основу первых практических шагов в исследовании северных территорий России после революции 1917 года заложили решения советского правительства от 12 апреля 1918 года, утвердившие программу работ Академии наук по изучению природных ресурсов страны. Данным постановлением Совнаркома был определен принципиальный подход к использованию научных исследований в государственных интересах, а также обращено внимание Академии на «разрешение проблем правильного распределения в стране промышленности» и рационального использования ее хозяйственных сил [Документы, 1986, с. 7]. Постановление правительства предоставило Академии наук возможность продолжения работы Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС). В новых условиях осталась в силе программа КЕПС, принятая в 1916—1917 годах совместно с Полярной комиссией и сельскохозяйственным комитетом Академии наук, по геологическим съемкам и картографированию Севера

CC BY

России, изучению водных ресурсов, рыбного и охотничьего промыслов, лесных запасов и других природных богатств [Самарин, 2014, с. 9; Кольцов, 1999]. Экспедиции Академии наук, организованные в первые годы советской власти, начали свои исследования на Кольском Севере, что определилось наличием здесь железной дороги, соединяющей центр страны с единственным незамерзающим морским портом Европейского Севера [Макарова др., 2012, с. 62, 65]. Начавшись с изучения территории Европейского Севера, академические исследования продолжились в Западной Сибири [Гололобов, 2008; Куперштох, 2014; Папеско и др., 2012; Тимошенко, 2012]. Экспедиционными отрядами прорабатывались цели дальнейшего продвижения исследований на восток — в арктические территории Сибири, которые включали в себя задачи изучения бассейнов северных рек: Лены, Яны, Индигирки и Колымы. Весомым аргументом к открытию восточного направления научных исследований послужили труды академика В. И. Вернадского, в которых подчеркивался огромный потенциал освоения недровых богатств Азиатской России в развитии производительных сил страны [Ширина и др., 2014]. Во второй половине 1920-х годов в Арктике были проведены первые попытки обустройства стационарных баз, пригодных для круглогодичного пребывания в них. Такая островная научно-промысловая станция была создана в 1926 году на о. Врангеля, ее первым начальником стал работник Дальневосточного Госторга Г. А. Ушаков [Культенко, 2022, с. 1938].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Процесс постановки новых научных задач в деле освоения Арктики получил достаточно полное освещение в российской историографии. Большое внимание исследователей при этом уделяется наиболее важным ключевым моментам истории освоения северных территорий СССР в 1920—1930-е годы. Включение задач экономического развития северных территорий СССР в первые пятилетние планы придало им государственный статус, дало начало процессу смены подходов и приоритетов их хозяйственного освоения [Сабуров, 2016, с. 43—44]. Исследование природно-ресурсного потенциала Арктики и развитие Северного морского пути выступали отныне в качестве главных инструментов претворения в жизнь государственных планов по экономическому освоению северных регионов СССР [Бринюк, 2017, с. 76—85]. Одновременно, в условиях принятия в стране курса на индустриализацию, в ряд первостепенных были выдвинуты задачи поиска и разведки месторождений полезных ископаемых в арктических районах [Ульянова и др., 2016, с. 263—275]. В целом, согласно утверждению Героя Советского Союза, академика О. Ю. Шмидта (1891—

CC BY

1956) — полярного исследователя, в 1932—1938 годах занимавшего пост начальника Главного управления Северного морского пути, плановая система управления экономикой открыла для СССР возможности совершения поворота «от первой стадии "прощупывания" Арктики до нынешней стадии — наступления на нее широким фронтом» [Шмидт, 1935, с. 6].

С принятием первого пятилетнего плана развития СССР начался и переход от постановки чисто научно-исследовательских задач изучения Арктики к достижению государственной цели хозяйственного освоения ее природных богатств [Филин, 2016, с. 278; Комгорт, 2012, с. 14—17]. Смена приоритетов в соотношении теоретических и прикладных задач по всем направлениям советской науки была вызвана значительным усилением влияния государства на решение вопросов организации и развития научных исследований в стране. Прежде всего это выразилось в переименовании Российской академии наук в Академию наук СССР (1924) с подчинением непосредственно Совнаркому СССР, в объявлении ее высшим научным учреждением страны, а также в утверждении новым уставом Академии наук (1927) смены приоритетов с фундаментальных научных исследований на прикладные [Худобородов и др., 2013, с. 75].

Настоящая статья написана на основе документов Академии наук, хранящихся в фонде Центрального исполнительного комитета СССР Государственного архива Российской Федерации. В них сохранились стенографические протоколы заседаний Арктической комиссии за 1928—1929 годы. Общая характеристика работы Арктической комиссии была впервые представлена А. Орловым в 1930 году в журнале «Советский Север» [Орлов, 1930].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Деятельность правительственной Арктической комиссии

Роль единого координатора государственных мероприятий и центра регулирования деятельности различных учреждений и ведомств в арктическом регионе правительством СССР была поручена Арктической комиссии, образованной при правительстве страны постановлением Совнаркома от 31 июля 1928 года [Орлов, 1930]. Согласно постановлению, комиссия создавалась в целях организационной и финансовой проработки пятилетнего плана научно-исследовательских работ в арктических владениях страны. По своему статусу правительственная комиссия являлась государственной и межведомственной, координирующей деятельность представителей науки и хозяйственных органов, военных (морских и авиационных) ведомств, служб связи, геофизики, метеорологии, а также международных обществ исследователей Арктики. В состав комиссии входил представитель правительства РСФСР, членами комиссии являлись также представи-

CC BY

тели, делегированные Ассоциацией по изучению северных морей, Академией наук СССР, советской группой Международного общества по изучению Арктики при помощи воздушного корабля, Наркоматом по военным и морским делам (по Управлению ВВС), ВСНХ СССР, Союзом обществ друзей обороны и авиационно-химического строительства «Осоавиахим» СССР и Советским торговым флотом («Совторгфлотом»). Председателем комиссии (рабочее название — Арктическая комиссия) был назначен С. С. Каменев (1880—1936) — советский военачальник, командарм 1-го ранга (1935), занимавший в 1920-е годы посты инспектора РККА, заместителя наркома по военным и морским делам, председателя РВС СССР, главного руководителя Военной академии РККА по тактике, начальника управления ПВО РККА [Каменев].

Свою деятельность Арктическая комиссия начала с определения целей и основных принципов предстоящих мероприятий на севере страны. В соответствии с планом, утвержденным постановлением правительства от 31 июля 1928 года, на комиссию возлагались задачи: а) организации геофизических обсерваторий с соответствующими радиоустановками и необходимыми плавучими средствами на Земле Франца-Иосифа, Новой Земле и Северной Земле; б) сооружения базовых причальных мачт для обеспечения работы научных арктических экспедиций, совершаемых на воздушных кораблях. Уникальность запланированных государством мероприятий по освоению Арктики, масштабность охватываемых территорий и мобилизованных ресурсов, новаторство внедряемых методов и подходов в работе потребовали тщательной проработки ключевых моментов работы всех заинтересованных государственных структур и четко выверенной единой линии управления. В связи с этим одно из первостепенных мест в работе Арктической комиссии было уделено вопросам, касающимся выработки общих целевых установок, определения конечных результатов и перспектив предстоящей деятельности, разработки механизмов включения мероприятий в Арктике в общесоюзные народнохозяйственные планы развития.

Процесс выработки стратегии освоения Арктики осуществлялся путем коллективного обсуждения мнений и максимального учета точек зрения представителей различных учреждений и ведомств по наиболее острым проблемам кораблестроения, аэронавтики, метеорологии, климатологии. В то же время принятие решений Арктической комиссии сопровождалось уточнением стратегических установок и внесением оперативных корректировок в планы работ, исходящих из требований практической целесообразности действий. Сохранившиеся протоколы заседаний комиссии зафиксировали один из моментов выработки решений председателем комиссии С. С. Каменевым: «…прочитав этот протокол, почувствовал некоторое

CC BY

опасение. Я не уловил из сказанного, насколько этот корабль пригоден для данной задачи. Выходит, как будто, корабль ради корабля, плавание ради плавания. Должны быть установлены цели» [ГАРФ, ф. 3316, оп. 45, д. 20, л. 124]; «…Арктика ради Арктики. А что же будет делать корабль в Арктике? Думаю, что в этом заключается слабая сторона работы комиссии. Как же оправдать необходимость этого корабля?» (*из стенограммы заседания от 29 сентября 1928 года*) [Там же]. Желание более конкретного обоснования целей работы на севере страны прозвучало в выступлении члена комиссии С. А. Меженинова (1890—1937), советского военачальника, являвшегося в 1925—1931 годы помощником, заместителем начальника ВВС: «…нужно твердо знать почему мы идем в Арктику, потому ли что она ближе к нашим дверям, или преследуем экономические и политические цели. Без этой основной установки, не знаешь какую подводить базу» (*из стенограммы заседания от 29 сентября 1928 года*) [Там же, л. 127].

Преодолевая возникающие в ходе обсуждения неясности и сомнения, Арктическая комиссия пришла в итоге к принципиальному заключению о необходимости подчинения целей научного изучения арктических территорий — практическим задачам, соответствующим принятым в стране пятилетним хозяйственным планам. Такой подход был поддержан членами Арктической комиссии. Так, советский авиатор, один из первых полярных летчиков Б. Г. Чухновский (1898—1975) в одном из своих выступлений высказался следующим образом: «Мне кажется, что научных целей в чистом виде не бывает. Нам постоянно приходится сталкиваться с практическими целями. Все установки радиостанций, станций для метеорологических наблюдений, для наблюдений за плаванием судов, для долгосрочного предсказывания погоды, которое имеет большое значение для сельского хозяйства, все это имеет практическое значение. Здесь требуется прежде всего подобрать практический материал, для чего работа будет. Благодаря этим материалам можно уже уточнить, где нужно работать и как, и где ставить радиостанции …» (*из стенограммы заседания от 29 сентября 1928 года*) [Там же].

По итогам обсуждений председателем Арктической комиссии С. С. Каменевым был подведен общий вывод: «Проработка пятилетнего плана оказалась трудной. Комиссия пришла к заключению, что необходимо пятилетний план увязать с практическими работами, которые ведутся в северных морях. Оказалось, что организации, которые ведут работы, «нуждаются в известном расширении научных оснований». С другой стороны, научные исследования сами по себе выдвигают практическое использование добытых данных. Таким образом, наша работа по пятилетнему плану, в общем, значительно расширилась, сравнительно с первоначальной постановкой. Мы сейчас хотим взять эти два направления — практическое использова-

CC BY

ние Севера, это производственная задача и затем — наша научная работа» (*из стенограммы заседания от 6 декабря 1929 года*) [ГАРФ, ф. 3316, оп. 45, д. 20, л. 230]. Что касалось непосредственно научно-исследовательских организаций страны, то правительственная комиссия поставила перед ними конкретные задачи по проведению работ по трем основным направлениям: научному сопровождению зверобойных работ, ведущихся на Севере; организации научных исследований на о. Врангеля; ведению работ на Северной Земле. В дальнейшем предполагалось продумать организацию новых экспедиций «по расширению научной области» [Там же].

В целом, принятый за основу подход Арктической комиссии к роли научных исследований в освоении Арктики вполне соответствовал тем процессам, которые происходили в развитии науки СССР. Именно в эти годы деятельность научных организаций обрела прикладной характер, сокращались объемы экспедиционных работ, был сделан упор на стационарные работы и устройство постоянно действующих полярных станций. Научные исследования постепенно переводились в русло выполнения задач народнохозяйственных пятилетних планов.

3.2. Северный путь к устью рек Лены и Колымы

Среди наиболее важных результатов работы Арктической комиссии стало определение приоритетов, выделение этапов и последовательности ведения работ по освоению Арктики. Первоначальную основу для принятия пятилетней программы действий на севере страны составили две служебные записки, поступившие на рассмотрение комиссии в сентябре 1928 года [Там же, л. 44]. Одна из них, составленная советским полярным исследователем, профессором Р. Л. Самойловичем (1881—1939), содержала в себе обоснование необходимости организации научно-исследовательской базы на островах Франца-Иосифа. В другой служебной записке, поданной Р. Л. Самойловичем, совместно с океанологом, полярным исследователем В. Ю. Визе (1886—1954), речь шла о создании подобной научно-исследовательской базы на архипелаге Новая Земля. Наряду с этими двумя направлениями работ, предложенными учеными, Арктической комиссией было инициировано уникальное по значимости мероприятие по продвижению исследовательских работ с запада на восточное побережье Северного Ледовитого океана. Благодаря этому остававшаяся на протяжении веков практически недосягаемой для освоения восточная часть арктического севера СССР впервые в истории получила осязаемые перспективы для развития. С включением задач освоения арктических владений СССР в государственные пятилетние планы открывалась возможность реализации программ хозяйственного освоения северо-восточной окраины страны. Ключевыми проблемами Арктическая комиссия назвала планы по созданию исследовательской базы на

CC BY

о. Врангеля, решение проблем развития аэроарктики и полетов дирижабля, устройство для них причальных мачт и необходимых наземных служб. В результате неоднократных обсуждений в декабре 1928 года эти задачи и были положены в качестве главных ориентиров для разработки государственного пятилетнего плана работ в арктических территориях СССР [Там же, л. 221].

Одновременно с выбором приоритетов в планах освоения Арктики правительственная комиссия большое внимание уделила вопросу определения сроков для выполнения основных этапов работ. На одном из первых заседаний комиссии известный геохимик и минералог, академик А. Е. Ферсман (1883—1945) предложил весь предстоящий комплекс работ в акватории Ледовитого океана разделить на три основных участка: Беломорский район; район мыса Челюскин (север п-ова Таймыр, самая северная материковая точка Евразии), служивший центром условного разделения океана на две половины; Дальневосточная окраина. Особое внимание, по его мнению, необходимо было сосредоточить на Беломорском районе и Дальневосточной окраине. При этом А. Е. Ферсманом впервые была провозглашена задача объединения всех предыдущих работ по освоению северо-востока Ледовитого океана в единый комплекс мероприятий Арктической комиссии: «… работают в этом районе несколько комиссий. Может быть, для изучения работы эти комиссии нужно объединить в нашей большой комиссии?» (*из стенограммы заседания от 6 сентября 1928 года)* [Там же, л. 37]. В ходе обсуждения задачи все более конкретизировались. Так, в выступлении С. А. Меженинова задачи освоения севера были охарактеризованы следующим образом: «… первой актуальнейшей задачей является овладение Карским морем. Вторая задача — выход в Лену с запада на восток. Это конечная цель, а начальная — где Северная Земля, и как через пролив до него добраться» (*из стенограммы заседания от 29 сентября 1928 года)* [Там же, л. 127].

Поддержав поступившие от заинтересованных ведомств предложения, Арктическая комиссия высказалась в поддержку задач освоения арктических территорий к востоку от Мыса Челюскина путем создания надежных баз в устьях рек Лены и Колымы. На процесс принятия такого решения существенное влияние оказали усилия руководства Якутской АССР, направленные на развитие и исследование своих северных окраин [Бурнашева, 2020, с. 261—281]. Как было зафиксировано в протоколах заседаний комиссии, «судя по мнению представителей республики, у нее много связывается с этим проектом» [ГАРФ, ф. 3316, оп. 45, д. 20. л. 68]. Экономическое развитие северных территорий Якутии имело перспективу скорейшего решения вопросов обеспечения населения края товарами и продовольствием, завоза грузов для развертывания работ по добыче полезных

CC BY

ископаемых и становления в этих районах промышленных производств, а также открывало «целую серию культурных начинаний для развития очень богатого, но совершенно заброшенного края» [Там же].

Учитывая крайнюю необходимость хозяйственного развития северо-восточных территорий страны, Арктической комиссией был предложен целый комплекс предстоящих работ по многим направлениям. Так, комиссии по пересмотру типов кораблей, созданной при Совторгфлоте, было рекомендовано учесть, что корабли, нужные для работы в арктических водах устья Лены и Колымы должны быть созданы не позднее 1930 года [ГАРФ, ф. 3316, оп. 45, д. 20, л. 84]. Для обеспечения устья Лены связью с центром в 1929 году было запланировано открытие полярной станции в Булуне, обеспеченной коротковолновой стандартной радиоустановкой [Там же, л. 67]. Согласно информации С. А. Меженинова, группа советских ученых из Ленинграда выдвинула вопрос о необходимости специального «легкого» типа самолетов для обследования Арктики, «среднего» типа — для обслуживания метеорологических станций на побережье, а также «большого» самолета для ведения работ со специальных баз. В связи с этим был разработан порядок возведения и эксплуатации капитальных баз, предназначенных «для оживления Севера», в Архангельске, устьях Лены и Анадыре. Позже Арктическая комиссия остановилась на варианте строительства основных баз в Ленинграде и Иркутске [Там же, л. 128]. Вместе с тем вопрос реализации стоящих перед страной задач по освоению Севера упирался в вопросы подготовки кадров. Поэтому особое место в обсуждении планов комиссии было уделено вопросам подготовки квалифицированных научных сил. Причем для их решения требовался, по мнению Арктической комиссии, подход, введенный «в определенную систему» [Там же, л. 106]. И наконец, планируемые правительственной комиссией работы по освоению Севера СССР предполагали широкое международное сотрудничество СССР с зарубежными странами (США, Норвегией и Японией), в частности, по аренде и приобретению морских судов (пароходов, шхун) [Там же, л. 27, 30, 33].

4. Заключение = Conclusions

Во второй половине 1920-х годов процесс освоения арктических территорий СССР вошел в переломный период своего развития. Наиболее важной составляющей нового этапа освоения Арктики явился переход управленческой инициативы в деле организации работ в данном направлении в руки государства. Интересы государства в управлении процессами на Севере страны в 1928—1933 годы представляла Арктическая комиссия, образованная правительством в соответствии с постановлением Совнаркома СССР. Принятие курса на индустриализацию и переход к плановому регулированию

CC BY

экономики страны коренным образом поменяли установки научных экспедиций, ранее исследовавших арктические владения. Начавшийся в этот период перевод научно-исследовательских работ на прикладные положил начало процессам, ориентирующим научные исследования в русло решения, по преимуществу, хозяйственных задач. Принятый за основу подход Арктической комиссии к роли научных исследований в освоении Арктики являлся государственным, который вполне соответствовал тем процессам, которые происходили в развитии науки СССР. Именно в эти годы деятельность научных организаций обрела прикладной характер, сокращались объемы экспедиционных работ, был сделан упор на стационарные работы и устройство постоянно действующих полярных станций. Научные исследования постепенно переводились в русло выполнения задач народнохозяйственных пятилетних планов. Арктическая комиссия выступила инициатором и возглавила огромный комплекс работ по организации и координации научно-исследовательских и практических хозяйственных работ, объединила усилия государственных ведомств, научных организаций и общественных сил, направленных на мобилизацию имеющихся сил и средств страны по освоению природных ресурсов арктических территорий СССР и превращению их в единое экономическое пространство.

Источники и принятые сокращения

1. ГАРФ — *Государственный* архив Российской Федерации. Ф. 3316 (Центральный исполнительный комитет СССР). Ф. 3316. Оп. 45. Д. 20. Л. 27, 30, 33, 37, 44, 67, 68, 84, 106, 124, 127, 128, 221, 230.

Литература

1. *Бринюк Н. Ю.* Развитие научных исследований в Арктике с 1920-х гг. до конца советского периода / Н. Ю. Бринюк // Арктика : история и современность. Труды Второй международной научной конференции. Санкт-Петербург. 19—20 апреля 2017 г. — Санкт-Петербург : Медиапапир, 2017. — С. 76—85. — ISBN 978-5-00110-019-5.

2. *Бурнашева Н. И.* Власть и управление национальной окраиной : экономика Якутии в XIX — первой трети XX века / Н. И. Бурнашева. — Москва : АИРО-XXI, 2020. — 320 с. — ISBN 978-591022-468-5.

3. *Гололобов Е. И.* Научное изучение Севера Западной Сибири в 1917—1930 гг. в контексте освоения природных ресурсов региона / Е. И. Гололобов // Вестник Томского государственного университета. — 2008. — № 317. — С. 94—97.

4. *Документы* по истории Академии наук СССР : 1917—1925 гг. / сост. В. А. Тряскина. — Ленинград : Наука, 1986. — 384 с.

5. *Зубков К. И.* Эволюция концепции освоения советской Арктики в первой половине XX века : геостратегический аспект / К. И. Зубков // Историко-педагогические чтения. — 2016. — № 20—1. — С. 161—170.

6. *Каменев С. С.* Сайт Российского военно-исторического общества [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://100.histrf.ru/commanders/kamenev-sergey-sergeevich/ (дата обращения 21.01.2022).

CC BY

7. *Кольцов А. В.* Деятельность Комиссии по изучению естественных производительных сил России : 1914—1918 гг. / А. В. Кольцов // Вопросы истории естествознания и техники. — 1999. — № 2. — С. 128—139.

8. *Комгорт М. В.* Перспективы нефтегазоносности арктических районов Сибири в геологических исследованиях 1920—1940-х гг. / М. В. Комгорт // Гуманитарные науки в Сибири. — 2012. — № 1. — С. 14—17.

9. *Культенко В. П.* История полярных открытий. Остров Врангеля / В. П. Культенко // Инновации. Наука. Образование. — 2022. — № 51. — С. 1932—1943.

10. *Куперштох Н. А.* Западно-Сибирский филиал Академии наук СССР : проекты и реалии первой половины XX в. / Н. А. Куперштох // Вестник Томского государственного университета. История. — 2014. — № 2 (28). — С. 32—40.

11. *Макарова Е. И.* Академия наук в истории индустриализации северных территорий СССР (1917—1940) / Е. И. Макарова, В. П. Петров, А. Д. Токарев // Труды Кольского научного центра РАН. — 2012. — № 9. — С. 61—73.

12. *Орлов А.* Арктическая комиссия. Пятилетний план научно-исследовательской работы в Арктических владениях СССР / А. Орлов // Советский север. — 1930. — № 2. — С. 111—116.

13. *Папеско Т. М.* К истории изучения и освоения природных и минеральных богатств Уральского Севера / Т. М. Папеско, В. П. Филиппов // Геология, полезные ископаемые и проблемы геоэкологии Башкортостана, Урала и сопредельных территорий. — 2008. — № 7. — С. 306—308.

14. *Сабуров А. А.* Организация советских Арктических исследований в 1920-х годах : планирование и координация научной деятельности / А. А. Сабуров // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия : Гуманитарные и социальные науки. — 2016. — № 3. — С. 41—48.

15. *Самарин А. В.* Предпосылки и истоки организации стационарных академических учреждений на Европейском Севере России (XVIII—XX вв.) / А. В. Самарин // Известия Коми научного центра УРО РАН. — 2014. — № 3 (19). — С. 6—15.

16. *Тимошенко А. И.* Трансформации в российской государственной политике освоения Арктики и Северного морского пути (XVIII—XXI вв.) / А. И. Тимошенко // Государственная политика России в Арктике : стратегия и практика освоения в XVIII—XXI вв. Сборник научных трудов. — Новосибирск : Сибирское научное издательство, 2012. — С. 4—35. — ISBN 978-5-91124-049-3.

17. *Ульянова С. Б.* Строительство советской Арктики : исторический опыт первых советских проектов освоения Заполярья (1920-е — 1930-е гг.) / С. Б. Ульянова, Н. В. Офицерова // Арктика : история и современность : Труды международной научной конференции. 20—21 апреля 2016 г. Санкт-Петербург. — Москва : Наука, 2016. — С. 263—275.

18. *Филин П. А.* История исследования и освоения Арктики : основные этапы осмысления и белые пятна истории / П. А. Филин // Арктика : история и современность : Труды международной научной конференции. 20—21 апреля 2016 г. Санкт-Петербург. — Москва : Наука, 2016. — С. 276—286.

19. *Худобородов А. Л.* Реорганизация Академии наук в советском государстве в 20-е годы XX века / А. Л. Худобородов, В. А. Заровнятных // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : социально-гуманитарные науки. — 2013. — Том 13. — № 2. — С. 74—76.

20. *Ширина Д. А.* Академическая наука и советская власть : 1915—1918 годы (по материалам о производительных силах России) / Д. А. Ширина, Т. П. Максимова //

Фундаментальные и прикладные научные исследования : вопросы филологии, истории, философии, политологии, экономики и медицины. Сборник научных докладов. — Москва : Научное обозрение, 2014. — С. 28—39. — ISBN 978-5-9905560-5-8.

21. *Шмидт О. Ю.* Наши задачи по освоению Арктики / О. Ю. Шмидт // За освоение Арктики. Сборник. — Ленинград : Издательство Главсевморпути, тип. «Коминтерн», 1935. — С. 5—21.

Material resources

GARF — *State Archive of the Russian Federation. F. 3316 (Central Executive Committee of the USSR). F. 3316. Op. 45. d. 20. L. 27, 30, 33, 37, 44, 67, 68, 84, 106, 124, 127, 128, 221, 230.* (In Russ.).

References

Brinyuk, N. Y. (2017). Development of scientific research in the Arctic from the 1920s to the end of the Soviet period. In: *Arctic: history and modernity. Proceedings of the Second International Scientific Conference. St. Petersburg. April 19-20, 2017.* St. Petersburg: Publishing House of Mediapapir LLC. 76—85. ISBN 978-5-00110-019-5. (In Russ.).

Burnasheva, N. I. (2020). *Power and management of the national outskirts: the economy of Yakutia in the XIX — first third of the twentieth century.* Moscow: AIRO-XXI. 320 p. ISBN 978-591022-468-5. (In Russ.).

Documents on the history of the Academy of Sciences of the USSR: 1917—1925. (1986). Leningrad: Nauka. 384 p. (In Russ.).

Filin, P. A. (2016). History of research and development of the Arctic: the main stages of understanding and white spots of history. In: *Arctic: history and modernity: Proceedings of the international scientific conference. April 20—21, 2016 St. Petersburg.* Moscow: Nauka. 276—286. (In Russ.).

Gololobov, E. I. (2008). Scientific study of the North of Western Siberia in 1917—1930 in the context of the development of natural resources of the region. *Bulletin of Tomsk State University, 317:* 94—97. (In Russ.).

Kamenev, S. S. *Website of the Russian Military Historical Society.* Available at: http://100.histrf.ru/commanders/kamenev-sergey-sergeevich / (accessed 21.01.2022). (In Russ.).

Khudoborodov, A. L., Zarovnyatnykh, V. A. (2013). Reorganization of the Academy of Sciences in the Soviet state in the 20s of the twentieth century. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Social and humanitarian sciences, 13 (2):* 74—76. (In Russ.).

Koltsov, A. V. (1999). Activity of the Commission for the Study of the natural productive forces of Russia: 1914—1918. *Questions of the history of Natural science and Technology, 2:* 128—139. (In Russ.).

Komgort, M. V. (2012). Prospects of oil and gas potential of the Arctic regions of Siberia in geological studies of the 1920s—1940s. *Humanities in Siberia, 1:* 14—17. (In Russ.).

Kultenko, V. P. (2022). History of polar discoveries. Wrangel Island. *Innovation. The science. Education, 51:* 1932—1943. (In Russ.).

Kuperstokh, N. A. (2014). West Siberian branch of the USSR Academy of Sciences: projects and realities of the first half of the twentieth century. *Bulletin of Tomsk State University. History, 2 (28):* 32—40. (In Russ.).

CC BY

Makarova, E. I., Petrov, V. P., Tokarev, A. D. Academy of Sciences in the history of industrialization of the northern territories of the USSR (1917—1940). *Proceedings of the Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 9:* 61—73. (In Russ.).

Orlov, A. (1930). Arctic Commission. Five-year plan of research work in the Arctic possessions of the USSR. *Soviet North, 2:* 111—116. (In Russ.).

Papesco, T. M., Filippov, V. P. (2008). To the history of the study and development of natural and mineral resources of the Ural North. *Geology, minerals and problems of geoecology of Bashkortostan, the Urals and adjacent territories, 7:* 306—308. (In Russ.).

Saburov, A. A. (2016). Organization of Soviet Arctic research in the 1920s: planning and coordination of scientific activity. *Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences, 3:* 41—48. (In Russ.).

Samarin, A. V. (2014). Prerequisites and origins of the organization of stationary academic institutions in the European North of Russia (XVIII—XX centuries). *News of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 3 (19):* 6—15. (In Russ.).

Schmidt, O. Y. (1935). Our tasks for the development of the Arctic. In: *For the development of the Arctic. Collection.* Leningrad: Glavsevmorputi Publishing House, type. "Comintern". 5—21. (In Russ.).

Shiroka, D. A., Maksimova, T. P. (2014). Academic science and Soviet power: 1915—1918 (based on materials on the productive forces of Russia). In: *Fundamental and applied scientific research: questions of philology, history, philosophy, political science, economics and medicine. Collection of scientific reports.* Moscow: Scientific Review. 28—39. ISBN 978-5-9905560-5-8. (In Russ.).

Timoshenko, A. I. (2012). Transformations in the Russian state policy of development of the Arctic and the Northern Sea Route (XVIII—XXI centuries). In: *Russian State Policy in the Arctic: strategy and practice of development in the XVIII—XXI centuries. Collection of scientific papers.* Novosibirsk: Siberian Scientific Publishing House. 4—35. ISBN 978-5-91124-049-3. (In Russ.).

Ulyanova, S. B., Ofitserova, N. V. (2016). Construction of the Soviet Arctic: the historical experience of the first Soviet projects for the development of the Arctic (1920s — 1930s). In: *Arctic: history and modernity: Proceedings of the International Scientific Conference. April 20—21, 2016 St. Petersburg.* Moscow: Nauka. 263—275. (In Russ.).

Zubkov, K. I. (2016). Evolution of the concept of development of the Soviet Arctic in the first half of the twentieth century: geostrategic aspect. *Historical and pedagogical readings, 20—1:* 161—170. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 03.03.2022,
одобрена после рецензирования 30.04.2022,
подготовлена к публикации 10.05.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Кондаков Ю. Е. Поездка Б. П. Мансурова на Восток в 1856—1857 годах / Ю. Е. Кондаков, Д. С. Федотьев // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 4. — С. 433—450. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-433-450.

Kondakov, Yu. E., Fedotiev, D. S. (2022). B. P. Mansurov's Trip to East in 1856—1857. *Nauchnyi dialog, 11(4):* 433-450. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-433-450. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU EBSCOhost

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-433-450

Поездка Б. П. Мансурова на Восток в 1856—1857 годах

Кондаков Юрий Евгеньевич
orcid.org/0000-0002-9284-3632
доктор исторических наук, доцент
профессор кафедры истории
yura.kondakov.67@mail.ru

Федотьев Дмитрий Сергеевич
orcid.org/0000-0001-9216-4894
ассистент кафедры истории
fedotieff@inbox.ru

Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского фонда
фундаментальных исследований,
проект № 20-09-41001

B. P. Mansurov's Trip to East in 1856—1857

Yury E. Kondakov
orcid.org/0000-0002-9284-3632
Doctor of History, Associate Professor
Professor, Department of History
yura.kondakov.67@mail.ru

Dmitry S. Fedotiev
orcid.org/0000-0001-9216-4894
Assistant, Department of History
fedotieff@inbox.ru

The Herzen State Pedagogical
University of Russia
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:
The reported study was funded
by the Russian Foundation
for Basic Research,
project number 20-09-41001

© Кондаков Ю. Е., Федотьев Д. С., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается деятельность чиновника Морского министерства Б. П. Мансурова, отправленного в 1856 году великим князем Константином Николаевичем на турецкий Восток с целью составления путеводителя для паломников и сбора информации об их положении в Палестине. Актуальность исследования обусловлена тем, что деятельность Мансурова положила начало строительству инфраструктуры для российских паломников, получившей название *Русская Палестина*. Материалом для исследования являются три отчета Мансурова. Показано, что первый отчет был продиктован соперничеством великого князя Константина Николаевича с главой Министерства иностранных дел А. М. Горчаковым. Уделяется внимание второму варианту отчета, переданному императору и министрам, в котором критика МИД была сглажена. Особое внимание обращено на то, что под влиянием Горчакова из третьего варианта отчета, разосланного уже высшим чиновникам, Мансуров постарался удалить заметки о наиболее острых политических проблемах. Доказано, что отчет Мансурова получил широкий резонанс и стал предметом обсуждения Комитета министров. Рассматривается вопрос о дальнейшей судьбе доклада Мансурова, изданном в виде книги под названием «Православные поклонники в Палестине», которая должна была привлечь внимание к проблеме паломников и помочь собрать средства для помощи им.

Ключевые слова:
Русская Палестина; паломники; Иерусалим; Министерство иностранных дел; Морское министерство; командировка; отчет.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article deals with the activities of the official of the Maritime Ministry B. P. Mansurov, sent in 1856 by Grand Duke Konstantin Nikolayevich to the Turkish East in order to compile a guide for pilgrims and collect information about their situation in Palestine. The relevance of the study is due to the fact that Mansurov's activities marked the beginning of the construction of infrastructure for Russian pilgrims, called 'Russian Palestine'. The material for the study are three reports by Mansurov. It is shown that the first report was dictated by the rivalry between the Grand Duke Konstantin Nikolayevich and the head of the Ministry of Foreign Affairs A. M. Gorchakov. Attention is paid to the second version of the report, handed over to the emperor and ministers, in which criticism of the Foreign Ministry was smoothed over. Particular attention is paid to the fact that, under the influence of Gorchakov, Mansurov tried to remove the most acute political problems from the third version of the report, which was already sent to senior officials. It is proved that Mansurov's report received a wide response and became the subject of consideration by the Committee of Ministers. The issue of the further fate of Mansurov's report, published in the form of a book entitled "Orthodox worshipers in Palestine", which was supposed to draw attention to the problem of pilgrims and raise funds to help them, is considered.

Key words:
Russian Palestine; pilgrims; Jerusalem; Ministry of Foreign Affairs; Maritime Ministry; business trip; report.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 929Мансуров+94:327(47:394.5+569.1/.3)“1856/1857”

Поездка Б. П. Мансурова на Восток в 1856—1857 годах

© Кондаков Ю. Е., Федотьев Д. С., 2022

1. Введение = Introduction

Название Русской Палестины получили участки земли и здания, приобретенные Российской империей в XIX — начале XX веков в Палестине, Сирии и Ливане (территории Османской империи). В начале XIX века в Палестине, а в особенности в Иерусалиме, разными путями приобретали недвижимую собственность католики и протестанты. Они основывали монастыри, больницы и училища для арабских детей. Приобретённая собственность использовалась в продвижении и распространении в Палестине католической и протестантской религиозных доктрин. Недвижимость в портах Палестины приобретали пароходные компании: французская Messageries Impériales (основана в 1851 году) и австрийская Österreichischer Lloyd (основана в 1833 году). Среди пассажиров, перевозимых этими компаниями в Палестину, большинство составляли паломники православного вероисповедания.

Российская дипломатия обратила внимание на активизацию в Палестине католической и протестантской пропаганды. Для сбора сведений в Иерусалим в 1847 году была направлена первая Духовная Миссия. Она располагалась в доме, предоставленном Иерусалимским патриархом. Духовная Миссия вынуждена была оставить Палестину с началом Крымской войны.

Первый этап приобретения Российской империей собственности в Палестине начался после учреждения Российского общества пароходства и торговли (РОПиТ) в 1856 году. В качестве «агента» общества на Восток был отправлен чиновник Морского министерства Б. П. Мансуров. В 1857 году МИД и Св. Синод приняли решение об учреждении второй Духовной миссии в Иерусалиме. В начале 1858 года в Иерусалим прибыл глава Духовной Миссии епископ Кирилл (Наумов), имевший в числе задач и приобретение земельной собственности. В 1857 году состоялась первая покупка собственности в Иерусалиме подданным Российской империи. Предположительно с целью перепродать участок казне в Иерусалиме собственность приобрел коллекционер граф Н. А. Кушелев-Безбородко (1834—1862).

После приезда российского епископа в Иерусалим выяснилось, что его деятельность на территории Иерусалимского патриарха канонически незаконна. В 1859 году дело приобретения земель в российскую собственность

CC BY

в Палестине было передано в ведение Палестинского комитета. К этому времени государство выкупило участок в Иерусалиме у Кушелев-Безбородко, а у Яффских ворот за чертой города был приобретён большой земельный участок (один из первых жилых участков вблизи города). После посещения великим князем Константином Николаевичем Иерусалима весной 1859 года турецкое правительство передало России участок, смежный с участком у Яффских ворот. Там началось строительство инфраструктуры для паломников и здания для Духовной Миссии. Расчистка участка в Иерусалиме привела к обнаружению развалин базилики императора Константина и «Порога Судных Врат». Параллельно частично в аренду, частично в собственность приобретались здания и участки в портах для инфраструктуры РОПиТ.

Следующие этапы покупки недвижимости в Палестине были связаны с деятельностью главы Духовной Миссии архимандрита Антонина (А. И. Капустина, 1817—1894) и открывшимся в 1882 году Императорским православным палестинским обществом (ИППО, почетное название «Императорское» присвоено в 1889 году). Перед революцией размер земель Русской Палестины достигал 235 000 м^2, оценивался почти в 2 000 000 руб. На российских участках было построено 8 храмов и часовен, 2 женских монастыря, 5 больниц, 7 гостиниц для паломников и 101 учебное заведение для православных арабов. В 1964 году в рамках так называемой «Апельсиновой сделки» 22 объекта Русской Палестины общей площадью 167 000 м^2 за 4 500 000 долларов СССР продал Израилю. При этом некоторые объекты остались в собственности СССР. Уже в XXI веке восстановленное Императорское православное палестинское общество вернуло в российскую собственность некоторые объекты Русской Палестины, за другие продолжается борьба.

Инициатором покупки земельных участков в Иерусалиме и начала строительства Русской Палестины выступил великий князь Константин Николаевич. Главным исполнителем его воли стал Б. П. Мансуров. Отчет Мансурова о первой командировке на Восток запустил бюрократическую машину и повлек за собой решения о приобретении недвижимости, строительстве и источниках финансирования инфраструктуры для паломников.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В статье рассматривается период принятия решений о строительстве Русской Палестины. В это время собирались сведения о ситуации на Турецком Востоке. Оценивалось количество российских паломников, условия их проживания, успехи в Палестине католиков и протестантов, деятельность французской и австрийской пароходных компаний. Эти све-

CC BY

дения предоставляли российские консулы на Востоке, а также командированный Морским министерством Б. П. Мансуров.

Командировка Мансурова на Восток и его отчет о ней упоминается во всех трудах о строительстве Русской Палестины и в биографических исследованиях, посвященных Мансурову [Алленов, 2019, с. 292—298; Барышников, 2021, с. 71—82; Гравин, 2019, с. 252—257; Ермакова, 2012, с. 59; Кондаков, 2022, с. 237—247; Лисовой, 2006, с. 109—110; Смирнова, 2011, с. 369; Ямилинец, 2003, с. 89—90]. Наиболее подробно командировку Мансурова и составление отчета рассматривал К. А. Вах в главах «Секретная записка Бориса Павловича Мансурова» и «Судьба книги Православные поклонники в Палестине» [Вах, 2012а, с. 22—45]. Затрагивался отчет Мансурова и в других публикациях исследователя [Вах, 2010, с. 87—96; Вах, 2012б, с. 22; Вах, 2012в, с. 156—191; Вах, 2014, с. 9—15].

Особенностью этого исследования является использование новых источников, повествующих о начале Русской Палестины. Они обнаружены в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ), Российском государственном историческом архиве (РГИА), Российском государственном архиве Военно-морского флота (РГАВМФ) и Государственном архиве Тамбовской области (ГАТО). В РГИА хранится дело, где собраны документы РОПиТ об организации Восточной линии. Некоторые из них уже были введены в научный оборот в предыдущих публикациях [Кондаков, 2021а, с. 129—139; Кондаков, 2021б, с. 342—364]. Из РГАВМФ использованы документы по подготовке командировки Б. П. Мансурова на Восток 1856—1857 годов. Некоторые из них (указ о командировке великого князя Константина Николаевича, инструкция Мансурову) уже упоминались в научных публикациях, другие будут впервые введены в научный оборот. Документы архива Мансурова из ГАТО и ГАРФ позволяют значительно дополнить и прояснить ситуацию, в которой принималось решение о строительстве Русской Палестины. Анализ материалов позволил подготовить подробный обзор истории составления отчета Мансурова о своей первой командировке на Восток и проследить дальнейшую судьбу этого отчета.

Вводимые в научный оборот в этой статье документы архива Б. П. Мансурова из ГАТО меняют представление о подготовке первого отчета. Черновой вариант отчета не был использован и сохранился только в архиве. Его содержание и структура принципиально отличаются от отчета, поданного императору. В фондах Российской национальной библиотеки (РНБ) удалось выявить два печатных варианта первого отчета Мансурова и книгу, составленную на их основании. В статье дается сравнительный анализ разных вариантов отчетов. Из РГАВМФ в научный оборот вводятся документы, позволяющие проследить судьбу издания книги «Православные

CC BY

поклонники в Палестине». Они свидетельствуют о том, что книга не только должна была привлечь внимание к проблеме паломников, но и служить задаче сбора средств её продажей.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Командировка Б. П. Мансурова в Палестину

В 1856 году с целью компенсировать потерю Черноморского флота и составить конкуренцию Франции и Австрии в России было учреждено РОПиТ. Одним из главных акционеров пароходства стал брат императора, глава Морского министерства великий князь Константин Николаевич (1827—1892). Он был лично заинтересован в загруженности линий нового пароходства. С целью сбора информации на Восток в 1856 году был отправлен чиновник Морского министерства Б. П. Мансуров. Дополнительной задачей для Мансурова было составление путеводителя для паломников по образцу европейских путеводителей с целью привлечь пассажиров на пароходы РОПиТ. Эти задачи отразились в указе великого князя 5 ноября 1856 года о направлении в командировку Мансурова под видом частного путешественника [РГАВМФ, ф. 40, оп. 2, д. 1369, л. 3—4]. Указ великого князя о командировке Мансурова и инструкция были опубликованы К. А. Вахом [Вах, 2014, с. 33—35]. Мансурову для составления путеводителя предписывалось приобрести в Вене все возможные печатные материалы. Он должен был соблюдать строгое инкогнито и избегать посылать сообщения официальным путем. Через послов и консулов он имел право отправлять сообщения прямо великому князю и мог вернуться в Россию, не запрашивая на то разрешения [Там же, с. 7—8]. По приказанию великого князя в паспорт Мансурова было вписано: «Ст. Сов. Мансуров уволен за границу на два года» [Там же, с. 12]. Лишь 26 мая / 7 июня 1857 года сроки командировки великим князем были уточнены: Мансурову предписывалось возвратиться в Петербург к 1 декабря [Там же, с. 13].

Первый период поездки Мансурова был посвящен составлению путеводителя по Святой Земле. 23 марта 1857 года глава МИД А. М. Горчаков подал доклад императору, где предлагал отправить в Иерусалим вторую Духовную Миссию. К докладу прилагалась инструкция Духовной Миссии из 16 пунктов. Горчаков ставил задачу усиления российского влияния на Востоке при помощи церковных структур. Предлагалось бороться с католической и протестантской пропагандой, опираясь на славянский и арабский элементы. Горчаков критиковал греческое духовенство, не справляющееся с миссией защиты православия. Великому князю Константину Николаевичу было необходимо отстоять свой проект проникновения на Восток. Мансуров получил новое задание — написать критический раз-

CC BY

бор деятельности первой Духовной Миссии и инструкции второй Духовной Миссии. На инструкции Духовной Миссии, хранящейся в архиве Мансурова, стоит его подпись о том, что она получена в Константинополе 27 апреля 1857 года [ГАТО, ф. 972, оп. 1, д. 122, л. 7].

Конкретные сроки выполнения задания великого князя упоминались в письмах Мансурова отцу. 12/24 мая Мансуров писал: «Я был бы очень рад всем изменениям, которые претерпели мои планы, если бы содержание твоего письма, дорогой папа, не давало почву для недоумения или, как минимум, для противоречивых толкований. В нем сказано, что я могу остаться за границей, где пожелаю, до ноября и что не будет ничего страшного, если я навещу тебя в Париже, когда моя работа уже будет завершена и напечатана» [Вах, 2014, с. 162]. В это время Мансуров писал и Головнину: «1) Напечатание моей работы потребует моего присутствия в Санкт-Петербурге, как минимум, на два или три месяца; 2) Мое присутствие будет необходимо для представления моего отчета и получения многих вещей, которые я могу вынести на рассмотрение» [Там же, с. 163]. В этом письме впервые разделяются путеводитель, который составлял Мансуров, и отчет, который он должен был представить по возвращении. 29 мая / 10 июня 1857 года Головнин писал отцу Мансурова: «Великий князь разрешает ему вернуться в Петербург к 1—13 декабря через Париж, с тем чтобы он привез работу свою оконченною. Мне кажется, что по обилию ученых пособий нигде лучше Парижа он не может это сделать» [ГАРФ, ф. 990, оп. 1, д. 225, л. 8] (орфография и пунктуация источников сохранена).

Как и планировал Мансуров, два месяца он провел в Париже и 10 декабря вернулся в Петербург. В письме отцу он сообщал, что за три дня встретился с великим князем Константином Николаевичем, А. В. Головниным и Обуховыми. Мансуров сообщал, что ему решено присвоить чин действительного статского советника (присвоен только в апреле 1858 года). До этого он ожидал, что «разразится гроза, когда прочитают то, что тебе известно» [Вах, 2014, с. 183]. Все известные отцу обстоятельства Мансуров просил держать в тайне. По его словам, предполагалось следующее: «Дней через десять мой труд будет представлен уполномоченному лицу и будет обсуждаться подробнейшим образом многими как снисходительными, так и строгими особами» [Там же, с. 189]. В это время Мансуров уже знал о предстоящей в марте командировке в Палестину. Он ожидал, что может провести на Востоке несколько лет.

17 декабря Мансуров извещал отца о том, что через 10 дней его «труд» будет пущен в дело, и действительно — 27 декабря великий князь Константин Николаевич начал рассылку напечатанного доклада Мансурова заинтересованным лицам. Надо полагать, что 10 дней, о которых писал

CC BY

Мансуров, ушло на типографскую печать. Проследить судьбу книги и отчета Мансурова позволяют ранее неизвестные документы из его архива.

3.2. История отчета Б. П. Мансурова о командировке в Палестину

Документы архива Мансурова в ГАТО показывают, что он справился со всеми заданиями великого князя. По итогам командировки на Восток им было составлено несколько документов. Это путеводитель, который было решено не публиковать. Как приложение к путеводителю выступали разбор деятельности первой Духовной Миссии в Иерусалиме и критический разбор инструкции второй Духовной Миссии. Эти три документа Мансуров назвал «Оригинал моей книги» (написано Мансуровым на обложке дела).

Первая рукописная книга Мансурова датирована 15 декабря 1857 года. Она имеет очень мало общего с позднее напечатанным докладом. Рукопись состоит из четырех частей: 1. Разбор деятельности первой Духовной Миссии (Л. 11—54), 2. Описание Русского поклонничества в Палестине (Л. 55—101), 3. Разбор инструкции данной ныне второй Духовной Миссии (Л. 102—193), 4. Без названия и номера части (Л. 194—198 «Заключение»). Вторая часть рукописи и является тем путеводителем по Палестине, который должен был составить Мансуров. В ней присутствует очень мягкая критика греческого духовенства и указания на конкурирующую с православием латинскую и протестантскую пропаганду. Дается краткая негативная оценка деятельности российского МИД. Принципиальным отличием первого варианта книги от последующего доклада и изданного труда является отсутствие упоминаний РОПиТ и политических планов.

В архиве Мансурова сохранилось несколько рукописных вариантов его доклада и следы работы над ним. Пока не обнаружены отчеты Мансурова, которые он посылал из Палестины руководству Морского министерства, но из переписки с отцом видно, что он собирал материалы по политическому положению и готовил инструкцию для РОПиТ. Все это отразилось в тексте доклада. Рукописи показывают, что доклад готовили в спешке, составляя его из уже готовых блоков (возможно, текстов отдельных сообщений Мансурова из Палестины). Рукопись не имела глав, а разделы — названий. Еще в большей спешке проходила печать. Рукопись была разделена по нескольку страниц, и их набирали разные наборщики. Их имена вписаны на полях карандашом: Емельянов, Хохлов, Кондратьев, Богданов, Авдеев, Грибов, Васильев, Усов, Семенов, Пенкин, Драгон, Харитонов, Алексеев, Н. Иванов [ГАТО, ф. 972, оп. 1, д. 122, л. 351—410]. В черновиках рукописи нет разделения на части. В первом варианте целый ряд вставок на полях, которые затем вошли в печатный текст. Ряд блоков обозначен в тексте шифрами для позднейшей вставки. Они были вставлены в печатный текст. Первый печатный вариант был изъят у лиц, которым произведена рассылка, и еще

CC BY

раз переработан. Из него были удалены блоки, не устроившие А. М. Горчакова. Два удаленных блока сохранились в архиве Мансурова: страницы 94—107 в печатном варианте [ГАТО, ф. 972, оп. 1, д. 123, л. 8—16] и 14 рукописных страниц под заголовком «Выброшенная часть из пространной записки» [ГАТО, ф. 972, оп. 1, д. 122, л. 468—467].

Принципиальным отличием текста доклада от рукописи книги было то, что, кроме критики, давались и конкретные рекомендации в отношении того, как изменить ситуацию на Востоке в пользу России. По сути, это и был «Иерусалимской проект» (термин введен К. А. Вахом) Мансурова. Очевидно, что этот план проходил несколько этапов обсуждения в окружении великого князя. К сожалению, следов этих обсуждений пока не обнаружено.

Печатный текст первого варианта доклада Мансурова удалось обнаружить в фондах РНБ. Это переплетенная книга объемом 209 страниц (включая четыре чистые страницы между разделами). На корешке переплета вытеснено золотой краской: «Мансуров — Православные поклонники в Палестине». Других сведений об издании в книге нет. Первые три страницы доклада и изданной одноименной книги совпадали. В докладе не было явного деления на части, но смысловое деление присутствовало. Первые 20 страниц составляло историческое описание положения русских паломников в Палестине. Дальше шел рассказ о современном положении паломников (с. 23—38). Следующий раздел был посвящен учреждению и деятельности первой Духовной миссии (с. 39—57). Затем рассказ о деятельности католиков и протестантов в Палестине (с. 58—87), инструкция второй Духовной Миссии и её критика (с. 89—109), несколько страниц о неуместности издания путеводителя, пока быт паломников не устроен, описание коммерческих и политических выгод деятельности РОПиТ (с. 110—118). В разных частях книги присутствовала критика греческого духовенства и описание положения православных арабов. Заключительный раздел состоял из трех озаглавленных римскими цифрами частей. Он содержал наиболее важный материал, выводы и рекомендации.

В заключении отчета Мансурова находится раздел «Предполагаемые меры», состоящий из 19 пунктов. Это и была практическая программа «Иерусалимского проекта» [Кондаков, 2021, с. 348]. Этими 19 пунктами заканчивается черновой вариант рукописи Мансурова [ГАТО, ф. 972, оп. 1, д. 122, л. 397—410]. На полях печатного доклада были многочисленные карандашные пометки. Судя по содержанию, они принадлежали архимандриту Порфирию (Успенскому). Ему были вручены два экземпляра первого варианта печатного доклада великим князем Константином Николаевичем и Мансуровым. В воспоминаниях архимандрита цитировались отрывки доклада и пересказывалась история его написания. Из первого варианта

CC BY

доклада Мансурова Порфирий цитировал инструкцию второй Духовной Миссии, которая из второго варианта доклада была удалена [Успенский, 1901, с. 141—142]. Надо полагать, что один из экземпляров доклада, переданных Порфирию, и попал в фонд РНБ.

Документы ГАТО фиксируют дату рассылки доклада Мансурова и список лиц, получивших его. 27 декабря 1857 года великий князь Константин Николаевич разослал доклад Мансурова высшим чиновникам империи с сопроводительной запиской: «При учреждении Русского общества Пароходства и торговли в Черном море имелась в виду, кроме пользы собственно торговой и промышленной, еще другая высшая цель, состоящая в содействии Общества коренному русскому православному населению Империи для удовлетворения духовной потребности онаго… Посему, дабы оказать и в этом отношении Пароходному Обществу всевозможное содействие, командирован был Мною, с Высочайшего разрешения в Палестину, для собрания всех необходимых Обществу предварительных сведений, Ст. Сов. Мансуров, который неоднократно с отличным успехом исполнял возлагаемые на него весьма важные поручения. Ныне Ст. Сов. Мансуров, возвратясь из Иерусалима, представил Мне собранные им по сему предмету сведения, предположения свои» [ГАТО, ф. 972, оп. 1, д. 123, л. 2—4]. Аналогичный экземпляр записки, адресованный митрополиту московскому Филарету (Дроздову), сохранился в РГИА [РГИА, ф. 832, оп. 1, д. 117, л. 18—19]. В записке сообщалось, что она передается для библиотек особ, которым она адресована. Никаких упоминаний секретности при рассылке доклада не было.

В списке рассылки были 35 персон: Великий князь Михаил Николаевич; Принц П. Г. Ольденбургский, Митрополит Московский Филарет; Митрополит Петербургский Григорий, Протопресвитер Баженов; Князь А. Н. Барятинском, Граф П. Д. Киселев, Граф А. Д. Гурьев, Князь П. П. Гагарин, Граф Г. Г. Строгонов, Н. Н. Муравьев, А. Н. Философов, А. Л. Гофман, Н. Н. Бахтин, Барон М. А. Корф, А. С. Норов, К. В. Чевкин, Великая княгиня Елена Павловна, Архимандрит Парфирий, С. С. Ланской, Н. О. Сухозанет, Ф. П. Прянишников, Ф. Н. Груннов, Ф. П. Литке, Н. М. Толстой, Я. Н. Ростовцов, П. Ф. Брок, Н. Н. Анненков, В. П. Галабин, Барон А. Ф. Будберг, Граф В. Ф. Адлерберг, Д. Н. Блудов, В. Н. Панин, Князь А. Ф. Орлов, В. А. Долгоруков. Отмечалось, что П. Д. Киселеву, Великой княгине Елене Павловне, Ф. Н. Груннову, В. П. Галабину, А. Ф. Будбергу доклад отправлен не был (такая отметка стоит напротив их имен в документе).

С отдельным письмом доклад был отправлен А. М. Горчакову. Великий князь просил главу МИД прислать ему свои соображения по поводу доклада. По пять экземпляров доклада было отправлено обер-прокурору Св. Синода А. П. Толстому и в РОПиТ. Их также просили дать отзыв

CC BY

[ГАТО, ф. 972, оп. 1, д. 123, л. 3]. 29 декабря 1857 года Горчаков прислал великому князю развернутый ответ. Его замечания вызвала «вторая часть записки», в первую очередь относящаяся к деятельности второй Духовной Миссии. Горчаков просил засекретить содержание доклада. Часть ответа была посвящена оправданию инструкции Духовной Миссии. Горчаков сомневался, стоит ли передавать эти вопросы на рассмотрение Комитета министров [ГАТО, ф. 972, оп. 1, д. 123, л. 5].

К записке были приложены замечания Горчакова на доклад Мансурова, состоявшие из 36 пунктов. Большая часть замечаний выглядели как оправдание и относились к инструкции второй Духовной Миссии. По всем финансовым вопросам доклада Горчаков предлагал консультироваться с Министерством финансов. Выяснялось, что он и сам планировал организацию русских учреждений на Востоке на средства «пожертвования Русского благоговения». Опять упоминалась недопустимость обнародования доклада. Горчаков утверждал, что необходимо жить в мире с греческим духовенством и «с первого шага не стать его противником, что последовало бы необходимо при малейшей гласности мнения автора» [ГАТО, ф. 972, оп. 1, д. 123, л. 24—29]. План из 19 пунктов Мансурова у Горчакова возражений не вызвал.

Часть лиц, получивших записку, успели ознакомиться с ней и даже прислать благодарность великому князю (П. Г. Ольденбургский, Я. Н. Ростовцев, С. С. Ланской) [Там же, л. 18—21]. Получив замечания Горчакова, великий князь приказал вернуть доклад и удалить из него опасные места. 30 декабря Головнин просил РОПиТ возвратить экземпляры записки Мансурова «для некоторых необходимых изменений» [РГИА, ф. 107, оп. 1, д. 43, л. 5]. Доклад был изъят и у большей части лиц, которым был разослан. В списке рассылки митрополит Филарет, архимандрит Порфирий и обер-прокурор Н. М. Толстой отмечены крестами, надо полагать, что им были оставлены оригиналы доклада.

В архиве Мансурова сохранился список лиц, которым 1 февраля 1858 года был разослал исправленный доклад, — 67 человек. О том, что текст доклада не являлся секретом, свидетельствует отметка о том, что по пять экземпляров было отправлено в библиотеку Гидрографического департамента Морского министерства и библиотеку великого князя, три экземпляра в императорскую библиотеку [ГАТО, ф. 972, оп. 1, д. 123, л. 39—40]. 16 марта 1858 года Головнин сообщал Мансурову о том, что обер-прокурор Св. Синода разослал по одному экземпляру его исправленного доклада всем епархиальным архиереям. Они получили и по семь экземпляров статьи министра просвещения А. С. Норова, такое же количество статей было отправлено губернаторам и предводителям дворянства (доклада Мансурова они не получили) [ГАРФ, ф. 990, оп. 1, д. 226, л. 14].

CC BY

В РНБ второй вариант доклада Мансурова озаглавлен «Отчет о посещении Иерусалима и православных храмов» (СПб, 1858). Основной текст составлял 160 страниц и 42 страницы — четыре приложения. В пояснении в карточке каталога ошибочно указывалось, что доклад, за исключением нескольких экземпляров, был изъят из обращения. Второй вариант доклада был незначительно сокращен, его разделы немного изменены местами. Самым большим отличием от первой версии были четыре приложения, куда была перемещена часть содержания доклада.

Сравнение текста первой и второй версии доклада Мансурова доказывает, что изменения не носили принципиального характера. Единственным целиком удаленным разделом была инструкция второй Духовной Миссии [Мансуров, 1858, с. 90—107]. Были сглажены или удалены наиболее резкие политические высказывания. Небольшие изменения были на страницах первого варианта доклада: 45, 47, 75, 83, 109. Полностью был удален раздел инструкции второй Духовной Миссии (с. 90—107); страницы 86—87, где шла речь о том, что Австрия может сделать ставку на русских раскольников и открыть для них храмы в Палестине; страница 127, где шла речь о том, что Россия должна вмешиваться в интересы Порты, защищая православных славян и арабов. Существенному редактированию подвергся блок из семи пунктов, в которых приводились примеры ситуаций в Палестине, которые могли бы быть разрешены при участии РОПиТ. Почти во все пункты внесены изменения, пункты 3—7 сокращены на несколько предложений. Удалены утверждения о необходимости усилить роль российских консулов на Востоке, расширить сеть агентов РОПиТ, в качестве поощрения агентам присваивать статус консула, о приобретении в Константинополе дома купца Кундури, открытии Духовной Миссии в Египте и учреждении русских представителей при восточных патриархах (с. 133—141). Небольшие изменения внесены в пункты 12 и 13 плана Мансурова, состоящего из 19 пунктов. Два последних пункта удалены, и в заключении говорится о плане из 17 пунктов. В них речь шла о помощи православным арабам и взятии на содержание России греческого епископата. Заключение доклада сокращено на три страницы (с. 200—202). Удалено пространное рассуждение о том, что настало подходящее время для проведения на Востоке русских планов, надо быть эгоистами и любить самих себя.

3.3. Публикация книги Б. П. Мансурова «Православные поклонники в Палестине»

Новые документы, обнаруженные в архиве ГАВМФ, показывают, что пока шла работа по исправлению доклада, в печать была направлена книга «Православные поклонники в Палестине» (106 с.). Книга была разбита на главы: 1. О положении Русских поклонников в самом Иерусалиме; 2. О по-

CC BY

клонниках вне Иерусалима; 3. О поклонничестве в Галилее и Назарете; 4. О латинской пропаганде в Палестине; 5. Об иноверческих Богоугодных заведениях на Востоке. 8 января 1858 года Инспекторский департамент Морского министерства отправлял в типографию своего министерства для напечатания книгу Мансурова. Сопровождающая записка гласила: «В следствии переданного Действительным Статским Советником Мансуровым приказания Его Императорского Высочества, Инспекторский департамент покорнейше просит Типографию, преимущественно перед прочими работами заняться с возможною скоростью печатанием доставленного Г. Мансуровым описания поклонничества и как скоро работа эта будет окончена Департамент уведомить» [РГАВМФ, ф. 384, оп. 1, д. 229, л. 57].

Книга Мансурова была издана в мягкой обложке, в виде брошюры, на дешёвой бумаге. В какой-то момент было решено, что она поступит в широкую продажу. Это нужно было, чтобы привлечь внимание российского общества к положению паломников. Другой задачей, как следует из документов, был сбор денег на помощь паломникам.

22 апреля 1858 года управляющий типографии Морского министерства запрашивал Головнина о разрешении напечатать 2000 экземпляров книги: «для продажи в пользу сих поклонников, с тем, чтобы из вырученных от продажи суммы уплачены были издержки за употребленную Типографиею на печатание этого сочинения бумагу и за комиссию книгопродавцам при продаже оного, а остальные уже деньги были употреблены по назначению» [Там же, л. 58]. Типография предлагала продавать книгу по 50 копеек, из них 5 к. уходило на бумагу и 10 к. в качестве комиссии продавцу. 35 к. планировали переводить в качестве пожертвования паломникам.

В архиве Мансурова сохранились составленные от имени великого князя списки рассылки уже следующего издания книги (4997 экз.). Указывалось, что она служит «дополнением к сообщенным статьям о положении православных поклонников в Палестине» [ГАТО, ф. 972, оп. 1, д. 123, л. 65]. Экземпляры новой книги отправлялись епархиальным архиереям, губернаторам, губернским предводителям дворянства, министрам и главам отдельных ведомств (всем по 3 экземпляра — 288 штук). 300 экз. обер-прокурору А. П. Толстому, 100 экз. Н. П. Мансурову, 28 экз. разным лицам от имени Б. П. Мансурова, 10 экз. в библиотеку великого князя. 4265 экз. отправлялось редактору журнала «Современник» Н. Н. Панаеву. В примечании к документу указывалось: «Панаеву посланы экземпляры эти для раздачи подписчикам на «Современник» в губерниях и с условием, что в каждом номере журнала будет возобновляться объявление о приеме пожертвований на улучшение быта паломников». В заключении документа указывалось, что в апреле 1858 года «его высочество

CC BY

разрешил типографии Морского министерства кроме этих экземпляров напечатать еще 2000 и продавать их любому желающему по 50 коп.» [Там же, л. 67]. Еще один документ 22 апреля 1858 года адресован обер-прокурору А. П. Толстому. От имени великого князя ему высылалось 300 экз. книги Мансурова для раздачи епархиальным архиереям [Там же, л. 64]. Сохранился рапорт казанского губернатора 19 мая 1858 года о получении книга Мансурова [Там же, л. 70]. В письме Мансурова Головнину 5 апреля 1858 года упоминается о том, что уже вышло третье издание его книги [ГАРФ, ф. 990, оп. 1, д. 226, л. 10].

Материалы типографии Морского министерства показывают, что идея заработать денег на помощь паломникам на продаже книги Мансурова провалилась. 10 сентября 1860 года типография докладывала, что по настоящее же время продано всего 72 экз. книги, за которые получено 40 р. 20 к. Начальник типографии предлагал: «Для ускорения продажи означенного сочинения г. Мансурова необходимо уменьшить цену, потому имею честь испросить разрешение Вашего Превосходительства продавать книгу эту по 25 копеек за экземпляр» [ГАВМФ, ф. 384, оп. 1, д. 229, л. 59].

4. Заключение = Conclusions

Документы свидетельствуют, что в конце 1856 года чиновник Морского министерства Мансуров по приказу великого князя Константина Николаевича был направлен в командировку в Палестину. Поездка была связана с подготовкой РОПиТ к открытию новой Восточной линии на Черном море. Мансуров должен был собрать сведения о положении в Палестине и составить путеводитель для паломников, чтобы привлечь их в качестве пассажиров нового российского пароходства. Миссия была секретной. После отъезда Мансурова на Восток политическая ситуация изменилась. МИД проявило инициативу и получило от императора разрешение на открытие в Иерусалиме второй Духовной миссии. С возникновением конкуренции МИД изменились и задачи Мансурова. Ему было поручено собрать материал и дать критический отзыв о палестинских проектах МИД.

Мансуров выполнил возложенные на него задачи. Он собрал большой материал и оформил его в виде книги и доклада. Книга состояла из двух блоков, посвященных первой и второй Духовным Миссиям, и обзора положения российских паломников в Палестине, который можно было использовать и в качестве путеводителя. Вероятно, уже по прибытии в Париж в ноябре 1857 года Мансуров получил распоряжение прекратить подготовку путеводителя. Собранные им материалы по истории Палестины, схемы, карты так и остались неиспользованными. Подготовленная им книга была в первую очередь направлена против проектов МИД.

CC BY

В ходе обсуждений материалов, привезенных Мансуровым, великий князь принял решение. Он согласовал с императором планы по дальнейшему развитию РОПиТ. Теперь, когда опасность прямого противодействия МИД была решена, книга Мансурова не понадобилась. В срочном порядке был подготовлен и напечатан доклад Мансурова, содержавший целый ряд предложений о восстановлении влияния России на Востоке — «Иерусалимский проект». Доклад был разослан высшим чиновникам империи. У главы МИД доклад вызвал целый ряд замечаний. Первый текст доклада был отозван, и особенно острые политические сюжеты из него удалены. Переработанный вариант доклад разослан вновь уже более широкому кругу лиц и в некоторые библиотеки. Еще раз переработанный и сокращенный доклад превратился в книгу «Православные поклонники в Палестине». Это издание многократно переиздавалось, рассылалось и продавалось с целью привлечь пожертвования на дело помощи паломникам. Книга вызвала резонанс в российском обществе, но надежды, связанные с доходом от её продажи, не оправдались.

Источники и принятые сокращения

1. ГАРФ — *Государственный* архив Российской Федерации. Ф. 990. Оп. 1. Д. 225. Л. 8 ; Ф. 990. Оп. 1. Д. 226. Л. 10, 14.

2. ГАТО — *Государственный* архив Тамбовской области. Ф. 972. Оп. 1. Д. 122. Л. 7, 351—410, 467—468 ; Ф. 972. Оп. 1. Д. 123 Л. 2—70.

3. *Мансуров Б. П.* Отчет о посещении Иерусалима и православных храмов / Б. П. Мансуров. — Санкт-Петербург : Типография Морского министерства, 1858. — 107 с.

4. РГАВМФ — *Российский* государственный архив Военно-Морского Флота. Ф. 40. Оп. 2. Д. 1369. Л. 3—4 ; Ф. 384. Оп. 1. Д. 229. Л. 57—59.

5. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 107. Оп. 1. Д. 43. Л. 5 ; Ф. 832. Оп. 1. Д. 117. Л. 18—19.

6. *Успенский П.* Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки епископа Порфирия Успенского / П. Успенский. — Санкт-Петербург : Типография В. Киршбаума, 1901. — Т. VII. — 478 с.

Литература

1. *Алленов А. Н.* «Мансуровский проект» Русской Палестины (по материалам поездки 1857 г. по Святым местам) / А. Н. Алленов // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. — 2019. — Т. 24. — № 182. — С. 292—298. — DOI: 10.20310/1810-0201-2019-24-182-292-298.

2. *Барышников М. Н.* Судоходный бизнес и православное паломничество в Палестину : Русское общество пароходства и торговли в 1856—1859 гг. / М. Н. Барышников, Д. С. Федотьев // Клио. — 2021. — № 2 (170). — С. 71—82. — DOI: 10.51676/2070-9773_2021_01_00.

3. *Вах К. А.* Иерусалимский проект великого князя Константина Николаевича / К. А. Вах // Великий князь Константин Николаевич и русское паломничество в Святую

CC BY

землю. Из предыстории ИМПО. — Москва : Индрик, 2012. — С. 22—45. — ISBN 978-5-91674-195-7.

4. *Вах К. А.* «Иерусалимский проект» России : Б. П. Мансуров и Русские Постройки / К. А. Вах // Великий князь Константин Николаевич и Русский Иерусалим : к 150-летию основания. — Москва : Индрик, 2012. — С. 22—36. — ISBN 978-5-91674-184-1.

5. *Вах К. А.* К истории первого русского “Путеводителя” по Святой Земле / К. А. Вах // Русская Палестина. Россия в Святой Земле. Материалы международной научной конференции. — Москва : Индрик, 2010. — С. 87—96.

6. *Вах К. А.* Письма Б. П. Мансурова из путешествия по Православному Востоку в 1857 г. / К. А. Вах. — Москва : Индрик, 2014. — 288 с. — ISBN 978-5-91674-318-0.

7. *Вах К. А.* Предшественники Императорского Православного Палестинского Общества : великий князь Константин Николаевич и Б. П. Мансуров / К. А. Вах // Россия в Святой Земле. К 130-летию сотрудничества Императорского Православного Палестинского Общества с народами Ближнего Востока. Каталог международной юбилейной выставки. — Москва : Индрик, 2012. — С. 156—191. — ISBN 978-5-91674-197-1.

8. *Гравин А. А.* Б. П. Мансуров и создание Русской Палестины (1857—1864) / А. А. Гравин // Вестник Тамбовского университета. — 2019. — Т. 24. — С. 252—284. — DOI: 10.20310/1810-0201-2019-24-183-252-258.

9. *Ермакова З. П.* «Преданный Святой Земле работник» / З. П. Ермакова // Московский журнал. — 2012. — № 4. — С. 56—65.

10. *Кондаков Ю. Е.* Источники финансирования строительства Русской Палестины (1857—1864 гг.) / Ю. Е. Кондаков // Вопросы истории. — 2021. — № 9 (1). — С. 129—139. — DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202109Statyi08.

11. *Кондаков Ю. Е.* Второй отчет Б. П. Мансурова и начало строительства Русской Палестины / Ю. Е. Кондаков, Д. С. Федотьев // Былые годы. — 2022. — № 17 (1). — С. 237—247. — DOI: 10.13187/bg.2022.1.237.

12. *Кондаков Ю. Е.* Российский «Иерусалимский проект» середины XIX века : деятельность Б. П. Мансурова и Русское общество пароходства и торговли / Ю. Е. Кондаков, Д. С. Федотьев // Научный диалог. — 2021. — № 9. — С. 342—364. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-342-364.

13. *Лисовой Н. Н.* Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX — начале XX в. / Н. Н. Лисовой. — Москва : Индрик, 2006. — 512 с. — ISBN 5-85759-327-1.

14. *Смирнова И. Ю.* К истории становления российского церковного присутствия в Святой Земле : миссия епископа Кирилла (Наумова) / И. Ю. Смирнова // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. — 2011. — Т. 29. — № 3—4. — С. 365—387.

15. *Ямилинец Б. Ф.* Россия и Палестина. Отчески культурно-религиозных отношений (XIX — начало XX века) / Б. Ф. Ямилинец. — Москва — Санкт-Петербург : ИВ РАН — Летний сад, 2003. — 256 с. — ISBN 5-89282-199-4.

Material resources

Mansurov, B. P. (1858). *Report on a visit to Jerusalem and Orthodox churches*. St. Petersburg: Printing House of the Maritime Ministry. 107 p. (In Russ.).

Russian State Archive of the Navy. F. 40. Op. 2. D. 1369. L. 3—4; F. 384. Op. 1. D. 229. L. 57—59. (In Russ.).

Russian State Historical Archive. F. 107. Op. 1. d. 43. l. 5; F. 832. Op. 1. D. 117. l. 18—19. (In Russ.).

CC BY

State Archive of the Russian Federation. F. 990. Op. 1. D. 225. L. 8; F. 990. Op. 1. D. 226. L. 10, 14. (In Russ.).

State Archive of the Tambov region. F. 972. Op. 1. D. 122. L. 7, 351—410, 467—468; F. 972. Op. 1. D. 123. L. 2—70. (In Russ.).

Uspensky, P. (1901). *The Book of my Being. Diaries and autobiographical notes of Bishop Porfiry Uspensky, VII.* St. Petersburg: V. Kirshbaum Printing House. 478 p. (In Russ.).

References

Allenov, A. N. (2019). "Mansurov project" of Russian Palestine (based on the materials of the 1857 trip to the Holy Places). *Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities, 24 (182):* 292—298. DOI: 10.20310/1810-0201-2019-24-182-292-298. (In Russ.).

Baryshnikov, M. N., Fedotyev, D. S. (2021). Shipping business and Orthodox pilgrimage to Palestine: Russian Society of Shipping and Trade in 1856—1859. *Clio, 2 (170):* 71—82. DOI: 10.51676/2070-9773_2021_01_00. (In Russ.).

Ermakova, Z. P. (2012). "Worker devoted to the Holy Land". *Moskovsky zhurnal, 4:* 56—65. (In Russ.).

Gravin, A. A. (2019). B. P. Mansurov and the Creation of Russian Palestine (1857—1864). *Bulletin of the Tambov University, 24:* 252—284. DOI: 10.20310/1810-0201-2019-24-183-252-258. (In Russ.).

Kondakov, Yu. E. (2021). Sources of financing for the construction of Russian Palestine (1857—1864). *Questions of History, 9 (1):* 129—139. DOI: 10.31166/VOPROSYISTORII202109STATY08. (In Russ.).

Kondakov, Yu. E., Fedotiev, D. S. (2021). Russian "Jerusalem Project" of Mid-19th Century: Activities of B. P. Mansurov and Russian Society of Shipping and Trade. *Nauchnyi dialog, 9:* 342—364. https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-9-342-364 (In Russ.).

Kondakov, Yu. E., Fedotyev, D. S. (2022). The second report of B. P. Mansurov and the beginning of the construction of Russian Palestine. *Bygone Years, 17 (1):* 237—247. DOI: 10.13187/bg.2022.1.237. (In Russ.).

Lisovoy, N. N. (2006). *Russian spiritual and political presence in the Holy Land and the Middle East in the XIX — early XX century.* Moscow: Indrik. 512 p. ISBN 5-85759-327-1. (In Russ.).

Smirnova, I. Y. (2011). On the history of the formation of the Russian Church presence in the Holy Land: the mission of Bishop Kirill (Naumov). *State, religion, Church in Russia and abroad, 29 (3—4):* 365—387. (In Russ.).

Vakh, K. A. (2012). Jerusalem project of Grand Duke Konstantin Nikolaevich. In*: Grand Duke Konstantin Nikolaevich and the Russian pilgrimage to the Holy Land. From the background of the IMPO.* Moscow: Indrik. 22—45. ISBN 978-5-91674-195-7. (In Russ.).

Vakh, K. A. (2010). To the history of the first Russian "Guide" to the Holy Land. In: *Russian Palestine. Russia is in the Holy Land. Materials of the international scientific conference.* Moscow: Indrik. 87—96. (In Russ.).

Vakh, K. A. (2012). "Jerusalem Project" of Russia: B. P. Mansurov and Russian Buildings. In: *Grand Duke Konstantin Nikolaevich and Russian Jerusalem: to the 150th anniversary of the Foundation.* Moscow: Indrik. 22—36. ISBN 978-5-91674-184-1. (In Russ.).

CC BY

Vakh, K. A. (2012). Predecessors of the Imperial Orthodox Palestinian Society: Grand Duke Konstantin Nikolaevich and B. P. Mansurov. In: *Russia in the Holy Land. On the 130th anniversary of the cooperation of the Imperial Orthodox Palestinian Society with the peoples of the Middle East. Catalogue of the international anniversary exhibition.* Moscow: Indrik. 156—191. ISBN 978-5-91674-197-1. (In Russ.).

Vakh, K. A. (2014). *Letters of B. P. Mansurov from a trip to the Orthodox East in 1857.* Moscow: Indrik. 288 p. ISBN 978-5-91674-318-0. (In Russ.).

Yamilinets, B. F. (2003). *Russia and Palestine. Fathers of cultural and religious relations (XIX — early XX century).* Moscow — Saint Petersburg: IV RAS — Summer Garden. 256 p. ISBN 5-89282-199-4. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 22.02.2022,
одобрена после рецензирования 30.04.2022,
подготовлена к публикации 14.05.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Красникова Ю. Н. Эволюция делопроизводства в государственных учреждениях Российской империи в первой половине XIX века (на примере Департамента уделов) / Ю. Н. Красникова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 4. — С. 451—469. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-451-469.

Krasnikova, Yu. N. (2022). Evolution of Office Work in State Institutions of Russian Empire in First Half of 19th Century (on Example of Department of Appanages). *Nauchnyi dialog, 11(4):* 451-469. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-451-469. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY eLIBRARY.RU EBSCOhost

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-451-469

Эволюция делопроизводства в государственных учреждениях Российской империи в первой половине XIX века (на примере Департамента уделов)

Красникова Юлия Николаевна
orcid.org/0000-0002-1883-1553
кандидат исторических наук, доцент
кафедра Философии и социально-гуманитарных наук
julia2404@mail.ru

Санкт-Петербургский государственный аграрный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Evolution of Office Work in State Institutions of Russian Empire in First Half of 19th Century (on Example of Department of Appanages)

Yulia N. Krasnikova
orcid.org/0000-0002-1883-1553
PhD in History, Associate Professor
Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities
julia2404@mail.ru

Saint-Petersburg State Agrarian University
(St. Petersburg, Russia)

© Красникова Ю. Н., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена истории делопроизводства в первой половине XIX века. Исследование выполнено на примере документооборота Департамента уделов. На основе опубликованных материалов и архивных источников автор рассматривает общие принципы делопроизводства государственных учреждений Российской империи, исследует эволюцию документооборота в первой половине XIX века, дает оценку эффективности мероприятий по сокращению документооборота, выявляет общие и различные черты эволюции делопроизводства Департамента уделов. Реформа делопроизводства в Российской империи имела комплексный характер. Изменениям подверглись как форма документов, так и принципы оборота документации. Эффективность работы органов управления оценивалась количеством входящей и исходящей документацией. Несмотря на то, что основные принципы, заложенные реформой делопроизводства, имели общегосударственный характер, в самих государственных учреждениях они могли приобретать свои специфические черты. В Департаменте уделов это было связано с постепенным выведением управления удельным хозяйством из компетенции других органов власти Российской империи. Во второй четверти XIX века было окончательно закреплено исключительное право управления всеми внутренними вопросами, касающимися ведомства, только за удельными властями, которые напрямую через министра подчинялись императору.

Ключевые слова:
Департамент уделов; делопроизводство; Российская империя; первая половина XIX века; история государственных учреждений.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the history of office work in the first half of the 19th century, using the example of the workflow of the Department of Appanages. On the basis of published materials and archival sources, the author examines the general principles of office work of state institutions of the Russian Empire, explores the evolution of document flow in the first half of the 19th century, evaluates the effectiveness of measures to reduce document flow, and identifies common and different features of the evolution of office work of the Department of Appanages. The office work reform in the Russian Empire had a complex character. Both the form of documents and the principles of circulation of documents have undergone changes. The effectiveness of the work of the governing bodies was assessed by the number of incoming and outgoing documentation. Despite the fact that the basic principles laid down by the office work reform were of a nationwide nature, they could acquire their own specific features in the state institutions themselves. In the Department of appanages, this was due to the gradual removal of the management of the appanage from the competence of other authorities of the Russian Empire. In the second quarter of the XIX century the exclusive right to manage all internal issues relating to the department was finally assigned to the specific authorities, which were directly subordinate to the emperor through the minister.

Key words:
Department of appanages; office work; Russian empire; first half of the 19th century; history of public institutions.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 94(47).072/.073:651

Эволюция делопроизводства в государственных учреждениях Российской империи в первой половине XIX века (на примере Департамента уделов)

© Красникова Ю. Н., 2022

1. Введение = Introduction

Актуальность темы исследования определяется тем, что эффективность государственного управления зависит, в числе прочего, и от состояния документооборота. Необходимо оперативно и на высоком уровне обрабатывать внешнюю и внутреннюю документацию с момента составления до ее попадания в архив. Документация является источником и результатом управленческой деятельности. Переход в первой четверти XIX века от коллегиальной системы отраслевого управления к министерствам изменял и принцип оборота делопроизводственных бумаг. Централизация власти в отраслевом управлении страны отразилась на бюрократической переписке и подготовке документов. В XVIII веке вся работа была сосредоточена в канцелярии коллегий, а в XIX веке проекты документов готовились чиновниками структурных подразделений министерства и оформлялись в канцелярии министра или департамента. Итоговую резолюцию выносил руководитель ведомства. Само обращение бумаг должно было происходить с учетом строгой иерархии должностных лиц и разграничения компетенций между отраслевыми учреждениями. В теории это должно было способствовать упорядочению бюрократической переписки.

Всю первую половину XIX века учреждения искали наиболее приемлемую форму номенклатуры дел и порядка оформления делопроизводственной документации. Слаженная работа письмоводителей была одним из признаков эффективного управления и порядка в ведомстве. Министры, вступая в должность, начинали заново заниматься усовершенствованием делопроизводства и отчитываться, что порядок в бумагах в ведомстве устроился именно при них. «Так, назначенный министром (Народного Просвещения. — *Ю. К.*) в 1810 году А. К. Разумовский признавал, что у П. В. Завадовского не было системы в управлении ведомством, и ознаменовал своё вступление выпуском серии “циркулярных предложений”, регулирующих форму, содержание и периодичность поступления документации из университетов» [Ильина, 2011, с. 136].

CC BY

Изменения в документообороте фиксировались нормативно-правовыми актами. Это были достаточно пространные документы. Так, в указе об утверждении министерств от 25 июня 1811 года делопроизводству посвящался целый раздел из 135 параграфов [Шепелев, 2007, с. 65]. В 1830—1831, 1835, 1853 годы собирались специально созданные комиссии по сокращению переписки, расходов и штатов [Ерошкин, 2008, с. 470].

Тема, затронутая в данной статье, практически не рассмотрена в отечественной историографии, делопроизводство в Департаменте уделов не отражено в отдельных исследованиях. Есть только одна работа, близкая к заявленной теме: [Кудрявцева, 1967]. З. И. Кудрявцева, как архивист, описала в своей работе основные направления межведомственной переписки на основании фондов и документов, хранящихся в Российском государственном историческом архиве.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Историография по теме делопроизводства в первой половине XIX века достаточно разнообразна. Она отражена, как в специальных работах [Глотова, 2014; Емельянова, 2012; Шушунова, 2012], так и в исследованиях, посвященных истории государственных учреждений в целом [Ерошкин, 2008; Шепелев, 2007].

Значение и результат реформ делопроизводства первой половины XIX века до сих пор являются спорными в отечественной историографии. Н. П. Ерошкин считает, что они были ничтожными, а сама система делопроизводства осталась неповоротливой и малоэффективной. Это ввело, по его мнению, «в государственный аппарат некоторые элементы милитаризации». «Во второй половине XIX века большинство министров были генералами, … целые отрасли управления получили военное устройство» [Ерошкин, 2008, с. 470—471]. По мнению Л. Ф. Писарьковой, «в результате недостатки управления (медлительность в решении дел, злоупотребления, сложное и обильное на бумаги делопроизводство) не исчезли, как рассчитывали создатели министерской системы, а, напротив, умножились» [Писарькова, 2007, с. 53]. Другая линия в историографии позитивно оценивает результаты реформ. По мнению Г. А. Орловой, в XIX веке произошли качественные изменения в оформлении канцелярских технологий, «когда документальная форма полностью отождествляется с государственным действием» [Орлова, 1999, с. 2]. С. А. Глотова считает, что «увеличение видового состава распорядительных документов в этот период можно объяснить интенсификацией рационализаторской деятельности в области управления» [Глотова, 2014, с. 74—75]. Т. В. Виноградов, изучив губернский документооборот, также отмечает позитивные изменения: «В итоге

CC BY

предложенного и введенного порядка производства дел сокращался маршрут движения срочных документов, упорядочивалось за счет помет движение других документов» [Виноградов, 2014, с. 64].

Статья посвящена эволюции делопроизводства в государственных учреждениях Российской империи в первой половине XIX века. Данная проблема изучается на примере документооборота Департамента уделов. Задачами исследования являются следующие: выявить общие черты эволюции документооборота в первой половине XIX века, проанализировать делопроизводственную переписку Департамента уделов, выявить общие и особые черты делопроизводства Департамента уделов по сравнению с другими учреждениями Российской империи.

Основными источниками для исследования стали многочисленные делопроизводственные документы, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве фонде Департамента уделов [РГИА, ф. 515] и в Государственном архиве Псковской области (фонде Псковской удельной конторы) [ГАПО, ф. 40]. Многие документы впервые вводятся в научный оборот.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Общие характеристики делопроизводства в первой половине XIX века

Государственные учреждения Российской империи всю первую половину XIX века фиксировали постоянное увеличение входящей документации. Так, к 1840-м годам губернатору приходилось подписывать около 100 тысяч бумаг, или в среднем около 270 ежедневно [Блинов, 1905, с. 161]. Л. Ф. Писарькова объясняет такое обилие бумаг тем, что в России «основу бюрократизации составило не исполнение закона, а согласование решений нижестоящих и вышестоящих учреждений», в отличие от Европы, где «бюрократическая вертикаль власти подразумевала чёткое исполнение закона на каждом её уровне». В условиях централизации управления перед ведомствами стояла обязательная задача «отписаться» по каждой бумаге. Более того, в сложной и многоступенчатой системе прохождения деловых бумаг автор видел и «условия для злоупотреблений чиновников разного уровня» [Писарькова, 2007, с. 53].

Проблема излишнего документа оборота признавалась в ведомствах, поэтому начался процесс оптимизации бюрократической переписки, который затянулся на всю первую половину XIX века. Он должен был способствовать ускорению документооборота во всей властной вертикали отраслевых учреждений Российской империи. На изменения в первую очередь отреагировали государственные учреждения, на местах новые принципы документоведения приживались дольше.

CC BY

Выделим основные характеристики делопроизводства в первой половине XIX века в рамках означенной реформы.

Во-первых, эволюционировала форма документа. Вводился строгий формуляр для единообразного порядка составления различного вида бумаг, что ускоряло их оборот. Документ в итоге становится более удобным для делопроизводства, а это влияло на скорость оборота бумаг [Глотова, 2014, с. 74—75]. «Общее учреждение министерств» легитимизировало делопроизводство в качестве основного механизма функционирования государства: «Видимость порядка и благополучия создавали четко разработанные схемы прохождения бумаг внутри каждого учреждения» [Орлова, 1999, с. 77]. В первой половине XIX века сформировывались образцы распорядительных документов. Иерархически организованная система управления и «управленческие процессы требовали более четких форм распорядительных документов, в связи с чем начинают применяться отпечатанные в типографии бланки документов, причем обязательное их использование получило нормативное закрепление» [Медведева и др., 2020, с. 118]. Закреплению и формализации подверглись принципы создания и хранения архивных документов. Были утверждены формы реквизитов документа и ссылки на взаимосвязанные документы.

Во-вторых, был оформлен четкий порядок сношений между учреждениями и лицами. Увеличению делопроизводственных бумаг способствовало и восстановление подачи министерских докладов с 1827 года. А с 1834 года Комитет министров стал требовать ежегодный отчет министров за прошедший год. При Николае I сложился порядок докладов министров. У каждого был специально установленный день для докладов императору. Это требовало подготовки отдельного документа. Некоторые министры докладывали раз в неделю, некоторые не имели права личного доклада, они могли обращаться только через председателя Комитета министров. Право же ежедневного доклада имел только министр Императорского двора (он же возглавлял и Департамент уделов. — *Ю. К.*) [Ерошкин, 2008, с. 470].

Документы получили новый регламент обращения: 1) порядок вступления дел; 2) взаимные сношения разных лиц; 3) отправление дел; 4) ревизия; 5) отчеты [Орлова, 1999, с. 77]. В одном из столов начиналась подготовка проектов документов, после чего они передавались в отделение, департамент, министру, на каждом этапе вносились изменения и дополнения. «В этом моменте заключалось одно из отличий министерского делопроизводства от коллежского» [Емельянова, 2012, с. 129].

В-третьих, первоначально все распорядительные документы получали резолюцию министра. Закон не позволял делегировать эту функцию. На министра возлагалась достаточно большая бумажная и распорядительная на-

CC BY

грузка. При организации министерств была введена должность первого товарища министра, но, по мнению Д. И. Раскина, эта должность была первоначально «декоративной, предназначенной главным образом для замещения министра на случай болезни или отсутствия и в лучшем случае выполнения отдельных поручений министра» [Раскин, 2005, с. 144]. Позже товарищи министра получают реальные полномочия для рассмотрения части дел, причем расширение функции товарищей министра всю первую половину XIX века продолжается. Это позволяет смягчить нагрузку на руководителя ведомства. В Департаменте уделов с 1828 по 1840 годы управленческие функции будут разделены между министром и вице-президентом Департамента уделов, в остальное время — между министром и первым товарищем.

В-четвертых, делопроизводственный язык должен был стать более простым и понятным. Ведь он должен был отразить последовательность событий, их причины и следствия, суть происходившего в подробностях. «Бюрократическое письмо колоритно: за темным и витиеватым стилем скрывается сословный ценз, а власть чиновника прямо пропорциональна степени непонятности его языка. Громоздкие фразы — дань рациональности» [Орлова, 1999, с. 81—82]. Иногда изложение «намеренно усложнялось чиновниками, чтобы запутать дело (и начальство) и избежать взысканий за нерадивость» [Шепелев, 2007, с. 59]. Отсутствие полного собрания законов вынуждало делать в документе пространные выписки из используемых законодательных актов, что увеличивало документ до нескольких страниц. Это тоже подлежало оптимизации в рамках реформы. Формализация языка придавала изложению большую значимость. Но если оценивать отчеты Департамента уделов, которые готовились ежегодно, то можно сделать вывод, что постепенно стиль упрощается. Обороты речи становятся более понятными и приближенными к повседневной речи, сохраняя при этом особенности делового изложения. Однако годовые отчеты становились очень объёмными, иногда достигая 60—80 страниц письменного текста.

Наконец, письмоводство осложнялось и рядом технических обстоятельств. Низкая освещенность помещений, плохое качество бумаги также сказывались на результате. «Документы писались исключительно от руки гусиными перьями, требовавшими частой заточки и замены и не позволявшими быстро писать… Текст каждого документа приходилось писать по меньшей мере дважды: в виде черновика и беловика» [Шепелев, 2007, с. 58—59].

3.2. Особенности делопроизводства в Департаменте уделов

Департамент уделов был создан в 1797 году императорам Павлом I в рамках изменения порядка содержания членов императорской фамилии. Этому ведомству выделялись различные виды имущества, доход от которых формировал удельный бюджет, откуда и производились выплаты чле-

CC BY

нам императорской фамилии в соответствии со специальным расписанием [Красникова, 2014, с. 84—89]. Произошло обособление государственного бюджета и бюджета членов императорской фамилии. Департамент уделов с 1797—1826 годов существовал как автономное учреждение в структуре государственных учреждений Российской империи. С 1826 года Департамент уделов был включен в состав Министерства императорского двора, но при этом сохранил свою самостоятельность. Все входящие и исходящие бумаги регистрировались и сохранялись в фондах Департамента уделов всю историю их существования.

Специфический характер деятельности этого государственного учреждения поставил удельное ведомство в особое положение в структуре государственных учреждений Российской империи. С одной стороны, Департамент уделов по предметам своего ведения был включен в общую делопроизводственную переписку с центральными учреждениями Российской империи. С другой стороны, ведомство было напрямую подчинено императору. В фондах Департамента сохранились документы с личной резолюцией императора, которая иногда противоречила общему духу законов Российской империи, что удивляло даже чиновников самого ведомства. Им приходилось уточнять решение императора по несколько раз.

Особость документооборота в Департаменте уделов объяснялась также и тем, что бюджет департамента имел в какой-то степени закрытый характер. Несмотря на то, что Павел I законодательно установил, что из удельного бюджета содержание членов императорской фамилии должны производиться в точном соответствии с ведомостью и установленными суммами, он сам же первый и нарушил это правило уже в 1799 году. А после воцарения Александра I дополнительные расходы младших членов императорской фамилии производились без соблюдения каких-либо правил и ограничений и из года в год все больше и больше превышали установленные законом нормы [РГИА, ф. 515, оп. 1, д. 13, л. 18; д. 15, л. 18; д. 18, л. 11; д. 21, л. 11; д. 22, л. 3—3об.; д. 29, л. 25]. Император неоднократно выдавал суммы из удельного бюджета «по его Императорского Величества надобностям».

На характере делопроизводственной переписки сказывалось и особое нормативно-правовое регулирование управления удельными крестьянами, которое в полной мере сложится к 1840-м годам. С правления Николая I удельные деревни были переданы в полное управление удельным властям и выведены из подчинения губернских властей. Это часто вносило путаницу в применение законов в отношении удельных крестьян и приводило к длительной переписке между ведомствами. В 1836 году М. М. Сперанский и министр императорского двора и уделов князь П. М. Волконский разработали проект дополнительных статей о взаимоотношениях граждан-

CC BY

ских и губернских властей, который был утвержден императором. Данный документ окончательно закрепил исключительное право управления всеми внутренними вопросами, касающимися ведомства, только за удельными властями, которые напрямую через министра подчинялись императору, гражданским властям запрещалось вмешиваться в дела удельной деревни. За губернскими властями фактически сохранялись лишь функции надзора: принимать решения в отношении удельного имущества можно было только через уполномоченное от Департамента уделов лицо. В 1842 году был принят свой Свод удельных постановлений, была создана собственная нормативно-правовая база.

3.3. Динамика делопроизводственной переписки в Департаменте уделов

Тенденция к увеличению количества делопроизводственной межведомственной и частной переписки Департамента уделов сохраняется всю первую половину XIX века. Если в конце XVIII века общее количество входящих и исходящих бумаг составляло в среднем около 3000, то в 1830 году — 41 399 дел, то есть документооборот вырос почти в 14 раз [РГИА, ф. 515, оп. 1, д. 39, л. 36—45; д. 40, л. 39—49 об.; д. 45; л. 22—36; д. 46, л. 25—41]. Такая динамика объяснялась, по нашему мнению, несколькими причинами. Во-первых, это то, чем болела вся система центральных учреждений в целом. Успехи министерских структур зависели от числа бумаг, подготовленных от имени министра. Если в столе таких бумаг было менее 12 в неделю, «то это считалось признаком, что в известном столе или вообще мало дела, или занятия идут неуспешно; заслужить же такое мнение было крайне нежелательно» [Писарькова, 2002, с. 40]. Во-вторых, это вполне объективные причины, связанные с расширением деятельности Департамента уделов и подотчётных ему структур. В списке «главных предметов, умножающих делопроизводство», во второй четверти XIX века числились установление правил отчётности по сборам податей, введение поземельного сбора, размен удельных имений с казной, прием из казны удельных лесов. Кроме того, Департамент получил в свое управление Ревельский Екатеринтальский, Красносельский, Стрельнинский и Мраморный дворцы, землемерское и земледельческое училища, Главные Московское и Красносельское удельные училища, Петергофскую бумажную и гранильную фабрику, новый удельный корпус в Санкт-Петербурге недалеко от Александровского театра [РГИА, ф. 515, оп. 1, д. 41, л. 26—56].

Увеличилась разница между количеством входящих и исходящих делопроизводственных бумаг. Если в начале века они практически тождественны, то со временем разрыв начал нарастать. Так, в 1830 годы число входящих и исходящих бумаг расходилось почти в 2 раза (25 309 и 16 090 соответствен-

CC BY

но), и эта тенденция сохраняется в дальнейшем [РГИА, ф. 515, оп. 1, д. 39, л. 36—45; д. 40, л. 39—49об.; д. 45, л. 22—36; д. 46, л. 25—41]. Департамент уделов просто не успевал обрабатывать почти половину входящих документов. Это беспокоило удельные власти, был проведен анализ оборота бумаг в ведомстве. В отчете особо отмечалось, что незавершенными оставались только межведомственные дела, по внутренним документам «отписались» вовремя. Это, видимо, было убедительным оправданием в задержках.

3.4. Кадровая обеспеченность канцелярии

Для обеспечения эффективной работы канцелярии требовался штат служащих, от которых зависела скорость и качество делопроизводства. Хороших делопроизводителей было найти не так просто. С этой проблемой столкнулось не только удельное ведомство. Так, при организации Министерства внутренних дел набрали в штат писцов из разных ведомств, и «тотчас открылась вся пестрота в производстве дел, ни на каких правилах не основанная» [Шепелев, 2007, с. 65].

Письмоводителей Департамент уделов первоначально набирал из разных социальных групп. На местах писцами были и крестьяне, из которых отбирали наиболее способных к письму. Позже практику введения в должность крестьян сократили, было рекомендовано брать лиц из канцелярских служителей Департамента уделов или из свободных чиновников. Им полагалось жалование за счет крестьянской общины 200 руб. в год. Канцлерская работа была не только ответственной. Удельные власти предлагали определить «пределы влияния делопроизводителя, иначе по опытности в судоведении подчинит он себе весь приказ, что может привести к злоупотреблениям. Для взаимного равновесия необходимо, чтобы письмоводитель не зависел совершенно от должностных поселян», как и они от него, чтобы «имался он единственно в успешном обрабатывании и хранении в порядке счетов и прочих письменных дел, не мешаясь в сборы или другие мирские отношения и связи» [РГИА, ф. 1147, оп. 1, д. 236, л. 88—109]. По штату 1824 года канцелярские служители в удельных конторах получали жалование каждый от 100 до 250 рублей в год. В 1837 году жалование было увеличено, чтобы писцы удельных контор «не переходили в другие ведомства». Способные писцы, при аккуратном ведении дел, освобождались от рекрутской повинности. Нехватка кадров в канцеляриях будет чувствоваться весь изучаемый нами период. Во второй четверти XIX века Департамент уделов организует школу для обучения писцов, готовя их к ведению внутренней и внешней документации ведомства.

3.5. Характер переписки Департамента уделов

Делопроизводственная документация включала в себя переписку с министерствами и ведомствами Российской империи и внутреннее докумен-

CC BY

товедение. К 30-м годам XIX века количество бумаг, находящихся в переписке с другими ведомствами, составляет чуть большую часть, вторую — ведомственная переписка Департамента уделов с конторами и приказами.

Большую часть делопроизводственной документации составляла переписка с различными государственными структурами Российской империи. С одними ведомствами Департамент работал более тесно в силу особенности хозяйственных связей; с другими — от случая к случаю.

Так, Департамент уделов неоднократно «сносился» с Министерством финансов. В первой половине XIX века активная переписка велась по двум вопросам: о передаче имущества из дворцового (казенного) ведомства в удельное и в связи с обменом землей в 30-е годы XIX века. Периодически решались и частные земельные вопросы, например, при передаче в 1826 году в собственность императрицы Александры Федоровны территории Дудергофских гор с прилагающими удельными деревнями взамен были выделены земли и крестьяне из государственного ведения [РГИА, ф. 515, оп. 1, д. 34, л. 24]. Ведомства вели совместную переписку и по вопросам налогообложения, а именно: о чрезвычайных налогах и государственных податях, которые удельные крестьяне выплачивали на основании общих законов.

По вопросам борьбы с крестьянским движением в удельной деревне Департамент уделов был тесно связан прежде всего с Министерством внутренних дел. Поэтому, как правило, о каждом значительном случае волнений удельных крестьян имеются два дела: одно в Департаменте уделов, второе в Департаменте полиции исполнительной. Неоднократно «для успокоения» удельных крестьян отправлялись воинские команды, так, подавлялось крупное волнение Опочецких крестьян Псковской губернии. Кроме того, Департамент уделов неоднократно получал от Министерства внутренних дел различные распоряжения. Например, в 1826 году ведомство получило циркуляр из МВД от Канцелярии Особенной по секретной части за № 880. Департамент должен был удостовериться, что все находящиеся на службе и отставные чиновники «ни к каким тайным обществам не будут принадлежать». Эти обязательства в письменном виде от каждого служащего Департамент должен был предоставить в МВД, а оно в свою очередь императору. Такая проверка уже проводилась в ведомстве в 1822 году, но события 14 декабря 1825 года привели к необходимости собрать такие сведения повторно [РГИА, ф. 515, оп. 1, д. 34, л. 38—40 об].

Высшие государственные учреждения — Государственный совет, Комитет министров, Сенат — стояли над Департаментом уделов, и он должен был к ним обращаться за консультацией по тем вопросам, которые не мог разрешить самостоятельно [Кудрявцева, 1967, с. 184]. Поэтому ряд проблем, связанных и с правовым положением удельных крестьян, и с другими

CC BY

вопросами, решался в высших и центральных учреждениях России, которые в соответствии с компетенцией рассматривали отдельные стороны жизни всех категорий крестьян. В частности, Комитет уделял внимание вопросам о недоимках удельных крестьян, о промыслах, о землеустройстве и землепользования, а также прошениям крестьян, подданным на имя царя и переданным им для разбирательства в Комитет. Все тяжбенные и уголовные дела об удельных крестьянах, согласно закону, рассматривались в Сенате. Причем дела об отчуждении из удельного ведомства крестьян, земли или другого имущества, а также межевые споры обязательно должны были исследоваться Сенатом. Поэтому дела о земельных тяжбах удельных крестьян с помещиками, церковнослужителями, однодворцами и т. п. из местных судебных органов, межевых контор и канцелярий вносились на ревизию в соответствующий департамент Сената и далее передавались в Комитет министров или Государственный Совет. Так, по делу о засурской лесной даче госпожи Уваровой, оспоренной удельными крестьянами, бумаги рассматривались постепенно в Межевых, а потом в Гражданских Правительствах, в Общем собрании Правительствующего Сената Московских и позже Санкт-Петербургских депутатов, в Министерстве юстиции [РГИА, ф. 515, оп. 1, д. 34, л. 19—22]. В пятом уголовном Департаменте Сената рассматривались судебные дела об участии удельных крестьян в волнениях и массовых порубках леса. Сенат принимал решения по общим узаконениям, которые требовали уточнений. Так, в 1831 году Сенат своим указом разрешил распространить решение, данное казенным крестьянам, «вступать по собственному желанию в рекруты за свои семейства» и на удельных [РГИА, ф. 515, оп. 1, д. 39, л. 110—110 об].

В Собственную Е.И.В. канцелярию попадали сведения об отдельных волнениях удельных крестьян и их прошения на имя царя, видимо, в тех случаях, когда прошения вручались лично царю, чаще при проезде его через какую-либо местность [Кудрявцева, 1967, с. 184]. Также делопроизводственная переписка с канцелярией заключалась и в решении различных хозяйственных вопросов. Так, в 1826 году Собственная Его императорского Величества контора не заготовила вовремя лес для постройки строений на Дудергофских горах, помочь ей в этом должен был, согласно резолюции, Департамент уделов, который для этих целей отдал лес, заготовленный в Красном селе для дворца Николая Павловича [РГИА, ф. 515, оп. 1, д. 34, л. 26]. Тесные отношения Департамент уделов имел с Кабинетом Его императорского Величества и даже вел с ним совместные дела. Так, до 1828 года Кабинет и Департамент совместно владели Петергофской бумажной фабрикой, после чего она перешла в полное владение Департамента уделов [РГИА, ф. 515, оп. 1, д. 34, л. 29]. Департамент переводил

CC BY

деньги и на похоронные мероприятия в Печальную комиссию. Со второй четверти XIX века, после включения обоих ведомств в министерство императорского двора, «сношения», особенно по хозяйственными вопросам, становятся более частыми.

Также Департамент уделов вел делопроизводственную переписку с военным министерством. В 1827 году удельные селения Новгородской губернии передавались в ведение военных управлений для поселения войск, предназначенных для составления округов поселения полков 1 и 2 гренадерских дивизий в рамках программы по устройству военных поселений [РГИА, ф. 515, оп. 1, д. 35, л. 24—25]. Были случаи взыскания денежного возмещения за причиненный военными ущерб в связи с проведением учений; так, в Красном селе и Стрельне были потоптаны сенокосы и хлеб [РГИА, ф. 515, оп. 1, д. 45, л. 106 об]. Департамент уделов обращался за помощью к Военному министру в случаях, когда удельным властям требовалась военная помощь. Так, министр командировал в Симбирскую губернию флигель-адъютанта полковника графа Протасова для присутствия при объявлении казенным крестьянам Высочайшего указа о передаче в удельное ведомство с целью не допустить беспорядки [РГИА, ф. 515, оп. 1, д. 44, л. 18—18 об].

Очень небольшую часть делопроизводственной переписки Департамент уделов вел со Святейшим Синодом. После включения в состав уделов обширных Симбирских земель в число удельных крестьян вошли около 30 тыс. чувашей. После обследования имения удельные власти дали им такую характеристику: «Племя, по обычаям и нравам своим, отделено резкою чертою от русских поселян: оно сохранило свое наречие, все свои поверья, идолопоклоннические празднества, и можно сказать, что чуваши считаются христианами только по названию». А далее министр делал вывод, что и живут они бедно, и подати не могут платить оттого, что у них низкая нравственность. Чтобы вывести их из такого положения, необходимо изменить сам образ жизни. С этой целью были сделаны следующие распоряжения: «по недостаточному числу церквей, приступили к строительству 9 новых церквей с домами для священников» [РГИА, ф. 515, оп. 1, д. 46, л. 25—41]. Обер-прокурор Синода обращался и с просьбами об оказании материальной помощи священникам. Так, священнику Степанову выделили значительные средства — 3000 рублей из удельных сумм [РГИА, ф. 515, оп. 1, д. 34, л. 86]. В первой половине XIX века среди удельных крестьян распространились различные неправославные вероучения, например, молоканское учение; для вразумления и наставления крестьян в «истинной вере» пришлось просить помощь у духовенства [Красникова, 2011, с. 388—396].

В межведомственной переписке нами выявлена характерная особенность, которая прослеживается в массиве входящей и исходящей доку-

CC BY

ментации. В первую четверть XIX века все спорные дела с другими ведомствами решались в плоскости общегосударственного нормативного регулирования. А во второй четверти XIX века в связи с формированием собственной нормативно-правовой базы резолюции по схожим делам в Департаменте уделов и в других учреждениях Российской империи могли различаться. Это приводило к уточнениям, обмену комментариями и даже межведомственным перепалкам. [Красникова, 2012, с. 141—145]. Если первоначально местные и центральные органы власти разъясняли уделам их компетенции и даже вмешивались в дела ведомства, то со второго десятилетия XIX века уже Департамент разъясняет основные положения удельного законодательства и ограничивает вмешательство государственных структур во внутренние дела ведомства. Нередко интенсивная переписка между ведомствами завершалась только высочайшей резолюцией

3.6. Проблемы оборота «лишних бумаг» и меры по оптимизации делопроизводства Департамента уделов

К 1830 годам в удельном ведомстве количество входящих и соответственно исходящих дел увеличивалось, ведомству пришлось принять специальные предписания по упорядочению и сокращению делопроизводственных бумаг [РГИА, ф. 515, оп. 1, д. 39, л. 36—45]. Это можно было сделать двумя путями: организацией документоведения в самом Департаменте уделов и сокращением ведомственной переписки с конторами и приказами при условии одновременного упорядочения в них делопроизводства. Следовательно, решить проблему «лишних» бумаг можно было, оптимизируя внутреннюю переписку между структурными подразделениями удельного ведомства; сократить межведомственную переписку не представлялось возможным. Если в Департаменте уделов в 1830 году рапортовали о признаках «установления должного порядка» в «письмоводстве», что тоже было довольно условным выводом Департамента, то на местах объемы делопроизводства только увеличивались.

В условиях централизации управления подведомственных учреждений деятельность контор и приказов нередко сводилась лишь к четкому реагированию на каждую бумагу «сверху» соответствующей, по всем правилам составленной бумагой. Так жили все губернские и уездные органы управления Российской империи, а самым ценным умением чиновника было грамотное письмо. «Оно состояло, — отмечал Веселовский, — преимущественно в умении “отписаться”»; в частности, после ревизии Пензенской губернии чиновникам пришлось «в течение полугода работать вдвое, потому что от многого надобно было отписываться» [Писарькова, 2012, с. 41].

В 1832 году общий объем входящей делопроизводственной переписки в удельных конторах составил 118 154 бумаги. Динамика входящей

CC BY

документации только увеличивалась, и в 1837 году конторы получили 138 376 различных бумаг [РГИА, ф. 515, оп. 1, д. 45, л. 22—36; д. 46, л. 25—41]. В 1835 году, согласно отчету чиновников, только за первые семь месяцев в Симбирскую удельную контору поступило 6838 дел, в Московскую — 4819. Несколько сократить документооборот в конторах Департамент решился только в 1835 году. Согласно Положению Департамента уделов § 56 было «постановлено, чтобы по всем входящим в удельные конторы бумагам, которые требуют какого-либо от управляющего решения или постановления, изготовлялись журналы, с объявлением всех обстоятельств» [РГИА, ф. 515, оп. 1, д. 44, л. 115—115 об.]. В этом же году было разрешено управляющим конторами «составлять журналов только по делам, которые сего требуют по важности содержания, прочие же приводить в исполнение резолюциями, на входящих бумагах налагаемыми». Сокращение количества журналов, конечно, немного облегчило жизнь удельных контор. При этом на основании § 59 за управляющими сохранялась ответственность «за неправильное течение дел по конторам» [РГИА, ф. 515, оп. 1, д. 44, л. 115—115 об]. К 30-м годам XIX века количество делопроизводственной переписки было следующим: половина документов составляла межведомственную переписку, вторая половина — внутриведомственную переписку Департамента уделов с конторами и приказами.

Для того чтобы наглядно представлять оборот делопроизводства Департамента уделов на местах, рассмотрим оборот бумаг только по одному крестьянскому делу в удельной деревне. Так, в 1810 году управляющему Псковской удельной конторой из Вязовского сельского приказа пришла просьба крестьянина Федора Сергеева (65 лет). Он по слабости здоровья не в состоянии был содержать «на 3 с половиной души тягольной земли» и просил переселить ему в помощь двоюродного брата Анкудина Федорова «на свое тягло и землю с семейством его и малолетними детьми, тремя сыновьями и двумя дочерями». На основании положительного мирского приговора контора начала процесс передачи крестьян. В марте, после направления письма министру уделов, был издан приказ о переселении и на основании его разосланы официальные бумаги в Вязовский удельный приказ, в Псковскую казенную палату. В свою очередь отписались в ответ Псковская удельная палата, Вязовский удельный сельский приказ и Псковская казённая палата о причислении крестьянина. Сам процесс принятия решения о переселении занял 3 месяца. И, казалось, дело завершено, но выяснилось, что «по нежеланию с обоих сторон к тому переселению остается он Федоров в прежней своей деревне». Начался новый круг делопроизводственной переписки. В документе имеется приписка управляющего Псковской удельной конторой: «Приказу предписать, когда последовало

CC BY

утверждение от … начальства по приговору мирскому и по отношении в Казенную палату сделано переселение, да и по конторе положение по сему учинено, то теперь переменить сего (нельзя). Почему приказ в том же случае должен изъявить крайнюю осторожность и наперёд отвращать препятствия до представления, дабы не утруждать напрасно (важное) начальство и избегать в переселении, что остается на ответственность приказа» [ГАПО, ф. 40, оп. 1, д. 13, л. 1—14]. Только по одному этому делу удельному ведомству пришлось составить несколько десятков деловых бумаг.

4. Заключение = Conclusions

Итак, все государственные учреждения Российской империи в первой половине XIX века претерпели эволюцию документооборота. Эти изменения фиксировались как в общегосударственных нормативно-правовых актах, так и в локальных. Изменились форма и реквизиты документа, упрощался делопроизводственный язык, сформировалась вертикаль прохождения бумаг. Во второй четверти XIX века были разделены полномочия управления государственными учреждениями между министром и первым товарищем. Это позволило частично делегировать решения по входящей документации и снизить нагрузку на руководителя ведомства. Постепенно решался и вопрос кадрового обеспечения канцелярий, но нехватка писцов ощущалась весь изучаемый нами период. Эффективность работы органов управления оценивалась количеством входящей и исходящей документации, что периодически отражалось в отчетах. Несмотря на то, что основные принципы, заложенные реформой делопроизводства, имели общегосударственный характер, в самих государственных учреждениях они могли приобрести свои специфические черты.

Департамент уделов был включен в структуру органов государственного управления в Российской империи, но сохранял свой особый правовой статус. Это было связано с предметами его деятельности и закрытым характером внутреннего бюджета. По форме бумаг Департамент придерживался общих формуляров, структуры составления бумаг и прочее. Существенные изменения в межведомственной переписке будут связаны с постепенным выведением управления удельным хозяйством из компетенции других органов власти Российской империи. Во второй четверти XIX века будет окончательно закреплено исключительное право управления всеми внутренними вопросами, касающимися ведомства, только за удельными властями, которые напрямую через министра подчинялись императору. Гражданским властям запрещалось вмешиваться в дела удельной деревни.

Общий объем документооборота Департамента уделов в изучаемый нами период увеличился. На это были и объективные причины: существен-

CC BY

но увеличилось само удельное хозяйство и расширилась сфера его деятельности. С другой стороны, Департамент уделов не смог избежать тех негативных черт, которыми болела вся система делопроизводства в Российской империи в целом. В целом в документообороте Департамента уделов фиксируются позитивные изменения в подготовке, движении и обработке деловых бумаг. По нашему мнению, они в большей степени затронут центральные органы управления. Местные удельные органы власти будут вынуждены вести пространную внутриведомственную переписку.

Источники и принятые сокращения

1. ГАПО — *Государственный* архив Псковской области. Ф. 40 (Псковская удельная контора. Ф. 40. Оп. 1. Д. 13. Лл. 1—14.

2. РГИА — *Российский* государственный исторический архив. Ф. 1147 Непременный (Государственный) совет. Оп. 1. Д. 236. Л. 88—109 ; Ф. 515 Фонд Департамента уделов. Ф. 515. Оп. 1. Д. 2. Лл. 26, 32, 35—35 об. Д. 3. Л. 10. Д. 34. Лл. 19—22, 24, 26, 29, 38—40 об., 86. Д. 35. Лл. 24 —25. Д. 39. Лл. 36—45, 110—110 об. Д. 40. Лл. 39— 49 об. Д. 41. Лл. 26—56, 106 об. Д. 44. Лл. 18—18 об., 115—115 об. Д. 45. Лл. 22—36. Д. 46. Лл. 25—41.

Литература

1. *Блинов И.* Губернаторы : исторический очерк / И. Блинов. — Санкт-Петербург : типо-лит. К. Л. Пентковского, 1905. — 366 с.

2. *Виноградова Т. В.* Состояние губернского делопроизводства в Российской империи и попытки его реформирования в первой половине XIX в. / Т. В. Виноградова // Вестник РГГУ. Серия: документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность. — 2014. — № 2 (124). — С. 59—69.

3. *Глотова С. А.* Возникновение и тенденции развития распорядительной документации в России в дореволюционный период / С. А. Глотова // Вестник РГГУ. Серия: документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность. — 2014. — № 2 (124). — С. 70—77.

4. *Емельянова В. С.* Делопроизводство в России как элемент системы государственного управления : историко-правовой анализ / В. С. Емельянова // Право и безопасность. — 2012. — № 3—4 (43). — С. 129—134.

5. *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России / Н. П. Ерошкин. — Москва : РГГУ, 2008. — 710 с. — ISBN 978-5-7281-1026-2.

6. *Ильина К. А.* Профессора и бюрократические коммуникации в Российской империи первой трети XIX века / К. А. Ильина // История и историческая память. — 2011. — Выпуск 4. — С. 133—158.

7. *Красникова Ю. Н.* Религиозная политика Департамента уделов по отношению к молоканскому движению в среду удельных крестьян в первой трети XIX века / Ю. Н. Красникова // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. — 2011. — Т. 29, № 3—4. — С. 388—396.

8. *Красникова Ю. Н.* Специфика взаимодействия удельных и гражданских властей на местах (первая половина XIX века) / Ю. Н. Красникова // Региональное управление и проблема эффективности власти в России (XVIII — начало XXI века) : сборник статей

CC BY

Всероссийской научной конференции с международным участием (Оренбург, 30 октября — 2 ноября 2012). — Оренбург, 2012. — С. 141—145. — ISBN 978-5-91854-097-8.

9. *Красникова Ю. Н.* Удельные крестьяне северо-запада России в конце XVIII — первой четверти XIX века: из истории аграрных отношений. — Санкт-Петербург : СПбГАУ, 2014. — 164 с. — ISBN 978-5-85983-253-8.

10. *Кудрявцева З. И.* Документы высших и центральных учреждений по истории удельных крестьян (1797—1863) / З. И. Кудрявцева // Некоторые вопросы изучения исторических документов XIX — начала XX вв. — Ленинград, 1967. — С. 176—204.

11. *Медведева О. В.* Документирования распорядительной деятельности: история и современное состояние / О. В. Медведева, А. А. Аветисян // Державинский форум. — 2020. — Том 4, № 16. — С. 116—122.

12. *Орлова Г. А.* Бюрократическое письмо как механизм господства / Г. А. Орлова // Полис. Политические исследования. — 1999. — № 5. — С. 76—82.

13. *Писарькова Л. Ф.* К истории взяток в России (по материалам «секретной канцелярии» кн. Голицыных) / Л. Ф. Писарькова // Отечественная история. — 2002. — № 5. — С. 33—49.

14. *Писарькова Л. Ф.* Коррупция в государственном управлении России XVII—XIX веков / Л. Ф. Писарькова // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. — 2007. — № 2 (87). — С. 49—56.

15. *Раскин Д. И.* Институт товарищей министров в системе министерского управления Российской империи / И.Д. Раскин // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2005. — № 2 (259). — С. 132—144.

16. *Шепелев Л. Е.* Аппарат власти в России. Эпоха Александра I и Николая I / Л. Е. Шепелев. — Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 2007. — 461 с. — ISBN 978-5-210-01519-8.

17. *Шушунова Е. В.* Реформа министерского делопроизводства в первой половине XIX столетия / Е. В. Шушунова // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской Академии МВД России. — 2012. — 2 (18). — С. 55—59.

Material resources

GAPO — *State Archive of the Pskov Region*. (In Russ.).
RGIA — *Russian State Historical Archive*. (In Russ.).

References

Blinov, I. (1905). *Governors: a historical essay*. St. Petersburg: Tipo-lit. K. L. Pentkovsky. 366 p. (In Russ.).

Emelyanova, V. S. (2012). Office work in Russia as an element of the public administration system: historical and legal analysis. *Law and Security, 3—4 (43):* 129—134. (In Russ.).

Eroshkin, N. P. (2008). *History of state institutions of pre-revolutionary Russia*. Moscow: RGGU. 710 p. ISBN 978-5-7281-1026-2. (In Russ.).

Glotova, S. A. (2014). The emergence and development trends of administrative documentation in Russia in the pre-revolutionary period. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: documentation and archiving. Informatics. Information protection and information security, 2 (124):* 70—77. (In Russ.).

Ilyina, K. A. (2011). Professors and bureaucratic communications in the Russian Empire in the first third of the 19th century. *History and historical memory, 4:* 133—158. (In Russ.).

CC BY

Krasnikova, Yu. N. (2011). Religious policy of the Department of appanages in relation to the Molokan movement among appanage peasants in the first third of the 19th century. *State, religion, Church in Russia and abroad, 29:* 388—396. (In Russ.).

Krasnikova, Yu. N. (2012). The specifics of the interaction of specific and civil authorities on the ground (the first half of the 19th century). In: *Regional management and the problem of the effectiveness of power in Russia (XVIII — early XXI century): collection of articles of the All-Russian Scientific Conference with International Participation (Orenburg, October 30 — November 2, 2012)*. Orenburg. 141—145. ISBN 978-5-91854-097-8. (In Russ.).

Krasnikova, Yu. N. (2014). *Specific peasants of the north-west of Russia at the end of the 18th — the first quarter of the 19th century: from the history of agrarian relations*. St. Petersburg: SPbGAU. 164 p. ISBN 978-5-85983-253-8. (In Russ.).

Kudryavtseva, Z. I. (1967). Documents of higher and central institutions on the history of appanage peasants (1797—1863). In: *Some questions of studying historical documents of the 19th — early 20th centuries.* Leningrad. 176—204. (In Russ.).

Medvedeva, O. V., Avetisyan, A. A. (2020). Documentation of administrative activities: history and current state. *Derzhavin Forum, 4/16:* 116—122. (In Russ.).

Orlova, G. A. (1999). Bureaucratic writing as a mechanism of domination. *Polis. Political studies, 5:* 76—82. (In Russ.).

Pisarkova, L. F. (2002). On the history of bribes in Russia (based on the materials of the "secret office" of Prince Golitsyn). *Domestic History, 5:* 33—49. (In Russ.).

Pisarkova, L. F. (2007). Corruption in the public administration of Russia in the XVII—XIX centuries. *Bulletin of the Russian Fund for Basic Research. Humanities and social sciences, 2 (87):* 49—56. (In Russ.).

Raskin, D. I. (2005). Institute of Comrade Ministers in the System of Ministerial Administration of the Russian Empire. *News of higher educational institutions. Jurisprudence, 2 (259):* 132—144. (In Russ.).

Shepelev, L. E. (2007). *Apparatus of power in Russia. The era of Alexander I and Nicholas I.* St. Petersburg: Art-SPB. 461 p. ISBN 978-5-210-01519-8. (In Russ.).

Shushunova, E. V. (2012). Reform of ministerial office work in the first half of the 19th century. *Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2 (18):* 55—59. (In Russ.).

Vinogradova, T. V. (2014). The state of provincial office work in the Russian Empire and attempts to reform it in the first half of the 19th century. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: documentation and archiving. Informatics. Information protection and information security, 2 (124):* 59—69. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 10.01.2022,
одобрена после рецензирования 27.04.2022,
подготовлена к публикации 16.05.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Непомнящий А. А. Деятельность Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины в Крыму в 1909—1917 / А. А. Непомнящий // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 4. — С. 470—488. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-470-488.

Nepomnyashchy, A. A. (2022). Activities of Society for Protection and Preservation of Monuments of Art and Antiquity in Russia in Crimea in 1909—1917. *Nauchnyi dialog, 11(4):* 470-488. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-470-488. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU EBSCOhost

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-470-488

Деятельность Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины в Крыму в 1909—1917

Непомнящий Андрей Анатольевич [1,2]
orcid.org/0000-0002-4031-232X
Scopus Author ID: 56538666700
доктор исторических наук,
профессор кафедры
археологии и всеобщей истории;
ведущий научный сотрудник
dr.aan@mail.ru

[1] Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского
(Симферополь, Россия)

[2] Институт истории
имени Шигабутдина Марджани
Академии наук Республики Татарстан
(Казань, Россия)

Activities of Society for Protection and Preservation of Monuments of Art and Antiquity in Russia in Crimea in 1909—1917

Andrey A. Nepomnyashchy [1,2]
orcid.org/0000-0002-4031-232X
Scopus Author ID: 56538666700
PhD in History, Professor, Department
of Archeology and World History;
Leading Researcher
dr.aan@mail.ru

[1] V. I. Vernadsky Crimean
Federal University
(Simferopol, Russia)

[2] Marjani Institute of History
(Kazan, Russia)

© Непомнящий А. А., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается деятельность Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, развернувшего многогранную работу на Крымском полуострове в 1909—1917 годах. Показаны этапы подготовки подвижниками памятникоохранительной сферы уникальной картотеки объектов культурного наследия на территории Крыма. Отдельное внимание уделяется деятельности в этом направлении К. Ф. Богаевского, Н. И. Репникова, М. И. Ростовцева. Уделено внимание попыткам сотрудников наладить правильную организацию проведения археологических исследований Херсонеса. Интересен факт поддержки Обществом ходатайства археологов об учреждении музея в Евпатории и организации музея в Ханском дворце Бахчисарая. Новизна исследования видится в том, что впервые в историографии раскрыта деятельность организации по изучению, фиксации и охране крымских памятников археологии на территории южного региона империи. Актуальность исследования обусловлена интересом к опыту деятельности Общества в общеимерском масштабе. Автор обращает внимание на то, что, несмотря на утерю в революционные годы уникальной памятниковедческой картотеки, собранной искусствоведами и археологами, крымская ее часть частично дублируется в личном архивном фонде организатора научного изучения Крыма А. И. Маркевича.

Ключевые слова:
Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины; Крым; объект культурного наследия; картотека; популяризация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The activities of the Society for the Protection and Preservation of Monuments of Art and Antiquity in Russia, which launched a multifaceted work on the Crimean Peninsula in 1909—1917, are considered. The stages of preparation by the devotees of the monument protection sphere of a unique card file of cultural heritage objects in the territory of Crimea are shown. Special attention is paid to the activities in this direction of K. F. Bogaevsky, N. I. Repnikov, M. I. Rostovtsev. Attention is paid to the attempts of employees to establish the correct organization of the archaeological research of Chersonese. An interesting fact is the Society's support for the petition of archaeologists to establish a museum in Evpatoria and organize a museum in the Khan's Palace of Bakhchisaray. The novelty of the study is seen in the fact that for the first time in historiography, the activities of the organization for the study, fixation and protection of the Crimean archeological monuments in the southern region of the empire are revealed. The relevance of the study is due to the interest in the experience of the Society on a global scale. The author draws attention to the fact that, despite the loss in the revolutionary years of the unique monument card files collected by art historians and archaeologists, its Crimean part is partially duplicated in the personal archival fund of the organizer of the scientific study of Crimea A. I. Markevich.

Key words:
Society for the Protection and Preservation of Monuments of Art and Antiquity in Russia; Crimea; object of cultural heritage; card file; popularization.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 908(477.75):061.1+351.853(477.75)“1909/1917”

Деятельность Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины в Крыму в 1909—1917

© Непомнящий А. А., 2022

1. Введение = Introduction

Опыт организации охраны историко-культурных объектов в масштабах Российской империи становился объектом исследования многих специалистов, каждый из которых вычленял лишь определенное направление такой работы либо региональный аспект. В этой связи деятельность общеимперской организации — Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, развернувшего труды в 1909—1917 годах, вызывает особенный интерес. Активные работы членов этой общественной организации по сохранению и реставрации культурного наследия развернулись в Центральной России. Особенно много было сделано в области сохранения и реставрации уникальных культовых сооружений. Вместе с тем работала и сеть периферийных отделений в провинции, которыми было также сделано немало в деле фиксации культурных объектов и их сохранения. Новизна подхода в данной публикации заключается в изучении деятельности Общества в Крыму, где сохранилось большое количество исторических объектов и в то же время существовали мощные научные центры, занимавшиеся изучением археологии, истории края, сохранением историко-культурной памяти: Таврическая ученая архивная комиссия и Одесское общество истории и древностей. Большую работу в этом направлении проводили также Ялтинское отделение Крымско-Кавказского горного клуба и Крымское общество естествоиспытателей и любителей природа. Эта информация давно введена в научный оборот. Долгое время было принято считать, что только эти организации внесли основной вклад в сохранение объектов культурного наследия полуострова. В статье впервые рассматривается деятельность общеимперского памятникоохранного общества на территории Крыма, его взаимодействие со сложившимися здесь научными структурами.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Долгое время мероприятия Общества оставались в тени, несмотря на наличие сохранившегося архива (66 ед. хр.), где отложились материалы по кураторству над работами по реставрации ряда памятников в столицах и центральных губерниях страны [ИИМК РАН НА РО, ф. 68, оп. 1]. Доступны и опубликованы ежегодные отчеты по работе Общества. Однако не-

CC BY

приятие роли дворянства, эмигрировавших деятелей культуры и искусства, факт того, что одной из центральных фигур в Обществе являлся Николай Николаевич Врангель (брат П. Н. Врангеля), стали причинами того, что долгие десятилетия было наложено табу даже на упоминание этой организации.

Наиболее полный обзор различных форм работы Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины предпринят в монографии Т. К. Алябьевой [Алябьева, 2001, с. 20, 111—117]. Автором книги представлен анализ основных направлений деятельности культурного содружества с учетом организации отделений на местах. При этом факт существования филиала, открытого в Крыму, и деятельность крымских сотрудников организации даже не упомянуты [Там же]. Роль Н. Н. Врангеля в работе организации раскрыта Г. Д. Злочевским [Злочевский, 2006, с. 145—258]. Одновременно автор обозначил основные мероприятия подвижников реставрационного отдела по восстановлению и популяризации культурного наследия в центральной России [Там же]. Общий обзор основных форм работы Общества содержит публикация М. В. Медведевой. Ее работа во многом повторила уже известные по монографии Т. К. Алябьевой данные [Медведева, 2017, с. 259—267]. Ни в одной из названных немногочисленных публикаций, связанных с работой Общества, не обозначен интерес организации к изучению и охране крымского культурного наследия. Не были предметом внимания и конкретные деятели — сотрудники Общества, которые реализовывали на полуострове программу этой организации.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Одной из причин, актуализировавших в стране необходимость объединения небезразличной интеллигенции для защиты исторических памятников, была проволочка с принятием закона об охране исторических памятников. Выработанный еще комиссией третьей Государственной Думы, законопроект перешел для рассмотрения в Думу четвертую, но принят не был. Нареканий относительно его содержания было много. Документ действительно не отвечал задачам охраны культурного наследия [Алябьева, 2001, с. 5].

Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины было официально зарегистрировано как юридическое лицо 20 октября 1909 года. Оно имело свою печать, особый знак, а члены (сотрудники) получили удостоверения, подтверждающие их принадлежность к этому памятникоохранному союзу. Сразу организовывались специализированные библиотека и архив, где собирались сведения для сводной картотеки памятников искусства и старины по всей стране [РГИА, ф. 789, оп. 13, д. 77, л. 4—12]. В данном коллективе объединились искусствоведы, художники, архитекторы, скульпторы, историки — специалисты, которые отчет-

CC BY

ливо осознавали безвозвратность потери культурных ценностей. Заметим, что научное собрание, было немноголюдным: 32 члена-учредителя (сотрудники) и около 20-и любителей заявлены при организации Общества. Активно работали лишь часть из них (примерно половина). Председателем Общества являлся великий князь Николай Михайлович, товарищами председателя — художник А. Н. Бенуа и общественный деятель Е. Н. Волков, секретарем — искусствовед Н. Н. Врангель [Отчет …, 1914, с. 2—3].

Устав Общества четко определял задачи для его участников: организация работ по сохранению памятников искусства и старины, имеющих художественную или историческую ценность, независимо от эпохи создания памятника [Устав, 1912, с. 3—4]. Решать названную задачу предполагалось путем «возбуждения ходатайств по вопросам, отвечающим задачам Общества, перед правительством, надлежащими учреждениями и лицами; формирования общественного мнения; создания общественных архивов о памятниках искусства и старины; проведения съездов и собраний для обсуждения проблемы памятникоохранения» [Устав …, 1912, с. 7—8].

3.1. Подготовка картотеки паспортов объектов культурного наследия

Качество работ по изучению, каталогизации и охране объектов материальной культуры, проводимых Обществом, определялось уровнем профессионализма его членов. В начале XX века одинаково активно использовались термины *памятник* и *древности*. Высокопрофессиональный подход к делу изначально обозначил необходимость разработки понятия «памятник». Считалось, что *памятником* является предмет истории или искусства, появившийся до 1725 года. Государственные структуры не могли предоставить четко оформившегося определения. Деятели Общества защиты и сохранения в России памятников истории и старины развернули обсуждение, какой объект можно отнести к категории «памятник» и каково содержание этого понятия. Дискуссия проходила одновременно с разработкой устава организации. Члены Общества отказались от устаревшего термина *древности* и предложили оперировать исключительно квалификацией *памятник*. Устав Общества устанавливал, в каком случае объект является «памятником» и, соответственно, относился к категории «охраняемого государством». Названные объекты культурного наследия необходимо было охранять «независимо от эпохи их создания» [Устав …, 1912, с. 6].

Изначальная задумка организаторов общественно-культурного союза была правильной и грандиозной — подготовить картотеку паспортов объектов археологии, исторических зданий, картин, предметов искусства в масштабах Российской империи. Аналогичную работу в отношении памятников материальной культуры проводила Императорская археоло-

CC BY

гическая комиссия на протяжении не одного десятилетия. Делалось это во многом через посредничество местных губернских ученых архивных комиссий. Но дела в этом направлении у археологов шли неспешно, часто бессистемно, работы организовывались только в отдельных районах [Очерк …, 2009, с. 234—237; Непомнящий, 2018, с. 21—27].

Регистрационное направление работы Общества обеспечивало бы в дальнейшем плодотворную реставрационную деятельность. В связи с этим члены организации справедливо полагали, что деятельность по подготовке паспортов памятников должна превалировать. Для этого необходимо было иметь сведения о точном местоположении памятника, его физическом состоянии, исторической ценности объекта, измерения и чертежи, описание в целом и в деталях, справку по истории создания. Информация о собственнике также имела большое значение.

С 1911 года установились контакты Общества с крымскими подвижниками памятникоохранительного дела. Для организации учетных работ в Крыму были инициированы взаимодействия с Таврической учёной архивной комиссией. Питербургские памятникоохранители проинформировали симферопольских коллег, что речь идет о подготовке нового варианта уже устаревшего «Атласа российских древностей». Обращение крымских краеведов за помощью по сбору сведений о памятниках включало в себя просьбы «грамотно составлять чертежи», делать точные обмеры и исторические справки [ИИМК РАН НА РО, ф. 32, оп. 1, д. 55, л. 11—13].

Перечисляя отечественные общественно-научные организации, которые имели статус корреспондентов Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, Т. К. Алябьева не упоминает Таврическую учёную архивную комиссию (ТУАК) [Алябьева, 2001, с. 101]. Нами установлено, что на заседаниях ТУАК неоднократно рассматривались отношения Общества об организации сбора данных для общего каталога российских памятников. В архиве ТУАК сохранились анкеты по учету памятников и находок древних вещей по уездам.

Руководитель крымских краеведов А. И. Маркевич (1855—1942) на заседании Комиссии поставил перед членами ТУАК из Севастополя, Керчи и Евпатории задачу начать готовить паспорта на наиболее значимые археологические объекты. Одновременно он сообщал в Санкт-Петербург, что аналогичная работа ухе несколько лет ведется ТУАК совместно с Археологической комиссией. Ее итогом должна стать подготовка Археологической карты Крыма. Арсений Иванович сумел консолидировать работу по сбору данных об археологических памятниках как для Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, так и для Археологической комиссии [Непомнящий, 2015, с. 483—485]. Сбор сведений

CC BY

о памятниках проходил путем личного осмотра объектов членами комиссии, описания и фотографирования (в отдельных случаях — зарисовки) объектов. При этом члены ТУАК, хорошо ориентировавшиеся в местных архивохранилищах, подбирали информацию о памятниках из архивных дел разных фондов разных ведомств. Над подготовкой материалов для Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины работали местные подвижники Р. Х. Лёпер (Севастополь), В. В. Шкорпил (Керчь), К. Ф. Богаевский и Л. П. Колли (Феодосия), а также приезжавшие сюда для археологических раскопок М. И. Ростовцев (Евпатория), Н. И. Репников (Юго-Западный Крым) [Непомнящий, 2005, с. 63—70]. Члены Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины практически дублировали работу, проводимую коллегами-археологами, с которыми они активно контактировали. Но в Обществе задачу по составлению каталога памятников представляли шире. Кроме описаний, планировали издать рисунки памятников. Рассматривались, кроме археологических, архитектурные и художественные памятники (в том числе картины, бытовые предметы, бронза, стекло и др.). Предполагалось выделить в атласе группу памятников, подлежащих особой охране, и определить необходимое финансирование для этих работ.

В итоге А. И. Маркевичем в столицу были отправлены две сотни карточек об археологических объектах. К сожалению, собранные Обществом паспорта памятников, присланные с мест и систематизированные в отдельную картотеку, не сохранились. При ликвидации Общества картотека должна была быть передана в Академию художеств. Однако в архиве Академии эти документы не выявлены. Нет этих бумаг и в Научном архиве Института истории материальной культуры Российской академии наук (РАН). Вместе с тем в личном архивном фонде А. И. Маркевича отложились дубликаты 218 карточек — описания памятников в различных районах полуострова, систематизированные по топонимическим терминам [ИИМК РАН НА РО, ф. 32, оп. 1, д. 51, л. 1—12; д. 52, л. 1—8; д. 53, л. 1—17; д. 54, л. 1—12].

3.2. Вокруг раскопок Херсонеса

Одно из направлений работы Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины — защита и сохранение отдельных памятников по всей стране. Для этого члены-сотрудники привлекали внимание общественности к фактам разрушения археологических объектов или архитектурных сооружений. Формой борьбы за памятники стала и отправка запросов в учреждения, в управлении которых находились объекты культурного наследия. Т. К. Алябьева привела «Список обратившихся в Общество защиты и сохранения памятников искусства и старины в Рос-

CC BY

сии с просьбой о сохранении памятников искусства и старины». Там не упомянут крымский фрагмент такой работы. Этот инцидент с памятниками Херсонеса позволяет проиллюстрировать данное направление деятельности подвижников охраны памятников. В архиве Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины нами выявлены документы, раскрывающие неизвестные ранее аспекты памятникоохранительной работы Общества в Херсонесе в бытность Р. Х. Лёпера руководителем Склада местных древностей и заведующим раскопками.

Ситуация в плане организации правильных с археологической точки зрения работ в Херсонесе в это время была сложной. В провинции не было специалиста, который способен был заниматься этим квалифицированно. С 1 апреля 1908 года заведующим музеем и раскопками в Херсонесе назначен Роберт Хрисанфович Лёпер, который находился на этом посту до 1 октября 1914 года [РГБИ ОАМ, ф. 6, оп. 1., д. 297, л. 86]. Этот деятель активно сотрудничал с Обществом защиты и сохранения в России памятников искусства и старины.

Выявленные документы касаются переписки Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины с Р. Х. Лёпером через посредника — императорскую Археологическую комиссию. В Общество с официальным письмом в начале 1913 года обратился член Инженерного совета Министерства путей сообщения и Технического совета Министерства торговли и промышленности, профессор Александр Андреевич Брандт. Он сообщил, что 13 января 1913 года, находясь в Севастополе, осматривал Херсонесский музей и раскопки. Сторож музея, выступавший в роли экскурсовода, отвел посетителей к ограде Херсонесского монастыря, где производились раскопки. Инженера возмутило увиденное: «Несколько человек рабочих под руководством техника кирками вырубали большие гончарные глазированные плиты из пола цистерны, находившейся, по-видимому, при древней бане. На мой вопрос, чем вызывается такое обращение с плитами, техник ответил, что, по соглашению с монастырским начальством, вся раскопанная в монастырской ограде местность после составления её описания будет вновь засыпана и здесь будет разбит фруктовый сад. Ввиду этого плиты должны быть извлечены из пола цистерны» [ИИМК РАН НА РО, ф. 68, оп. 1, д. 40, л. 1—1 об.]. Автор письма считал, что «засыпка раскопанной части Херсонеса была бы варварством почти равноценным засыпке Помпеи» [ИИМК РАН НА РО, ф. 68, оп. 1, д. 40, л. 1 об.], и просил Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины организовать защиту раскапываемой части древнего Херсонеса от засыпки землей. Общество незамедлительно сделало запрос об изложенном А. А. Брандтом факте в Археологическую комиссию,

CC BY

которая курировала Музей и раскопки в Херсонесе. Ответ оттуда последовал 16 марта 1913 года. В нем сообщалось, что запросили разъяснения у Р. Х. Лёпера [ИИМК РАН НА РО, ф. 68, оп. 1, д. 40, л. 3].

Только через год, 20 мая 1914 года, Археологическая комиссия «имела честь уведомить» Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины: «Она телеграфировала члену своему заведующему раскопками в Херсонесе, прося ускорить отзывом на заявление профессора Брандта. Ныне Р. Х. Лёпер отвечает телеграммой нижеследующего содержания: "Засыпанные остатки не представляли археологического интереса"» [ИИМК РАН НА РО, ф. 68, оп. 1, д. 40, л. 6].

27 сентября 1914 года императорская Археологическая Комиссия в отношении № 2039 переслала Обществу защиты и сохранения в России памятников искусства и старины «копию с отзыва заведующего раскопками и складом древностей в Херсонесе статского советника Лёпера от 25 мая 1914 года за № 467 по содержанию заявления профессора А. А. Брандта» [ИИМК РАН НА РО, ф. 68, оп. 1, д. 40, л. 7]. Это письмо (фактически обстоятельный отчет о раскопе памятника) Р. Х. Лёпера является отдельной работой и может трактоваться как рукопись статьи, где автор рассуждал о ходе археологических исследований в Херсонесе. Основными тезисами, которые обосновывает заведующий, являются следующие: «Сравнивать с засыпкой Помпеи засыпку по большей части сильно разрушенных жалких и однообразных построек Херсонеса, главным образом византийского периода, можно, конечно, только с большой долей преувеличения» [ИИМК РАН НА РО, ф. 68, оп. 1, д. 40, л. 8]. Роберт Хрисанфович Лёпер отметил, что без разрушения построек, частями или даже иногда целиком, невозможно полное и детальное расследование раскапываемых кварталов. «В Херсонесе сравнительно хорошо сохранились остатки только верхнего поздневизантийского слоя. Под стенами и полами этих построек часто имеются более или менее значительные остатки или только следы более ранних эпох: удавалось установить до пяти полов один под другим» [ИИМК РАН НА РО, ф. 68, оп. 1, д. 40, л. 11]. Лёпер доказательно объяснил необходимость для науки исследования и более нижних слоев.

Заметим, что такого рода обращения, пусть и не моментально, заставляли чиновников на местах более вдумчиво относиться к археологическим объектам.

3.3. Популяризация крымских археологических памятников

Работы по изучению памятников, их фиксации и составлению картотеки были тесно связаны с подготовкой членами-сотрудниками докладов и сообщений. Эта составляющая являлась одной из важных форм работы Общества по изучению и популяризации объектов культурного наследия.

CC BY

Собрания членов проводились с разной частотой. От одного раза в квартал до двух раз в месяц. Основной проблематикой сообщений были вопросы истории искусства, охраны отдельных археологических объектов и зданий. Темы докладов заранее анонсировались. Кроме членов Общества, на эти собрания приходили многочисленные заинтересованные желающие — как специалисты, так и любители. Как правило, обсуждались архитектурные памятники Центральной России. Нами выявлены и доклады, зачитанные на заседаниях Общества, которые касались Крыма. В этой связи выделим неизвестную ранее деятельность в Обществе художника К. Ф. Богаевского, археолога Н. И. Репникова и историка М. И. Ростовцева.

Активную работу по пропаганде сведений о крымских исторических памятниках развил известный художник, мастер исторического пейзажа Константин Федорович Богаевский (1872—1943). Он родился и проживал в Феодосии, окончил Феодосийскую гимназию и Академию художеств. После этого молодой художник сотрудничал в мастерской А. И. Куинджи, что способствовало развитию у Богаевского интереса к историческим пейзажным зарисовкам. После практики в европейских музеях, которую финансировал А. И. Куинджи, с 1898 года К. Ф. Богаевский вернулся в Феодосию [Ломакина, 2020, с. 11—14]. В Крыму художник много путешествовал, выполнял этюды с натуры, карандашные зарисовки средневековой архитектуры. Любимой его темой становится древняя Киммерия. Константин Федорович вступил в Общество защиты и сохранения памятников искусства и старины в России в 1910 году [Отчет…, 1912, с. 24]. Его работы по фиксации исторических объектов, проведенные по заданию этой организации, были связаны с творчеством по созданию изображений памятников Восточного Крыма и не требовали дополнительного времени. Он отсылал с Санкт-Петербург информацию о памятниках Восточного Крыма вплоть до начала Первой мировой войны [Памятники…, 2006, с. 48].

Представляя интересы Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, К. Ф. Богаевский выступал в Феодосии с благотворительными лекциями в Феодосийском учительском институте, местной мужской гимназии, реальном училище, женской профессиональной школе, мореходной школе. Главной целью таких выступлений было привлечение внимания молодежи к проблеме охраны старины. Тематику выступлений Константина Фёдоровича удалось восстановить по воспоминаниям современников и архивным документам. Это лекции: «Крымский реалистический пейзаж», «Памятники Старого Крыма на полотнах», «Генуэзская фактория — средневековая Феодосия» [Памятники …, 2006, с. 71—74; Погребецкая, 1997, с. 234—235, 238—254; Саркизов-Серазини, 2010, с. 101—102]. В 1914 году художник и краевед прочел цикл лекций «Следы Киммерии»

CC BY

слушательницам Феодосийского учительского института. К. Ф. Богаевский дважды устраивал тематические выставки своих работ. Посетители знакомились с развалинами древних памятников Киммерии, которые находились за пределами города [Барсамов, 1936, с. 111—112; Барсамов, 1937; Верховецкая, 2006, с. 54]. Благодаря небольшим выставкам картин К. Ф. Богаевского в учебных заведениях велась пропаганда культурного наследия Восточного Крыма. В Обществе справедливо полагали, что задача таких выставок не только популяризировать, но и регистрировать произведения искусства, выявлять памятники, требующие реставрации.

До сих пор неизвестной оставалась деятельность в Обществе археолога Н. И. Репникова (1882—1940). Систематические разведки и раскопки Николая Ивановича с 1903 года охватили широкий круг памятников Крымского нагорья [Непомнящий, 2018, с. 147—150, 152—191]. Николай Иванович вступил в Общество защиты и сохранения памятников искусства и старины в России в 1911 году. В русле работы по программе составления общего каталога памятников Российской империи Н. И. Репников до 1914 года готовил информацию об археологических объектах Юго-Западного Крыма [Отчет …, 1912, с. 24]. По информации опубликованных отчетов о деятельности Общества, выступал он и с докладами о крымских памятниках.

Археолог-крымовед и историк античности Михаил Иванович Ростовцев (1870—1952) являлся сотрудником Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. Историк сотрудничал в Археологической комиссии и своим участие в работе Общества поддерживал движение по организации охраны исторических объектов. В 1913 году на общем собрании был заслушан его доклад «О новых серебряных сосудах, найденных на Юге России», включавший и материалы по исследованию Херсонеса [Отчет …, 1914, с. 50]. Уже тогда основным объектом поисков была древняя Керкинитида, которую искали в разных местах Западного Крыма. В 1916 году по заданию и на средства Археологической комиссии М. И. Ростовцев провел разведки в Евпатории, обнаружил античный город. На основе анализа находок из этих раскопок он показал их ценность и необходимость основания местного музея для сохранения культурного наследия. Наравне с записками в Археологическую комиссию М. И. Ростовцев обсуждал этот вопрос на собрании Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. Памятникоохранители единодушно решили ходатайствовать об учреждении музея в Евпатории [Непомнящий, 2000, с. 285—287]. На основании обращений Археологической комиссии и Общества Евпаторийская городская управа направила в городскую думу обстоятельное ходатайство о необходимости сохранения археологических ценностей, финансирования дальнейших раскопок [ГАРК, ф. 681, оп. 2, д. 609, л. 132]. Таким образом, Евпаторийский

CC BY

музей обязан своим открытием и стараниям Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины.

3.4. Организация и деятельность Крымского отделения Общества

Для эффективной организации непосредственных работ по охране памятников сразу стали создавать сеть отделений Общества на местах. Т. К. Алябьева считает, что это были фактически самостоятельные организации, которые имели собственную структуру, финансирование, свои архивы и библиотеки [Алябьева, 2001, с. 19]. С этим сложно согласиться, так как открытые филиалы работали по программе, утвержденной в центре. Они открывались на основе личных контактов провинциальных деятелей со столичными мэтрами в области искусства и изучения материальных памятников. А провинциальные подвижники истории ездили в Петроград со своими сообщениями и ходатайствами о необходимости спасения того или иного архитектурного или археологического объекта.

Изначально планировалось, что все работы по фиксации и реставрации крымских памятников на себя возьмет Одесский филиал Общества, открытый в 1912 году. Но огромные просторы Новороссии не позволили сотрудникам Общества организовать полноценную работу, которая пересекалась с активным интересом к крымским археологическим объектам крупнейшей и авторитетнейшей на юге страны общественной организации — Одесского общества истории и древностей [Непомнящий, 2016]. Члены этого научного союза не считали нужным поддерживать сотрудничество с Обществом защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. Появившийся в отделе филиал состоял из молодого поколения местных деятелей. Он не смог наладить систематические работы в Крыму [Алябьева, 2001, с. 115].

Отделение Общества было открыто в Бахчисарае. Это событие непосредственно связано с выдающейся семьей российских архитекторов и искусствоведов Фоминых. Прежде всего, упомянем Александра Александровича Фомина (1868—1929) — сотрудника Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. Оставленный после окончания историко-филологического факультета Московского университета для приготовления к профессорскому званию, он преподавал в Строгановском центральном художественно-промышленном училище и заведовал там библиотекой. Интересно, что в этом учебном заведении А. А. Фомин познакомился и начал сотрудничать с обучавшимся в училище У. А. Боданинским (1877—1938). Именно А. А. Фомин ввел будущего известного крымоведа в круг своей большой семьи. Судьба увела Александра Александровича из Москвы, он получил пост директора частного женского коммерческого училища А. И. Верецкой в Варшаве (1903—1905), откуда переехал в Симферополь,

CC BY

где работал директором Симферопольского семиклассного коммерческого училища. В это время он пригласил У. А. Боданинского в Симферополь на должность учителя рисования. Именно в это время начинается общение А. А. Фомина с председателем Таврической ученой архивной комиссии, организатором краеведения А. И. Маркевичем. Крымский период жизни деятеля был непродолжительным. С 1906 года он уже окружной инспектор Рижского учебного округа, а с 1908 года — директор Сестрорецкого коммерческого училища. В 1916 году А. А. Фомин служил в Петрограде, где сотрудничал в университете и исполнял обязанности санитарного инспектора Общества Красного Креста [СПбФ АРАН, ф. 155, оп. 2, д. 721, л. 30—31].

Общение У. А. Боданинского с семейством Фоминых продолжалось и после отъезда А. А. Фомина из Симферополя, в частности — с его братом, академиком архитектуры (с 1915 года) Иваном Александровичем Фоминым (1872—1936), также активным членом Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. По заданию Общества И. А. Фомин занимался в Москве и Петрограде реставрацией ряда зданий. Для этих работ он привлек У. А. Боданинского в качестве художника-декоратора [Минкус, 1953, с. 162—171]. Оба брата Фомины вместе с супругой Александра Александровича Софьей Васильевной Львовой-Фоминой (1886—1962), сотрудницей Дашковского музея (этнографического отделения Румянцевского музея) [РГБИ ОАМ, ф. 6, оп. 1, д. 297, л. 85—86], работали в Крыму в 1916 году по программе, разработанной Обществом защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. Совместно с У. А. Боданинским они занимались исследованием объектов культурного наследия крымских татар в Бахчисарае и окрестностях [Непомнящий и др., 2019, с. 124]. Объемные коллекции снимков, сделанные во время этих работ, сохранились. Они отложились в фондах Российской государственной библиотеки искусств [Мордкович, 2020, с. 261]. Снимки и описания археологических объектов готовились по заданию Общества. Кроме памятников, на фото, сделанных в интерьерах улиц Бахчисарая, запечатлены крымские татары в традиционных костюмах [РГБИ ОАМ, ф. 9, оп. 1, д. 20, л. 41].

По настоянию А. А. и И. А. Фоминых, периодически приезжавших и гостивших в семье Боданинских (У. А. Боданинский женился на сестре Фоминых), Усеин Абдурефиевич обратился в Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины с ходатайством об открытии в Бахчисарае отдела. Совет Общества, учитывая поддержку этого ходатайства братьями Фомиными, дал на это согласие 31 марта 1916 года [ГАРК, ф. Р-2235, оп. 1, д. 26, л. 4, 16, 17]. Далее У. А. Боданинский направил таврическому губернатору Н. А. Княжевичу ходатайство о регистрации, где были обозначены основные направления деятельности Бахчисарайско-

CC BY

го отдела Общества: регистрация и изучение всех возможных памятников архитектуры, скульптуры и художественной промышленности; устройство в Бахчисарае художественно-исторического музея; поиск средств для охраны и восстановления памятников [ГАРК, ф. Р2235, оп. 1, д. 26, л. 17]. Таким образом, в Крыму возник отдел Общества, который, однако, занимался только вопросами каталогизации крымскотатарских памятников в Бахчисарае и окрестностях.

26 сентября 1917 года на заседании Временного крымско-мусульманского исполнительного комитета У. А. Боданинский выступил с докладом «О мерах по защите и сохранению памятников татарского искусства в Крыму». Там была представлена развернутая программа Бахчисарайского отдела Общества по охране именно крымскотатарского культурного наследия [Боданинский, 1917а]. Главным пунктом декларировалась организация музея в стенах Ханского дворца, что делало исторические помещения неприкосновенными. В условиях безвластия и повсеместного хаоса, нараставшего бандитизма провозглашение комплекса зданий дворца музеем было самым действенным способом сохранить уникальный архитектурный объект. Между тем на строение тогда претендовали различные военные и частные структуры. Постановлением от 26 сентября 1917 года Временный крымско-мусульманский исполнительный комитет по ходатайству Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины учредил Музей крымскотатарской старины. Позже его стали именовать Национальный татарский музей в Ханском дворце. Официальной датой открытия стало 3 ноября 1917 года [Боданинский, 1917б]. У. А. Боданинский и О. А. Акчокраклы передали постановление Временного комитета с приложенным ходатайством Общества комиссару по делам бывшего Министерства императорского двора Ф. А. Головину, таврическому губернскому комиссару Н. Н. Богданову, в Петроградскую археологическую комиссию, в Бахчисарайское городское общественное управление [ГАРК, ф. 64, оп. 2, д. 6, л. 143—145]. Тем самым факт учреждения нового музея доводился до сведений официальных должностных лиц. Таврический губернский комиссар согласовал с Временным правительством в Петрограде назначение заведующим музея У. А. Боданинского (приказ № 57 от 4 октября 1917 года). При этом ходатайство Н. Н. Богданова подкреплялось рекомендацией Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины [ГАРК, ф. Р2235, оп. 1, д. 26, л. 4].

Говоря о составе Бахчисарайского отдела Общества, выделим деятельность там О. А. Акчокраклы, находившегося в это время в Крыму [Непомнящий, 2021, с. 159], сотрудников местной художественно-промышленной школы А. А. Абиева, З. З. Гафаровой, Т. А. Манцурской, К. И. Менстера,

CC BY

И. Д. Рушкина. Из членов Бахчисарайского отдела Общества был сформирован комитет для организации управления Национальным татарским музеем в Ханском дворце. Одним из первых его решений стало постановление о необходимости ремонта ряда помещений [ГАРК, ф. 64, оп. 2, д. 8, л. 94].

4. Заключение = Conclusions

Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, развернувшее активную деятельность в 1909—1917 годах, сумело организовать многогранную деятельность в Крыму. Наладив творческое сотрудничество с местными краеведами, в первую очередь с А. И. Маркевичем, подвижники памятникоохранного дела смогли начать составление обширной картотеки памятников археологии. Интересный опыт создания общероссийской базы данных об объектах культурного наследия, предпринятый членами Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины, до настоящего времени не утратил актуальности. Сохранившиеся частично материалы активно используются нынешним поколением археологов и историков. Изложенные факты позволяют впервые в историографии обрисовать деятельность Общества в отдельно взятом регионе. Кроме популяризации археологических памятников, их каталогизации, члены Общества активно поднимали вопрос о правильной организации раскопок, охране и реставрации памятников. Для Крыма эти задачи были особенно актуальны, так как здесь в первой половине XIX столетия остатки древних городищ Пантикапея, Феодосии и Херсонеса использовались для городской застройки, а площади раскопок не сохранялись. Крым стал одной из немногих провинций, где было организовано отделение (Бахчисарайское), а Общество инициировало открытие музеев исторического профиля в Бахчисарае и Евпатории, которые приобрели со временем мировую известность. Подвижническая деятельность членов этого общественного научного союза — пример взаимодействия столичных и провинциальных деятелей, объединенных идеей изучения исторического крымоведения.

Источники и принятые сокращения

1. *Боданинский У.* Бахчисарай 3-го ноября с. г. / У. Боданинский // Голос татар : газета. — 1917б. — 1 ноября.

2. Боданинский У. Доклад, прочитанный на заседании Врем. кр.-мус. исп. комитет. 26 сентября 1917 г. о мерах по защите и сохранению памятников татарского искусства в Крыму / У. Боданинский // Голос татар : газета. — 1917а. — № 10. — 30 сентября.

3. ГАРК — *Государственный* архив Республики Крым. Ф. 64 (Бахчисарайская городская управа). Оп. 2. Д. 6. Л. 143—145; Д. 8. Л. 94; Ф. 681 (Евпаторийская городская управа). Оп. 2. Д. 609. Л. 132; Ф. Р2235 (Таврическое губернское управление Управления внутренних дел при Главнокомандующем Вооруженными силами Юга России). Оп. 1. Д. 26. Л. 16.

CC BY

4. ИИМК РАН НА РО — *Институт* истории материальной культуры РАН Научный архив, рукописный отдел. Ф. 1 (Императорская Археологическая комиссия); Ф. 32 (Маркевич Арсений Иванович). Оп. 1. Д. 51. Л. 1—12; Д. 52. Л. 1—8; Д. 53. Л. 1—17; Д. 54. Л. 1—12; Д. 55. Л. 11—13; Ф. 68 (Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины). Оп. 1. Д. 40. Л. 1—1об., 3, 6—8, 10, 11.

5. *Отчет* о деятельности Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины со дня основания по 1 января 1912 года. — Санкт-Петербург, 1912. — 37 с.

6. *Отчет* о деятельности Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины за 1912 год. — Санкт-Петербург, 1913. — 37 с.

7. *Отчет* о деятельности Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины за 1913 год. — Петроград, 1914. — 58 с.

8. РГБИ ОАМ — *Российская* государственная библиотека искусств. Отдел архивных материалов. Ф. 6 (Личные дела сотрудников). Оп. 1. Д. 297. Л. 85—86; Ф. 9 (Коллекция фотодокументов). Оп. 1. Д. 20. Л. 41.

9. РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 789 (Академия художеств). Оп. 13. Д. 77. Л. 4—12.

10. СПбФ АРАН — *Санкт-Петербургский* филиал Архива РАН. Ф. 155 (Комиссия «Наука и ее работники в пределах СССР»). Оп. 2. Д. 721. Л. 30—31.

11. *Устав* Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. — Санкт-Петербург, 1912. — 20 с.

Литература

1. *Алябьева Т. К.* Деятельность Общества защиты и сохранения памятников искусства и старины в России (1909—1917) / Т. К. Алябьева. — Москва : Московский педагогический университет, 2001. — 147 с.

2. *Барсамов Н.* К. Ф. Богаевский / Н. Басамов // Литература и искусство Крыма. — 1936. — № 1. — С. 109—115.

3. *Барсамов Н. С.* Константин Федорович Богаевский / Н. Барсамов // Пролетарий : газета. — 1937. — № 93. — 17 апреля. — С. 2.

4. *Верховецкая М. Н.* Крымская природа в живописи и графике в собрании Одесского художественного музея / М. Н. Верховецкая // Материалы искусствоведческой конференции, посвященной 125-летию со дня рождения А. В. Куприна (Бахчисарай, 6—8 сентября 2005 года). — Симферополь : Антиква, 2006. — С. 51—56.

5. *Злочевский Г. Д.* Наследие Серебряного века: избранные страницы / Г. Д. Злочевский. — Москва : Российский НИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, 2006. — 368 с. — ISBN 5-86443-134-6.

6. *Ломакина М. А.* Крымские древности в акварелях К. Ф. Богаевского / М. А. Ломакина. — Симферополь : Н. Орианда, 2020. — 448 с. — ISBN 978-5-6043899-9-7.

7. *Медведева М. В.* Из истории Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины / М. В. Медведева // Археологические вести. — 2017. — № 14. — С. 259—267.

8. *Минкус М.* И. А. Фомин / М. Минкус, Н. Пекарева. — Москва : Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре, 1953. — 312 с.

9. *Мордкович Т. А.* Фотографии из собрания РГБИ — редкие свидетельства деятельности Усеина Боданинского накануне открытия Бахчисарайского музея / Т. А. Мордкович // Уваровский Таврический сборник «Древности Юга России». — Москва : Государственная публичная историческая библиотека, 2020. — С. 255—266.

CC BY

10. *Непомнящий А. А.* «Рапорт об Эски-Кермене» Н. И. Репникова академику С. Ф. Платонову: неизвестная рукопись / А. А. Непомнящий // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки. — 2017. — Том 3 (69), № 4. — С. 78—83.

11. *Непомнящий А. А.* Академик С. Ф. Платонов и крымоведение / А. А. Непомнящий. — Белгород : Константа, 2018. — 216 с. — ISBN 978-5-906952-78-3.

12. *Непомнящий А. А.* Арсений Маркевич: страницы истории крымского краеведения / А. А. Непомнящий. — Симферополь : Бизнес-Информ, 2005. — 432 с. — ISBN 966-648-104-9.

13. *Непомнящий А. А.* Документальное наследие Центральных государственных реставрационных мастерских — источник по истории изучения Крыма в 1920-е гг. / А. А. Непомнящий, Д. А. Ломакин // Вестник архивиста. — 2019. — № 1. — С. 114—125. — DOI 10.28995/2073-0101-2019-1-114-125.

14. *Непомнящий А. А.* Крымоведение в Одессе (середина XIX — начало XX вв.): биоисториографические этюды [Электронный ресурс] / А. А. Непомнящий // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. — 2016. — Том 12, Выпуск 1: Крымоведение: пространство и время Крыма. — Режим доступа: 2227-9490e-aprovr_east12-1.2016.51 (дата обращения: 21.02.2022).

15. *Непомнящий А. А.* Музейное дело в Крыму и его старатели (XIX — начало XX века) / А. А. Непомнящий. — Симферополь : Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, 2000. — 360 с. — ISBN 266-02-1456-1.

16. *Непомнящий А. А.* Осман Акчокраклы: неизвестные страницы биографии / А. А. Непомнящий // Крымское историческое обозрение. — 2021. — № 1. — С. 154—187. — DOI: 10.22378/kio.2021.1.154-187.

17. *Непомнящий А. А.* Разработка «Археологической карты Крыма»: по данным переписки Ю. А. Кулаковского с А. И. Маркевичем / А. А. Непомнящий // История и археология Крыма. — Симферополь, 2015. — Выпуск 2. — С. 480—487.

18. *Очерк* истории деятельности Императорской Археологической комиссии в 1859—1917 гг. / М. В. Медведева, Л. М. Всевиов, А. Е. Мусин, И. Л. Тихонов // Императорская Археологическая комиссия (1859—1917): к 150-летию со дня основания: у истоков отечественной археологии и охраны культурного наследия. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2009. — С. 21—247.

19. *Памятники* крымской старины в графике К. Ф. Богаевского: из коллекций Национальной картинной галереи им. И. К. Айвазовского и Феодосийского краеведческого музея. — Феодосия, 2006. — 96 с.

20. *Погребецкая И.* Константин Богаевский. Сергей Шервинский: «Приезжайте к нам, к Понту Эвксинскому…»: переписка 1925—1939 годов / И. Погребецкая // Крымский альбом: историко-краеведческий литературно-художественный альманах, 1997. — Феодосия; Москва : Коктебель, 1997. — С. 234—254.

21. *Саркизов-Серазини И. М.* Воспоминания о Феодосии / И. М. Саркизов-Серазини. — [Феодосия : Арт Лайф, 2010]. — 112 с.

Material resources

Bodaninsky, U. (1917a). Report read at the meeting of the Time. kr.-mus. Spanish the committee. September 26, 1917 on measures to protect and preserve monuments of Tatar art in the Crimea. *Voice of the Tatars: newspaper, 10:* September 30. (In Russ.).

Bodaninsky, U. (1917b). Bakhchisaray November 3. *Voice of the Tatars: newspaper, 1 Nov*. (In Russ.).

CC BY

Charter of the Society for the Protection and Preservation of Monuments of Art and Antiquity in Russia. (1912). St. Petersburg. 20 p. (In Russ.).

GARK — *State Archive of the Republic of Crimea. F. 64 (Bakhchisarai city government); F. 681 (Evpatoria City Council); F. R2235 (Tavricheskaya provincial department of the Department of Internal Affairs under the Commander-in-Chief of the Armed Forces of the South of Russia)*. (In Russ.).

IIMK RAS NA RO — *Institute of the History of Material Culture RAS Scientific archive, manuscript department. F. 1 (Imperial Archaeological Commission); F. 32 (Markevich Arseniy Ivanovich); F. 68 (Society for the Protection and Preservation of Monuments of Art and Antiquity in Russia)*. (In Russ.).

Report on the activities of the Society for the Protection and Preservation of Monuments of Art and Antiquity in Russia from the day of its foundation to January 1, 1912. (1912). St. Petersburg. 37 p. (In Russ.).

Report on the activities of the Society for the Protection and Preservation of Monuments of Art and Antiquity in Russia for 1912. (1913). St. Petersburg. 37 p. (In Russ.).

Report on the activities of the Society for the Protection and Preservation of Monuments of Art and Antiquity in Russia for 1913. (1914). Petrograd. 58 p. (In Russ.).

RGIA — *Russian State Historical Archive. F. 789 (Academy of Arts)*. (In Russ.).

RSBI OAM — *Russian State Library of Arts. Department of archival materials. F. 6 (Personal files of employees); F. 9 (Collection of photographic documents)*. (In Russ.).

SPbF ARAN — *St. Petersburg branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences. F. 155 (Commission "Science and its workers within the USSR")*. (In Russ.).

References

Alyabyeva, T. K. (2001). *Activities of the Society for the Protection and Preservation of Monuments of Art and Antiquity in Russia (1909—1917)*. Moscow: Moscow Pedagogical University. 147 p. (In Russ.).

Barsamov, N. (1936). K. F. Bogaevsky. *Literature and art of the Crimea, 1:* 109—115. (In Russ.).

Barsamov, N. S. (1937). Konstantin Fedorovich Bogaevsky. *Proletary: newspaper, 93. April 17:* 2. (In Russ.).

Lomakina, M. A. (2020). *Crimean antiquities in watercolors by K. F. Bogaevsky*. Simferopol: N. Orianda. 448 p. ISBN 978-5-6043899-9-7. (In Russ.).

Medvedeva, M. V. (2017). From the history of the Society for the Protection and Preservation of Monuments of Art and Antiquity in Russia. *Archaeological news, 14:* 259—267. (In Russ.).

Medvedeva, M. V., Vseviov, L. M, Musin, A. E., Tikhonov, I. L. (2009). Essay on the history of the activities of the Imperial Archaeological Commission in 1859—1917. In: *Imperial Archaeological Commission (1859—1917): on the 150th anniversary of its founding: at the origins of domestic archeology and the protection of cultural heritage*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin. 21—247. (In Russ.).

Minkus, M. I., Pekareva, N. (1953). *A. Fomin*. Moscow: State publishing house of literature on construction and architecture. 312 p. (In Russ.).

Monuments of the Crimean antiquity in the graphics of K. F. Bogaevsky: from the collections of the National Art Gallery. I. K. Aivazovsky and the Feodosia Museum of Local Lore. (2006). Feodosia. 96 p. (In Russ.).

Mordkovich, T. A. (2020). Photographs from the collection of the RSBI are rare evidence of the activities of Usein Bodaninsky on the eve of the opening of the Bakhchisaray

CC BY

Museum. In. *Uvarovsky Tauride Collection "Antiquities of the South of Russia*". Moscow: State Public Historical Library. 255—266. (In Russ.).

Nepomnyashchiy, A. A. (2000). *Museum business in the Crimea and its miners (XIX — early XX century)*. Simferopol: Taurida National University. V. I. Vernadsky. 360 p. ISBN 266-02-1456-1. (In Russ.).

Nepomnyashchiy, A. A. (2015). Development of the "Archaeological Map of Crimea": according to the correspondence between Yu. A. Kulakovsky and A. I. Markevich. In: *History and archeology of Crimea, 2.* Simferopol. 480—487. (In Russ.).

Nepomnyashchiy, A. A. (2016). Crimean studies in Odessa (mid-19 — early XX centuries): biohistoriographic studies. *Electronic scientific publication Almanac Space and Time, 12/1: Crimean studies: space and time of Crimea.* Available at: 2227-9490e-aprovr_e-ast12-1.2016.51 (accessed: 21.02.2022). (In Russ.).

Nepomnyashchiy, A. A. (2017). "Report on Eski-Kermen" by N.I. Repnikov to Academician S. F. Platonov: unknown manuscript. *Uchenyye zapiski Crimean Federal University. V. I. Vernadsky. Historical sciences, 3 (69)/4:* 78—83. (In Russ.).

Nepomnyashchiy, A. A., Lomakin, D. A (2019). Documentary heritage of the Central State Restoration Workshops — a source on the history of the study of the Crimea in the 1920s. *Bulletin of the archivist, 1:* 114—125. DOI 10.28995/2073-0101-2019-1-114-125. (In Russ.).

Nepomnyashchy, A. A. (2005). *Arseniy Markevich: pages of the history of Crimean local lore.* Simferopol: Business-Inform. 432 p. ISBN 966-648-104-9. (In Russ.).

Nepomnyashchy, A. A. (2018). *Academician S. F. Platonov and Crimean studies*. Belgorod: Constant. 216 p. ISBN 978-5-906952-78-3. (In Russ.).

Nepomnyashchy, A. A. (2021). Osman Akchokrakly: unknown pages of biography. *Crimean Historical Review, 1:* 154—187. DOI: 10.22378/kio.2021.1.154-187. (In Russ.).

Pogrebetskaya, I. (1997). Konstantin Bogaevsky. Sergey Shervinsky: "Come to us, to Pontus Euxinus...": correspondence of 1925—1939. In: *Crimean Album: historical and local history literary and artistic almanac*. Feodosia; Moscow: Koktebel. 234—254. (In Russ.).

Sarkizov-Serazini, I. M. (2010). *Memories of Feodosia*. Feodosia: Art Life. 112 p. (In Russ.).

Verkhovetskaya, M. N. (2006). Crimean nature in painting and graphics in the collection of the Odessa Art Museum. In: *Materials of the art history conference dedicated to the 125th anniversary of the birth of A. V. Kuprin (Bakhchisaray, September 6—8, 2005)*. Simferopol: Antiqua. 51—56. (In Russ.).

Zlochevsky, G. D. (2006). *Heritage of the Silver Age: selected pages*. Moscow: Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage. D. S. Likhacheva. 368 p. ISBN 5-86443-134-6. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 22.01.2022,
одобрена после рецензирования 10.04.2022,
подготовлена к публикации 25.04.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Пьянков С. А. Ульяновский автомобильный завод в годы Великой Отечественной войны : проблема кадров и ее решение / С. А. Пьянков // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 4. — С. 489—509. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-489-509.

Pyankov, S. A. (2022). Ulyanovsk Automobile Plant during Great Patriotic War: Problem of Personnel and Its Solution. *Nauchnyi dialog, 11(4):* 489-509. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-489-509. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU EBSCOhost

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-489-509

Ульяновский автомобильный завод в годы Великой Отечественной войны: проблема кадров и ее решение

Пьянков Степан Александрович
orcid.org/0000-0002-5876-9272
WoS ResearcherID F-3990-2017
кандидат исторических наук,
Центр экономической истории
kliostefan@mail.ru

Институт истории и археологии
Уральского отделения
Российской академии наук
(Екатеринбург, Россия)

Ulyanovsk Automobile Plant during Great Patriotic War: Problem of Personnel and Its Solution

Stepan A. Pyankov
orcid.org/0000-0002-5876-9272
WoS ResearcherID F-3990-2017
PhD in History,
Center for Economic History
kliostefan@mail.ru

Institute of History and Archeology
of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Yekaterinburg, Russia)

© Пьянков С. А., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуется процесс формирования трудового коллектива Ульяновского автомобильного завода в годы Великой Отечественной войны. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения механизмов функционирования автомобильной промышленности в экстремальных условиях Великой Отечественной войны. Проанализированы документы по истории эвакуации предприятия, материалы первичной партийной организации автозавода, делопроизводственная документация партийно-государственных органов власти, заводских и ведомственных отчетов, воспоминания очевидцев событий. Рассмотрен процесс создания Ульяновского автомобильного завода на основе эвакуированного оборудования и трудовых ресурсов Московского автомобильного завода имени И. В. Сталина (ЗИС). Анализируются изменения численности и состава работников предприятия на протяжении 1941—1945 годов. Особое внимание уделено зависимости изменения численности работников завода от объемов выпуска промышленной продукции. Сделан вывод о том, что благодаря эвакуации опытных инженеров, руководителей производства и высококвалифицированных рабочих удалось сохранить и воссоздать высокотехнологичное производство в тыловых районах страны. Отмечено, что созданные в ходе эвакуации предприятия заложили основу для развития автомобильного производства в Поволжье и на Урале.

Ключевые слова:
история автомобильной промышленности; Великая Отечественная война; Ульяновский автомобильный завод имени И. В. Сталина; УльЗИС; Ульяновск.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The process of the labor collective formation of the Ulyanovsk Automobile Plant during the Great Patriotic War is studied. The relevance of the study is due to the need for a detailed study of the mechanisms of the automotive industry functioning in the extreme conditions of the Great Patriotic War. Documents on the history of the enterprise evacuation, materials of the primary party organization of the automobile plant, office work documentation of the party and state authorities, factory and departmental reports, and eyewitness accounts of the events were used as sources. The process of creating the Ulyanovsk Automobile Plant, constructed on the basis of the evacuated equipment and labor resources of the Moscow Automobile Plant named after I.V. Stalin (ZIS), is considered. Changes in the number and composition of the enterprise's employees during 1941—1945 are analyzed. Particular attention is paid to the interdependence of the change in the number of employees of the plant on the volume of industrial output. It is concluded that thanks to the evacuation of experienced engineers, production managers and highly skilled workers, it was possible to maintain and recreate high-tech production in the rear areas of the country. It was noted that the enterprises created during the evacuation laid the foundation for the development of automotive production in the Volga region and the Urals.

Key words:
history of the automotive industry; The Great Patriotic War; Ulyanovsk Automobile Plant named after I.V. Stalin; UlZIS; Ulyanovsk.

CC BY
OPEN ACCESS
Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 94(470.42)“1941/1945”

Ульяновский автомобильный завод в годы Великой Отечественной войны: проблема кадров и ее решение

© Пьянков С. А., 2022

1. Введение = Introduction

Научное осмысление истории эвакуации промышленности в годы Великой Отечественной войны имеет длительную историографическую традицию. Однако, несмотря на указанный факт, ряд аспектов этой многогранной исследовательской проблемы изучены недостаточно, что не позволяет объективно оценить степень эффективности промышленной эвакуации и объяснить ее последствия в достижении Победы [Потемкина, 2020]. Не является исключением и история эвакуации предприятий автомобильной промышленности. Несмотря на значительное количество опубликованных работ, посвященных развитию предприятий автомобильной промышленности в военные годы, многие важные аспекты темы остаются неизученными [Устинов, 1975; Киселев, 1981; Шугуров, 1993, с. 161—174; Прокофьева, 2009; Завод …, 2016, с. 234—321]. Одной из таких малоизученных научных проблем является вопрос о кадровом составе предприятий автомобильной отрасли, созданных в результате эвакуации. Отметим, что документально подтвержденные количественные данные о кадровом составе автозаводов в годы войны, основанные на архивных источниках, имеются лишь по некоторым предприятиям страны [Гордин, 2012, с. 102—159; Пьянков, 2018].

Одним из отечественных автозаводов, созданных в военные годы, является Ульяновский автомобильный завод (УАЗ). Изучение истории Ульяновского автомобильного завода началось в канун 25-летнего юбилея предприятия. Обстоятельства создания УАЗа исследовались в контексте истории эвакуации флагмана советской автомобильной промышленности — Московского автомобильного завода имени И. В. Сталина (с 1956 года — Завод имени И. А. Лихачева) в годы Великой Отечественной войны [История Московского …, 1966, с. 335—346]. Отдельное внимание истории становления предприятия в годы войны было уделено на страницах очерка по истории УАЗ, подготовленного членами заводского литературного объединения. Книга, подготовленная работниками УАЗа в 1966 году, объединила под одной обложкой ряд статей по истории предприятия, ранее опубликованных на страницах заводской многотиражной газеты [Ульяновский автомобильный …, 1966, с. 3—45]. В отличие от монографии по истории

CC BY

ЗИЛа книга по истории УАЗа носила научно-популярный характер. Двумя десятилетиями позже, в 1988 году, в свет вышло новое издание, посвященное истории завода [История Ульяновского …, 1988, с. 8—26]. Как и предыдущая книга по истории УАЗа, она была подготовлена журналистами и работниками предприятия. Общим для этих изданий был и характер структурирования информации. Обе книги представляют собой очерки по истории предприятия и описывают отдельные сюжеты по истории завода, основанные на воспоминаниях очевидцев, а также архивных документах. В то же время комплексных данных, включающих информацию о структуре и динамике производства завода в годы войны, кадровом составе предприятия, жилищно-бытовых условиях рабочих, эти книги не содержат.

Даже краткое знакомство с историографией вопроса показывает, что, несмотря на наличие изданий по истории завода обобщающего характера, в современной научной литературе отсутствуют систематизированные сведения о кадровом составе Ульяновского автомобильного завода, являвшегося одним из ключевых предприятий автомобильной промышленности СССР. Изучение процесса формирования трудового коллектива предприятия, созданного в ходе эвакуации, дополнит существующие знания по истории завода, что, в свою очередь, позволит реконструировать механизмы функционирования автомобильной промышленности в экстремальных условиях Великой Отечественной войны.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследование выполнено на основе документов Государственного архива Ульяновской области (фонд Р-3123 «Ульяновский ордена Трудового Красного Знамени автомобильный завод Министерства автомобильной промышленности СССР») и Российского государственного архива экономики (фонд 8573 «Главное управление автомобильной промышленности (Глававтопром) Минавтопрома СССР»). В фондах этих архивов хранятся годовые отчеты о работе Ульяновского автомобильного завода за 1941—1945 годы, а также ведомственные отчеты вышестоящей организации (Главное управление автозаводами имени И. В. Сталина Народного комиссариата среднего машиностроения). Кроме того, материалы по истории УАЗа имеются в фондах Центрального государственного архива г. Москвы (Ф. Р-415. «ОАО “Московский завод имени И. А. Лихачева” (АМО ЗИЛ)»), где хранятся материалы комиссии по истории Завода имени Лихачева. Сохраненная в фондах архивов отчетная документация Ульяновского автомобильного завода позволяет проанализировать численность и состав работников предприятий на протяжении всего периода Великой Отечественной войны.

CC BY

Для анализа процесса эвакуации были использованы документы Государственного архива Российской Федерации (фонд Р-6822 «Совет по эвакуации при Совете народных комиссаров СССР»), содержащие переписку о подготовке и реализации процесса эвакуации части оборудования, рабочих и инженеров Московского автомобильного завода имени И. В. Сталина. В статье использованы распорядительные документы высшего органа партийно-государственной власти, действовавшего в годы Великой Отечественной войны в СССР, — Государственного комитета обороны (ГКО) СССР, которые хранятся в Российском государственном архиве социально-политической истории (фонд 644 «Государственный комитет обороны СССР (ГКО)»). Распоряжение ГКО, использованное при написании статьи, содержит указания о сроках и задачах эвакуации автомобильного производства в тыловые регионы страны.

Ценными источниками информации по истории Ульяновского автомобильного завода являются сборники исторических документов, посвященные истории Ульяновской области (образована из ряда районов Куйбышевской и Пензенской областей 19 января 1943 года) в годы Великой Отечественной войны [Ульяновская область …, 1974]. Особо необходимо отметить документальные сборники, подготовленные сотрудниками Государственного архива новейшей истории Ульяновской области [Здесь ковалась …, 2015; Эвакуация …, 2020; Дингес, 2021]. Эти издания вводят в научный оборот рассекреченные документы по истории эвакуации предприятия, материалы первичной партийной организации автозавода, делопроизводственную документацию партийно-государственных органов управления г. Ульяновска и Ульяновской области. Совокупность выявленных исторических источников позволила описать ход эвакуации, изучить особенности формирования трудового коллектива завода, проанализировать изменения его численности и состава.

При работе с заводской и ведомственной отчетной документацией использовались статистические приемы систематизации данных. Для наглядного представления количественных показателей и их анализа использовались методы сводки и группировки.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Эвакуация Московского автомобильного завода имени И. В. Сталина в Ульяновск

Вопрос об эвакуации Московского автомобильного завода имени И. В. Сталина вплотную встал перед руководством страны еще в июле 1941 года. Обусловлено это было крайне тяжелым военным положением, в это время войска вермахта все дальше продвигались вглубь страны. Над

CC BY

Москвой, которая являлась не только главным политическим, административным центром страны, но и ключевым центром промышленности, все отчетливее нависала угроза. Нужно было срочно эвакуировать наиболее важные предприятия, необходимые для обороны страны. К числу таких предприятий, безусловно, относился и ЗИС, который являлся одним из главных производителей автомобильной техники в стране.

Народным комиссариатом среднего машиностроения (НКСМ), Госпланом СССР прорабатывались различные варианты размещения советского автогиганта в тыловых районах страны.

В результате сложных межведомственных согласований и активной работы со стороны руководства Московского автомобильного завода имени И. В. Сталина были найдены приемлемые варианты размещения автомобильного производства. Для части производственных мощностей ЗИС подыскали помещения для организации производства в г. Ульяновске Куйбышевской области.

Для определения возможностей по размещению оборудования и кадров автомобильного производства в г. Ульяновске в конце августа 1941 года И. А. Лихачевым были направлены представители от завода. В письме от 29 августа 1941 года Лихачев, ссылаясь на указание Н. М. Шверника, просил областное руководство Куйбышевской области оказать содействие представителям завода. В Ульяновск для оценки обстановки на месте командировали заместителя главного инженера ЗИС Е. А. Дундукова и инженера Выдревича [Эвакуация …, 2020, с. 66].

Со своей стороны первый секретарь Куйбышевского обкома М. Я. Канунников сообщал в Совет по эвакуации СНК СССР о возможности размещения ЗИС и предлагал варианты по обеспечению завода производственными площадями. В телеграмме Канунникова от 18 сентября 1941 года сообщалось: «Комиссия завода осмотрев в городе Ульяновске складские помещения базы Внешторга — 70 тысяч квадратных метров нашла их вполне подходящими под производственные площади завода “ЗИС”. Из указанных площадей Государственным комитетом обороны выделено заводу № 60 — 16 тысяч, заводу № 3 — 8 тысяч квадратных метров. Обком партии считает целесообразным складские помещения базы Внешторга целиком передать для размещения завода “ЗИС”. Завод № 60 разместить в городе Сызрани — торговые ряды в 10 тысяч квадратных метров, комбинат Плодовощ в 5 тысяч квадратных метров в Доме колхозника со складами 4 тысячи квадратных метров, итого 19 тысяч квадратных метров. Заводу № 3 передать торговые склады в Ульяновске — 13 тысяч квадратных метров. Просим вашего разрешения» [ГАРФ, ф. Р-6822, оп. 1, д. 213, л. 85].

CC BY

Склады Главного таможенного управления, о которых шла речь в переписке, находились в ведении Народного комиссариата внешней торговли. Против передачи складского помещения Наркомсредмашу возражал заместитель Наркомвнешторга А. Д. Крутиков [Там же, л. 73].

Несмотря на возражения со стороны А. Д. Крутикова, Госплан СССР поддержал предложения НКСМ о частичной эвакуации ЗИС в Ульяновск. В докладной записке А. Н. Лаврищева на имя заместителя председателя СНК СССР В. М. Молотова от 1 октября 1941 года отмечалось, что эвакуацию завода можно начать в октябре и закончить в ноябре 1941 года, использовав для перевозки оборудования речной транспорт. Монтаж оборудования предполагалось закончить в течение декабря 1941 года. Выпуск автомобилей планировали начать с первого квартала 1942 года, установив программу на 1 квартал 1942 года в 3 тыс. автомобилей ЗИС-5 [Там же, л. 72].

Итогом поисков места для эвакуации завода стало решение Государственного комитета обороны от 11 октября 1941 года № 761сс «О частичной эвакуации Московского автомобильного завода имени Сталина». Постановление предусматривало эвакуацию оборудования и металлоконструкций с Московского автозавода имени Сталина в г. Ульяновск на складские помещения Главного таможенного управления Наркомвнешторга для производства узлов шасси (задний мост, передняя ось, руль) автомобиля ЗИС-5. Для эвакуации промышленного оборудования, рабочих, инженерно-технических работников (ИТР) и членов их семей в г. Ульяновск постановление обязывало Народный комиссариат путей сообщения (НКПС) выделить 3500 железнодорожных вагонов. Кроме того, в течение октября 1941 года Наркомречфлот должен был выделить 10 барж для перевозки грузов из Москвы в Ульяновск. Обязанность по обеспечению прибывающих из Москвы рабочих, ИТР и членов их семей возлагалась на Куйбышевский обком ВКП(б) [РГАСПИ, ф. 644, оп. 1, д. 12, л. 75—76].

14 октября 1941 года первая партия автозаводцев во главе с Е. А. Дундуковым и главным бухгалтером завода Н. А. Розановым выехала автомобильным транспортом в Ульяновск [История Московского …, 1966, с. 298].

15 октября 1941 года Московский автозавод получил официальное указание экстренно эвакуироваться. В 19.00 того же дня завод прекратил работу. Началась интенсивная эвакуация оборудования и других ценностей. В ночь на 16 октября большая группа руководящих хозяйственных и партийных работников цехов и отделов завода в спешном порядке выехала из Москвы [Там же, с. 298—299].

Работникам Московского автозавода предстоял нелегкий путь к берегам Волги, а некоторые двигались дальше на Урал, где впоследствии были

CC BY

созданы Миасский автомоторный завод, Челябинский кузнечнопрессовый завод и Шадринский автоагрегатный завод.

Согласно воспоминаниям очевидцев событий тех лет, часть работников завода добиралась до Ульяновска автомобильным транспортом через г. Горький, некоторые отправились в тыл по железной дороге вместе со станками и заводским имуществом. В пути автозаводцы и члены их семей вынесли немало невзгод и трудностей. Те, кто добирался железнодорожными эшелонами, попадали под бомбежки вражеской авиации, мерзли в пути в неприспособленных вагонах, питались тем, что удалось раздобыть на железнодорожных станциях или взять с собой при спешных сборах из Москвы [Эвакуация …, 2020, с. 100—101; Смирнов, 1966, с. 246—260].

Не менее тяжелым был и путь тех рабочих, что двигались автомобильным транспортом. Дороги, по которым приходилось перемещаться, в период осенней распутицы представляли настоящее испытание. В своих воспоминаниях П. И. Смирнов, назначенный на завод в Ульяновске начальником производства, описывая состояние дорог осени 1941 года, сообщал: «Стояла холодная, ненастная осень. Выпавший в начале ноября снег растаял. Грунтовые дороги размокли, и грязь, взбитая сотнями автомашин, образовывала на дорогах жидкое месиво, в котором автомашины буквально утопали» [Смирнов, 1966, с. 250].

Многие их уехавших из Москвы были вынуждены часть пути (100 и более километров) пройти пешком, пользовались случайным транспортом. Важным промежуточным пунктом на пути в Ульяновск стал г. Горький. Горьковский автозавод оказался транзитным пунктом для эвакуационных автоколонн, групп и одиночек работников ЗИС. Горьковчане организовали помощь эвакуированным москвичам, снабжали их продовольствием, ремонтировали автотранспорт, подыскивали жилье, оказывали финансовую помощь [Пьянков, 2019, с. 228].

Первый эшелон с оборудованием прибыл в Ульяновск 30 ноября 1941 года. Вслед за ним с интервалами 2—3 дня непрерывно начали прибывать последующие эшелоны с рабочими, оборудованием и другими грузами [РГАЭ, ф. 8573, оп. 3, д. 18, л. 53].

3.2. Численность и состав работников Ульяновского автомобильного завода в 1941—1945 годах

В декабре 1941 года прибывшие в Ульяновск работники завода освобождали склады Главного таможенного управления Наркомвнешторга от хранившегося там имущества, разгружали прибывшие из Москвы эшелоны с оборудованием. Работа по разгрузке и погрузке проводилась в чрезвычайно трудных условиях, при отсутствии необходимых такелажных и подъемно-транспортных средств, а также опытных кадров такелажников.

CC BY

К проведению погрузочно-разгрузочных работ были привлечены рабочие, инженерно-технические работники (ИТР) и служащие цехов и отделов завода [Там же, л. 53].

Значительные трудности вызывало отсутствие жилья в городе, что обусловило необходимость размещения большого количества рабочих в близлежащих от завода деревнях и транспортировку заводчан к месту работы в условиях недостатка транспорта и горючего [Там же, л. 53].

Разместить всех рабочих в городе, поблизости от вновь созданного завода, было невозможно. К моменту эвакуации ЗИС в Ульяновск уже были эвакуированы несколько наркоматов, заводов и ряд учреждений. Так, по решению правительства, в Ульяновске были размещены наркоматы Военно-Морского и Речного флотов, Внешней торговли, Управление шоссейных дорог НКВД, Приволжский военный округ, эвакуированные заводы из Киева, Ахтырки, Витебска, Ворошиловграда, организованы шесть госпиталей, прибыли два новых военных училища [Эвакуация …, 2020, с. 101].

По данным списочного учета, на 23 декабря 1941 года на Ульяновском автомобильном заводе имени И. В. Сталина (УльЗИС) (или, как его тогда называли, в филиале № 4 АвтоЗИС) числилось 3457 человек ИТР и рабочих. Из них погрузочно-разгрузочными работами были заняты 1558 человек. Остальные 1899 рабочих и ИТР выполняли иные работы или не были задействованы в размещении предприятия по различным причинам: 197 человек выполняли оборонное задание на площадях завода «Металлист», а также готовили на базе этого предприятия ремонтную базу для вновь создаваемого автомобильного производства; 441 человек были заняты на проектных работах; 587 человек — на обслуживании жилищно-бытовых нужд; 386 человек работали на приемке, приводили в порядок прибывшее оборудование; 138 человек были освобождены от работы по болезни; 150 человек находились в деревнях, не имея возможности явиться на работу из-за бездорожья [Там же, с. 122].

По сведениям Ульяновского городского отдела НКВД, значительная часть эвакуированных рабочих и ИТР находились в тяжелых жилищных условиях. По состоянию на 29 декабря 1941 года из 3457 работников завода 2300 человек было расселено в г. Ульяновске, в предоставленных 420 комнатах, в проходных комнатах, кухнях и в жилых помещениях «на уплотнение». В окружающих деревнях на расстоянии 20—25 км от складов Главного таможенного управления — 650 человек. Более 500 человек совершенно не были обеспечены жильем, они ночевали «где попало». Многие из них на ночь оставались в здании заводоуправления (в кабинетах и коридорах) [Там же, с. 122].

Сразу же после эвакуации автозавода в Ульяновск на новой площадке завода начались работы по проектированию и оснастке цехов. Кроме того,

CC BY

на заводе была организована работа по распределению эвакуированного оборудования. Ульяновский автозавод стал местом перераспределения и комплектования вновь организованных заводов (тогда — филиалов ЗИСа): Миасского автомоторного, Челябинского кузнечнопрессового и Шадринского автоагрегатного. Часть вывезенных из Москвы станков подлежали реэвакуации. Эта огромная работа проводилась сотрудниками завода в течение нескольких месяцев 1942 года. В результате все предприятия Главного управления автозаводов имени И. В. Сталина (Глававтозис) получили комплекты оборудования, позволившие создать самостоятельные цехи. В процессе распределения каждый станок просматривался технологом, а затем, после уточнения его характеристики, закреплялся за соответствующим заводом или цехом [РГАЭ, ф. 8573, оп. 3, д. 18, л. 53—54].

Во вновь созданной системе Глававтозис Ульяновский автозавод должен был осуществлять механическую обработку шасси и сборку автомашин. Моторы и все необходимые для сборки автомашин кузнечно-штамповочные изделия должны были поступать от уральской группы заводов (Миасского автомоторного завода имени И. В. Сталина, Челябинского кузнечнопрессового завода имени И. В. Сталина, Шадринского автоагрегатного завода имени И. В. Сталина), а также из Москвы [ЦГАМ, ф. Р-415, оп. 16, д. 311, л. 25].

Первые автомобили на УльЗИС стали собирать весной 1942 года. Сборка первых грузовиков, ввиду того что конвейер был еще не готов, производилась стапельным способом. Автомобили собирали из задела деталей, привезенных с Московского автомобильного завода [История Ульяновского …, 1988, с. 15—16]. В течение года на заводе удалось наладить полноценный серийный выпуск грузовиков ЗИС-5. За 1942 год УльЗИС изготовил 1893 автомобиля: 1202 грузовика с бортовой платформой и 691 шасси. Кроме автомобилей, завод выпускал запасные части для ЗИС-5, выполнял заказы НКСМ по изготовлению инструмента и различных деталей. В IV квартале 1942 года заводом была освоена новая продукция — малолитражные двигатели Л-3/2 [РГАЭ, ф. 8573, оп. 3, д. 18, л. 55—56].

Для определения изменений численности и состава коллектива Ульяновского автомобильного завода обратимся к статистическим данным заводских отчетов. В отчетных документах содержатся два вида показателей. Первый вид показателей — абсолютные, представляющие собой «статистический срез» сведений о коллективе завода на конкретную дату (как правило, на начало года). Второй — среднегодовые показатели, позволяющие оценить изменения за период, сопоставить планы с ситуацией, реально существовавшей на заводе.

В течение 1942 года количество работников предприятия заметно увеличилось. Этот год стал периодом становления нового завода, вре-

CC BY

менем, когда сформировался коллектив предприятия. Организация и последующее расширение автомобильного производства стало возможным благодаря тому, что вновь созданный завод был обеспечен необходимым количеством трудовых ресурсов. В 1941 году, когда в Ульяновск прибыли первые эшелоны с оборудованием и рабочими, среднесписочный состав работников основного производства завода оценивался в 593 человека. В 1942 году среднесписочный состав работников основного производства завода увеличился до 3323 человек, то есть вырос в сравнении с периодом зарождения автозавода в 5,6 раза (табл. 1). Причем необходимо отметить, что даже такие высокие темпы роста численного состава сотрудников завода не являлись достаточными. Ведь в соответствии с плановыми показателями потребность завода в сотрудниках всех категорий была выполнена на 75,0 %, а потребность в рабочих лишь на 70,8 %.

За 1942 год значительные изменения произошли не только в численности, но и в составе сотрудников предприятия, о чем свидетельствуют данные заводского отчета. Всего на 1 января 1943 года на заводе трудилось 5598 человек (из них работники основного производства — 5054 человека) [ГАУО, ф. Р-3123, оп. 2, д. 3, л. 43]. Этот показатель учитывал всех работников предприятия, включая Управление капитального строительства (УКС). Не учитывались в сводке завода лишь сотрудники Отдела рабочего снабжения (ОРС). Из общего количества работников завода мужчины составляли 3669 человек (65,5 %), женщины — 1929 человек (34,5 %) [РГАЭ, ф. 8573, оп. 3, д. 18, л. 68].

Из общего количества сотрудников завода 1543 человека (или 27,6 %) были эвакуированы из Москвы. Среди эвакуированных работников были: 935 рабочих, 501 инженерно-технический работник, 107 служащих. Из них: мужчин — 1254, женщин — 289 [Там же, л. 68].

Подавляющее большинство персонала автозавода (4055 человек) составляли вновь принятые в 1942 году работники. Пополнение завода новыми рабочими шло в основном за счет местного населения. За счет системы подготовки трудовых резервов завод получил 247 человек. Из них: окончили школу фабрично-заводского обучения (ФЗО) — 122, окончили ремесленное училище (РУ) — 125. Значительное количество рабочих завод получил из рабочего батальона (503 человека), а также с пересыльного пункта (695 человек) [Там же, л. 68—69].

Кроме того, УльЗИС активно привлекал трудовые ресурсы со стороны. Так, например, на заводских работах были задействованы рабочие из Исправительно-трудовой колонии № 1 г. Ульяновска (от 100 до 300 человек в день). Увеличивали количество рабочих основного производства завода и за счет перераспределения трудовых ресурсов внутри предприятия. В те-

CC BY

чение 1942 года 29 служащих были переведены заводом в качестве рабочих цеха [Там же, л. 69].

В 1943 году Ульяновский автомобильный завод имени И. В. Сталина продолжал наращивать объемы производства. За 1943 год завод изготовил 4159 автомобилей ЗИС-5, собрал 765 импортных автомобилей из машинокомплектов, поставлявшихся по ленд-лизу. Кроме того, УльЗИС выпустил 7024 малолитражных двигателя Л-3/2. Как и в предыдущий год, завод производил запасные части для грузовиков и выполнял заказы НКСМ по изготовлению различных деталей. В 1943 году на заводе было организовано производство газогенераторных установок ЗИС-21, велась подготовка к производству полноприводного грузового автомобиля ЗИС-32 [ГАУО, ф. Р-3123, оп. 2, д. 3, л. 3—6].

Увеличение объемов производства требовало соответствующего кадрового обеспечения. В 1943 году среднесписочная численность работников основного производства на УльЗИС увеличилась до 4482 человек, что было выше показателя 1942 года в 1,3 раза. В целом завод был укомплектован работниками на 96,3 %. Рост численности персонала завода произошел за счет увеличения численности рабочих основного производства, количество которых, в сравнении с 1942 годом, возросло в 1,5 раза (табл. 1). В 1943 году среднесписочная численность рабочих лишь незначительно превысила плановые показатели и составила 100,2 %. Однако имелся существенный недокомплект учеников и младшего обслуживающего персонала.

Рассмотрим численность и состав работников завода на конец 1943 года на примере абсолютных показателей. К 1 января 1944 года на основном производстве автозавода было задействовано 5513 человек. По данным заводского отчета, прирост рабочей силы произошел во второй половине 1943 года. Численность сотрудников предприятия увеличилась за счет рабочих, мобилизованных из Узбекской ССР. При этом на заводе наблюдалась значительная «текучка кадров». За 1943 год на УльЗИС трудоустроились 1417 человек, уволено 1169 человек [Там же, л. 43].

В 1944 году в системе Глававтозис произошли значительные изменения. Основной задачей, которая решалась главком в течение года, была организация автомобильного производства на Миасском заводе. Этому предшествовала большая подготовительная работа по окончанию строительства производственных цехов в Миассе. Сокращался объем кооперации между заводами, а следовательно, и перевозки деталей между УльЗИС, Московским автозаводом и уральской группой заводов. Конвейер по сборке автомобилей ЗИС-5 с Ульяновского автозавода перенесли на Миасский завод [РГАЭ, ф. 8573, оп. 3, д. 47, л. 1].

CC BY

Предпринятая в рамках Глававтозис реорганизация производственных связей была направлена на сокращение транспортных издержек. Отметим, что расстояние до уральских заводов, где производилась подавляющая часть деталей для конвейера Ульяновского завода, было велико. Это особенно остро ощущалось в условиях военного времени, когда железная дорога работала на пределе своих возможностей. Локализация производства автомобилей в рамках уральского региона, уменьшение транспортного плеча между заводами значительно сокращало затраты.

После перевода автомобильного конвейера с Ульяновского автозавода на Миасский в Ульяновске началось строительство новых производственных объектов. Предполагалось, что УльЗИС будет изготавливать дизельные грузовые автомобили. Для более успешной организации строительства Ульяновский автозавод был разделен, из его состава выделили Ульяновский завод малолитражных двигателей [Там же, л. 1—2].

Предпринятая масштабная реорганизация коренным образом изменила промышленный потенциал УльЗИС и его кадровый состав. Из действующего промышленного предприятия завод фактически превратился в строительную площадку. За 1944 год УльЗИС успел изготовить 413 грузовых автомобилей [Там же, л. 6].

После выделения с 1 сентября 1944 года из состава автозавода Ульяновского завода малолитражных двигателей на предприятии осталось 4 производственных цеха: инструментальный, электромеханический, механический, металлоконструкций. Кроме того, в составе строящегося автозавода имелись вспомогательные службы: автобаза, железнодорожный цех, отдел жилищно-коммунального хозяйства и лесозаготовок [ГАУО, ф. Р-3123, оп. 2, д. 7, л. 1—2].

Численность и состав работников основного производства УльЗИС в 1944 году соответствовали производственным мощностям завода. В 1944 году среднесписочное количество работников основного производства Ульяновского автозавода сократилось до 324 человек, то есть уменьшилось в сравнении с предшествующим годом в 13,8 раз (табл. 1). Значительное уменьшение численности работников предприятия совпадало с плановым заданием. Плановый показатель завода «по труду» был выполнен на 99,1 %. Поскольку УльЗИС из действующего производственного предприятия превратился в строящийся завод, то среднесписочный штат его рабочих, задействованных в производстве, был не велик — 198 человек.

По состоянию на 1 января 1945 года на автозаводе трудилось 1189 человек, в том числе 932 работника основного производства, из них: рабочих — 577, инженерно-технических работников — 197, счетно-конторского персонала — 77, младшего обслуживающего персонала — 18, учеников — 63.

CC BY

Кроме того, в штате предприятия имелась непромышленная группа работников: 190 человек работали на транспорте, 23 — были заняты в жилищно-бытовой сфере, 44 — трудились на лесозаготовках [Там же, л. 12].

Из общего числа работников завода 337 (28,3 %) сотрудников предприятия составляли эвакуированные из Москвы, 50 (4,2 %) человек были мобилизованы на работу из районов Ульяновской области, остальные 802 (67,5 %) работника предприятия, были местными жителями или являлись инвалидами Великой Отечественной войны [Там же, л. 12].

В среднем же в 1945 году в штате предприятия состояло 1190 работников основного производства, что составляло 93,0 % от планового показателя (табл. 1).

В то же время строящийся завод имел значительный штат вспомогательных служб. Так, например, в 1945 году среднесписочный состав работников «непромышленной группы» включал 355 человек, что составляло 154,3 % от численности этой группы работников, установленной планом. Из них: 260 работников транспорта, 48 работников жилищно-коммунального отдела, 47 человек трудились на лесозаготовках.

В 1945 году завод не выполнил план по набору индивидуального ученичества. Одновременно УльЗИС превысил лимиты по работникам непромышленной группы. Строящийся завод был вынужден содержать большое автохозяйство, испытывал потребность в работниках для содержания и капитального ремонта жилых помещений, а также нуждался в значительном количестве работников для лесозаготовок.

В отчете за 1945 год руководство завода сетовало на недостаток новых рабочих, необходимых для запуска автомобильного производства. По мобилизации на УльЗИС должно было прибыть 1000 человек с Завода имени Володарского, 300 — из местного населения, 100 — из офицерского состава г. Саратова, 200 — из пересыльного пункта, 100 человек по наряду Народного комиссариата обороны из г. Бугульмы и 100 — из г. Ульяновска. Всего 1800 человек.

Фактически УльЗИС получил 872 работника. Из них по мобилизации — 249 человек, из трудовых резервов — 347, вольнонаемных — 276. Увеличение количества рабочих стало невозможно из-за категорического отказа Завода имени Володарского от перевода 1000 рабочих на УльЗИС. Набрать необходимое количество работников на пересыльном пункте также не удалось, так как там не оказалось физически здоровых людей, способных трудиться на производстве.

3.3. Подготовка кадров и повышение квалификации рабочих на Ульяновском автомобильном заводе в 1942—1945 годах

Основным способом подготовки кадров для завода в 1942 году было индивидуальное производственное обучение. Для получения профессио-

Таблица 1

Среднесписочный состав работников Ульяновского автомобильного завода имени И. В. Сталина в 1941—1945 годах (человек, %)*

Категории сотрудников предприятия	1941	1942			1943			1944			1945		
	Факт	План	Факт	Выполнение плана (%)	План	Факт	Выполнение плана (%)	План	Факт	Выполнение плана (%)	План	Факт	Выполнение плана (%)
Рабочие	396	2900	2052	70,8	3200	3206	100,2	180	198	110,0	760	745	98,0
Инженерно-технические работники	92	800	657	82,1	715	710	99,3	65	68	104,6	255	257	100,8
Служащие	53	270	311	115,1	310	284	91,6	35	31	88,6	90	93	103,3
Младший обслуживающий персонал	20	60	62	103,3	185	81	43,8	7	7	100,0	25	57	228,0
Ученики	32	400	241	60,3	245	201	82,0	40	20	50,0	150	38	25,3
Всего	593	4430	3323	75,0	4655	4482	96,3	327	324	99,1	1280	1190	93,0

* Составлено по: [РГАЭ, ф. 8573, оп. 3, д. 18, л. 36; ГАУО, ф. Р-3123, оп. 2, д. 3, л. 44; ГАУО, ф. Р-3123, оп. 2, д. 7, л. 12; ГАУО, ф. Р-3123, оп. 2, д. 11, л. 10].

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

CC BY

нальных умений и навыков вновь принятых рабочих прикрепляли к стахановцам и квалифицированным рабочим. Всего за 1942 год на заводе было обучено 686 человек. При их подготовке применялись различные формы обучения: 504 человека прошли индивидуальное обучение непосредственно на производстве, окончили курсы технического минимума — 119 человек, 23 — прошли курсы повышения квалификации, 40 — обучались на курсах шоферов [РГАЭ, ф. 8573, оп. 3, д. 18, л. 69].

Кратный рост численности работников УльЗИС в 1942 году и продолжавшийся набор сотрудников в 1943 году потребовали создания заводской системы подготовки кадров. Эта необходимость была вызвана тем, что большинство вновь принятых на завод рабочих имели низкую квалификацию, а часть из вновь принятых на работу работников совсем не имели производственных навыков.

Обучением вновь поступивших рабочих, а также повышением квалификации уже трудившихся на УльЗИС сотрудников занимался Отдел технического обучения, который был создан во втором квартале 1943 года [ГАУО, ф. Р-3123, оп. 2, д. 3, л. 44].

В 1943 году на предприятии действовали различные формы коллективного и индивидуального обучения. За этот год на заводе прошли техническое обучение 173 человека, освоили курс технического минимума и повысили свою квалификацию 439 человек. Всего было обучено 617 работников завода, что составляло 13,8 % от общего количества работников основного производства [Там же, л. 46]. Ставка на ускоренные методы подготовки рабочих, производственное обучение позволили УльЗИС преодолеть трудности, связанные с комплектованием кадров.

В дальнейшем в связи с реорганизацией предприятия и значительным уменьшением численности работников основного производства сократились и масштабы производственного обучения. В 1944 году в цехах завода проходили обучение 63 человека. Потребности строящегося автозавода в квалифицированных рабочих предполагали покрывать за счет выпускников системы трудовых резервов [ГАУО, ф. Р-3123, оп. 2, д. 7, л. 13].

Необходимо отметить, что планы руководства УльЗИС опирались на твердую почву, ведь в годы войны в Ульяновской области была создана развитая система учебных заведений системы трудовых резервов. В 1944 году в Ульяновской области действовало 2 рабочих училища, 1 железнодорожное училище и 11 школ ФЗО. Базовой для подготовки квалифицированных рабочих для УльЗИС была школа ФЗО № 3, готовившая рабочих разных профессий: формовщиков-литейщиков, столяров-белодеревцев, слесарей механических цехов, электромонтеров, станочников-автоматчиков, плотников, слесарей-сантехников [Саранцев, 2005, с. 30—34].

CC BY

Подготовка работников завода для нового производства сильно отставала от планов. В 1945 году план по подготовке рабочих на производстве не был выполнен. Подготовка новых рабочих массовых профессий была осуществлена на 37,8 %, обучено 225 человек. План повышения квалификации рабочих УльЗИС был осуществлен лишь на 14,7 %, квалификацию повысили 137 человек. Повышение квалификации ИТР и мастеров завода удалось осуществить на 25,7 %, обучение прошел 431 человек [ГАУО, ф. Р-3123, оп. 2, д. 11, л. 11].

Невыполнение плана подготовки кадров объяснялось изменением специализации завода, отставанием от графика строительно-монтажных работ, вследствие чего завод не использовал наряды на вербовку новых рабочих. Предприятие не было готово к производству, поэтому не было и рабочих, которых нужно было обучать [Там же, л. 12].

Однако нельзя сказать, что на заводе совершенно не решали проблему подготовки кадров. В 1945 году основным строящимся объектом УльЗИС была теплоэлектроцентраль (ТЭЦ), предназначенная для обеспечения электричеством и теплом не только новых заводских цехов, но и жителей г. Ульяновска. Подготовка кадров для обслуживания важного промышленного объекта была начата заблаговременно. В мае-июне 1945 года на ТЭЦ было переведено 32 человека из числа рабочих, закончивших ФЗО. Из них были организованы две группы: группа кочегаров — 19 человек и группа дежурных по насосам — 13. Обучением рабочих руководили ИТР ТЭЦ, а позднее — специально командированный преподаватель «Трансэнергокадров» [Там же, л. 12].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, нами была рассмотрена динамика численности сотрудников предприятия на протяжении 1941—1945 годов, демонстрирующая взаимозависимость количества работников УльЗИС от объемов выпуска промышленной продукции. Наибольший рост числа работников на заводе зафиксирован в 1942—1943 годах, когда было налажено полноценное производство, а предприятие являлось одним из ведущих производителей грузовых автомобилей в стране. Это стало возможно благодаря эвакуации опытных инженеров, руководителей производства и высококвалифицированных рабочих. Эвакуированные в тыл работники Московского автомобильного завода имени И. В. Сталина сохранили уникальные для страны технологии и опыт массового производства автомобилей, заложили основу для нового предприятия в тяжелейших условиях военного времени.

Организацию массового производства автомобильной техники было невозможно наладить без рабочих массовых профессий. Проблему «кадро-

CC BY

вого голода» на заводе удалось решить благодаря существовавшей в стране системе трудовой мобилизации населения. Вновь принятые работники, не имевшие профессиональных навыков, обучались непосредственно на заводе, где действовали различные формы индивидуального и коллективного обучения. Индивидуальные формы обучения рабочих предусматривали получение профессиональных умений и навыков путем прикрепления новичков к квалифицированным рабочим, передовикам производства и стахановцам. Подготовка работников массовых профессий осуществлялась на коллективных курсах, действовавших непосредственно на заводе. Созданная накануне Великой Отечественной войны система трудовых резервов позволяла направлять на завод молодых рабочих, имевших первичные трудовые навыки, что облегчало решение кадровой проблемы на предприятии. Совокупность этих методов позволила в кратчайшие сроки сформировать огромный трудовой коллектив и организовать производство высокотехнологичной продукции в условиях ограниченных ресурсов.

В годы Великой Отечественной войны Ульяновский автомобильный завод работал в системе Главного управления автомобильных заводов имени И. В. Сталина Народного комиссариата среднего машиностроения и специализировался на механической обработке шасси и сборке автомашин. Выпуск продукции на заводе зависел от поставок деталей и узлов от заводов-смежников, располагавшихся на Урале и в Москве.

Трудности с железнодорожным транспортом в условиях войны, удаленность УльЗИС от заводов-поставщиков поставили вопрос об изменении специализации предприятия. Действовавший на заводе конвейер по сборке автомобилей ЗИС-5 был перемещен в г. Миасс Челябинской области, а автозавод в Ульяновске стали готовить для производства перспективных моделей дизельных грузовых автомобилей. Осуществленная в 1944 году на заводе реорганизация производства сократила промышленный потенциал предприятия. Однако сохраненные в результате эвакуации завода высококвалифицированные кадры рабочих и инженеров, вывезенное оборудование заложили основу автомобилестроения в Поволжье (г. Ульяновск), на Урале и были использованы для восстановления автомобильного производства в Москве.

Источники и принятые сокращения

1. ГАРФ — *Государственный* архив Российской Федерации. Ф. Р-6822. Оп. 1. Д. 213.

2. ГАУО — *Государственный* архив Ульяновской области. Ф. Р-3123. Оп. 2. Д. 3, 7, 11.

3. *Здесь* ковалась Победа… : сборник документов / авт.-сост. Р. В. Ильязова ; под ред. А. Г. Пашкина. — Ульяновск : Корпорация технологий продвижения, 2015. — 306 с.

4. РГАСПИ — *Российский* государственный архив социально-политической истории. Ф. 644. Оп. 1. Д. 12.

5. РГАЭ — *Российский* государственный архив экономики. Ф. 8573. Оп. 3. Д. 18, 47.

6. *Смирнов П. И.* Московский автозавод едет на Восток / П. И. Смирнов // Эшелоны идут на Восток. Из истории перебазирования производительных сил СССР в 1941—1942 гг. / отв. ред. Ю. А. Поляков. — Москва : Наука, 1966. — С. 246—260.

7. *Ульяновская* область в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.). Документы и материалы / сост. Н. И. Хренов, Г. И. Белов и др. — Саратов : Приволжское книжное издательство, 1974. — 308 с.

8. ЦГАМ — *Центральный* государственный архив г. Москвы. Ф. Р-415. Оп. 16. Д. 311.

9. *Эвакуация* : трудный путь к Победе / авт.-сост. Г. А. Демочкин, науч. и археогр. ред. Р. В. Ильязова. — Ульяновск : Корпорация технологий продвижения, 2020. — 256 с.

Литература

1. *Гордин А. А.* Горьковский автомобильный завод. История и современность, 1932—2012 / А. А. Гордин. — Нижний Новгород : Кварц, 2012. — 320 с.

2. *Дингес М. А.* Эвакуация: трудный путь к Победе : [сб. док.] / М. А. Дингес // Отечественные архивы. — 2021. — № 3. — С. 109—112.

3. *Завод* и люди. 1916—2016 : в 3 т. Т. 1 : Зарождение автомобилестроения / авт.-сост. В. Г. Мазепа, М. А. Шелепенков ; под ред. М. А. Шелепенкова, А. В. Курковой. — Москва : Московский политехнический университет, 2016. — 548 с.

4. *История Московского* автозавода имени И. А. Лихачева / А. П. Салов, Т. М. Сидоренко, П. И. Смирнов и др. — Москва : Мысль, 1966. — 647 с.

5. *История Ульяновского* автомобильного завода / К. И. Аликбеков, Е. Н. Антонов, Л. В. Анфимов и др. — Москва : Профиздат, 1988. — 148 с.

6. *Киселев В. П.* Горьковский автозавод в годы Великой Отечественной войны / В. П. Киселев // Вопросы истории. — 1981. — № 5. — С. 79—90.

7. *Потемкина М. Н.* Современная историография и перспективы изучения промышленной эвакуации периода Великой Отечественной войны / М. Н. Потемкина, А. Ю. Климанов // Новейшая история России. — 2020. — Т. 10, № 3. — С. 757—772.

8. *Прокофьева Е. Ю.* Историографический обзор истории отечественной автомобильной промышленности / Е. Ю. Прокофьева // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. — 2009. — Т. 11, № 2. — С. 257—261.

9. *Пьянков С. А.* Война, люди и моторы: история создания Уральского автомобильного завода (1941—1945 гг.) / С. А. Пьянков, А. Э. Бедель // Клио. — 2018. — № 9 (141). — С. 175—183.

10. *Пьянков С. А.* Эвакуация Московского автомобильного завода имени Сталина на Урал в воспоминаниях А. П. Чураева / С. А. Пьянков // Архив в социуме —социум в архиве : материалы второй региональной научно-практической конференции / ред. Н. А. Антипин. — Челябинск : Объединенный архив Челябинской области, 2019. — С. 227—234.

11. *Саранцев И. П.* Трудовые резервы Ульяновской области в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) / И. П. Саранцев. — Ульяновск : УИПКПРО, 2005. — 76 с.

12. *Ульяновский* автомобильный / В. Анкудинов, Н. Еремин, В. Кочнев и др. — Саратов : Приволжское книжное издательство, 1966. — 192 с.

13. *Устинов Е. А.* Советское автомобилестроение в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. (К 30-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне.) : обзор / Е. А. Устинов, Н. Я. Лирман. — Москва : НИИНАВТОПРОМ, 1975. — 79 с.

14. *Шугуров Л. М.* Автомобили России и СССР. Ч. 1 / Л. М. Шугуров. — Москва : ИЛБИ, 1993. — 256 с.

Material resources

Demochkin, G. A., Ilyazova, R. V. (eds.). (2020). *Evacuation: a difficult path to victory*. Ul'yanovsk: Korporatsiya tekhnologiy prodvizheniya. 256 p. (In Russ.).

GARF — *State Archive of the Russian Federation*. (In Russ.).

GAUO — *State Archive of the Ulyanovsk Region*. (In Russ.).

Il'yazova, R. V., Pashkina, A. G. (eds.). (2015). *Victory was forged here...: a collection of documents*. Ulyanovsk: Korporatsiya tekhnologiy prodvizheniya. 306 p. (In Russ.).

Khrenov, N. I., Belov, G. I. (et al.). (eds.). (1974). *Ulyanovsk region during the Great Patriotic War (1941—1945). Documents and materials*. Saratov: Privolzhskoe knizhnoe izdatelstvo. 308 p. (In Russ.).

RGASPI — *Russian State Archive of Socio-Political History*. (In Russ.).

RGAE — *Russian State Archive of Economics*. (In Russ.).

Smirnov, P. I. (1966). The Moscow Automobile Plant is going to the East. In: *Polyakov, Yu. A. (ed.). Echelons go to the East. From the history of the relocation of the productive forces of the USSR in 1941—1942*. Moscow: Nauka. 246—260. (In Russ.).

TsGAM — *Central State Archive of Moscow*. (In Russ.).

References

Alikbekov, K. I., Antonov, E. N., Anfimov, L. V. (et al.). (1966). *History of the Ulyanovsk Automobile Plant*. Moscow: Profizdat, 1988. — 148 p. (In Russ.).

Ankudinov, V., Eremin, N., Kochnev, V. (et al.). (1966). *Ulyanovsk Automobile Plant*. Saratov: Privolzhskoe knizhnoe izdatelstvo. 192 p. (In Russ.).

Dinges, M. A. (2021). Evacuation: a difficult path to victory (collection of documents). *Otechestvennye arkhivy, 3:* 109—112. (In Russ.).

Gordin, A. A. (2012). *Gorky Automobile Plant. History and modernity, 1932—2012*. Nizhniy Novgorod: Kvarts. 320 p. (In Russ.).

Kiselev, V. P. (1981). Gorky Automobile Plant during the Great Patriotic War. *Voprosy istorii, 5:* 79—90. (In Russ.).

Mazepa, V. G., Shelepenkov, M. A. (2016). *Factory and people. 1916—2016. The origin of the automotive industry*. Moskva: Moskovskiy politekhnicheskiy universitet. 3/1. 548 p. (In Russ.).

Potemkina, M. N., Klimanov, A. Yu. (2020). Modern historiography and prospects for studying industrial evacuation during the Great Patriotic War. *Modern history of Russian, 10 (3):* 757—772. (In Russ.).

Prokofyeva, E. Yu. (2009). Historiographic review of the domestic automobile industry history. *News of the Samara research center of the Russian academy of sciences, 11 (2):* 257—261. (In Russ.).

Pyankov, S. A. (2019). Evacuation of the Moscow Automobile Plant named after Stalin to the Urals in the memoirs of A. P. Churaev. In: *Archive in society — society in the archive: materials of the second regional scientific and practical conference*. Chelyabinsk: United Archive of the Chelyabinsk Region. 227—234. (In Russ.).

CC BY

Pyankov, S. A., Bedel, A. E. (2018). War, people and motors: the history of the creation of the Ural Automobile Plant (1941—1945). *Klio, 9 (141):* 175—183. (In Russ.).

Salov, A. P., Sidorenko, T. M., Smirnov, P. I. (et al.). (1966). *History of the Moscow Automobile Plant named after I. A. Likhachev*. Moscow: Mysl. 647 p. (In Russ.).

Sarantsev, I. P. (2005). *Labor reserves of the Ulyanovsk region during the Great Patriotic War (1941—1945)*. Ulyanovsk: UIPKPRO. 76 p. (In Russ.).

Shugurov, L. M. (1993). *Cars of Russia and the USSR*. Moscow: ILBI. 1. 256 p. (In Russ.).

Ustinov, E. A., Lirman, N. Ya. (1975). *Soviet automotive industry during the Great Patriotic War of 1941—1945. (To the 30th anniversary of the victory of the Soviet people in the Great Patriotic War.): review*. Moscow: NIINAVTOPROM. 79 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 25.01.2022,
одобрена после рецензирования 21.04.2022,
подготовлена к публикации 06.05.2022.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Федорова В. И. Социальная мобильность сельского населения Енисейской губернии в конце XIX — начале XX веков / В. И. Федорова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 4. — С. 510—528. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-510-528.

Fedorova, V. I. (2022). Social Mobility of Rural Population of Yenisei Province in Late XIX — Early XX Century. *Nauchnyi dialog, 11(4):* 510-528. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-510-528. (In Russ.).

WEB OF SCIENCE ERIH PLUS ULRICH'S PERIODICALS DIRECTORY НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА eLIBRARY.RU EBSCOhost

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-510-528

Социальная мобильность сельского населения Енисейской губернии в конце XIX — начале XX веков

Федорова Вера Ивановна
orcid.org/0000-0003-2514-9728
доктор исторических наук, профессор
кафедры отечественной истории
vi-fedorova@yandex.ru

Красноярский государственный
педагогический университет
им. В. П. Астафьева
(Красноярск, Россия)

Social Mobility of Rural Population of Yenisei Province in Late XIX — Early XX Century

Vera I. Fedorova
orcid.org/0000-0003-2514-9728
Doctor of History, Professor,
Department of National History
vi-fedorova@yandex.ru

Krasnoyarsk State Pedagogical University
named after V. P. Astafyev
(Krasnoyarsk, Russia)

© Федорова В. И., 2022

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются социокультурные изменения в сельском населении Енисейской губернии на рубеже XIX—XX веков с целью выявления их характера и динамики в контексте сложной дихотомии традиционности и модерна. Выявляются факторы, влиявшие на межсословные перемещения крестьян, динамику вертикальной мобильности, формирование нового социокультурного типа крестьянства. На основе анализа административной статистики, опубликованной в «Памятных книжках», материалах Первой Всероссийской переписи населения 1897 года, а также в «Трудах местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности» по Енисейской губернии и в газетно-журнальной публицистике, автор приходит к выводам, что интенсивность переселенческого потока, резко выросшего в начале XX века, породила противоречивую динамику социокультурных процессов в енисейской деревне. С одной стороны, она способствовала активизации мобильности сельского населения, преодолению культурной изоляции крестьянских общин, ускоряла формирование новой социальной страты — сельской интеллигенции. С другой, консервация сословных ограничений в отношении крестьянства, нежелание имперской власти распространить на Сибирь новые социальные и гражданские институции не только тормозили позитивную динамику, но и вели к накоплению протестного потенциала.

Ключевые слова:
сельское население; Енисейская губерния; социальная мобильность; социокультурная модернизация; сельская интеллигенция.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The sociocultural changes in the rural population of the Yenisei province at the turn of the 19th-20th centuries are considered in order to identify their nature and dynamics in the context of a complex dichotomy of traditionality and modernity. The factors that influenced the inter-class movements of peasants, the dynamics of vertical mobility, the formation of a new socio-cultural type of the peasantry are revealed. Based on the analysis of administrative statistics published in the “Memorable Books”, materials of the First All-Russian Population Census of 1897, as well as “Proceedings of local committees on the needs of the agricultural industry” in the Yenisei province and newspaper and magazine journalism, the author comes to the conclusion that the intensity of the migration flow, sharply increased at the beginning of the 20th century, gave rise to the contradictory dynamics of sociocultural processes in the Yenisei village. On the one hand, it contributed to the activation of the mobility of the rural population, overcoming the cultural isolation of the peasant communities, and accelerated the formation of a new social stratum — the rural intelligentsia. On the other hand, the conservation of class restrictions on the peasantry, the unwillingness ofthe imperial authorities to extend new social and civil institutions to Siberia, not only hampered the positive dynamics, but also led to the accumulation of protest potential.

Key words:
rural population; Yenisei province; social mobility; sociocultural modernization; rural intelligentsia.

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

УДК 94:314.8(571.5)“18/19”

Социальная мобильность сельского населения Енисейской губернии в конце XIX — начале XX века

© Федорова В. И., 2022

1. Введение = Introduction

Проблема социокультурной динамики является ключевой для изучения закономерности перехода от общества традиционно-аграрного типа к индустриальному. Она включает аспекты количественных и качественных изменений в социальной структуре общества, механизмы социальной мобильности и адаптации к новым реалиям, разделение сфер частной и общественной жизни, профессиональную специализацию, а в культурной сфере — формирование индивида, осознающего себя как самодостаточную личность, обладающую правами и обязанностями по отношению к обществу и власти, ориентированную на мотивированное восприятие и проведение в жизнь инновационных идей и практик, признающую ценность рационального знания, как основы мировоззренческой парадигмы, открытость к иным культурам.

Темпы и результативность социокультурных изменений во многом определяются модернизационным потенциалом, включающим такой важный компонент, как соотношение в данном обществе традиции и современности. Главным носителем традиционного культурного уклада в российском обществе являлось крестьянство. В настоящей статье предпринята попытка изучения социокультурных изменений, охвативших сельское население Енисейской губернии, которые характеризовались ускоренной динамикой, вызванной массовыми переселениями. С одной стороны, это создавало предпосылки для межкультурного обмена, преодоления замкнутости крестьянских миров, консервировавшей сельскую архаику. С другой — модернизационные процессы развивались на фоне нарастания общей напряженности как в сибирском регионе, так и в стране в целом. Выявление внутренней противоречивости этих тенденций помогает прояснить уровень модернизационного потенциала страны в целом и ее отдельных регионов.

В задачи исследования входит выявление факторов, влиявших на межсословные перемещения крестьян, динамику социальной мобильности, формирование нового социокультурного типа крестьянства; характеристика новых мотиваций хозяйственного поведения, социокультурных потребностей; анализ появления институций, через которые шло проникновение в крестьянскую среду культуры модерна, ее влияние на традиционный уклад.

CC BY

В отечественной историографии сибирское крестьянство изучалось, главным образом, через призму проблемы социальной дифференциации. Начиная с народников, главное внимание было сосредоточено на изучении влияния капиталистического уклада на разложение общины, пролетаризацию крестьянства и усиление власти сельской буржуазии. Народнические авторы (С. Л. Чудновский, Н. Е. Каронин-Петропавловский, И. А. Гурвич), а позднее и советские историки (Л. М. Горюшкин, В. А. Степынин, Л. Ф. Скляров, В. Г. Тюкавкин) акцентировали экономические аспекты социальной динамики. Они рассматривали выделение различных социальных групп по обеспеченности землей и рабочим скотом, степень и масштабы применения наёмного труда в различных социальных типах крестьянских хозяйств, рынок наёмных сельскохозяйственных рабочих, формы социальной эксплуатации [Чудновский, 1885, Каронин-Петропавловский, 1886, Гурвич, 1888, Горюшкин, 1976, Степынин, 1962, Скляров, 1962]. В современном крестьяноведении есть попытки расширения методологической базы исследования, идет формирование обновленной концепции социально-аграрной эволюции Сибири. В работах ведущих российских историков-аграрников (П. Ф. Никулин, А. А. Храмков, В. А. Ильиных, В. М. Рынков) утверждается, что, несмотря на трансформацию хозяйственно-экономического и социокультурного уклада сибирского крестьянства на рубеже XIX — начала XX веков, ускоренную аграрной политикой царизма, в нем продолжали сосуществовать как консервативно-патриархальные, так и модернизационные пласты, находившиеся в противоречивой динамике [Никулин, 2009, Храмков, 2014, Рынков и др., 2013].

Особый интерес в изучении проблемы представляют работы В. А. Зверева и О. Н. Шелегиной, раскрывающие механизмы социализации и социального контроля в крестьянской среде в условиях модернизационного перехода [Зверев, 1988, Шелегина, 2005].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Методологической основой данного исследования является социокультурный подход, в котором процесс исторического развития рассматривается как взаимосвязь всех основных культурных компонентов. Развитие крестьянского социума на рубеже XIX—XX веков изучается с позиции противоречивой динамики между нормами традиционной культуры, определявшей поведенческую мотивацию крестьян (хозяйственную, социальную, моральную и т. д.), и вызовами модерна, требовавшими инновационных изменений в системе общественного воспроизводства.

Источниковую базу исследования составили материалы Енисейского губернского статистического комитета, опубликованные в «Памятных

CC BY

книжках» а также данные Первой всеобщей переписи населения Российской империи по Енисейской губернии 1897 года. Исключительное значение имеют «Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губернии» (Иркутск, 1893—1894), содержащие данные для характеристики социокультурных процессов. Представляют ценность «Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности» по Енисейской губернии, изданные под эгидой Особого совещания при Государственном совете, созданном для выработки стратегии аграрной реформы. Они содержат выступления крестьян, отражающие их позиции по злободневным вопросам сельской жизни. В работе также использованы материалы сибирской прессы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Социальная ситуация в енисейской деревне на рубеже XIX—XX веков

Социальная ситуация в Енисейской губернии на рубеже веков развивалась скачкообразно. До середины 90-х годов XIX века экономика губернии по причине удаленности от общесибирских рынков сохраняла полунатуральный характер. Соответственно, и динамика социальных процессов была довольно вялой по сравнению с другими сибирскими регионами. Переселенческое движение в годы Столыпинской реформы буквально накрыло губернию девятым валом. Можно говорить об определенном «окрестьянивании» населения, так как заметно возрастает доля крестьянства в его составе с 60% (194 790 человек) в 1863 году до 86,8 % (971 975) в 1915 году [Памятная книжка …, 1915, с. 67]. Это заметно изменило социальную ситуацию в енисейской деревне, придав ей динамичность. Резко набирает темпы социальная мобильность как в горизонтальном, так и вертикальном направлении. Вторжение рыночных отношений в деревню выталкивало крестьян из привычной среды. Раньше у сибирского крестьянина было два главных козыря перед его собратьями в коренной России: земля и воля. И это заставляло его держаться за крестьянский уклад, не мысля для себя иного образа жизни, кроме того, что вели его отцы и деды. В новых условиях он уже начинает задумываться, так ли хороша его жизнь.

3.2. Горизонтальная и вертикальная мобильность крестьян

Более широкие возможности для изменения социального статуса и образа жизни давал переезд в город. Динамика миграций сельского населения в города заметно возрастает в начале XX века (табл. 1).

О том, что этот процесс уже вступил в новую стадию, когда переезд в город рассматривался не как временная мера, а как перемена всего жиз-

CC BY

Таблица 1

Рост крестьянского населения в городах Енисейской губернии 1863—1915 годов

Годы	Население в городах	Крестьян в городах	%
1863	23551	1509	6,4
1890	40005	4210	10,5
1900	61691	14955	24,2
1906	79566	16763	21,0

Подсчитано по: [Памятные книжки Енисейской губернии, 1865, 1891,1901, 1907].

ненного уклада, свидетельствует тот факт, что крестьяне переезжали в города целыми семьями, заселяя преимущественно городские окраины. По сведениям А. Р. Шнейдера, они брали у городской управы земли в аренду, строили дома на 2-3-4 квартиры и сдавали их в аренду таким же выходцам из деревень. Так, в Красноярске на 1916 год насчитывалось 868 таких арендаторов, из них 568 переехали из деревень Красноярского уезда; Ачинского — 114; Енисейского — 48; Канского — 46; Минусинского — 92 [Шнейдер, 1928, с. 13].

Однако выходцы из деревень могли занимать только самые низкие ниши в городской экономике, так как в это время уже отчетливо проявляются черты перехода к индустриальному типу промышленности. На городских предприятиях внедряются новые технологии, связанные с использованием электричества, обслуживание железной дороги также требовало определенной квалификации.

Не просто стало занять свою нишу и в торговле, хотя в 1840—1880-х годах отмечался довольно активный приток крестьян в ряды гильдейского купечества, что было связано с «золотой лихорадкой», на волне которой формировались крупные капиталы. Немало местных крестьян пополнили ряды гильдейского купечества, занимаясь поставками продуктов на прииски. Особенно динамично росла доля выходцев из крестьян в Енисейском уезде, где была сосредоточена большая часть приисков. Например, к крестьянскому сословию принадлежал родоначальник династии енисейских золотопромышленников П. М. Кытманов. Он происходил из крестьян села Анциферовского Енисейского округа. Капитал нажил на поставках продуктов на прииски, а к 1890 году по размерам золотодобычи предприятия наследников П. М. Кытманова выходят на 2-е место в губернии. Его сыновья уже входили в верхушку гильдейского купечества, вкладывая капиталы в другие отрасли, образовав совместно со своими компаньонами первую пароходную компанию на Енисее, занимали выборные должности в городском самоуправлении, являлись

CC BY

потомственными почетными гражданами. В золотопромышленности нажили свои капиталы выходцы из крестьян А. И. Саввиных, З. М. Цибульский, Н. Н. Баранов, К. К. и А. К. Матонины, Н. И. Савельев.

На рубеже XIX—XX веков основным источником формирования крупных капиталов в крестьянской среде становятся хлебная и винная торговля. На скупке хлеба у крестьян, виноторговле и ростовщичестве нажили свое состояние гильдейские купцы И. В. Кулаев, Э. Д. Урбан, Н. П. Пашенных, М. К. Матонин. Однако в целом тенденция перехода крестьянства в купеческое сословие к началу XX века теряет свою динамику (табл. 2).

Таблица 2

Динамика численности купечества в сельской местности Енисейской губернии

Округа (уезды)	1863 г.		1890 г.		1900 г.	
	Численность купцов в сельской местности	% купцов в сельской местности	Численность купцов в сельской местности	% купцов в сельской местности	Численность купцов в сельской местности	% купцов в сельской местности
Красноярский	95	23	10	5,6	-	-
Енисейский	88	14	40	12,1	7	5,7
Канский	114	38,6	41	23,4	50	31,2
Ачинский	41	32,5	47	37,0	30	18,9
Минусинский	102	25,3	110	34,5	75	32,0
Всего в губернии	440	23,6	248	22,0	162	14,5

Подсчитано по: [Памятные книжки Енисейской губернии, 1865, 1891, 1901].

Как правило, переход в гильдейское состояние приводил к полному разрыву с крестьянским миром. Хотя какое-то время новоиспеченные купцы продолжали оставаться в сельской округе, поскольку того требовал характер их предпринимательской деятельности. Однако по своему социально-сословному статусу и занятиям они уже противостояли крестьянству, являясь носителями буржуазного уклада в деревне. Большой редкостью были примеры, когда новоявленный предприниматель сохранял заинтересованность в развитии крестьянского дела. К таким исключениям относился Н. П. Пашенных. Являясь уроженцем Тесинской волости Минусинского округа, он начал самостоятельно вести хозяйство в крупных масштабах

CC BY

с 1870 года, сочетая зерновое производство с разведением породистого молочного скота. Одновременно он основал завод по разведению породистых лошадей, занимался пчеловодством, организацией рыбного промысла.

Основной капитал Пашенных давала торговля хлебом, но в отличие от многочисленных перекупщиков, которые свои капиталы наживали через спекулятивные операции с крестьянами, а инвестировали где-то на стороне, Пашенных вкладывал немалую часть своей прибыли в развитие хозяйственной инфраструктуры деревни, построив в Минусинском уезде мыловаренный, кожевенный заводы. В 1904 году Николай Павлович берет в аренду Гусевский свеклосахарный завод, который проработал с перерывами до 1918 года. А в 1909 году он строит крупчатую мельницу в Минусинске, оборудованную новейшей техникой, ставшую главным перерабатывающим предприятием во всей сельской округе. Оборот его капиталов в 1903 году составлял 195 тыс. руб. Тем не менее он не стал менять свой сословный статус, оставшись в крестьянском звании. И в ментальном плане он оставался приверженцем характерного для крестьянства бытового аскетизма, был совершенно чужд показной роскоши и разгулам по-купечески.

Пашенных являл собой новый социокультурный тип в крестьянской среде, демонстрируя не только деловую хватку, но и широкий кругозор, начитанность, активную общественную позицию. В 1902 году он участвует в работе уездного Комитета по нуждам сельскохозяйственной промышленности, представив свою программу развития сельского хозяйства на юге края. Она поражает своим широким видением нужд сибирского края простым крестьянином, охватывая буквально всё: от развития хозяйственной и культурной инфраструктуры, крестьянского самоуправления до вопросов семейного быта крестьян. Он активно выступал за замену одноклассных сельских училищ двуклассными, мотивируя необходимость тем, что первые уже не отвечают потребностям крестьян. «Будь же более лучшее обучение, — убежден Пашенных, — окончившие курс ученики, свои же крестьяне, могли бы быть несравненно полезнее обществу на этих обязанностях: в деле самоуправления, на должностях волостных судей, старшин и сельских старост было бы менее людей безгласных, вполне зависимых от писарей; в семейном быту, в устройстве всего хозяйства и хлебопашества крестьянин имел бы возможность с кем посоветоваться, видел бы пользу тех улучшений, какие делаются его же братом-крестьянином, но только более знающим» [Труды местных комитетов, 1903, с. 250].

3.3. Образование как фактор социальной мобильности крестьянства

Формирование нового социокультурного типа крестьянства тормозило низкий образовательный уровень крестьян. Уровень грамотности сельского населения в первые пореформенные десятилетия рос очень медленно.

CC BY

К началу 1890-х годов по четырем округам (Красноярскому, Канскому, Минусинскому и Ачинскому) он составил 6,5 %. Это меньше, чем в соседней Иркутской губернии — 8,1 % [Материалы …, 1893, с. 3]. На сто хозяйств грамотных в Иркутской губернии приходилось 43, в Ялуторовском округе Тобольской губернии — 38, в Барнаульской волости Барнаульского уезда Томской губернии — 44, а в Енисейской — 31 [Там же].

Заметный перелом в развитии школьного образования и уровня грамотности на селе наступает к концу XIX века. По данным Первой всероссийской переписи 1897 года, грамотность крестьян в губернии составила 10,28 %, превысив общесибирский показатель (9,5 %), но в то же время уступая грамотности сельского населения в европейской части — 19,1 % [Первая всеобщая перепись …, 1904, с. VIII].

Большинство крестьян рассматривали образование преимущественно с точки зрения утилитарной выгоды: получение льгот при прохождении военной службы или переход к другим занятиям, требовавшим знания грамоты (торговля, ремесло, занятие должности сельского писаря). Те из очень немногих, которые оканчивали училища и продолжали учебу в уездных училищах, порывали с крестьянским образом жизни, пополняя ряды горожан. Если они и оставались в селе, то, как правило, поступали в писари при волостных правлениях или становились почтарями. И хотя они не порывали с крестьянской средой, но всё же поднимались над общей массой, составляя высшую касту в деревне.

Однако со временем тяга к знаниям все более связывается с личностными мотивами: повышением социального статуса, удовлетворением личных амбиций, пониманием самоценности знания. В начале XX века резко возрастает количество приговоров сельских сходов об открытии школ. В ряде прошений такого рода уже явственно звучала мысль, свидетельствовавшая о понимании крестьянами того, что их бедственное положение является результатом неграмотности.

Важным последствием проникновения грамоты в деревню стал подрыв традиционного сознания, существенно ограничивавшего мотивацию к личностному росту через низкий уровень запросов. Раньше мир казался крестьянину незыблемым, а социальный порядок — вечным. Если и происходили какие-то перемены, то они были предопределены независимыми от человека силами: бог, судьба, природа, власть. Теперь он убеждается в том, что знания дают человеку способность самому активно влиять на окружающий мир и изменять его. Это придает ему больше уверенности, побуждает к инициативности и мотивирует на всевозможные инновации от перемен в быту до смелых поступков в своем социальном и гражданском поведении. Власть обычая, общины, семьи уступает личной воле,

CC BY

мнению. И уже нет страха, что привычный уклад может быть утрачен, а обновление воспринимается как улучшение. Тем более что у сибиряков психоментальная мотивация к переменам в своем статусе была выражена более активно, чем у крестьян коренной России. Их не сковывали многовековые традиции, родственные связи, приверженность к обычаям. Большая часть из них, являясь переселенцами, не побоялись бросить насиженные места, разорвать привычный круг бытия, отважно ринувшись на поиски лучшей жизни. Неслучайно одним из проявлений сибирской идентичности являлось чувство превосходства перед российскими «лапотонами», убеждение, что сибиряк сам себе хозяин, над ним нет ни барина, ни начальника, поэтому он сам выбирает свой жизненный путь, ни на кого не оглядываясь, никого не боясь. Сибиряк, имея более высокую самооценку, не особенно тяготился сословными комплексами, не ощущал своей второсортности, считая свое право на лучшую долю в жизни вполне естественным.

Поэтому в начале XX века в крестьянстве заметно активизируется стремление не отстать от веяний культурного модерна. Двигателями новых социокультурных трендов выступала молодежь, рвавшаяся в новую жизнь. Однако деревня не могла удовлетворить возрастающие запросы, несмотря на то, что количество училищ и учащихся в сельской местности росло более высокими темпами, чем в городах. За 1864—1904 годы число начальных школ в сельской местности губернии выросло почти в 8 раз, тогда как в городах — в 4,5 раза [Федорова, 2016, с. 261]. Тем не менее большая часть из них относилась к школам низшего типа, являвшихся тупиковыми, так как не давала возможности продолжать образование. Правда, в начале XX века в деревнях появляются высшие начальные училища, учебная программа которых была намного шире, что позволяло их выпускникам продолжить образование в школах средней ступени. Однако из 9 училищ высшего типа в губернии на сельскую округу приходилось только два: одно в Каратузской волости Минусинского уезда и одно в Рыбинской волости Канского уезда.

Долгие годы единственным учебным заведением в губернии, которое позволяло выпускникам сельских школ продолжить образование и изменить свой социальный статус, являлась Красноярская учительская семинария. Сюда могли поступать дети, окончившие училища низшей ступени. По мере того, как увеличивалось число учеников, оканчивавших сельские училища, крестьянский контингент стал приближаться к 40 %, а в 1917 году крестьянские дети составляли уже три четверти учащихся семинарии. Преобладание крестьянского контингента фиксируется в Ачинской и Минусинской учительских семинариях, открытых незадолго до 1917 года.

Выпускники семинарии получали звание учителя народной школы, что позволяло крестьянам выйти из податного сословия. Получение долж-

CC BY

ности штатного учителя в школе МНП давало заветный статус государственного служащего с перспективой продвижения по служебной лестнице и получения социальных преференций, которые имело чиновничество. Статус чиновника освобождал учителя от воинской службы (в мирное время) и телесных наказаний.

Однако продвижение по карьерной лестнице для учителя было неспешным. Начав с самого низшего чина коллежского регистратора XIV класса по Табели о рангах, учитель, имевший начальное образование, даже если он верой и правдой не одно десятилетие прослужил своему делу, максимум, что мог выслужить, — чин губернского секретаря, соответствовавший XII классу. Этот чин давал ему право на личное почетное гражданство и орден Св. Станислава 3-й степени — самого младшего по старшинству в иерархии государственных наград Российской империи. Орден мог ускорить продвижение по службе, но для провинциального сельского учителя заработать его было практически не реально. Так, до Первой мировой войны губернская дирекция училищ представила за «усердное и весьма ревностное исполнение обязанностей» к награждению орденом Св. Станислава и званию личного почетного гражданина только трех сельских учителей: П. К. Жигалова, прослужившего 30 лет в своей должности, И. Зимина и Г. И. Итыгина.

Среди поступавших в семинарию было немного тех, кто стремился получить учительскую профессию, руководствуясь какими-то идеальными мотивами: служить общественному благу, просвещению. Большинство смотрело на будущую профессию как на способ вырваться из податного сословия — «бежать от сохи», «выйти в благородные люди». Для них, как правило, существовал небольшой выбор: либо продолжить образование, либо поступить на службу чиновником. Но в губернском аппарате преобладали в основном приезжие чиновники, образовательный уровень которых к XX веку значительно вырос, и местные могли занимать в нем только низшие ступеньки, а потому перспективы карьеры были весьма призрачны. Более высокие шансы были в аппарате уездной власти, но и там значительная часть вакансий заполнялась детьми чиновников, чужаков принимали в свою касту настороженно. К тому же до 1906 года поступление на государственную службу выходцам из крестьянского сословия было запрещено.

Альтернатива продолжать образование и подниматься вверх по социальной лестнице также была малодоступна. Лишь мизерная часть выпускников семинарии обладала такой возможностью. Во-первых, мужских гимназий к концу XIX века в губернии было всего две: в Красноярске и Енисейске (до 1905 года — прогимназия). И хотя доля крестьян среди гимназистов постоянно возрастала (с 5,1 % в 1896 году до 12,1 % в 1909 году),

CC BY

тем не менее для поступления нужно было сдать ряд предметов, требовавших дополнительной подготовки [Федорова, 2016. с. 277]. А это вело к увеличению затрат на репетиторов. Во-вторых, высших учебных заведений в губернии не было, поэтому шансы на получение высшего образования для выходцев из глухих крестьянских селений необъятной губернии стремились к нулю, а перспектива достичь более высоких ступенек социальной пирамиды превращалась в недостижимую мечту. В лучшем случае окончивший учительскую семинарию, мог поступить в учительский институт, имевший статус среднего образовательного учреждения. Это давало возможность преподавать в училищах высшего типа, а в условиях нехватки квалифицированных педагогических кадров в губернии — даже в гимназии. В этом случае можно было продвинуться по службе до чина коллежского асессора, соответствовавшего 8 классу Табели о рангах или занять должность инспектора народных училищ в уезде.

Кроме учительской профессии, в деревне к началу XX века повышается запрос на занятия, связанные с обслуживанием сельскохозяйственной техники, организацией фельдшерской, ветеринарной и агрономической службы, ведением бухгалтерского дела. Однако подготовка этих профессиональных кадров в регионе отставала от организации дела в соседних сибирских регионах. Так, если в Западной Сибири к началу XX века насчитывалось 3 фельдшерско-ветеринарных училища, то в Енисейской губернии единственным образовательным учреждением, готовившим медицинских специалистов низшего звена, являлась фельдшерско-акушерская школа в Красноярске, открывшаяся в 1889 году. Однако до 1912 года она готовила только девушек.

Усиление притока переселенцев в годы аграрной реформы актуализировало создание специализированных образовательных учреждений для подготовки землемеров, агрономов, специалистов по обслуживанию сельскохозяйственной техники. При поддержке губернской администрации в 1909 году в Красноярске было основано землемерное училище для подготовки землемеров-таксаторов. Однако оно имело статус среднего профессионального учебного заведения, и в него могли поступать только выпускники высших начальных училищ или ученики младших классов средних школ. Это затрудняло приток в училище крестьянских детей. Тем не менее уже в первом наборе выходцы из податных сословий — мещан и крестьян — составили $^{4}/_{5}$ всех учеников.

Более доступной для крестьян была сельскохозяйственная школа, открывшаяся в 1911 году в селе Рыбинском Канского уезда. Решение о её открытии было принято крестьянским сходом. Школа была рассчитана на местных крестьян, и обучение для них было бесплатным. В программу

CC BY

обучения, кроме предметов общеобразовательного цикла, входила специальная подготовка крестьян к полеводству, животноводству, пчеловодству, огородничеству. В первом наборе обучение проходили 50 учеников в основном из жителей Рыбинского и окрестных сел. Школа готовила помощников для специалистов, работавших на опытных участках, созданных под эгидой губернской агрономической службы. Выпускники школы получали элементарные знания, но при нехватке квалифицированных сельскохозяйственных кадров они составили костяк, на базе которого начинает формироваться сельская интеллигенция.

Таким образом, в начале XX века в среде местного крестьянства активно формируется небольшая по численности прослойка сельской интеллигенции, которую составляли представители квалифицированных профессий: учителя, фельдшеры, агрономы, счетоводы. Она становится ядром распространения культурного модерна на крестьянские массы. Благодаря ее деятельности жизнь села преображается: появляются «городские» культурные новшества, такие как библиотеки, народные чтения, народные театры, народные дома, оркестры.

3.4. Формирование социокультурных потребностей нового типа

К новым чертам деревенской жизни относится появление уездных сельскохозяйственных обществ. Всего таких обществ в губернии насчитывалось более 25. Если раньше их создание инициировалось губернскими и уездными чиновниками и городской интеллигенцией, а крестьянство в них было представлено немногочисленными энтузиастами, то к началу Первой мировой войны уже половину их членов в уездных и волостных центрах составляли крестьяне. Члены обществ занимались выведением новых сортов зерновых, огородных и плодово-ягодных культур, акклиматизацией сортов, ввозимых из центральных губерний России, племенным скотоводством, распространением сельскохозяйственной техники, внедрением новых севооборотов. Вокруг уездных отделов сельскохозяйственных обществ сложилась целая плеяда талантливых селекционеров из крестьян, внесших заметный вклад в развитие народной агрономии. Авторами новых сортов пшеницы, отмеченных дипломами на всероссийских и международных сельскохозяйственных выставках, были Ф. Ф. Девятов, М. Г. Меллер, И. Быков, Н. Пашенных, П. Мыльников, М. Щелкунов, С. Беляев, Ф. Колмаков, И. Дорофеев, Д. Братилов, Яговкин. Минусинский овощевод И. С. Старухин вывел новый сорт помидоров, М. Г. Никифоров и А. И. Олониченко стали пионерами акклиматизации яблонь в Енисейской губернии.

Общества инициировали организацию губернских и уездных сельскохозяйственных выставок, распространение научно-популярной литературы, лекции по пропаганде достижений агрикультуры и новой техники, вели

CC BY

переписку с научными учреждениями, проводили анкетирование крестьян, организовывали работу опытных полей. Они вовлекали в свою экспериментальную деятельность рядовых крестьян, прививая вкус к новым методам хозяйствования, соревновательности, что в конечном счете воспитывало новое отношение крестьян к труду не как к тяжелой неизбежной повинности ради выживания, а как к деятельности, которая раскрывает творческие способности человека, способствует личностному самоутверждению.

Так постепенно складывается новый социокультурный тип земледельца, социальные и личностные запросы которого уже далеко выходят за рамки сословной и локальной замкнутости, но при этом опираются на инновационный потенциал традиционной крестьянской культуры. Характерной в этом отношении является фигура Ф. Ф. Девятова, происходившего из семьи крестьян, переселившихся в Минусинский уезд из Владимирской губернии. Он относился к земледелию не только как делу, дающему пропитание, но стремился превратить его в творческое занятие. Девятов выписывал сельскохозяйственную литературу, элитные семена, вел переписку со специалистами по вопросам агротехники, изучал научные достижения, а также опыт народной агрономии. На своем наделе в селе Курагино Минусинского уезда он разводил лучшие сорта пшеницы, огородных культур, апробировал посевы льна, коллекционировал таежные растения, проводил опыты по травосеянию. Занимался разведением породистого рогатого скота. В 1892 году он представил образцы яровой ржи и озимой пшеницы на Красноярской выставке, получив малую золотую медаль «За представленные растения» и серебряную медаль «За отличную культуру льна». Но самым крупным признанием достижений Девятова стало присуждение ему бронзовой медали на Всемирной выставке в Чикаго в 1893 году.

Девятов был не чужд научных интересов. У себя на мельнице устроил метеорологическую станцию и вёл наблюдения за погодой. В 1900 году решением Академии наук он был утвержден корреспондентом главной физической обсерватории «за оказанную науке и обсерватории пользу». Ему также принадлежит рукопись очерка о состоянии сельского хозяйства в Минусинском округе. Часть материалов, собранных Девятовым, была опубликована в «Восточном обозрении», «Сибирском листке». За заслуги в области сельского хозяйства 16 февраля 1900 года Девятову было предоставлено Министерством земледелия право ношения членского знака корреспондента Отдела сельского хозяйства.

В своей публицистике Девятов обращается к важным социальным вопросам деревенской жизни. Его волнует проблема труда и капитала. Он выступает против частной собственности на землю, считая, что чисто капиталистический способ ведения хозяйства с использованием наемного

CC BY

труда разорителен. Крестьянин убежден, что только то хозяйство не убыточно, «когда можно обходиться без найма рабочих», так как при слабо развитом спросе на сельскохозяйственные продукты и дешевизне цен невозможно оправдать затраты на оплату труда наемным работникам [Девятов, 1885, с. 310].

Девятов выступает за реформу сибирской деревни, но считает, что ее должны проводить не чиновники, далекие от крестьянских интересов, а сами крестьяне. Отсюда его активная позиция по вопросу о введении в Сибири земств. Его пример подтверждал вывод редакции «Восточного обозрения» о том, что «народился в крае уже грамотный деловой крестьянский элемент, который лучше всех может разобраться в своих земских нуждах» [Там же, с. 322].

Конечно, крестьяне, понимавшие, что решение их нужд связано с глубокими общественно-политическими изменениями, составляли очень тонкий слой в сибирской деревне. Подавляющая масса крестьянства оставалась аполитичной, но в период Первой русской революции 1905—1907 годов оно сумело выдвинуть из своей среды защитников. За весь период существования Государственной думы от Сибири было выбрано 5 депутатов из крестьян, в том числе от Енисейской губернии — А. С. Ермолаев. Уроженец села Шушенского, он в 1905 году вступил в Крестьянский союз, созданный в декабре 1905 года в Минусинске, не без поддержки которого он был избран депутатом в I Думу от губернии. В Думе примкнул к трудовикам, поддержал Выборгское воззвание, за что был привлечен к уголовной ответственности и несколько месяцев отбыл в Крестах. Так крестьянство постепенно превращается из «класса в себе в класс для себя», способный не только артикулировать, но и отстаивать свои интересы.

4. Заключение = Conclusions

Итак, массовый приток переселенцев в Енисейскую губернию на рубеже XIX—XX веков способствовал постепенному переходу от экстенсивного хозяйства полунатурального типа к интенсивному, требовавшему введения инновационных технологий и повышения агрикультуры. Это в свою очередь стимулировало мотивацию сибирских крестьян к преодолению замкнутости сельского мира, расширению социальных и культурных связей, что было необходимым условием ускорения социального прогресса в российском обществе.

Заметно усиливается вертикальная мобильность крестьян через межсословные перемещения, связанные с миграцией в города. И хотя не все из них меняли свой сословный статус, но постепенно интегрировались в социо-профессиональные структуры городского типа.

CC BY

Переход сельской верхушки в купеческое сословие к концу XIX века становится менее активным. Наживая свои капиталы в деревне за счет хлебной торговли и ростовщичества, она не стремилась их инвестировать в развитие инновационных форм хозяйствования и новой социокультурной инфраструктуры. Сельская буржуазия, не обладая сколько-нибудь развитым культурным кругозором, не ставила таких задач. Она предпочитала мигрировать в города, где вливалась в купеческое сословие и порывала со своими крестьянскими корнями. Примеры ответственного в этическом и социальном плане поведения нарождавшегося типа сельского буржуа были единичными.

Однако динамика социокультурной модернизации в начале XX века была слишком слабой, чтобы решить исторические задачи, поставленные временем. Причиной этого являлась социально-экономическая и культурная политика самодержавия, сохранявшего сословные барьеры в обществе. Особенно это было актуально для сибирского крестьянства, социально-правовой статус которого был более ущербным по сравнению со своими собратьями из коренной России.

Очевидным тормозом социокультурного модерна в регионе являлась архаичная система народного образования, которая не открывала перспектив продолжения образования, тем самым ограничивая возможности для вертикальной мобильности крестьянства. Счет выходцев из крестьян, которым удалось получить образование выше начального и влиться в другие социальные страты, шел на десятки по отношению к сотням тысяч крестьянского населения. Из 433 201 крестьянина и 7622 казаков, проживавших в губернии, высшее образование на 1897 год имели 47 человек, то есть 0,01 % [Первая Всеобщая перепись, 1904, с. 28]. В XX веке в абсолютном значении эти цифры возрастают и счет уже идет на сотни, но относительно общей массы крестьянства доля крестьянской интеллигенции по-прежнему оставалась каплей в море. К 1917 году уровень грамотности енисейского крестьянства поднимается даже выше общесибирского (10,3 %), но это было достигнуто за счет притока переселенцев из европейской части, где образование было более доступным благодаря земствам.

Острой проблемой для региона являлось недостаточное развитие социокультурной инфраструктуры на селе. Не хватало не только школ, но и других учреждений: больниц, библиотек, агрономических и ветеринарных пунктов, слабо была поставлена популяризация сельскохозяйственной техники, достижений агрикультуры. Тем не менее под влиянием духа времени в енисейскую деревню проникали элементы культурного модерна. Менялись культурные потребности и духовные ценности крестьян, их представления об окружающем миропорядке, что способствовало новой самоидентификации крестьянства в модернизирующемся российском об-

CC BY

ществе. И главным актором этого процесса был немногочисленный слой крестьянской интеллигенции, в деятельности которой мы видим попытки соединить социокультурные ценности модерна и традиционную для крестьян трудовую мораль, отрицавшую частную собственность, социальную эксплуатацию, приоритет личного интереса над общественным и утверждавшую идею общинной солидарности и социальной гармонии.

Источники

1. *Девятов Ф. Ф.* Хозяйственный быт сибирского крестьянства / Ф. Ф. Девятов // Литературный сборник. — Санкт-Петербург : Издание редакции «Восточного обозрения», 1885. — 494 с.

2. *Материалы* по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Енисейская губерния. — Иркутск : Типография К. И. Витковской, 1893. — Т. IV. — Выпуск 2. — 129 с.

3. *Памятная* книжка Енисейской губернии на 1865 и 1866 гг. — Санкт-Петербург : Типография К. Вульфа, 1865. — 314 с.

4. *Памятная* книжка Енисейской губернии на 1890. — Красноярск : Енисейская губернская типография, 1891. — 255 с.

5. *Памятная* книжка Енисейской губернии на 1901. — Красноярск : Енисейская губернская типография 1901. — 307 с.

6. *Памятная* книжка Енисейской губернии на 1909. — Красноярск : Енисейская губернская типография, 1909. — 455 с.

7. *Памятная* книжка Енисейской губернии на 1915. — Красноярск : Енисейская губернская типография, 1915. — 128 с.

8. *Первая* Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / под ред. [и с предисл.] Н. А. Тройницкого. — Санкт-Петербург : Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. — Т. 73. Енисейская губерния, 1904. — 185 с.

9. *Труды* местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Енисейская губерния. — Санкт-Петербург : Типография «Народная польза». 1903. — Т. LIV. — 313 с.

Литература

1. *Горюшкин Л. М.* Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900—1917 гг.) / Л. М. Горюшкин. — Новосибирск : Наука, 1976. — 342 с.

2. *Гурвич И. А.* Переселение крестьян в Сибирь / И. А. Гурвич. — Москва : Типография А. Левенсон и К°, 1888. — 144 с.

3. *Зверев В. А.* Взаимовлияние хозяйственной жизни крестьян и городской культуры Сибири в пореформенный период (на примере деятельности Минусинского музея) / В. А. Зверев // Город и деревня Сибири досоветского периода в их взаимосвязи : межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. Е. И. Соловьева. — Новосибирск : Издательство НГПИ, 1988. — С. 74—94.

4. *Каронин-Петропавловский Н. Е.* Схема истории сибирской общины / Н. Е. Каронин-Петропавловский // Сибирский сборник. — Санкт-Петербург : Издание редакции «Восточного обозрения», 1886. — Выпуск 2. — С. 62—82.

5. *Никулин П. Ф.* Экономический строй крестьянского хозяйства Западной Сибири начала XX в. / П. Ф. Никулин. — Томск : ТМЛ-Пресс, 2009. — 384 с. — ISBN 5-91302-072-3.

CC BY

6. *Рынков В. М.* Десятилетие потрясений : сельское хозяйство Сибири в 1914—1924 гг. / В. М. Рынков, В. А. Ильиных. — Новосибирск : Институт истории СО РАН, 2013. — 244 с. — ISBN 978-5-94301-493-2.

7. *Скляров Л. Ф.* Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы / Л. Ф. Скляров. — Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1962. — 588 с.

8. *Степынин В. А.* Колонизация Енисейской губернии в эпоху капитализма / В. А. Степынин. — Красноярск : [б. и.], 1962. — 565 с.

9. *Тюкавкин В. Г.* Сибирская деревня накануне Октября / В. Г. Тюкавкин. — Иркутск : Восточносибирское книжное издательство, 1966. — 471 с.

10. *Федорова В. И.* Енисейская губерния 1861—1917 : Экономика. Общество. Культура / В. И. Федорова. — Красноярск : Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева, 2016. — 342 с. — ISBN978-5-00102-031-8.

11. *Храмков А. А.* Очерки истории крестьянства Сибири начала XX в. / А. А. Храмков. — Барнаул : Издательство Алтайского государственного университета, 2014. — 326 с. — ISBN 978-5-7904-1796-2.

12. *Чудновский С. Л.* Енисейская губерния. К 300-летнему юбилею Сибири / С. Л. Чудновский. — Томск : Типография «Сибирской газеты», 1885. — 199 с.

13. *Шелегина О. Н.* Адаптационные процессы в культуре жизнеобеспеченности русского населения Сибири в XVIII — начале XX века (К постановке проблемы) / О. Н. Шелегина. — Новосибирск : Сибирская книга, 2005. — 192 с. — ISBN 5-94306-100-3.

14. *Шнейдер А. Р.* Население Приенисейского края / А. Р. Шнейдер. — Красноярск : Бюро Русского географического общества, Среднесибирского отдела Русского географического общества, 1928. — 22 с.

Material resources

Devyatov, F. F. (1885). Economic life of the Siberian peasantry. In: *Literary collection.* St. Petersburg: Edition of the editorial office of the “Eastern Review”. 494 p. (In Russ.).

Commemorative book of the Yenisei province for 1865 and 1866. (1865). St. Petersburg: Printing house of K. Wolf. 314 p. (In Russ.).

Commemorative book of the Yenisei province for 1890. (1891). Krasnoyarsk: Yenisei Provincial Printing house. 255 p. (In Russ.).

Commemorative book of the Yenisei province for 1901. (1901). Krasnoyarsk: Yenisei Provincial Printing House. 307 p. (In Russ.).

Commemorative book of the Yenisei province for 1909. (1909). Krasnoyarsk: Yenisei Provincial Printing house. 455 p. (In Russ.).

Commemorative book of the Yenisei province for 1915. (1915). Krasnoyarsk: Yenisei Provincial Printing House. 128 p. (In Russ.).

Materials on the study of land use and economic life of the rural population of Irkutsk and Yenisei provinces. Yenisei province, IV (2). (1893). Irkutsk: Printing house of K. I. Vitkovskaya. 129 p. (In Russ.).

Proceedings of local committees on the needs of the agricultural industry. Yenisei province, LIV. (1903). St. Petersburg: Printing house “Narodnaya usel”. 313 p. (In Russ.).

The first General Population Census of the Russian Empire in 1897, 73. Yenisei province. (1904). St. Petersburg: Publication of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs. 185 p. (In Russ.).

CC BY

References

Chudnovsky, S. L. (1885). *Yenisei province. To the 300th anniversary of Siberia.* Tomsk: Printing house of the Siberian Newspaper. 199 p. (In Russ.).

Fedorova, V. I. (2016). *Yenisei province 1861—1917: Economics. Society. Culture.* Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev. 342 p. ISBN978-5-00102-031-8. (In Russ.).

Goryushkin, L. M. (1976). *Agrarian relations in Siberia during the period of imperialism (1900—1917).* Novosibirsk: Nauka. 342 p. (In Russ.).

Gurvich, I. A. (1888). *Resettlement of peasants to Siberia.* Moscow: A. Levenson & Co. Printing House. 144 p. (In Russ.).

Karonin-Petropavlovsk, N. E. (1886). Scheme of the history of the Siberian community. In: *Siberian collection, 2.* St. Petersburg: Edition of the editorial office of the "Eastern Review". 62—82. (In Russ.).

Khramkov, A. A. (2014). *Essays on the history of the peasantry of Siberia at the beginning of the twentieth century.* Barnaul: Altai State University Publishing House. 326 p. ISBN 978-5-7904-1796-2. (In Russ.).

Markets, V. M., Ilyinykh, V. A. (2013). *Decade of upheavals: agriculture of Siberia in 1914—1924.* Novosibirsk: Institute of History SB RAS. 244 p. ISBN 978-5-94301-493-2. (In Russ.).

Nikulin, P. F. (2009). *The economic system of the peasant economy of Western Siberia at the beginning of the twentieth century.* Tomsk: TML-Press. 384 p. ISBN 5-91302-072-3. (In Russ.).

Schneider, A. R. (1928). *The population of the Yenisei region.* Krasnoyarsk: Russian Geographical Society Bureau, the Central Siberian Department of the Russian Geographical Society. Krasnoyarsk. 22 p. (In Russ.).

Shelegina, O. N. (2005). *Adaptation processes in the culture of life support of the Russian population of Siberia in the XVIII — early XX century (To pose the problem).* Novosibirsk: Siberian Book. 192 p. ISBN 5-94306-100-3. (In Russ.).

Sklyarov, L. F. (1962). *Resettlement and land management in Siberia during the Stolypin agrarian reform.* Leningrad: Leningrad University Press. 588 p. (In Russ.).

Stepynin, V. A. (1962). *Colonization of the Yenisei province in the era of capitalism.* Krasnoyarsk: [b. i.]. 565 p. (In Russ.).

Tyukavkin, V. G. (1966). *Siberian village on the eve of October.* Irkutsk: East Siberian Book Publishing House. 471 p. (In Russ.).

Zverev, V. A. (1988). The mutual influence of the economic life of peasants and urban culture of Siberia in the post-reform period (on the example of the activities of the Minusinsk Museum). In: *The city and village of Siberia of the pre-Soviet period in their relationship: interuniversity collection of scientific papers.* Novosibirsk: NGPI Publishing House. 74—94. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 03.02.2022,
одобрена после рецензирования 30.04.2022,
подготовлена к публикации 16.05.2022.

CC BY

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011
Издается с 2012 года
Язык публикации — русский
Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года
Индексируется в WoS (Emerging Sources Citation Index)
Индексируется в Google Академия
Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
Включен в международную базу ERIH с 11 июня 2015 года.
Идентификационный номер журнала в ERIH – 485900.
Включен в Global Serials Directory Ulrichs Web
Размещается на платформах EBSCO, НЭБ (eLibrary), DOAJ, на сайте журнала
Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России»
Обязательные экземпляры журнала отправляются в ИТАР-ТАСС (Российскую книжную палату), Российскую государственную библиотеку, Роспечать и др.
Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru
Сайт: http://www.nauka-dialog.ru/

Группы научных специальностей, по которым издание входит в Перечень ВАК	**Научные специальности в рамках групп научных специальностей, по которым издание входит в Перечень ВАК**
10.01.00 Литературоведение	10.01.01 Русская литература
	10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)
	10.01.08 Теория литературы. Текстология
	10.01.09 Фольклористика
	10.01.10 Журналистика
10.02.00 Языкознание	10.02.01 Русский язык
	10.02.03 Славянские языки
	10.02.04 Германские языки
	10.02.19 Теория языка
	10.02.20 Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание
07.00.00 Исторические науки и археология	07.00.02 Отечественная история
	07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода)
	07.00.07 Этнография, этнология и антропология
	07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования
	07.00.15 История международных отношений и внешней политики

CC BY

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля по двум научным областям — «ФИЛОЛОГИЯ» и «ИСТОРИЯ».

Тематика: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Миссия журнала — организация диалога между национальными исследовательскими традициями в гуманитарных отраслях науки — исторической и филологической.

Задачи:

1) аккумуляция знаний о русской культуре через исследования языка, литературы и отечественной истории как основных маркеров идентичности в окружении других идентичностей;

2) обмен интерпретациями инокультурного текста: русская литература и история в интерпретации зарубежных коллег — и зарубежный литературный и исторический дискурс в трактовках русских исследователей;

3) представление наблюдений исследователей из разных стран за развитием медиа как фактором глобализации;

4) приглашение исследователей разных стран к презентации и обсуждению теорий, подходов, методик, приемов анализа языка, текста, дискурса, поскольку ввиду длительного периода замкнутого развития национальных научных традиций и школ накопились разночтения в выборе проблематики исследований, трактовках ключевых терминов, методических предпочтениях.

ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ АВТОРОВ

Язык публикации — русский.

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) оригинальные статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

Рецензирование статей проводится в срок не более **70** дней.

Средние сроки публикации 3—10 месяцев со дня поступления статьи.

CC BY

Требования к оформлению

Файл объемом до 5000 слов (22 страницы).
Шрифт 14 Times New Roman, интервал 1,5.
Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25 см.
Количество авторов не более трех.
Один автор может представить к рассмотрению две статьи в течение года.
Сведения об авторе и финансировании, благодарностях (кегль — 12 pt) по образцу:

Фамилия Имя Отчество
orcid.org/0000-0000-0000-0000
ученая степень, ученое звание
кафедра
mmm@mail.ru

Организация
(Город, Страна)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке Фонда,
проект № 00-000-00

Аннотация (шрифт 12 pt, 150 слов) должна включать короткие ясные предложения и точно отражать содержание статьи: проблему, цель, материал, подробнее всего — результаты.

Ключевые слова – шрифт 12 pt (4–6 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Англоязычные метаданные не готовятся автором.

Структурирование статьи: IMRaD

1. Введение = Introduction

Текст не менее 1 страницы. Описать научную проблему, степень ее исследованности, актуальность и новизну в сравнении со своими предшествующими и чужими исследованиями.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Текст, 1—3 страницы. Описать используемые методы, процедуру анализа материала, представить методы, подходы, приемы других исследователей, обращавшихся к выбранной проблематике [Воркачев, 2004, с. 37; Зализняк и др., 2005, с. 156—157], [ОР РНБ, ф. 1148, д. 56, л. 5], [НКРЯ].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Текст 7—12 страниц.

3.1. Тематическое название раздела

Текст. Иноязычный материал снабжается переводами (рядом в скобках). Указывается: (здесь и далее перевод наш. — *И. Ф.*). Система оформления материала: слово *жизнь*, понятие «жизнь», концепт ЖИЗНЬ, лексико-семантическое поле «Жизнь».

CC BY

3.2. Тематическое название раздела
Текст
3.3. Тематическое название раздела
Текст

4. Заключение = Conclusions
Текст 1—2 страницы.

Источники и принятые сокращения
(Словари, архивы, документы, газеты и другие СМИ).
ОПИСАНИЕ ЛИЧНОГО АРХИВА АВТОРОВ СТАТЬИ:
1. АА — *Архив* авторов.
ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:
1. *Даль В. И.* Толковый словарь живаго великорусскаго языка / В. И. Даль. — Санкт-Петербург : Типография М. О. Вольфа, 1880—1882. Т. 1—4.
ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ БЕЗ АВТОРА:
2. *В Британии* ответили на антироссийское заявление // Правда : [газета]. — 2004. — № 4. — С. 1.
ОПИСАНИЕ АРХИВА:
3. ГАСО — *Государственный* архив Свердловской области. Ф.Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.
ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ С АВТОРОМ:
4. *Ищенко Е.* На Колыму! / Е. Ищенко // Колымская правда : [газета]. — 1994. — № 4 (18). — С. 2.
ОПИСАНИЕ КОРПУСА – ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:
5. НКРЯ — *Национальный* корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.ruscorpora.ru (дата обращения: 16.01.2022).
ОПИСАНИЕ ДОКУМЕНТА:
6. *Об образовании* в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 02.03.2016). — Режим доступа : http://www.assessor.ru/zakon/273-fz-zakon-ob-obrazovanii-2013.
ОПИСАНИЕ АРХИВА:
7. ОР РНБ — *Отдел* рукописей Российской национальной библиотеки.
Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.
Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.
ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:
8. СРНГ — *Словарь* русских народных говоров. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965—. — Вып. 1—.
ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:
9. BNC — *British* National Corpus [Electronic resource]. — Access mode : http://www.natcorp.ox.ac.uk/ (accessed 16.01.2022).

Литература
(Научные исследования:
не менее 15 позиций в алфавитном порядке;
если статья имеет номер DOI, то нужно приводить идентификатор;
автор может сослаться не более чем на две своих работы;

CC BY

следует опираться на научную литературу, а не на учебники;
должны присутствовать публикации последних десятилетий;
рекомендуется цитировать и зарубежные публикации, их можно найти в базах:
https://www.sciencedirect.com/
https://erih.dimensions.ai/discover/publication
https://doaj.org/
https://mjl.clarivate.com/home
сначала располагается русскоязычная литература, затем англоязычная).

ОПИСАНИЕ КНИГИ:

1. *Воркачев С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. — Москва : Гнозис, 2004. — 192 с. — ISBN 5-94244-002-6.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ С УКАЗАНИЕМ DOI:

2. *Гадомский А. К.* Лексикографическое описание терминологии теолингвистики (на примере русского и польского языков) / А. К. Гадомский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. — 2018. — № 17 (1). — С. 17—28. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.1.2.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В СБОРНИКЕ:

3. *Зализняк А. А.* Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — С. 153—174. — ISBN 5-94457-104-7.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

4. *Иоанесян Е. Р.* Удовольствие : способы номинации в языке / Е. Р. Иоанесян // Вопросы психолингвистики. — 2017. — № 3 (33). — С. 156—169.

ОПИСАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ:

5. *Орлов Э. Д.* Литературный быт 1880-х годов : творчество Чехова и авторов «малой прессы» : диссертация … кандидата филологических наук / Э. Д. Орлов. — Москва, 2014. — 234 с.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ ЧЕТЫРЕХ И БОЛЕЕ АВТОРОВ В ЖУРНАЛЕ:

6. *Содержание* понятия «эффективность образования» в контексте инклюзивных тенденций современной школы / И. С. Самохин, М. Г. Сергеева, Н. Л. Соколова, Е. А. Марченко // Научный диалог. — 2018. — № 1. — С. 278—288.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

7. *Lakoff G.* Hedges : A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts /G. Lakoff // Journal of Philosophical Logic. — 1973. — Vol. 2. — No. 4. — Pp. 458—508.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КНИГИ:

8. *Makuchowska M.* Od wrogów do braci. Posoborowe zmiany w dyskursie Kościoła katolickiego / M. Makuchowska. — Opole : UO, 2011. — 496 p. — ISBN 978-83-7395-431-1.

Material resources и References

НЕ ЗАПОЛНЯТЬ.
АВТОРЫ НЕ ДЕЛАЮТ СПИСОК ПО ЗАРУБЕЖНЫМ СТАНДАРТАМ.
СПИСОК ГОТОВИТСЯ СИЛАМИ РЕДАКЦИИ В СЛУЧАЕ ПРИНЯТИЯ СТАТЬИ.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или

CC BY

диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47–48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРГС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001а; Иванов, 2001б]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора …, 1994], [Методика расчета …, 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала http://www.nauka-dialog.ru/. Справку можно получить по тел. (343)3458984, 89120458984.

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то УКАЗЫВАЙТЕ номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

CC BY

OPEN ACCESS

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

CONTENTS

Linguistics

Bazhenova, Ya. G. Artistic functions of Models of Manipulative Speech Interaction in Dialogues of Heroes by F. M. Dostoevsky 9

Zavialov, V. N., Li Lianmei. Morphological and Syntactic Properties of Conjunction KHOT'… KHOT'... and Its Semantics 29

Ivanyan, E. P., Klyushina, A. M. 'Posledniy' [Last] vs 'Krayniy' [Latest] in Ontological Presentation 46

Ilyina, E. N. CINEMA in Linguistic Worldview of Russian North Villagers 68

Labunets, N. V., Ertner, D. E., Andreeva, Ya. E. Ethnolinguistic Lacunae in Translation into Chinese of Novel by G. Sh. Yakhina "Zuleikha Opens Her Eyes". 85

Melnichuk, O. A., Pavlov, S. S. 'Nordicity', 'Imagined North' or 'Concept Sphere of Arctic Discourse'? 106

Starostina, Yu. S. Linguo-Axiological Speech-Genre Model and Its Actualization in English Drama Discourse 131

Streltsova, A. V., Petukhova, T. I., Khomyakova, E. G. Construction of a Narrative about Socialist Realism in English-Language Art Criticism Discourse (based on Texts of Matthew Bown). 153

Sheremetyeva, E. S., Cao Xiaomin. Formal and Semantic Structure of Contexts of Text Clip AND THEN 172

Media communications and journalism

Abrosimova, E. A., Kravchenko, Yu.D. A Book of Poems in Internet Space: an Intermedial Aspect 187

Dankova, N. S., Krekhtunova, E. V. Speech Impact in Political Discourse in Context of COVID-19 Pandemic (Speeches of B. Johnson and D. Biden). 203

Kushneruk, S. L. Reality of Russian Industrial Region in American Media: Aspects of Framing 218

Rebrina, L. N Internet Memes as a Current Phenomenon of Political Internet Communication in Germany: Grand Coalition Thematic Group 239

Khustenko, A. A. Specificity of Semiotic Organization of Internet Memes of Professional Community of Lawyers in Social Networks 258

LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Bogdanova, O. V., Vlasova, E. A. Nostalgic Overtones in "The Autumn Cry of the Hawk" by I. Brodsky 284

Laletina, O. S., Khvorostjanova, E. V. Non-Identical Stanza of V. V. Nabokov in Context of Russian Verse of 19th—20th Centuries 300

Podyukov, I. A. Christian Reminiscences in Live Speech (in Old Believers' Subdialects of Prikamye). 318

Shastina, E. M., Kazakova, Yu. K. Narrative Strategy of Skepticism in N. Gstrein's Novel "Die englischen Jahre" 335

History

Ankusheva, K. A. Peasant Resettlement in Siberia at Beginning of 20th Century (Materials of Siberian Questions Journal). 357

Arkhipova, N. E. "Parish Revolution" of 1917 in Nizhny Novgorod Diocese 378

Borodina, E. V. "Accidental Victims" of Trial and Investigation: Problem of Keeping Suspects and Defendants in Russian Empire in 1725—1741 397

Burnasheva, N. I. Activities of Arctic Commission under Council of People's Commissars of USSR in 1928—1930: from Tasks of Scientific Research to Plans for Economic Development 419

Kondakov, Yu. E., Fedotiev, D. S. B. P. Mansurov's Trip to East in 1856—1857. 433

Krasnikova, Yu. N. Evolution of Office Work in State Institutions of Russian Empire in First Half of 19th Century (on Example of Department of Appanages). 451

*Nepomnyashchy, A. A.*Activities of Society for Protection and Preservation of Monuments of Art and Antiquity in Russia in Crimea in 1909—1917. 470

Pyankov, S. A. Ulyanovsk Automobile Plant during Great Patriotic War: Problem of Personnel and Its Solution 489

Fedorova, V. I. Social Mobility of Rural Population of Yenisei Province in Late XIX — Early XX Century 510

TO AUTHORS 529

Компьютерная верстка и дизайн:
Издательский Дом «Ажур»

Подписано в печать 01.05.2022. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 31,26. Тираж 500 экз. Заказ 25/04-1.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54.
Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

© Центр научных и образовательных проектов, 2022

Свободная цена